ТУРГЕНЕВСКИЙ СБОРНИК

МАТЕРИАЛЫ
К ПОЛНОМУ СОБРАНИЮ
СОЧИНЕНИЙ И ПИСЕМ
И. С. ТУРГЕНЕВА

IV

ТУРГЕНЕВСКИЙ СБОРНИК

LI

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

ТУРГЕНЕВСКИЙ СБОРНИК

МАТЕРИАЛЫ К ПОЛНОМУ СОБРАНИЮ СОЧИНЕНИЙ И ПИСЕМ И. С. ТУРГЕНЕВА

IV

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ЛЕНИНГРАД 1968

Редакционная коллегия:

М. П. Алексеев (главный редактор), *А. С. Бушмин*, *Н. В. Измайлов*, *Ю. Г. Оксман*

Редакторы IV сборника:

Н. В. Измайлов, *Л. Н. Назарова*

7-2-2
173-68 (I пол.)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Четвертый «Тургеневский сборник», выпускаемый редакцией Полного собрания сочинений и писем И. С. Тургенева как приложение к этому изданию, преследует те же задачи и строится по той же общей программе, что и предшествующие три сборника (изд. «Наука», М.—Л., 1964, 1966 и 1967).

Сборник состоит из следующих основных разделов:

тексты черновых рукописей произведений Тургенева, входящих в V, VII, XIV и XV тома сочинений, не вошедшие по тем или иным соображениям в раздел «Вариантов» соответствующих томов;

материалы и комментарии к произведениям Тургенева, от ранних поэм до «Дыма» и стихотворений, написанных для романсов Виардо, — содержание этого раздела очень разнообразно и дает дополнительный материал к разделам примечаний почти всех томов издания (серия сочинений, тт. I, IV, VII, IX, XI, XIII, XIV) и даже к таким произведениям, которые в издание не включены (оперетты);

комментарии к письмам Тургенева и биографические материалы о нем, — они освещают биографические и идейные взаимоотношения писателя с некоторыми современными ему литературными и общественными деятелями, друзьями и врагами, а также позднейшие восприятия личности и творчества Тургенева и вопросы увековечения его памяти;

утраченные письма Тургенева за 1871—1880 гг., — этот раздел продолжает собою публикации, вошедшие в Первый сборник (1838—1856), во Второй (1857—1862) и в Третий (1863—1870);

письма к Тургеневу и письма о нем, — здесь собраны письма к Тургеневу, извлеченные из хранящегося в *ИРЛИ* архива писателя и его корреспондентов.

Таков состав сборника. Принципы публикации черновых текстов писем, система ссылок, орфография и пунктуация публикуемых текстов остаются теми же, какие приняты в первых трех выпусках. Участниками сборника, авторами статей и публикаторами являются почти все сотрудники Тургеневской группы Института русской литературы (Пушкинского

дома) АН СССР, а также другие участники издания и тургеневеды из Ленинграда, Москвы, Орла, Саратова, Таллина и Чарджоу.

Редакторы сборника — Н. В. Измайлов и Л. Н. Назарова.

Подготовку сборника к печати выполнила Г. В. Степанова. Перевод записки Тургенева 1857 г. о крепостном праве (стр. 132—144) отредактирован Н. Н. Тетеревниковой.

ТЕКСТЫ

«АСЯ». ЧЕРНОВОЙ АВТОГРАФ

Черновой автограф рассказа «Ася» хранится в рукописном отделе Национальной библиотеки в Париже (Slave 88; фотокопия: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 193).

На обложке чернового автографа значится:

Ася

Рассказ

Начат в Зинциге (на берегу Рейна) 30-го июня/12 июля 1857 в воскресенье.

Кончен в Риме 15/27 ноября того же года в пятницу.

(Писан с большими промежутками по милости болезни).

Отправлен в редакцию «Современника»

$$\frac{\text{30 ноября}}{\text{12 декабря}}\ 57.$$

Напечатан в 1-м №-е «Современника» за 1858-й год.

Закончив в основном работу над текстом повести, писатель поставил свою подпись и обозначил дату с указанием часа: «Ив. Тургенев. Рим. Пятница. 15/27 ноября 1857 10½ ч. вечера».

Помимо чернового автографа, сохранился отрывок беловой наборной рукописи (главы XVI—XVIII). Беловой автограф находится в Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина в Москве (ф. 306, И. С. Тургенев, картон 1, ед. хр. 1). Эта рукопись содержит несколько разночтений, исправлений и вставок (см.: *Сочинения*, т. VII, стр. 303 и 431), однако именно черновой автограф отражает наиболее полно и всесторонне творческую историю повести — от самых первых этапов воплощения автором его замысла до завершения основной работы над текстом. Исправления, внесенные в текст повести после окончания этой работы, малочисленны. Черновая рукопись, над которой писатель упорно трудился, меняя в ряде случаев композиционное построение рассказа, существенно развивая и углубляя характеристики главных действующих лиц, тщательно

и вдумчиво совершенствуя описания и речь героев, дает наглядное представление о том, в каком направлении шел творческий процесс, что отбрасывалось и что усиливалось в изложении. В ряде случаев Тургенев сокращал описания внешности героев, диалоги и подробности рассказа ради стройности и гармонии целого. Такие сокращенные места, не вошедшие в окончательный текст, дают зачастую возможность прокомментировать его, нагляднее представить себе, как писателю рисовались подробности обстановки действия и внешний облик персонажей.

Сложная вязь многочисленных исправлений (иногда в три, даже четыре ряда), вписываний и сокращений отражала стремление Тургенева как можно полнее охарактеризовать героев, яснее раскрыть логику их поступков, придать бо́льшую динамику развитию действия, в наиболее простых и выразительных формах передать поэзию природы.

В черновой рукописи запечатлелись первоначальные стадии работы над повестью. Мы не располагаем планами, характеристиками героев «Аси», а также и списками действующих лиц, которые Тургенев составлял, приступая к написанию главным образом крупных произведений — романов и повестей. Очевидно, в данном случае писатель обошелся без таких планов, и пометы на обороте обложки и на полях черновой рукописи составляют единственное отражение плана рассказа, фабула которого, по свидетельству самого Тургенева, сразу и целиком сложилась в его сознании (см.: *Тургеневский* сб. (*Пиксанов*), стр. 78).

На обороте обложки рукописи стоит:

Замечания к рассказу Н. Н.
1) Запах конопли напоминает родину.
2) Рассказать, как слушать надо соловья и так далее.
3) Чуткость ее — слова о матери.

Эти записи в той или другой форме получили развитие в тексте повести: 1-е замечание — в главе IV (см.: *Сочинения*, т. VII, стр. 84—85); 2-е — в главе X (стр. 102); 3-е — в главах VIII (там же, стр. 94), IX (стр. 100), XI (стр. 103).

На оборотной стороне обложки находится также помета, которая не получила никакого отражения в тексте произведения («NB Москва у всей России под горою; всё в нее катится»), и ряд записей, не имеющих отношения к работе над «Асей», — проба пера («На этой бумаге перо пишет сносно, но не более») и фамилии современных русских писателей и старинных мастеров западной живописи (некоторые из них повторены дважды):

Гончаров.	Григорович.
Некрасов.	[Дружинин.]
[Панаев.]	Боткин.
Гр. Толстой.	Анненков.
Жемчужников.	Авдеев.
Щербина.	

Веласкез.

Рибера.

Velasquez, Tiziano, Rembrandt, V-Dyck.

Фамилия Ван-Дейка, стоящая в этом списке, в сходном написании — «Van Dyck» — вошла в текст рассказа (*Сочинения*, т. VII, стр. 86 и 87). Однако это, очевидно, совпадение и запись фамилий писателей и художников на обороте обложки нельзя рассматривать как элемент плана.

На стр. 3 чернового автографа со знаком «NB» находятся две пометы — отдельные слова: 1) «Виноград» — запись, развернутая тут же в описание виноградников городка З. (см.: *Сочинения*, т. VII, стр. 73), и 2) «Гретхен» — имя, которое возникает в сознании рассказчика, наблюдающего вечернюю жизнь З., как воплощение женского народного характера Германии (там же). На полях стр. 15 черновой рукописи, также со знаком «NB», помета — «Надо откровенно — брови подымаются», — относящаяся, очевидно, к Гагину, который вынужден вести откровенные разговоры с Н. Н. и смущен этим обстоятельством. Однако прямого развития именно эта деталь ни в черновом, ни в окончательном тексте произведения не получила. Помета на полях стр. 35 чернового автографа — «маленькие члены» — стала элементом описания Аси уже в черновом тексте и вошла затем в окончательный текст (см.: *Сочинения*, т. VII, стр. 98 и варианты к ней).

Многочисленные исправления, сокращения и вставки Тургенев иногда вносил сразу по ходу написания фразы, а иногда — возвращаясь к ранее написанному, перечитывая и перерабатывая значительные части текста. Эти дополнения и переделки превращают подчас листы рукописи в сложную мозаику трудно поддающихся прочтению фраз и представляют вторую стадию работы писателя над текстом. Наибольшее внимание Тургенев сосредоточил на художественной отделке описаний природы (варианты этих описаний демонстрируют, как практически воплощались эстетические воззрения Тургенева, безжалостно отметавшего привычные поэтизмы и добивавшегося предельной простоты и точности) и тщательной разработке характеров Н. Н. и Аси.

Анализ основных направлений работы Тургенева над черновым автографом произведения дан в примечаниях к рассказу «Ася» (*Сочинения*, т. VII, стр. 427—432). Черновая рукопись дает наглядное представление о том, как в процессе работы углублялся замысел, усиливалась социальная определенность образов, которая поставила это произведение в центр критической и политической полемики конца 50-х годов и сделала образ его героя известным обобщением.

Стремление как можно полнее показать обстоятельства, сформировавшие характер Аси, и резче очертить коллизию столкновения столь разных натур, как Н. Н. и Ася, побудило Тургенева неоднократно возвращаться к рассказу Гагина о воспитании Аси и к сцене свидания. Большой и тщательно отработанный эпизод воспитания Аси в семье тетки

Гагина был затем целиком отброшен и заменен описанием пребывания Аси в пансионе.

Окончив повесть и поставив свою подпись, писатель через некоторое время еще раз вернулся к эпизоду свидания Н. Н. и Аси и, перечеркнув весь текст, заменил его новым, написанным на отдельных листах. В это время была написана и часть главы XXII, заключающая самоанализ героя.

С разработкой главных характеров произведения связаны и перестановки отдельных эпизодов, которые произвел Тургенев в ходе работы над черновым автографом. Начало главы VI, подвергшееся многочисленным переделкам и дополнениям (стр. 21 рукописи), было затем переписано на отдельный лист. Сюда был присоединен эпизод «я застал ее раз за книгой ∾ как Доротея» со стр. 23 чернового автографа (см.: *Сочинения*, т. VII, стр. 87—88). Начало главы XII — строки «Она вернулась через час ∾ Видите, я уже и смеяться не могу» — Тургенев написал и вставил в текст в то время, когда работал над главой XIV (эпизод разговора Гагина с Н. Н. о характере Аси и вспышке ее чувства: там же, стр. 108). Очевидно, написав этот эпизод, Тургенев решил «подкрепить» признание Гагина о внезапном и опасном увлечении сестры упоминаниями о признаках ее любви в предшествующем тексте. Рядом с началом главы XII, на полях, он вписал текст, рисующий готовность Аси ответить на ожидаемое признание Н. Н. Этот текст был затем заменен новой вставкой, сделанной через несколько страниц и отнесенной сюда при помощи специальной пометы. Эта вставка вошла в окончательный текст (см. вариант к стр. 104, строки 21—33). Как вставка, сделанная после окончания основной работы над текстом черновой рукописи повести, возникали строки в главе XXII: «Впрочем, я должен сознаться ∾ сладким замиранием!» (*Сочинения*, т. VII, стр. 120, строка 32 — стр. 121, строка 7).

В настоящей публикации даны наиболее существенные варианты чернового автографа.

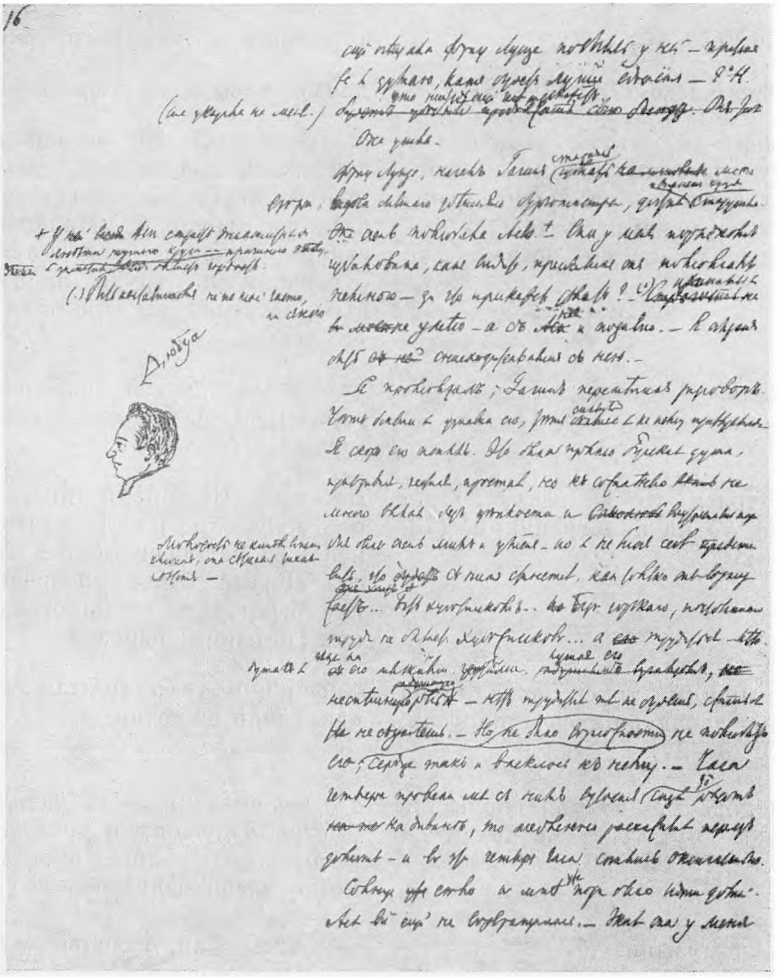
Л. М. Лотман

Основной текст [1]	*Черновой автограф*
Ася (71, 1)	Ася Рассказ Н. Н.
начал Н. Н. (71, 3)	начал Н. Н. и провел рукою по своим седым волосам
Мне тогда в голову не приходило, что человек не растение и процветать ему долго нельзя. (71, 11—12)	*а.* Теперь вот даже не верится, чтоб это было возможно, но тогда и в голову не приходило, чтобы можно было иначе жить.

[1] Текст приводится по изданию: *Сочинения*, т. VII (с указанием в скобках страниц и строк).

	б. Теперь я даже понять не могу это и представить-то не в силах, как это было возможно, шутка! Впрочем мне тогда и в голову не приходило, что это роскошь. Я, сибарит, роскошничал. *в.* Мне тогда и в голову не приходило, что человек не растение и что собственно процветать эдак в виде цветка никому не позволяется.
Меня забавляло наблюдать людей... да я даже не наблюдал их — я их рассматривал с каким-то радостным и ненасытным любопытством (72, 2—5)	*а. Начато:* К чему привела меня эта наблюдательность *б.* Какую пользу имела для меня эта наблюдательность, да я не хотел извлекать из нее пользу — просто [я был ве‹сел?›] мне было весело, да я даже не наблюдал их; просто они меня занимали с каким-то радостным и вечно новым любопытством... может быть, уже тогда предчувствовал я, что всю жизнь свою останусь зрителем чужих дел *в.* Меня забавляло наблюдать людей, но только наблюдать думал не для извлечения какой-нибудь пользы из моих наблюдений, — и просто я их рассматривал.
у подошвы двух высоких холмов, (72, 19)	*а.* у подножья высоких холмов, покрытых виноградниками *б.* у подножья трех высоких холмов
своими дряхлыми стенами и башнями, вековыми липами, крутым мостом над светлой речкой, впадавшей в Рейн, (72, 19—21)	*а.* своими старыми стенами, своей речкой *б.* своими дряхлыми стенами, зелеными липами, крутым мостом над светлой речкой
из-за острых крыш (72, 27—28)	*а.* из-за черепичных крыш *б.* из-за вострых черных крыш
и мелкие каменья мостовой четко рисовались в ее неподвижных лучах. (72, 28—29)	*а.* при свете ее толстые булыжники мостовой рисовались [яс‹ной›] четкой гранью *б.* мел-

	кие камни чистой мостовой рисовались четкой гранью в ее свете *в.* мелкие камни мостовой как-то особенно четко рисовались в ее свете.
таким же золотом переливались струйки по черному глянцу речки; тоненькие свечки (немец бережлив!) скромно теплились в узких окнах под грифельными кровлями; (72, 35—38)	*а.* река переливалась тихо светлыми струями, [во многих домах] кое-где светились огоньки в домах, перед полураскрытыми дверьми, словно притаясь, стояли девушки — и то там, то сям слышался легкий смех ‹*нрзб.*› Guten Abend *б.* таким же золотом переливались струйки [темной] [почерневшей] по черному глянцу реки; тускло краснели огоньки в узких оконцах *в.* таким же золотом переливались струйки по черному глянцу реки, тоненькие свечки (немец бережлив!) скромно теплились еле заметным светом в узких оконцах под грифельными кровлями. Где-то слышалось: «Schlafen sie wohl!»
виноградные лозы таинственно высовывали свои завитые усики из-за каменных оград; (73, 1—2)	*а.* над каменной оградой таинственно высовывались [свои] верхушки виноградных лоз *б.* из-за каменных оград таинственно высовывались виноградные лозы.
что-то пробегало в тени около старинного колодца на треугольной площади, внезапно раздавался сонливый свисток ночного сторожа, добродушная собака ворчала вполголоса, (73, 2—5)	около старинного колодца посередине треугольной площади что-то пробегало, и добродушные собаки лаяли дружелюбно и сонно
что грудь поневоле все глубже и глубже дышала, (73, 7—8)	что все глубже и глубже [хот‹елось?›] вздыхалось
и слово: «Гретхен» — не то восклицание, не то вопрос —	*а.* и на губах поднимался вопрос: Гретхен? *б.* и слово Грет-



«Ася». Страница чернового автографа. 1857. Национальная библиотека (Париж).

так и просилось на уста. (73, 8—9)	хен так и просилось на губы. *в.* и: «Гретхен» — не то восклицание, не то вопрос — поднималось к губам.
лежит (73, 10)	в котором я поселился, лежит
долгие часы (73, 12—13)	целые часы ◊ на берегу
Маленькая статуя мадонны с почти детским лицом и красным сердцем на груди, пронзенным мечами, печально выглядывала из его ветвей. (73, 14—16)	*а.* [В ветвях] Из ветвей выглядывала маленькая выкрашенная статуя мадонны с сердцем на груди *б.* Маленькая статуя мадонны под ветвями с сердцем на груди, пронзенным мечами, выглядывала из его ветвей
находился городок Л., немного побольше того, (73, 17—18)	находился другой небольшой городок Л. с такой же старой церковью
и глядел то на реку, то на небо, то на виноградники. (73, 19—20)	*Вписано:* [Вечер] и глядел то на реку, то на [зол‹отое›] небо, то на берег. *Далее начато:* Погода была прекрасная. Все было тихо, в виноградниках [никаких] изредка
Кораблики тихо бежали на слабо надувшихся парусах; (73, 23—24)	Кораблики тихо [плыли мимо едва] шли по теченью;
зеленоватые волны скользили мимо, чуть-чуть вспухая и урча. (73, 24—25)	*а.* зеленые волны катились быстро, вздуваясь и урча *б.* зеленоватые волны скользили мимо, слабо вздуваясь и урча.
звуки музыки; (73, 25—26)	звуки музыки, гудение скрипки, контрабаса и
старика в плисовом жилете, синих чулках (73, 29—30)	знакомого старика в колпаке, синих чулках и с труб‹кой?›
кстати же я в Л. не бывал. Я отыскал перевозчика (73, 36)	кстати же я в Л. не бывал. Там говорят [пиво] вина тоже хорошие. Я достал перевозчика

одной земли или братства (Landsmannschaft). (74, 4)	*а.* одной «Земли», т. е. одного Landsmannschaft'а. *б.* одной «Земли» или братства, одного Landsmannschaft'а.
Почти все участники в коммерше носят издавна установленный костюм немецких студентов (74, 5—6)	*а.* большей частью в установленных издавна костюмах немецких студентов *б.* почти все носят установленный издавна костюм немецких студентов
перед небольшой гостиницей под вывескою Солнца, в саду, выходившем на улицу (74, 13—15)	в саду гостиницы Zur Sonne, выходившем на улицу
огромный бульдог лежал под одним из столов; (74, 17—18)	огромная собака лежала под одним из столов;
усердно играли, (74, 19)	*а.* играли разные Stücke, *б.* играли разные штуки,
лица студентов; (74, 24—25)	*а.* молодые лица студентов; *б.* веселые лица студентов;
всё это радостное кипение жизни (74, 27)	*а.* весь этот порыв, радостная стремительность юной жизни *б.* всё это радостное кипение юной жизни
Я быстро обернулся... (74, 36)	Я быстро обернулся. Я никак не ожидал услыхать родную речь в городке Л.
на красивого молодого человека (74, 36—37)	на статного, красивого молодого человека с курчавыми волосами
в соломенной шляпе (74, 38—39)	в широкой шляпке
— Вы русские? — сорвалось у меня невольно с языка. (75, 1—2)	*а. Начато:* Изумление мое было так велико, при том же молодой человек глядел так приветливо и просто, что у меня невольно сорвалось с губ *б.* «Русский вы?» — сорвалось у меня невольно с губ ◇
— Да, русские. (75, 4)	— Да, русские; но вы какими судьбами здесь?

по выражению их лица. (75, 16—17)	по особенному выражению их лица
Человек внезапно настораживался весь, (75, 19—20)	Человек внезапно настораживался, был, как говорится, начеку —
но Гагин мне понравился тотчас. (75, 25)	*а.* но Гагин мне понравился с первого взгляда *б.* но Гагин мне понравился с первого слова
Есть на свете такие счастливые лица; глядеть на них всякому любо; точно они греют вас и гладят, (75, 25—27)	*а.* есть на свете такие счастливые лица [которые тотчас], к которым душа лежит, вкусно как-то, любо; точно они греют тебя или гладят *б.* есть на свете счастливые лица: глядеть на них приятно всякому, вкусно; точно они греют вас или гладят.
У Гагина было именно такое лицо, милое, ласковое, с большими мягкими глазами и мягкими курчавыми волосами. (75, 27—29)	*а.* У Гагина было такое лицо, милое, ласковое, не очень красивое, с большими мягкими глазами, мягкими губами и мягкими курчавыми волосами. *б.* У Гагина именно было такое лицо, не очень красивое, но милое, ласковое, с большими мягкими глазами и мягкими курчавыми волосами.
(старинная стена из булыжника окружала его со всех сторон, даже бойницы не все еще обрушились) (76, 10—12)	(одна стена с бойницами окружала его как встарь)
перед узенькой калиткой. (76, 14)	*а.* перед низкой калиткой виноградника. *б.* перед крошечной калиткой в стене.
отворил (76, 14)	толкнул
по крутой тропинке. (76, 15)	по крутой тропинке, усеянной мелким плитняком.
алый тонкий свет лежал на зеленых лозах, на высоких тычинках, на сухой земле, усеянной сплошь крупным и мелким плитняком, (76, 17—19)	алый ровный свет [лил‹ся›] падал с неба на зеленые лозы, на сухую желтую землю, усеянную сплошь крупным и мелким плитняком,

наше жилище! (76, 23)	наше жилище, — а вот и хозяйка!»
каков вид? (76, 27)	какова картина?
Приютившийся к берегу городок показывал все свои дома и улицы; широко разбегались холмы и поля. (76, 30—32)	Городок весь словно приютился к берегу и величественно широко, близко и далеко [разбегали‹сь›] расстилались поля.
Внизу было хорошо, но наверху еще лучше: меня особенно поразила чистота и глубина неба, сияющая прозрачность воздуха. (76, 32—33)	*а.* Но меня, помнится, особенно поразили чистота неба, прозрачность воздушных волн *б.* Внизу было хорошо, но наверху еще лучше, особенно удивительная, очаровательная чистота и глубина неба, сияющая прозрачность воздуха — привели меня в умиление.
Свежий и легкий, он тихо колыхался и перекатывался волнами, словно и ему было раздольнее на высоте. (76, 35—37)	Обтекавший нас ветер перекатывался в нем [мягкими] волнами, и казалось, точно и ему было раздольнее на высоте.
Это Ася ее нашла, — отвечал Гагин, — ну-ка, Ася, — продолжал он, — распоряжайся. (77, 2—3)	*а.* Это Ася выбрала так‹ую?› — и посмотрите, какое молоко нам дадут. Ася, распоряжайся *б.* У меня это Ася ее нашла, — ответил он. — Ну-ка, хозяйка, — продолжал он, — распоряжайся.
Вели всё сюда подать. Мы станем ужинать на воздухе. Тут музыка слышнее. (77, 3—5)	*а.* Мы станем здесь ужинать на воздухе. Тут музыка [доходит] долетает. *б.* Вели всё сюда подать. Мы станем ужинать на воздухе. Слышите, музыка тут лучше долетает.
собственно имя ее было Анна, но Гагин называл ее Асей, (77, 9—10)	*а.* собственно ее звали Анна, но Гагин иначе не называл ее. *б.* Собственно имя ее было Анна, но сам Гагин так прозвал ее,

ее черные волосы, остриженные и причесанные, как у мальчика, падали крупными завитками на шею и уши. (77, 15—17)	*а.* волосы ее, недлинные, как у мальчика, падали завитками на шею и уши. *б.* волосы ее, густые и черные, но недлинные, как у мальчика, падали блестящими завитками на шею и уши.
Сначала она дичилась; но Гагин сказал ей: — Ася, полно ежиться! он не кусается. (77, 17—19)	[Она сначала говорила мало.] Сначала она сидела робко, стеснялася меня, но Гагин вдруг сказал ей: Ася, полно ежиться, он человек,
Я не видал существа более подвижного. Ни одно мгновенье она не сидела смирно; вставала, убегала в дом и прибегала снова, напевала вполголоса, часто смеялась, и престранным образом: казалось, она смеялась не тому, что слышала, а разным мыслям, приходившим ей в голову. Ее большие глаза глядели прямо, светло, смело, но иногда веки ее слегка щурились, и тогда взор ее внезапно становился глубок и нежен. (77, 21—29)	Она казалась ребенком прихотливым и своевольным, но не избалованным. Если бы не эти глаза, ее бы легко было принять за очень молоденькую девушку, чуть ли не за ребенка. Когда они смотрели на вас, взор был ровным, светлым, но стоило ей прищурить [глаза] веки посреди речи и [в них] он делался чудно-глубок и тих... Собственно взор ее был светлым — и только — и все движенья ее были слишком резки
Мы проболтали часа два. День давно погас, и вечер, сперва весь огнистый, потом ясный и алый, потом бледный и смутный, тихо таял и переливался в ночь, а беседа наша всё продолжалась, мирная и кроткая, как воздух, окружавший нас. (77, 30—34)	*а.* Мы пробеседовали часа два. Гагин мне всё более и более нравился, да и я мог заметить, что мы сходились. *б.* Мы просудачили часа два слишком. День погас и вечер тихо, тихо и сладостно таял и переливался в ночь, а беседа все продолжалась, мирная и легкая кроткая беседа, как воздух, окружавший нас. Мы говорили об искусстве (Гагин занимался живописью), о Риме, об их, о нашем будущем.
Ася вдруг опустила голову, так что кудри ей на глаза	*а.* Ася простилась, как казалось, внезапно *б.* Ася пошла

упали, замолкла и вздохнула, а потом сказала нам, что хочет спать, и ушла в дом; (77, 37—40)	в дом *в.* Ася неожиданно сказала, что хочет спать, и ушла в дом. *г.* Ася, которая вдруг почему-то затихла вся и даже вздохнула раза два, а потом сказала нам, что хочет спать, ушла в дом.
Наконец луна встала и заиграла по Рейну; всё осветилось, потемнело, изменилось, даже вино в наших граненых стаканах заблестело таинственным блеском. (78, 2—4)	*а.* Наконец луна встала и воцарилось ясное великолепие ночи, не уступающее светлому великолепию дня. *б.* Наконец луна поднялась и заиграла по Рейну; и вместе с нею воцарилась на земле и на небе — везде — торжественная ночь. *в.* наконец луна поднялась и заиграла по Рейну и повсюду началось великолепие, не уступающее светлому празднику.
Ветер упал, точно крылья сложил, и замер; ночным, душистым теплом повеяло от земли. (78, 4—6)	*а.* Ветер упал совсем и теплом обняло нас. Царственная торжественная ночь не уступает светлому великолепию дня. *б.* Ветер упал, повеяло ночным душистым теплом, тихо задвигалось всё небо звездами. *в.* Ветер упал, все небо [тихо заалелось] розовело, от земли повеяло теплом. *г.* Ветер упал, небо тихо золотилось, виднелись звезды. Мы с Гагиным безмолвно смотрели за мерцавшей рекой. *д.* Ветер упал, от земли повеяло теплом, небо тихо зашевелилось звездами.
и протянул свою Асе; но она только посмотрела на меня и покачала головой. (78, 20—22)	*а.* хотел было пожать [асину] руку Асе, но она как бы смеясь уклонилась *б. Начато:* протянул было свою руку Асе, но она спрятала с особенным, ей одной свойственным выражением *в.* протянул было свою руку Асе, но она только посмотрела на нее и значительно покачала головой.

бодрый старик, с напряжением погружал весла в темную воду. (78, 23—24)	старик с белыми волосами, еще бодрый, греб, с напряжением погружая весла в темную воду.
вокруг лодки, чернея, колыхались волны (78, 27—28)	вокруг лодки сверкали светлые блестки
за нею Гагин. Лодка причалила. Я вышел и оглянулся. (78, 30)	за нею Гагин. «Прощайте», — повторила Ася, громко запела какую-то песенку... и побежала домой. Гагин отправился за нею. Когда я пристал к противоположному берегу и оглянулся назад
Никого уж не было видно на противоположном берегу. (78, 31—32)	все было тихо на противоположном берегу.
Гагин был прав: я почувствовал, что все струны сердца моего задрожали в ответ на те заискивающие напевы. (78, 35—37)	*а.* настолько было в них страстного, счастливо молодого, что я невольно вспомнил слова Гагина *б.* Эти звуки, эта ночь, эти новые лица, эта странная девушка... Я точно почувствовал, что, говоря словами Гагина, все струны сердца моего задрожали в ответ на те рыдающие [счастл‹ивые?›] напевы.
Я отправился домой через потемневшие поля, медленно вдыхая пахучий воздух, и пришел в свою комнатку весь разнеженный сладостным томлением беспредметных и бесконечных ожиданий. Я чувствовал себя счастливым... Но отчего я был счастлив? Я ничего не желал, я ни о чем не думал... Я был счастлив. (78, 37—79, 3)	*а. Начато:* Я [медленно] пришел домой полный сладостного томления, беспредметных и бесконечных ожиданий, ожиданий, которые тогда я еще мог *б.* Я отправился домой через потемневшие поля, медленно вдыхая влажный, теплый воздух ночи, заплутал, опять повернул назад, полный сладостного томления беспредметных и бесконечных ожиданий. Я весь просветлел от веселья. Я ничего не думал, не чувствовал, кроме счастья. Но отчего я был счастлив? Я не думал, не

	знал. Я был счастлив. Я был молод.
жестокой красавице (79,7)	жестокой красавице, я изумился ◊
я уже проснулся, но еще не вставал (79, 12)	я еще лежал в постели
Я оделся; мы вышли в садик, (79, 24)	Я поспешно оделся и мы вместе отправились пить кофе.
Гагин сообщил мне свои планы на будущее: (79, 25—26)	*а.* Нам было хорошо и весело; и он и я, мы оба чувствовали, что нравимся друг другу. Наши души тихо раскрывались. Он мне сообщил свои намерения. *б.* Нам было хорошо и весело; Гагин заговорил о своих планах на будущее.
я также упомянул о моих предположениях, да, кстати, поверил ему тайну моей несчастной любви. (79, 30—31)	*а.* Я с своей стороны также рассказал ему свои предположенья, да кстати поверил ему [историю] тайну своей несчастной любви, взявши с него, как водится, слово [свято] ненарушимо хранить эту важную тайну. *б.* В свою очередь и я также упомянул о моих предположениях (они были очень несложны и меня не заботили)
сильного сочувствия к моей страсти я в нем не возбудил. (79, 33—34)	не придал особенного значения моей страсти
остатки феодального замка. (80, 3)	*а.* остатки замка на высоте *б.* остатки феодального замка на горе *в.* остатки феодального замка на высокой горе.
Не учился я как следует, (80, 10—11)	Поздно начал,
он махнул рукой (80, 15)	он мне не дал докончить мои речи

собравши картоны в охапку, бросил их на диван. (80, 16)	бросил все картоны на диван
Коли хватит терпенья, из меня выйдет что-нибудь, — промолвил он сквозь зубы, — не хватит, останусь недорослем из дворян. (80, 17—19)	Коли хватит терпения, из меня выйдет что-нибудь, — воскликнул он, — не хватит — туда и дорога.
Дорога к развалине вилась по скату узкой лесистой долины; (80, 23—24)	Дорога к развалине шла прочь от Рейна
круто рассеченных горных гребней. (80, 26—27)	круто вырезанных гребней
в словах его слышался если не живописец, то уж наверное художник. (80, 28—29)	*Начато:* в немногих его замечаниях слышалось тонкое и проницательное
Скоро показалась развалина. На самой вершине голой скалы возвышалась четыреугольная башня, вся черная, еще крепкая, но словно разрубленная продольной трещиной. Мшистые стены примыкали к башне; кой-где лепился плющ; искривленные деревца свешивались с седых бойниц и рухнувших сводов. (80, 30—35)	*а. Начато:* Развалина состояла из полуразрушенной башни и нескольких уцелевших стен. Взбираясь вслед за Гагиным по узкой *б.* Развалина — на вершине скалы; она состояла из двух полуразрушенных башен; мшистые стены как бы примыкали к башне. Тут же за нею возвышались остатки нижних покоев *в.* На самой вершине голой скалы возвышалась над [самой] кручей еще крепкая, словно разрубленная сверху до низу косой трещиной, башня, стены внутренние, остатки сводов и груды камней; к ним лепился плющ; искривленные деревца [росли] лепились [свешивались] с бойниц и обрушенных сводов.
Мы уже подходили к ним, как вдруг впереди нас мелькнула женская фигура, быстро перебежала по груде обломков и поместилась на уступе стены, прямо над пропастью. (80, 36—39)	[Карабкаясь] Подымаясь по ней, я вдруг увидел женскую фигуру, которая быстро пробежала по груде нагроможденных камней и поместилась на уступе стены, над самой пропастью.

экая сумасшедшая! (81, 1—2)	Точно она; экая сумасшедшая!
взберется (81, 11)	*а.* вскарабкается *б.* полезет
В уголке, приютившись в крошечном деревянном балаганчике, старушка вязала чулок и косилась на нас чрез очки. Она продавала туристам пиво, пряники и зельтерскую воду. (81, 13—16)	*Вписано: а.* В стороне какой-то из обывателей устроил крошечный балаганчик и продавал пиво и зельцерскую воду *б.* В уголку виднелся крошечный деревянный балаганчик. В нем продавали пиво и зельцерскую воду.
Мы уместились на лавочке и принялись пить из тяжелых оловянных кружек довольно холодное пиво. (81, 16—18)	*а.* Мы поместились за деревянн‹ый› столик и принялись пить холодное пиво. Я по временам взглядывал на Асю. *б.* Мы уместились возле нее на лавочке перед балаганчиком и принялись пить из тяжелых стаканов довольно холодное пиво.
стройный облик ее (81, 20)	ее [стройная фигурка] профиль
но я с неприязненным чувством посматривал на нее. (81, 21—22)	но мне не нравилась ее выходка.
Словно угадавши мои мысли (81, 25)	*а.* Словно догадавшись, о чем я думал *б.* Словно угадавши о том, какие во мне пробуждала она мысли
несколько капель воды, ярко блестевших на солнце. (81, 35—36)	*а.* несколько капель воды из стакана *б.* несколько капель воды, ярко блестевших на солнце, как золото и алмазы
Ее движенья были очень милы (81, 36)	*а.* Она делала это очень ловко и грациозно *б.* Она двигалась, точно покачиваясь *в. Начато:* Всё делала очень ловко с какой-то забавн‹ой› и мило‹й?›
Странная усмешка слегка подергивала ее брови, ноздри и губы; полудерзко, полувесело щурились темные глаза. (82, 5—7)	*а.* с вызывающей усмешкой в прищуренных глазах *б.* Странная усмешка слегка подергивала ее брови и губы; [прищуренные глаза, казалось, взглядывали] с раскрасневшегося

	лица темные глаза дерзко щурились
опустила свои длинные ресницы (82, 13—14)	опустила глаза
Несколько мгновений спустя оно уже всё побледнело (82, 17)	Она сидела вся бледная и печ‹альная›
показались больше, строже, проще. (82, 19)	вдруг показались больше, строже, проще, брови не шевелились, эти вечно подвижные брови.
опять появилась на нем вызывающая, почти дерзкая усмешка. (82, 30—31)	*Начато:* опять оживилось и повеселело, приняло прежнее вызывающее
она пуще хохотала и шалила. (82, 32)	*а.* она еще более смеялась и дурачилась *б.* она смеялась и дурачилась больше обыкновенного
Она сломала длинную ветку, (82, 33)	*а.* — сломала бузинную ветку и *б.* Она сломала липовую ветку и *в.* Она сломала сук бузины,
шарфом (82, 34)	шарфом, как чалмой
все они, словно по команде, с холодным изумлением проводили Асю своими стеклянными глазами, (82, 36—38)	*а.* С каким изумлением осмотрели Асю своими светлыми стеклянными глазами *б.* Все они, словно по команде, друг за другом с холодным изумлением окинули Асю своими стеклянными глазами.
громко запела. (82, 38—39)	*а.* запела песенку. *б.* еще запела.
перетянутая (83, 1—2)	перетянутая и чопорная
Ей явно хотелось разыграть передо мною новую роль — роль приличной и благовоспитанной барышни. Гагин не мешал ей: (83, 4—6)	Гагин не мешал ей разыгрывать передо мною эту новую роль — роль благовоспитанной барышни.
с своей неизменной, на этот раз несколько смущенной улыбкой (83, 14—15)	с своей неизменной доброй улыбкой

у Аси страсть знакомиться с людьми круга низшего; я заметил: причиною этому всегда бывает гордость. (83, 24—26)	*вписано.*
Взыскивать я ни с кого не умею, (83, 28)	*а. Начато:* Строгость не в мое‹м?› *б.* Быть наставником не по моей части
Молодость не кипела в нем ключом; она светилась тихим светом. (83, 34—36)	*вписано.*
остановились перед домом в два окна шириною и вышиною в четыре этажа. (84, 14—15)	*а.* остановились перед старым узким домом в четыре этажа. *б.* остановились перед очень дряхлым темным с острой кровлей домом, в два окна шириной, в четрые этажа. *в.* остановились перед старым домом в два окна шириной и вышиною в четыре этажа ◊
с своей ветхой резьбой, двумя толстыми столбами внизу, острой черепичной кровлей и протянутым в виде клюва воротом на чердаке казался огромной, сгорбленной птицей (84, 17—20)	с ‹*нрзб.*› верхом, острой черепичной крышей, [с нависшим воротом на верху] протянутым в виде клюва воротом на чердаке, казался большим сгорбленным стариком.
кажется поцеловала фрау Луизе. (84, 35—36)	*а.* сказала что-то фрау Луизе и засмеялась. *б.* обратилась к фрау Луизе и, кажется засмеялась. *в.* Отошла от окна, и кажется мне послышался ее смех.
я шел домой, (84, 39)	*а.* я шел домой по скошенному полю *б.* я шел по городу
запах (85, 1)	запах конопли
грядку конопли. (85, 2—3)	*а.* небольшую широкую грядку этого слишком знакомого нашему брату степняку растения. *б.* небольшую грядку этого растения, *в.* небольшую грядку конопли.

Ее степной запах мгновенно (85, 3)	*а. Начато:* Имя знакомое, родное. *б.* Знакомый, приятный степной запах
страстную тоску по ней. (85, 4)	*Начато:* несказанно тоскливое желание увидать
ходить по русской земле. (85, 5—6)	ходить по русской земле, говорить с русскими людьми.
в другом настроении духа, чем накануне. Я чувствовал себя почти рассерженным (85, 10—11)	*а.* Я пришел домой раздраженный и почти рассерженный. Тайная досада с утра накипела у меня на душе, так я сам наконец удивля‹лся›, отчего это я злюсь, досадую? *б.* Я пришел домой раздосад‹ованный› и чувствовал себя почти рассерженным. Я сам удивлялся, на кого я в досаде. Непонятная мне самому досада меня разбирала. Я уже с утра был [не в своей тарелке] сам не свой.
Но я даже не раскрыл ее, мысли мои тотчас приняли иное направление. (85, 16—17)	*а.* час спустя я пришел в себя и увидал, что эта записка лежит на полу; и даже не раскрыл ее; мысли мои приняли совсем другой оборот. *б.* час спустя я пришел в себя и увидел, что моя дорогая записка выскользнула из руки и лежала на полу.
на какие-то затруднения (85, 19—20)	*Начато:* на невозможность
Я разделся, лег и старался заснуть; (85, 22)	Я лег в постель
«капризной девочке с натянутым смехом...» (85, 24—25)	[глупо‹й›] капризной девчонке с натянутым смехом, вовсе не красивым лицом.
пошел в Л. (85, 31)	пошел к Гагиным и в течение целой недели навещал их ежедневно

оттого ли, что я ночью и утром много размышлял о России, (85, 35—36)	*а.* оттого ли, что я весь вечер думал о России, *б.* оттого ли, что я вечером и утром всё думал о России, *в.* оттого ли, что я с самого утра и ночью размышлял о России,
ничем другим не занималась. (86, 2)	ничего другого не делала.
и черты ее приняли (86, 4)	и лицо ее приняло
Для довершения сходства она принялась напевать вполголоса «Матушку, голубушку», (86, 6—8)	Для довершения сходства она принялась напевать вполголоса какую-то песенку
Я глядел на ее желтоватое, угасшее личико, вспоминал о вчерашних мечтаниях, и жаль мне было чего-то. (86, 8—10)	*а.* Я вспомнил мое вчерашнее волнение и невольно улыбнулся, хотя мне почему-то стало жалко моих волнений и моих ожиданий. *б.* А вчера-то, — подумал я, глядя на ее желтоватое личико, и невольно улыбнулся, хотя мне в то же время стало немножко жаль моих волнений и моих ожиданий. *в.* А я то... вчера-то, — подумал я, глядя на желтоватое, угасшее личико, и невольно улыбнулся, хотя мне в то же время чего-то было жаль. ◇
и отправился (86, 17)	*а.* отправился в горы *б.* и пошел
дуб с раскидистыми сучьями. (86, 22—23)	дуб с раскидистыми ветвями
Я лег на траву (86, 23)	Я лег недалеко от него на траву
мы всё больше рассуждали (86, 24—25)	*а.* мы больше говорили *б.* мы больше разговаривали
о том, как именно должно работать, (86, 26—27)	о работе,
и какое собственно значение художника в наш век, (86, 28)	Русские большею частью так умничают.

свободно потекли молодые наши речи, (86, 30—31)	полились молодые наши речи,
то горячие, то задумчивые, то восторженные, но почти всегда неясные речи, в которых так охотно разливается русский человек. (86, 31—33)	те речи, горячие [далеко] и неопределенные речи, в которых так охотно разливается русский человек.
рано ушла к себе. (87, 4)	*а.* и пошла к себе раньше обыкновенного именно с тем, чтобы лечь спать поскорей *б.* и когда она скоро ушла к себе в комнату, я был уверен, что она тотчас же ляжет спать.
день прошел в трезвых ощущениях. (87, 6)	день был отдан трезвым ощущениям.
невольно промолвил вслух: — Что за хамелеон эта девушка! — и, подумав немного, прибавил: — А все-таки она ему не сестра. (87, 7—9)	[но однако я не мог не воскликнуть] Однако помнится я, ложась спать, опять сказал самому себе: а ведь она ему не сестра.
Прошли целые две недели. (87, 11)	Прошла целая неделя.
по-немецки; (87, 19)	*а.* по-немецки и прочла довольно много книг; *б.* по-немецки и прочла несколько книг;
что она с детства не была в женских руках и воспитание получила странное, необычное, (87, 19—21)	*а. Начато:* что она получила воспитание странное, неправильное и что неловкость свою ‹*нрзб.*› *б.* что она получила воспитание странное, неправильное и мало жила с женщинами, никогда не находилась в женских руках, ее никак
От него, несмотря на его шляпу à la Van Dyck и блузу, так и веяло мягким полуизнеженным, великорусским дворянином, (87, 22—24)	между тем как от Гагина, несмотря на его шляпу à la Van Dyck и блузу, так и веяло дворянином, милым, полуизнеженным, степным дворянином, в обхождении он смотрел дворянином, молодой отраслью от старого дворянского дерева, молодым барином

во всех ее движениях было что-то беспокойное (87, 25—26)	*а.* но в ее обращении, в самом звуке ее голоса казалось, что особенно заметно было *б.* в самых движениях было что-то не скажу грубое, но *в.* в самых движениях было что-то резкое, не смягченное, жесткое: *г.* во всех движениях было что-то резкое, угловатое, неспокойное:
этот дичок недавно был привит (87, 26)	этот дичок был привит, да поздно
это вино еще бродило (87, 27)	*Вписано: а.* это вино еще бродило. Гагин, напротив, отличался спокойствием и тишиной. *б.* В противоположность брату Гагину, жар затаенный, тайный жар, чувствовался в этом полузагадочном существе. Он ‹*нрзб.*› пылал в ней глубоко и упорно, как уголь. *в.* Это вино еще бродило. Гагин, напротив, отличался ровностью нрава, [спокойным и тихим] ясным и тихим строем души. Внутренний жар, недостающий Гагину, в душе Аси тлел глубоко и скрытно, как уголь. Зато она иногда вся угасала, чего не случалось [с Гагиным] с братом. *г.* Это вино еще бродило. Гагин, напротив, отличался ровностью нрава и ясным и тихим строем души, внутренний жар, недостающий ему, тлел, как уголь, глубоко и скрытно в сердце Аси, зато она иногда угасала вся, чего с ним не случалось.
до отъезда за границу она долго жила в деревне. (87, 33)	до поездки за границу она почти не покидала деревню. В этом полузагадочном существе чувствовался затаенный жар, упорство, страстность
Я застал ее раз за книгой, одну. Опершись головой на обе руки	*вписано.*

и запустив пальцы глубоко в волосы, она пожирала глазами строки.

— Браво! — сказал я, подойдя к ней, — как вы прилежны!

Она приподняла голову, важно и строго посмотрела на меня.

— Вы думаете, я только смеяться умею, — промолвила она и хотела удалиться...

Я взглянул на заглавие книги: это был какой-то французский роман.

— Однако я ваш выбор похвалить не могу, — заметил я.

— Что же читать! — воскликнула она и, бросив книгу на стол, прибавила: — Так лучше пойду дурачиться, — и побежала в сад.

В тот же день, вечером, я читал Гагину «Германа и Доротею». Ася сперва всё только шныряла мимо нас, потом вдруг остановилась, приникла ухом, тихонько подсела ко мне и прослушала чтение до конца. На следующий день я опять не узнал ее, пока не догадался, что ей вдруг вошло в голову: быть домовитой и степенной, как Доротея. (87, 34—88, 18)

лучше пойду дурачиться, (88, 10—11)	лучше гулять
В тот же день, вечером, я читал Гагину «Германа и Доротею» (88, 12—13)	*а.* В другой раз я принес им «Германа и Доротею» и начал читать. *б.* В другой раз я принес им «Германа и Доротею» и по просьбе Гагина принялся читать ему вслух. *в.* В тот же день, вечером, мы вместе с Гагиным читали вслух «Германа и Доротею». *г.* В тот же день,

	вечером, я читал Гагину вслух «Германа и Доротею».
На следующий день я опять не узнал ее, пока не догадался, что ей вдруг вошло в голову: быть домовитой и степенной, как Доротея. (88, 15—18)	*а.* На следующий день я мог заметить в ней [какое-то желание] намерение быть домовитой и степенной вроде Доротеи. Подражательная русская восприимчивость... *б.* На следующий день я опять не узнал ее, пока не догадался, что по милости несомненной русской подражательности, которую величают восприимчивостью, ей хотелось стать домовитой и степенной, вроде Доротеи.
Самолюбивая до крайности, она привлекала меня, даже когда я сердился на нее. (88, 19—20)	*а. Начато:* порою я не мог отдать себе ясного отчета, действительно ли все замеченное мною находилось в Асе? или это я сам *б.* иногда мне казалось, что я не понимаю ее совсем, а иногда все же казалось, что это я только сегодня или это я сам, но она меня занимала даже тогда, когда отталкивала. *в.* а иногда другая, особенная, но она занимала меня даже тогда, когда отталкивала меня
Он обходился с нею не по-братски: слишком ласково, слишком снисходительно и в то же время несколько принужденно. (88, 22—24)	*а.* В обхождении Гагина с Асей было что-то не братское. *б.* Обхожденье его с ней было не братское. *в.* Он обходился с нею очень ласково, слишком снисходительно... не по-братски.
Однажды вечером, подходя к винограднику, (88, 27)	*а.* Однажды вечером (я до обеда просидел дома) я, проходя по винограднику *б.* Однажды вечером я отправился к Гагиным. Проходя по винограднику, где жили Гагины
Не долго думавши, добрался я до одного обрушенного места в ограде, уже прежде замечен-	Я принужден был пойти в обход к одному обрушенному месту в ограде виноградника,

ного мною, и перескочил через нее. (88, 28—31)	где легко было перескочить через нее.
Недалеко от этого места, (88, 31)	В стороне от дорожки, близ тропинки,
по ее волосам. (89, 7)	по ее голове.
Вдруг я встрепенулся. «Подойти к ним? Ни за что!» — сверкнуло у меня в голове. Быстрыми шагами вернулся я к ограде, (89, 9—11)	*а.* Вдруг, сам не знаю почему, проворно вернулся к ограде. *б.* Вдруг я, сам не знаю почему, осторожным и быстрым шагом вернулся к ограде *в. Начато:* Вдруг я встрепенулся и [замирая от] гнушаясь одной мыслью вернуться *г.* «Увидеться с ними — ни за что!» — подумал я. *д.* — Они меня увидят — подумал я. Ни за что!
Я улыбался, потирал руки (89, 12)	*а.* Меня как будто ошеломило *б.* Меня так и ошеломило. Я смеялся
подтвердившему мои догадки (89, 13)	подтвердившему все мои догадки, находил виденную мною сцену весьма забавной и чувствительной
Но к чему? что за охота меня морочить? (89, 17)	Но к чему? Что заставило?
привязал походную котомочку за спину (89, 21—22)	оделся по-дорожному и, привязав походную котомочку за спину,
объявив своей хозяйке, чтобы она не ждала меня к ночи, отправился пешком в горы, вверх по течению реки, на которой лежит городок З. (89, 22—25)	*Начато: а.* объявил своей хозяйке, что ухожу на неделю в горы — и отправился пешком в горы. Речка, на которой лежал городок, вытекала из примыкающих к холмам *б.* объявив своей хозяйке, чтобы она меня не ждала к ночи, что я ухожу на несколько дней в горы — отправился пешком в горы. Со всех сторон вверх по течению речки, на которой лежит мой городок Л.

в особенности замечательны они правильностью и чистотой базальтовых слоев; (89, 27—28)	*а.* знатоки в особенности восхищаются правильностью и чистотой базальтовых столбов, выдвинутых громадными массами из недр земли; *б.* и в особенности замечательны они правильностью и чистотой базальтовых слоев, выдвинутых несколько сот тысяч лет тому назад сплоченными громадными массами из раскаленных недр земли
была досада на их лукавство. (89, 33—34)	*а.* была досада на них. *б.* была досада на их скрытность. *в.* была досада человека на их выдумку
Кто их принуждал (89, 34)	*а.* Никто не принуждал его, думал я *б.* Я ведь не просил его
по горам и долинам, засиживался в деревенских харчевнях, мирно беседуя с хозяевами и гостями, (89, 36—38)	*а.* по горам и по долинам, [переходил от деревни] просиживал в деревенских трактирах *б.* по горам, по долинам, проводил долгие часы под навесом каких-нибудь деревенских харчевен
смотрел, как плыли облака, (89, 39)	*а.* смотрел на небо, *б.* смотрел, как проплывали облака,
под стать спокойной природе того края. (90, 4)	*а.* под стать смир‹енной?› ласковой и чуть-чуть печальной природе того края. *б.* под стать приветливой и [несколько?] слегка грустной природе того края.
в котором слилось всё, что я видел, ощутил, слышал в эти три дня, — всё: (90, 8—9)	всё в нем слилось, все и всё, что я видел, слышал, ощутил
тонкий запах смолы по лесам, крик и стук дятлов, немолчная болтовня светлых ручейков с пестрыми форелями на песчаном дне (90, 9—11)	запах смолы по лесам, болтовня небольших светлых ручьев

хмурые скалы, чистенькие деревеньки с почтенными старыми церквами и деревьями, (90, 12—14)	уютные деревеньки с старыми церквами и липами
их синие камзолы и серые чулки, (90, 16)	их синие кафтаны, красные камзолы и колпаки
медлительные возы, запряженные жирными лошадьми, а иногда коровами, (90, 16—18)	*а.* возы с большими колесами, запряженные лоснившимися от жира лошадьми или быками *б.* возы, запряженные холеными лошадьми, иногда коровами
молодые длинноволосые странники по чистым дорогам, обсаженным яблонями и грушами... (90, 18—19)	*а.* длинные процессии богомольцев по дорогам, отрывочные однообразные [звуки] молитвы, повторяемые [целой] всей толпой *б.* молодые длинноволосые странники целой толпой богомольцев идущие по 3 в ряд по дороге. *в.* молодые длинноволосые странники, каменные кресты на дорогах *г.* молодые длинноволосые странники по дорогам, обсаженным грушами и яблонями, все эти разнообразные образы [впечатле‹ния›] слились в одно впечатление. *д.* молодые длинноволосые странники по дорогам, обсаженным грушами и яблонями, везде образы незатейливого довольства, всюду следы человеческих рук, терпеливой, хотя и не спешной работы. *е.* молодые длинноволосые странники по чистым дорогам, обсаженным яблонями и грушами, всюду повсеместно следы прилежания, терпеливой, хотя неспешной работы. *ж.* молодые длинноволосые странники по чистым дорогам, повсеместные следы человеческих прилежных рук, терпеливой, хотя неспешной работы.

Даже и теперь мне приятно вспоминать мои тогдашние впечатления. Привет тебе, скромный уголок германской земли, с твоим незатейливым довольством, с повсеместными следами прилежных рук, терпеливой, хотя неспешной работы... Привет тебе и мир! (90, 20—24)	*а.* Привет тебе, скромный, тихий уголок германской земли... Я до сих пор не забыл... не забыл тебя на родине. *б.* Привет тебе, скромный уголок германской земли — я до сих пор о тебе вспоминаю... Да и как забыть тебя на нашей родине! *в.* Привет тебе и мир! Привет тебе, скромный уголок германской земли с твоим незатейливым довольствием, с повсеместными следами прилежных рук, терпеливой, хотя неспешной работы. Даже и теперь мне приятно вспомнить этот благословенный край.
Помнится, когда я принялся мечтать о ней, я увидел перед собою крестьянскую девочку лет пяти, с круглым любопытным личиком, с невинно выпученными глазенками. (90, 28—31)	*а.* старая моя страсть окончательно [умерла] погасла; да и признаться сказать *б.* старая моя страсть окончательно погасла; я и не жалел о ней. Помнится, я только что начал было [припоминать] мечтать о ней, как вдруг я увидел крестьянскую девочку, невинно выпучившую на меня свои глазенки
я не хотел лгать в ее присутствии и тотчас же окончательно и навсегда раскланялся с моим прежним предметом. (90, 33—35)	я не хотел лгать и натягивать себя в присутствии [ребе<нка>] этой девочки и окончательно раскланялся с моим старым предметом
но на другой же день отправился в Л. (90, 39—40)	что, мол, они пристают, — но на другой же день переправился через Рейн и [явился к] пошел к [ним] Гагиным
и, по своей привычке, тотчас (91, 4—5)	и сказав два слова
Гагин смутился, пробормотал ей вслед (91, 5—6)	*Начато:* Мне показалось, что странное ее обращение смутило несколько
Он рассказал мне, что делал в мое отсутствие. (91, 12)	*а.* Он меня расспрашивал, но тоже рассказывал мне, что про-

	изошло в мое отсутствие. *б.* Гагин со своей стороны рассказал мне, что делал во время моего отсутствия.
Но речи наши не клеились; (91, 13)	Разговор наш не клеился;
Скажите, — начал вдруг Гагин, с своей обычной улыбкой, (91, 26—27)	— Скажите, начал он с своей обычной улыбкой и тронул меня за руку,
но голова бедовая. Трудно с нею ладить. Впрочем, ее нельзя винить, (91, 33—34)	*а.* Но голова [такая горячая] бедовая. Она готова вспыхнуть как порох. *б.* но голова бедовая. Она вся как порох. Трудно с нею ладить. Впрочем [надо] ее нельзя не извинить,
Судьба обошлась с ним не хуже, чем со многими другими; но он и первого удара не вынес. (92, 4—6)	*вписано.*
очень скоро; (92, 7)	весьма скоро. Я ее не помнил
вредно (92, 16)	невозможно
в совершенном уединении, (92, 17)	*а.* в уединении (мы никогда никого не видели) — [что мой отец] [что воспитание мое] мне нужны учителя и что, наконец, печальный и молчаливый отец мой *б.* в совершенном уединении и что, наконец, вечно печальный и молчаливый человек не годился в наставники *в.* в совершенном уединении. Мне нужны учителя, потому что с таким вечно унылым и молчаливым, каков был мой отец, я не мог сделать никаких успехов, да и сам нрав мой мог испортиться *г.* в совершенном уединении и что с таким вечно унылым и молчаливым наставником, каков был мой отец, я должен был отстать от моих сверстников, от их ус-

	пехов, да и самый нрав мой легко может испортиться
однако уступил, наконец. (92, 21—22)	*Вписано: а.* но убедился, наконец, в необходимости разлуки, согласился отпустить меня *б.* но уступил наконец
Я плакал, расставаясь с отцом; (92, 22)	*а.* Помню я наше расставание, я плакал навзрыд, видя, как слезы тихо и безостановочно бежали по бледным щекам моего отца; *б.* Помню я наше расставание, я плакал, расставаясь с моим отцом.
я любил его, хотя никогда не видал улыбки на лице его... (92, 22—23)	Я любил его страстно.
Я поступил в юнкерскую школу, а из школы перешел в гвардейский полк. (92, 25—26)	*а.* Не буду рассказывать о шко‹ле› — дело идет не обо мне. *б.* Я поступил в юнкерскую школу, а из школы перешел в гвардейский полк, но дело идет не обо мне
приезжал я в деревню (92, 26—27)	посещал я моего отца
всё более и более грустным, в себя углубленным, задумчивым до робости. (92, 28—29)	*а. Начато:* более и более печальным, углубленным в *б.* более и более грустным и в себя углубленным
Он каждый день ходил в церковь и почти разучился говорить. (92, 29—31)	*а.* Он всегда был набожен. Каждый день ходил в церковь [и перестал читать книги, кроме священных книг] и по целым часам сидел неподвижно, с унылой робостью посматривая то в окно или в дверь *б.* Он почти разучился говорить, каждый день ходил в церковь и по целым дням сидел неподвижно, с унылой, почти робкой задумчивостью посматривая в окно или дверь. Кроме священных книг, он читал одни Московские ведомости

Отец сказал, (92, 34)	Я спросил о ней отца. Он мне сказал,
взята им на прокормление — он именно так выразился. (92, 34—35)	взята им на воспитание
в любимую комнату моего отца, огромную и мрачную комнату, где скончалась моя мать и где даже днем зажигались свечки, (92, 37—40)	*а.* в огромный и мрачный кабинет отца *б.* в комнату отца, огромную и мрачную
Случилось (93, 1)	*а.* Впрочем, если бы даже Ася возбудила тогда мое любопытство, [узнать] собрать подробные сведения о ней было бы все-таки трудно: вся прислуга моего отца состояла из двух людей стариков, [хмурые] таких же угрюмых, как он сам. Случилось *б.* Впрочем, если бы даже Ася возбудила тогда мое любопытство, собрать о ней сведения стороной было бы все-таки не у кого. Случилось
по короткому письму; об Асе он упоминал редко, и то вскользь. (93, 4—5)	*а.* по короткому письму; он изредка упоминал об Асе и кончал письмо неизменными следующими словами: А здоровье, как быть ему следует. *б.* по короткому письму, письмо неизменно оканчивалось следующими словами: посылаю тебе мое благословение, а здоровье мое как следует. Причем не нужно ли тебе денег? Об Асе он упоминал редко и вскользь.
вдруг (93, 7)	*а.* Вдруг, в один зимний день *в.* Вдруг, в один день — это было зимой
в глаза (93, 14—15)	в лицо
Старик привел ее (93, 18)	Старик тотчас вывел ее за руку из-за ширм; ее глаза, сухие, без слез, с трудом глядели, и

	лицо ее [потемнело] побледнело, и дрожала как в лихорадке
с большими, темными глазами. (93, 28—29)	*вписано.*
девушкой гордой и неприступной. (93, 29—30)	*а.* девушкой примерной нравственности, очень гордой и неприступной, и в доме ее все уважали. *б.* девушкой гордой и неприступной, и все дворовые очень ее уважали.
Якова, отец мой сошелся с нею несколько лет спустя (93, 31—32)	старшего камердинера, отец мой полюбил ее при жизни матушки, но сошелся с нею года два спустя
они говорить изволили (94, 2)	говорили они
Повязанная темным платком, с желтой шалью на плечах, она становилась в толпе, возле окна, — ее строгий профиль четко вырезывался на прозрачном стекле, — и смиренно и важно молилась, кланяясь низко, по-старинному. (94, 7—11)	*вписано.*
и смиренно и важно молилась (94, 10)	и смиренно и строго молилась
два года, (94, 12)	два года — я старше ее одиннадцатью годами
на девятом (94, 12)	на пятом
и в этом отказала. (94, 16)	*а.* и в этом отказала. По всему было видно, что у ней был характер чрезвычайно твердый — и отец мой покорялся ее воле *б.* и в этом отказала. По всему заметно видно было, что характер у ней был твердый и что отец покорялся ее воле.
Представьте же себе, что должно было произойти в Асе, когда ее взяли к барину. Она	*вписано.*

до сих пор не может забыть ту минуту, когда ей в первый раз надели шелковое платье и поцеловали у ней ручку. (94, 16—20)	
что должно было произойти в Асе, когда ее взяли к барину. (94, 17—18)	*а.* что должно было происходить в этой молодой [ду‹ше›] головке *б.* что должно было произойти в Асе, когда она вдруг сделалась барышня.
поцеловали у ней ручку. (94, 20)	поцеловали у ней ручку, она захохотала, потом заплакала.
Мать, пока была жива, держала ее очень строго; у отца она пользовалась совершенной свободой. Он был ее учителем; кроме его, она никого не видала. Он не баловал ее, то есть не нянчился с нею; но он любил ее страстно и никогда ничего ей не запрещал: он в душе считал себя перед ней виноватым. Ася скоро поняла, что она главное лицо в доме, она знала, что барин ее отец; но она так же скоро поняла свое ложное положение; самолюбие развилось в ней сильно, недоверчивость тоже; дурные привычки укоренялись, простота исчезла. Она хотела (она сама мне раз призналась в этом) заставить *целый мир* забыть ее происхождение; она и стыдилась своей матери, и стыдилась своего стыда, и гордилась ею. Вы видите, что она многое знала и знает, чего не должно бы знать в ее годы... Но разве она виновата? Молодые силы разыгрывались в ней, кровь кипела, а вблизи ни одной руки, которая бы ее направила. Полная независимость во всем! да разве легко ее вынести? Она хотела	*а.* Ася выросла на полной свободе. У отца Ася пользовалась полной свободой, [но в постоянной близости доброго и печального] но постоянное общение с человеком, подобным моему отцу, не могло обойтись ей даром *б.* У отца Ася пользовалась полной свободой, но постоянное пребывание с глазу на глаз с человеком, подобным моему отцу, принесло свои плоды. Свобода эта не пошла ей впрок. Из нее вышло, ну словом, вышло то, что вы видите. Она рано поняла [неправ‹ильность?›] свое ложное положение [но также скоро оценила]; самолюбие развилось сильно в ней, при ее уме, при пылкости ей очень трудно быть естественной. Откуда бы она взяла эту сдержанность, эту умеренность *в.* У отца Ася пользовалась полной свободой, но постоянное пребывание с человеком, подобным моему отцу, принесло свои плоды; самолюбие развилось сильно в ней, впечатлительность — тоже; дурные привычки укоренились, простота исчезла; при ее живом и проницательном

быть не хуже других барышень; она бросилась на книги. Что тут могло выйти путного? Неправильно начатая жизнь слагалась неправильно, но сердце в ней не испортилось, ум уцелел. (94, 20—96, 2)

уме, при пылкости <*нрзб.*> неправильно начатая жизнь развивалась неправильно *г.* Мать, пока была жива, держала ее очень строго, а потом долгие годы, проведенные ею в постоянном пребывании [с глазу на глаз] с человеком, подобным моему отцу, разве они [прошли] могли не отозваться... И то должно удивляться, как она совсем не изломалась, как она вынесла это вечное уединение, молчание отца [как бы] и тишину, или как она не зачахла в этом темном большом кабинете [с этим сумрачным] с глазу на глаз с печальным стариком; кровь в ней кипела, поводья слабы, а управлять ими было некому, и она бросилась на книги [и перечитала] [что из этого могло выйти путного]. Вообразите, что выходило из этого. Неправильно начатая жизнь слагалась неправильно и странно. Но золотое сердце не портилось и ум [не терялся] уцелел. *д.* Мать, пока была жива, держала ее очень строго; у отца она пользовалась полной свободой. Он был ее учителем, кроме его она никого не видала никогда и с утра до вечера не расставалась с ним [то гуляя]. Отец не баловал ее, то есть он не нянчился с нею; но он любил ее страстно, он исподтишка улыбался ей, тихо светился в ее присутствии: читая книгу, украдкой следил за нею взором и никогда ничего не запрещал ей, он как будто считал себя виноватым перед ней. Ася очень скоро поняла, что она главное лицо в доме; она знала,

	что барин — ее отец; но она также скоро поняла свое ложное положение; самолюбие развилось в ней сильно, недоверчивость тоже; дурные привычки укоренились, простота исчезла. Она хотела [как сама мне раз созналась], как она сама выразилась, заставить целый мир забыть ее происхождение, она и стыдилась своей матери, и стыдилась своего стыда, и гордилась ею. Вы видите, что она многое точно знала и знает, что не должно знать в ее годы. Но разве она виновата? А между тем [молодая, пылкая кровь кипела в ней] [мысли сменялись в ее голове], самые сумасбродные мысли кружили, ‹*нрзб.*› ходили в ее голове, силы разыгрались, кровь кипела; а кругом [не было] ни одной руки, которая бы ее направила, поддержала. Полная независимость. Разве легко ее вынести? Она бросилась на книги, что тут могло выйти путного? Неправильно начатая жизнь слагалась неправильно, но сердце в ней не испортилось, ум уцелел.
девочкой на руках! (96, 4)	*а.* девочкой на руках. Представьте себе мое положение! *б.* девочкой на руках. Представьте себе, каково мое положение!
ее била лихорадка (96, 5—6)	она дрожала как лист
и полюбил ее (96, 9)	*а.* что я сам готов полюбить ее *б.* что я сам искренно полюбил ее *в.* что я сам действительно полюбил ее
Я привез ее в Петербург. Как мне ни больно было с ней расстаться, — жить с ней	*а.* При всем желании не огорчать ее я не мог жить с ней вместе; я поместил ее [к одной

вместе я никак не мог; я поместил ее в один из лучших пансионов. Ася поняла необходимость нашей разлуки, но начала с того, что заболела и чуть не умерла. Потом она обтерпелась и выжила в пансионе четыре года; но, против моих ожиданий, осталась почти такою же, какою была прежде. Начальница пансиона часто жаловалась мне на нее. «И наказать ее нельзя, — говаривала она мне, — и на ласку она не подается». Ася была чрезвычайно понятлива, училась прекрасно, лучше всех; но никак не хотела подойти под общий уровень, упрямилась, глядела букой... Я не мог слишком винить ее: в ее положении ей надо было либо прислуживаться, либо дичиться. Из всех своих подруг она сошлась только с одной, некрасивой, загнанной и бедной девушкой. Остальные барышни, с которыми она воспитывалась, большей частью из хороших фамилий, не любили ее, язвили ее и кололи как только могли; Ася им на волос не уступала. Однажды на уроке из закона божия преподаватель заговорил о пороках. «Лесть и трусость — самые дурные пороки», — громко промолвила Ася. Словом, она продолжала идти своей дорогой; только манеры ее стали лучше, хотя и в этом отношении она, кажется, не много успела.

Наконец ей минуло семнадцать лет; оставаться ей долее в пансионе было невозможно. (96, 12—38)

из моих] у одной моей тетки, доброй и чопорной женщины. Поступивши к тетке, Ася начала с того, что заболела и чуть не умерла. Потом она обтерпелась [но новый повод] и выжила у ней целых четыре года — но без особенной пользы. Дочери [моей тетки] ее были очень добрые, но довольно пошлые петербургские барышни. Ася казалась им чудачкой, мальчиком в юбке, часто они не понимали ее и считали ее иногда сумасшедшей, иногда даже злою; а она их считала за дурочек, за кукол. Они бренчали недурно разные вальсики и романсы, а Ася никогда не выучит простую гамму; она читала с жадностью, они вовсе ничего не читали, они мечтали об офицерах и нарядах [впрочем], и то слегка, а размышлять они и не умели вовсе. Она носила у себя в сердце целый мир образов, воспоминаний, фантазий, несбыточных надежд... между ними не было ничего, а потому Ася продолжала идти своей дорогой, больше замкнулась. *б.* Я привез ее в Петербург. Как мне ни больно было с нею расставаться, жить с нею вместе я никак не мог. Я поместил ее к одной моей тетке, доброй и властной женщине с большим семейством. Ася поняла необходимость нашей разлуки, но начала с того, что заболела и чуть не умерла. Потом она обтерпелась и выжила у ней целые четыре года. Тетка только смотрела за внешним приличием, за comme il faut и в прочее ни во что не входила. Дочери ее

были очень добрые, но довольно пошлые петербургские барышни. Ася казалась им чудачкой, мальчиком в юбке, они не понимали ее, находили ее иногда сумасшедшей, иногда даже злою; а она их считала за дурочек, за кукол. Они бренчали на фортепьянах разные вальсики и романсы, а Ася никогда не могла выучить простую гамму; она читала с жадностью, они вовсе ничего не читали. Они мечтали об офицерах и нарядах, и то слегка, а размышлять они не умели вовсе. Она носила у себя [на душе] в голове целый мир образов, воспоминаний, фантазий, несбыточных надежд... и сердце тлело в ней глубоко и скрытно, как уголь... Общего между ними не было ничего. [Сверх] Кроме того, мои кузины не умели пощадить ее гордость. Ася с своей стороны [вымещала им их маленькие обиды] не спускала также им. Словом, она продолжала идти своей дорогой [она впрочем], только по милости теткиных увещаний она стала немного лучше держать себя, меньше [капризничала] прихотничала, [но не больше стала] хотя и в этом отношении она кажется не много успела. Рассказ мой близится к концу. Наконец месяцев пять тому назад тетка моя переселилась в Москву; не хотелось совершенно расставаться с Асей (в Петербурге я ее видел раза 2, 3 в неделю), но что было делать? *в.* Я привез ее в Петербург. Как мне ни больно было с нею расставаться, жить с нею вместе

я никак не мог. Я поместил ее в одном из лучших пансионов. Ася поняла необходимость нашей разлуки, но начала с того, что заболела и чуть не умерла. Потом она обтерпелась и выжила в пансионе четыре года, но против моих ожиданий осталась точно такою же, какою была прежде. Начальница часто мне жаловалась на нее: «Я не знаю, и наказать ее нельзя, говаривала она мне, и на ласку она не подается». Ася была очень понятлива. Она училась очень хорошо, [почти] лучше [всех сверстниц] других, но [и дурила] [и] дерзила любимчикам; [ни с одной из своих подруг] из всех своих подруг сошлась только с одной, очень некрасивой [женщиной] девушкой. [Эта одна до страсти полюбилась.] [Ее сверстницы не умели пощадить ее гордость, и она им не спускала.] Барышни, с которыми она воспитывалась в пансионе, [взбунтовались] находили ее дерзкой и гордой. Ася дичилась, не слушалась, упрямилась, особенно если ее хотели приневолить. Сверх того между ними мало было общего. [Ася смущала их] Они и не могли сойтись и не отдалиться, дело понятное, все их прошедшее было [другое] разное. [Ася] [выросла] У Аси целый мир образов и фантазий копошился в голове. Они ее не любили [не терпели] и называли гордячкой. Она им на волос не уступала ни в чем. Барышни, с которыми она воспитывалась в пансионе, большей частью из лучших фамилий, язвили и ко-

	лоли, как только могли, и однажды на уроке на вопрос [учителя] преподавателя из з‹акона› б‹ожия›, какие самые [дурные] низкие пороки человека, [она нарочно громко промолвила] «самые дурные пороки: лесть и трусость», громко промолвила Ася [и продолжала: Если я сам‹а›]. Я не могу винить ее. В положении Аси ей надо было или льстить, прислуживать, или идти наперекор всем.
стиснул ему руку. (97, 9)	стиснул его руку и поблагодарил его за его доверенность ко мне.
В Петербурге видала же она молодых людей? (97, 21—23)	В Петербурге в доме вашей тетки, вероятно же, бывали молодые люди?
Гагин добродушно усмехнулся, (97, 30)	Гагин плутовски усмехнулся
легко (97, 34)	хорошо
с потупленными глазами. (97, 39)	с вопрошающим взором.
что прежде сбивало меня с толку: ее внутреннее беспокойство, неуменье держать себя, желание порисоваться — всё мне стало ясно. (98, 6—9)	*а.* что прежде казалось мне неясным: и это беспокойство, и отсутствие тишины, и желание порисоваться, и присутствие постоянно тайного гнета, и непривычка, неуменье, тревога, самолюбие и благородство — все мне стало ясно. *б.* что прежде сбивало меня с толку: ее внутреннее беспокойство, неумение держать себя, желание порисоваться и непривычка и неуместная тревога и благородство.
тайный гнет давил ее постоянно, тревожно путалось и билось неопытное самолюбие, но	я почувствовал в ней тайный гнет, [который давил и стре‹мление› жаркое] ее давив-

всё существо ее стремилось к правде. (98, 9—11)	ший, тревожно билось самолюбие, [но неопытность] но вся душа, замученная неизвестностью, стремилась к правде, и мозг горел чистым пла‹менем?›. Не отказало ей небо в высшем своем даре: в силе духа.
Я понял, почему эта странная девочка меня привлекала; не одной только полудикой прелестью, разлитой по всему ее тонкому телу, привлекала она меня; ее душа мне нравилась. (98, 12—15)	*а.* Эта странная девочка нравилась и привлекала. Все ее ощущения были часто сбивчивы, но сильны. *б.* Я понял, почему эта странная девочка меня привлекала. Не одной стыдливой неясной [своеобразной] ласковой грацией, разлитой по ее маленьким, худощавым и тонким членам, так привлекала она меня: ее душа бессознательно мне нравилась.
хорошо. (98, 40)	хорошо. — Я же вам говорю, я рада, что вы вернулись. — В самом деле? — В самом деле, но это же вы сами сегодня такие добренькие, повадливые и послушные.
До того дня Ася ни разу не говорила мне о своем отце. Меня это поразило. (99, 4—5)	*а.* Меня поразило то, что до сих пор она [мне] ни разу не говорила со мной о своем отце. *б.* Я вспомнил, что до того дня она ни разу не говорила со мной о своем отце. Меня это поразило.
Она ничего не отвечала и покраснела тоже. (99, 9)	Она, кажется, заметила мое смущение и покраснела сама.
прошептала Ася. (99, 12)	прошептала Ася. «Мое путешествие представилось мало интересным» — начал было я.
что я делаю. (99, 16—17)	что я делаю. Вы умный человек. Вы все должны понимать.
сказка о Лорелее? (99, 17)	легенда о Лорелее?

Ася подняла голову (99, 23)	Ася откинула голову
повторяли молитвенный напев: (99, 27)	повторяли напев какой-то унылый;
толпа богомольцев тянулась внизу по дороге с крестами и хоругвями... (99, 27—29)	это богомольцы шли вдоль по дороге [внизу], они [тянулись] шли с крестами и хоругвями поклониться святыне Санкт-Гоара.
— Вы честолюбивы, — заметил я, — вы хотите прожить не даром, след за собой оставить... (99, 36—37)	Вы честолюбивы, заметил я, — или нет! *Далее начато:* Вы хотите взглянуть в лицо идеалу, настигнуть...
И привыкла болтать всё (100, 15)	*а.* привыкла говорить всё, *б.* привыкла высказывать всё
или прочтите что-нибудь, как, помните, вы нам читали из «Онегина»...	*вписано.*
Она вдруг задумалась...	
Где нынче крест и тень ветвей Над бедной матерью моей! —	
проговорила она вполголоса. — У Пушкина не так, — заметил я. — А я хотела бы быть Татьяной, — продолжала она всё так же задумчиво. (100, 25—33)	
Всё радостно сияло вокруг нас, внизу, над нами — небо, земля и воды, самый воздух, казалось, был насыщен блеском. (100, 37—39)	*а.* Всё радостно сияло вокруг: безоблачное небо и земля и самый воздух казался насыщен блеском. *б.* Всё радостно сияло вокруг нас: внизу над нами лазоревое небо и река, и лозы, и воды, и воздух [казался] был насыщен блеском
как бы полетели... (101, 5)	*а.* как бы полетели в эту голубую синеву... *б.* как бы полетели в эту лазурь...
спросила она вдруг. (101, 16)	а. спросила она меня вдруг, быстро приподняв голову и

	встряхнув кудрями. *б.* спросила она вдруг, быстро приподняв голову и выпрямивши стан. *в.* спросила она вдруг, быстро приподняв голову
Она побежала к дому. (101, 21)	и она захлопала в ладоши и побежала домой.
мы кружились в тесной комнате, (101, 20—23)	*а.* мы летали *б.* мы носились по зале
Въехавши на средину Рейна, (101, 35)	Переправляясь через Рейн
поднял глаза к небу — но и в небе не было покоя: испещренное звездами, оно всё шевелилось, двигалось, содрогалось; (101, 39—102, 1—2)	*а.* Я взглянул на небо — и удивился: оно все пестрело звездами *б.* поднял глаза к небу; небо не было спокойно, хотя ни одного облачка не видно было нигде *в.* поднял глаза к небу, но и там не было покоя; испещренное звездами, оно все шевелилось, двигалось, роилось, тихо содрогалось.
я склонился к реке... но и там, и в этой темной, холодной глубине, тоже колыхались, дрожали звезды; тревожное оживление мне чудилось повсюду — и тревога росла во мне самом. Я облокотился на край лодки... Шепот ветра в моих ушах, тихое журчанье воды за кормою меня раздражали, и свежее дыханье волны не охлаждало меня; (102, 2—9)	*а.* я нагнул лицо к воде... и увидел снова звезды; они шевелились как на небе, они дрожали в неизмеримой глубине. В глубине было темнее и тише. Вода с тихим журчаньем бежала и дышала свежестью в лицо *б.* я склонился к реке... и там, и в этой темной, холодной глубине плавно качались, двигались, колыхались, дрожали звезды. Шёпот и журчание воды, бежавшей за лодкой, меня раздражали, в ее свежем дыханьи было что-то, что раздражало мое лицо. [Я лежал неподвижно, прислонясь на грудь.] *в.* Я лег на грудь и облокотился на край лодки. Отовсюду веяло на меня тревогой. Тревога росла во мне. Теплый ветер [пробежал] шептал мне что-то на ухо.

соловей запел на берегу и заразил меня сладким ядом своих звуков. (102, 9—10)	*а.* Когда соловей запел вдруг на берегу и сладкий яд его звуков, его сладостное шептанье словно прокатились по во‹де?› и наполнили меня ядовито-сладким голосом радости *б.* Соловей запел на берегу и заразил кровь мою сладким ядом своих звуков.
Что я чувствовал, было не то смутное, еще недавно испытанное ощущение всеобъемлющих желаний, когда душа ширится, звучит, когда ей кажется, что она всё понимает и всё любит... Нет! во мне зажглась жажда счастия. (102, 12—16)	Что я чувствовал, было не то смутное, некогда близкое, ощущение всеобъемлющей любви, наполнившей душу, когда она вся звенит как струна, звучит, когда ей кажется, что она все понимает и все любит, — нет! Во мне зажглась жажда счастья, жажда полного счастья.
ее судьба меня занимала, (102, 23)	Я начинал понимать ее, но я чувствовал, что понять ее вполне было не легко, я старался понять ее, ее судьба меня занимала,
Бодро шел я по знакомой дороге, беспрестанно посматривая на издали белевший домик; я не только о будущем — я о завтрашнем дне не думал; мне было очень хорошо. (102, 30—33)	Я шел весело и бодро по знакомой дороге. Я [не старался заглянуть и] не останавливался мыслями на будущем; я знал одно: я скоро, сейчас ее увижу, и мне было хорошо.
А я пришел таким веселым! (102, 36—37)	*Вписано:* Это меня огорчило тем более, что сам я чувствовал себя ве‹селым›
внезапно овладевает дилетантами (103, 3—4)	овладевает вдруг дилетантами или учениками
перед натянутым холстом (103, 7)	перед картиной
отодвинулся (103, 9)	*а.* откинул стан *б.* согнул стан назад
после тщетных усилий вызвать улыбку на ее губы. (103, 13—14)	*Вписано: а.* после тщетных усилий рассмешить ее. *б.* после тщетных усилий вызвать улыбку на ее лицо.

Она с усилием выговорила это слово (103, 22)	Она говорила неторопливо и глухо
я думала, отчего (103, 24)	я думала, как трудно жить
трудиться, (103, 39)	трудиться над картоном
Я иногда самой себя боюсь, ей-богу. (104, 2—3)	*вписано.*
с невинной доверчивостью обратясь ко мне. (104, 8—9)	*а.* и опять подняла на меня свои глаза. *б.* и повернулась вся ко мне.
Она вернулась через час, остановилась в дверях и подозвала меня рукою. — Послушайте, — сказала она, — если б я умерла, вам было бы жаль меня? — Что у вас за мысли сегодня! — воскликнул я. — Я воображаю, что я скоро умру; мне иногда кажется, что всё вокруг меня со мною прощается. Умереть лучше, чем жить так... Ах! не глядите так на меня; я, право, не притворяюсь. А то я вас опять бояться буду. — Разве вы меня боялись? — Если я такая странная, я, право, не виновата, — возразила она. — Видите, я уж и смеяться не могу... (104, 21—33)	*Вписано:* Она вернулась через полчаса. Не успел я подойти к ней, как она быстро обратилась в мою сторону и сказала: «Да». Я посмотрел на нее с недоумением. — Извините, — промолвила она. — Мне показалось, что вы у меня что-то спрашивали. Всё равно я сказала всё-таки... да... да... да... проговорила она значи‹тельно›, с расстановкой.
Ее взор часто останавливался на мне... (104, 36)	Ее взор часто останавливался, и лицо принимало такое выражение, как будто ей хотелось сказать мне что-то
загадочным взором (104, 37)	спрашивающим взором
Я любовался ею, я находил трогательную прелесть в ее побледневших чертах, в ее нерешительных, замедленных движениях — а ей почему-то вооб-	*а.* Я находил трогательную прелесть в ее неизменявшихся чертах, в ее недвижных, замедленных движениях. *б.* В то самое вр‹емя› я находил трогатель-

ражалось, что я не в духе. (105, 1—4)	ную красоту в неподвижных ее чертах. Ей казалось, что я почему-то не в духе: «Вы сегодня не сердитесь?» — спросила она меня, а я, напротив, любовался ею.
меня мучит мысль, что вы меня считаете легкомысленной... (105, 6—7)	*вписано.*
и стиснула руки, (105, 27)	и [прижала руки к груди] замахала руками, как бы испугавшись,
думал я, (105, 31)	думал я, в каком-то полусне сознания,
Я не хотел заглядывать в самого себя (105, 35—36)	*а.* В самого себя я не заглядывал: «А каковы мои чувства к ней?» *б.* Я не хотел заглядывать в самого себя: «А люблю ли я ее?»
образ «девушки с натянутым смехом» (105, 37)	образ «девушки с натянутым смехом» и некрасивым лицом
и что мне от него не скоро отделаться. (106, 1)	и что мне от него не отделаться, но люблю ли я ее? *Далее начато:* Этот вопрос, который я не ставил скоро
Я пошел в Л. и остался там целый день, но Асю видел только мельком. Ей нездоровилось; у ней голова болела. Она сошла вниз, на минутку, с повязанным лбом, бледная, худенькая, с почти закрытыми глазами; слабо улыбнулась, сказала: «Это пройдет, это ничего, всё пройдет, не правда ли?» — и ушла. Мне стало скучно и как-то грустно-пусто; я, однако, долго не хотел уходить и вернулся поздно, не увидав ее более. Следующее (106, 1—11)	*вписано.*

стоял мальчик. (106, 17)	*а.* стоял мальчик с запиской в руке *б.* стоял мальчик с бумажкой в руке
прибавил он (106, 18)	прошептал он
подавая мне записку. (106, 19)	*а.* подавая мне записку. Мне велено подождать отве‹т› *б.* подавая мне записку. Ответ вы дадите?
неправильный и быстрый почерк Аси. (106, 20—21)	руку Аси.
к каменной часовне (106, 23)	к каменному кресту
Мальчик убежал. (106, 28)	*а.* Он надел фуражку и убежал. *б.* Мальчик поклонился и убежал
сел и задумался. (106, 30)	и бросился на кресло
Лицо его было пасмурно. (106, 35)	*а.* Выражение его лица было озабочено *б.* Лицо его меня поразило: оно было пасмурно и бледно
Четвертого дня (107, 2)	Третьего дня
с принужденной улыбкой и запинаясь, (107, 2—3)	с некоторым усилием
— Ваша сестра, говорите вы... (107, 9)	— Кто же вам сказал, — начал я
— Да, да, — перебил меня Гагин. (107, 10)	*а.* Она сама мне это сказала, возразил Гагин. *б.* Она сама мне это сказала, — [продолжал] перебил меня Гагин. — Разбудила меня в четыре часа утра и все сказала. Она всю ночь не спала.
— Да вы ошибаетесь, — начал я. (107, 15)	*а.* — Да вы ошибаетесь, — начал было я. *б.* — Да быть не может, — начал я. *в.* — Да вы может быть ошибаетесь, уверяю вас, — начал я.
— Нет, не ошибаюсь. Вчера, вы знаете, она почти целый день пролежала, ничего не ела,	*вписано.*

впрочем, не жаловалась... Она никогда не жалуется. Я не беспокоился, хотя к вечеру у ней сделался небольшой жар. Сегодня, в два часа ночи, меня разбудила наша хозяйка: «Ступайте, говорит, к вашей сестре: с ней что-то худо». Я побежал к Асе и нашел ее нераздетою, в лихорадке, в слезах; голова у ней горела, зубы стучали. «Что с тобой? — спросил я, — ты больна?» Она бросилась мне на шею и начала умолять меня увезти ее как можно скорее, если я хочу, чтобы она осталась в живых... Я ничего не понимаю, стараюсь ее успокоить... Рыдания ее усиливаются... и вдруг сквозь эти рыдания услышал я... Ну, словом, я услышал, что она вас любит. Уверяю вас, мы с вами, благоразумные люди, и представить себе не можем, как она глубоко чувствует и с какой невероятной силой высказываются в ней эти чувства; это находит на нее так же неожиданно и так же неотразимо, как гроза. (107, 16—34)	
не жалуется. (107, 18)	не жалуется. Этого с ней прежде не бывало, но в ее годы это часто случается
с ней что-то худо». (107, 21—22)	она больна, она всю ночь не спала
эти рыдания (107, 28—29)	слезы
услышал я... Ну, словом, я услышал, что она вас любит. (107, 29—30)	с невероятной силой вырвалось у нее признание
Она воображает, что вы ее презираете, что вы, вероятно, знаете, кто она; она спрашивала меня, не рассказал ли я	*а.* Она просила меня увезти ее, увезти тотчас... *Далее начато:* Она меня с ума сведет, она в голову себе вбила, что вы не

вам ее историю, — я, разумеется, сказал, что нет; но чуткость ее — просто страшна. Она желает одного: уехать, уехать тотчас. Я просидел с ней до утра; она взяла с меня слово, что нас завтра же здесь не будет, — и тогда только она заснула. (107, 39—108, 6)	можете *б.* Она рыдала как в лихорадке. Голова у нее горела; она вообразила, что вы ее терпеть не можете, что вы вероятно знаете, кто она, и она ни на что не надеется; и она желает только одного: уехать, уехать [тотчас] как можно скорей. Я кое-как ее успокоил, наконец она заснула — но вот
решился — поговорить с вами (108, 7)	решился прийти к вам — вы сейчас узнаете зачем.
отсюда (108, 8)	отсюда тотчас — пока еще не дошло до беды
вот и решился, (108, 12)	вот и пришел,
произнес я твердым голосом, (108, 18)	*вписано.*
вопрос мой — верх неприличия... (108, 27—28)	*а.* это нагло, неприлично *б.* это невежливо, нагло *в.* это очень грубо
она в состоянии занемочь, убежать, свиданье вам назначить... (108, 29—30)	она в состоянии занемочь, уехать, написать вам письмо
и честно объясниться с Асей; (109, 13—14)	*отсутствует.*
— Я твердо надеюсь на вас, — сказал Гагин и стиснул мне руку, (109, 17—18)	Я надеюсь на вашу честь и на вашу доброту, — сказал мне Гагин, крепко стиснув мне руку
смущала (109, 27)	пугала
неизбежность скорого, почти мгновенного решения терзала меня... «Жениться на семнадцатилетней девочке с ее нравом, как это можно!» (109, 28—31)	«Помяты наши цветы», шептал я. Нет, я не женюсь.
Ася извещала меня о перемене места нашего свидания. Я должен был прийти через полтора часа не к часовне, а	«Я переменила свое намерение, — писала Ася, — приходите не к кресту, а в дом к фрау Луизе. Стукните внизу в кольцо.

Вам в дом к фрау Луизе, постучаться внизу и войти в третий этаж. (110, 1—4)	отворят и взойдите в 3-й этаж. Я буду вас ждать».
Вернуться домой было некогда, я не хотел бродить по улицам. (110, 7—8)	Мне не хотелось, да и некогда было вернуться, но я не хотел, чтобы меня видели в городе.
За городской стеной находился маленький сад с навесом (110, 8—9)	На самом конце города находился маленький кнейпе или трактир с садом
Я вошел туда. (110, 10)	Я вошел в тот сад
жених (110, 18)	сегодня жених
на свое место (110, 22)	в свой уголок
подействовало (110, 22—23)	тайно подействовало
я начал думать об ожидавшем меня свидании, (110, 23—24)	я начал думать, заботливо думать о предстоявшем мне свидании,
не предаваться радостям взаимной любви предстояло мне; (110, 26—27)	не предаваться радостям первых сближений взаимной любви предстояло мне;
«С ней шутить нельзя» (110, 28—29)	«С огнем шутить нельзя»
А еще четвертого дня (110, 30)	А еще третьего дня
я должен был оттолкнуть его прочь... (110, 32—33)	*а.* я отталкивал от себя увенчанный цветами напиток *б.* я отталкивал увенчанный цветами кубок
меня смущала. (110, 33—34)	меня испугала.
Сама Ася, с ее огненной головой, с ее прошедшим, с ее воспитанием, это привлекательное, но странное существо — признаюсь, она меня пугала. (100, 34—36).	*Вписано:* Сама Ася, с ее странностями, с этим всем ее прошедшим, признаюсь, она меня пугала.
она не узнает, что и я полюбил ее». (110, 39)	она не должна узнать, что и я готов был полюбить ее».
отворилась. (111, 5)	отворилась. «Войдите, войдите!»

послышался старушечий голос. (111, 7)	послышался в темноте старушечий голос.
Вас ждут (111, 7—8)	Сюда, за мной
— Я, — отвечал мне тот же голос, — я, мой прекрасный молодой человек. (111, 12—13)	— Да, я, — отвечал мне тот же беззубый шамкающий голос, — мой прекрасный молодой человек.
Она дышала быстро (111, 27)	Я заметил, что она быстро дышала
Мне стало несказанно жалко ее. (111, 27—28)	Мне стало несказанно жалко бедной девочки, — сердце во мне растаяло.
хотела взглянуть на меня — и не могла. Я схватил ее руку, (111, 31—32)	*а.* и протянула мне руку *б.* хотела взглянуть на меня — и не могла, протянула мне руку. Я схватил ее.
— Анна Николаевна, — повторил я и тоже не мог ничего прибавить. Настало молчание. Я продолжал держать ее руку и глядел на нее. Она по-прежнему вся сжималась, дышала с трудом и тихонько покусывала нижнюю губу, чтобы не заплакать, чтобы удержать накипавшие слезы... Я глядел на нее; было что-то трогательно-беспомощное в ее робкой неподвижности: точно она от усталости едва добралась до стула и так и упала на него. Сердце во мне растаяло... — Ася, — сказал я едва слышно... Она медленно подняла на меня свои глаза... О, взгляд женщины, которая полюбила, — кто тебя опишет? Они молили, эти глаза, они доверялись, вопрошали, отдавались... Я не мог противиться их обаянию. Тонкий огонь	Она тихо взяла у меня свою руку и спрятала ее под шаль. «Анна Николаевна, — начал я, — я с вами хитрить не буду. Я не стану притворяться, что не знаю, зачем вы хотели меня видеть. — Ваш брат был у меня сегодня — и сказал мне все.» Ася затрепетала [вся] с ног до головы и поднялась со стула. Я остановил ее. — Не уходите, останьтесь, выслушайте меня..., — промолвил я. — Вы имеете дело с честным человеком. — Но позвольте попенять вам: зачем вы выдали вашу тайну? что могло взволновать вас? Вспомните, мы только что сошлись с вами. Вспомните наш разговор в винограднике. [Разве] Или вы заметили [что-нибудь в моем] во мне какую-нибудь перемену? Ася [впервые посмотрела на меня] устремила на меня

пробежал по мне жгучими иглами; я нагнулся и приник к ее руке...

Послышался трепетный звук, похожий на прерывистый вздох, и я почувствовал на моих волосах прикосновение слабой, как лист дрожавшей руки. Я поднял голову и увидал ее лицо. Как оно вдруг преобразилось! Выражение страха исчезло с него, взор ушел куда-то далеко и увлекал меня за собою, губы слегка раскрылись, лоб побледнел, как мрамор, и кудри отодвинулись назад, как будто ветер их откинул. Я забыл всё, я потянул ее к себе — покорно повиновалась ее рука, всё ее тело повлеклось вслед за рукою, шаль покатилась с плеч, и голова ее тихо легла на мою грудь, легла под мои загоревшиеся губы...

— Ваша... — прошептала она едва слышно.

Уже руки мои скользили вокруг ее стана... Но вдруг воспоминание о Гагине, как молния, меня озарило.

— Что мы делаем!.. — воскликнул я и судорожно отодвинулся назад. — Ваш брат... ведь он всё знает... Он знает, что я вижусь с вами.

Ася опустилась на стул.

— Да, — продолжал я, вставая и отходя на другой угол комнаты. — Ваш брат всё знает... Я должен был ему всё сказать.

— Должны? — проговорила она невнятно. Она, видимо, не могла еще прийти в себя и плохо меня понимала.

— Да, да, — повторил я с каким-то ожесточением, — и в свои темные глаза и тотчас опустила их снова.

— Я не звала брата, — проговорила она [почти шёпотом] еле слышно, — он пришел сам.

— Посмотрите, что вы сделали, — продолжал я. — Теперь вы хотите уехать...

— Да, я должна уехать, — прошептала она. Я и позвала сюда [только] для того, чтобы проститься с вами. [У креста бы нас увидели] У часовни бы нас могли увидеть.

— И вы думаете, — подхватил я, — мне легко будет с вами расстаться? Разве вы не чувствуете, что с тех пор, как я познакомился с вами... — Я остановился. Я вспомнил свое [решение] обещание.

Ася опять посмотрела на меня. Слабый румянец заиграл на ее щеках.

— Простите меня... — промолвила она... — Могла ли я ожидать? Я заперлась в моей комнате, я не знала, что у нашей хозяйки был другой ключ... и брат...

Это [детское] невинное извинение в ее устах в такую минуту меня тогда [слегка тронуло] почти рассмешило — а теперь я без умиления не могу его вспомнить.

— Сделавши эту неосторожность, — продолжал я, — хотел я по крайней мере проститься с вами, [потому что ведь] так как мы должны расстаться. Она [закусила губу] качнула головой ‹*нрзб.*› и опять умолкла.

Да, — повторил я печально, — теперь все кончено. Вы не дали развиться чувству, ко-

этом вы одни виноваты, вы одни. Зачем вы сами выдали вашу тайну? Кто заставлял вас всё высказать вашему брату? Он сегодня был сам у меня и передал мне ваш разговор с ним. — Я старался не глядеть на Асю и ходил большими шагами по комнате. — Теперь всё пропало, всё, всё.

Ася поднялась было со стула.

— Останьтесь, — воскликнул я, — останьтесь, прошу вас. Вы имеете дело с честным человеком — да, с честным человеком. Но, ради бога, что взволновало вас? Разве вы заметили во мне какую перемену? А я не мог скрываться перед вашим братом, когда он пришел сегодня ко мне.

«Что я такое говорю?» — думал я про себя, и мысль, что я безнравственный обманщик, что Гагин знает о нашем свидании, что всё искажено, обнаружено, — так и звенела у меня в голове.

— Я не звала брата, — послышался испуганный шепот Аси, — он пришел сам.

— Посмотрите же, что вы наделали, — продолжал я. — Теперь вы хотите уехать...

— Да, я должна уехать, — так же тихо проговорила она, — я и попросила вас сюда для того только, чтобы проститься с вами.

— И вы думаете, — возразил я, — мне будет легко с вами расстаться?

— Но зачем же вы сказали брату? — с недоумением повторила Ася.

торое уже начинало созревать. Вы сами разорвали нашу связь. Вы не имели ко мне доверия. Вы усомнились во мне и теперь мне остается только от глубины души пожелать вам...

— Я вам говорю — я не мог поступить иначе. Если б вы сами не выдали себя...

— Я заперлась в моей комнате, — возразила она простодушно, — я не знала, что у моей хозяйки был другой ключ...

Это невинное извинение, в ее устах, в такую минуту — меня тогда чуть не рассердило... а теперь я без умиления не могу его вспомнить. Бедное, честное, искреннее дитя!

— И вот теперь всё кончено! — начал я снова. — Всё. Теперь нам должно расстаться. — Я украдкой взглянул на Асю... лицо ее быстро краснело. Ей, я это чувствовал, и стыдно становилось и страшно. Я сам ходил и говорил, как в лихорадке. — Вы не дали развиться чувству, которое начинало созревать, вы сами разорвали нашу связь, вы не имели ко мне доверия, вы усомнились во мне... (112, 1—114, 8)

вся сжималась, (112, 4)	не подымала головы
Я глядел на нее (112, 7)	С умилением глядел я на нее
что-то трогательно-беспомощное в ее робкой неподвижности (112, 7—8)	*а.* так трогательно, так беспомощна *б.* что-то [несказанно] до того трогательное, беспомощно преданное было в этой неподвижности, словно бросилась она передо мною *не закончено.*
Сердце во мне растаяло... (112, 10)	*а.* Неотразимо влекло меня к ее ногам *б.* [Я глядел] меня влекло к этим холодным ножкам *в.* Куда девалась твоя резвость, бедная девочка, думал я с умилением [сочувствием]

Она медленно подняла на меня свои глаза (112, 12)	*а.* Она тихонько, робко подняла на меня свои глаза *б.* Она медленно взглянула на меня
О, взгляд женщины, которая полюбила, — кто тебя опишет? (112, 13—14)	*а.* О, глаза женщины [Пушки‹н›], которая полюбила, кто вас опишет? Как посмотрела она на меня из под влажных век... *б.* О, взгляд женщины, которая полюбила. Кто тебя опишет? С каким робким увлечением посмотрела она на меня из под влажных век
Они молили, эти глаза, они доверялись, вопрошали, отдавались... (112, 14—15)	*а.* Они молили, доверялись, отдавались... [слезы готовые политься] и слезы стояли в них, поглощенные *б.* Они молили, [спрашивали] эти глаза доверялись, вопрошали, отдавались. Вот эти глаза, эти жен‹ские?› глаза!
Послышался трепетный звук, похожий на прерывистый вздох, (112, 18—19)	*а.* Она затрепетала вся *б.* Раздался трепетный звук, похожий на прерывистое рыданье, *в.* Послышался [слабый] трепетный звук, похожий на прерывистое дыханье,
взор (112, 22)	глаза
лоб побледнел, как мрамор, (112, 24)	лоб побледнел и засиял, как мрамор,
и кудри отодвинулись назад, как будто ветер их откинул. (112, 24—25)	*а.* и волосы немного откинулись назад, как будто она шла навстречу легкому дуновению *б.* и кудри отодвинулись назад, как будто над ней повеяло какое дуновение
ее тело повлеклось вслед за рукою, (112, 27)	*а.* ее стан после‹довал?› нагнулся *б.* это нежное тело тоже гнулось ей вслед *в.* вся она склонилась вслед за рукою
— Ваша... — прошептала она едва слышно. (112, 30)	*отсутствует.*

Ася опустилась на стул, (112, 36)	*а.* Ася опустилась на стул... Глаза ее расширились и уставились на меня *б.* *Начато:* Ася опустилась на стул. Ее широко раскрытые глаза
невнятно (112, 40)	как сквозь сон
высказать вашему брату? (113, 5—6)	*а.* рассказать ему? *б.* рассказать не от пурийства?
и передал мне ваш разговор с ним (113, 7)	и все мне сам сказал
А я не мог скрываться перед вашим братом, когда он пришел сегодня ко мне. (113, 14—16)	*Вписано: а.* А я не мог не сказать вашему брату о нашем свидании, когда он пришел ко мне с откровенностью. *б.* А я не мог скрываться перед вашим братом, когда он обратился к моей чести.
возразила она простодушно, (113, 34—35)	*а.* возразила она и протянула ко мне руку, *б.* тихо возразила она полуголосом *в.* прошептала она и опустила голову
и зарыдала. (114, 11)	и судорожно, громко зарыдала.
твердил я, (114, 14)	говорил я ей,
пустился прямо в поле. (114, 31)	пошел прямо в поле.
укоризнами. (114, 33)	упреками.
Как я мог не понять причину, заставившую Асю переменить место нашего свидания, как не оценить, чего ей стоило прийти к старухе, как я не удержал ее! (114, 33—36)	Как я не удержал ее! Как мне не понять причину, заставившую Асю переменить место нашего свидания, как мог я не оценить, чего ей стоило назначить мне свидание у этой старой ведьмы, как мог я так наконец холодно читать ей наставления. Как мог я дать ей уйти, выпустить ее!
Наедине с ней в той глухой, едва освещенной комнате у меня достало силы, достало духа — оттолкнуть ее от себя,	*а.* Я был с ней холоден, в той маленькой, едва освещенной комнатке *б.* Наедине с нею в той глухой, едва освещенной

даже упрекать ее... (114, 36—38)	комнатке, [я оттолкнул ее от себя] у меня достало силы оттолкнуть ее от себя, я жестоко говорил с нею.
А теперь ее образ меня преследовал, я просил у ней прощения; воспоминания об этом бледном лице, об этих влажных и робких глазах, о развитых волосах на наклоненной шее, о легком прикосновении ее головы к моей груди — жгли меня. (114, 38—115, 5)	*а.* а теперь ее образ меня преследовал, воспоминания об этом бледном лице, об этом тонком стане под длинной шалью, об этих слезах, об руке, мне отданной руке — жгли меня... *б.* А теперь ее образ меня преследовал, воспоминания об этом бледном лице [девственном стан<е>], об этих девственных [плечах] очертаниях под длинной шалью, об этих влажных и робких глазах и развитых волосах на наклоненной шее, о легком прикосновении ее головы к моей груди, о теплом запахе ее кудрей — жгли меня. Мне хотелось теперь всемерно ее остановить и просить у нее прощения.
«Ваша...» — слышался мне ее шепот. (115, 5—6)	*отсутствует.*
«Я поступил по совести», — уверял я себя... (115, 6)	«Я должен был так поступить», — думал я...
«Безумец! безумец!» — повторял я с озлоблением... (115, 9—10)	«Я женюсь на ней, женюсь и буду счастлив», — повторял я с каким-то радостным ожесточением...
вышел мне навстречу. (115, 14)	встретил меня на пороге.
ходил к часовне; (115, 21)	ходил к кресту;
Я должен был сознаться, что я ее видел. — Где? — У фрау Луизе. Я расстался с ней час тому назад. (115, 25—28)	Я должен был сознаться, что я ее видел, что она ушла час тому назад.
у меня сердце не на месте. (115, 36)	Он начинал беспокоиться.

проворно спустился (116, 9)	бегом спустился
побежал по берегу... (116, 11—12)	пошел по берегу...
грызла (116, 14)	томила
самое жгучее, (116, 16)	самое горячее,
любовь — да! самую нежную любовь. (116, 16)	любовь! — да! любовь самую нежную,
видеть ее перед собою... (116, 22)	видеть перед собою ее девственный образ...
она пришла ко мне с полной решимостью, в полной невинности сердца и чувств, она принесла мне свою нетронутую молодость (116, 23—25)	*вписано.*
восторга... (116, 28)	счастливой любви
белая фигура исчезла. Я крикнул: «Ася!» Дикий голос мой (116, 36—37)	Никого, белое видение исчезло; я позвал Асю, крикнул: «Ася!» Голос мой
никто не отозвался... (116, 37—38)	никто не отозвался... Только будто далеко уныло прогудел колокол...
взбираясь (117, 2)	карабкаясь
я постучался. Неосвещенное (117, 5—6)	но я постучался. Темное
У счастья нет завтрашнего дня; у него нет и вчерашнего (117, 23—24)	У счастья нет завтра.
и мое счастье (117, 31)	*а. как в тексте. б.* О, кроткие чувства, мягкие звуки, доброта и умиление, утихание тронутой души, тающая радость первых умилений любви, где вы, где вы?
решение. (118, 17)	намерение.
Вчера вечером (118, 19—20)	*а.* Сегодня *б.* Вчера
необходимости разлуки. (118, 21—22)	необходимости разлуки и отъезда.

В конце письма он изъявлял сожаление о том, что наше знакомство так скоро прекратилось, (118, 25—27)	Он кончал [уверениями] изъявлениями сожаленья о скором прекращении нашего знакомства,
не стараться их отыскивать, (118, 28—29)	не стараться их отыскивать. Письмо это повергло меня в отчаяние.
вскричал я, (118, 30)	вскричал я. — Что за вздор!
Одна мысль во мне загорелась: (118, 34—35)	Одно желание наполнило вдруг мою душу:
это (119, 12)	эту записку
Не из гордости я уезжаю — нет, мне нельзя иначе. (119, 18—19)	*вписано.*
О, я безумец! (119, 23)	Безумец я — безумец!
я твердил его среди пустых полей... (119, 25)	я бросал его полям...
Да я и не мог произнести тогда это слово. Когда я встретился с ней (119, 26—27)	*вписано.*
в той роковой комнате, во мне еще не было ясного сознания моей любви; (119, 28—29)	*а.* В той комнате в те быстрые мгновения я еще не сознавал своей любви *б.* Да что! В той роковой комнатке даже в те самые мгновенья, когда Ася ‹*нрзб.*›, во мне еще не было ясного сознания моей любви;
оно вспыхнуло с неудержимой силой лишь несколько мгновений спустя, когда испуганный возможностью несчастья, (119, 31—33)	оно вспыхнуло потом с неудержимой силой, но несколько мгновений спустя, когда мысль о возможности несчастья
Ася бы не уехала, если б в ней была хоть тень кокетства и если б ее положение не было ложно. Она не могла вынести того, что всякая другая снесла бы; я этого не понял. (119, 36—39)	*Вписано: а.* если б она не была так глубоко искренна, правдива, на мою беду — она была такова, — а я ее не понял! и если б ее положение не было ложно. Я не умел понять ее.

Лицо ее было бледно, но не грустно; (120, 10—11)	Все такая же. Лицо ее было задумчиво бледно, но уже не печально;
молодой, красивый парень (120, 11)	молодой человек
вслед за ними (120, 17)	вслед за ними. *Далее начато:* Но я не мог найти следа Гагиных в Лондоне, я уже никогда не нашел
долго упорствовал, (120, 19)	долго не хотел признать,
настигнуть (120, 20)	увидеть
жива ли она. (120, 23)	жива ли она до сих пор, что с ней стало.
женщину, лицо которой (120, 25—26)	[задумчивую и] одинокую женщину, задумчивое лицо которой
на спинку низкого деревянного стула. (120, 30—31)	на спинку низкого деревянного стула в темной комнатке. Впоследствии я неоднократно влюблялся, но [ни одна женщина не возбудила во мне то] чувство, [кото‹рое›] возбужденное во мне Асей, не повторилось.
Разве не может повториться то, что было, думал я, и еще лучше, еще прекраснее? (120, 38—121, 1)	*а.* То, что было, думал я, разве не могло повториться, и человек в молодости любит не однажды. Увы! счастье не повторяется, но даже однажды быть счастливым значит быть избранным, *б.* То, что было, думал я, не может разве повториться, и еще лучше, еще прекраснее. Увы! Я не знал тогда, что одним редким избранным людям позволяется более раза близко коснуться заповедного кубка *в.* То,что было, думал я, разве не может повториться. Увы! я не подозревал тогда, что только редким избранным

	дарует небо коснуться до любви устами.
ее записочки и высохший цветок гераниума (121, 9—10)	ее две записочки и тот высохший цветок гераниума
Он до сих пор издает сладкий запах (121, 11—12)	*а.* Он арома‹тен?› *б.* Он до сих пор пахнет *в.* Он до сих пор издает едва приметный, слабый запах
И я сам — что сталось со мною? Что осталось от меня, от тех блаженных и тревожных дней, от тех крылатых надежд и стремлений? (121, 15—17)	*а.* Так и я сам уже не тот, не могу называться живым человеком. *б.* и я сам, — что сталось со мною? что осталось от меня?

«ИЗ-ЗА ГРАНИЦЫ. ПИСЬМО ПЕРВОЕ». ЧЕРНОВОЙ АВТОГРАФ

Черновой автограф, содержащий 5 листов авторской пагинации, хранится в рукописном отделе Национальной библиотеки в Париже (Slave 88, лл. 1—5; фотокопия — *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 203; описание см.: *Mazon*, стр. 59).

На первом его листе написано: «Письмо первое». Позднее Тургенев написал сверху: «Письмо, напечатанное в „Атенее". — Глупейшее!». Текст подписан буквами «И. Т.» (л. 5), рядом указаны место и дата окончания работы: «Рим, 19/31-го дек. 57». Далее следует заглавие «Письмо второе», но под ним находятся три вставки в текст первого письма: 1) «(я не говорю о тех ∾ или для одного рассеяния)» (стр. 11, строки 28—30); 2) «Конечно, это нелегко ∾ как и всё в жизни» (стр. 11—12, строки 37—2); 3) «„Для этого нет необходимости покидать свою родину" ∾ скажу одно» (стр. 10—11, строки 40—9). Автограф позволяет сделать вывод о том, что работа над этим небольшим произведением далась Тургеневу нелегко и заняла не 5—6 дней, как он рассчитывал вначале, а почти три недели.[1] Рукопись характеризуется большим количеством зачеркиваний и вставок. Многие фразы имеют по два-три варианта начала, и тот, на котором писатель останавливался, был часто весьма далек от того, с которого он начал (см., например: стр. 8, строка 18; стр. 10, строка 33—34; стр. 11, строки 13—16).

Из анализа чернового автографа и сравнения его с окончательным текстом видно, как уяснялась автору последовательность изложения мыслей, мотивов, рассуждений. Так, мысль о жадности, с которой русский за границей отыскивает соотечественника, впервые появляется как вариант (стр. 8, строка 18), но окончательное место и оформление находит ниже (стр. 10, строки 20—22); дважды упомянув в черновике о «мучительном дежурстве перед любопытными предметами» (стр. 8, строка 18; стр. 9—10, строки 39—1), Тургенев счел это удачное выражение наиболее уместным там, где речь идет о недостаточном художественном воспитании русской публики (стр. 9—10, строки 39—1). Сопоставляя

[1] См.: *Сочинения*, т. XV.

рассматриваемый автограф с печатным текстом, следует отметить также четыре случая дополнения чернового автографа (стр. 7, строки 24—25; стр. 9, строки 21—22; стр. 10, строки 13—19; стр. 11, строки 22—23) и один обратный случай: вписав на полях текст «Точно, свежий глаз ∾ проездом» (см. л. 1 чернового автографа), Тургенев тут же зачеркнул его. Ниже публикуются почти полностью варианты чернового автографа.

Т. А. Никонова

Основной текст[1]	*Черновой автограф*
если хочешь ограничиться сообщением (7, 3—4)	если ограничиться описанием
занять читателя новостью или необычайностью описываемых предметов (7, 5—6)	[задобрить], занять читателя если не новостью, то необычностью описываемых предметов ◊
трудно, если желаешь передать — не говорю уже общий смысл, но даже некоторые общие черты жизни нам чужой и нелегко дающейся чужому (7, 6—9)	трудно, [если], и даже очень трудно, если желаешь передать [хотя неко‹торые›] не говорю уже общий смысл, но даже некоторые общие черты чуждой нам жизни западных народов *После:* чужому — *вписано и зачеркнуто:* Точно, свежий глаз видит всегда [‹*нрзб.*› что не лежит на самой поверхности] и то, что ускользает от привычного наблюдения; но уже из одних суждений иностранцев о России мы можем заключить, как в сущности мало и плохо видят — проездом
и не судить по мелочам, при самой добросовестной решимости избегать опрометчивых отвлеченностей (7, 10—11)	и не [закл‹ючать›] судить по частным случаям, избегать отвлеченностей
перед лицом действительных явлений уже наперед составленные об них мнения (7, 12—13)	ввиду [живых] действительных явлений уже наперед составленные или высказанные мнения об них

[1] Текст приводится по изданию: *Сочинения*, т. XV (с указанием в скобках страниц и строк).

грозит опасность пойти по стопам известного англичанина, который, увидев (7, 14—15)	легко грозит опасность пойти по стопам [того мифи‹ческого›] известного легендарного англичанина, который [говорят], увидев ◊
не желая впасть в подобную ошибку, я прошу позволения у вас, любезный Е‹вгений› Ф‹едорович› (7, 18—20)	[я не] желая, по мере возможности, устранить от себя подобную ошибку, я [не столько] прошу [ваше‹го›] позволения у Вас, любезный Е‹вгений› Ф‹едорович›, [сколько] рассм‹отреть› *не закончено*
на страну, о которой будет идти речь, сколько на отношение к ней и к ее жизни самих путешествующих русских (7, 21—23)	на самую страну — о которой будет идти речь — [хотя] сколько на отношение самих путешествующих русских
И тут легко ошибиться — от этой беды вполне уберечься невозможно (7, 23—24)	Думаю, что и тут легко ошибиться — но от этого, Вы знаете, вполне уберечься [нельзя] невозможно
— все-таки это дело более подручное и близкое (7, 24—25)	*отсутствует.*
Спешу прибавить, что я не намерен отказываться от передачи и оценки того, что я видел или слышал (7, 25—27)	[Само собою разумеется] [Я этим не хочу сказать] Спешу прибавить, что я не отказываюсь от передачи [от расск‹аза›] и оценки того, [что мне удалось] [чему удалось мне быть свидетелем] что я [видел] услышал и увидел ◊
писать после моей вступительной оговорки (7, 27—28)	[говорить] писать [с] после [эт‹ой›] моей [вступительной] [обеспечивающей] предварительной оговорки ◊
В исполнение моего намерения хочу в нынешнем письме побеседовать с вами (7—8, 28—2)	*Начато:* В исполнение сообщенного мною Вам намерения хочу посвятить нынешнее письмо
об одном уже прежде мною подмеченном, но в последнее	*а.* об одном явлении, которое уже прежде поразило меня

время поразившем меня явлении (8, 1—2)	*б.* об одном явлении, о котором я уже догадывался — но которое в последнее время особенно меня поразило
о той горькой, едкой, впрочем тщательно скрываемой, скуке (8, 4—5)	о той [особенной] горькой [тяжелой] [безотрадной] [своеобразной] скуке
и которой я предлагаю придать, как придают особое название новооткрытой болезни, название (8, 6—8)	*а. Начато:* и которой я, в ознаменование особенных ее свойств *б.* и которой я, в ознаменование ее ядовитости, предлагаю придать особое название
покидают (8, 10—11)	собираются
свои родные гнезда (8, 11)	свои родные гнезда, свои привычки *вписано.*
толкуют о Европе (8, 11—12)	*а.* говорят о ней *б.* говорят о Европе ◊
Это невозможно, это парадокс! (8, 13)	Да, большая часть из них ск‹учает›. Это невозможно, это парадокс!
И со всем тем — сказанное мною справедливо (8, 13—14)	*Начато: а.* Нет, это не парадокс *б.* И между тем — сказанное мною совершенно справедливо ◊
громко они, вероятно, не захотят в том сознаться (8, 15—16)	громко они никогда в этом не сознаются
Стоит только хорошенько вглядеться (8, 16—17)	Стоит припомнить
в лица девяти русских из десяти, встречаемых за границей (8, 17—18)	в лица девяти из десяти русских, встречаемых нами за границей ◊
чтобы согласиться со мною (8, 18)	*а. Начато:* Я хотел было сказать, что беру в свидетели справедливости [этих] слов моих *б. Начато:* Эту тоску, эту усталость, это мучительное дежурство перед различными любопытными предметами, эти недоумевающие взгляды, [этот жадно] которые, кажется, так и ищут, да где же *в. Начато:*

	В жадности, с которою они бросаются к новому соотечественнику
Какая тоска в них сказывается, какая усталость, какое недоуменье! (8, 19—20)	Вглядитесь в них попристальнее: какая тоска, какая усталость, [какое томление пустоты], какая пустота в них
нам скучно! (8, 21)	нам скучно, скучно!
Есть, правда, одно место на свете, где русские не скучают: Париж (8, 21—22)	NB. [Кажется] Есть, правда, одно место, где русские не скучают: Париж ◊
О нем речь будет впереди (8, 22—23)	*а. Начато:* Об этом р‹ечь› *б. Как в тексте. в.* О нем речь впереди
Но отчего же так скучно русским? (8, 23—24)	*Начато:* Во-первых, русские
На то есть несколько причин (8, 25)	На это есть многие причины. ◊
Попытаюсь (8, 25)	Попытаемся ◊
Прежде всего следует заметить, что (8, 26)	Во-первых
русские, путешествующие (8, 26—27)	русские путешественники ◊
(я, разумеется, говорю не обо всех русских) (8, 27—28)	*а.* (я, разумеется, говорю о большинстве) *б.* разумеется, не все ◊
в сущности мало знакомятся с чужими краями (8, 28—29)	большей частью не видят чужих краев
они видят города, здания, лица, одежды людей, горы, поля, реки (8, 29—30)	они видят здания, лица и [костюмы] одежды людей, [природу], горы, [реки], поля [и] реки ◊
среди которого странствуют, они не вступают (8, 32)	[между] среди которого они [находятся] странствуют, с его бытом, с его историей — они не вступают ◊
как говорится ныне (8, 34)	как говорится теперь
наемных слуг (8, 36)	лакеев

из этой «среды» путешественники наши, от врожденной ли робости, от гордости ли, от неуменья ли сближаться с людьми, или от лени, почти никогда не выходят (8, 37—40)	*а.* выйти из этой [очаров‹ательной›] среды [они] путешественники наши не умеют, от врожденной ли робости, или неуменья сближаться с людьми *б.* из этой среды путешественники наши, от врожденной ли робости, от гордости ли, от неуменья ли сближаться с людьми, [не умеют] почти никогда не выходят ◊
что же касается до удовольствия, проистекающего из пребывания (8, 40—41)	что же касается до [исто‹рии›], [соприкосновения с прошедшим, с историей] чистого удовольствия, почерпаемого из пребыв‹ания›
в стране, прошедшее которой вам хорошо знакомо (8—9, 41—1)	в земле, прошедшее которой вам знакомо
из того особенного чувства (9, 2—3)	из того особенного чувства наконец ◊
овладевает человеком (9, 3)	овладевает вами
великой народной жизни (9, 4)	*а. Как в тексте. б.* значит‹ельной› народной жизни *в. Как в тексте. г.* великой или значительной народной жизни
для многих из наших туристов все эти ощущения не существуют; они слишком мало подготовлены по этой части (9, 5—7)	большая часть наших туристов слишком мало подготовлена по этой части
для них имена городов, исторических лиц и событий (9, 7—8)	для них имена городов, [событий, стран, памятников] исторических событий и лиц ◊
удовольствовался замечаньем (9, 9—10)	*а.* находил, что *б.* ограничивался замечаньем ◊
туристы наши только и могут сказать (9, 11—12)	так и они это находят
Природа всегда сильно действует на русскую душу (9, 16)	Природа, точно, действует на русскую душу

пришедших (9, 18)	*а. Как в тексте. б.* приходящих
от какого-нибудь прекрасного пейзажа, водопада или горы (9, 18—19)	от [великолепного заката] какого-нибудь прекрасного пейзажа ◇
удовлетворить вполне человека не может (9, 20)	[человека] удовлетворить человека не может
Идиллия — идиллией, а генерал остается генералом (9, 21—22)	*отсутствует.*
Искусство... (9, 22)	*а. Начато:* Что же до *б.* А искусство... ◇
но и тут едва ли не придется повторить (9, 22—23)	*Начато:* но и тут должно
то, что сейчас было сказано (9, 23)	то, что уже сейчас было сказано нами
и тут, и на этом поприще, туристы наши так же слабо подготовлены (9, 23—24)	*а. Начато:* и тут *б.* для правильного и [правдивого] истинного наслажденья искусством туристы наши так же мало подготовлены *в.* и тут туристы наши так же недостаточно подготовлены ◇
Напрасно думают иные, что для того чтобы наслаждаться искусством, достаточно одного врожденного чувства красоты (9, 25—27)	*Начато:* Напрасно думают иные, что [с одной любовью в деле и‹скусства›] [одна любовь] для того чтобы наслаждаться искусством, нужно
и самое чувство красоты так же способно постепенно уясняться и созревать под влиянием предварительных трудов, размышления и изучения великих образцов, как и всё человеческое (9, 28—31)	*а. Начато:* наслажденье *б. Начато:* искусство только избранным [дается разом] дает заглянуть до себя, и то едва ли; чувство красоты так же постепенно уясняется, это есть *в.* чувство красоты так же требует образования, [подготовительных] трудов предварительных, как и всё человеческое *г.* и самое чувство красоты так же способно постепенно уясняться и созревать, так же требует для полного образования предварительных трудов и изуче-

	ния, как и всё человеческое *д.* и самое чувство красоты так же способно постепенно уясняться и созревать под влиянием размышления, образования, трудов и изучения, как и всё человеческое ◊ *вписано.*
Без тонко развитого вкуса нет полных художественных радостей; а никто еще не родился с тонким вкусом (9, 31—33)	Без тонко развитого вкуса нет истинного художественного наслаждения; а почти никто еще не родился с тонким вкусом ◊
и те любители прекрасного, которые с такой запальчивостью кричат: «Нам не учености нужно, не глубины, а подавайте нам, что бы нас трогало, что бы заживо нас задевало», большей частью трогаются и задеваются полькой, французской гравюрой или просто пятью онёрами в козырной масти (9, 33—39)	и те, которые кричат: «Подавайте мне, что [на] бы меня [бы действовало] трогало, что бы меня [задело] за живое задевало», большей частью трогаются и задеваются [хорошим обедом] полькой, французской [ужимкой] гравюрой или [так просто ‹*неск. нрзб.*›] 4 онёрами в коз‹ырной› масти ◊
Увы! приходится сознаться, что наши художественные радости слишком часто ограничиваются мучительным дежурством перед «любопытными предметами» и «знаменитыми произведениями» (9—10, 39—1)	*а.* Приходится сознаться, [что и тут] [и в этом] что так называемые художественные наслажденья превращаются в мучительное дежурство перед любопытными предметами и знаменитыми произведениями *б.* Увы! Приходится сознаться, что наши художественные радости ограничиваются большей частью мучительным дежурством перед любопытными предметами и знаменитыми произведениями искусства ◊
в Дрезденской галерее (10, 3)	в Дрездене ◊
где находится Мадонна св. Сикста (10, 3—4)	*а. Как в тексте. б.* где стоит Мадонна св. Сикста
на который в теченье стольких лет садились и доныне садятся (10, 5—6)	на который в теченье нескольких десятков лет приходят садиться

не однажды мне казался (10, 7)	мне [иногда] казался иногда
которые показываются любопытным проезжим в старинных оружейных палатах (10, 10—11)	которые показываются в старинных арсеналах
Да, бóльшая часть наших туристов скучает за границей (10, 12—13)	[Да!] Итак, повторяю, [наши туристы] большая часть наших туристов жестоко скучает за границей◇
С некоторой точки зрения можно сказать, что это им даже честь приносит: это показывает, что они не удовлетворяются одними удобствами заграничной цивилизации, что у них есть другие, высшие требования, что им, живым людям, тяжело жить какою-то мертвенной, при всей суетне, при всем кажущемся разнообразии, глубоко мертвенной жизнью (10, 13—19)	*отсутствует*
Скуке этой следует, между прочим, приписать (10, 19—20)	*а. Начато:* Оттого *б.* Этой скуке, между прочим, следует приписать◇
и жадную их готовность (10, 20—21)	*Начато:* и их жадность
с ним можно, по крайней мере, Русь помянуть... а не то и в картишки перекинуть (10, 22—23)	с ним, по крайней мере, можно в картишки перекинуть...◇
Да, всё это правда (10, 24)	*вписано.*
но я бы тотчас отказался (10, 24)	*Начато:* но я бы готов был
если б кто-нибудь вздумал (10, 25)	если б я мог подумать
вывести из них такое заключение (10, 25—26)	*а. Начато:* заключить из слов моих *б.* вывести из них невыгодное заключение

«Путешествовать скучно — стало быть, лучше сидеть дома» (10, 26—27)	*вписано.*
Не говоря уже о пользе заграничной поездки для наших молодых ученых, художников, вообще для всех желающих изучить наглядно, на месте (а всякое другое изучение недостаточно) науку, жизнь, просвещение Европы (10, 27—31),	*а. Начато:* Не говоря уже о том, что *б.* Не говоря уже о пользе путешествий для наших молодых ученых, художников, вообще для наших молодых людей, которые желают изучить европейскую жизнь, европейскую науку, просвещение Европы *вписано.*
о пользе (10, 27)	о величайшей пользе ◇
многие из нас (10, 32)	многие русские
умеют путешествовать (10, 32—33)	действительно умеют путешествовать
мы все очень хорошо знаем, что полезное часто бывает скучным (10, 33—34)	*а. Начато:* один *б.* мы все знаем, что полезное очень часто бывает скучным *в.* мы все очень хорошо знаем, что [скуки] чего бы то ни было [часто] вовсе не следует избегать, а путешествие потому полезно, что оно скучно, полезное часто бывает скучным
а знакомство, даже поверхностное знакомство с Европой каждому из нас полезно (10, 34—36)	а знакомство, даже поверхностное, с Европой [нам] каждому из нас полезно ◇ *вписано.*
никто из нас (10, 37)	никто из них
каким образом и под каким видом западают в него и когда созревают в нем семена правды, добра, образованности (10, 38—40)	каким образом и под каким видом западают в [нас] него и когда вырастают в нем семена правды, добра, образованности ◇ *После:* образованности — *зачеркнуто:* и [никто] всякий из них
«Для этого нет необходимости покидать свою родину» (10, 40—41)	«Для этого не нужно покидать свою родину»

семена эти носятся (10—11, 41—1)	*а. Начато:* это *б.* эти семена плавают *б.* семена эти плавают ◊
но путешествие в чужой стране то же, что знакомство с чужим языком (11, 1—2)	*а.* но [ведь] путешествие в чужой стране, как знакомство с чужим языком *б. Начато:* но путешествие в чужой стране можно сравнить с
это — обогащение внутреннего человека (11, 3)	есть [оно] обогащение внутреннего человека
не для чего прикидываться (11, 4)	нечего прикидываться
«Чужое богатство впрок нейдет», — пожалуй, скажут мне другие и, сказавши это, подумают, что они выразили патриотическое чувство; с этими господами я спорить не стану (11, 6—9)	Другие [господа], пожалуй, скажут мне, что чужое богатство впрок нейдет, скажут да и подумают, что они-то патриоты; с ними я спорить не стану
скажут мне другие (11, 7)	скажут мне другие господа ◊
из посильных моих наблюдений я убедился в том, что, вопреки общепринятому мнению, самобытность русского человека и в хорошем и в дурном по меньшей мере равна его восприимчивости (11, 9—13)	*а. Начато:* будучи уверен также *б. Начато:* убедившись из опыта *в. Начато:* убедившись из долгих наблюдений *г. Начато:* убедившись из посильных моих наблюдений *д.* я убедился из посильных моих наблюдений, вопреки общепринятому мнению, что восприимчивость наша стоит наравне с самобытностью *е.* я убедился из посильных моих наблюдений, вопреки общепринятому мнению, что самобытность русского человека и в хорошем и в дурном по меньшей мере равна его восприимчивости ◊
а потому я плохо верю в так называемый вред путешествий, о котором так охотно распространяются иные, впрочем почтенные люди (11, 13—16)	*а. Начато:* и, зная восприимчивость *б. Начато:* и я не верю, чтобы существовал на свете такой русский, которому [пое‹здка›] путешествие не принесло бы гораздо больше

	пользы, чем вреда — и не боюсь я также, чтобы *в.* а потому я [не думаю] плохо верю [будто нам] тому вреду путешествий, о котором так охотно распространяются иные ◊
Чужеземное влияние сбивает только того с дороги, кто и без того никуда не шел (11, 16—17)	Чужеземное влияние сбивает только тех с дороги, которые и без того никуда не шли ◊
«Was ist der langen Rede kurzer Sinn? К чему ведете вы вашу речь?» — спросите вы меня. А вот к чему (11, 18—20)	*а. Начато:* Я только хотел сказать одно *б. Начато:* К чему в‹едете› *в. Начато:* Was ist der *г.* К чему ведете вы вашу речь? — спросите вы. А вот к чему ◊
нельзя в наше время путешествовать без надлежащего приготовления (11, 20—21)	*а. Начато:* путеш‹ествие› *б.* без предварительного к тому приготовления нельзя в наше время путешествовать ◊
пора простого «глазенья», приличного детям, миновала (11, 22—23)	*отсутствует.*
и верное разочарованье готовит себе тот, кто воображает, что быть на Рейне или где-нибудь под утесом в Швейцарии уже значит — наслаждаться (11, 23—25)	*а. Начато:* не приготови‹ться› [не иметь] к путешествию и [быть] ожидать *б. Начато:* не значит еще наслаждаться *в.* и верное разочарованье готовит себе тот, кто воображает, что [толь‹ко›] быть за границей уже значит наслаждаться и [день] время состоит из цепи удовольствий *г.* и верное разочарованье готовит себе тот, кто воображает, что быть на Рейне или где-нибудь в Швейцарии уже значит наслаждаться ◊ *вписано.*
Путешествовать (я не говорю о тех, которые ездят за границу для поправления своего здоровья или для одного рассеяния), путешествовать, не	*а. Начато:* кто не сближается с людьми *б. Начато:* сближа‹ться›

сближаясь с иностранцами, не узнавая их быта, право, не стоит (11, 28—31)	
в самом деле, не для того же мы покидаем всё нам дорогое, привычное, чтобы дышать пошлым воздухом пошлых комнат разных Hôtel Vittoria, des Princes, Stadt Berlin (11, 32—35)	*а.* [ведь] и в самом деле, не для того же мы покидаем всё нам дорогое, привычное, чтобы дышать воздухом пошлых разных Hôtel de Russie, de la Ville de ‹*не закончено*›, Stadt Berlin *б.* в самом деле, не для того же мы покидаем всё нам дорогое, привычное, чтобы дышать пошлым воздухом пошлых комнат разных Hôtel de Russie, des Princes, Stadt Berlin ◊ *вписано.*
а сближаться с иностранцами можно только на почве общих интересов, сочувствий, общего знанья (11, 35—37)	*Начато:* а сближаться с ними можно только на общей почве, но мне
Конечно, это нелегко (11, 37)	[Это] Конечно, это не очень легко
а мы, как Пушкин сказал, «ленивы и нелюбопытны») 11, 40—41)	а. *Начато:* наша славянская лень *б.* а мы, как уже Пушкин сказал, «ленивы и нелюбопытны»
как всё в жизни (12, 1—2)	как и почти всё в жизни. *Далее начато:* Взываю
Мне остается сказать, почему в Париже не скучают русские и какое собственно значение этого города для наших туристов (12, 3—5)	*а.* Но мне остается сказать, почему в Париже не скучают русские и какое собственно значение Парижа для нашего брата *б.* Мне остается сказать, почему в Париже не скучают русские и какое собственно значение Парижа для наших туристов ◊
И. Тургенев. Рим, 19/31 декабря 1857. (12, 7—8)	Рим, 19/31-го дек. 57. И. Т.

«ЛИТЕРАТУРНЫЙ ВЕЧЕР У П. А. ПЛЕТНЕВА»

К творческой истории очерка (работа над рукописями)

Очерк «Литературный вечер у П. А. Плетнева», входящий в состав «Литературных и житейских воспоминаний», был задуман Тургеневым в конце 1868 г., опубликован же он был в ноябрьской книге «Русского архива» за 1869 г. (№ 10, стр. 1663—1676). В течение этого времени Тургенев несколько раз обращался к работе над очерком, в котором, по его словам, хотел изобразить «симпатическую личность» своего бывшего профессора, способствовавшего его первым шагам в литературе, причастного к «знаменитой литературной плеяде» В. А. Жуковского, Е. А. Баратынского, А. А. Дельвига, Пушкина, а впоследствии Гоголя и Кольцова, и воссоздать литературную эпоху конца 30-х годов, представляемую этим словесником «старого закала». В очерке контаминированы события различных лет (1836, 1837 и 1838 гг.), а описываемый литературный вечер скорее всего происходил 9 марта ст. ст. 1838 г.[1]

Известны три черновых наброска очерка, хранящиеся в библиотеке в Париже (Slave 75; описание см.: *Mazon*, стр. 77; фотокопия — *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 335). Первый, наиболее ранний отрывок, состоящий из двух страниц, с начала до слов «но возвращаюсь к рассказу», был, по-видимому, написан Тургеневым в конце февраля 1869 г., после письма к редактору «Русского архива» П. И. Бартеневу от 13 (25) февраля 1869 г., с обещанием выслать этот очерк «не позже двух недель от нынешнего числа» (*Письма*, т. VII, стр. 306). Второй и третий черновые наброски (второй — с начала до слов «с обрубленными пальцами»; третий — со слов «Во-первых» и до конца) были сделаны в первой половине марта, так как 9 (21) марта 1869 г. Тургенев сообщал П. И. Бартеневу, что ему остается лишь «переписать» «Воспоминания о Плетневе» (*Письма*, т. VII, стр. 338). Однако переписал он очерк, по всей вероятности, несколько месяцев спустя, в августе—сентябре 1869 г., незадолго до того, как Ф. И. Салаев, издававший в это время собрание «Сочинений» Тургенева, по его просьбе передал «статейку

[1] О замысле, содержании очерка и его восприятии современниками см. в комментариях к нему: *Сочинения*, т. XIV (анализ рукописей там дан в значительно сокращенном виде).

о П. А. Плетневе» Бартеневу (см. письмо Тургенева П. И. Бартеневу от 26 сентября (8 октября) 1869 г.: *Письма*, т. VIII, стр. 92). Беловой автограф «Литературного вечера у П. А. Плетнева» был передан в *ГИМ* (фонд 440, ед. хр. 1265, лл. 142—147 об.).

По сохранившимся в *Bibl. Nat.* трем черновым отрывкам, находящемуся в *ГИМ* беловому автографу очерка, который, по-видимому, является и наборной рукописью, и на основании сопоставления всех этих источников с окончательным текстом можно установить направление творческой работы Тургенева. В *ЧА*$_1$ (первый черновой вариант начала очерка) литературный вечер у П. А. Плетнева датирован не началом 1837 г., как во всех последующих источниках и окончательном тексте (стр. 11, строка 3),[2] а концом 1836 г. («В конце 1836 г. ...»), что служит дополнительным свидетельством приблизительности указанной Тургеневым даты. В *ЧА*$_1$ и *ЧА*$_2$ (второй черновой вариант начала — переписанный первый, но еще не набело) указан адрес Плетнева: «квартиры, занимаемой Петром Александровичем [в большом доме на Фонта‹нке›] у Обухова моста»; но уже в *ЧА*$_2$ в соответствии с обобщенным характером воспоминаний зачеркнуты все уточняющие слова (ср.: стр. 11, строка 29). Тщательно работал Тургенев над строками очерка, относящимися к Пушкину. Первоначально он ограничился описанием своей встречи с ним в передней квартиры Плетнева, но уже на обороте первого листа *ЧА*$_1$ вписан текст, в котором рассказывается о благоговейном отношении к великому поэту сверстников Тургенева, а также приводятся воспоминания еще об одной встрече с Пушкиным в зале Энгельгардта и описание Пушкина в гробу (стр. 12—13, строки 8—33; текст: «Пушкин к рассказу»). Уточнялись детали внешнего облика Пушкина, его поведения, манер, сказанные им слова. Вместо «звучным голосом воскликнул: „Да! да! хороши наши министры! нечего сказать!“» (стр. 12, строки 1—2) в *ЧА*$_1$ было: «произнес: „Да! да! наши министры!“». Набросав в *ЧА*$_1$ портрет Пушкина («Помню его смуглое лицо, его вып‹уклые› крупные губы, зубы белые как снег, висячие бакенбарды, темные глаза над высоким лбом, его кудрявые волосы...»), Тургенев тут же добавил следующие детали: «Помню его смуглое, небольшое лицо, его африканские губы, оскал белых крупных зубов, висячие бакенбарды, темные желчные глаза под высоким лбом почти без бровей — и кудрявые волосы...» (стр. 13, строки 20—24). После «волосы» в *ЧА*$_1$ начато и зачеркнуто: «Он произвел на меня впечатление бойкого».

На полях рукописи *ЧА*$_1$ рядом с текстом «Пушкин ∾ навеки» (стр. 12, строки 8—14) набросан дальнейший план «Литературного вечера у П. А. Плетнева», т. е. дан список присутствовавших на вечере лиц, о которых предполагалось упомянуть: «Скобелев, Бенедиктов, Губер, Гребенка, Карлгоф, Воейков, Кольцов, Владиславлев». В *ЧА*$_3$ (третий черновой отрывок, имеющий подзаголовок «Продолжение») этот список повторен, но в нем уже Бенедиктов заменен Одоевским и последовательность почти соответствует той, которая установлена Тургеневым в *ЧА*$_3$, бе-

---

[2] Текст здесь и далее приводится по изданию: *Сочинения*, т. XIV.

ловом и окончательном тексте: «Скобелев, Воейков, Владиславлев, Карлгоф, Губер, Гребенка, Кольцов, Одоевский». В очерке Одоевский предшествует Кольцову, и образ Кольцова, как наиболее значительный и своеобразный, завершает ряд литературных деятелей того времени, выведенных Тургеневым. Большое внимание Тургенев уделил характеристике каждого из них, отшлифовывая отдельные штрихи лаконичных, в основном портретных зарисовок. В описании внешности Скобелева Тургенев в *ЧА*$_3$ неудачное выражение «с обрубленными руками» заменил более точным «с обрубленными пальцами»; выражение «смышленным и на всё готовым, прямо солдатским лицом» исправлено на «смышленным, помятым, прямо солдатским лицом», а в *БА* дополнено эпитетом «морщинистым» (ср. текст: стр. 14, строки 9—10). Воейкова Тургенев в *ЧА*$_3$ первоначально охарактеризовал как «хромоногое и как бы расклеенное, искалеченное существо, с ухватками старинного чиновника, с желтым и желчным лицом и горевшими [недобрыми] злыми глазами»; на полях рядом записан и вычеркнут вариант: «личность подозрительная». Тут же в *ЧА*$_3$ и отчасти в *БА* (см. варианты к стр. 14, строки 13—16) идет правка, в результате которой устанавливается окончательная редакция: «как бы искалеченное, полуразрушенное существо, с повадкой старинного подьячего, желтым и припухлым лицом и недобрым взглядом черных крошечных глаз». О Владиславлеве в *ЧА*$_3$ говорилось, что это «плотный человек с разноцветными (так называемыми арлекинскими) глазами и подобострастным и [решительным] [внимательным] [проницательным] пронзительным выражением лица ◊. Вместо «глазами» было вписано в *ЧА*$_2$ более точное в данном контексте слово «зрачками»; еще раз повторив в *БА* вариант «внимательным выражением лица», Тургенев остановился на тексте: «пронзительным выражением физиономии» (варианты к стр. 14, строки 18—19). Описывая Карлгофа, Тургенев сначала набросал строки: «худощавый мужчина с лицом невидного немецкого чиновника»; затем тут же в *ЧА*$_3$ добавил определения «с маленькой головкой и беспокойными телодвижениями» и, как и в портрете Воейкова, конкретизировал сравнение с чиновником точным указанием на чин: «с виду смахивавший на статского советника немецкого происхождения»; в *БА* слово «мужчина» было изменено на «господин» и появился новый штрих: «певучим носовым выговором» (см. текст: стр. 14, строки 23—27). Характеристики Губера, Гребенки и Одоевского также подвергаются в *ЧА*$_3$ и *БА* небольшой стилистической правке: так, например, о Губере в *ЧА*$_3$ сначала было сказано «с выразительным, темным лицом», затем исправлено на «с несколько болезненным, темным лицом»; «пышными бакенбардами» заменено «растрепанными бакенбардами»; о Гребенке — вариант *ЧА*$_3$ «потом худой и вертлявый человечек с лицом несколько чахоточного облика» заменен в *БА* на «худой и нескладно сложенный человечек чахоточной комплекции», эпитеты «[очень] [добродушнейшей] мягкой» зачеркнуты в *ЧА*$_3$ и вместо них написано с «нерешительной улыбкой», вместо текста *ЧА*$_3$ «с маленьким и узким, но [прави‹льным›] прия‹тным› лбом ◊» в *БА* дана окончательная редакция: «с узким, но красивым и симпатическим лбом» (см. текст: стр. 14, строки 31—35); в харак-

тере Одоевского в *ЧА*$_3$ Тургенев дополнительно отметил «добродушную торжественность» (см. текст: стр. 15, строки 3—4) и т. д.

Воспроизводя впечатления от своей первой и единственной встречи с А. В. Кольцовым, Тургенев искал более точных определений и деталей, которые бы подчеркивали скромность, застенчивость поэта, оригинальное своеобразие его внешнего облика, одаренность. В *ЧА*$_3$ Тургенев, переходя к рассказу о Кольцове, начал и зачеркнул фразу: «В уголку, [кром‹е›] сверх всех мною поименованных»; там же «еще одно лицо» заменено на «еще один человек»; «розовый платок с бантиком» — на «платочек с бантом»; «он внимательно и несколько робко поглядывал кругом» — на «человек этот поглядывал кругом не без застенчивости»; «вроде тех лиц, которые часто попадаются между образованными и смирн‹ыми› дворовыми и мещанами» — на «вроде тех лиц, которые часто встречаются у образованных самоучек из дворовых и мещан». В *БА* появилась дополнительная деталь костюма поэта: «с голубой бисерной часовой цепочкой»; сюртук назван не «длинноватым», а «длиннополым», и к слову «ум» присоединен эпитет «необыкновенный» (стр. 15, строки 4—18). В эпизоде совместной поездки Тургенева и Кольцова в санях после слова «шубенку» (стр. 18, строка 22) в *ЧА*$_3$ зачеркнуто: «[Говоря] Упоминая о князе Одоевск‹ом›, к которому, и едва ли не к нему одному из тогдашних деятелей, конечно, исключая Пушкина, чувствовал искреннюю благодарность — он [упо‹треблял›] [писал] говорил: Они-с». Эта подробность, вероятно, была устранена как излишняя, натуралистическая. Четверостишие «Отец света...» (стр. 18, строки 30—34) и фраза «я с ним больше не встречался» (стр. 18, строка 38), отсутствующие в *ЧА*$_3$, восполнены в *БА*.

Охарактеризовав в *ЧА*$_3$ общественную атмосферу того времени — «Скучное было тогда время... очень уже смирное», — Тургенев тут же вычеркнул первую часть фразы, оставив лишь политическое определение: «Время было тогда очень уже смирное» (стр. 15, строки 26—27). В *БА* Тургенев внес дополнительную деталь в описание общей беседы на вечере: «Раза два она приняла военный и патриотический [оттенок] колорит, вероятно, благодаря присутствию трех мундиров» (стр. 15, строки 24—26); строки эти в *ЧА*$_3$ отсутствовали. Далее, однако, Тургенев акцентировал мысль о внутреннем историческом значении этой эпохи — в *ЧА*$_3$ наряду с вариантом «А между тем в мире искусства — литературе совершались события весьма знаменательные» дана окончательная редакция: «А между тем та эпоха останется памятной в истории нашего духовного развития...» (стр. 15, строки 28—29). Перечислив выдающиеся явления литературы и искусства конца 30-х годов — «Ревизор» Гоголя, опера Глинки и поэзия Пушкина, — Тургенев вновь обратился к тому, что лежало тогда на поверхности культурной жизни. Кроме А. А. Марлинского, О. И. Сенковского, Н. В. Кукольника, В. Г. Бенедиктова, среди недолговечных кумиров тех лет Тургенев называл и К. П. Брюллова. На полях рукописи *ЧА*$_3$ после фразы «а Бенедиктова заучивали наизусть» (стр. 16, строка 16) вписано: «и считали обязанностью ходить в Академию на поклонение „Последнего дня Помпеи“ — об авторе которого не допускалось ни малейшего [спора] разногласия, великий гений — да и баста!».

В *БА*, однако, этот текст уже не попал. Начало популярности Гоголя связано в очерке с деятельностью Белинского, до которого, как отметил первоначально Тургенев в *ЧА*$_3$, «никому в голову не приходило разъяснить русской публике значение, вообще роль критики в 30-х годах»; в окончательном тексте, установленном в той же рукописи, сказано определеннее: до Белинского «никто еще не пытался разъяснить русской публике значение Гоголя» (стр. 17, строки 14—16). Объясняя причины «скромности и смирения», прозвучавших в тоне речей всех участников литературного вечера,[3] Тургенев начал в *ЧА*$_3$ фразу: «Общественное мнение еще не успело прийти в себя после»; но затем он остановился на более выразительном тексте: «Общество еще помнило удар, обрушившийся на самых видных его представителей лет двенадцать перед тем» (стр. 18, строки 5—7).

Самой существенной правке подверглось центральное в идеологическом отношении место воспоминаний о Плетневе — рассуждения автора о двух поколениях: поколении передовой дворянской молодежи конца 30—40-х годов и молодом поколении шестидесятников. Говоря о сверстниках своей юности, Тургенев колебался, дать ли им широкое определение или точно обозначить общественно-политическое направление, к которому они принадлежали. В *ЧА*$_1$ начато: «*а.* Никому из моих современных това‹рищей› *б.* я говорю об нашей западной партии». В конце концов он отказался от какой-либо характеристики программы близкого ему университетского кружка, который объединял антикрепостнически настроенную молодежь с различными, еще не дифференцированными четко взглядами, и избрал обобщенную формулировку: «никому из нас (я говорю об университетских товарищах)» (стр. 12, строки 17—18). После фразы, в которой говорится о том, что понятие «авторитет» противополагалось тогда богатству и чинам, в *ЧА*$_1$ отсутствует текст: «Это обаяние на нас не действовало — напротив... Даже великий ум нас не подкупал; нам нужен был вождь» (стр. 12, строки 20—22). Текст этот появился на следующем этапе — в *ЧА*$_2$. В *ЧА*$_1$ нет также окончания этого философски-публицистического отрывка — текста: «Впрочем ∾ нуждаются в уважении» (стр. 13, строки 1—15). Он впервые вписан на полях *ЧА*$_2$ как черновая незавершенная вставка более позднего происхождения, в которой Тургенев стремился утвердить мысль, составляющую полемический подтекст его «Литературного вечера...» и перекликающуюся с содержанием

---

[3] Воссозданная Тургеневым картина литературного вечера у П. А. Плетнева как в целом, так и в некоторых ее частностях находит подтверждение в письме А. В. Кольцова к В. Г. Белинскому от 14 (26) марта 1838 г. Несколько дней спустя после своего визита к Плетневу А. В. Кольцов писал: «О душевной жизни вечеров моих и прочих не знаю, что вам сказать. Кажется, они довольно для души холодны, а для ума мелки; в них нет ничего питающего душу ‹...› Молчание в них играет первую ролю; оттого-то, кажется, я и не последний. Тихий разговор по уголкам между двух-трех человек. Кругом диванного стола серьезный разговор о пустоши людей серьезных — не по призванию, а по роли, ими разыгрываемой» (Полное собрание сочинений А. В. Кольцова. Академическая библиотека русских писателей, вып. 1, изд. 3, СПб., 1911, стр. 182).

очерка «По поводу „Отцов и детей“», — о том, что, несмотря на все различия, у него нет принципиальных расхождений с современной демократической молодежью. Сравнивая «теперешнее» и «тогдашнее» поколения, Тургенев первоначально набросал в *ЧА*$_2$: «*а*. Впр‹очем› те молодые люди [быть мож‹ет›] [совсем] вероятно иного пошибу, чем в наше время, имели другие цели и другие [требов‹ания›] воззрения *б*. Впр‹очем› надо и то принять в соображение, что нынешние мол‹одые› л‹юди› имеют др‹угие› по‹нятия›». Оба этих варианта остались не вычеркнутыми. В *БА* снова был повторен вариант «иные требования» и установлен окончательный текст: «Впрочем, надо и то принять в соображение, что нынешние молодые люди имеют иные понятия, иные воззрения» (стр. 12, строки 1—3). Таким образом, противопоставление целей было снято Тургеневым и тут же, на полях *ЧА*$_2$, были внесены строки о бескорыстии стремлений молодежи во все времена и единстве их целей, причем слова «и цели их остаются те же» в рукописи подчеркнуты (стр. 13, строка 11).

Работая над заключительной частью очерка, Тургенев старался многостороннее воспроизвести личность П. А. Плетнева и дать объективную оценку его исторической роли. Значение Плетнева Тургенев ограничил рамками его времени. В *ЧА*$_3$ эта связь Плетнева с прошлым была усилена; во фразе «Он также принадлежал к эпохе, ныне уже давно прошедшей» Тургенев переделал концовку: «ныне безвозвратно прошедшей» (стр. 19, строки 27—28). Основными чертами Плетнева как человека Тургенев считал доброжелательность и простоту. В *ЧА*$_2$ был вариант: «Петр Александрович ласково меня приветствовал, ввел в гостиную»; от него Тургенев отказался, по всей вероятности, по чисто личным соображениям (не желая подробно говорить о себе) и заменил его лаконичной фразой «Петр Александрович ввел меня в гостиную» (стр. 13, строка 34). Не сразу дался Тургеневу текст, в котором он говорил о тонкости Плетнева и присущем ему чувстве меры. В *ЧА*$_3$ слов «до лукавства» нет (стр. 19, строки 32—33); вместо «насладился ею вполне, лучше чем вполне — в меру» было «насладился ею в меру» (стр. 20, строки 3—4); фразе «Такого рода наслаждение надежнее всякого другого» соответствовало: «В этом именно и состоит настоящее наслаждение» (стр. 20, строки 4—5); вариант *ЧА*$_3$ и *БА* «жизнь так сложилась» исправлен в *БА* на «обстоятельства так сложились» (стр. 19, строка 33). В словах самого Плетнева «Красок у меня нет» в *ЧА*$_3$ начат и вычеркнут эпитет «светл‹ых›» (стр. 20, строка 13). К фразе «И на смерти его, как я потом слышал, лежал тот же отпечаток душевной тишины и покорности» (стр. 21, строки 5—7) в *ЧА*$_3$ дан вариант: «отпечаток душевной ясности и покорности перед неизбежным». Изображая Плетнева-педагога, Тургенев сначала в *ЧА*$_3$ назвал его «учителем», а затем, подчеркивая перевес его нравственного, воспитательного влияния на юношество над его научным багажом, — «наставником старого времени» (стр. 19, строка 28). Текста «Он не внушал студентам ∾ любили» — в *ЧА*$_3$ нет, он внесен Тургеневым в *БА*, причем в словосочетании «восторженных чувств» эпитет изменен на «преувеличенных» (стр. 19, строки 8—13). Много работал Тургенев над характеристикой общественного облика Плетнева. Вместо

«ему недоставало энергии, огня, настойчивости, прямо говоря — мужества» (стр. 20, строки 17—18) в *ЧА*$_3$ было: «он не имел совершенно энергии и того огня — того гражданского мужества, знаний и настойчивости». После фразы «Он не был рожден бойцом» в *ЧА*$_3$ отсутствовал текст: «Пыль и дым битвы ∾ бледным» (стр. 20, строки 19—30); его заменяла фраза — вариант последней фразы очерка: «Потому-то он пребывал учителем старого закала, но в лучшем смысле слова». В текст, в котором сам Плетнев подводит итог собственной жизни, в *БА* по сравнению с *ЧА*$_3$ внесено дополнение: «знал прекрасных людей» (стр. 21, строка 4). К фразе окончательного текста «Я любил беседовать с ним» (стр. 21, строка 8) *ЧА*$_3$ дает вариант: «Разговор его был для меня отрадой». Указание на «любовь его ‹Плетнева› к словесности» в *ЧА*$_3$ уточнено и дополнено: «любовь к родной словесности, родному языку» (стр. 21, строки 14—15). И в заключительной части очерка вместо текста «Он с прежним участием ∾ искусства» (стр. 21, строки 20—25) в *ЧА*$_3$ было: «Он с таким же жив‹ым› участием и любопытством, как и в прежние годы, слушал чтение новых произведений наших писателей — и произносил свой суд, не всегда глубокий, но всегда верный и [нелицемерный] [при всем участии] при всей мягкости форм неуклонно согласный с принципами, [которые с юных лет руководили его] [которые в течение всей его жизни] которым никогда не изменял».

Таким образом, как показывает анализ рукописей, работа над «Литературным вечером у П. А. Плетнева» была длительной и сложной. Она отражает трудности, которые испытывал Тургенев в овладении новым для него мемуарным жанром (см. письмо к Л. Пичу от 12 (24) февраля 1869 г.: *Письма*, т. VII, стр. 430—431). Сказалась в этой работе и некоторая противоречивость позиций писателя: это касается, во-первых, соотношения поколений дворянской молодежи 40-х годов и разночинной молодежи 60-х годов; во-вторых, оценки деятельности П. А. Плетнева, встречами с которым Тургенев дорожил прежде всего как общением с другом Пушкина, а литературно-эстетические взгляды которого казались ему далекими и устаревшими уже в юности (см. письмо к А. В. Никитенко от 26 марта (7 апреля) 1837 г.: *Письма*, т. I, стр. 164).

И. А. Битюгова

«ЧЕЛОВЕК В СЕРЫХ ОЧКАХ»

Работа Тургенева над рукописями очерка

«Человек в серых очках» — второе, после очерка «Наши послали», напечатанного в 1874 г., обращение Тургенева к теме революции 1848 г. Мысль писателя развивалась в данном случае в русле того начавшегося во Франции с конца 60-х годов движения, когда французы, по словам Маркса в письме к Л. Кугельману от 3 марта 1869 г., принялись «прямо-таки штудировать свое недавнее революционное прошлое».[1] Движение началось с критики империи Наполеона III и выяснения обстоятельств прихода его к власти. Большое значение имели в этом отношении книги Э. Тено.[2] Закономерно возникавший вопрос, почему бонапартистский переворот последовал за революцией, каким образом революция породила империю, заставлял историков и романистов вновь и вновь рассматривать события 1848 г. и роли их участников. Едва ли не первым занялся решением этих актуальных проблем Флобер, окончивший в 1869 г. свой роман «Воспитание чувств». Начиная с этого времени, во Франции непрерывно выходят книги, с одной стороны, о Наполеоне III,[3] а с другой — о событиях и людях 1848 г.[4] Свидетельств, что Тургенев читал указанные работы, у нас нет (исключением является книга А. де ла Героньера), но его внимание к этой тематике подтверждается фактом другого рода: он

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 32, Госполитиздат, 1964, стр. 496.

[2] E. Ténot. 1) Paris en décembre 1851. Etude historique sur le coup d'état. Paris, 1868; 2) La province en décembre 1851. Paris, 1868. — Эта книга Э. Тено и упоминаемая далее книга А. де ла Героньера были приобретены Тургеневым для его библиотеки; они хранятся в Государственном музее И. С. Тургенева в Орле.

[3] Например: P. Lefranc. Le deux décembre (1851). Ses causes et ses suites. Paris, 1870; A. de la Guéronnière. L'homme de Sédan. Bruxelles, Dixième édition, 1870.

[4] H. Castille. Les Massacres de juin 1848. Paris, 1869; A. Vermorel. Les hommes de 1848. Paris, 1869; V. Pierre. Histoire de la République de 1848. Gouvernement provisoire. Commission exécutive. Cavaignac. 24 février—20 décembre 1848. Paris, 1873; A. Chérest. La vie et les œuvres de Marie. Paris, 1873; O. Barrot. Mémoires posthumes, 4 tt. Paris, 1875—1876; M. Du Camp. Souvenirs de l'année 1848 (La Révolution de février, le 15 mai, l'insurrection de juin). Paris, 1876, и др.

с интересом перечитал «Воспитание чувств», переизданное в ноябре 1879 г., когда «Человек в серых очках» был уже написан (см. письма к Флоберу от 1 (13) и 11 (23) ноября 1879 г.).[5]

В тургеневском очерке бонапартизм и революция 1848 г. рассматриваются во взаимосвязи. Его герой не только предсказывает февральский переворот и скорое пришествие Бонапартов, но и объясняет, почему страна пойдет по этому пути. Во французском национальном характере сочетаются два противоположных принципа — революционность и рутина, обозначенные в очерке именами Робеспьера и Прюдома. Поэтому победоносная революция невозможна и всегда есть почва для монархического заговора. Эти мысли Тургенева, — как, впрочем, и рассуждения о «военном элементе», свойственном французам, и о преобладающем значении для мирового исторического развития все-таки именно Франции, а не Америки, — совпадают с мнениями Герцена, высказанными им в циклах «Письма из Франции и Италии» и «С того берега».[6] 24 января (5 февраля) 1868 г. Тургенев писал П. В. Анненкову: «Французам не освободиться ввек, да они и не желают этого. Не Наполеон, другой будет le maître»;[7] об этом же он говорил А. В. Головнину осенью 1877 г.: «Французы никогда не имели сильного и крепкого чувства свободы»;[8] 12 (24) января 1879 г. он замечал в письме к Флоберу: «Я вырезал для вас из газеты прилагаемую статью, мне кажется, ее написал законченный г-н Прюдом!».[9]

Понимая, что «Человек в серых очках» может заинтересовать французских читателей, Тургенев поместил очерк в журнале «La Nouvelle Revue», но, предвидя недоумение по поводу того, что столь верные политические прогнозы могли быть сделаны в 1848 г., снабдил французский перевод следующим примечанием: «Этот маленький рассказ имеет один большой недостаток: в нем могут увидеть предсказания, сделанные задним числом. Этот недостаток я не могу исправить, но утверждаю, что человек, о котором я говорю, действительно существовал и говорил мне те самые слова, которые я здесь привожу». О том, что в очерке изображена реально существовавшая личность, он писал в письме к Е. И. Рагозину от 14 (26) февраля 1877 г.[10]

Размышления Тургенева о путях развития Франции представляют собой только один аспект содержания очерка. Анализ сохранившихся рукописей[11] и французского (авторского) перевода, имеющего ряд отличий

---

[5] *Письма*, т. XII, кн. 2, стр. 168, 176, 372, 374.

[6] Указано Л. В. Павловым в статье: И. С. Тургенев и А. И. Герцен. (К истории взаимосвязей в 40-е годы). «Ученые записки Орловского педагогического института», 1963, т. 17, стр. 30—31. — В пору работы над очерком Тургенев, по собственному его признанию в письме к Е. Я. Колбасину от 5, 14 (17, 26) августа 1879 г., «перечел <...> сочинения Герцена» (см.: *Письма*, т. XII, кн. 2, стр. 117).

[7] *Письма*, т. VII, стр. 38.

[8] Там же, т. XII, кн. 1, стр. 216.

[9] Там же, кн. 2, стр. 17 и 338.

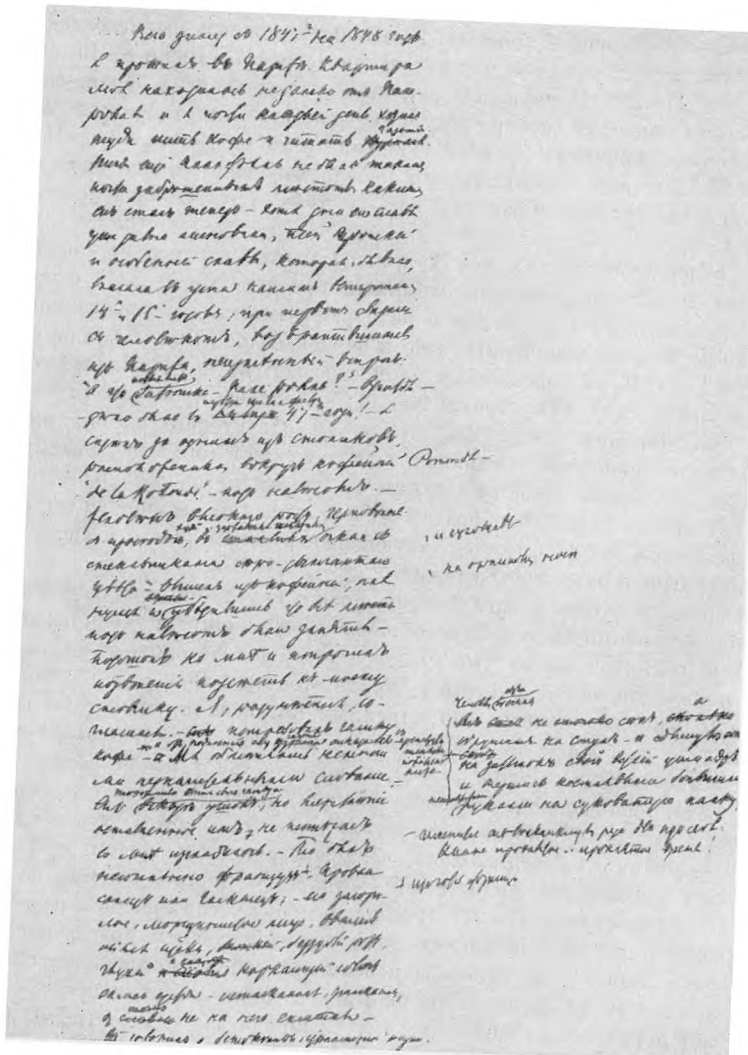
[10] Там же, кн. 1, стр. 97.

[11] Первоначальные черновые наброски очерка (полностью) и свод вариантов *ЧА*, *ЧА*$_1$, *БА* и *НР* опубликованы: *Сочинения*, т. XIV, стр. 358—377.

от русского текста, дает существенный материал для понимания других сторон этого произведения.

Он позволяет, во-первых, выделить группу исправлений, связанных с убеждением Тургенева в бесполезности насилия, в бесплодности отрицательного начала. Описание пути из Брюсселя в революционный Париж расширяется за счет введения как в беловую рукопись (см. варианты к стр. 129, строки 13—22 и 22—27), так и в корректуру (см. вариант к стр. 129, строки 27—31) нескольких вставок, передающих атмосферу подъема духа, надежд, воспоминаний о великих 1793 и 1794 гг., с целью сделать более разительным контраст между радостным возбуждением первых дней и наступившим вслед за ним отрезвлением. Чтобы подчеркнуть, что даже мыслящая и все понимающая личность не в силах повлиять на ход событий, на полях черновой рукописи вписывается текст: «Какое положение! ~ ни даже куска хлеба!» (стр. 132, строки 6—11), — дополняемый в беловом автографе указанием на жест отчаяния и бессилия (см. вариант к стр. 132, строка 11). В процессе работы усиливается отрицательная оценка революционных вождей: расширяется пренебрежительная характеристика Прудона, снисходительный отзыв о Ледрю Роллене заменяется резким, даже грубым (см. варианты к стр. 133, строки 8—9 и 9—10).

Во-вторых, в работе писателя над очерком прослеживается еще одна линия: неприемлемость для него отрицательного начала и с точки зрения этической. Уже черновые наброски очерка свидетельствуют о намерении Тургенева охарактеризовать не только политические воззрения «мусье Франсуа», но и его взгляды на философию, искусство, религию, показать его и в рассуждениях, и в действии. Последовательность набросков как будто не особенно заботила писателя: во всяком случае, установить связь нумерации отрывков, очень нерегулярной, с намерениями автора в отношении композиции невозможно. Зато он по нескольку раз возвращался к некоторым мотивам и тщательно разрабатывал их. Общая фраза о суеверии «мусье Франсуа», например, конкретизируется эпизодом с рассматриванием линии жизни и рассуждением о фатализме по-русски и по-французски, мнение же «человека в серых очках» о народе иллюстрируется сначала сравнением народа с землею, а затем русским и французским объяснением того, почему он народ не презирает. От одного момента писатель сразу же отказался: начата и зачеркнута фраза о желании Г‹ерцена› познакомиться (очевидно, с «мусье Франсуа»), противоречащем той оценке, которую он дал этому человеку выше. На следующем этапе работы Тургенев счел излишними следующие эпизоды, присутствующие в первоначальных набросках: совместное посещение Лувра автором и героем, случай с письмом (неясный из-за краткости записи), давший повод для реплики «мусье Франсуа» об уголовщине в душе каждого, декламация «человеком в серых очках» стихов из трагедии Проспера Жолио де Кребильона (старшего) «Катилина», упоминание имени революционера Собрие. Тургенев видел в герое отрицателя по преимуществу, представителя крайне скептического взгляда на вещи вообще. Этим скептическим взгля-



«Человек в серых очках». Страница чернового автографа. 1879.
Национальная библиотека (Париж).

дом писатель пронизывает каждое высказывание его, вводя новые характерные в этом плане штрихи и детали в форме многочисленных вставок на полях черновой и беловой рукописей. В беловой рукописи появляются насмешливые замечания героя об изнанке всякой политики (стр. 112—113, строки 38—1), об очень простых, в сущности, основах религиозной и политической власти человека над человеком (стр. 117, строки 8—10; стр. 134, строки 24, 25—28). В черновой рукописи рассуждение о французских и итальянских актерах автор дополняет сведениями о весьма далеких от искусства причинах успеха Рашели и Мейербера (стр. 113—114, строки 36—12); при переписывании набело добавляется еще одно циничное заявление «мусье Франсуа» на эту тему (см. вариант к стр. 114, строки 1—4).

Не менее существенна для Тургенева мысль, что его персонаж — несчастный неудачник, постоянно томимый предчувствием своей скорой гибели. Он акцентирует ее, вводя в беловую рукопись в доработанном виде следующие тексты, намеченные уже в черновых набросках: «„И не будешь королем?“ — чуть не сорвалось у меня с языка; но я удержался.) ∾ Стало быть, я прав» (стр. 124, строки 16—26); «Стало быть, вы фаталист ∾ не верю» (см. вариант к стр. 124, строка 30). От второго из них писатель отказался в наборной рукописи, но сохранил его во французском переводе, где, кроме того, за словами «...ты их не видишь и не знаешь» (стр. 125, строка 8) следует фраза: «Tu est seul, seul au monde» ‹«Ты один, один на свете», — *франц.*›, отсутствующая в русском тексте и еще сильнее подчеркивающая одиночество героя.

Отношение автора к загадочному французу — этому воплощению скептицизма и пессимизма — с самого начала носит ощутимо неприязненный характер, несмотря на то что Тургенев признает историческую оправданность появления такой фигуры в стране Монтеня, Вольтера и энциклопедистов в периоды сильных общественных потрясений (может быть, этим объясняется и обобщающе-символическое имя героя, и концовка очерка — «Есть такие морские птицы ∾ как только настанет ясная погода», — которая была прибавлена в беловой рукописи) и соглашается с отдельными мнениями «мусье Франсуа» — см. помету «la vraie notice» ‹«верное замечание», — *франц.*› на стр. 202 об. черновой рукописи рядом с текстом: «Я в бога плохо верю, милостивый государь ∾ другого счастья на земле нет!» (стр. 116, строки 17—23). Неприязнь к нему связана не с исходящим от Герцена и на первый взгляд очень правдоподобным подозрением, что «человек в серых очках» — обыкновенный шпион. Рассказчик с таким предположением не согласен, и поэтому в черновой рукописи на полях вписывается резонное возражение «мусье Франсуа»: «Но только позвольте спросить вас ∾ какая была бы мне польза выслеживать вас?»; ответ автора: «Конечно, конечно, вы правы» (стр. 126, строки 10—14); его окончательное мнение: «За шпиона я его, однако, признать все-таки не мог ∾ Или это мне тоже так показалось?» (стр. 128, строки 19—24). В беловой рукописи добавляется описание благодарности героя автору за то, что тот не присоединился к опрометчивому суждению своего приятеля (см. ва-

риант к стр. 126, строки 21—24).[12] Враждебное чувство, испытываемое рассказчиком по отношению к герою, вызвано другими причинами. Работая, например, над сценой в блокгаузе поселенца-мексиканца, Тургенев старался подчеркнуть, что «человек в серых очках» хладнокровно убил спящего, который, правда, только что угрожал его жизни, но с которым он уже справился без оружия. В первом варианте рассказа «мусье Франсуа» о его техасском приключении ему было неприятно, что собеседник вынуждает его признаться в убийстве, и он обрывал разговор (см. вариант к стр. 128, строка 2). Нейтральная фраза — «Взял у него из рук нож... а Вы что подумали?», — перешедшая из черновика в беловую и наборную рукописи, была (видимо, в корректуре) заменена другой, более выразительно указывающей на смысл происшедшего: «Взял у него из рук нож... да, покончивши с этим делом, отправился далее» (стр. 128, строки 1—2). Работа в этом направлении продолжалась и при переводе очерка на французский язык. Благодаря нескольким изменениям, внесенным в текст, мысль выражена здесь очень отчетливо: «M. François se passa la main sous le menton. Je lui ôtai son couteau, c'est ce que vous auriez fait, n'est-ce pas? — Et puis? — Et puis... — Il me jeta un regarde oblique. Cette affaire réglée, je partis pour la Californie» ‹«Г. Франсуа провел рукой под подбородком. Я взял у него нож, вы бы тоже это сделали, не так ли? — А потом? — А потом... — Он искоса взглянул на меня. Покончив с этим делом, я отправился в Калифорнию», — *франц.*›. Этот эпизод подготавливает появление «мусье Франсуа» в конце очерка в мундире национального гвардейца со штыком наперевес и выражением «холодной жестокости» на лице (в черновой рукописи было употреблено сначала более мягкое выражение — см. вариант к стр. 134, строка 38). Противоречие между его поведением в июньские дни и участием в предыдущих событиях как будто на стороне революции, которую он, однако, считал безнадежной, прокомментировано на стр. 206 об. черновой рукописи словом «лгун!» (см. вариант к стр. 134, строки 35—39). Ненависть к женщинам — «юбкам», которую автор отмечает у «мусье Франсуа», в черновом автографе не просто констатировалась (см. незачеркнутые варианты: 1) «Вот чего следует бояться как огня»; 2) «Да будут они прокляты вовеки» — на стр. 205 рукописи). Силу ее Тургенев дал почувствовать, рисуя объяснение его с девушкой в Люксембургском саду. Тональность этой сцены по сравнению с первоначальными набросками («Он угрюм, но очевидно тронут») в черновом автографе изменена. Писатель предпочел более резкие краски для угрюмого женоненавистника, еще более усилив их в беловом автографе дополнениями: «Нетерпеливо топал ногой», «локтем», «она побежала в другую сторону, как потерянная» (стр. 133, строки 31—32, 33—34). Осуждение героя объясняется, следовательно, мотивами этического порядка, ибо в са-

---

[12] В связи с этим представляется сомнительным утверждение А. Гранжара, что в «человеке в серых очках» изображен агент, провокатор, распространитель бонапартистских брошюр, который вместе с г-жой Гордон и Юбером готовит приход Луи-Наполеона к власти (H. Granjard. Ivan Tourguénev et les courants politiques et sociaux de son temps. Paris, 1966, стр. 208).

мом Тургеневе, как говорил Л. Н. Толстой в письме к А. Н. Пыпину от 10 января 1884 г., «сомнение во всем» жило рядом с «верой в красоту (женскую любовь — искусство)» и «добро — любовь и самоотвержение».[13] Появление фигуры скептика и пессимиста в творчестве Тургенева 70-х годов, по-видимому, связано с кругом мыслей и настроений, которые определил в приведенных выше словах Толстой и под влиянием которых писатель в это же время создавал свои «Стихотворения в прозе».[14]

Т. А. Никонова

---

[13] *Толстой*, т. 63, стр. 150.

[14] О том, как «Человек в серых очках» связан с комплексом идей, выраженных в статье «Гамлет и Дон-Кихот», о «мусье Франсуа» как разновидности гамлетического типа см. в статье Ю. Д. Левина «Статья И. С. Тургенева „Гамлет и Дон-Кихот". К вопросу о полемике Добролюбова и Тургенева» (Н. А. Добролюбов. Статьи и материалы. Горький, 1965, стр. 124).

МАТЕРИАЛЫ И КОММЕНТАРИИ К ПРОИЗВЕДЕНИЯМ И.С.ТУРГЕНЕВА

«ПАРАША» И «РАЗГОВОР»

РАННИЕ ОТЗЫВЫ О ПОЭМАХ

Поэмы «Параша» и «Разговор» были впервые опубликованы отдельными изданиями. Среди разноречивых откликов, вызванных появлением этих книжек, есть две рецензии, которые не привлекали еще к себе внимания исследователей раннего творчества Тургенева.

Одна из них представляла собою по времени едва ли не самый первый печатный отзыв о «Параше». С ним познакомилась мать ее автора, снабдившая статью безымянного критика весьма любопытным комментарием. «Я возвращаю „Инвалида", — писала В. П. Тургенева сыну 27 мая 1843 г., — а о „Параше" имею так много сказать, что буду писать в субботу пространнее. Спасибо, что не ударил лицом в грязь. Как ни стараюсь преодолеть в себе смертный грех тщеславия, но! чувствую, что увлекаюсь. Старик дядя обкусал себе губы. Не знаю, трудно ли тебе было родить дочь, но! — слава богу, что здоров. Внучке моей, первенцу, кладу под голову твой долг Элеонорин, который принимаю на себя».[1]

В другом письме, отосланном также из Спасского в конце мая—начале июня 1843 г., В. П. Тургенева снова говорит о впечатлении, произведенном этой рецензией, присланной родным скорее всего самим Тургеневым: «Дядя старик совсем с ума сошел от твоей „Параши", — или, лучше сказать, от „Инвалида". Что бы ни сделал, все назовет Парашей. В цветнике сделали улитку, которую садовники называют улитой, а дядя — Парашей. Отелила ли корова телушечку — Параша. Лошадь — Параша. Биби[2] зовет Парашей. Пресмешной vaniteux ‹тщеславный — *франц.*›».[3]

«Инвалид» упоминается еще в одном письме В. П. Тургеневой — от 28 мая 1843 г., — где она подробно говорит о «Параше», причем опять же в связи с положительным печатным отзывом на нее: «Я бы многое хотела тебе сказать насчет твоего сочиненья. Но! — я не имею духу, стараюсь всячески преодолеть в себе чувство тщеславия; за что бог и наказывает

---

[1] «Русская мысль», 1915, № 12, отд. II, стр. 111. — О каком долге идет речь и кто такая Элеонора — неизвестно.

[2] Биби — В. Н. Богданович-Лутовинова, в замужестве Житова, побочная дочь и воспитанница В. П. Тургеневой.

[3] *ГПБ*, ф. 795 (И. С. Тургенева), ед. хр. 96.

меня, что все еще не преодолела сего врага. Что такое поэма? Можно быть, как Пушкин: и хороший поэт, но! — матери от этого не было никакого проку. Итак, мое счастье состоит в твоей любви ко мне, покорности и почтенье. Я толку не знаю в стихах и боюсь, чтобы ты не пострадал от завистников; потому что те, коих называют в „Инвалиде“ доморощенными пиитами и фабрикующими вирши, боюсь, чтобы за себя не отомстили».[4]

Во всех этих письмах матери автора «Параши» речь шла о печатном отзыве на первую книгу Тургенева, помещенном в газете «Русский инвалид» от 9 мая 1843 г. (№ 101). Он появился почти одновременно с известной рецензией Белинского на поэму «Параша», опубликованной в майской книжке «Отечественных записок» за 1843 г. В. П. Тургенева была знакома и с этой статьей, которая вызвала у нее столь же радостную реакцию, поскольку похвалы в адрес сына были высказаны и в том и в другом случае почти в одних и тех же выражениях.

Безымянный рецензент «Русского инвалида» в начале «Журнальных отметок» указал на то, что «при всем своем бесплодии литература недавно подарила нас весьма замечательным произведением, вполне достойным внимания и благодарности публики». Таким произведением критик считал превосходную драму Кальдерона «Жизнь есть сон», помещенную в первом выпуске «Испанского театра». Затем автор литературного обозрения переходит к поэме Тургенева «Параша».

«Не менее замечательно в современной литературе нашей появление превосходного рассказа в стихах под названием „Параша“, обнаруживающего обширное, неподдельное дарование в его авторе, который из неуместной скромности скрыл свое имя, означив его литерами Т. Л. Тем более нам отрадно появление этого прелестного рассказа или, лучше сказать, этой поэмы, что в настоящее время русская поэзия дремлет под песни наших доморощенных пиит и стихотворцев, которые величают себя поэтами и большею частью фабрикуют вирши. Со смертью Лермонтова осиротел наш Парнас, и мы уже потеряли надежду услышать снова звуки русской лиры; появление «Параши» возвратило нас к надежде. Простота и верность описания, звучность стихов и единство мысли — составляют неотъемлемые достоинства поэмы г-на Т. Л. Если это первый опыт поэта, то мы должны от него многого ожидать в последующих. Вспомним, что и бессмертный Пушкин в первых опытах своих не обнаружил своего гения, проявившегося в «Онегине», «Борисе Годунове» и следовавших за ними созданиях. Повторим, что дарование Т. Л. самобытное и замечательное. Его „Параша“ принадлежит к числу немногих поэм, которыми может гордиться русская поэзия. В подтверждение выписываем несколько стихов ‹...›.

«Все характеры, входящие в состав этой поэмы современных нравов, очерчены мастерски. В поэме нет ни уродливых образов, ни сверхъестественных восторгов, ни нелепых приключений — все верно, просто, обыкновенно.

---

[4] «Русская мысль», 1915, № 12, отд. II, стр. 112.

«Итак, две, только две замечательные книги появились у нас в настоящее время. Застой, страшный застой в русской литературе! Как же нам не позавидовать Западу, где выходит ежедневно так много книг и так много книг хороших? А кто причиною этой бездеятельности русских писателей: публика или сами писатели? — трудно решить, или по крайней мере трудно определить, кто более виноват».[5]

Основные положения этого отзыва находятся в полном соответствии с теми оценками, какие даны «Параше» Белинским и в его подробной рецензии, и в целом ряде других высказываний, в чем нетрудно убедиться, сопоставив с ними статью «Русского инвалида». Ее отправным тезисом является констатация того факта, что в русской литературе наблюдается «застой, страшный застой», «бесплодие», «что в настоящее время русская поэзия дремлет», что «со смертью Лермонтова осиротел наш Парнас».

С указания именно на это обстоятельство начинается и рецензия Белинского: «Теперь, когда Лермонтова уже нет <...>, поэзия русская если не умерла, то уснула <...>».[6] О том же, но только в более широком плане, критик говорит и в своем обзоре «Русская литература в 1843 году»: «Литература наша находится теперь в состоянии кризиса: это не подвержено никакому сомнению».[7]

В отзыве «Русского инвалида» с глубоким удовлетворением отмечалось «появление превосходного рассказа в стихах под названием „Параша“», «этого прелестного рассказа, или, лучше сказать, этой поэмы», «поэмы современных нравов», в которой «нет ни уродливых образов, ни сверхъестественных восторгов, ни нелепых приключений — все верно, просто, обыкновенно», «мило, без вычурности». Столь отрадный факт возвратил рецензента к надежде «услышать снова звуки русской лиры». «Простота и верность описания, звучность стихов и единство мысли» составляли, по его мнению, «неотъемлемые достоинства поэмы», автор которой «из неуместной скромности скрыл свое имя, означив его литерами Т. Л.».

«Хотя автор „Параши“, — читаем в рецензии Белинского, — скрывший свою фамилию под литерами Т. Л., и обозначил свое произведение скромным именем „рассказа в стихах“, однако оно тем не менее — „поэма“ в том смысле, какой усвоен Пушкиным произведениям такого рода». В «Параше» Белинский увидел именно «поэму, не только написанную прекрасными поэтическими стихами, но и проникнутую глубокою идеею, полнотою внутреннего содержания, отличающуюся юмором и ирониею!...»[8] Об этом же говорится и в письме Белинского к автору «Параши» от 8 июля 1843 г.: «Я еще раз десять прочел ее: чудесная вещь, вся насквозь пропитанная и поэзиею (что очень хорошо) и умом (что еще лучше, особенно вместе с поэзиею)».[9]

Суждения рецензента «Русского инвалида» о достоинствах первой книги Тургенева полностью совпадают и с той оценкой, какую дал ей Бе-

---

[5] «Русский инвалид», 1843, 9 мая, № 101.
[6] *Белинский*, т. VII, стр. 65.
[7] Там же, т. VIII, стр. 45.
[8] Там же, т. VII, стр. 66.
[9] Там же, т. XII, стр. 168.

линский в обзоре руской литературы за 1843 г.: «Из новых произведений, появившихся в прошлом году, можно указать только на небольшую поэму „Параша“, которая по необыкновенно умному содержанию и прекрасным, поэтическим стихам была бы замечательным явлением и не в такое бедное для литературы время, как наше».[10]

Причислив «Парашу» к тем немногим поэмам, «которыми может гордиться русская поэзия», автор статьи в «Русском инвалиде» пришел к выводу о том, «что дарование Т. Л. самобытное и замечательное», в подтверждение чего выписал несколько стихов из произведения, «обнаруживающего обширное, неподдельное дарование в его авторе».

Здесь мы также видим почти текстуальное совпадение с рецензией Белинского на «Парашу»: «Выписанные нами места из поэмы достаточно говорят за дарование и мастерство автора. Стих обнаруживает необыкновенный поэтический талант <...>».[11]

Идейное и стилистическое сходство статей Белинского с некоторыми заметками и рецензиями «Русского инвалида» отмечено в комментариях к полному собранию сочинений критика. Там же высказывается предположение, «что в период 1843—1846 гг. Белинский состоял сотрудником „Русского инвалида“, литературно-критический отдел которого, редактировавшейся А. А. Краевским, проводил программу отдела критики и библиографии „Отечественных записок“».[12]

Это подтверждает и помещенный в «Русском инвалиде» отзыв на поэму Тургенева «Разговор», также совпадающий с оценкой Белинского: «Вы, вероятно, заметили, в „Отечественных записках“ последних годов, стихотворения, отмеченные скромными буквами Т. Л., — стихотворения, исполненные теплой, но мужественной тоски, грустного чувства, навеянного современною жизнию. Без сомнения, вы не забыли и „Параши“ — небольшой, но прекрасной поэмы того же автора. В „Разговоре“ он уже выставил полную свою фамилию, — разгадать которую, конечно, желали многие: это г. Ив. Тургенев. Трудно передать в прозе содержание этого „стихотворения“, или, лучше, этой поэмы, достоинство которой состоит в силе и глубине чувства. Старик-пустынник и молодой друг его сошлись ночью, у пещеры, и поверяют друг другу свои задушевные чувства. Вот и все. В изображении молодого человека мы видим хоть не злую, но горькую сатиру на современное нам поколение, на малосильное бесстрастие которого с таким скорбным негодованием смотрел Лермонтов в своей „Думе“. Может быть, характер двух лиц, действующих в „Разговоре“, и самую идею этого стихотворения вы лучше поймете из приводимого здесь отрывка, нежели из наших объяснений».[13]

Независимо от того, кто был автором ранних отзывов на «Парашу» и «Разговор», рецензии «Русского инвалида» заслуживают внимания уже тем, что они совпадают со взглядами Белинского на оба произведения Турге-

---

[10] Там же, т. VIII, стр. 92.
[11] Там же, т. VII, стр. 78.
[12] Там же, т. VI, стр. 788.
[13] «Русский инвалид», 1845, 1 февраля, № 25.

нева. А одобрительные оценки столь авторитетного критика сыграли, как известно, решающую роль в творческом становлении молодого писателя. Они повлияли даже на отношение В. П. Тургеневой к своему сыну. „Параша“ мне прежде еще читаемой похвалы понравилась, и я точно вижу в тебе талант», — сознавалась она ему в письме от 25 июня 1843 г. и тут же добавляла, что «в „Отечественных записках“ разбор справедлив и многое прекрасно».[14]

Что же касается самого Тургенева, то, по напечатании своей первой поэмы, он «уехал в Спасское, принялся там охотиться и с нетерпением ожидал заметки Белинского, которая должна была появиться в „Отечественных записках“ ‹...› Наступил май месяц, и в книжке „Отечественных записок“ появилась столь нетерпеливо ожидаемая статья. Иван Сергеевич поспешно, нервно разрезал листы. Это было крещение огнем, которое он жаждал получить. Он прочел с сердцем, бившимся от счастья, лестные строки, посвященные ему Белинским. „Читая их, я чувствовал, что мои силы удесятерялись, — говорил позднее Тургенев. — Я чувствовал сам, что люблю весь мир и в особенности Белинского. Я тотчас же обещал себе стать его другом и учеником“. ‹...› Образ Белинского навсегда остался для него путеводною звездою его жизни, сиявшею в глубине его сердца».[15]

В. А. Громов

«РЕФОРМАТОР И РУССКИЙ НЕМЕЦ»

НЕОСУЩЕСТВЛЕННЫЙ ЗАМЫСЕЛ

1

Известно, что в 1872 г. Тургенев решил ввести в «Записки охотника» несколько новых рассказов. Это вызвало резко отрицательную реакцию его друзей, и особенно П. В. Анненкова, писавшего 15 декабря ст.ст. того же года: «Какая прибавка, какие дополнения, украшения и пояснения могут быть допущены к памятнику, захватившему целую эпоху и выразившему целый народ в известную минуту? Он должен стоять — и более ничего».[1] Прав ли был Анненков?

С точки зрения собственно эстетической — пожалуй, да. Но правым в этом случае представляется и Тургенев. И дело, разумеется, не в том, что он чувствовал незавершенность «Записок» или новая действительность давала ему новый материал. Просто в данном случае нужно иметь в виду, что, как это нередко бывает, истинный замысел произведения оказался шире самого произведения. Это обстоятельство и побуждало Тургенева время от времени обращаться к некоторым своим наброскам, из-

---

[14] «Русская мысль», 1915, № 12, отд. II, стр. 113.

[15] Воспоминания о Тургеневе. По запискам Ж. Мурье. «Новый мир», 1900, № 35—36, стр. 226.

[1] «Русское обозрение», 1898, № 5, стр. 20—21.

начально входившим в план «Записок», но по тем или иным причинам не получившим завершения. Так, в 1874 г. им были напечатаны три рассказа, не входившие в первое издание «Записок», — «Конец Чертопханова», «Живые мощи» и «Стучит!».

«Всех их ‹рассказов› напечатано двадцать два, — писал Тургенев Я. П. Полонскому 25 января (6 февраля) 1874 г., — но заготовлено было около тридцати. Иные очерки остались недоконченными из опасения, что цензура их не пропустит, другие — потому что показались мне не довольно интересными или не идущими к делу».[2]

Причины, по которым отдельные «очерки остались недоконченными», представляют, конечно, большой историко-литературный интерес и заслуживают самостоятельного исследования. Однако едва ли не более важной является для нас другая сторона вопроса — каково было место этих незавершенных рассказов в общей системе «Записок», какие грани тургеневского замысла в том виде, как он изначально сложился у писателя, они отражали.

С этой точки зрения весьма любопытный материал представляют сохранившиеся в рукописи фрагменты двух рассказов Тургенева, один из которых озаглавлен «Русский немец», а второй — «Реформатор и русский немец». Как явствует из программ «Записок» и нескольких писем Тургенева, еще в 1847 г. им были задуманы два рассказа — «Русский немец» (первоначальный вариант заглавия «Помещик из немцев») и «Реформатор». К тому же 1847 г. относится и черновой набросок первого рассказа. Что же касается второго, то, кроме упоминания в программах, никаких реальных свидетельств о том, что писатель вообще когда-либо работал над ним, мы не имеем. Зато известно, что уже в следующем году Тургенев начал писать рассказ, который, как это видно из его заглавия, должен был соединить в себе замыслы обоих названных рассказов. Мы имеем в виду рассказ «Реформатор и русский немец», начатый, как сказано, в 1848 г. и переписанный самим Тургеневым почти дословно 24 года спустя.[3]

Таким образом, в вопросе о творческой истории рассматриваемых фрагментов выяснению подлежат два момента: что представлял собой рассказ «Реформатор» и какова могла быть наиболее вероятная форма использования рассказа «Русский немец» в том контаминированном произведении, фрагментом которого мы располагаем.

О «Реформаторе», как мы уже отмечали, никаких прямых данных у нас нет. Зато есть одно косвенное свидетельство, которое позволяет, на наш взгляд, судить если не о конкретном виде этого рассказа, то, по крайней мере, о его проблематике, что, в свою очередь, дает некоторый

---

[2] *Письма*, т. X, стр. 191.

[3] Подробнее о творческой истории рассказа см.: «Русский немец и реформатор» (недописанный рассказ Тургенева из цикла «Записки охотника»). В кн.: Проблемы сравнительной филологии. Сборник статей к 70-летию члена-корреспондента АН СССР В. М. Жирмунского. М.—Л., изд. «Наука», 1964, стр. 378—383; см. также наш комментарий: *Сочинения*, т. XIII, стр. 705—707.

материал для заключений о причинах, побудивших Тургенева объединить оба рассказа в один.

Мы имеем в виду свидетельство Н. А. Островской, которая в своих мемуарах приводит запись одной из бесед с Тургеневым. «Зашел как-то разговор об одном господине, давно умершем (Зиновьеве). Он был человек не злой и порядочный, — рассказывал Тургенев, — только невыносимый: у него, бывало, все — государственное дело, вечно он был озабочен. Я об одном просил: „Сделайте милость, З., не застегивайте при мне сюртука!" Так он важно пуговицы застегивал, что на нервы действовало. Я пробовал изобразить его в повести, которая должна была войти в состав „Записок охотника". Представлено было два помещика: один, З., в своей деревне все распоряжался, все порядок водворял — мужиков обстроил по своему плану, заставлял их пить, есть, делать по своей программе; ночью вставал, обходил избы, будил народ, все наблюдал. Другой был немец рассудительный, аккуратный, но — у обоих мужикам приходилось плохо».[4]

Мы не знаем, существовал ли такой вариант «повести», в котором «представлено было» именно «два помещика», т. е. рассказывал ли Тургенев Н. А. Островской только о своем намерении объединить замыслы обоих рассказов, или же он говорил о произведении, в котором намерение это было уже осуществлено. Но если у нас пока нет возможности ответить на этот общий вопрос (ибо фрагмент рассказа «Русский немец и реформатор» является в конце концов всего лишь фрагментом, не обнаруживающим никаких связей с наброском «Русский немец»), то о самих, так сказать, слагаемых объединенного замысла мы можем судить с достаточной определенностью. Оба помещика, нигде не фигурирующие во взаимном сопоставлении, достаточно ярко обрисованы Тургеневым каждый в отдельности, и вне всяких сомнений именно они должны были быть представлены в «повести», о которой писатель рассказывал Н. А. Островской. Рассудительный, аккуратный немец — это, конечно, Леберехт Фохтлендер, герой рассказа «Русский немец», а помещик, который «в своей деревне все распоряжался, все порядок водворял», без труда узнается в Е. А. Ладыгине, герое фрагмента «Реформатор и русский немец». И поскольку это так, поскольку мы должны исходить именно из раздельного существования героев повести, постольку мы получаем право предположить, что второй фрагмент, являясь началом и основой объединенной повести, был до включения его в повесть если не самостоятельным наброском «искомого» рассказа «Реформатор», то во всяком случае тем материалом, который предназначался писателем для этого рассказа.

2

Если сравнить рассматриваемые фрагменты со стороны их сюжетообразующих возможностей, то ни одному из них, вероятно, нельзя отдать предпочтения.

С этой точки зрения, пожалуй, не было бы удивительным, если бы

---

[4] *Тургеневский сб. (Пиксанов)*, стр. 83—84.

объединенный рассказ «Реформатор и русский немец» Тургенев начал с первого фрагмента.

Однако он этого не сделал, считая, по-видимому, проблематику «Русского немца» в чем-то до известной степени второстепенной, подчиненной. И действительно, если говорить о содержательной стороне фрагментов, об их сравнительном идейно-художественном потенциале, то все преимущества в этом отношении безусловно будут на стороне второго фрагмента. Отметим прежде всего, что и основной конфликт в нем, и весь его пафос носят остро социальный характер. В отчетливо социальной функции раскрывается образ главного героя рассказа — Ладыгина, характер деятельности которого должен был, по мысли писателя, дать определенный ответ на центральный вопрос «Записок» в целом — чем и как можно помочь русскому крестьянину, угнетенному крепостным правом? С этой точки зрения образ Ладыгина очень хорошо вписывается в галерею тех помещиков, тех социальных прожектеров и мнимых знатоков народной жизни, которых Тургенев изобразил и в других рассказах цикла.[5] Деятельность Ладыгина, весьма определенная и весьма типичная в ту эпоху, основана на полном непонимании русского мужика, его характера и его нужд, на концепции, которая терпит сокрушительное поражение при первом же соприкосновении с действительностью, при первой же попытке применить ее на практике. Приехав в деревню с заранее составленной схемой народной жизни и, соответственно этому, с догматически заданной программой руководства, Ладыгин сталкивается с самым простым и самым страшным, с чем может столкнуться человек, поставивший себе благую в существе своем цель экономического переустройства, — с комически-печальным непониманием со стороны того самого мужика, которому он хотел помочь. «Господь его знает, что за барин такой! — жалуется один из крестьян Ладыгина автору „Записок“. — Такого барина и старики не запомнят. И ведь не то, чтобы разорял крестьян; с оброчных даже оброку сбавил. А плохо приходится, вот как, не приведи бог».

Плохо крестьянам приходится именно оттого, что Ладыгин абсолютно чужд русской деревне, не понимает истинных ее потребностей и, что особенно следует подчеркнуть, смотрит на крестьян как на пассивную серую массу, единственное назначение которой — быть послушным материалом в его руках, точкой приложения его просвещенной реформаторской деятельности. Жизнь крепостного мужика для него — всего лишь некая статистическая данность, и оттого, стремясь изучить ее, он не может пойти дальше гротескно-педантичного учета самых внешних ее сторон. «Вот и пошел он по дворам; хозяина, говорит, сюда со всей семьей. А сам по самой середине избы стоит, не шевельнется и книжечку в руках держит, так и озирается, словно ястреб... Вот и спрашивает у хозяина: как тебя зовут? Сколько тебе лет? — Ну мужик, разумеется, отвечает, а он записывает. — А жену зовут как? Детей? Сколько лошадей? Овец? Свиней?

---

[5] Таковы, например, Александр Владимирович Королев и Василий Николаевич Любозвонов из рассказа «Однодворец Овсяников», петербургский важный чиновник из рассказа «Два помещика» (см.: *Сочинения*, т. IV, стр. 68—71, 177).

Поросят? Кур, гусей? Телег? А плугов, борон? Овса собрано? ржи? муки? — Квасу мне подай отведать! Хомуты мне покажи! А сапоги есть? Горшков сколько? Мисок? Ложек? Тулупов сколько, рубашек? ей-богу, и про рубахи спрашивал. И все записывает, словно на допросе. Где, говорит, ты промышляешь? В город ездишь? Часто? А именно, сколько раз в месяц? А вино любишь пить? Жену бьешь? Детей бьешь тоже? К чему у тебя сердце лежит?». Не удивительно, что крестьяне оказываются в полном недоумении и в конце концов предпочитают этому диковинному наказанию бессмысленным педантизмом традиционное, столь хорошо им знакомое наказание розгами: «Батюшка, пощади, уж коли чем перед тобою виноват, лучше высечь прикажи», — говорит ему староста Тит, и в этом подчеркнуто анекдотическом эпизоде со всей отчетливостью отражается вся бессмысленность реформаторских устремлений Ладыгина, вся искусственность и нереальность его представлений о народе.

Интересно вспомнить в этой связи, что почти аналогичная художественная ситуация уже была однажды изображена Тургеневым в тех же «Записках». Мы имеем в виду случай с помещиком Любозвоновым из рассказа «Однодворец Овсяников». В самом деле, не в том же ли положении русского иностранца оказывается этот помещик, который, желая приблизиться к народу, подделаться под него, выходит к крестьянам в наряде этакого оперного мужичка — в красной рубахе и плисовых шароварах: «Собрались мужички поглазеть на своего барина. Вышел к ним Василий Николаич. Смотрят мужики — что за диво! — Ходит барин в плисовых панталонах, словно кучер, а сапожки обул с оторочкой; рубаху красную надел и кафтан тоже кучерской; бороду отпустил, а на голове така шапонька мудреная, и лицо такое мудреное, — пьян, не пьян, а и не в своем уме. „Здорово, говорит, ребята! бог вам в помощь“. Мужики ему в пояс, — только молча: заробели, знаете. И он словно сам робеет. Стал он им речь держать: „Я-де русский, говорит, и вы русские; я русское все люблю... русская, дескать, у меня душа и кровь тоже русская...“ Да вдруг как скомандует: „А ну, детки, спойте-ка русскую, народственную песню!“ У мужиков поджилки затряслись; вовсе одурели».

Как видно, и характер помещика, и ситуация, в которой он проявляется, типизированы совершенно так же, как и в рассказе «Реформатор и русский немец».

Случайно ли это сходство? Думается, нет. Думается, что сходство ситуаций является следствием еще более глубокого совпадения — парадоксального совпадения прямо противоположных характеров. В самом деле, и русский немец Ладыгин, и славянофил Любозвонов, при всем том, что представления их о народе по внешним признакам прямо противоположны, по самой своей сути, по своей социальной функции вполне, однако, тождественны друг другу. Оба они совершенно чужды народу, оба исходят в своих действиях из догматически абстрактных представлений о нем — не удивительно, что и социальный эффект их деятельности одинаков: славянофильский романтизм Любозвонова оказывается для крестьян таким же тяжким крестом, как и вздорный рационализм Ладыгина. Воспользовавшись тем, что «Василий-то Николаич, словно красная

девушка: все книги читает али пишет, а не то вслух канты произносит, — ни с кем не разговаривает, дичится, знай себе по саду гуляет, словно скучает или грустит» и «в собственной вотчине живет, словно чужой», — приказчик по-прежнему притесняет крестьян, а «мужики к Василию Николаичу подступиться не смеют: боятся».

Плохо живется и крестьянам Ладыгина («Замордовал вовсе, вот как есть заездил!»; «Со второго слова понял я, что житье мужикам Евгенья Александровича плохое»).

Если все это так, если это наше сопоставление имеет под собой основания, то представляется возможность внести в замысел «Записок» некоторые новые детали. Так, например, можно предположить, что образ русского немца Ладыгина должен был до известной степени уравновешивать критику славянофильства и вместе с тем углублять ее, углублять прежде всего потому, что ведется она не с наиболее распространенных в ту эпоху позиций западничества, а с более широких, предполагающих критику и самого западничества. И славянофильство, и западничество как крайние тенденции общественной жизни 40—50-х годов были для Тургенева в равной степени ложными тенденциями, в равной степени отражающими чуждость дворянства национальным традициям, коренным интересам крепостного крестьянства. Жестокое прекраснодушие славянофильства и прожектерское реформаторство западничества — разные по форме, но совершенно одинаковые по существу условия крепостничества. Таков вывод, который можно сделать, если рассматривать рассказ «Реформатор и русский немец» в общей идейно-художественной системе «Записок».

Рассказ, как известно, остался незаконченным. Относительно причин этого можно думать что угодно. Можно, в частности, удовлетвориться признанием самого Тургенева, говорившего Н. А. Островской, что «тогдашняя цензура ни за что бы его не пропустила». Однако можно, на наш взгляд, предположить и причины другого порядка. Их две. Одна из них та, что, как это ни парадоксально на первый взгляд, рассказ едва ли не по всем компонентам является законченным рассказом. В нем есть все: и совершенно органический сюжет — «анекдот», и вполне завершенная художественная мысль, не требующая больше никаких дополнительных сюжетных подтверждений (мысль, так сказать, «равная» сюжету), и даже сама авторская манера повествования, которая с такой характерностью проявляется в каждом из рассказов «Записок», выглядит в данном случае нисколько не стесненной отсутствием каких-либо сюжетных уточнений.

Не противоречит этому предположению и тот факт, что содержание рассказа «Русский немец», за счет которого должен был быть продолжен «Реформатор и русский немец», не обладает в сравнении с последним никакой самостоятельностью, ни идейной, ни художественной. Господин Леберехт Фохтлендер и по характеру, и по своей социальной функции — это по существу тот же самый Ладыгин, и, следовательно, сопоставление их в пределах одного рассказа могло быть только сопоставлением ассоциативного порядка. В практике Тургенева примеры такого ассоциативного сопоставления также встречаются — напомним хотя бы рассказ «Смерть». Это обстоятельство можно рассматривать как вторую причину отказа Тур-

генева от намерения продолжать рассказ. Вместе с тем «Русский немец» позволяет судить о том, каким было бы единственно возможное продолжение рассказа. Однако и в том и в другом случае проблематика рассказа, независимо от того, считать ли его завершенным или незаконченным, останется для нас неизменной. Завершенный или нет, объединенный с рассказом «Реформатор» или рассматриваемый отдельно, он свидетельствует об остро непримиримом отношении писателя к его, как он сам выражался, врагу — крепостному праву, к помещику-крепостнику, в каком бы обличье он ни являлся.

Т. И. Орнатская

«ЗЕМЛЕЕД»

К ИСТОРИИ ЗАМЫСЛА

Среди не завершенных Тургеневым рассказов из цикла «Записки охотника» между прочими находится рассказ «Землеед». О нем мы знаем из свидетельства самого Тургенева в письме к П. В. Анненкову от 25 октября (6 ноября) 1872 г.,[1] а также из воспоминаний Н. А. Островской,[2] которая передает устный рассказ Тургенева об этом так и не увидевшем свет произведении.

Исследователи-тургеневеды в своих работах не раз обращали внимание на этот неоконченный рассказ. Впервые о нем упоминает Н. Л. Бродский в статье «Замыслы И. С. Тургенева».[3] В дальнейшем исследователи «Записок охотника» также неоднократно называют или пересказывают его содержание по указанным источникам, не делая, однако, попытки сопоставить их или проникнуть глубже в замысел автора.[4]

По свидетельству самого Тургенева, рассказ был им только начат. Незавершенным он остался потому, что «никакая ‹...› ценсура» его все равно бы не пропустила.[5]

М. К. Клеман относит начало работы над ним к 1851 г.[6]

В основу «Землееда» было положено действительное событие, рассказанное Тургеневу одним дворовым имения, находившегося по соседству с его усадьбой. Вот как сообщал об этом сам писатель в упоминавшемся выше письме к Анненкову: «В этом рассказе я передаю совершившийся у нас факт — как крестьяне уморили своего помещика, который ежегодно

---

[1] *Письма*, т. X, стр. 15.

[2] Н. А. Островская. Воспоминания о Тургеневе. *Тургеневский сб. (Пиксанов)*, стр. 84—85.

[3] «Вестник воспитания», 1916, № 9, стр. 79—80. — См. также отдельный оттиск (М., 1917, стр. 10—11).

[4] Особо нужно отметить комментарий к публикации в т. 73 «Литературного наследства» двух редакций рассказа «Русский немец и реформатор», где высказано предположение о том, что «Землеед» должен был явиться концом «Русского немца» (см.: *Лит. насл.*, т. 73, кн. 1, стр. 36—38).

[5] *Письма*, т. X, стр. 15.

[6] *Клеман. Хронолог. указ.*, стр. 348 (№ 174).

урезывал у них землю и которого они прозвали за то землеедом, заставив его скушать фунтов 8 отличнейшего чернозему».[7]

В концовке рассказа отразилось характерное для патриархального крестьянского сознания восприятие земли как какого-то очень широкого понятия, с которым у крестьян связывались представления о справедливости и несправедливости, о наказании и вознаграждении, о правом и виноватом; земля воспринималась как искупительница грехов и как самый справедливый судья; земля обладает какой-то чудесной силой, которая может перейти к человеку при соприкосновении с ней; землей клялись, и эта клятва была самой сильной; при этом целовали, а иногда и ели землю.

В известном труде А. Н. Афанасьева «Поэтические воззрения славян на природу» (пользовавшемся довольно широкой популярностью в 60-е годы в писательской среде), где собраны, в частности, разные поверья, связанные с землей, анализируется эволюция представлений о ней как о стихийной силе, приводятся данные о древнем обычае есть землю в подтверждение даваемой клятвы. Афанасьев утверждает, что этот обычай был распространен в патриархальной крестьянской среде, удержавшей его от глубокой древности. Между прочим он ссылается и на произведения народного творчества, в которых можно встретить указание на этот обычай в его прямом, символическом, еще не затемненном виде. «Народные русские сказки, — свидетельствует Афанасьев, — упоминают о старинном обычае: произнося клятву, есть землю, чтобы таким действием еще тверже скрепить нерушимость произносимого обета или справедливость даваемого показания».[8] Действительно, в одной из сказок (записанных самим Афанасьевым?), помещенных в собственном его собрании, о лисе и волке, находим такое место: «Волк божится, клянется, землю ест — куда! лиса не верит».[9] В другой великорусской сказке, изданной А. А. Эрленвейном, девушка аналогичным образом подтверждает нерушимость своего клятвенного обещания: «Она побожилась ‹...› и съела кусок земли».[10] Подобное же физическое подтверждение правдивости данного слова Н. Ф. Сумцов указал в тексте одной из белорусских сказок, близкой по содержанию былине о Добрыне и Марине.[11]

---

[7] В своих воспоминаниях, относящихся к 1873 г., Н. А. Островская так передает рассказ Тургенева со слов самого писателя: «Старик мой ‹этот старик рассказывал писателю об убийстве помещика, — *И. Ч.*› был еще тогда мальчишкой. Он случайно подслушал разговор и в ту ночь следил за заговорщиками, — видел, как стащили барина с завязанным ртом, чтобы он не мог кричать... Были страшные подробности, — например, повар набивал барину рот грязью (в тот день шел дождь), приговаривая, чтобы он его кушанья попробовал».

[8] А. Афанасьев. Поэтические воззрения славян на природу, т. I. М., 1865, стр. 146.

[9] А. Афанасьев. Народные русские сказки, вып. IV. М., 1858, стр. 2.

[10] Народные сказки, собранные сельскими учителями. Издание А. А. Эрленвейна, М., 1863, стр. 165.

[11] Н. Ф. Сумцов. Былины о Добрыне и Марине и родственные им сказки о жене-волшебнице. «Этнографическое обозрение», 1892, №№ 2—3, стр. 154.

В этнографических записях также можно встретить указания на этот обычай, по-видимому еще не исчезнувший в кое-каких местностях даже к началу XX в.

В Смоленском этнографическом сборнике, составленном В. Н. Добровольским, среди прочих есть запись белорусской сказки, в которой присутствует этот же мотив клятвы землей:

«Па кахтану сякеть, а старик кричить пад бярезый:

«— Памилуй!..

«— Ну, зарякися и вырикися делать — брошу сечь!..

«— Зарякуся, батюшка, и вырикуся!..

Камок зямли зъел — тада сечь бросил».[12]

П. В. Шейн приводит ряд выражений божбы, употребляемых в Борисовском уезде Минской губернии, причем «самая страшная божба та, которая произносится с землей во рту, или в руке...».[13] Землею, по свидетельству Г. О. Булашева, в Луцком уезде «клянутся, причем целуют ее или съедают щепотку земли».[14]

В заметке «„Клятва с землей" в частушке» В. Перетц отмечает, что «в Тихвинском у. Новгородской губернии ‹...› существовал ‹...› обычай: кто клялся, тот для большей убедительности брал в рот землю».[15]

Собравший ряд таких указаний С. И. Смирнов говорит по этому поводу: «Земля мыслилась как судия и как искупительница грехов. Ею клялись, причем целовали и даже ели землю».[16] Вероятно, этот обычай клятвы землей был очень распространен и устойчив, так как проник в числе прочих отголосков русской обрядности и в городскую среду.[17]

Символизм русского обычного права, очень интересовавший русских историков и исследователей народной жизни в 40—60-е годы, сохранил целый ряд других обычаев, также идущих от глубокой древности, связанных с землей, в частности с ее размежеванием.[18] Все они должны

---

[12] Записки имп. Русского географического общества по отделению этнографии, т. XX, СПб., 1891, стр. 108.

[13] Материалы для изучения быта и языка русского населения северо-западного края, собранные П. В. Шейном, т. II. СПб., 1893, стр. 512.

[14] Г. О. Булашев. Украинский народ в своих легендах и религиозных воззрениях и верованиях, вып. I. Киев, 1909, стр. 329.

[15] См.: «Slavia». Časopis pro slovanskou filologii. Ročnik VII, sešit 4. Praha, 1929, стр. 919.

[16] С. Смирнов. Исповедь земле. В кн.: Чтения в Обществе истории и древностей российских, II, М., 1913, стр. 274 (третья пагинация). По одной из приводимых им записей, крестьянин говорил: «Давал зарок не пить, землю ел, а потом прорвало».

[17] См., например, в романе Ф. Сологуба «Мелкий бес»: «И слесаренок, в подтверждение своей клятвы, съел горсточку земли» (Федор Сологуб. Мелкий бес. Кемеровское кн. изд., 1958, стр. 201).

[18] А. Н. Афанасьев в указанной выше книге пишет: «В старину на Руси вместо обыкновенной присяги долгое время в спорных делах о земле и межах употреблялся юридически признанный обряд хождения по меже с глыбою земли: один из тяжущихся клал себе на голову кусок земли, вырезанный вместе с растущею на ней травою на самом спорном поле, и шел с ним по тому направлению, где должна

были быть хорошо известны тем, кто практически связан был с землепользованием и крестьянской средой.

В связи с основным мотивом рассказа «Землеед» необходимо выделить среди всего комплекса многообразного восприятия земли крестьянином следующее: земля может наказать. Нередок мотив наказания землей в русских народных сказках: «Царь согласился; тотчас подхватили воеводу за руку, да за ногу, потащили на двор и живьем закопали в сырую землю».[19]

Этот мотив наказания землей был использован Некрасовым в поэме «Кому на Руси жить хорошо» — именно так расправились крестьяне с ненавистным им управляющим, немцем Фогелем (см. главу «Крестьянка» из третьей части).

В концовке рассказа «Землеед» восприятие крестьянином земли как стихийной силы, способной наказать виновного, соединилось с распространенным обычаем наказания, отразившимся в народных рассказах, анекдотах и тем самым получившим уже фольклорный характер.

В 31-м номере «Сына отечества» за 1823 г. приведен «Анекдот», напечатанный в 1821 г. в одном «Путешествии по России»: «Один сочинитель ругательной книги против правительства приговорен был судом *съесть свое сочинение*. Вот, что значит возвратить слова к источнику их! Приговор сей исполнен был следующим образом: преступника взвели на эшафот, воздвигнутый на лобном месте. Книгу его разорвали по листкам и заставили его глотать один листок за другим. Между тем, поелику он не был приговорен к смерти от несварения желудка, то присутствовавший при том полицейский лекарь останавливал по временам сей обед и давал отдых гастроному нового рода. Все сочинение скушано им было в три дни».[20]

Подобный случай, но уже непосредственно из крестьянской жизни (его рассказывает «мужичок»), приводит в романе «Люди сороковых годов» А. Ф. Писемский:

«Как у нас в Погревском уезде... мужички отлично исправника капустой окормили!.. Он приехал, знаете, в дальнюю одну деревню, а на-

---

была проходить законная граница; показание это принималось за полное доказательство» (т. I, стр. 147). Афанасьев приводит ряд цитат из памятников письменности и документов XI—XVII вв., в которых описывается этот обычай, и продолжает, ссылаясь на рассказ Макарова в «Вестнике Европы» и на речь Колмыкова о символизме права: «...в Рязанской губернии один простолюдин, оспаривая принадлежность луга, вырезал дернину, положил ее на голову и, оградясь крестом, клялся перед свидетелями, что если право свое на покос он утверждает ложно, то пусть сама мать — родная земля прикроет его навеки. Конечно, тот же смысл грядущего наказания (-смерти), насылаемого богинею Землею за ложную клятву, соединялся и с описанным обрядом хождения по меже» (там же, стр. 148). См. также: С. Смирнов. Исповедь земле, стр. 274—275.

[19] А. Н. Афанасьев. Народные русские сказки, вып. VIII. М., 1863, стр. 41.

[20] «Сын отечества», 1823, № XXXI, стр. 228—229.

род-то там дикий был, духом вольный. Он и стал требовать, с похмелья, видно, капусты себе кислой, а капусты-то как-то в деревне не случилось. Он одного за это мужичка поколотил, другого, третьего... Мужички-то и осерчали, съездили сейчас в другую деревню, привезли целый ушат капусты. „Кушай, говорят, барин, на здоровье, сколько хочешь". Он тарелочку съел было, да и будет. А они: „Нет, еще кушай: ты нас тревожил этим; а коли кушать не станешь, так мы и в плети тебя примем". И плети уже было принесли. Он, делать нечего, начал. Да пол-ушата они таким манером и скормили ему!.. Приехал, брат, домой, лопнул, помер: не выдержало того его мироедское брюхо!»[21]

Интерес Тургенева к крестьянскому быту со всеми его особенностями, характерными обычаями, традициями, обрядами, интерес к богатому духовному миру крестьянина сказывается во всем творчестве писателя и в первую очередь в «Записках охотника».

В создании картин подлинно народной жизни в «Записках охотника» огромную роль играло введение писателем большого фольклорного и этнографического материала.

Элемент этнографизма в «Записках охотника» проявляется в самых разнообразных аспектах: это детальное описание местности, особенностей внешнего облика, характера, быта, говора крестьян, населяющих ту или иную область; введение в повествование народных поверий, примет, являющихся характерными для того края, в котором происходит действие. Задуманный Тургеневым рассказ «Землеед», который должен был явиться несомненно наиболее острым среди других рассказов, составляющих «Записки охотника», вероятно, должен был быть построен в значительной степени на этнографическом материале, который автор органически связывал с основным конфликтом рассказа — неразрешимым противоречием между помещиком и крестьянином.

И. С. Чистова

ЗАПИСКА ТУРГЕНЕВА 1857 г. О КРЕПОСТНОМ ПРАВЕ

1

Публикуемая ниже записка о крепостном праве в России, напечатанная в «Revue de Paris» (v. XXXV, 1857, 1 janvier, стр. 356—397), составляет значительную часть очерка Луи Виардо «Histoire de Dmitri (étude sur la situation des serfs en Russie)» («История Дмитрия (этюд о положении крепостных в России)»).[1] Текст этой записки Л. Виардо заключил в ка-

---

[21] Полное собрание сочинений А. Ф. Писемского, т. V, изд. 3, СПб., 1911, стр. 175.

[1] О другой, более ранней записке о крепостном праве, напечатанной Л. Виардо в 1846 г. в «Revue Indépendante», см. ниже (стр. 110—111).

вычки, указав, что автором ее является его русский друг, мысли которого записаны им по памяти.

В своем очерке Виардо писал: «...я часто имел возможность беседовать с друзьями и знакомыми на волнующую тему освобождения крепостных в России. Они охотно отвечали на мои вопросы, и я получал от них ценные сведения, которых не найдешь ни в одной книге. Один из них не только удовлетворял мою любознательность, но и разделял мое сочувствие к этой огромной, ни в чем неповинной и несчастной массе русских крепостных, мое глубокое сострадание к их незаслуженным горестям, мои горячие пожелания им вернуть свою независимость и человеческое достоинство, не оставаться презренным скотом, животными, закрепленными за поместьем, войти, наконец, в семью людей, как это и подобает людям. Мой друг был русским дворянином и тоже владельцем крепостных душ; но он получил образование в Германии, где проникся либеральной философией Гегеля и Фихте; потом он жил во Франции, где решительно примкнул к сторонникам прогресса и свободы. Так или иначе, движимый своей природной добротой, образованием и широким умом в сочетании с рассудительностью и тонкими чувствами, он стал, вопреки интересам своего класса, вопреки собственным интересам, таким смелым и открытым сторонником освобождения крепостных, словно сам родился в этом бедственном состоянии и требовал свободы для себя во имя страждущего человечества и попранной справедливости. Да будет мне позволено повторить здесь то, что я слышал из его уст, и изложить вкратце и по возможности ясно сущность наших долгих бесед. Думается, что эта часть моего рассказа окажется небезынтересной».

Характеристика «русского друга» позволяет предположить, что автор вставки в «Историю Дмитрия» — не кто иной, как И. С. Тургенев. Следует сразу же отметить, что все рассуждения последнего о происхождении крепостного права, о положении и условиях освобождения крепостных в России приведены в статье Л. Виардо в «Revue de Paris» не в пересказе по памяти, а как подлинный текст самого составителя. В записке содержится ряд исторических фактов, дат, имен, цитат, реминисценций из книг русских и иностранных и, наконец, немало личных наблюдений и рассуждений, свидетельствующих, что автор ее прошел серьезную школу гегелевской диалектики. Все это Л. Виардо, конечно, не мог бы удержать в памяти.

Вопрос о крепостном праве в России волновал Тургенева уже в студенческие годы. В библиотеке писателя (*Музей Тургенева*) хранится экземпляр книги Пассенана о России.[2] По-видимому, она была привезена отцом Тургенева в 1823 г. из Парижа.

---

[2] M. P. D. de Passenans. La Russie et l'esclavage dans leurs rapports avec la civilisation Européenne ou l'influence de la servitude sur la vie domestique des russes, sur leur existence civile, morale et politique et sur les destinées de l'Europe, tt. I—II (Г‹осподин› П‹оль› Д‹юкре› Пассенан. Россия и рабство в их отношениях к европейской цивилизации, или влияние крепостного права на домашнюю жизнь русских, их гражданское, нравственное и политическое состояние и на судьбы Европы, тт. I—II). Paris, 1822. — П. Дюкре (псевдоним — Пассенан) жил в Рос-

На тургеневском экземпляре книги Пассенана имеются пометы ногтем. Некоторые отмеченные места[3] использованы Тургеневым в статье, опубликованной в 1846 г. в «Revue Indépendante» (см. о ней ниже), а также в рассматриваемой нами записке 1857 г. в «Revue de Paris».

В период учебы в Берлинском университете Тургенев, путешествуя по Германии и Богемии, с большим вниманием наблюдал жизнь местных крестьян. Эти наблюдения получили некоторое отражение в официальной записке «Несколько замечаний о русском хозяйстве и русском крестьянстве», представленной Тургеневым в 1842 г. в Министерство внутренних дел вместе с прошением о зачислении на службу.

Министерство внутренних дел являлось в этот период центром всех мероприятий по подготовке крестьянской реформы. Л. А. Перовский, глава министерства, пользовался репутацией антикрепостника.[4] Тургенев, который, как свидетельствует записка 1842 г., прочел исполненную революционного пафоса статью Бакунина «Reaction in Deutschland», мечтал об активном служении делу освобождения крестьян. Он был уверен, что в Министерстве внутренних дел получит возможность использовать свои силы.[5] Демократические, антикрепостнические настроения Тургенева нашли отражение и в его творчестве этого периода. Вот, например, проникнутые сочувствием к жизни народа строки из стихотворения «Деревня»:

Задумчиво глядишь на лица мужиков
И понимаешь их; предаться сам готов
Их бедному, простому быту...

Эти строчки вызвали в «Северной пчеле» язвительную отповедь сотрудника Булгарина — Л. В. Бранта.[6]

сии в 1792—1810 гг. В 1796 г. он был учителем французского языка у родственника матери Тургенева — М. В. Муромцева. Ученик П. Дюкре, М. М. Муромцев, был другом декабриста М. А. Фонвизина. В 1822 г. он был у Фонвизина в Москве на совещании, на котором присутствовали Н. М. и А. З. Муравьевы, И. Д. Якушкин, М. А. Мамонов, Граббе и др. (см.: «Русский архив», 1890, № 1, стр. 62, № 3, стр. 390—391). Пассенан знал — возможно, от своего ученика — о существовании в России тайных обществ. В своей книге он утверждал, что одно из этих обществ стремится улучшить положение крепостных в России (*Passenans*, т. I, стр. 189—190). Он доказывал при этом невыгодность крепостного труда для помещиков и предлагал превратить крепостных по образцу Франции в свободных фермеров. Книга Пассенана в 1823 г. была запрещена в России (см.: Общий алфавитный список книгам на французском языке, запрещенным иностранной цензурой для публики с 1815 по 1853 год включительно. СПб., 1855).

[3] См.: *Passenans*, т. I, стр. 147, 156, 184.

[4] На черновом автографе записки «Несколько замечаний о русском хозяйстве и русском крестьянине» на полях несколько раз повторяется фамилия «Перовский»; по его заданию она и была написана (см.: *Сочинения*, т. I, стр. 629—630).

[5] См.: «Ученые записки Саратовского университета им. Н. Г. Чернышевского», 1957, т. LVI, стр. 173—176; *Сочинения*, т. I, стр. 459—472 и 629—632.

[6] См.: Я. Я. Городской вестник. «Северная пчела». 1847, 31 мая, № 121.

2

Осенью 1843 г. Тургенев познакомился с французским литератором Луи Виардо. Последний ежегодно (с 1843 по 1846 г. включительно) приезжал в Россию, сопровождая жену, знаменитую певицу Полину Виардо, получавшую на зимние сезоны этих лет ангажементы в итальянскую оперу Петербурга и Москвы. Бывая в Петербурге, Луи Виардо вместе с Тургеневым и некоторыми из его друзей и знакомых охотился в Новгородской губернии и в Финляндии.[7] Эти поездки описаны в очерках Виардо «Quelques chasses en Russie» и «Encore des chasses en Russie», публиковавшихся в «Illustration».[8] Очерки писались, как утверждал Виардо, в России. В них имеются упоминания о крепостном праве. Приводя цифры относительно убийств помещиков крестьянами, Виардо ссылался на сведения, полученные им из Министерства внутренних дел. Тургенев, в это время чиновник особых поручений в министерстве, возможно, помогал Виардо в подборе материала для его очерков, так как французский литератор, не зная русского языка, не всегда мог ориентироваться в окружающей обстановке. О том, что Тургеневу эти очерки были хорошо знакомы еще в рукописи, свидетельствует его письмо к Полине Виардо от начала мая ст. ст. 1846 г.: «В статье вашего мужа (в «Иллюстрации») опять выбросили несколько фраз».[9]

В 1846 г. в журнале «Revue Indépendante», органе утопических социалистов,[10] была напечатана статья за подписью Л. Виардо: «De l'Affranchissement des serfs en Russie».[11] Статье было предпослано обращение автора к редактору: «Сударь, Вы выразили желание, чтобы я затронул в „Revue Indépendante“ вопрос „Об освобождении крепостных в России“. Этот вопрос очень сложен и труден; таким образом, несмотря на острое любопытство, несмотря на жгучий интерес, который этот вопрос вызывал во мне во время моего пребывания в Российской империи, где я мог советоваться с людьми всех классов и всех точек зрения, я считаю, что к нему я недостаточно подготовлен; все же, сударь, я попытаюсь в пределах моих ограниченных знаний и сил ответить на Ваше обязывающее пожелание; я попытаюсь со всей той ясностью и той умеренностью, какие я в состоянии выказать по этой теме, представить хотя бы состояние вопроса. Отно-

---

[7] Как свидетельствуют очерки Луи Виардо и переписка Тургенева, в группе охотников было 12 человек, среди них — А. А. Абаза, Н. Д. и А. Д. Гурьевы, П. В. Зиновьев, А. А. Комаров, М. Ф. Петрово-Соловово и др. В числе охотников, как писал Виардо, были художники, сделавшие для него много зарисовок, но кто именно — не установлено.

[8] «Illustration», 1844, №№ 78—80; 1845, №№ 131 и 132. — Эти очерки начиная с 1846 г. входили в состав книги Луи Виардо «Souvenirs de chasse», которая выдержала семь изданий.

[9] *Письма*, т. 1, стр. 246 и 559. — Во Франции с 1835 г. была восстановлена «censure préventive» (предварительная цензура), отмененная французской революцией 1789 г. Из письма Тургенева следует, что цензурные изъятия были сделаны в очерках Виардо об охоте, напечатанных в «Illustration» в 1844 и 1845 гг.

[10] Журнал был основан в 1841 г. П. Леру, Ж. Санд и Л. Виардо.

[11] «Revue Indépendante», 1846, t. III, стр. 153—169.

сительно страны, лишенной свободы печати и где говорят очень осторожно, особенно по вопросам внутренней политики, это все, что может предпринять путешественник, который, повидав только несколько постоялых дворов, несколько улиц и салонов в столице, несколько деревень и лесов, не хвастается, что знает и судит великую нацию».[12]

Статья Л. Виардо была обращена к русскому правительству и дворянству. Автор старался доказать, что крепостное право — учреждение, находящееся в противоречии с принципами гуманизма и политической экономии. Рабский труд малопроизводителен и является тормозом для развития сельского хозяйства. В статье содержалась острая критика русского государственного строя, создавшего крепостное право и сохранившего его до середины XIX в.

Статья была замечена русскими официальными органами. Ф. В. Булгарин в «Северной пчеле», упоминая об отрицательном отношении к Л. Виардо в литературных и артистических кругах Франции, осторожно и лаконично коснулся его «ложных взглядов» на русский государственный строй: «...г. Виардо любит писать и печатать, а писания его иногда наполнены ложными взглядами на предметы, что́ правдивым людям не нравится».[13]

Основную часть статьи в «Revue Indépendante» составляет текст, написанный для Л. Виардо, по нашему убеждению, И. С. Тургеневым. Кроме этой записки, статья включает также тексты, написанные другими лицами. Перу самого Л. Виардо принадлежит обращение к редактору, приведенное выше, а также большое примечание о богатых крестьянах в поместье гр. Шереметева, которое было дано в форме диалога Виардо с молодым Шереметевым. Оно позднее вошло в статью 1857 г. как реплика Виардо, прерывающая повествование Тургенева о крепостном праве в России.[14] Три последних страницы статьи в «Revue Indépendante», трактующие о крепостном праве в Прибалтике, напечатаны с примечанием, что сведения эти получены из Дерпта и Риги.[15] Таким образом, в «Revue Indépendante» весь материал, не принадлежавший Тургеневу, — в общем небольшой, — был выделен.

3

Текст записки Тургенева, вошедший в статью Л. Виардо в «Revue Indépendante», тематически близок его же официальной записке 1842 г. «Несколько замечаний о русском хозяйстве и о русском крестьянине». Тургенев отмечает патриархальное состояние России и устарелость ее учреждений; ставит вопрос о необходимости изменений в состоянии земледельческого класса, пишет о плохих путях сообщения и невозможности, в силу этого, реализовать излишки урожая; возмущается отсутствием законности в отношениях помещиков и крестьян; говорит о тяжелом поло-

---

[12] Там же, стр. 153—154.
[13] «Северная пчела», 1847, 19 ноября, № 263.
[14] См.: «Revue de Paris», 1857, 1 janvier, стр. 378—379.
[15] См.: «Revue Indépendante», 1846, t. III, стр. 167—169.

жении крестьян не только в России, но и на Западе. Но в тоне обеих записок большая разница. В записке 1842 г. Тургенев пишет очень осторожно об освобождении крестьян и с почтительностью отмечает проекты правительства в этом направлении. В записке 1846 г. он решительно настаивает на освобождении крестьян и негодует по поводу медлительности правительства. Следует отметить, с другой стороны, что в записке 1846 г. Тургенев умалчивает о проектах утопических социалистов в области земледелия и не критикует их, как это имело место в записке 1842 г. В обеих записках явственно ощущаются реминисценции из «Русской истории» Н. Г. Устрялова. Книга сохранилась в библиотеке Тургенева (в Орле). В обеих записках заметны следы чтения некоторых глав статьи Пушкина, называвшейся тогда, в «посмертном» издании его сочинений (т. XI, 1841), «Мысли на дороге» (теперь — «Путешествие из Москвы в Петербург»), а также статьи М. А. Бакунина «Reaction in Deutschland».[16]

Записка Тургенева 1846 г. для «Revue Indépendante» была, по-видимому, написана во Франции во второй половине 1845 г.[17] Инициатива, вероятно, принадлежала Л. Виардо. Упоминая о крепостном праве в России в очерке «Quelques chasses en Russie», Виардо заявил, что этот вопрос должен быть освещен в специальной работе.[18]

Тургенев, по-видимому, весной 1845 г., во время пребывания Л. Виардо в Петербурге, обещал ему написать для французского читателя статью о крепостном праве в России, а также помочь перевести «Капитанскую дочку» Пушкина и «Героя нашего времени» Лермонтова. Отправляясь во Францию в начале июня 1845 г., писатель захватил с собой книги для перевода и для написания записки.[19] Сразу же по приезде в Париж Тургенев отправился к Н. И. Тургеневу,[20] работавшему над своим капитальным трудом «La Russie et les russes», в котором он использовал архивы своего брата, историка А. И. Тургенева. У Николая Ивановича Тургенева получил, конечно, не только консультацию, но и указания на литературу по крепостному праву, и книги, касающиеся его. В записке 1846 г. (в «Revue Indépendante») ряд основных положений близок не только высказываниям Н. И. Тургенева, но и некоторым суждениям Герцена в его позднейших статьях 50-х годов о крепостном праве. Тургенев, так же как и Н. И. Тургенев и Герцен, говорит о восточном происхождении русского

---

[16] О цитате из статьи Бакунина в записке 1842 г. см.: «Ученые записки Саратовского университета», 1957, т. LVI, выпуск филологический, стр. 178. — В статье 1846 г. Тургенев обстоятельно анализирует, как и Бакунин, формулу французской революции: «Liberté — Egalité — Fraternité».

[17] Тургенев прожил во Франции полгода, с конца мая до начала ноября 1845 г. (см.: *Письма*, т. I, стр. 640).

[18] См.: «Illustration», 1844, № 78, стр. 412.

[19] Тургенев был очень удивлен, когда обнаружил в 1849 г. в Куртавнеле «Русскую историю» Н. Г. Устрялова, которую он, по-видимому, привез туда в 1845 г. (см.: *Письма*, т. I, стр. 355).

[20] См.: В. М. Тарасова. О времени знакомства Тургенева с Н. И. Тургеневым. *Тургенев, Сб.*, вып. 1, стр. 277. — В библиотеке Тургенева (*Музей Тургенева*) сохранилась антикрепостническая книга Н. И. Тургенева «Опыт теории налогов» (СПб., 1819).

самодержавия и азиатском характере русской цивилизации; заявляет, что русские цари создали крепостное право, превратив в рабов людей своего племени (чего не было в Европе), и не определили юридически отношений крестьян к их владельцам; надеется на освобождение крестьян свыше, но считает, что при существующем государственном устройстве крестьянские восстания закономерны. Тургенев, так же как и Герцен, отрицает существование в России среднего сословия (tiers état). Подобно Н. И. Тургеневу, он предлагает освободить крестьян без земли и, по образцу Франции, превратить их в фермеров, так как освобождение с землей вызовет сильное противодействие дворян и тем самым замедлит эмансипацию.[21] С Герценом Тургенев общался в 1843—1845 гг. в Москве и несомненно беседовал о крепостном праве.[22]

Записка Тургенева была, по-видимому, написана по-французски, Л. Виардо же ее отредактировал, выправив лексику и фразеологию. Отметить участие Тургенева в статье в «Revue Indépendante», Л. Виардо не решился, так как журнал этот находился в России на особом цензурно-полицейском учете.

Записка Тургенева обнаруживает его основательное знакомство с русской и западной экономической литературой.[23]

Из общих исторических трудов в записке упоминаются «История государства Российского» Н. М. Карамзина (сохранилась в библиотеке Тургенева в оригинале и в переводе на французский язык) и книга И.-Г. Шницлера.[24]

---

[21] См.: N. Tourguéneff. La Russie et les russes, t. II. 1847, стр. 229—262.

[22] См.: Л. В. Павлов. И. С. Тургенев и А. И. Герцен. (К истории взаимосвязей в 40-е годы). «Ученые записки Орловского педагогического института», 1963, т. XVII, стр. 10—19.

[23] В библиотеке Тургенева (*Музей Тургенева*) сохранились книги Г.-Б. Мабли (G. B. Mably. Le public droit de l'Europe, fondé sur les traités. Paris, 1776), Ж.-Б. Сея (J. B. Say. 1) Catéchisme d'économie politique. Paris, 1815; 2) Cours complet d'économie politique pratique. Paris, 1817; 3) Traité d'économie politique. Paris, 1817), П. Прудона (P. J. Proudhon. 1) Qu'est ce que la propriété? Ou recherches sur le principe du droit et du gouvernement. Paris, 1841; 2) Lettres à M. Blanqui, professeur d'économie politique au conservatoire des arts et métiers sur la propriété. Paris, 1841; 3) De la Création de l'ordre dans l'humanité ou principes d'organisation politique. Paris, 1843). Следует отметить также наличие в библиотеке Тургенева знаменитого памфлета Э.-Ж. Сийеса (E. J. Sieyès. Qu'est ce que le Tiers-état. Paris, 1839) и книги убежденного антикрепостника — проф. Харьковского университета Л. Якоба (L. Jacob. Die Staats Finanz-Wissenschaft. Halle, 1837).

[24] J. H. Schnitzler. La Russie, la Pologne et la Finlande. Tableau statistique, géographique et historique. St.-Pétersbourg, 1835. Иоганн-Генрих Шницлер (1802—1871) — немецкий историк и статистик. Жил в России в 1823—1828 гг. Путешествовал по ней в 1864 г. Его капитальный труд — «Империя царей» (Empire des tsars, 4 vol. Paris et Strasbourg, 1862—1869). Не разделяя восторженного отношения Гакстгаузена к русской общине, он так же, как Тургенев, видел в ней только архаический пережиток древнеславянского быта, не имеющий экономического значения (см.: Pierre Péchoux. La commune rurale russe dans l'empire des tsars de

Текст записки 1846 г. свидетельствует также о знакомстве Тургенева с трудом Н. Полевого «История русского народа». Критика «Истории...» Карамзина в записке буквально совпадает с оценкой Полевого.[25]

Очень ценным дополнением к статье Л. Виардо и Тургенева «De l'Affranchissement des serfs en Russie» в «Revue Indépendante» 1846 г. явился их же перевод «Капитанской дочки» Пушкина, опубликованный одновременно (в мае) в «Illustration».[26] Обе публикации были идейно и тематически связаны между собою. Они знакомили Европу как с состоянием закрепощенного русского крестьянства, так и с крестьянским восстанием Пугачева, упоминавшимся в статье «Revue Indépendante» 1846 г.

4

В период пребывания в ссылке в Спасском-Лутовинове, в 1852—1853 гг., Тургенев продолжал заниматься изучением истории русского народа. Об этом свидетельствует его переписка этого времени и состав сохранившихся книг его библиотеки. Из писем его видно, что писателя интересовала не только фактическая сторона русского исторического процесса. 1 (13) мая 1852 г. Тургенев писал П. Виардо: «...я буду продолжать свои очерки о русском народе, самом странном и самом удивительном народе, какой только есть на свете».[27]

В мае 1852 г., перед отъездом в ссылку, Тургенев встречается с историком-археологом И. Е. Забелиным. В письме к Аксаковым от 6 (18) июня он писал: «Я в Москве много говорил с Забелиным, который мне очень понравился: светлый русский ум и живая ясность взгляда. Он водил меня по кремлевским древностям». Во время ссылки Тургенев переписывался с ним, следил за его статьями, появляющимися в печати.[28] С увлечением читал Тургенев русские летописи.[29] В цитированном выше письме он сообщал Аксаковым: «Я эту зиму чрезвычайно много занимался русской историей и русскими древностями; прочел Сахарова, Терещенку, Снегирева, e tutti quanti. В особенный восторг привел меня Кирша Данилов. Ваську Буслаева считаю я эпосом русским, — но к результатам ‹привело› меня это все далеко не столь отрадным, как Вас, любезный К‹онстантин› С‹ергеевич› — во всяком случае к другим результатам».[30] Он увлекается повестью о Фроле Скобееве, в письме к П. Виардо цитирует народные песни.[31]

В противоположность К. С. Аксакову, идеализировавшему крестьянскую жизнь, Тургенев постоянно твердит, что жизнь народа горестна и

J. Schnizler. «Cahiers du monde russe et soviétique», v. VI, № 3, Juillet — Septembre, 1965, стр. 367—368.

[25] См.: Н. Полевой. История русского народа, т. I. М., 1829, стр. XXXVI.

[26] «Illustration», 1846, №№ 169, 170, 173—176, 178 и 179.

[27] *Письма*, т. II, стр. 56 и 396.

[28] Там же, стр. 60, 165—166; см. также: Л. Н. Назарова. И. Е. Забелин. *Тургенев, Сб.*, вып. I, стр. 379—382.

[29] *Письма*, т. II, стр. 84, 400.

[30] Там же, стр. 59—60.

[31] Там же, стр. 113, 116, 84 и 400.

тяжела. В письме к нему от 16 (28) октября 1852 г. он пишет: «...я вижу трагическую судьбу племени, великую общественную драму там, где Вы находите успокоение и прибежище эпоса».[32] В другом письме к К. С. Аксакову, от 16 (28) января 1853 г., Тургенев повторяет: «Я кажется уже сказал Вам, что, по моему мнению, трагическая сторона народной жизни — не одного нашего народа — каждого — ускользает от Вас, между тем как самые наши песни громко говорят о ней». Тургенев резко критикует теорию родового быта в работах С. М. Соловьева и К. Д. Кавелина, соглашаясь с К. С. Аксаковым, что в древней Руси существовало общинное устройство. Об итоге своего упорного изучения русской истории Тургенев писал в том же письме: «Я русскую историю знаю, как только может знать ее человек, не изучавший источников; суждение мое о ней вытекает более из сочувствия к тому, что теперь делается в русской жизни; стоит хорошенько присмотреться, чтобы понять невозможность соловьевского родового быта».[33]

Библиотека Тургенева (*Музей Тургенева*), в которой сохранилась только часть книг писателя, дает тем не менее интересный материал для изучения вопроса о направлении и характере работы Тургенева по русской и всемирной истории, особенно интенсивной в период ссылки.[34]

5

В 1854 г. Тургенев, по просьбе А. А. Краевского, привез ему из Москвы от И. Е. Забелина, у которого хранился ценный список «Путешествия из Петербурга в Москву» Радищева, писарскую его копию.[35] Это поручение дало возможность Тургеневу ознакомиться со знаменитым произведением Радищева.

21 июля (2 августа) 1856 г. Тургенев выехал морем за границу. По пути в Париж он посетил в Берлине К. Фарнгагена фон Энзе и долго беседовал с ним о состоянии России. В дневнике немецкого писателя сохранилась лаконичная, но выразительная запись, совпадающая с критикой николаевской России в записке Тургенева 1846 г.: «Два капитальных вопроса. Рост сектантства [36] и крепостное право ‹...›. Царь Николай не что

---

[32] Там же, стр. 72.

[33] Там же, стр. 107—108.

[34] Полный каталог книг библиотеки Тургенева до сих пор, к сожалению, не издан.

[35] См.: М. Я. Блинчевская. К истории отношений Тургенева с И. Е. Забелиным. *Тургенев, Сб.*, вып. I, стр. 280—281.

[36] Л. Виардо, рассказывая в «Histoire de Dmitri» о желании Дмитрия отомстить барину в одиночку и таким образом спасти односельчан от преследований, высказывает предположение, что Дмитрий был сектантом. В связи с этим он рассуждает о сектантстве в России, в том числе и в Орловской губернии. Тургенев, который, как известно, проявлял интерес к сектантству, усилившемуся при Николае I, по-видимому, сообщил ему эти сведения (см.: «Revue de Paris», 1857, 1 janvier, стр. 390—391).

иное, как полицейский агент. Характер его царствования. Ужасное страдание. Упадок государства. Загнивание».[37]

В сентябре 1856 г. Тургенев посетил в Лондоне Герцена. У них были жаркие споры о России и Западе, об освобождении крестьян. Однако, несмотря на разногласия, Герцен в статье, написанной в конце того же 1856 г., — «Еще вариация на старую тему» — горячо приветствовал антикрепостническую деятельность Тургенева. В заключение статьи он писал: «Не станем спорить о путях, цель у нас одна, будемте же делать все усилия, каждый по своим мышцам, чтобы уничтожить все заборы, мешающие свободному развитию народных сил, поддерживающие негодный порядок вещей, будемте равно будить сознание народа и самого правительства».[38]

Вскоре после этого, в январе 1857 г., в «Revue de Paris» был опубликован очерк Л. Виардо «Histoire de Dmitri (étude sur la situation des serfs en Russie)».[39] Значительную часть этого очерка составляет записка Тургенева о крепостном праве в России.

6

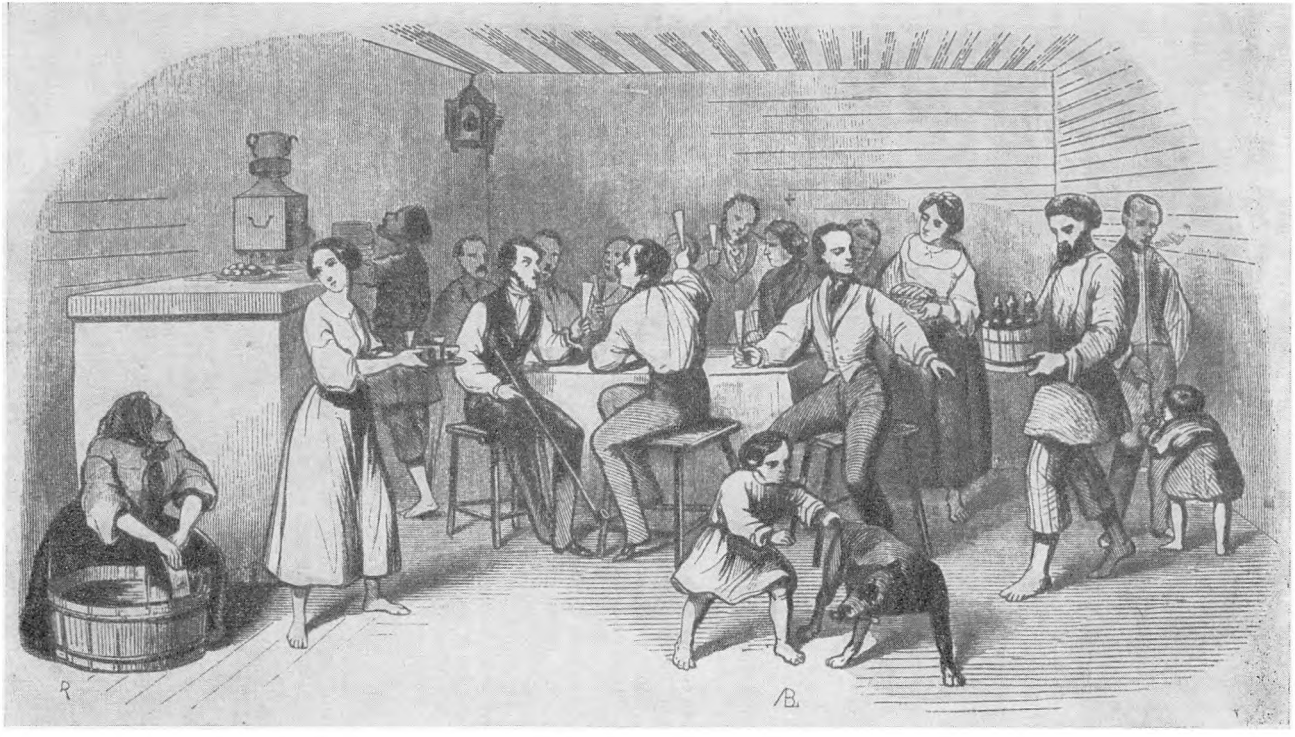
Новая редакция статьи о крепостном праве в Россси, написанная, повидимому, еще в России, до смерти Николая I (в ней будущий Александр II упоминается как наследник), и подготовленная к печати не раньше конца 1856 г., рассчитана была, — как и первый ее вариант, напечатанный в 1846 г. в «Revue Indépendante», — на широкие круги западноевропейского читателя.

---

[37] K. A. Varnhagen von Ense. Tagebücher, Bd. XIII. Hambourg, 1870, стр. 111—112.

[38] *Герцен*, т. XII, стр. 436.

[39] «Revue de Paris», t. XXXV, 1857, janvier, стр. 356—397. — «Revue de Paris» — передовой демократический журнал, редактором которого был Л. Лоран-Пиша (Laurent-Pichat, 1823—1886), публицист и политический деятель. В 1848 г. он защищал республику в газете «Propagateur de l'aube». В 1871 г. в Национальном собрании занял место на скамьях крайней левой. В журнале принимали участие Т. Готье, А. Уссэ (Houssaye), Ж. Мишле, М. Дюкан, Г. Б. Оппенгейм, Ф. Морэн и др. В январе 1858 г. журнал был закрыт за то, что «предоставлял свои страницы для гнуснейшей демагогической инспирации» (см.: «Revue de Paris» (Table sommaire des auteurs). «Revue d'histoire littéraire de la France», 1914, т. 21, стр. 390—413; Wilbur H. Oda. The subject of realism in the «Revue de Paris». A dissertation. Philadelphia, 1943). Тургенев и Л. Виардо приняли участие в «Revue de Paris» в последний год ее издания. С некоторыми сотрудниками журнала Тургенев был знаком. Так, он знал М. Дюкана, который, по его отзыву, воспевал «Пар» и «Машины» (см.: *Письма*, т. III, стр. 67) и с которым он переписывался в 1867—1881 гг. Тургенев часто встречался с Г. Б. Оппенгеймом, немецким политическим деятелем, профессором Гейдельбергского университета, которого он считал «дьявольски умным» (там же, стр. 73 и 78). С сочувствием он отнесся к Ф. Морэну, журналисту, преподавателю философии, который в 1856—1858 гг. часто подвергался арестам и был отстранен от чтения лекций за оппозицию режиму Второй Империи, присягнуть которой он отказался. Тургенев предлагал его корреспонденции в русские журналы (см.: там же, т. IV, стр. 386).



Тургенев (отмечен крестиком) с группой охотников в избе крестьянина Дмитрия (в Новгородской губернии). Рисунок из журнала «Illustration» (1844).

В русской легальной печати исторический очерк Тургенева не мог появиться по цензурно-полицейским условиям, а для печати нелегальной (например, для «Полярной звезды» или «Колокола») он уже не представлял сколько-нибудь значительного интереса, так как полностью был обращен в прошлое, без проекции в настоящее или будущее. Поэтому, вероятно, Тургенев так легко и отказался от авторских прав на свои материалы, согласившись на включение их в рассказ Луи Виардо из русского крепостного быта «История Дмитрия». Статья Тургенева была инкорпорирована в центральную часть рассказа, герой которого был лично известен не только Луи Виардо, но и самому автору «Записок охотника».[40]

Л. Виардо утверждал в своем рассказе, что его знакомство с таким замечательным русским человеком, как новгородский крестьянин Дмитрий, заставило его особенно заинтересоваться вопросом о крепостном праве. Исторический очерк Тургенева композиционно был увязан в «Revue de Paris» с рассказом о гибели Дмитрия и получил при этом диалогическую форму. Тургенев, рассуждая о крепостном праве и положении русских крестьян, как бы обращается к Виардо, который иногда прерывает его и вставляет свои реплики.

В конце июля 1857 г.[41] очерк Виардо «Histoire de Dmitri» вместе с его же развернутой рецензией на книгу испанского писателя А. Феррара дель Рио «Histoire du règne de Charles III en Espagne» был напечатан

---

[40] Дмитрий, как рассказывает Луи Виардо, был старостой в селе Липовки Новгородской губернии и принимал активное участие в описанных им охотах. В его избе охотники обычно обедали, а иногда и ночевали. В одной из зарисовок русского быта, опубликованных в «Illustration» 1844 г., показана группа великосветских охотников, обедающих в избе Дмитрия. На переднем плане, в левом углу, Параша, жена Дмитрия, моет на полу посуду; рядом Вера — дочь Бирюка, друга Дмитрия, — несет поднос с рюмками; в глубине сцены за самоваром стоит Бирюк. Справа Дмитрий с поставцом с винами подходит к Виардо. Рядом с Виардо — в черном сюртуке Тургенев (помечен крестиком). Позади Виардо стоит Мавра, дочь Дмитрия («Illustration», 1844, № 79, стр. 428). Барин Дмитрия, столоначальник Министерства просвещения, увез в Петербург сначала Мавру, а потом Веру. Разъяренный жених Мавры, вольноотпущенник Ермила, организовал в лесу сход крестьян и убедил их принять решение убить барина и сжечь его усадьбу. Дмитрий отклонил этот план, заявив, что мстителем будет он один. После этого он был сделан кучером барина и уехал с ним в Петербург. Помещик жил на Фонтанке, против знаменитой решетки перед дворцом Шереметева. В морозный зимний вечер, когда пьяный барин глумился над Верой, дочерью Бирюка, Дмитрий вырвал девушку из его объятий и запер его на ключ. Затем он вывел всех слуг из дома и поджег его. На пожар приехал Николай I. Был очевидцем пожара и Виардо; почти рядом с горящим домом жили его друзья по охоте — Абаза и братья Гурьевы. Это произошло в самом конце 1845 г. Дом сгорел дотла вместе с барином. Дмитрия по приказу Николая I судил Верховный уголовный суд. Приговор был суров — 5000 ударов шпицрутенами. Казнь совершилась весной 1846 г. на Марсовом поле. Дмитрий был засечен до смерти задолго до ее конца.

[41] Дата выхода книги определяется примечанием к записке Тургенева (на стр. 240), заимствовавшим сведения из «Колокола» от 1 июля н. ст. 1857 г. (1 августа н. ст. на книгу уже появилась рецензия).

в книге Л. Виардо «Les jésuites jugés par les rois, les évèques et le pape, nouvelle histoire de l'extinction de l'ordre écrite sur les documents originaux. Histoire de Dmitri, étude sur la situation des serfs en Russie» («Иезуиты в оценке королей, епископов и папы. Новая история упадка ордена, написанная по подлинным документам. История Дмитрия, этюд о положении крепостных в России»).

Фамилия автора на титульном листе не была указана, хотя и стояла в конце каждого очерка. Книга печаталась в той же типографии, что и журнал «Revue de Paris». Книжный текст очерка «История Дмитрия» идентичен журнальному тексту. Только в примечаниях к отдельному изданию книги Л. Виардо сделал некоторые изменения и дополнения. Так, на стр. 238 после слов «Как же примирить эти противоположные интересы, заключить мир и подписать новое соглашение» имеется новое примечание: «Разве г. Прудон в своем страшном проклятии французскому обществу, которое называется „Manuel du spéculateur à la Bourse", не говорит о том, что уничтожению пролетаризации больше всего мешают сами пролетарии? Таким образом, можно понять, как невежество и предрассудки русских крепостных противодействуют отмене крепостного права в России».[42]

Примечание о Пугачеве в книге передвинуто и дано после слов «пора задуматься и поразмыслить» (см. ниже, стр. 131). Передвинуты и объединены примечания, касающиеся беспорядков в Херсонской губернии и указа об уничтожении военных поселений. Они даны к последней фразе Записки, в которой говорится, что царствующая династия должна дать пример великодушия (см. ниже, стр. 132). К этому примечанию в книге на стр. 240 добавлено следующее сообщение: «Но с другой стороны, сообщают, что комиссия, назначенная при вступлении на престол нового императора для того, чтобы выработать способы отмены крепостного права, уже распалась, ограничившись заявлением о том, что вопрос этот поставлен несвоевременно. О coecitas! ‹о, слепота!›».[43]

---

[42] Прудон в заключительной части книги «Manuel du spéculateur à la Bourse» («Руководство для биржевого игрока») заявил, что в недалеком будущем труд победит капитал и все общество превратится в бесклассовую индустриальную демократию. Это преобразование произойдет мирным путем, без революций. Прудон критиковал пролетариат за то, что он включается в революционную борьбу, и упрекал его в невежестве — в незнании принципов политической экономии, законов обмена и кредита (см.: P. Proudhon. Manuel du spéculateur à la Bourse. Paris, 1857, стр. 451—502).

[43] Тургенев заимствовал это сообщение из статьи Н. П. Огарева «Что сделано для освобождения крепостных крестьян?». Огарев писал: «...правительство учредило комитет, под председательством графа Блудова, для рассмотрения вопроса об освобождении крепостных людей. Несколько проектов было представлено, на которые комитет не дал никакого ответа, и, наконец, сам комитет закрылся, ничего не сделав. Результатом его бесплодных заседаний были только кое-какие цензурные преследования» («Колокол», 1857, № 1, 1 июля н. ст., стр. 3). Об авторстве Огарева см.: *Лит. насл.*, т. 39—40, стр. 359—360; см. также: Колокол. 1857—1867. Систематизированная роспись статей и заметок. Изд. Всесоюзной книжной палаты, 1957, стр. 185, 296.

Во Франции на книгу Л. Виардо была написана рецензия сотрудника «Revue de Paris» Ж. ля Бома (La Beaume). Рецензент, отметив актуальность и социальное звучание очерка Л. Виардо об иезуитах, заявил, что история крепостного крестьянина Дмитрия рассказана очень проникновенно, а рассуждения, которые в ней заключены, в высшей степени благородны. «История Дмитрия», указывает рецензент, является интереснейшим комментарием к очерку об иезуитах. Феодализм теократический и феодализм военный, в сущности, одно и то же — и тот и другой пагубны.[44]

В России книга была запрещена из-за записки Тургенева, в которой содержалась критика самодержавия (стр. 211—213).[45]

Мы печатаем записку Тургенева по тексту «Revue de Paris».

Т. П. Ден

‹ЗАПИСКА ТУРГЕНЕВА О КРЕПОСТНОМ ПРАВЕ, ВКЛЮЧЕННАЯ В ОЧЕРК ЛУИ ВИАРДО «HISTOIRE DE DMITRI (ÉTUDE SUR LA SITUATION DES SERFS EN RUSSIE)» («REVUE DE PARIS», 1857, № 1, стр. 368—383)›

Depuis que Pierre le Grand, il n'y a pas plus d'un siècle et demi, a fait entrer la Russie dans l'Europe, cet empire toujours agrandi, qui renferme plus de soixante millions d'habitants, qui occupe la neuvième partie de la terre habitable et sur lequel jamais le soleil ne se couche, cet empire marche à pas de géant dans toutes les voies de la civilisation matérielle. Peuple essentiellement habile dans l'imitation, les Russes ont su merveilleusement mettre à profit l'expérience des peuples leurs aînés et les leçons de tout genre qu'ils sont allés prendre hors de leur pays ou qu'ils ont reçues chez eux des étrangers. Si l'agriculture, livrée encore à des mains esclaves et non fomentée par le travail libre, est restée presque stationnaire dans la routine, en revanche, le commerce, l'industrie, les sciences, les arts, les métiers, la guerre, la marine, les finances ont fait des progrès si rapides, si étendus, si persévérants, que, dans toutes ces branches de la civilisation moderne, les Russes ont fini par égaler leurs maîtres. Dès à présent, et sous tous les rapports, la Russie est l'une des grandes puissances du monde; et, parfaite image de tout l'empire, sa nouvelle capitale, dont le tzar Pierre traçait l'emplacement, en 1703, dans une forêt marécageuse, est déjà devenue aujourd'hui, par sa magnificence, aussi bien que par l'étendue de son enceinte et le nombre de ses habitants, la seconde ville du continent européen.

C'est par ses institutions, par elles seules, que la Russie est restée bien loin en arrière des autres nations policées. Sous ce rapport, elle est encore dans l'Asie. Quel est, en effet, son gouvernement? L'autocratie, la dictature

---

[44] См.: «Revue de Paris», 1857, 1 août, стр. 455—457.

[45] См.: Алфавитный список сочинений на французском и немецком языках, запрещенных иностранною цензурою или дозволенных к обращению с исключением некоторых мест с 1856 по 1 июля 1862. СПб., 1870.

absolue et perpétuelle, sans frein, sans entraves, sans limites. Le tzar est de tous points semblable aux anciens khalifes arabes; roi, pontife, général, législateur et juge, il réunit tous les pouvoirs; il tient dans sa main la vie, la fortune, le sort de tous ses sujets; il commande même, ou du moins prétend commander à leur conscience. Enfin la Russie est encore un état patriarcal où la nation se gouverne comme une famille. Sur la famille règne le père; sur l'agglomération de familles appelée commune, le *starosta*; sur l'agglomération de communes appelée empire, le *tzar*. D'une autre part, nul corps de droit ne trace et ne définit clairement les droits et les devoirs des membres de la société, et nul corps judiciaire indépendant n'est constitué pour appliquer et interpréter la loi. Point de législation, point de jurisprudence; une justice (si justice peut se dire) tellement corrompue et vénale, tellement dénuée de garanties et de sanction, que le recours au prince est l'unique correctif aux monstrueuses iniquités qu'elle peut impunément commettre. Enfin, sous l'autocrate, une société sans intermédiaire, sans lien, sans classe moyenne. D'une part, quelques nobles vivant dans le luxe et le loisir; de l'autre, une plèbe innombrable vivant dans le travail et la pauvreté; la propriété de l'homme sur l'homme, le maître et l'esclave.

La Russie ne méritera vraiment le nom de nation civilisée, de nation européenne, qu'après avoir joint aux progrès faits dans la vie matérielle d'heureuses et nécessaires innovations dans les institutions surannées que lui a léguées l'Orient.

Avant tout, la servitude doit être abolie; elle doit disparaître à jamais du seul coin de l'Europe où elle existe encore. C'est le plus grand anachronisme contre l'esprit de notre temps; c'est le plus monstrueux excès de la tyrannie; c'est un crime flagrant, perpétuel et général, que réprouvent également la religion, la philosophie et l'humanité. Personne, même en Russie, même dans la caste des seigneurs, seule intéressée à sa conservation, ne défend plus en principe la servitude. Elle est dès à présent condamnée par le sentiment public autant que par la conscience individuelle, et les adversaires de l'abolition ne la combattent plus aujourd'hui que par la difficulté d'établir à sa place un nouvel ordre de choses. Enfin, l'on peut dire que l'affranchissement des serfs, dès longtemps préparé dans les conseils de la couronne, n'est plus en Russie qu'une question d'opportunité, qu'une affaire d'exécution. Déjà l'on assure que le grand-duc héritier[1] poussé par ses propres lumières et sa naturelle bonté de coeur plus encore que par l'éducation qu'il a reçue du poëte Joukowski, est fermement résolu à tenter sous son règne cette grande et sainte révolution sociale, plus faite pour illustrer son nom que toutes les victoires et conquètes de ses prédécesseurs.

Essayons de bien préciser, de bien comprendre l'état présent de la question.

---

[1] Aujourd'hui l'empereur Alexandre II. — L'empereur Nicolas fit lui-même quelques tentatives dans cette voie, mais il se rebuta aux premières difficultés. Il avait plutôt, dans ses actions comme dans sa personne, l'apparence d'une intraitable volonté que cette vraie volonté calme et persévérante qui mène à fin le grands projets; et, depuis sa mort, un de ses courtisans l'a peint d'un seul mot: «C'était, a-t-il dit, une façade de grand homme». (*Примеч. Тургенева*).

Il est sans doute inutile d'avertir que la servitude n'est pas l'esclavage. Les serfs russes ne sont ni les Ilotes de Sparte ni les *servi* de Rome, ni les nègres de l'Amérique. On ne les vend pas précisément à la manière des pièces de bétail, par tête, et comme chose mobilière; mais c'est comme le cheptel du domaine; c'est un troupeau parqué sur le sol où il est né, ou il doit mourir, où il se reproduit et se conserve. Les paysans russes sont absolument les anciens serfs de la glèbe (*addicti, adscripti glebae*), tels que les avaient faits dans les Gaules, par exemple, la conquête des peuples du Nord et le droit féodal, suite de cette conquête. Ils sont attachés à la terre sur laquelle ils ont pris naissance, et, transmis avec le sol à tous les nouveaux propriétaires qu'il peut avoir, soit par héritage, soit par mutation, ils doivent exclusivement à ces maîtres tout le travail de leurs mains. Aussi, de même que, sans entrer dans le détail de ses champs de cannes, de café, de sucre ou d'indigo, on évalue la fortune d'un planteur des colonies par le nombre de nègres qu'il emploie, de même on évalue en Russie la valeur d'une propriété rurale, sans acception de son étendue ou de sa fertilité, par le nombre de serfs qu'elle renferme. On ne dit pas d'un seigneur qu'il a tant de *déciatines* en terres, bois ou prairies, mais tant de paysans, tant d'*ames*. C'est une manière plus courte, plus simple et plus sûre d'indiquer sa fortune et son revenu.

Cela expliqué, continuons.

L'histoire de la Russie est encore à faire, principalement dans la partie des origines. Privé de documents authentiques qui n'existent nulle part, ne pouvant remonter à des sources historiques aussi cachées que celles du Nil, le seul historien russe, Karamzine, n'a pu donner sur les temps primitifs de son pays que des aperçus généraux fort incomplets, fort incertains, où figurent seulement les chefs du peuple, mais où le peuple lui-même est entièrement oublié. L'on ne peut donc rien apprendre dans son livre sur l'origine de la servitude en Russie, et ces deux questions fondamentales: quand et comment se forma-t-elle? sont ésalement sans réponge. D'autres ouvrages, estimables d'ailleurs, tels que le «Tableau statistique et historique» de Schnitzler, tels que les «Etudes sur les institutions rurales de la Russie» du baron Auguste de Haxthausen, etc., restent muets aussi sur ce point. Tout ce qu'on sait des anciens Slaves, qui composent encore le principal noyau de la nation russe, comme les anciens Gaulois celui de la nation française, et la masse de la population actuelle, c'est qu'ils étaient tous hommes libres, égaux entre eux, sans monarques, sans chefs héréditaires, et pensant, comme dit Karamzine, que le premier des biens pour les hommes est la liberté personnelle illimitée. Ce ne fut que plusieurs siècles après l'établissement définitif des Slaves sur la terre russe de Kiev et de Novgorod, qu'on vit se former parmi eux une aristocratie territoriale, et que les chroniques commencent à mentionner des *kniaz* (princes), des *voïévodes*, des *boïards*, noms asiatiques comme celui de *tzar*, et dans lesquels l'étymologie du mot démontre l'origine étrangère du titre et de la fonction.

Mais est-ce pendant les invasions des Tatars ou Mongols par l'est et des Polonais par le sud, lorsqu'il y eut alternativement des races victorieuses et des races vaincues, que s'établit la féodalité militaire, avec son

corrélatif obligé, la servitude de la glèbe? C'est ce qu'avait produit l'entrée violente des Goths, des Bourguignons et des Francs dans les Gaules et leur domination sur la race gauloise. Il y a aurait alors similitude parfaite dans la manière dont se forma par toute l'Europe le régime féodal. Mais, en premier lieu, les époques de cette formation seraient très différentes. En France, la servitude est d'une date beaucoup plus ancienne qu'en Russie. Lorsqu'à la fin du cinquième siècle, le Franc Clovis régnait à Paris, le Goth Alaric à Toulouse, le Bourguignon Gondebaud à Dijon, et que leurs barons s'étaient partagé les terres de la Gaule conquise, les Slaves russes jouissaient encore de toute leur liberté primitive et patriarcale. Le passage des hordes asiatiques qui se ruaient sur l'Europe, Goths, Vandales, Alains, Huns, Bulgares, se faisait par les bords de la mer Noire et les rives du Danube, du nord-est au sud-ouest, sans que ce flot d'hommes, lancé du coté des tropiques, remontât jamais vers le pôle. Rien donc ne remuait encore dans l'empire des tzars. Ce fut seulement en 862 qu'une espèce de monarque élu, le Varègue Rurick, commença de gouverner la Russie centrale; ce fut seulement en 988, qu'en introduisant le christianisme parmi ses peuples, Wladimir le Grand établit l'autorité sur un dogme religieux; ce fut seulement dans le douzième siècle que les premières tribus tatares, les Petchenègues et les Outses, s'avisèrent de remonter de la Caspienne dans le Volga, ouvrant ainsi le chemin aux Mongols, qui fondèrent, dans le siècle suivant, l'empire de la Horde d'Or. Enfin, ce fut seulement après 1480, au temps de votre Charles VIII, qu'en chassant ces princes tatars établis à l'orient de Moscou et en soumettant la république de Novgorod à l'occident, Ivan III fonda l'empire russe dans sa forme actuelle: un tzar, prince absolu; des boïards, seigneurs féodaux; le peuple, troupeau de serfs rivés à la glèbe.

Mais la différence n'est pas seulement dans les dates et les époques chronologiques, elle s'étend jusqu'à l'essence des choses. Malgré l'exemple du reste de l'Europe, il n'est pas probable que la féodalité et la servitude se soient fondées en Russie dans le choc des races, par la victoire de l'une, par la défaite et la soumission des autres. Les Tatars et les Polonais firent de nombreuses incursions sur la terre russe, jamais d'établissements fixes et durables. Ils étaient assaillants d'habitude, fréquemment vainqueurs, mais non conquérants. Ils emportaient du butin, ils donnaient l'investiture à des princes qui leur payaient tribut; mais ils n'occupaient point le pays, sur lequel ils avaient seulement passé comme un flot de marée qui monte et se retire. On doit plutôt croire qu'en Russie c'est du pouvoir souverain, une fois constitué, que procédèrent ensemble la féodalité et la servitude qui subsistent encore aujourd'hui. D'après les idées de l'Asie, pratiquées en Europe par les khalyfes arabes et les sultans osmanlis, le chef de l'Etat était maître du sol et des habitants. Ces idées pénétrèrent dans l'Europe orientale. Après l'avènement de Rurik et de sa postérité, chaque monarque faisait des partages entre ses enfants. A l'aîné appartenait le titre de grand-prince, dont la résidence fut successivement établie à Kiev, puis à Riasan, puis enfin à Moscou, d'où lui vint le nom de grand-prince et bientôt de tzar de Moscovie. Mais les autres fils et les gendres du souverain recevaient, avec le titre de princes (*kniaz*), des domaines effectifs,

de vrais apanages. Il est probable que toutes les anciennes maisons princières de la Russie sont des branches collatérales de la première maison régnante. D'un autre côté, le grand-prince, devenu tzar, récompensait par des dons de seigneuries, de fiefs, c'est-à-dire de terres peuplées d'hommes, les services qui lui étaient rendus. Tous les boïards furent, dans le principe, des donataires de la couronne, et il est bien remarquable que la plus grande partie de ces serviteurs de princes récompensés par des lots de territoire et de population, — assez semblables aux anciens *leudes* ou *fidèles* des chefs germains, devenus les feudataires des rois francs, — n'étaient pas Russes, mais étrangers, Tatars, Hongrois, Polonais, Lithuaniens, Finnois. Presque toute la noblesse russe actuelle, propriétaire du sol et des habitants, est donc d'origine étrangère; de plus, elle est tout entière d'investiture autocratique, de création impériale. Ainsi, au rebours du reste de l'Europe, tandis qu'en France la royauté s'appuyait sur le peuple affranchi, sur les *communes*, pour vaincre la féodalité, détruire les grands fiefs et préparer l'unité nationale; tandis qu'en Angleterre les barons féodaux terrassaient la royauté et lui imposaient la grande charte; tandis qu'en Allemagne la diète des princes élisait l'empereur, et qu'en Pologne le roi n'était qu'un magistrat républicain; en Russie, dans sa toute-puissance illimitée, le tzar créait à la fois la féodalité et la servitude. Ce qui semble confirmer cette opinion, généralement admise par tous ceux qui ont etudié l'histoire russe dans ses monuments anciens, c'est que les distributions de terres et de paysans par la couronne, à titre de récompenses, ont continué sans interruption, aussi bien que les créations de nobles, même depuis l'avénement des Romanoff, sous Michel III, Alexis Ier, Pierre le Grand, Anne, Elisabeth, Catherine, Paul, Alexandre, et jusqu'à nos jours; c'est qu'enfin, malgré ses libéralités immenses et incessantes, la couronne possède encore en propre une partie considérable du territoire et de la population de l'empire. La régie des domaines impériaux forme un ministère, presque un gouvernement.

Un fait, du moins, un fait capital, et mis hors de doute, est acquis à l'histoire: c'est alors que la servitude disparaissait du reste de l'Europe, qu'elle s'établissait en Russie. Elle n'a même reçu sa forme actuelle dans ce dernier pays qu'à l'époque où, partout ailleurs, elle était à peu près abolie, au commencement du dix-septième siècle. En France, pour ne pas trop étendre les points de comparaison, dès le règne de Louis le Gros (vers 1110), les paysans avaient commencé à se racheter, à former des *communes*, une bourgeoisie, un tiers état; les croisades, en ruinant les barons féodaux, aidèrent merveilleusement à l'émancipation des serfs, que favorisèrent de tout leur pouvoir Philippe-Auguste, Saint Louis, Charles V, Louis XI. A la mort de Henri IV (1610), il ne restait de serfs en France que dans quelques fiefs ecclésiastiques, et plutôt de nom que de fait. C'est justement à cette époque qu'en Russie l'autorité souveraine enchaînait définitivement à la terre les hommes de travail. Jusque-là, chaque année, au jour de la Saint-Georges (le 18 septembre), qu'ils nomment *Yourieff-dien*, tous les paysans avaient eu le droit de changer de pays et de se donner à des maîtres nouveaux. Ce droit était un puissant correctif à la servitude.

Il obligeait les seigneurs à bien traiter leurs serfs, sous peine de les perdre; il rendait les injustices et les violences, sinon impossibles, au moins peu durables; il laissait enfin une sorte de libre arbitre dans l'esclavage. Et, de même que des appâts attirent les pigeons au colombier, les seigneurs devaient, par intérêt et par calcul, offrir au moins à leurs paysans protection, sécurité et bien-être. Sans doute alors on voyait rarement les révoltants abus de pouvoir dont les serfs sont devenus victimes; sans doute aussi les nobles n'avaient point à craindre de leurs vassaux ces assassinats, ces incendies, toutes ces terribles représailles, aujourd'hui si fréquentes, que les rapports reçus au ministère de l'intérieur présentent une moyenne annuelle de soixante meurtres de seigneurs par leurs paysans. C'est plus d'un par semaine!

Mais, pour les seigneurs et pour le prince, cet état de choses offrait de graves inconvénients. D'un côté, le goût naturel du changement et le désir plus naturel encore d'une condition meilleure, faisaient de la classe des serfs une population flottante, presque nomade, qui, cherchant toujours les terres d'une culture plus facile et plus fructueuse, finissait par abandonner à la stérilité les terres de qualité inférieure et de moindre produit. D'un autre côté, surtout pendant les désordres et l'anarchie qui durèrent, sans interruption, entre l'extinction de la race de Rurik (1592—1598) et l'avènement des Romanoff (1613), le privilège de la Saint-Georges n'était plus pour les serfs qu'un moyen de quitter la culture des champs et d'aller grossir les bandes des faux Démétrius et autres prétendants au trône, ou de vivre dans le brigandage. Ce fut Boris Godounoff, le premier des tzars usurpateurs, celui qu'on accuse d'avoir été l'assassin de Dmitri et l'empoisonneur de Fédor, empoisonné lui-même en 1605, qui, par un ukase du 21 novembre 1601, abolit le *Yourieff-dien*, le droit qu'avaient les serfs de changer de maître une fois par an, les condamna pour toujours à la vie sédentaire, et les attacha définitivement à la glèbe, eux et leur postérité. Mais en faisant ainsi, par acte de bon plaisir, toute la masse de leurs sujets esclaves d'une caste privilégiée, formée de leurs parents, de leurs favoris et de leurs serviteurs, les tzars ne pensèrent pas même, comme Louis XIV, à régler les relations des deux classes par une espèce de *code noir*. Une seule loi fut rendue sur la matière: «Le seigneur ne peut tuer son serf». Voilà l'unique limite donnée au pouvoir du maître; voilà l'unique protection donnée à l'esclave.

Il y a deux cent cinquante ans que dure cette situation, et il s'agit de la changer avant qu'elle ait duré trois siècles. Les difficultés sont graves, on doit le reconnaître; et si les unes viennent des seigneurs qui, possesseurs du sol entier, ne veulent point abandonner la propriété de leurs terres, les autres viennent des serfs eux-mêmes, qui sont encore loin de comprendre les avantages du travail libre et la possibilité d'une situation intermédiaire entre le maître et l'esclave. Dans toutes les autres contrées de l'Europe, le servage s'est peu à peu converti, d'abord en partage des denrées recueillies, puis en redevance fixe d'argent; et, tenant du seigneur propriétaire la possession temporaire du sol, le serf, qui cultiva dès lors la terre à son profit, est devenu partout métayer et fermier. C'est le même

changement qu'il s'agit d'introduire en Russie; l'expérience et la raison disent aussi haut que la justice et l'humanité qu'il faut affranchir les paysans et leur donner les terres à bail. La plupart des seigneurs comprennent fort bien dès à présent, et l'on ferait aisément comprendre aux autres que ce changement leur doit être plus profitable que nuisible. Ils ne perdraient, en effet, que la puissance corporelle sur leurs vassaux, c'est-à-dire les droits les plus odieux, les plus révoltants, les plus périlleux aussi, et dont plusieurs d'entre eux sentent fort bien l'épouvantable iniquité. Mais ils garderaient, ils accroîtraient peut-être les droits utiles, effectifs, le produit et la valeur de leurs propriétés. Avec des serfs travaillant pour eux comme des animaux domestiques, les seigneurs courent les chances, bonnes ou mauvaises, des saisons et des événements. L'abondance des produits, que la difficulté des communications fait généralement consommer sur place, ou bien des disettes partielles, auxquelles souvent cette même difficulté de communications ne permet pas de remédier, amoindrissent également leurs revenus. Que la moisson manque, et le seigneur doit pourvoir à la subsistance de ses paysans; qu'une épizootie frappe la contrée, il doit remplacer les chevaux et le bétail enlevés par le fléau; que des guerres lointaines et prolongées multiplient les levées d'hommes, les bras font défaut sur ses terres. Dans les années malheureuses, au lieu d'apporter au train de sa maison des réformes dont souffrirait l'orgueil nobiliaire, il s'endette, il devient la proie de l'usure, et la ruine des plus grandes fortunes commence d'habitude par ce défaut d'équilibre constant entre la recette et la dépense, qui ne s'établit qu'avec des revenus fixes et certains. En tout temps, d'ailleurs, il faut au seigneur des intendants, engeance parasite, race avide, dont le moindre pillage est de dîmer le revenu du riche oisif qui l'emploie à pressurer le travailleur pauvre. Et il y a bien d'autres inconvénients attachés à la propriété territoriale telle qu'elle est constituée en Russie. Par exemple, le serf qu'un seigneur prend à son service personnel et attache à son nombreux domestique, devient dès lors, lui et sa descendance, exempt du travail de la terre. De sorte qu'il se forme dans tous les domaines, sous le nom de *dvorovié* (gens de la cour), une population en quelque sorte inutile et fainéante qui demeure à la charge du maître. A peine obtient-on que les hommes valides exercent quelque métier, qu'ils soient cordonniers, tailleurs, maçons, maréchaux — ferrants, ou musiciens dans les orchestres des châteaux; mais les femmes, les enfants, les vieillards reçoivent, sans rien faire, des distributions de vivres et de vêtements. Ainsi, sans entrer davantage dans le détail des vices et des charges de la propriété, il semble évident que tous les propriétaires accepteraient sans peine une nouvelle constitution qui, leur donnant des fermiers au lieu de serfs, changerait en rentes fixes, assurées, indépendantes des saisons ou des événements politiques, et perçues sans intermédiaires, des revenus jusqu'à présent incertains, précaires, variables et dîmés par les intendants.

Mais laissons les seigneurs et leurs intérêts, bien ou mal entendus. Il faudra bien sans doute qu'ils acceptent la propriété telle que la leur fera la loi civile, fort différente du droit naturel, et qu'il se trouvent trop

heureux, en perdant la possession de l'homme, de garder celle de la terre. Arrivons aux serfs, qui forment le vrai nœud de la question.

A Dieu ne plaise qu'on voie dans ce qui va suivre, je ne dirai pas l'apologie, mais seulement la plus lointaine justification, la plus indirecte excuse de la servitude. Non, sous aucun rapport, par aucun motif, la servitude ne peut être excusée et justifiée. Attenter à l'indépendance d'un être raisonnable, que Dieu a fait libre, qui est notre égal, notre semblable, notre frère, c'est un crime commis à tous les instants de sa vie, et qui dure autant qu'il existe. Homère avait raison de dire, en ces temps antiques où l'esclavage semblait si naturel qu'il était accepté des plus grands esprits, des plus nobles cœurs, de Platon et d'Aristote: «Quand Jupiter fait un homme esclave, il lui ôte la moitié de son âme». Et, de même que la vue des mauvais traitements infligés au malheureux noir des colonies redouble notre horreur pour l'esclavage, pour la propriété de l'homme sur l'homme; de même, en voyant de près les monstrueuses iniquités que traine après soi la servitude, — souffrances physiques et dégradation morale, — on s'indigne, on se révolte avec plus de ferveur contre cet esclavage déguisé, qui n'a plus même ici pour excuse dernière la différence des races, de la couleur, du culte, des climats; car opprimés et oppresseurs sont de même sang, de même pays, de même religion, et pour nourrir ses habitants sous un ciel meurtrier, la terre n'attend pas que son sein soit déchiré par des bras amenés dans les chaînes de par delà les océans. Qu'on se rassure donc: ce n'est pas en voyant des serfs qu'on pardonne à la servitude. Plus on en est près, plus on la maudit. Mais enfin, si les meilleures choses sur la terre ont leurs côtés faibles et défectueux, les plus mauvaises, en revanche, peuvent racheter jusqu'à un certain point les maux qu'elles causent par quelque légère compensation. C'est la loi de ce monde. Et pour la servitude en particulier, il faut bien expliquer au moins comment elle a pu subsister jusqu'ici, comment elle se maintient encore, et comment le plus grand, peut-être, des obstacles qui s'opposent à son abolition vient justement de ses victimes.

Votre révolution française a écrit sur son étendard aux trois couleurs trois paroles qui résument merveilleusement, d'après les idées qui ont eu cours jusqu'à présent dans le monde, tous les droits et tous les devoirs des hommes entre eux: Liberté, égalité, fraternité. Mais, pour rendre complète la formule des droits et des devoirs, ces trois termes ont besoin d'être réunis, d'être inséparables. La fraternité humaine, introduite ou répandue par le christianisme, n'est guère, prise isolément, qu'une consolation offerte pour l'autre vie aux opprimés de celle-ci, et tout au plus un conseil de modération donné aux oppresseurs. L'Eglise même, en acceptant le despotisme, la féodalité et l'esclavage sous toutes ses formes, n'a pas entendu différemment la fraternité prêchée par le Christ, qui, s'il rendait à Dieu ce qui est à Dieu, rendait à César ce qui est à César. En second lieu, la liberté, comme on la pratiqua dans la Grèce antique, dans la Rome des Scipions, à Venise, à Florence, comme on la pratique encore dans certains Etats de l'Union américaine, c'est-à-dire compatible avec l'esclavage et donnant à une seule caste le rang de citoyens, n'est guère qu'un privilège de

plus ajouté à ceux de l'aristocratie. Enfin, l'égalité sans la liberté peut se trouver dans les pires conditions où tombe l'homme des sociétés modernes, dans les armées, les hôpitaux, les prisons, les bagnes de galériens. Je le répète, les trois termes n'ont leur pleine valeur qu'à la condition d'être réunis, d'être inséparables. Mais enfin, si affaiblis qu'ils soient par leur isolement, chacun d'eux vaut encore quelque chose par lui-même, et peut offrir une certaine compensation à la perte des autres.

Négation absolue de la liberté, la servitude, comme le despotisme, produit du moins, en un certain sens, l'égalité. Tout les sujets sont égaux sous le despote; tous les serfs sont égaux sous le seigneur. Quand vous avez vu pour la première fois un village russe, vous avez pu vous croire chez les frères moraves. Il n'y a point là, comme dans vos campagnes françaises, de belles et vastes fermes, espèces de manufactures agricoles qu'habitent les capitalistes ruraux, entourées de pauvres cabanes où de nombreux journaliers, véritables ouvriers de l'agriculture, mènent une vie non moins misérable et non moins précaire que les ouvriers des fabriques urbaines. Comme tout Russe appartient à une commune et a droit à une part du sol, il n'y a pas de prolétaires en Russie. Dans nos villages, sur les deux côtés du chemin qui les traverse, s'élèvent deux rangées de maisons parfaitement égales et semblabtes. Chaque *tiaglo,* ou famille, a la même habitation que les familles voisines; elle est pourvue des mêmes instruments de travail et du même cheptel de bestiaux; elle reçoit le même lot de terre, soit à cultiver pour le seigneur, soit à cultiver pour sa propre subsistance; enfin elle donne le même temps et le même labeur aux intérêts du maître et à ses propres intérêts.

Il faut convenir qu'une telle similitude de position offre un grand allégement aux maux que fait endurer la commune servitude. On se soumet avec plus de patience et de résignation à l'état où l'on voit réduits ses voisins et ses proches. A peine rêve-t-on un état meilleur, et la serf, qui ne saurait aspirer jusqu'à la position du maître, et qui n'en connait pas d'intermédiaire entre eux, n'a près de lui nul point de comparaison pour exciter son envie et pour l'éclairer sur ses droits. A cette espèce de communisme en pratique se joignent quelques avantages matériels. Par exemple, il est admis dans tous les domaines que les paysans couperont autant de bois qu'il leur en faudra pour construire leurs maisons et pour s'y chauffer. Ils sont donc à l'abri du froid, souffrance plus cruelle peut-être que la faim sous le climat qu'ils habitent, et premier des besoins à satisfaire. D'une autre part, lorsque, sous l'inspection de l'intendant ou du *starosta*, du chef élu par eux et parmi eux, ils ont donné le travail de leurs mains à la culture des terres, libres des soucis d'une redevance à payer, ils savent que, quoi qu'il arrive des saisons et de la récolte, le maître ne peut les laisser mourir de faim. En somme donc, et ne considérant que le bien-être matériel, possible sous un climat donné et dans les conditions qu'il détermine, je crois que les serfs russes, plus malheureux sans doute que vos paysans aisés, les chefs de fermes et de métairies, le sont moins peut-être que vos prolétaires des champs, les simples journaliers. Si leur situation était volontaire et non forcée; s'ils étaient liés par des contrats à l'agriculture, et non enchaînés

au sol par la naissance; si le maître n'avait sur eux des droits corporels et celui de les atteindre, comme des nègres marrons, en quelque part qu'ils essayent de fuir; s'il ne pouvait entrer dans leur *isbâ* comme chez lui, condamner aux verges le père de famille, prendre le fils pour en faire un soldat et la fille pour en faire sa servante ou pis encore; si enfin, agriculteurs par goût et par choix, ils avaient dans leur humble condition l'indépendance de l'homme libre et la dignité du citoyen; je ne sais trop si les paysans russes gagneraient beaucoup à changer d'état ‹...›.[2] C'est dans cette situation matérielle des serfs qu'est l'explication du maintien de la servitude et des difficultés de son abolition. Proposez à un paysan son affranchissement pur et simple, c'est-à-dire de lui rendre la libre disposition de ses bras, de son corps; offrez-lui même de plus un terrain à cultiver, sous condition de redevance en argent ou en nature; voici quelle sera toujours et invariablement le sens de sa réponse: «Que me restera-t-il, le maître payé, dans les années de mauvaise récolte? qui me nourrira, moi et ma famille, dans les années de disette? où prendrai-je de l'argent pour acheter des chevaux, des vaches et des moutons? où prendrai-je du bois pour construire ma maison, mon chariot, mon traîneau, ma charrue, et pour me chauffer pendant six ou sept mois d'hiver? Enfin qui me protégera, si je n'ai plus un maître puissant, contre les exactions du fisc, les violences de l'autorité, les vénalités de la justice?». Il faudrait donc, pour qu'un serf acceptât son affranchissement comme un bienfait, ajouter au don de sa liberté celui des instruments de travail, c'est-à-dire les capitaux et la terre, et, de plus, des garanties d'égalité devant la loi.

Mais ce n'est pas tout encore, et nous touchons au nœud de la question le plus difficile à délier. Non-seulement, aux yeux d'un serf agriculteur (je ne parle pas des serfs artisans, colporteurs, voituriers, domestiques, qui acceptent plus volontiers leur libération, ayant un métier qui les fait vivre), l'affranchir, c'est le renvoyer, le chasser, se défaire de lui comme d'un animal inutile; c'est encore le dépouiller, c'est lui prendre son bien. Par une heureuse illusion, il regarde comme lui appartenant la terre qu'il cultive. «Nous sommes au maître, dit-il, mais la terre est à nous». Ce mot forme le fond et l'essence de sa pensée. Plutôt que de renoncer à croire que cette terre, à laquelle il est attaché, qu'il arrose de ses sueurs et qui lui donne son pain, où il a vu mourir ses pères et naître ses enfants, où fut son berceau et où sera sa tombe; plutôt, dis-je, que de renoncer à croire que cette terre lui appartient, il aime mieux appartenir lui-même au seigneur. La propriété, même ainsi faite, la propriété en commun, la propriété illusoire, lui semble plus chère et plus précieuse que la liberté.[3] Comment donc le fe-

---

[2] Здесь нами опущен текст Л. Виардо (см. об этом выше, на стр. 118).

[3] La France reconnaît à ses habitants le droit de morceler le sol et de le vendre comme toute autre marchandise; la Russie va encore plus loin: elle soumet sa terre à un partage continuel, elle donne à chacun de ses enfants un droit égal à l'usufruit de sa terre qui n'est pas, comme en France, propriété exclusive de l'individu, mais la propriété collective du peuple, représenté par la commune. La Russie veut que chaque individu du

tez-vous convenir que lui donner la liberté en lui reprenant tout le reste, que le mettre nu sur le grand chemin, sans terre, sans toit, sans bétail, sans outils, sans provisions, sans argent, en lui disant: «Tu es maintenant ton maître, et va-t'en où tu veux», c'est se montrer charitable et généreux à son égard, c'est lui rendre le plus signalé des services et le plus grand des bienfaits?

Pour que l'abolition de la servitude se réalisât en Russie, comme elle s'est effectuée dans le reste de l'Europe, par un simple changement d'état, — de seigneurs en propriétaires, et de serfs en fermiers, — sans quelque grande révolution sociale qui emporte la caste des nobles, et livre la terre à ceux qui s'en croient les maîtres parce qu'ils la cultivent, il faudrait, de longue main, éclairer les paysans sur leur vraie situation, sur leurs vrais intérêts. Il faudrait, d'un côté, leur faire comprendre que rien n'est à eux, ni champ, ni maisons, ni bétail; que tout cela leur sera donné en prêt, en dépôt, par le propriétaire, auquel ils devront, en retour, payer un loyer, c'est-à-dire une portion des produits du travail dont il leur fournira les instruments. Il faudrait, d'un autre côté, leur faire compendre que le travail dans la liberté leur donnera pour le moins autant de bien-être que le travail dans la servitude, et qu'en les préservant à jamais des maux de la servitude qu'ils ne connaissent et ne sentent que trop, la liberté leur apportera des biens nouveaux et inconnus, plus précieux même et plus enviables que le bien-être.

Mais qui leur donnera cet enseignement? Qui les instruira, qui les formera pour l'indépendance? L'exemple serait certainement le meilleur des instituteurs. Naguères, ils refusaient obstinément de cultiver la pomme de terre, croyant s'avilir en partageant cette nourriture avec leurs cochons. C'est quand ils ont vu les nobles en manger aussi qu'ils ont consenti à partager cette nourriture avec leurs maîtres. S'il y avait parmi eux, près d'eux, des paysans affranchis, devenus de serfs fermiers, tous voudraient le devenir à leur tour. Mais l'exemple manque; aucun essai complet et définitif n'a pu être tenté, précisément à cause de la résistance obstinée qu'opposent les serfs à un changement dont ils ne comprennent par les avantages, où ils voient plutôt une exigence nouvelle qu'un bienfait caché. Pour vaincre cette résistance, pour les amener à désirer demain ce qu'ils refusent aujourd'hui, il faudrait par avance les persuader, les convaincre, puisque, du fond de leur épaisse ignorance, ils ne peuvent s'éclairer eux-mêmes. Encore une fois, qui prendra ce soin, qui remplira cette tâche? Sera-ce leurs popes? Mais ces membres obscurs du bas clergé, humblement courbés devant le seigneur, ignorants comme leurs ouailles, sans consistance, sans autorité morale, ne sont ni respectés, ni influents, comme le furent jadis vos curés de campagne.

---

peuple jouisse d'une portion de terre, et que cette jouissance ou le droit de possession soit parfaitement identique pour tous les membres. En France, le sol est la propriété exclusive des individus; en Russie, il constitue un bien général qui ne concède aux unités que le droit de possession temporaire ou d'usufruit («Etudes sur la situation intérieure, la vie nationale et les institutions rurales de la Russie, par le baron Aug. de Haxthausen»). (*Примеч. Тургенева*).

Sera-ce les intendants? C'est comme si l'on faisait prêcher aux écoliers par le maître d'école, une férule à la main, et d'ailleurs les intendants ont, dans le maintien de la servitude, l'intérêt de leur existence même; ils doivent disparaître avec elle. Sera-ce enfin le maître lui-même qui prendra soin de sermonner et d'endoctriner ses paysans? Jadis les boïards vivaient dans leurs terres, comme vos anciens seigneurs châtelains; ils étaient personnellement connus de leurs vassaux, et s'ils n'abusaient pas trop cruellement d'un pouvoir sans frein, s'ils régnaient un peu paternellement sur leurs petits Etats, ils pouvaient prétendre, par la justice et la modération, à inspirer quelque confiance, même quelque attachement à leurs sujets. Alors, la vue des douleurs du peuple en servage pouvait adoucir le cœur de ces potentats de clocher, et diminuer l'âpreté de leurs exigences. Et puis, en consommant sur place les revenus du sol, ils en rendaient une grande partie aux travailleurs qui les avaient produits. Mais aujourd'hui, ajoutant à tous les maux de l'ancienne féodalité le mal nouveau que les Anglais ont nommé l'*absentéisme*, vivant dans les capitales, Pétersbourg et Moscou, ou même dépensant leurs rentes à l'étranger, les seigneurs n'ont pas plus de relations avec leurs vassaux que le trésor public avec les contribuables. L'un paye, l'autre reçoit; voilà tout. A peine le seigneur paraît-il de loin en loin, comme un météore menaçant, sur l'horizon de ses domaines. Il n'en connait pas les habitants, il n'est pas connu d'eux, il est étranger dans leur pays, dans la contrée qu'il possède. Veut-il s'éclairer ou les éclairer sur leur position, les questions qu'il adresse, les conseils qu'il donne sont tenus pour autant de pièges tendus à la faiblesse et à l'ignorance. On répond à ses questions par le mensonge pour le dépister, et l'on se garde autant de ses conseils que des perfidies d'un ennemi. «Notre ennemi c'est notre maître», a dit votre sage la Fontaine. L'intérêt qu'il témoigne n'est qu'une feinte mieux calculée, mieux ourdie, et ses bienfaits mêmes, reçus avec défiance, inspirent peu de gratitude. Ainsi point d'épanchement, point de sincérité. Un simple renseignement est impossible à prendre. Bien que de même sang, le maître et le serf, dans leurs rapports, sont des hommes de deux races, des êtres de deux espèces. Comment donc concilier des intérêts hostiles, faire la paix et signer un pacte neuveau?

Je crois vous avoir présenté sous son véritable jour la grande question de l'affranchissement des serfs. Tel est, à mes yeux, l'état présent de cette question. — Quelle en sera la solution future? je l'ignore. Ceci est en dehors et au-dessus de ma tâche. Nous ignorons tous ce qui se passe dans les profondeurs insondables de la population serve. Mais il devient plus évident de jour en jour que, si l'on veut prévenir une immense commotion sociale; si l'on veut empêcher qu'un autre Spartacus ne renouvelle la guerre des esclaves, ou plutôt, sans remonter à l'histoire romaine, qu'un autre Pougatcheff ne soulève les opprimés contre les oppresseurs,[4] et que des jacqueries russes, terribles comme le soulèvement de vos noirs de Saint-

[4] Pougatcheff était un paysan cosaque qui, sous la grande Catherine, souleva toute l'Ukraine, battit plusieurs fois les généraux de l'impératrice et marcha sur Moscou, qu'il eût pris peut-être sans la trahison. Mais sa

Domingue, ou comme l'insurrection de nos colonies militaires, ne mettent à feu et à sang les manoirs de la féodalité; si l'on redoute enfin de voir aux prises les haches de la révolte et les baïonnettes de l'ordre public, il est temps d'aviser.[5] Sur cinquante millions de serfs qui peuplent les vastes campagnes de la Russie, on dit que la couronne en possède, elle seule, quatorze millions. N'est-ce point à elle qu'il appartient de prendre l'initiative, de faire la loi par un magnanime exemple, et de briser toutes les résistances, moins au nom du pouvoir souverain qu'au nom de la justice vengeresse et de l'humanité vengée? [6]

Перевод:

С тех пор как Петр Великий всего полтора века тому назад приобщил Россию к Европе, эта постоянно растущая империя, которая насчитывает более 60 миллионов жителей и занимает одну девятую обитаемой части земного шара, эта страна, где никогда не заходит солнце, идет гигантскими шагами по пути материального развития. Русские — народ необычайно способный к заимствованию; они сумели великолепно использовать опыт более развитых наций и всякого рода сведения, полученные ими за рубежом или у приезжавших в их страну иностранцев. Если земледелие, предоставленное еще рукам рабов и не оживленное свободным трудом, остается почти неподвижным и отсталым, то зато торговля, промышленность, науки, искусства, ремесла, финансы, военное и морское дело развиваются так быстро, так широко и так постоянно, что во всех этих отраслях современной цивилизации русские в конце концов догнали своих учителей. Уже сейчас Россия во всех отношениях представляет собою одну из величайших держав мира; и, точно выражая облик империи в целом, ее новая столица, план которй царь Петр еще только намечал в 1703 году среди лесов и болот, стала теперь вторым городом европейского континента по великолепию, размерам и числу жителей.

Но в отношении своих учреждений, — правда, только в этом отношении, — Россия осталась еще далеко позади других цивилизованных наций. В этом смысле она еще принадлежит Азии.

Какова, в самом деле, система ее правления? Самодержавие, абсолютная наследственная власть, не знающая ни узды, ни ограничений, ни пределов. Царь во всех отношениях подобен древним арабским калифам. Он — государь, глава церкви и войска, законодатель и судья, он соединяет в своем лице все виды власти; в его руках жизнь, благополучие и судьба всех подданных; он повелевает или, по крайней мере, стремится повелевать и их совестью. Словом, Россия — страна еще патриархальная, где народом управляют как семьей. Семьей правит отец;

---

tête fut mise à prix, et ses compagnons le livrèrent. Cette singulière figure historique est peinte de main de maître dans le petit roman d'Alexandre Pouchkine intitulé: «La Fille du capitaine». (*Примеч. Тургенева*).

[5] Déjà, dans le gouvernement de Cherson, des mouvements tumultueux ont éclaté, qu'il a fallu réprimer en toute hâte et punir avec sévérité. Dans ce gouvernement et dans plusieurs autres, les paysans étaient convaincus que le nouvel empereur, à son couronnement, décréterait l'abolition générale de la servitude. On sent, parmi tous les paysans russes, une véritable fièvre d'indépendance. (*Примеч. Тургенева*).

[6] Par un ukase tout récent, l'empereur Alexandre II a ordonné la suppression des colonies militaires, régime odieux inventé sous son aïeul Alexandre Ier, par le tout-puissant et détesté favori comte Arakchéieff. C'est un premier pas fait dans la voie de l'émancipation générale. (*Примеч. Тургенева*).

совокупностью семей, которая зовется общиной, — *староста*; совокупностью общин, составляющих империю, — *царь*.[1] При этом нет законодательного учреждения, которое указывало бы и четко определяло права и обязанности членов общества; не образован также и независимый судебный орган для того, чтобы применять и толковать законы. Нет законодательства, нет юриспруденции; правосудие (если это можно назвать правосудием) настолько развращено и продажно, настолько не обеспечивает каких бы то ни было гарантий и определенных мер воздействия, что обращение к государю является единственно возможным средством против тех чудовищных несправедливостей, которые оно может безнаказанно совершать. Наконец, между самодержавием и обществом нет никаких посредников, никаких связей, нет и среднего сословия. С одной стороны — немногочисленное дворянство, проводящее жизнь в роскоши и праздности; с другой — бесчисленная чернь, живущая в труде и бедности; право собственности одного человека над другим, господа и рабы.

Россия действительно заслужит название цивилизованной нации, нации европейской лишь тогда, когда она сочетает свои успехи в материальной жизни с необходимым и разумным обновлением тех отживших учреждений, которые унаследованы ею от Востока.

Прежде всего следует уничтожить крепостное право; рабство должно исчезнуть навсегда из того единственного края в Европе, где оно все еще продолжает существовать. Это величайший анахронизм, противный духу нашего времени; это чудовищное проявление тиранической власти; это преступление явное, постоянно повторяемое и всеобщее; оно в равной мере осуждается и религией, и философией, и человечностью. В самой России, даже в сословии помещиков, которые одни лишь заинтересованы в сохранении крепостного права, никто уже больше не защищает его как принцип. Сейчас оно осуждается как общественным мнением, так и личным сознанием каждого человека, и противники его отмены ссылаются теперь лишь на трудности установления нового порядка вещей вместо крепостного права. Словом, можно считать, что освобождение крепостных в России, давно уже подготовленное в государственных учреждениях, стоит сейчас на очереди и для него остается лишь выбрать подходящий момент. Уверяют уже, что великий князь наследник,[2] побуждаемый скорее собственными убеждениями и свойственной ему добротой, нежели воспитанием, полученным им от поэта Жуковского, твердо решил осуществить в свое царствование этот великий и святой общественный переворот, который прославит его имя больше, чем все победы и завоевания его предшественников.

Попытаемся как следует уточнить и понять нынешнее положение вещей.

Нет нужды предуведомлять, что крепостное право — это не рабство. Русские крепостные — не спартанские илоты, не римские рабы, не американские негры. Их, собственно, не продают, как скот, с оплатой по поголовью, или как движимое имущество; но они составляют как бы живой инвентарь поместья; это стадо, которое держат на том участке

---

[1] Тургенев излагает точку зрения А. Гакстгаузена (см.: A. Haxthausen. Studien über die inneren Zustände das Volksleben und insbesondere die ländlichen Einrichtingen Rußlands, Bd. 3. Berlin, 1852, стр. 128—132).

[2] Сейчас это император Александр II. — Император Николай также сделал некоторые попытки в этом направлении, но отказался от них при первых же трудностях. В его действиях, как и в самой личности его, была скорее лишь видимость несгибаемой воли, чем подлинная спокойная и настойчивая воля, способная доводить до конца большие замыслы; после его смерти один из придворных обрисовал его одним словом: «Это был, — сказал он, — лишь фасад великого человека». (*Примеч. Тургенева*).

земли, где оно родилось, где должно умереть, где размножается и сохраняется. Русские крестьяне — совершенно то же, чем были крепостные феодала (addicti,[3] adscripti glebae),[4] каких в Галлии, например, создало нашествие северных народов и феодальное право, явившееся результатом этого нашествия. Они прикреплены к той земле, на которой родились, и вместе с землей переходят к новым владельцам по наследству или по передаче; этим господам они обязаны отдавать весь свой труд. Так же как состояние колониального плантатора определяют числом работающих на него негров, не входя в подробное рассмотрение его тростниковых и кофейных плантаций, его запасов сахара и индиго, — так и в России стоимость деревенского поместья оценивают по числу прикрепленных к нему крестьян, без учета его размеров и плодородия почвы. О помещике не говорят, что у него столько-то десятин пахотной земли, леса или лугов, но столько-то крестьян, душ. Это более простой, краткий и верный способ обозначить его состояние и доход. Объяснив это, продолжаем.

История России еще должна быть написана, особенно в той части, которая относится к возникновению государства. Не обладая подлинными документами, ибо таковых вообще не существует, не имея возможности обратиться к первоисточникам, скрытым, как истоки Нила, — единственный русский историк Карамзин смог дать лишь общие, очень неполные и неточные очерки древнейшего периода в истории своей страны; в этом обзоре фигурируют только вожди народа, сам же народ совершенно забыт. Из его книги ничего нельзя узнать о происхождении крепостного права в России, и два основных вопроса — когда и как оно возникло — остаются без ответа. Другие труды, весьма, впрочем, почтенные, как например «Tableau statistique et historique» ‹«Историческая и статистическая картина»› Шницлера и «Etudes sur les institutions rurales de la Russie» ‹«Очерки русских сельских установлений»› барона Августа Гакстгаузена и др., также умалчивают об этом. Единственно, что нам известно о древних славянах, составляющих основное ядро русской нации (как древние галлы — ядро нации французской), а также и всей массы современного населения, — это то, что все они были свободными людьми, равными между собой, не имевшими ни монархов, ни наследственных вождей; они считали, как говорит Карамзин, что высшим благом для людей является неограниченная личная свобода. Только несколько веков спустя, после окончательного расселения славян на земле Киевской и Новгородской, из их среды выделилась земельная аристократия, и хроники начинают упоминать о *князьях* (государях), *воеводах*, *боярах*; всё это названия азиатские, как и само слово *царь*; этимология этих слов указывает на иностранное происхождение титула и функций его носителя.

Но не во время ли нашествий татар или монголов с востока и поляков с юга, когда победившие народы существовали рядом с народами побежденными, как раз и возник военный феодализм и — как его не-

---

[3] Addicti — несостоятельные должники в Римской империи. По постановлению претора они отрабатывали свой долг. Термин применялся к колоннам, которые из-за долга собственнику земли прикреплялись к земле, становились рабами земли (servi terrae) и лишались права выхода (см.: Codex Justinianus, liber XI, 48, 6; 50, 2, и др.).

[4] Adscripti glebae (прикрепленные к участку земли) — так назывались в поздней Римской империи и в эпоху раннего феодализма сервы, лишенные права выхода. (См.: K. Rotteck. Allgemeine Geschichte, Bd. V. Freiburg und Breisgau, 1834, стр. 279 (книга имеется в библиотеке Тургенева: *Музей Тургенева*). Ср.: А. И. Неусыхин. Возникновение зависимого крестьянства как класса раннефеодального общества в Западной Европе VI—VIII веков. Изд. АН СССР, М., 1956, стр. 13—20, 307—317).

избежное следствие — земельное закрепощение? Ведь именно это явилось в Галлии результатом насильственного вторжения готов, бургундцев и франков и их господства над галльским народом. В таком случае можно было бы говорить о полном сходстве в условиях образования феодального строя во всех частях Европы. Но прежде всего эпохи установления феодализма были очень различны.

Во Франции крепостное право возникло гораздо раньше, чем в России. Когда в конце пятого века франк Хлодвиг[5] правил в Париже, гот Аларих[6] — в Тулузе, бургундец Гондебальд[7] — в Дижоне, а их бароны поделили между собой земли завоеванной Галлии, — русские славяне пользовались еще своей изначальной патриархальной свободой. Азиатские орды, ринувшиеся в Европу (готы, вандалы, аланы, гунны, болгары), двигались по берегам Черного моря и Дуная с северо-востока на юго-запад, и этот людской поток, перемещавшийся в направлении тропиков, никогда не подымался в сторону полюса.

Таким образом, в нынешних владениях царей все было еще спокойно. Только в 862 г. варяг Рюрик, бывший своего рода избранным государем, стал править центральной Россией; только в 988 году Владимир Великий, установив христианство среди своих народов, положил в основу своей власти религиозный догмат. Лишь в двенадцатом веке татарские племена печенегов и утцов[8] впервые стали передвигаться от Каспийского моря вверх по Волге, открывая таким образом путь монголам, которые в следующем веке основали государство Золотой Орды. И, наконец, только после 1480 г., во времена вашего короля Карла VIII, Иван III, изгнав татарских ханов, расположившихся на восток от Москвы, и подчинив себе Новгородскую республику на западе, основал русское государство в современной его форме: царь — неограниченный властелин; бояре — феодальные владельцы; народ — стадо прикрепленных к земле крепостных.

Но различие не только в датах и хронологических эпохах, оно касается и сущности вещей. Несмотря на то, что именно так это произошло в остальной Европе, вряд ли феодализм и крепостное право в России образовались в результате столкновения народов, победы одного народа, поражения и подчинения других. Татары и поляки совершали многочисленные вторжения в русскую землю, но они никогда не создавали в ней прочных и длительных учреждений. Обычно они были нападающими, часто победителями, но не были завоевателями. Они увозили добычу, давали полномочия князьям, которые платили им дань; но они не занимали край, а только набегали на него, как морской прилив, который подымается, а затем сменяется отливом. Скорее следует думать, что в России феодализм и крепостное право, существующие и по сей день, произошли вместе от установившейся верховной власти. По азиатским представлениям, которые в Европе проводились в жизнь арабскими калифами и турецкими султанами, глава государства считался хозяином земли и ее населения. Эти взгляды проникли и в восточную Европу. После того как престол был занят Рюриком, а также и его потомством, каждый государь совершал раздел земель между своими детьми. Старшему принадлежал титул великого князя; его резиденцией последовательно были Киев, Рязань и, наконец, Москва, отчего произошел его титул великого князя, а затем и царя Московского. Другие же сыновья

---

[5] Хлодвиг — франкский король меровингской династии (481—511).

[6] Аларих — король вестготов (484—507).

[7] Гондебальд (Гондебо) — король бургундов. Около 474—516 гг. им составлен закон Гондебальда (Lex Gondebada).

[8] Утцы — азиатское племя, упоминаемое в летописях вместе с команами, печенегами и др. (см.: J. H. Schnitzler. Statistique et itinéraire de la Russie. Paris—St.-Pétersbourg, т. I, 1829, стр. 66).

и зятья государя получали вместе с титулом князя выгодные поместья, настоящие уделы. Вероятно, все старинные княжеские роды в России — это боковые ветви первого царствовавшего дома. С другой стороны, великий князь, ставший царем, награждал за оказанные ему услуги поместьями, вотчинами, т. е. населенными землями. Собственно, все бояре были людьми, жалованными царской властью, и замечательно то, что большинство этих царских слуг, награжденных землями и людьми подобно прежним leudes (дружинникам) или fidèles[9] (давшим клятву верности) у германских вождей, которые затем стали вассалами королей франкских, были не русскими, а чужеземцами — татарами, венграми, поляками, литовцами, финнами.

Таким образом, почти все современное русское дворянство, обладающее землями и людьми, — иноземного происхождения; кроме того, оно все целиком создано государем и является инвеститурой самодержца. Итак, в противоположность остальной Европе, в то время как во Франции королевская власть опиралась на освобожденный от зависимости народ, на коммуны, и, чтобы победить феодализм, стремилась уничтожить большие владения и подготовить национальное единство страны; в то время как в Англии феодальные бароны подчиняли себе королевскую власть и навязывали ей великую хартию; в то время как в Германии собрание князей выбирало императора, а в Польше король был всего лишь должностным лицом республики, — русский царь, ничем не ограниченный в своем самовластии, создавал одновременно и феодализм, и крепостное право. Это мнение, принятое всеми, кто изучал русскую историю по ее древним памятникам, подтверждается, по-видимому, тем, что раздача царями земель и крестьян в качестве награждения, так же как и пожалование дворянства, продолжались беспрерывно, даже и после вступления на престол Романовых, при Михаиле III,[10] Алексее I, Петре Великом, Анне, Елизавете, Екатерине, Павле, Александре и так до наших дней; наконец, несмотря на огромную и непрекращающуюся расточительность в раздаче казенных земель, короне принадлежит еще очень значительная часть территории и населения империи. Управление императорскими землями составляет целое министерство, почти целое правительство.[11]

Один факт по крайней мере, причем факт очень важный, является исторически несомненным: в то время как крепостное право исчезало в остальной Европе, в России оно только еще устанавливалось. Больше того, в этой последней стране оно приобрело свою современную форму лишь тогда, когда повсюду в других странах оно было уже почти полностью отменено, т. е. в начале семнадцатого века. Во Франции, чтобы не идти слишком далеко за сравнениями, уже с царствования Людовика Толстого (около 1110 г.) крестьяне начали откупаться,[12] образовывать общины; стала создаваться буржуазия, третье сословие; крестовые походы, разоряя феодальных баронов, удивительно помогли освобождению крепостных, чему всячески покровительствовали Филипп-Август, Людовик Святой, Карл V, Людовик XI. После смерти Генриха IV (1610) кре-

[9] Leudes (Leute, люди) — воины, сопровождавшие вождей или королей в походах и дававшие клятву верности; в средние века они назывались leudes, antrustions (Trust — верность) или fidèles (F. Guizot. Essais sur l'histoire de France. Bruxelles, т. I, 1837, стр. 210—214. — Книга сохранилась в библиотеке Тургенева: *Музей Тургенева*).

[10] Тургенев имеет в виду Михаила Федоровича, родоначальника династии Романовых, и его сына Алексея Михайловича.

[11] См.: A. Haxthausen. Des domaines de la couronne en Russie et de leur administration. Berlin, 1853, стр. 1—101.

[12] Пассенан утверждал, что Людовик VI, прозванный Толстым (1091—1137), публиковал эдикты об освобождении крестьян. См.: La Russie et l'esclavage, t. I. Paris, 1822, стр. 32. Этот текст в книге, принадлежащей Тургеневу, отчеркнут (хранится: *Музей Тургенева*).

постные во Франции оставались только на некоторых церковных землях и притом скорее по названию, чем на деле. В России же как раз в это время царская власть окончательно прикрепила к земле трудовой люд. До этого ежегодно в день Святого Георгия (18 сентября), который они называют *Юрьевым днем*, все крестьяне имели право менять место жительства и выбирать себе других хозяев. Это право было весьма существенным коррективом к крепостной зависимости. Оно побуждало помещиков хорошо обращаться со своими крепостными из страха лишиться их; оно вело к тому, что несправедливости и насилия если и оказывались возможными, то во всяком случае не были длительными; оно оставляло, наконец, для рабов своего рода свободу воли. Подобно тому, как приманкой заманивают голубей в голубятню, так и помещики должны были из расчета и для своей же выгоды предоставлять своим крестьянам по крайней мере защиту, безопасность и довольство. В то время несомненно были редкостью возмутительные злоупотребления властью, жертвами которых становились крепостные. Без сомнения, и дворянам не приходилось опасаться со стороны своих крестьян тех убийств, поджогов и других ужасных форм мщения, которые стали в наши дни настолько частыми, что в докладах, получаемых министерством внутренних дел, ежегодно сообщается в среднем о шестидесяти случаях убийства помещиков их крестьянами. Это больше чем по одному убийству в неделю!

Но для помещиков и для царя такое положение вещей имело много серьезных неудобств. С одной стороны, естественное стремление к переменам и еще более естественное желание лучших условий жизни превращало крепостных в население подвижное, чуть ли не кочевое. В постоянных поисках земель более плодородных и легких для обработки оно в конце концов забрасывало менее выгодные земли худшего качества. С другой стороны, особенно во время смуты и безвластия, беспрерывно длившихся с тех пор, как угас род Рюрика (1592—1598), и до самого вступления на престол Романовых (1613), право, предоставляемое Юрьевым днем, становилось для крепостных только способом к тому, чтобы бросить земледелие и присоединиться к бандам Лжедмитрия и других претендентов на трон или же существовать разбоем. Первый из царей-узурпаторов — Борис Годунов, — тот, кого обвиняют в убийстве Дмитрия и в отравлении Федора, кто сам был отравлен в 1605 г., указом от 21 ноября 1601 г. отменил Юрьев день, т. е. право крепостных раз в год менять хозяина, и тем самым, осудив их на вечно оседлую жизнь, окончательно прикрепил их к земле с их потомством. Но, превратив таким образом по своей царской воле основную массу своих подданных в рабов привилегированной касты, состоящей из их же родственников, их фаворитов и слуг, цари и не подумали даже, — как это сделал, например, Людовик XIV, — о том, чтобы установить отношения этих двух классов чем-нибудь вроде *черного кодекса*.[13] В этом смысле был издан только один закон: «Помещик не может убить своего крепостного». Вот единственное ограничение власти господина; вот единственная мера защиты, обеспеченная рабу.

Это положение вещей длится уже двести пятьдесят лет, и его надо изменить раньше, чем ему исполнится три столетия. Трудности велики, это надо признать; и если одни из них вызваны тем, что помещики, владельцы всей земли, не хотят отказаться от права собственности на свои владения, то другие трудности исходят от самих крепостных, для которых далеко еще не ясны преимущества свободного труда и самая возможность занять промежуточное положение между господином и ра-

[13] Черные кодексы (les codes noirs) — постановления французского правительства, регулирующие обязанности чернокожих рабов во французских колониях. Пассенан, отмечая отсутствие регламентации прав и обязанностей русских крепостных, утверждал, что положение их более тяжко, нежели чернокожих рабов (см.: *Passenans*, т. I, стр. 68—70).

бом. Во всех других странах Европы крепостное состояние постепенно превратилось сначала в систему раздела урожая, затем в аренду земли за определенную денежную плату; и, получив от помещика землю во временное владение, крепостной стал теперь обрабатывать ее для собственной выгоды и превратился повсюду в арендатора-фермера. Такое преобразование следует провести и в России; опыт и голос рассудка так же, как справедливость и гуманность, властно заявляют о необходимости освободить крестьян и дать им землю в аренду. Бо́льшая часть помещиков уже сейчас прекрасно понимает, а остальным можно легко объяснить, что от этой перемены они более приобретут, нежели потеряют. В самом деле, они утратили бы только физическую власть над своими вассалами, т. е. право самое гнусное, самое возмутительное и в то же время самое опасное, ужасную несправедливость которого многие из них прекрасно сознают. Но они сохранили бы и даже, быть может, приумножили бы свои приносящие пользу и действительные права, производительность и ценность своих имений. Когда на них, как рабочий скот, работают крепостные, помещики всецело зависят от благоприятных или неблагоприятных условий погоды и от других обстоятельств. Избыток продуктов, которые ввиду трудности сообщений обычно приходится потреблять на месте, или частичные голодовки, которым трудно бывает помочь из-за тех же дорожных трудностей, в равной степени уменьшают их доходы.[14] Если урожай оказывается недостаточным, помещик обязан позаботиться о пропитании своих крестьян; случится ли в местности скотский падеж, тот же помещик должен возместить убыль лошадей и скота, унесенных этим бедствием; когда же продолжительные и далекие войны умножают рекрутские наборы, на землях помещика не хватает рабочих рук. В неурожайные годы, не желая вводить в своем образе жизни ограничения, обидные для его дворянской гордости, помещик залезает в долги, становится жертвой ростовщиков; крушение больших состояний начинается обычно с постоянного несоответствия между поступлениями и расходами, которые можно было бы привести в равновесие только при наличии определенных, надежных доходов. К тому же, помещику во всякое время нужны управляющие, паразитическая порода людей, алчное отродье, которые присваивают по меньшей мере десятую часть дохода богатого бездельника, использующего их для того, чтобы душить поборами бедных тружеников. Есть еще много других неудобств, связанных с земельной собственностью в том виде, как она сложилась в России. Например, крепостной, которого помещик сделал своим личным слугой и включил в многочисленную дворню, изымается, так же как и его потомство, из земледельческого труда. Таким образом, во всех поместьях создается, под названием *дворни* (дворовых людей), население, в известном смысле бесполезное и праздное, живущее за счет хозяина. С трудом удается заставить работоспособных мужчин заняться каким-либо ремеслом, стать сапожниками, портными, каменщиками, кузнецами или же музыкантами в барских оркестрах; женщины же, дети и старики, ничего не делая, получают питание и одежду. Итак, даже если не останавливаться подробно на всех отрицательных сторонах, на всех трудностях владения поместьем, представляется очевидным, что все помещики легко приняли бы новое устройство, при котором они имели бы

---

[14] Французский экономист Ж. Б. Сей (Say) считал, что избыток продукции должен быть пущен в оборот и дать доход, что возможно только при условии хороших путей сообщения и дешевого транспорта. Потребление избытков продукции на месте является расточительством. Сей заявлял, что войны, уничтожая орудия производства и сокращая число производителей, подрывают благосостояние населения (см.: J. B. Say. Catéchisme d'économie politique. Paris, 1815, стр. 143, 146—147. — Книга имеется в библиотеке Тургенева: *Музей Тургенева*).

дело с арендаторами вместо крепостных и получали бы ренту постоянную, надежную, не зависящую от изменчивости погоды и политических событий, взимаемую к тому же без посредников, вместо непостоянных, случайных и неопределенных доходов, десятая часть которых присваивается управляющим.

Но оставим помещиков и их интересы, плохо ли, хорошо ли понятые. Им придется, конечно, принять право собственности в том виде, как его определит гражданский закон, сильно отличающийся от естественного права; и пусть они считают себя счастливыми, если, потеряв право владеть людьми, они сохранят все же собственность на землю. Перейдем к крепостным, вопрос о которых является узловым.

Упаси боже, если в том, что я скажу далее, увидят не то чтобы апологию, но даже самый отдаленный намек на оправдание, самое косвенное извинение крепостного права. Нет, ни в каком отношении, ни по каким причинам крепостная зависимость не может быть оправдана или извинена. Посягать на независимость разумного существа, которого бог создал свободным, который равен, подобен нам, наш брат, — это преступление, совершаемое в течение всей его жизни, длящееся, пока он существует. Гомер был прав, заявив в те далекие времена, когда рабство казалось настолько естественным, что его признавали такие величайшие умы, такие благороднейшие сердца, как Платон и Аристотель: «Когда Юпитер делает человека рабом, он отнимает у него половину души».[15] И так же, как наше отвращение к рабству, к владению человека человеком удваивается при виде дурного обращения с несчастными чернокожими в колониях, так и при виде чудовищной несправедливости, физических страданий и нравственного упадка, которые влечет за собой крепостное право, растет наше страстное возмущение этим замаскированным рабством, не имеющим здесь даже самого жалкого оправдания в различии рас, цвета кожи, религии, климата, потому что ведь угнетенные и угнетатели здесь люди одной крови, одной страны и религии — и, чтобы прокормить своих обитателей под этим жестоким небом, земле не надо ждать, пока ее лоно взрежет рука людей, привезенных в цепях из-за океана. Не сомневайтесь же, — глядя на крепостных, невозможно оправдать крепостное право. Чем ближе мы к нему, тем больше его проклинаем. Но если даже самые лучшие вещи на земле имеют свои слабые и несовершенные стороны, то зато и самые дурные могут до некоторой степени искупить причиненное ими зло кое-каким, хотя бы и незначительным воздаянием. Таков закон этого мира. Что же касается, в частности, крепостного права, то надо по крайней мере объяснить, как оно могло просуществовать до сих пор, как оно еще держится и почему основным препятствием к его отмене оказываются сами его жертвы.

Ваша французская революция начертала на своем трехцветном знамени три слова, которые чудесным образом выражают в согласии с идеями, распространенными до сих пор в мире, все права и все обязанности людей по отношению друг к другу: Свобода, равенство, братство. Но чтобы сделать формулу о правах и обязанностях исчерпывающей, надо эти три понятия сочетать воедино. Братство людей, провозглашенное и распространенное христианством, если взять его отдельно, является лишь утешением, обещанным в иной жизни тем, кто угнетен в жизни здешней, и самое большее — советом угнетателям быть умеренными. Сама церковь, принимая деспотизм, рабство и феодализм во всевозможных формах, именно так понимала братство, проповедуемое Христом, который если и воздавал богу божье, то Кесарю тоже воздавал Кесарево. С другой стороны, и свобода, какой она была в древней Греции, в Риме времен Сципионов, в Венеции, во Флоренции, какой она еще сей-

[15] Перефразировка двух стихов из «Одиссеи» Гомера (песнь XVII, стр. 322—323).

час является в некоторых штатах американского Союза, т. е. свобода, совместимая с рабством и дающая права гражданства одной-единственной только касте, — такая свобода — не что иное, как еще одна привилегия для аристократов. И, наконец, равенство без свободы можно найти и в самых тяжелых положениях, в какие человек попадает в современном обществе: в армии, в больнице, в тюрьме, на каторге, на галерах. Повторяю, эти три слова получают свой полный смысл лишь в том случае, если они соединены и неразделимы. Но все же, как бы их значение ни было ослаблено разделением, каждое из них еще что-то значит само по себе и может дать какое-то возмещение при утрате двух других.

Крепостное право, так же как деспотизм, полностью отрицая свободу, в каком-то смысле влечет за собою хотя бы равенство. Все подданные равны под властью деспота; все крепостные равны под властью помещика. Когда вы в первый раз видите русскую деревню, вы можете подумать, что попали к моравским братьям.[16] Здесь нет, как у вас во Франции, больших отличных ферм, где живут сельские капиталисты, — этих своеобразных сельскохозяйственных мануфактур, окруженных бедными лачугами, в которых многочисленные поденщики, подлинные сельскохозяйственные рабочие, влачат жизнь не менее жалкую и не более обеспеченную, чем рабочие городских фабрик. Ввиду того что каждый русский крестьянин входит в состав общины и имеет право на земельный надел, в России нет пролетариев. В нашей деревне, по обеим сторонам проходящей через нее дороги, тянутся два ряда домов, совершенно одинаковых, похожих один на другой. Каждое *тягло* или семья имеет такое же жилище, как и соседние семьи; у нее те же орудия труда, то же поголовье скота; она получает такой же надел земли и должна возделывать его либо для помещика, либо для своего собственного пропитания; наконец, она тратит столько же времени и труда, как и другие семьи, работая для господина и для себя.

Следует признать, что такое равенство в положении крестьян сильно облегчает те бедствия, которые несет с собой всеобщее порабощение. Люди с бо́льшим терпением и покорностью переносят состояние, которому подвержены также их соседи и их близкие. Едва ли они стремятся к чему-то лучшему, и крепостной, не смея и мечтать о положении господина и понятия не имея о каком-либо промежуточном между ними состоянии, не видит вокруг себя предмета для сравнения, который мог бы возбудить в нем зависть и помог бы ему уяснить его собственные права. При такого рода коммунизме на практике возникают и некоторые материальные преимущества. Так, например, во всех поместьях принято, чтобы крестьяне рубили столько леса, сколько им понадобится для постройки себе домов и их отопления. Таким образом, они защищены от холода, а это первое, о чем надо заботиться в нашем климате, где холод причиняет страдания, быть может, более жестокие, чем голод. С другой стороны, когда, под наблюдением управляющего или *старосты*, т. е. начальника, избранного ими из своей же среды, крестьяне заканчивают полевые работы, они не ведают забот об арендной плате и знают, что, каковы бы ни были погода и урожай, хозяин не даст им умереть с голоду. В общем, если учесть только материальное благосостояние, каким оно может быть в условиях данного климата, я думаю, что русские крепостные, конечно, несчастнее ваших зажиточных крестьян, арендаторов ферм и хуторов, но зато, быть может, менее несчастны, чем ваши сельские пролетарии, простые поденщики. Если бы их положение было добровольным, а не принудительным; если бы они были связаны с сельским хозяйством по договору, а не прикованы к земле от рождения; если бы господин не имел над ними физических прав и не мог бы ловить их,

[16] Моравские братья — чешская религиозная секта, образовавшаяся в XV в. Секта отрицала государство, сословность и имущественное неравенство.

как беглых негров, всюду, куда бы они ни пытались бежать; если бы он не имел права входить в их избы, как в свой собственный дом, присуждать отца семьи к наказанию розгами, отдавать его сына в солдаты, а дочь превращать в свою служанку или во что-то еще похуже; если бы, наконец, будучи земледельцами по призванию и свободному выбору, они обладали в своем скромном состоянии независимостью свободного человека и достоинством гражданина, не знаю, много ли выиграли бы русские крестьяне от перемены своего положения. <. . .>.[17]

Именно материальным положением крепостных можно объяснить устойчивость крепостного права и трудности его отмены. Предложите крестьянину просто-напросто освободить его, т. е. вернуть ему возможность свободно распоряжаться своими руками, своим телом; предоставьте ему даже землю для обработки за денежную или натуральную плату, — и вот каким, всегда и неизменно, будет смысл его ответа: «А что же мне останется после уплаты господину при плохом урожае? Кто станет кормить меня самого и мою семью в голодные годы? Где я возьму денег на покупку лошадей, коров, овец? Где возьму леса на постройку избы, на поделку телеги, саней, сохи и на отопление в течение шести-семи зимних месяцев? Наконец, кто же, при отсутствии влиятельного господина, защитит меня от произвола сборщиков податей, от насилия властей, от продажности правосудия?». Для того, чтобы крепостной принял свое освобождение как благодеяние, следовало бы к дарованной ему свободе прибавить также и орудия труда, т. е. денежные средства и землю, а кроме того, обеспечить ему равенство перед лицом закона.

Но это еще не все, и здесь мы подходим к узловому вопросу, который труднее всего разрешить. По мнению крепостного землепашца (я не говорю о крепостных ремесленниках, разносчиках, извозчиках, слугах, которые охотнее принимают свободу, так как прокормить их может ремесло), освободить его — это значит уволить его, прогнать, избавиться от него, как от бесполезной твари; это значит разорить его, отнять у него его имущество. Благодаря своего рода счастливому заблуждению он считает, что земля, которую он обрабатывает, принадлежит ему. «Мы господские, — говорит он, — а земля-то наша». Эти слова выражают сущность его мыслей. Он предпочитает скорее сам принадлежать помещику, чем отказаться от уверенности в том, что земля, к которой он прикреплен, которую он орошает своим потом, которая кормит его, земля, где умерли его предки и родились его дети, где была его колыбель и будет его могила, — что эта земля принадлежит ему. Собственность, даже такая призрачная общинная собственность, кажется ему ценнее и дороже свободы.[18] Как же вы убедите его в том, что дать ему свободу, отняв все

---

[17] Здесь опущен текст Л. Виардо (см. выше, стр. 118).

[18] Франция признает за своими обитателями право делить землю и продавать ее, как и всякий другой товар; Россия идет еще дальше: она подвергает землю постоянному переделу, предоставляет каждому из своих сыновей равное право на пользование доходами с земли, которая не является, как во Франции, исключительной собственностью одного лица, а представляет собой коллективную собственность народа, представляемого общиной. В России каждый человек из народа может пользоваться наделом земли, и это пользование, или право собственности, совершенно одинаково для всех членов общины. Во Франции земля — это частная собственность отдельных лиц; в России — это общая собственность, и отдельным личностям предоставляется только право на временное владение ею или на получаемые с нее доходы («Études sur la situation intérieure, la vie nationale et les institutions rurales de la Russie par le baron Aug. de Haxthausen») <Очерки о внутреннем состоянии народной жизни и сельских установлениях России барона Авг. де Гакстхаузена), т. I, стр. 112—130>. (*Примеч. Тургенева*).

остальное, пустить его голым по большой дороге, без земли, без крова, без скота и орудий труда, без запасов и денег, заявив ему: «Ты теперь сам себе хозяин, иди куда хочешь», — это значит проявить по отношению к нему сострадание и великодушие, оказать ему величайшую услугу и величайшее благодеяние?

В Европе отмена крепостного права совершилась путем простого изменения в положении господ, ставших землевладельцами, и в положении крепостных, ставших фермерами, притом без какого-либо коренного общественного переворота, который смел бы сословие дворян и отдал бы землю тем, кто считает себя ее хозяевами, потому что обрабатывает ее. Для того, чтобы уничтожение крепостного права в России осуществилось тем же путем, следовало бы постепенно разъяснять крестьянам их истинное положение и истинные интересы. Надо было бы, с одной стороны, дать им понять, что им не принадлежит ничего: ни поля, ни дома, ни скот; что все это будет им дано взаймы, в пользование владельцем земли, которому они взамен должны будут платить аренду, т. е. отдавать часть продуктов своего труда, для которого он снабдит их нужными орудиями. Нужно было бы, с другой стороны, объяснить им, что свободный труд принесет им по меньшей мере такое же благосостояние, как и труд крепостной, и что свобода, защитив их раз навсегда от всех зол крепостного состояния, слишком хорошо им известных и ими испытанных, принесет новые, еще неведомые им блага, даже более ценные и завидные, нежели само благосостояние.

Но кто разъяснит им все это? Кто просветит их и подготовит к независимости? Лучшим наставником, разумеется, был бы живой пример. В свое время они упорно отказывались выращивать картофель, полагая, что унизят себя, употребляя эту пищу наравне со свиньями. Только увидев, что дворяне тоже едят картофель, они согласились разделить эту пищу со своими господами. Если бы среди них или рядом с ними были освобожденные крестьяне, ставшие из крепостных фермерами, — все захотели бы тоже стать ими. Но примеров нет; не удалось довести до конца ни одного решающего опыта — как раз из-за упорного сопротивления крепостных всякой перемене, выгоды которой они не понимают, усматривая в ней скорее какое-то новое вымогательство, чем скрытое благодеяние. Чтобы сломить это сопротивление, чтобы побудить их захотеть завтра то, от чего они отказываются сегодня, следовало бы заблаговременно уговаривать их и убеждать, потому что при полном своем невежестве они неспособны сами уяснить себе все это. Спросим еще раз: кто возьмет на себя эту заботу, кто выполнит эту задачу? Быть может, их попы? Но эти безвестные представители низшего духовенства, смиренно гнущие спину перед помещиком, такие же невежественные, как и их паства, не обладающие ни стойкостью, ни моральным авторитетом, не пользуются ни тем уважением, ни тем влиянием, какое имели когда-то ваши деревенские священники. Быть может, это сделают управляющие? Но ведь это то же самое, что заставить учителя поучать школьников с помощью линейки; да кроме того, управляющие заинтересованы в сохранении крепостного права: оно обеспечивает их существование, вместе с ним они должны будут исчезнуть. Наконец, может быть, сам барин возьмет на себя труд увещевать и поучать своих крестьян? Когда-то бояре жили в своих поместьях, как ваши феодальные сеньоры, владельцы замков; вассалы знали их лично, и если они не слишком жестоко злоупотребляли своей безграничной властью, если они хоть сколько-нибудь по-отечески правили своими маленькими государствами, им можно было рассчитывать на то, что справедливостью и умеренностью они внушат доверие и даже некоторую привязанность своим подданным. В тех условиях зрелище страданий закрепощенного народа могло смягчить сердца этих деревенских властителей и уменьшить суровость их требований. Кроме того, потребляя на месте плоды своей земли, они значительную долю их возвращали труженикам, которые их взрастили. Но теперь

дворяне прибавили ко всем недостаткам старого феодализма новое зло, которое англичане назвали *абсентеизмом*; живя в столицах, Петербурге и Москве, или даже за границей, помещики имеют со своими крепостными не больше связей, чем казна с налогоплательщиками. Один платит, другой получает; вот и всё. Лишь изредка помещик, как угрожающий метеор, появляется на горизонте своих владений. Он не знает их обитателей, и они его тоже не знают. Он чужестранец в их краю, на землях, которые ему принадлежат. Если он хочет выяснить что-либо или разъяснить крестьянам их положение, то вопросы, которые он ставит, и советы, которые он им дает, воспринимаются как ловушки, рассчитанные на их слабость и невежество. На его вопросы отвечают ложью, чтобы сбить его с толку, а его советов остерегаются, как коварства врага. «Наш враг — это наш хозяин», — сказал ваш мудрый Лафонтен.[19] Интерес, который он проявляет, это не что иное, как притворство, только более продуманное, точнее рассчитанное, и самые его благодеяния принимаются с недоверием и не вызывают особой благодарности. Итак, никакой откровенности, никакой искренности. Невозможно получить самые простые сведения. Будучи людьми одной крови, господин и крепостной в своих взаимоотношениях оказываются представителями двух рас, существами разных пород. Как же примирить эти враждебные интересы, заключить мир и подписать новое соглашение?

Полагаю, что я верно осветил перед вами столь важный вопрос освобождения крепостных в России. Таково, на мой взгляд, состояние этого вопроса в настоящий момент. Каким же окажется его решение в будущем? Не знаю. Это превышает мою задачу и стоит за ее пределами. Мы не знаем, что происходит в бездонных глубинах крепостного населения. Одно лишь становится со дня на день все более очевидным: если желательно предотвратить великое общественное потрясение, если желательно помешать новому Спартаку поднять новое восстание рабов, — или лучше, не обращаясь к примерам из римской истории, — желательно воспрепятствовать тому, чтобы новый Пугачев поднял угнетенный народ против его угнетателей,[20] а русские жакерии, ужасные, как восстания ваших чернокожих в Сан-Доминго[21] или мятежи в наших военных поселениях, предали огню и мечу феодальные усадьбы, если, наконец, никто не хочет видеть, как топоры восставших пойдут в дело против штыков, охраняющих порядок,[22] то настала пора задуматься и поразмыслить.[23]

---

[19] Басня Ж. Лафонтена «Le vieillard et l'âne» («Старик и осел»).

[20] Пугачев — это крестьянин, казак, который в царствование Екатерины Великой поднял всю Украину, в нескольких сражениях разбил генералов императрицы и пошел на Москву: возможно, он и взял бы ее, если бы этому не помешала измена. За его голову была назначена награда, и сообщники выдали его. Эта своеобразная историческая личность мастерски изображена в повести Александра Пушкина, озаглавленной «Капитанская дочка». (*Примеч. Тургенева*).

[21] В 1791 г. в Сан-Доминго (восточная часть острова Гаити) произошло восстание негров и мулатов, перебивших всех белых плантаторов (см.: K. Rotteck. Allgemeine Geschichte, Bd. 9. Freiburg u. Breisgau, 1834, стр. 386—395).

[22] 8 июня н. ст. 1858 г. П. Меримо в письме к графине М. Монтихо сообщил о своей беседе с Тургеневым об эмансипации крепостных в России. Тургенев выражал уверенность, что в России произойдет революция, если крепостное право не будет уничтожено, и тогда все дворяне будут перевешаны (см.: *Merimée*, II, 2, стр. 540, см. также: A. Maurois. Tourguéniev. Paris, 1931, стр. 97).

[23] В Херсонской губернии уже вспыхнули сильные беспорядки, которые пришлось подавить со всей поспешностью, а виновников сурово по-

Из пятидесяти миллионов крепостных, населяющих обширные пространства России, четырнадцать миллионов, как говорят, принадлежат одному только царствующему дому. Не ему ли и подобает взять на себя инициативу, подать всем пример великодушия и сломить всякое противодействие, не столько именем высшей власти, сколько во имя карающей справедливости и отомщенной гуманности? [24]

ПИСЬМО ТУРГЕНЕВА О СМЕРТИ Н. В. ГОГОЛЯ

ИЗ ИСТОРИИ ПУБЛИКАЦИИ

В декабрьской книжке журнала «Русская старина» за 1873 г. под общим заглавием «По поводу кончины Н. В. Гоголя» была помещена подборка публикаций из «Московских ведомостей» 1852 г.[1] Четвертый раздел в ней составляет «Письмо Ивана Сергеевича Тургенева («Московские ведомости», четверг, 13-го марта 1852 г., № 32)».[2]

Редакция предполагала сопроводить письмо Тургенева примечанием, которое интересно тем, что в нем еще слышались отголоски борьбы различных общественных мнений вокруг кончины Гоголя и отклика Тургенева на нее. Текст этого примечания, написанный М. И. Семевским, сохранился в архиве «Русской старины». Приводим его: «*Примечание.* Для [контраста] противоположности с этим письмом, исполненным чувства любви и уважения к памяти усопшего великого писателя, напомним, что в „Русской старине“ (изд. 1872 г., т. V, стр. 481—482) было напечатано по поводу кончины Гоголя письмо Ф. В. Булгарина: в нем слышен резкий отголосок другой партии, тогда еще, в 1852 г., [бывшей] довольно многочисленной, [партии лиц] людей, не признававших [‹за› Гоголем]

карать. В этой губернии и во многих других крестьяне были убеждены, что новый император по случаю коронации издаст указ о всеобщей отмене крепостного права. Среди русских крестьян ощущается всеобщее лихорадочное ожидание свободы. (*Примеч. Тургенева*). — В Херсонской губернии в 1852, 1854 и 1856 гг. происходили волнения крестьян, подавляемые военной силой (см.: Крестьянское движение в России XIX века и начале XX века. Сборник документов. М., 1962, стр. 248—256, 284, 604, 683, 685, 710, 716, 719, 721, 725, 727).

[24] Недавним указом император Александр II повелел уничтожить военные поселения, отвратительное учреждение, изобретенное при его предке Александре I всемогущим и ненавистным временщиком графом Аракчеевым. Это был первый шаг на пути ко всеобщему освобождению. (*Примеч. Тургенева*). — Тургенев имеет в виду указ, опубликованный 1 мая 1857 г., в котором говорилось о подчинении округов пахотных солдат в Новгородской, Витебской и Могилевской губерниях общим постановлениям, действующим по удельному ведомству (см.: Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е, т. XXXII, отд. 1-е, № 3178. 1858, стр. 348).

[1] «Русская старина», 1873, № 12, стр. 954—958.

[2] Там же, стр. 957—958.

в Гоголе [не только] талантливого писателя, но даже осуждавших его литературную деятельность как вредную и безнравственную. Ред.».[3]

Здесь имелось в виду письмо Булгарина от 28 февраля 1852 г. к П. В. Хавскому, которому он писал: «...не могу догадаться, что заставило вас в двух письмах извещать меня о подробностях кончины и похорон Гоголя! <...> Если Гоголь для вас и московских полицейских ведомостей кажется *знаменитым* писателем, то он вовсе не таким кажется мне и Н. И. Гречу. <...> Никто не нанес пагубнейшего удара чистоте, правильности русского языка и изящному вкусу, как Гоголь. Партия *натуральной школы* возвеличила его, а почести, оказанные ему в Москве, не делают чести ее литературному вкусу».[4]

Почему редакция «Русской старины» сняла свое примечание к письму Тургенева? В этом же номере журнала перед упомянутыми выше материалами «По поводу кончины Н. В. Гоголя» были помещены воспоминания кн. Д. А. Оболенского «О первом издании посмертных сочинений Гоголя».[5] Оболенский характеризует «Письмо из Петербурга» Тургенева как выражение чувств тех, кто искренне заинтересован в судьбах русской литературы. По контрасту со статьей Тургенева он отмечает полное равнодушие высшего петербургского общества к утрате Гоголя и указывает на влияние «Северной пчелы» Булгарина на «высшие сферы». «Газета эта, — пишет Оболенский, — владея искусством действовать на слабые струны лиц, в то время власть имевших, была единственною представительницею общественного мнения в глазах этих лиц. Она умела опошлить и вместе с тем представить в опасном виде восторженные похвалы поклонников Гоголя».[6] К последним словам дано примечание: «До чего это доходило, видно из письма Ф. В. Булгарина 1852 г. по поводу смерти Гоголя; оно напечатано в „Русской старине“, изд. 1872 г., т. V, стр. 481—482. *Кн. Д. О.*». Таким образом, противопоставление Тургенева и Булгарина в известной мере уже содержалось в воспоминаниях Оболенского; и, вероятно желая избежать повторения, редакция журнала сняла примечание к письму Тургенева.[7] В рукописи Оболенского отсылки к публикации письма Булгарина нет.[8] По-видимому, она была перенесена сюда из предполагавшегося примечания к «Письму из Петербурга» Тургенева.

Г. В. Степанова

---

[3] *ИРЛИ*, ф. 265, оп. 1, № 12, л. 289. — Перед примечанием вверху слева помета М. И. Семевского: «боргесом ‹наименование шрифта›».

[4] «Русская старина», 1872, № 3, стр. 481—482. — Письмо Булгарина было снабжено примечанием редакции журнала: «Приведенное письмо писано Булгариным к известному ученому Петру Васильевичу *Хавскому* и служит довольно характеристическим выражением взглядов многочисленной в свое время партии противников *натуральной* школы в русской литературе. Ф. В. Булгарин был одним из вождей этой партии».

[5] Там же, 1873, № 12, стр. 940—953.

[6] Там же, стр. 949.

[7] Быть может, было принято в соображение и совпадение его с приведенным нами редакционным примечанием к письму Булгарина (см. примеч. 4).

[8] *ИРЛИ*, ф. 265, оп. 1, № 12, лл. 266—283.

«ДВОРЯНСКОЕ ГНЕЗДО»
О РЕАЛЬНОЙ ОСНОВЕ ОБРАЗА ПАНШИНА

В настоящее время в целом достаточно верно определены многочисленные реальные и бытовые источники «Дворянского гнезда».[1] Об одном из героев романа — Паншине — справедливо говорится как о персонаже, типизирующем «те круги чиновного дворянства, которые наиболее далеки от народной жизни».[2] Приведенное суждение требует, однако, дальнейшей конкретизации.

Изучение «Дворянского гнезда» в тесной связи с журнально-газетной публицистикой второй половины 50-х годов — эпохи, когда создавался роман, — позволяет установить некоторые литературные источники высказываний Паншина, наметить круг его возможных прототипов, тем самым уточнить жизненный смысл образа этого героя и в конечном счете отчетливее обозначить позицию Тургенева в общественной борьбе своего времени.

В романе воззрения Паншина раскрываются прежде всего в споре его с Лаврецким. Рассуждения Паншина передают атмосферу журнальных дебатов конца 50-х годов, когда в форме полемики о народности в науке, о значении бюрократии и централизации активно обсуждался вопрос о путях развития в России.

В рационалистических построениях «самонадеянного светского чиновника» Паншина в известной мере получили художественное отражение антинародные требования «западных доктринеров», печатавшихся на страницах «Русского вестника», «Атенея», «Отечественных записок», «Библиотеки для чтения», «Московских ведомостей» и «Санкт-Петербургских ведомостей». «Россия, — говорил Паншин, — отстала от Европы; нужно подогнать ее. Уверяют, что мы молоды, — это вздор; да и при том у нас изобретательности нет; сам Х‹омяко›в признается в том, что мы даже мышеловки не выдумали. Следовательно, мы поневоле должны заимствовать у других. Мы больны, говорит Лермонтов, — я согласен с ним; но мы больны оттого, что только наполовину сделались европейцами; чем мы ушиблись, тем мы и лечиться должны ‹. . .›. У нас, — продолжал он, — лучшие головы — les meilleures têtes — давно в этом убедились; все народы в сущности одинаковы; вводите только хорошие учреждения — и дело с концом».[3]

Этот монолог, очень важный для понимания образа Паншина, почти целиком был дополнительно вписан Тургеневым в черновую рукопись «Дворянского гнезда».[4] Стремясь к наибольшей жизненной достоверности, Тургенев, вероятно, считал, что в этих целях было бы недостаточно ограничиться только авторским пересказом «излияний» героя. Между тем спе-

---

[1] См. комментарий к роману «Дворянское гнездо»: *Сочинения*, т. VII, стр. 479—487.

[2] Там же, стр. 486.

[3] Цитаты из «Дворянского гнезда» приводятся по изданию: *Сочинения*, т. VII, стр. 123—294.

[4] Там же, стр. 358.

циально выделенные рассуждения Паншина с упоминанием конкретных исторических реалий, например со ссылкой на Хомякова, производили впечатление определенной цитаты и прозрачно намекали читателю 50-х годов на ее источник.

А. С. Хомяков в статье «Мнение русских об иностранцах» (1846), характеризуя русское просвещение, «лишенное самобытных начал», восклицал: «Весь этот блеск ума едва ли выдумал порядочную мышеловку. Таково последствие разрыва между просвещением и жизнию!».[5] Слова Хомякова стали общим местом в славянофильской публицистике и неоднократно повторялись и в 50-х годах в «Русской беседе» и «Молве». «Люди верхних слоев России в полтораста лет не произвели ничего самобытного в общем деле человечества»,[6] — говорилось, например, в передовой статье «Молвы» от 25 мая 1857 г.

Эти же мысли варьировались и публицистами западнического толка, в отличие от славянофилов объяснявшими недостатки русской жизни главным образом тем, что Россия «не доучилась у Европы».[7] Речь Паншина почти буквально воспроизводила подобные высказывания Б. Н. Чичерина, С. С. Дудышкина, Е. Корша и других либерально-западнических критиков.

«Может ли быть что-нибудь проще и обиходнее той мысли, что мы, русские, с помощью разумного учения можем догнать в образовании те народы, которые опередили нас на этом пути? <...> Период самостоятельности в этом смысле наступает уже после учения и имеет необходимым условием предшествовавшую подражательную деятельность», — писал, например, Б. Н. Чичерин в 1857 г.[8] Высказывания Чичерина, отрицавшего самостоятельность русского народа, явились крайним выражением точки зрения западнических критиков. Недаром славянофил А. С. Хомяков, суммируя программные требования последних, так передал их устами западника Запутина, героя своей пьесы «Разговор в Подмосковной»: «Мы не доучились и, следовательно, не можем еще подвигать науку вперед. Прежде, чем других поведешь, надо их догнать».[9]

Предваряя политические «излияния» Паншина, Тургенев писал: он «начал, по поводу известной „Думы“, укорять и упрекать новейшее поколение». Упреки Паншина, очевидно, не могли не напомнить читателю

---

[5] «Московский литературный и ученый сборник», М., 1846, стр. 151. — В реальных комментариях к «Дворянскому гнезду» названная статья Хомякова оказалась не учтенной. См.: *Сочинения*, т. VII, стр. 512.

[6] «Молва», 1857, 25 мая, № 7, стр. 81.

[7] «Русский вестник», 1857, № 3, стр. 227; там же, стр. 466. — Ср.: «Библиотека для чтения», 1857, № 5, стр. 38; «Отечественные записки», 1857, № 1, стр. 22.

[8] Б. Н. Чичерин. Дополнительная заметка о народности в науке. «Атеней», 1858, № 5, стр. 280—281. — См. также его работы: О народности в науке. «Русский вестник», 1856, т. 5, № 9, кн. 1, Современная летопись, стр. 14; Очерки об Англии и Франции. М., 1858, стр. VIII. — Ср.: «Московские ведомости», 1856, 22 сентября, № 114, Литературный отдел, стр. 482; 7 июня, № 68, Смесь, стр. 276; 16 июня, № 72, Литературный отдел, стр. 298; 19 июня, № 73, Литературный отдел, стр. 304, и т. д.

[9] «Русская беседа», 1856, № 2, Смесь, стр. 130.

50-х годов известных суждений С. Дудышкина, обвинявшего так называемых лишних людей в жизни и литературе словами стихотворения Лермонтова. «Они искатели сильных ощущений потому, что „в бездействии состарились"; потому, что „в начале поприща завяли без борьбы"; <...> они слишком самонадеянны, потому что вообразили про себя, будто они „богаты ошибками отцов и поздним их умом", будто они плод „до времени созрелый" и потому ни на что не годный»,[10] — писал С. Дудышкин в своей нашумевшей статье о «Повестях и рассказах И. С. Тургенева», изданных в 1856 г. Известно, что Тургенев остался недоволен этой статьей, о чем сообщал в своем письме к Е. А. Колбасину 26 января (7 февраля) 1857 г.[11]

Самоуверенная речь Паншина заканчивалась в романе следующими словами: «Пожалуй, можно приноравливаться к существующему народному быту; это наше дело, дело людей... (он чуть не сказал: государственных) служащих; но, в случае нужды, не беспокойтесь: учреждения переделают самый этот быт».

Эти идеи Паншина представляют собою квинтэссенцию мнений публицистов «Русского вестника» и «Атенея», особенно Б. Н. Чичерина, одного из крупных популяризаторов так называемой «государственной» теории. В магистерской диссертации «Областные учреждения России в XVII веке» (1856), защита которой в 1857 г. вызвала ожесточенную полемику между западниками и славянофилами, Чичерин доказывал возможность «вводить учреждения несвоевременные или противные народному духу» в целях «практической потребности установить порядок и стройность в государственном организме».[12] Точку зрения Чичерина разделял также и Е. Корш, когда писал, что общественные преобразования должны быть не столько следствием «внутреннего воздействия жизни народа», сколько результатом «внешних побуждений» государства, являющегося «орудием образованности».[13] Недаром Герцен замечал в письме к М. К. Рейхель от 19 (7) ноября 1858 г.: «...Чич<ерин> говорит, что Корш с ним во всем согласен».[14]

Особый интерес Тургенева к фигуре Чичерина в период создания «Дворянского гнезда» поддерживался и тем, что в декабре 1858 г. вспыхнула острая полемика между Чичериным и Герценом, ставшая важной вехой в борьбе последнего с «западными доктринерами». Одним из горячих защитников Герцена от нападок Чичерина был Тургенев.[15]

Разумеется, нет достаточных оснований утверждать, что герценовская оценка Чичерина во многом была учтена Тургеневым в процессе работы над образом Паншина. Однако небезынтересно отметить некоторое совпа-

---

[10] «Отечественные записки», 1857, № 1, Критика и библиография, стр. 15.

[11] *Письма*, т. III, стр. 86.

[12] Б. Чичерин. 1) Областные учреждения России в XVII веке. М., 1856, стр. 586—587; 2) Очерки об Англии и Франции. М., 1958, стр. 7—8; 3) О французских крестьянах. «Атеней», 1858, № 4, стр. 223—226; 4) Промышленность и государство в Англии. Там же, № 12, стр. 218.

[13] «Атеней», 1858, № 1, стр. 65.

[14] *Герцен*, т. XXVI, стр. 224.

[15] *Письма*, т. III, стр. 268, 590.

дение той характеристики, которую дал Чичерину Герцен в статье «Обвинительный акт» (1858), с характеристикой Паншина в романе Тургенева. Так, Герцен, противопоставляя свою позицию защитника народных интересов чичеринской точке зрения «административного прогресса», не без иронии писал: «Мы не представляли себя никогда ни правительственным авторитетом, ни государственными людьми».[16] «Государственным человеком» Герцен именовал Чичерина. Та же формулировка была использована и в «Дворянском гнезде»: Паншин причислял себя к «людям государственным», что вполне соответствовало идейному кредо этого преуспевающего чиновника.

Примечательно, что даже отдельные черты личности Паншина несколько напоминают черты личности Чичерина. Последний, по собственным словам, отличался «страстью к рисованию».[17] Паншин также наделен Тургеневым дилетантской склонностью «к художеству»: он «мило пел, бойко рисовал».

Недоброжелательное отношение Тургенева к Чичерину во второй половине 50-х годов не изменилось и впоследствии. «Я бы тебя вызвал на дуэль, если бы ты заподозрил меня в дружбе с Чичериным»,[18] — возмущенно писал Тургенев Герцену из Парижа 30 января (11 февраля) 1862 г., имея в виду поведение Чичерина во время студенческих волнений осенью 1861 г. Как сторонник государственности и бюрократии, Чичерин внушал студентам, что «первая и необходимая потребность разумного государственного порядка состоит в повиновении закону, и не только хорошему, но даже и дурному».[19]

В определении реальных источников образа Паншина немаловажное значение имеет и оценка этого героя современниками Тургенева. Так, типичность Паншина проницательно отметил Добролюбов, уловивший сходство между ним и другим героем Тургенева — Курнатовским из «Накануне», чиновником, лишенным «всего живого» и превратившимся «в автомата, мерно и неизменно совершающего то, что ему следует».[20] С отзывом Добролюбова совпало и мнение поэта А. Н. Плещеева, писавшего о Курнатовских: «Это всё проводители *бесстрастной идеи государства*, как они сами выражаются ‹...›. Они для известного принципа — узкого принципа — готовы принести в жертву самое святое человеческое чувство».[21]

Было бы неверно проводить прямую аналогию между Чичериным и образом Паншина в «Дворянском гнезде». Образ Паншина является собирательным. Приведенные сопоставления дают основания предполагать, что

---

[16] *Герцен*, т. XIII, стр. 405.

[17] Б. Н. Чичерин. Воспоминания. Москва сороковых годов. М., 1929, стр. 18.

[18] *Письма*, т. IV, стр. 335.

[19] Б. Н. Чичерин. Воспоминания. Московский университет. М., 1929, стр. 43.

[20] *Добролюбов*, т. VI, стр. 134—135.

[21] Шестидесятые годы. Материалы по истории литературы и общественному движению. Изд. АН СССР, М.—Л., 1940, стр. 457—458.

общественное поведение и антинародные программы «западных доктринеров» из «Русского вестника», «Атенея», «Отечественных записок», «Московских ведомостей» и явились для Тургенева тем жизненным материалом, в результате обобщения которого был создан образ Паншина. Так раскрывается конкретное содержание «комических и пошлых сторон западничества», против которых выступил в «Дворянском гнезде» Тургенев.

Г. Н. Антонова

ЭТЮД Г. БРАНДЕСА «ЛАВРЕЦКИЙ»

В собрании сочинений выдающегося датского критика Георга Брандеса опубликован этюд, носящий название «Лаврецкий» (Lavretsky, 1902).[1] Обращение Брандеса к тургеневской теме не было случайным. Датский критик, как и многие западноевропейские писатели конца XIX—начала XX в., увлекался миром идей и образов Тургенева.[2]

Уже первое упоминание имени Тургенева в письме к английскому критику Эдмунду Госсе от 22 декабря 1873 г. свидетельствует об искреннем восхищении Брандеса искусством русского писателя:

«Гейзе является моим личным другом <...> это весьма привлекательный талант. Мне кажется, что, как новеллиста, его превосходит лишь Тургенев, dont je suis fou (от которого я без ума). Его „Вешние воды" как раз в этом месяце привели меня в экстаз».[3] В 70-х годах Брандес с одобрением рецензировал «Записки охотника» (1876), в различных аспектах и разнообразных контекстах касался романов «Рудин», «Дворянское гнездо», «Отцы и дети», «Дым», «Новь», первым отметил факт влияния Тургенева на датскую реалистическую литературу.[4]

---

[1] G. Brandes. Samlede Skrifter. Bd. 16. Kjøbenhaven, 1906, стр. 281—285.

[2] Высказывания Брандеса о русских писателях — и о Тургеневе в том числе — привлекали внимание исследователей: М. П. Алексеев. Мировое значение «Записок охотника». В кн.: «Записки охотника» И. С. Тургенева. (1852—1952). Орел, 1955, стр. 113—114; В. П. Неустроев. Русская классическая и советская литература в скандинавских странах. «Ученые записки Военного института иностранных языков», 1948, № 4, стр. 88—90; К. Тиандер. К вопросу о международном значении Тургенева. В кн.: К. Тиандер. Датско-русские исследования, вып. II. СПб., 1913, стр. 49—288 (см. также: K. Tiander. Turgenjev i dansk Aandsliv. Kjøbenhavn, og Kristiania, 1913); J. Fjord-Jensen. Turgenjev i dansk åndsliv. Studier i dansk romankunst 1870—1900. København, 1961, и пр. — Однако специальных работ об отношении датского критика к Тургеневу не существует.

[3] G. Brandes. Correspondance. Lettres choisies et annotées par P. Krüger. II. L'Angletterre et la Russie. Copenhague, 1956, стр. 22. — В письме к жене (апрель 1874 г.) Брандес утверждал, что по сравнению с Тургеневым не только Гейзе, но и Шпильгаген — «очень малы» (см.: B. Nolin. Den gode européen. Studier i Georg Brandes' idéutveckling 1871—1893. Uppsala, 1965, стр. 231).

[4] G. B (randes). New Danish and Norwegian Poetry. «The Academy», № 11, 1879. — См. также: J. Fjord-Jensen. Turgenjev i dansk åndsliv, стр. 307.

В 80-х годах Брандес выступил со специальной статьей о Тургеневе,[5] в основу которой положил мысль о неразрывности и животворности единства передовой западноевропейской и русской культур, о несовместимости национальной замкнутости с общеевропейским культурно-социальным прогрессом.

Главным отличительным признаком Тургенева-писателя Брандес считал его «меланхолию мыслителя». Но это не только абстрактная и загадочная «меланхолия славянской души», не только имманентный трагизм мировосприятия Тургенева и фатальное бессилие его героев перед неумолимым роком, но и грусть, порожденная прискорбными условиями действительности. Тургенев, по Брандесу, — истинно русский человек, с такими чертами русской национально-культурной самобытности, как «широкая натура без мелочности, без узости, без лукавства», «радикализм во всем», «чутье действительности», «реализм». Как истинному патриоту, Тургеневу в высшей степени присуще «западничество», т. е. «восприимчивость к чужестранному», означающая сочувствие общеевропейскому культурно-освободительному движению, внимание ко всему лучшему в европейской литературе. Художественную манеру Тургенева определяет правдивость и задушевность, его тонкое и глубокое умение рисовать душевную жизнь, гениальная «простота», роднящая его с Шекспиром.

Центральной темой творчества Тургенева Брандес считал весьма волновавшую его самого проблему идейного взаимоотношения поколений, «отцов и детей». По его мнению, «все хорошие романы должны трактовать о двух поколениях; пережив множество кризисов, Тургенев понял это, и его глубокая книга „Новь“ ‹...› показывает, как много можно извлечь из этой темы».[6] В статье о Тургеневе Брандес восторженно писал об «Отцах и детях» — «несравненном, мастерском произведении, послужившем образцом для всех новейших романов в различных странах, в кото-

---

[5] Впервые опубликована в качестве некролога в датской и шведской газетах (G. Brandes. Iwan Turgenjew. «Morgenbladet», 11 и 12 сентября 1883 г., и «Göteborgs Handels- och Sjöfarts-Tidning, 14 и 19 сентября 1883 г.), затем, после незначительной стилистической обработки, включена в сборник критических работ Брандеса (G. Brandes. Moderne Geister. Berlin, 1887) и в том «Русских впечатлений» (G. Brandes. Indtryck fra Rusland. Kjøbenhavn, 1888), неотъемлемой частью которого статья и является в ее окончательном варианте. Статья неоднократно переводилась на русский язык — см., например: Г. Брандес. 1) Этюд [Иван Тургенев]. В кн.: Иностранная критика о Тургеневе. СПб., 1884, стр. 37—65 (переиздана: 1888, 1908); 2) Иван Тургенев. Пер. с нем. из кн.: Moderne Geister (Берлин, 1887). СПб., 1888; 3) Тургенев. Пер. с датск. под ред. М. В. Лучицкой. В кн.: Г. Брандес, Собрание сочинений в двенадцати томах, т. IV, Киев, 1902, стр. 135—153; 4) Россия. Наблюдения и размышления. В кн.: Г. Брандес, Собрание сочинений в двадцати томах, т. 19, СПб., ‹1913›, стр. 186—221, и др.

[6] Письмо к Бьёрнстьерне Бьёрнсону от 22 февраля 1878 г. См.: Georg og Edvard Brandes. Brevveksling med nordiske Forfattare of Videnskabsmend, Bd. 4. Kjøbenhavn, 1939, стр. 27.

ром дискутируются отношения между старшим и младшим поколением и взаимная борьба между ними...».[7]

О «Дворянском гнезде» в статье Брандеса не говорится ничего;[8] но и в этом романе датского критика, не сумевшего в 80-х годах найти общий язык с младшим поколением скандинавских реалистов, привлекла созвучная его настроению элегическая тема грусти о невозвратимости былого и о трагическом расхождении между «отцами» и «детьми». Брандес писал жене 26 ноября 1881 г.: «Я чувствую себя как ‹...› Лаврецкий в конце книги Тургенева „Дворянское гнездо“ (которая переведена на датский), когда он в последней главе возвращается и видит, что выросло новое поколение».[9]

Статья о Тургеневе едва ли не в большей степени, чем другие сочинения Брандеса 80-х годов, проникнута личным чувством. Как и Тургенева, Брандеса ввергали в состояние «меланхолии» условия жизни в его отечестве, казавшиеся ему во многом похожими на русские. Неблагодарные соотечественники отнеслись к Брандесу так же, как к Тургеневу, который, по словам критика, «в молодости пользовался большой популярностью, затем возбудил против себя много вражды»,[10] и у Брандеса, как у Тургенева, «глубокое впечатление о людской неблагодарности сохранилось до последних дней».[11] «Стихотворениям в прозе», интимнейшему из тургеневских созданий, Брандес посвятил строки: «В этом замечательном собрании стихотворений ‹...› Тургенев в последний раз лицом к лицу встречается с тайной бытия и указывает на нее с бесконечной грустью своими символическими образами и грезами. Природа сурова и холодна, пусть же люди не пропускают случая любить».[12]

В 90—900-х годах Брандес создал «Образы и думы» (Skikkelser of Tanker) — эскизы и этюды; некоторые из них в идейно-композиционном и жанровом отношении близки к тургеневским «Стихотворениям в прозе». Как и эти последние, «думы» Брандеса представляют собой лирические монологи или притчи, написанные почти ритмической прозой.

---

[7] G. Brandes, Samlede Skrifter, Bd. 10, стр. 506.

[8] «Дворянское гнездо», опубликованное в Дании в талантливом переводе Вильгельма Мёллера (1875; переиздано: 1890, 1910), могло быть известно Брандесу и в переводах на немецкий и французский языки, а также на шведский (1878). Некоторые произведения скандинавских писателей, например роман датчанина Германа Банга «У дороги» (Ved vejen, 1886), во многом копируют сюжет и композицию «Дворянского гнезда» (см. комментарий М. П. Алексеева: *Сочинения*, т. VII, стр. 502—503), и это подмечено Брандесом в отношении повести норвежского новеллиста Кристиана Эльстера «Опасные люди» (Farlige Folk, 1881) еще в 1882 г. По словам Брандеса, соответствующие сочинения Эльстера и Тургенева «описывают одно и то же положение ‹...› Эльстер заимствовал у Тургенева сюжет, но сгустил краски с неумолимой строгостью» (G. Brandes. Kristian Elster. В кн.: G. Brandes, Samlede Skrifter, bd. 3, стр. 422—423).

[9] См.: B. Nolin. Den gode européen, стр. 231.

[10] G. Brandes. Samlede Skrifter, Bd. 10, стр. 509.

[11] Там же, стр. 510.

[12] Там же, стр. 511.

Некоторые из «дум», являющиеся эстетизированными размышлениями о волновавших их автора проблемах, своим происхождением и даже заглавиями обязаны непосредственно Тургеневу. К их числу и принадлежит этюд «Лаврецкий».

Сочинение это посвящено теме «отцов и детей», которую Брандес искони почитал тургеневской, но которую здесь решил по-своему, подчеркнув то, что соединяет, а не разделяет старое и молодое поколения. Мысль эта скрепляет иллюстрирующую ее цепь воспоминаний автора о встречах и с «отцами», и с «детьми»: такова фабула произведения. Полюбившийся Брандесу тургеневский образ, как бы осеняя каждый эпизод, организует разрозненные картины в единую стройную композицию. С чувством светлой грусти, пронизывающим все сочинение, датский автор намерен «следить за тем, как поколение сменяется поколением и наследует добрый дух ушедших предков».

Монолог свой Брандес начинает непосредственно с обращения к тургеневскому образу: «Случается, что с необыкновенной силой возникает ощущение жизни и времени, не там, где живешь постоянно и где жизненный горизонт смещается незаметно для взора, и день идет за днем, но в тех местах, которые посещаешь после долгих лет разлуки, и в той обстановке и среди тех людей, которых не видал многие годы. Внутренне ощущаешь, что ты тот же, что и в юности, и, однако, вот дожил до старости, и взором окидываешь фазы человеческой жизни. Тургенев окрасил подобным чувством конец „Дворянского гнезда“, когда Лаврецкий обнаруживает, что выросло новое поколение, из своей верхней комнаты слышит, как под ним играют и шумят. Лаврецкий ощущает себя стариком (как и сам Тургенев), и ощущение это, раздражающее и успокаивающее, мешает ему со свежими чувствами взглянуть на оба поколения». И автору вспоминается встреча с дочерью покойного друга его юности, с «высокой и стройной флорентинкой, ставшей парижанкой, которая ведет себя, как и подобает настоящей даме. Но в этот самый момент перед внутренним взором возникает крошечная гостиная, где она двухлетней бегала вокруг стола, а ее родители стояли тут же, и картину эту видишь ничуть не менее живо, чем теперешнюю... И живехонек возникает перед духовным взором ее двадцатичетырехлетний отец, друг юности <...> Здесь его никто не знает, ни тесть, ни родители невестки. Никто из них никогда не видел его. Здесь он живет только в воспоминаниях молодой дамы и в твоих собственных. А она ведь не носит более его имени». Является и другое навевающее грусть воспоминание — о встрече с «седовласой дамой», некогда очаровательной молодой особой.

Но автор решает взять себя в руки и преисполниться теми самыми «свежими чувствами», которых, по его словам, так не хватает тургеневскому герою.

«Для того, кто помнит Ренана молодым, полным сил человеком, странно видеть его дочь стоящей между своими взрослыми детьми. Но это зрелище не печально, наоборот. Фру Псишари (Psichari) унаследовала от своего отца духовное мужество вместе с его душевной тонкостью, и его шутливое высокомерие светится в чертах ее лица, красивые линии кото-

рого напоминают о нем. В доме Жана Псишари есть алтарь со священным пламенем, которое горело при жизни Эрнеста Ренана, да, весь этот гостеприимный дом является храмом свободного духа и духовного аристократизма. Элита Франции собирается у дочери Ренана. Но ее взрослые сыновья говорят о французском социализме (вся семья — социалисты) <...>. Эта молодежь оттесняет в прошлое людей, которых ты почитал в юности, и превращает их в далеких предков, в великанов былого, так что спрашиваешь себя, к какому времени принадлежишь ты сам».

И автор с гордостью причисляет себя к поколению «отцов»: его представители, многие из которых еще живы, достойно исполнили и до сих пор выполняют свой долг перед европейской культурой.

Вот две европейские знаменитости, «с неиссякаемой энергией каждая по-своему сохраняющие свои места в жизни». Одна из них, Сара Бернар, «дала свое имя театру и еще играет каждый вечер, ведет, кроме того, все дела театра, читает пьесы и ставит их на сцене <...>. Какое утешение, что есть такие, как она, существа, несокрушимые, деятельные, несдающиеся». Другая знаменитость — Эмиль Золя, «упорная воля которого столь же сильна и еще более возвышенна. Как романист, с годами он претерпел эволюцию, уведшую его далеко от натурализма, который он проповедовал в молодости, и приблизившую его к таким великим утопистам, как Толстой. Но в последние годы Золя пожал совершенно новые лавры героическим выступлением в верховном суде Франции. В то время, когда молодежь молчала, он, человек почти шестидесяти лет от роду, спас честь литературной Франции. Не тщеславие или честолюбие руководило им. Перед глазами у него было только дело. <...> Золя остался один на один с делом и в этой борьбе достиг недосягаемой высоты морального величия».

Однако на смену европейцам-«отцам» пришла не менее достойная молодежь — русская, ибо в молодой России Брандес видел будущее культурной Европы.[13] Рассказ о встрече с русскими студентами, написанный с наивысшим подъемом, завершает цепь воспоминаний и медитаций, навеянных тургеневским образом,

«Но вот ко мне вторгается стайка русской молодежи, юные бородачи с улыбками на устах и серьезностью во взоре, жадные до знаний, талантливые, рассеянные, подчас ленивые, постоянно готовые пострадать за свободу, борьба за которую обрекает на тюрьму, юные девушки самой разной наружности, некоторые невидные, бедно одетые, настолько бедные, что вряд ли им хватает на хлеб, но которым букет левкоев мог бы заменить трапезу. Одна из них сидела здесь прошлым утром и плакала горькими слезами о 900-х юных студентах и студентках, которых внезапно арестовали и выслали домой в Россию. Она стремилась на родину, не хотела оставаться здесь, желала пострадать с остальными <...>. Другие из этих

---

[13] Об этом датский критик заявлял неоднократно. Вот, например, как говорится о России в его книге «Русские впечатления»: «...когда мы напрягаем зрение, всматриваясь в дали этой страны, не видим ли мы будущее самой Европы?» (G. Brandes, Samlede Skrifter, Bd. 10, стр. 325).

девушек статны, элегантны, с осанкой и манерами княгинь. И родителей их я знавал, когда они были немногим старше, чем их дочери теперь, и я вижу их перед собою, художественно одаренного, мудрого отца и миниатюрную, смелую, откровенную, простосердечную мать, а теперь отец стар, и мать умерла, и эта блестящая молодежь заступила их место».

И. Брандес эффектно завершает свое произведение тем, с чего начал, — обращением к своему вдохновителю, Тургеневу:

«Все-таки Тургенев явил себя гением, нарисовав своего Лаврецкого».

Д. М. Шарыпкин

«НЕСКОЛЬКО МЫСЛЕЙ О СОВРЕМЕННОМ ЗНАЧЕНИИ РУССКОГО ДВОРЯНСТВА»

НЕОКОНЧЕННАЯ СТАТЬЯ ТУРГЕНЕВА

В XIV томе сочинений Тургенева впервые публикуется незаконченная статья Тургенева о русском дворянстве, относящаяся к 1858 г.[1] — году создания романа «Дворянское гнездо».

В статье нашли место размышления писателя о социальном значении готовившейся в России и долгожданной для Тургенева крестьянской реформы.

Еще в 1842 г., готовясь к поступлению на службу в Министерство внутренних дел, молодой Тургенев изложил в официальной записке свои соображения о «неудобстве» крепостных отношений для русского крестьянина и русского хозяйства.[2]

В записке говорилось о необходимости осветить «с достаточной полнотой» те же проблемы и в применении к дворянскому классу: «с вопросом о будущности земледельческого класса сопряжено много других равно важных вопросов: о будущности, о значении нашего дворянства».[3]

Содержанием статьи 1858 г. именно и являются размышления писателя о будущности, о значении дворянского класса в связи с крестьянской реформой, о коренном изменении быта дворянства, лишенного сословных привилегий и права на владение душами. Основной тезис автора, — что владение крестьянами не является чертой, определяющей сущность дворянства как класса, — подкрепляется исторической справкой о происхождении дворянского сословия и крепостного права в России и о существенном отличии этого процесса от аналогичных явлений на западе.

---

[1] Автограф находится в Национальной библиотеке (Париж). Статья не имеет даты и заглавия. Последние устанавливаются по письмам Тургенева к Ег. П. Ковалевскому от 25 сентября и к Н. А. Основскому от 30 декабря ст. ст. 1858 г., а также по объявлениям программы газеты «Московский вестник» на 1859 г. См. об этом.: *Сочинения*, т. XIV, примечания к статье «Несколько мыслей о современном значении русского дворянства» (стр. 568—571).

[2] См.: *Сочинения*, т. I, стр. 459—472; 629—632.

[3] Там же, стр. 469.

Усматривая в службе «земле», службе государю основную функцию наиболее просвещенного сословия, Тургенев в статье 1858 г. писал: «Мы позволяем себе напомнить читателю, что дворянство русское существовало до окончательного закрепощения крестьян, что, следовательно, владение людьми не составляет отличительную принадлежность дворянства, его коренного начала и что поэтому есть причины предполагать, что после освобождения крестьян дворянство, хотя измененное, будет существовать — и приносить пользу, или, говоря точнее, что оно будет существовать, пока будет приносить пользу».[4]

Как видим, в статье развивается тема, намеченная Тургеневым еще в 1842 г. Важно отметить, что в статье 1858 г. повторяются иногда не только мысли, но и отдельные выражения из записки 1842 г. Например, о происхождении дворян в 1842 г. говорилось: «Они явились в Россию выходцами, не победителями... русскими дворянами были родовые князья, наследовавшие Русь...»; в статье 1858 г.: «Наши дворяне не завоеватели. Они — выходцы, частью потомки князей, представителей вотчинного, семейного — не феодального начала».

В 1842 г.: «Тогда как на Западе семейный круг сжимался и исчезал при непрестанном расширении государства, в России всё государство представляло одно огромное семейство, которого главой был царь, „отчич и дедич" царства русского...».

В 1858 г.: «Россия не была сочленена, она представлялась государством, расширенным до семейственного государства ‹...›, в России всей землей владел царь как вотчиной, как наследством, перешедшим к нему от отцов и дедов...».

Таким образом, зависимость, существующая между статьей Тургенева 1858 г. о русском дворянстве и статьей 1842 г. о русском крестьянине, несомненна: в 1842 г. писатель наметил для себя ряд тем, которые затем и воплощались последовательно в его художественном и публицистическом творчестве. До сих пор о «Записке» 1842 г. существовали разные суждения: некоторые видели в ней только документ официального назначения, написанный с позиций консервативного дворянства;[5] другие гораздо шире и точнее определяли круг идейных влияний на Тургенева в период создания «Записки», включая в этот круг Пушкина, Белинского, М. Бакунина и современную европейскую «науку государственного хозяйства», по выражению самого Тургенева.[6] Была попытка обратиться и к творчеству Тургенева периода его службы в Министерстве внутренних дел — в той мере, в какой отложились у писателя в его произведениях впечатления, вынесенные из общения с петербургским чиновничеством.[7] Однако, на наш взгляд, «Записка» 1842 г. нуждается в сопоставлении с творчеством Тургенева не только по линии биографически-бытовой, но и по содержащейся

---

[4] Там же, т. XIV, стр. 300—302.

[5] Полемическую оценку подобных взглядов см.: «Ученые записки Карело-финского университета», 1949, т. III, вып. 1, стр. 69.

[6] См.: *Сочинения*, т. I, стр. 630.

[7] «Ученые записки Саратовского университета им. Н. Г. Чернышевского», 1957, т. LVI, вып. филол., стр. 179—180.

в ней проблематике. Если проследить внимательнее за тем, что отличает индивидуальную мысль Тургенева от общепринятых, приличествовавших официальному документу положений, то мы увидим в статье прежде всего «заявку» на право посвятить все внимание земледельческому классу, поскольку «вопрос о значении земледельческого класса уже сам по себе чрезвычайно важен ‹...› Он сопряжен с вопросом о будущности России вообще». «Записки охотника» и были осуществлением такого права.

Ссылаясь на личные наблюдения в Орловской губернии, которые дали возможность «познакомиться с русским крестьянином и с русским помещиком», автор выдвинул в своих впечатлениях на первое место картину перехода от старых, патриархальных отношений в деревне к новым, капитализирующимся, выразив при этом сожаление, что пределы статьи не позволяют ему «входить в подробную характеристику русского крестьянина».[8] Как известно, задача эта была осуществлена уже в первом очерке цикла — в «Хоре и Калиныче».

Получили художественное преломление в «Записках охотника» и другие названные Тургеневым «замечательнейшие черты настоящего положения» — «недостаток законности и положительности в отношении помещиков к крестьянам», зависимость последних «от прихоти владельцев», «нерадение богатых владельцев», «бедность мелкопоместных дворян», «неуместность и отяготительность» учреждений старого быта и т. д. и т. п.

В «Записке» 1842 г., как и в «Записках охотника», мысль автора устремлена к выводу о необходимости отмены крепостных отношений. Но не только с «Записками охотника» соотносятся многие положения статьи Тургенева. Есть основание утверждать, что и «Дворянское гнездо», отнесенное по времени действия к 1842 г., содержит ряд мотивов, впервые возникших в статье. В романе значительное место занимают размышления писателя о судьбах многих поколений русского дворянства и о нравственных началах, на которых могут строиться отношения между помещиком, способным разумно хозяйничать, и крестьянами, осознавшими свои права и свое человеческое достоинство. Именно таким, как Лаврецкий, научившийся «хорошо пахать землю» и нравственно постигший «народную правду», представлял себе Тургенев полезного деятеля земли русской на новом этапе ее истории. В статье 1842 г. среди прочих «важнейших неудобств» русской жизни Тургенев называл бесполезное *проживание* дворян в своих имениях или «нерадивое отдаление» от них, неумение и нежелание усовершенствовать состояние хозяйства.[9] Тезисам о «недостатке законности и положительности в самой собственности» и в «отношении помещиков к крестьянам»,[10] с одной стороны, о «весьма слабом развитии чувства гражданственности, законности в самих крестьянах»,[11] с другой стороны, прямо соответствует черновой вариант текста

---

[8] *Сочинения*, т. I, стр. 462—463.
[9] Там же, стр. 469.
[10] Там же, стр. 463.
[11] Там же, стр. 465.

в эпилоге «Дворянского гнезда», где речь идет о жизненном итоге Лаврецкого: «...он обеспечил и упрочил быт своих крестьян, поднял их нравственно, вселил в них, вместе с сознанием упроченной собственности, чувство обязанности — и чувство права (те чувства, которыми до сих пор еще бедна богатая русская душа)».[12]

Второй важнейший момент в «Записке» 1842 г. — это суждение автора о самобытности исторического развития России: «Против истории своего народа, против той необходимой последовательности, которая проникает все проявления народной жизни, невозможно и грешно действовать». Этот же вопрос находится в центре спора Лаврецкого и Паншина в романе «Дворянское гнездо», — спора, в котором ревнитель «народной правды» одерживает победу над сторонником «надменных переделок с высоты чиновничьего самосознания — переделок, не оправданных ни знанием родной земли, ни действительной верой в идеал, хотя бы отрицательный».[13] Неприемлемый для Лаврецкого деспотизм централизации был неприемлем и для самого Тургенева, о чем он прямо и писал в «Записке» 1842 г.: «...я полагаю, всякая централизация едва ли не вредна».[14] Изменение и обновление сельского быта должно было совершаться, по мнению автора «Записки», «медленно, постепенно; и не совершится, если не всё дворянское сословие будет участвовать в этом перевороте».[15] Это — одна из ведущих мыслей «Дворянского гнезда», и она же лежит в основе статьи Тургенева «Несколько мыслей о современном значении русского дворянства», начатой в конце 1858 г., после завершения работы над «Дворянским гнездом». Статья эта является своеобразным комментарием к некоторым реалиям романа. В романе социальная проблематика обнаруживается в самой сюжетной коллизии, в характеристике разных представителей дворянского сословия, в отдельных эпизодах, имеющих символический смысл, — вспомним хотя бы возвращение Лаврецкого в свое захиревшее сельцо Васильевское (гл. XX), где «всегда, во всякое время тиха и неспешна жизнь», где герой обретает глубокое чувство родины и нравственные силы к деятельности. В заботах о земле, об улучшении быта крестьян нашел свое призвание и свое дело Лаврецкий — дворянин с демократическими устремлениями.

В статье о значении дворянства эти же социальные проблемы раскрываются публицистически. О дворянстве, его роли и его правах писали в то время деятели самых различных политических ориентаций, так как крестьянская реформа затрагивала прежде всего сословные интересы.

Сторонники «плантаторской точки зрения», боявшиеся ущемления своих сословных прав и не желавшие никаких реформ, яростно отстаивали историческую «законность» крепостного права;[16] об усилении роли

---

[12] Там же, т. VII, стр. 376.
[13] Там же, стр. 232.
[14] Там же, т. I, стр. 468.
[15] Там же, стр. 467—468.
[16] Об этом писали магистр законоведения Н. Безобразов в статье «Об усовершении узаконений, касающихся до вотчинных прав дворянства»,

дворян, об ограничении прав бюрократической и придворной камарильи писали буржуазные конституционалисты и либералы, предпочитавшие освобождение крестьян «сверху» освобождению их «снизу»; о социальных отношениях, основанных на нравственных, а не юридических нормах, писали славянофилы, ратовавшие за отречение дворянства от сословных привилегий; о полной исчерпанности исторической роли дворянства в эпоху экономического переворота писали представители революционно-демократической мысли.[17] К 1858 г. относится и «Записка о дворянстве» Л. Н. Толстого, не увидевшая света, как и статья Тургенева, но отразившая стремление автора к скорейшему освобождению крестьян на любых условиях. Л. Н. Толстой считал несправедливостью, что отмена крепостнических отношений вменялась в заслугу слабой и трусливой власти, в то время как дело это целиком зависело от дворянства, добровольно отказавшегося от половины своих доходов.[18]

Какую же позицию занимал Тургенев в споре о дворянстве, развернувшемся на страницах периодической прессы?

Трудно делать заключения по незавершенной статье, но мысли, которые автор успел высказать, свидетельствуют о том, что это была позиция, резко враждебная по отношению к убежденным крепостникам, указывавшим «на личное владение душами как на отличительный, осязательный признак, на симптом дворянства», и полемическая по отношению к историкам, представлявшим «государственную школу», а также по отношению к отрицателям прогрессивной роли образованнейшего сословия, возможностей его изменения, пользы его будущих жертв, трудов и «служб». В последнем случае полемика писателя имела адресом статью Н. Г. Чернышевского «Русский человек на rendez-vous», написанную в результате

А. Покорский-Жоравко в статье «Что нам стоило крепостное право» и др. (см.: «Русский вестник», 1858, т. XVI, июль, кн. I, Современная летопись, стр. 27; т. XVIII, ноябрь, кн. II, стр. 198). На страницах «Русского вестника» систематически печатались и другие статьи о дворянстве, содержавшие либеральную оценку реформы, популяризировавшие взгляды на этот вопрос Вильгельма Риля и Макса Дункера (см.: В. Безобразов. 1) О сословных интересах. Мысли и заметки по поводу крестьянского вопроса. «Русский вестник», 1858, т. XVII, сентябрь, кн. I; 2) Аристократия и интересы дворянства. Там же, 1859, т. XIX, январь, кн. 2; Г. В. Вызинский. Западная Европа в дофеодальную эпоху. Очерки сравнительной истории политических учреждений и сословных отношений Франции, Англии и Германии. Там же, кн. 2 и февраль, кн. 1). Тургенев был несомненно знаком с этими статьями. Так, заключенное в кавычки выражение «класс земледельцев, которые в то же время и землевладельцы» (стр. 300) имеет соответствие с названной выше статьей В. Безобразова «О сословных интересах», где говорится: «Но помещик, в своем общественном, нравственном и экономическом значении, есть тот же земледелец, как и крестьянин <...>. Помещик — потенцированный крестьянин, — по меткому выражению Риля...».

[17] См. об этом подробнее в книге: Н. Г. Сладкевич. Очерки истории общественной мысли в России в конце 50-х—начале 60-х годов XIX века. Л., 1962, стр. 87—136.

[18] *Толстой*, т. 5, стр. 266—270. — Ср. письмо к Д. Н. Блудову от 9 июня 1856 г.: там же, т. 60, стр. 64—67.

размышлений над повестью Тургенева «Ася» и содержавшую вывод о деградации дворянства как класса.[19]

В историческом обзоре сословных отношений в России Тургенев также занимал позицию, противоположную Чернышевскому. Вслед за Карамзиным и историками славянофильского направления Тургенев исходил из представления об исконном союзе «земли и власти», народа и государства в России, в отличие от Европы, где государственность складывалась по праву завоевания («в силу покоряющего меча»). Эта теория противостояла не только взглядам Чернышевского, который на примере классовой борьбы во Франции доказывал неизбежность сословного антагонизма в истории любой страны, в том числе и России,[20] но и взглядам представителей так называемого «государственного» направления в русской истории — Б. Н. Чичерина, С. М. Соловьева, К. Д. Кавелина. Выступая сторонниками «централизации» сильной самодержавной власти, эти ученые оправдывали задачами «государственной необходимости» любую акцию социального угнетения, в том числе и закрепощение крестьян. Значительное место в их концепции отводилось эпизодам борьбы царизма с дворянской фрондой.[21] Русские буржуазные историки названного направления находились под сильным воздействием трудов Монталамбера и Токвиля по истории Англии и Франции.[22] Из материалов, приводившихся в этих трудах, следовало, что одной из первопричин «насильственных переворотов», т. е. революций, являются сословные распри.

Горячим поклонником идей Монталамбера и Токвиля заявил себя близко стоявший к славянофильским кругам публицист В. А. Черкасский.[23] В отличие от «государственников», он истолковывал факты, приводив-

---

[19] Статья Н. Г. Чернышевского была напечатана в «Атенее» (1858, ч. 3, № 18, стр. 65—89); см. о ней в примечаниях Л. М. Лотман к «Асе» Тургенева: *Сочинения*, т. VII, стр. 434—435.

[20] См.: Н. Г. Чернышевский. Борьба партий во Франции при Людовике XVIII и Карле X. «Современник», 1858, № 9, стр. 133—184.

[21] Б. Н. Чичерин. 1) Опыты по истории русского права. М., 1858; 2) Об аристократии, в особенности русской. «Голоса из России», 1858, ч. III, Лондон; С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, тт. 1—23. СПб., 1851—1879. — Тома 1—5, посвященные формированию русского государства, выходили в 50-х годах XIX в.; в «Исторических письмах» С. Соловьева, посвященных истории русского дворянства, прямо оспаривались «старые толки о различии наших и западных общественных отношений, на том основании, будто бы на западе было завоевание, а у нас его не было» («Русский вестник», 1858, № 5, стр. 216); историю дворянского сословия в его взаимоотношениях с государством излагал и Н. Устрялов в особом разделе труда «Русская история» (см.: изд. 5, СПб., 1855, ч. 1, гл. VIII, отд. II, стр. 379—384).

[22] De l'avenir politique de l'Angleterre. Par le comte Montalembert. Paris, 1856 (О политической будущности Англии, соч. гр. Монталамбера); L'ancien régime et la révolution. Par Alexis de Tocqueville, Paris, 1856 (Старый порядок и революция, соч. Токвиля); Б. Н. Чичерин. Очерки Англии и Франции. М., 1858; Н. Г. Чернышевский. Г. Чичерин как публицист. «Современник», 1859, № 5, стр. 28—58.

[23] В. А. Черкасский. О сочинениях Монталамбера и Токвиля. «Русская беседа», 1857, т. II, кн. 6, Критика, стр. 23.

шиеся французскими историками, не в пользу идей централизации, а в пользу идей, ориентировавшихся на восстановление «здоровых нравственных норм» средневековой общественной жизни, но при этом он, как и «государственники», исходил из общности исторического процесса в России и на Западе. На этом основании Тургенев обрушился с критикой и против Черкасского. Так, ядовитые слова Тургенева — «Одна только страсть к отыскиванию натянутых аналогий могла находить сходство между мыслью Ивана В. Грозного и мыслью Людовика XI» — относились именно к статье В. А. Черкасского «О сочинениях Монталамбера и Токвиля», содержавшей следующее суждение: «Они ‹Токвиль и Монталамбер› не сочувствуют централизации, равно чуждой древней Европе и древней России, ни политике Людовика XI и Ришелье, этих западных типов наших Иоанна IV и Петра Великого, ни столь любезной у нас многим теории насильственного воспитания общества посредством государства».[24]

В других отношениях Тургенев во многом солидаризировался с В. А. Черкасским, который был ближайшим собеседником писателя в 1857 г. в Риме, где им обоим довелось встретить первые вести об освобождении крестьян в России. По признанию Тургенева,[25] Черкасский, как пылкий оратор, публицист и активный деятель подготовлявшейся реформы, оказал тогда большое влияние на писателя — при его участии Тургенев составлял программу журнала «Сельскохозяйственный указатель», по его просьбе писал письмо в редакцию газеты «Le Nord» в защиту славянофилов, обвинявшихся в равнодушии к крестьянской реформе;[26] по всей вероятности, беседы с Черкасским преломились как-то и в статье Тургенева о значении дворянства, поскольку в своей публицистической деятельности Черкасский выступал как «друг просвещенного дворянства», ратовавший за расширение прав дворян в местном самоуправлении.[27]

В статье о современном значении дворянства Тургенев выступает как внимательный читатель «Русской беседы». Самая терминология этой статьи, заостренная авторскими кавычками и оговорками (например: «...мы с намерением употребляем здесь слово „земля“, а не позднейшее европейское слово „государство“»), была близка к славянофильским журналам. О знакомстве с «Русской беседой» свидетельствует также тезис Тургенева о случайном и почти неузаконенном характере крепостного права в России[28] — тезис, отличавшийся от официальной, установленной

---

[24] Эти слова, — возможно, по совету Тургенева, — были исключены автором из статьи, опубликованной в «Русской беседе» (1857, т. II, кн. 6), и были восстановлены по черновой рукописи лишь при перепечатке этой статьи в посмертном издании: Князь В. А. Черкасский. Его статьи, его речи и воспоминания о нем. М., 1879, стр. 141.

[25] См. письмо Тургенева к А. В. Головнину от 19 (31) января 1881 г.: *Письма*, т. XIII, кн. 1, стр. 44.

[26] См.: *Сочинения*, т. XV, стр. 136—138.

[27] «Русская беседа», 1857, т. II, кн. 6, Критика, стр. 71.

[28] См.: М. П. Погодин. Должно ли считать Бориса Годунова основателем крепостного права? «Русская беседа», 1858, т. IV, Науки, стр. 118—166.

Карамзиным точки зрения, повторявшейся в работах Чичерина, Соловьева и других историков.

Об отношении писателя к «Русской беседе» свидетельствовало и его намерение сотрудничать в этом органе. В письме к В. А. Черкасскому от 30 июля (11 августа) 1858 г. Тургенев сообщал о том, что он «с радостью готов участвовать в „Русской беседе" Ив. С. Аксакова».[29]

Несмотря на некоторые точки соприкосновения Тургенева со славянофилами в конце 50-х годов (частичное сближение со славянофильской позицией, вызванное задачей единения сил в период борьбы за реформу, имело место и в ряде публицистических выступлений А. И. Герцена, Н. Г. Чернышевского),[30] писатель был по существу далек от этого направления мысли. По своим взглядам на дворянство в период отмены крепостничества он ближе всего примыкал к позиции декабриста-эмигранта Н. И. Тургенева, который относился к дворянству с достаточной долей критицизма, видел его слабые стороны и пороки, понимал исторические корни этих пороков и сожалел об отрыве высшего сословия от народа. По мнению Н. И. Тургенева, именно этот отрыв более всего затруднял «ход цивилизации и прогресса», зависящий в первую очередь от дворянства.[31]

Сходные идеи высказывал К. Д. Кавелин, который призывал дворян осознать спасительное для них значение крестьянской реформы и занять достойное место в новом обществе путем разумного хозяйствования в своих имениях, отказа от многих сословных привилегий, сближения с народом[32] и т. д.

Возможно, что взгляд Тургенева на дворянство оказал некоторое влияние на статью «Несколько слов о дворянстве» (1861), принадлежавшую перу орловского губернского деятеля В. К. Ржевского, с которым Тургенев общался в период подготовки реформы.[33]

Т. П. Голованова

«ДЫМ»

РОМАН ТУРГЕНЕВА И РУССКИЕ БЫЛИНЫ В ЗАПИСЯХ П. Н. РЫБНИКОВА

Художественное и эпистолярное наследие Тургенева содержит множество доказательств устойчивого интереса писателя к жизни народа. Он изучал экономические особенности быта крестьян в условиях крепост-

---

[29] См.: *Письма*, т. III, стр. 231.

[30] См. об этом подробнее: Т. П. Голованова. «Дворянское гнездо». Тургенев и Герцен в период создания романа. *Тургенев, Сб.*, вып. III, стр. 83—92.

[31] «La Russie et les Russes» par N. Tourguéneff, t. II. Paris, 1847, стр. 32; ср.: Н. И. Тургенев. Пора! В кн.: Русский заграничный сборник, ч. II, тетр. I. Лейпциг, 1858, стр. 24—25.

[32] См. статью «Дворянство и освобождение крестьян» (1862) в книге: К. Д. Кавелин, Собрание сочинений, т. II, СПб., 1898, стр. 132—134.

[33] См. в настоящем сборнике: В. А. Громов. Корреспонденты Тургенева 1858—1861 годов в перлюстрациях III отделения (стр. 232—239).

ного права и после его отмены, религиозные искания народа и в особенности фольклор.

Устная народная поэзия оказывала на Тургенева непосредственное эстетическое воздействие. Он любил слушать песни, с интересом относился к народному театру, а русские былины воспринимал к тому же и как произведения, в которых проявилась народная мудрость. Будучи ценителем русского фольклора, Тургенев знал все важнейшие сборники произведений устного народного творчества [1] и был лично знаком с собирателями, энтузиастами своего дела.[2]

Задача настоящей заметки — ввести в научный оборот имя еще одного фольклориста, за деятельностью которого Тургенев внимательно следил. Речь идет о П. Н. Рыбникове.

Это тем более важно сделать, что имя П. Н. Рыбникова не упоминается в письмах Тургенева, а между тем текст романа «Дым» (1867) и рукописные варианты к нему дают основание утверждать, что Тургенев хорошо знал первые три части труда «Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Народные былины, старины и побывальщины» (М., 1861, 1862, 1864; четвертая часть вышла во второй половине 1867 г., когда роман «Дым» был уже напечатан).[3]

В романе «Дым» об особенностях русского фольклора говорит Потугин. Как уже установлено исследователями, общие рассуждения этого героя об устной народной поэзии восходят к взглядам Белинского, развитым им в 1841 г. в четырех статьях, посвященных народной поэзии.[4]

Один из конкретных примеров, который приводит Потугин, также взят им из статьи Белинского.[5]

А вот другие примеры и скрытые цитаты из былин, содержащиеся в монологах Потугина и касающиеся главным образом характеристики русского богатыря-щеголя (XIV глава романа), отсутствуют в статьях Белинского, черпавшего материал из сборников Кирши Данилова,[6] М. Д. Суханова [7] и И. П. Сахарова.[8] Этих цитат нет и в более поздних записях былин, сделанных П. В. Киреевским и напечатанных в «Московском сборнике» в 1852 г. В то же время рассуждения Потугина о русском «жёньпремье» находят соответствие в текстах былин о Чуриле Пленковиче и Дюке Степановиче, записи которых были сделаны П. Н. Рыбниковым в раз-

---

[1] См. в настоящем сборнике: Т. И. Орнатская. Фольклористические интересы Тургенева (стр. 240—250).

[2] См.: М. К. Азадовский. Статьи о литературе и фольклоре. ГИХЛ, М.—Л., 1960, стр. 396.

[3] Далее ссылки на это издание даются в тексте.

[4] См.: М. К. Азадовский. Статьи о литературе и фольклоре, стр. 398—402.

[5] См.: *Сочинения*, т. IX, стр. 556.

[6] Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым и вторично изданные. М., 1818.

[7] Древние русские стихотворения, собранные М. Сухановым. СПб., 1840.

[8] Сказания русского народа, собранные И. Сахаровым, т. I, ч. 1, 2, 3, 4. Изд. 3, СПб., 1841.

личных русских губерниях и вопроизведены в первых трех частях его собрания.

Приведем конкретные сопоставления.

В тексте «Дыма» у богатыря «на ногах сапоги сафьянные, носы шилом, пяты востры — вокруг носика-то носа яйцо кати; под пяту-пяту воробей лети-перепурхивай».[9] В записях П. Н. Рыбникова:

а) Сапожки на ножках зелен-сафьян,
Носы по нос шилом, пяты востры,
Около нóсов-носóв яйцо покати,
Под пяту-пяту воробышко летит,
Воробышко летит, перепуркивает.
(ч. 1, стр. 263)

б) У молодого боярина Дюка Степановича
Были сапожки — зелен сафьян,
Пòд пяту-пятý яйцо прокати...
(ч. 2, стр. 142)

в) Чурило сын Пленкович
Обул сапожки-то зелен сафьян:
Носы шилом, а пяты востры,
Под пяту хоть соловей лети,
А кругом пяты хоть яйцом кати.
(ч. 3, стр. 158)

В тексте «Дыма» сказано, что на богатыре-щеголе «шапочка сидит на одном ухе».[10] В черновой рукописи вместо этих слов было: «...спереди шапоньки введено красно солнышко, сзади введен светел месяц, а на верховице будто жар горит».[11]

Отброшенный вариант текста является почти дословным повторением следующих строк из былины о Дюке Степановиче в записи П. Н. Рыбникова:

На головушке у Дюка сделана шляпонька:
Спереду так введено красно солнышко,
И сзаду введён светёл месяц,
И на верховьице шляпы быдто жар горит.
(ч. 1, стр. 290—291)

В тексте «Дыма» сказано, что Чурило Пленкович своей походкой производил «такое изумительное, почти медицинское действие в старых бабах и молодых девках».[12]

В отброшенном варианте чернового автографа это место читалось иначе: «Вспомните, вспомните описание впечатления, производимого нашим Алкивиадом, Чурилой Пленковичем, на „молодых девок“ с их голенищами».[13] Очевидно, в данном случае Тургенев имел в виду следующие

---

[9] *Сочинения*, т. IX, стр. 237.
[10] Там же.
[11] Фотокопия: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 311.
[12] *Сочинения*, т. IX, стр. 237.
[13] Там же, стр. 412.

строки, повторяющиеся с незначительными изменениями в различных вариантах былины о Чуриле Пленковиче в записях П. Н. Рыбникова:

Жить-то Чуриле господь повелел:
Как стары старухи костыли грызут,
А молоды молодицы мошны дерут,
А красные девки в голенища с...,
Всё глядючись на млада Чурилу Пленковича.

(ч. 1, стр. 267)

Приведенные сопоставления со всей очевидностью свидетельствуют, что в пору работы над «Дымом» Тургенев уже хорошо знал многотомное собрание произведений русского народного творчества, выпущенное в свет П. Н. Рыбниковым.

Е. И. Кийко

«ДЫМ»

Ф. Ф. ПАВЛЕНКОВ О РОМАНЕ ТУРГЕНЕВА

«Я себе на-днях поставил вопрос, какое впечатление произвел „Дым" на Вас и на Ваш кружок — рассердились ли Вы по поводу сцен у „Губарева" и эти сцены заслонили ли для Вас смысл всей повести?» — спрашивал Тургенев Писарева 10 (22) мая 1867 г.[1] Писатель с интересом ждал ответа. «Что-то скажет Писарев? Не смейтесь! Для меня это довольно важно — как симптом», — писал он Анненкову незадолго до встречи с критиком.[2] Писарев обстоятельно отвечал Тургеневу, но подчеркивал, что у него «нет кружка» и что высказанное им мнение является лишь мнением его собственным.

Это письмо Писарева общеизвестно. Автор его увидел в «Дыме» смещение исторической перспективы. Писарева не удовлетворило, что критика русской жизни в романе исходила не от лица передового демократического деятеля, а от «обыкновенного», хотя, может быть, и типичного для эпохи Литвинова, который не мог исторически правильно и с прогрессивных позиций оценить сложность переживаемого Россией момента.[3]

Однако высказывание Писарева о «Дыме» носило лишь самый общий характер. Критик намеревался писать пространную статью о романе Тургенева и предназначал ее для некрасовского сборника. По не вполне еще ясным причинам эта статья так и не была написана. Тем интереснее становятся те скупые отзвуки писаревских суждений о «Дыме», которые сохранились в высказываниях единомышленников критика. Один из таких отзвуков содержится в защитительной речи Ф. Ф. Павленкова по делу о втором томе сочинений Писарева. Этот отзыв несколько дополняет наши представления о реакции демократических кругов на роман.

---

[1] *Письма*, т. VI, стр. 255.
[2] Там же, стр. 237.
[3] *Писарев*, т. 4, стр. 423—425.

Протестуя против судебного обвинения Писарева, как автора статьи «Русский Дон-Кихот», в отрицании прогресса русской жизни последних двух десятилетий, Павленков привел следующий аргумент в защиту писаревского нигилизма: «Писареву еще ставится в вину то, что он не видит в России никакого исторического движения жизни, за исключением реформы 19-го февраля. Я не знаю, обвинение это или полемика. Мне кажется, на этот счет не запрещается никому иметь свое мнение. Вон Тургенев — тот в своем „Дыме" не признает даже и 19 февраля: у него все дым — и земство, и гласный суд, и крестьянская реформа. Между тем, его никто не звал за это в суд и, вероятно, не позовут».[4]

Эти слова связаны с центральным монологом Литвинова — монологом, в котором заключен смысл романа в целом. Устами возвращающегося в Россию героя «Дыма» писатель признал «всю русскую жизнь», включающую и «великие преобразования» 60-х годов и западническую программу Потугина, «дымом». «Вспомнилось ему многое, что с громом и треском совершалось на его глазах в последние годы... Дым, — шептал он, — дым», — пишет Тургенев, подразумевая под этим прежде всего события 1861 г.[5] Павленков проницательно отметил эту заключенную в «Дыме» мысль и тот пафос отрицания, который составляет силу тургеневского романа. Скептицизм писателя в отношении происходящих преобразований, универсальное сомнение, ярко проявившееся на страницах «Дыма», — все это безусловно импонировало демократическим критикам писаревского толка.

Кроме того, не исключено, что высказанное в данном случае мнение Павленкова сложилось под влиянием бесед с Писаревым. Посылая критику обвинительный акт, Павленков писал: «Посмотрите, пожалуйста, в это время ‹пока Павленков будет в Москве› акт со вниманием, подобающим делу, и изложите (лучше на бумаге) те основания, доводы и факты, которые, с Вашей точки зрения, было бы полезно привести в опровержение Тизенгаузена. Желательно, чтобы Вы особенно налегли на „Русского Дон-Кихота". Исполнением моей настоящей к Вам просьбы Вы крайне меня обяжете. Обратиться к Вам в настоящем случае я считаю своим долгом, своею обязанностью: до тех пор, пока Вы не считаете себя совершенно чуждым этому делу, я не имею права говорить только от себя, я должен чувствовать, что я также говорю от Вас...».[6]

Как известно, Писарев решительно отказался помочь своему издателю в деле защиты, но вполне вероятно, что настоятельные просьбы Павленкова все же не были безуспешными.[7] За два месяца, которые отделяют

---

[4] Материалы, собранные особою комиссиею, высочайше учрежденной 2 ноября 1869 г., для пересмотра действующих постановлений о цензуре и печати, ч. 3, отд. 1. СПб., 1870, стр. 287.

[5] *Сочинения*, т. IX, стр. 315. — Действие романа происходит в 1862 г. «Последние годы» — это, без сомнения, годы подготовки и проведения крестьянской реформы.

[6] Из неопубликованного письма Павленкова от 17 апреля 1867 г.: *ИРЛИ*, 9547.LVI6.65, л. 12.

[7] Переписка Павленкова и Писарева по этому поводу опубликована Б. П. Козьминым: «Красный архив», 1928, кн. 29, стр. 212—213.

переписку Павленкова и Писарева от процесса (он состоялся 15 июня 1868 г.), они встречались не один раз, и трудно поверить, что у них не было разговоров о деле, которое так волновало издателя. Во всяком случае, если не на бумаге, то устно Писарев мог подсказать Павленкову некоторые «основания, доводы и факты», которые «было бы полезно привести в опровержение Тизенгаузена». Одним из таких «доводов» и могло быть сопоставление указанной статьи с романом Тургенева: «Я защищался перед судом так, как защищался бы сам Писарев после его свидания со мной», — объяснял сам Павленков несколько месяцев спустя после процесса.[8]

А. Б. Муратов

О ПРЕДИСЛОВИИ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ РОМАНА Б. АУЭРБАХА «ДАЧА НА РЕЙНЕ»

Атрибуция предисловия к русскому изданию романа Б. Ауэрбаха «Дача на Рейне» до сих пор является одним из спорных вопросов тургеневедения. История этого вопроса вкратце такова.[1]

В письме от 29 марта (10 апреля) 1868 г. из Баден-Бадена Тургенев обещал немецкому писателю Бертольду Ауэрбаху, своему давнишнему знакомому,[2] написать предисловие к русскому переводу его нового романа (в то время еще не завершенного), опубликовать который соглашался по ходатайству Тургенева издатель «Вестника Европы» М. М. Стасюлевич. «Для меня было бы особым удовольствием и честью, — замечал Тургенев, — написать о Вас статью — не в качестве рекомендации: ибо у нас в России Вы давно уже в *ней* не нуждаетесь — но в качестве предисловия и для предупреждения перепечаток — так как мою статью они не имели бы права перепечатывать».[3] Кроме того, Тургенев соглашался проверить перевод. Об этом Ауэрбах сообщил Стасюлевичу,[4] а когда Тургенев проездом на родину останавливался 3—4 (15—16) июня 1868 г. в Берлине, Ауэрбах рассказывал ему «битых три часа» содержание своего нового романа «Дача на Рейне».[5]

---

[8] Там же, кн. 29, стр. 216

[1] Более подробное изложение см. в комментарии: *Тургенев, Соч.*, т. XII, стр. 724—727. — Об отношениях Тургенева и Ауэрбаха см.: K. Dornacher, Chr. Schultze. Turgenevs Briefe an Berthold Auerbach (1868—1869). В кн.: I. S. Turgenev und Deutschland. Materialen und Untersuchungen, Bd. I. Berlin, 1965, стр. 52—67.

[2] Т. П. Ден высказала убедительное предположение, что Тургенев мог познакомиться с Ауэрбахом еще во время пребывания в Берлине в 1847 г. (*Сочинения*, т. I, стр. 589). Около 1860 г. Тургенев хлопотал о напечатании рассказов Ауэрбаха в «Современнике», но безуспешно, так как натолкнулся на противодействие Н. Г. Чернышевского (*Чернышевский*, т. I, стр. 731—732).

[3] *Письма*, т. VII, стр. 108 (перевод — стр. 375).

[4] См.: *Стасюлевич*, т. III, стр. 519.

[5] См. письмо Тургенева к Полине Виардо от 4 (16) июня 1868 г.: *Письма*, т. VII, стр. 154.

Стасюлевич, по-видимому, торопил Тургенева. 9 (21) июля 1868 г., находясь в Петербурге перед отъездом в Германию, Тургенев сообщал ему, что не успел написать предисловия в Спасском и сделает это сразу же по возвращении в Баден. 11 (23) июля он телеграфировал Стасюлевичу из Бадена, что пришлет предисловие через неделю. И, наконец, 30 июля (11 августа) сообщил, что предисловие кончено и будет отослано через день, после переписывания.[6]

Предисловие за подписью Тургенева было предпослано началу публикации романа Ауэрбаха в «Вестнике Европы»[7] и затем перепечатывалось в отдельных изданиях романа.[8] Впоследствии Стасюлевич включил предисловие в первый том посмертного собрания сочинений Тургенева.[9]

Вскоре после смерти Тургенева (Ауэрбах тоже к тому времени умер — 8 февраля 1882 г.) в немецкой печати появились сведения, исходившие от Людвига Пича, о том, что предисловие к «Даче на Рейне» писал он, так как Тургенев, не имея времени, просил его об этом и сам ограничился переводом немецкого текста на русский язык. То же самое, со ссылкой на признания Тургенева, сообщалось в воспоминаниях Н. А. Островской, публиковавшихся в конце 1884 г.[10]

Версия Пича вызвала резкий протест М. М. Стасюлевича, который в специальной статье «Еще дружеские воспоминания о Тургеневе», уличая Пича в ряде фактических неточностей, стремился дискредитировать его сообщение.[11] В частности, Стасюлевич ссылался на содержавшееся в предисловии сравнение Ауэрбаха с забытым русским писателем 40-х годов И. Т. Кокоревым, имя которого не могло быть известно Пичу. Стасюлевич предполагал, что Тургенев, «живя с г. Питчем в Бадене, мог дать ему поручение навести справки в каком-нибудь „Conversations-Lexicon“ и сделать ему выписку фактической стороны биографии Ауэрбаха», а Пич принял «подобную записку, если он только ее делал, за авторство того „Предисловия“, которое вышло потом из-под пера Тургенева».[12]

В комментарии к указанному предисловию в издании сочинений Тургенева 1928—1934 гг. автор, тщательно собравший все известные к тому времени материалы, приходил к такому заключению: «Итак, если авторитетными эпистолярными и мемуарными данными устанавливается принад-

---

[6] Там же, стр. 189, 204.

[7] «Вестник Европы», 1868, № 9, стр. 5—10.

[8] Б. Ауэрбах. Дача на Рейне. Роман в пяти частях. С предисловием И. С. Тургенева. Т. I. СПб., 1869, стр. 1—6; переиздание: СПб., 1876, стр. I—VII. — В письме к Стасюлевичу от 15 (27) августа 1875 г. Тургенев разрешил перепечатку предисловия (*Письма*, т. XI, стр. 115).

[9] И. С. Тургенев. Полное собрание сочинений, т. I. Посмертное издание. СПб., 1883, стр. 386—392.

[10] Н. А. Островская. Воспоминания об И. С. Тургеневе. «Волжский вестник», 1884, 16 (28) декабря, № 154, стр. 3; перепечатано: *Тургеневский сб. (Пиксанов)*, стр. 92—93.

[11] «Вестник Европы», 1884, № 5, стр. 419—424.

[12] Там же, стр. 422.

лежность Людвигу Питчу заметки об Ауэрбахе, положенной в основание предисловия к первому русскому изданию „Дачи на Рейне", то столь же несомненным приходится считать факт некоторой редакционной (а местами и творческой) переработки Тургеневым этого материала при его переводе и сдаче в печать».[13] Соответственно в этом издании предисловие было напечатано не в основном тексте, а в приложении.[14] Напротив, в издании 1953—1958 гг. тот же автор поместил предисловие в основном тексте и в комментарии писал: «Несмотря на бесспорное участие Л. Пича в работе Тургенева над предисловием к переводу „Дачи на Рейне", все же никак нельзя сводить роль Тургенева в написании статьи только к роли ее переводчика — он был и переводчиком и редактором доставленного ему фактического материала, он был и автором ответственнейших историко-литературных формулировок, существенно обогативших первоначальный вариант. Прежде всего мы имеем здесь в виду характерные для Тургенева суждения о крестьянской тематике в европейской литературе 40-х годов, данные об отношении к творчеству Ауэрбаха „русской публики" и, наконец, самое сравнение ранних рассказов Ауэрбаха с „Саввушкой" Кокорева».[15]

М. К. Клеман в «Хронологическом указателе литературных работ и замыслов И. С. Тургенева» указывал относительно предисловия: «анализ текста убеждает, что Тургенев, использовав составленную Л. Пичем заметку, вероятно био-библиографического характера, обработал ее с большой самостоятельностью».[16]

Западногерманский исследователь Эрих Хок в неопубликованной диссертации «Тургенев и немецкая литература» пришел к заключению, что предисловие является плодом «совместной работы» (Gemeinschaftsarbeit), «где Тургеневу принадлежат основные идеи, а Пичу — их оформление». Э. Хок предполагает, что Пич был вместе с Тургеневым у Ауэрбаха, когда тот рассказывал содержание «Дачи на Рейне», после чего они обсудили с Тургеневым предисловие. Написанный в дальнейшем текст Пич привез Тургеневу, когда гостил у него в конце июля—начале августа 1868 г. в Баден-Бадене, и писатели обсудили предисловие вторично.[17]

Клаус Дорнахер и Криста Шульце (ГДР) считают Тургенева основным автором предисловия и пишут лишь о «возможном участии» (mögliche Beteiligung) Пича.[18]

---

[13] *Тургенев, Соч.*, т. XII, стр. 727.
[14] Там же, стр. 494—498.
[15] *Тургенев, Собр. соч.*, т. XI, стр. 534—535.
[16] И. С. Тургенев. (К пятидесятилетию со дня смерти). 1883—1933. Сборник статей, Л., 1934, стр. 364.
[17] Erich Hock. Turgenev und die deutsche Literatur. Phil. Diss. Göttingen, 1953, стр. 154 (ротапринт).
[18] I. S. Turgenev und Deutschland, Bd. I, стр. 54. Ср. указание на «соавторство» Тургенева и Пича в примечаниях К. Шульце и Г. Ф. Перминова к письму Тургенева Пичу от 1 (13) апреля 1875 г. (*Письма*, т. XI, стр. 469).

Наконец, в литературоведении, и отечественном и зарубежном, можно встретить ссылки на предисловие к «Даче на Рейне» как на произведение Тургенева без каких-либо упоминаний об участии Пича.[19]

Прежде чем перейти к выяснению вопроса об авторстве, нам представляется целесообразным привести перевод соответствующих воспоминаний Пича, которые до сих пор не использовались исследователями, за исключением небольших отрывков, приведенных в упомянутой выше статье Стасюлевича.[20] Воспоминания эти появились в фельетоне Бруно Штейбена, напечатанном в берлинской газете «Deutsches Monntagsblatt».[21] В фельетоне рассказывалось, как в обществе гостей, собравшихся у одного старого друга недавно умершего Тургенева, зашла речь о русском писателе. Говорили о его великодушии, доброте и гуманности. Тогда хозяин (т. е. сам Пич, имя которого, однако, здесь не названо) заметил, что при всем благородстве своего характера Тургенев был способен на «безобидное плутовство» (harmlose Schelmerei), и рассказал следующую историю, которая, по уверению Штейбена, приводится почти дословно:

> «В июне 1868 г. по дороге в Россию или из России Тургенев приехал в Берлин. Во время краткого своего пребывания в столице он посетил вместе со мной проживавшего здесь и знакомого ему по Бадену известного немецкого писателя — назовем его А. Б.,[22] — значение которого он ценил высоко, хотя в глубине души ему претила сильная примесь рефлексии в рассказах этого писателя. Радость по поводу нашего прихода была вполне искренней и выражалась она с восторженностью, почти тягостной для Тургенева. Простодушный немецкий коллега пожелал, между прочим, счастья эпохе, „у которой есть два таких молодца, как я да вы, Тургенев!“.[23] Тщетно пытался Тургенев уклониться от его настоятельного приглашения прийти еще вечером, тогда как мне удалось более или менее удовлетворительно объяснить свой отказ.
>
> „Но ведь мы хотели провести этот вечер вдвоем, как же вы могли согласиться, и у вас, я-то видел, не было к тому никакой охоты“, — сказал я Тургеневу на улице. Он ответил: „Конечно не было, но это мое несчастье: я не умею отказывать. Если бы пришли ко мне воры и грабители и сказали: пойдем, мы будем вместе грабить! — Я бы сказал: «Хорошо, будем вместе грабить»“.
>
> Снова мы встретились лишь на другое утро. „Ну, как было вчера вечером?“ — „Ах, я чуть не умер. Мне столько наговорили хороших

---

[19] См., например: А. Е. Грузинский. И. С. Тургенев. (Личность и творчество). 1818—1918. М., 1918, стр. 80—87; Л. Н. Назарова. Тургенев-критик. В кн.: История русской критики, т. I. М.—Л., 1958, стр. 525; Е. М. Закс. Ауэрбах. Краткая литературная энциклопедия, ч. I, М., 1962, стб. 359; Henri Granjard. Ivan Tourguénev et les courants politiques et sociaux de son temps. Paris, 1954, стр. 148—149.

[20] «Вестник Европы», 1884, № 5, стр. 419—420.

[21] «Deutsches Monntagsblatt», 1883, 29 Oktober (сообщено К. Дорнахером).

[22] Бертольд Ауэрбах. (Здесь и ниже примечания к рассказу Пича мои, — *Ю. Л.*).

[23] Ср. в воспоминаниях Л. Фридлендера: «Тургенев был совершенно чужд авторского тщеславия. Его раз рассмешил Бертольд Ауэрбах, сказав: „Великое это время, в которое мы с вами живем“» («Вестник Европы», 1906, № 10, стр. 831).

вещей, и я столько съел земляники со взбитыми сливками, и потом я битых два часа должен был выслушивать чтение. Вы знаете, как я это люблю! Я прямо валился с ног от усталости. Верно, я крепко спал. Б. читал мне отрывки своего нового романа, который скоро появится в какой-то венской газете. Но, хоть убейте, не знаю, в чем там было дело. Какое-то лишь смутное воспоминание, что речь шла о борьбе с властью католической церкви. Кажется, действие происходит где-то на Рейне. Но, может быть, это все мне приснилось".

Август и часть сентября того прекрасного года я провел у Тургенева в Баден-Бадене.[24] В первые дни моего пребывания там я обнаружил, что друг мой испытывает какое-то непонятное беспокойство. На мои вопросы последовало признание: „Я сделал большую глупость. Б. очень хотел, чтобы его роман появился также и в России; не мог ли я бы способствовать этому? Конечно, я опять не смог отказать и уговорил издателя журнала, в котором обычно печатаются мои вещи, приобрести у нашего друга разрешение на издание перевода за очень приличный гонорар. Та часть рукописи, которую Б. послал, уже переведена. 1 сентября перевод должен появиться в печати одновременно с немецким оригиналом в венской газете. Но все это с одним условием (и я, старый осел, на это согласился!)... с условием, что я напишу предисловие к нему! Оно должно быть посвящено роману и его значению, а также А. Б. и его месту в немецкой литературе; и все это я должен написать! И дело это весьма спешное.[25] Издатель мой сущий Берсеркер[26] — не дает мне покоя. Он собирается быть в Висбадене на будущей неделе и требует, чтобы я прислал ему туда мою рукопись. Да хоть убей он меня — ничего не могу сделать; у меня нет никаких мыслей, я жую перо и не могу выдавить из себя ни слова. Как мне быть!".[27]

---

[24] 25 июля (6 августа) 1868 г. Тургенев писал Юлиану Шмидту: «Пич живет здесь у меня уже дней пять...» (*Письма*, т. VII, стр. 202).

[25] Еще находясь в Спасском, Тургенев писал 19 июня (1 июля) Полине Виардо: «Придется мне писать еще ‹...› предисловие — для этого черта Ауэрбаха — к русскому переводу его романа, сюжет которого он мне рассказывал. Вот скучища-то!» (*Письма*, т. VII, стр. 169—170).

[26] Берсеркер — герой скандинавской мифологии, воин, обладавший нечеловеческой силой и яростной жаждой битв. От его имени в немецком языке произошло слово Berserkerwuth — неистовство, кровожадное бешенство.

[27] Это место воспоминаний Пича вызвало, по понятным причинам, особое возмущение Стасюлевича. Возражая Пичу, он указывал, что, во-первых, 1868 г. был первым годом существования «Вестника Европы» как литературного журнала и Тургенев успел там опубликовать лишь один рассказ «Бригадир», а во-вторых, в Висбадене он, Стасюлевич, никогда не бывал («Вестник Европы», 1884, № 4, стр. 420—421). По-видимому, Пичу здесь изменила память и он спутал двух издателей. Берсеркером Тургенев называл по созвучию фамилии рижского издателя Бере, который в 1869 г. начал выпускать его сочинения в немецком переводе. В связи с этим изданием Тургенев неоднократно прибегал к помощи Пича (см. его письма к Пичу от 3 (15) января, 22 января (3 февраля), 31 января (12 февраля), 12 (24) февраля, 23 февраля (7 марта), 2 (14), 4 (16), 8 (20) марта, 9 (21) июня 1869 г., 4 (16), 10 (22) апреля 1870 г.: *Письма*, т. VII, стр. 273, 288, 296, 304—305, 319, 329—330, 332, 336—337; т. VIII, стр. 48, 214, 217), жалуясь иногда при этом на нетерпение издателя: «Берсеркер бушует и требует переводов», «Берсеркер снова в ярости!» (*Письма*, т. VII, стр. 332, 435; т. VIII, стр. 214, 374).

Его отчаяние да и вся ситуация были так комичны, что я от души расхохотался. „Ничего не поделаешь, ничем не поможешь, вам придется, Тургенев, браться за перо". Прошло несколько дней. Он ходил в совершенном расстройстве. „Я не могу, я решительно не могу! О, боже мой!" — стонал он в ответ на всякий вопрос. Однажды утром я услышал, как он из сада зовет меня жалобным голосом. Испуганный, я бросился вниз к нему. „Что с вами, Тургенев?"

„Я вам скажу. Вы меня любите? Хорошо, я это знаю... Сделали бы вы для меня что-нибудь трудное, большое?"

„Как вы можете сомневаться, все, что могу, я для вас сделаю!"

„Тогда докажите это! Вы должны написать мое предисловие! Вот, что мне нужно. И сегодня же. Берсеркер в ярости! Так вы сделаете?"

Я не верил своим ушам. „Но, Тургенев, вы сошли с ума. Я совсем не знаю романа, да я и не могу написать так, чтобы все поверили, что это вы написали. Вы не можете всерьез настаивать на такой нелепости".

„Но я, тем не менее, настаиваю, я вас умоляю, напишите. Я поставлю свое имя под чем угодно и рабски переведу".

Положение, в которое я попал, было и комичным и чреватым неприятностями. Но кто бы мог ему отказать!

„Хорошо, я попробую. Но не могли бы вы сказать мне хоть что-нибудь о теме и содержании романа? Не говорили ли вы тогда, после чтения, что там речь идет о борьбе против поповской партии, что он имеет антиклерикальную тенденцию?"

„Я это говорил? Возможно, так оно и есть. Но точно я не знаю. Осторожности ради вы лучше напишите вообще о борьбе с предрассудками и угнетением, о новом времени и тому подобное. Только пишите скорей, и я присягну, что это написал я".

Должен признаться, что это была чуть ли не самая трудная работа в моей жизни. Прежде всего нужно было заставить замолчать голос совести, затем выяснить, чтó я вообще могу и хочу сказать, и, наконец, придать всему этому такую форму, которая хоть немного бы напоминала мой „прославленный образец". Но — „и через худший день проходит время", и когда этот день клонился к концу, моя рукопись была готова. На следующее утро я прочел ее Тургеневу. Я распространялся в ней о прежних произведениях А. Б. и восхвалял последний роман с таким жаром, оценивал его значение как творения и подвига свободного духа в таких выражениях, какие может найти лишь тот, кто не читал того, о чем пишет. Тургенев был в восторге. „Я не переменю ни слова. Вы увидите, как рабски переведу я вашу рукопись. Я попрошу кого-нибудь, кто ничего не знает об этой истории, перевести русское «предисловие Тургенева» обратно на немецкий язык, и вы тогда сами убедитесь".[28]

Он сразу же принялся за перевод. А уже на другой день он смог его послать за своей подписью нетерпеливому редактору. Через несколько дней Тургеневу пришло письмо из Висбадена.

---

[28] Ср. рассказ Тургенева в передаче Н. А. Островской. «Я пообещался написать предисловие к переводу ‹романа Б. Ауэрбаха «Дача на Рейне»› и — забыл. Приходит время перевод печатать. Я — к Питчу. — „Так и так, говорю, милый друг, выручай. Я ничего не написал и даже романа не читал. Напиши ты за меня". — „И я, говорит, романа не читал и читать мне некогда". — „Ничего, говорю, да хоть как-нибудь общими местами, — больше насчет прежних сочинений". — Он и написал, а я перевел» (*Тургеневский сб. (Пиксанов)*, стр. 93).

Он вскрыл его, прочел первые строки, и я увидел, как весело просияло его лицо. Он протянул со смехом мне письмо. „Ну, что я вам говорил? Письмо от Берсеркера. Послушайте, что он пишет.

«Милостивый государь, вы, конечно, подвергли мое терпение тяжелому испытанию и заставили меня ждать дольше, чем это допустимо. Но зато присланное вами настолько хорошо, что все теперь улажено. Только Тургенев мог так понять конгениального поэта и проникнуть в самую глубину так, как это сделано в предисловии, и т. д. и т. д.»".

Вскоре из Петербурга пришла первая часть русского перевода романа с русским предисловием, которое было подписано „Иван Тургенев, Баден-Баден, август 1868".[29] И вскоре после этого мы также прочли в одной всемирно известной южнонемецкой газете под рубрикой „Искусство и литература" сообщение об этой интересной публикации и — перевод „почетного как для русского, так и для немецкого поэта" новейшего произведения первого из них! Я прочел это и должен был согласиться, что он поступил, как и обещал: „рабски" перевел меня![30] Сознавая свою вину, я чувствовал себя не совсем удобно в предвидении первой встречи с нашим знаменитым немецким другом. Было стыдно, что мы его обманули. А что если он потом узнает?

Это было в октябре в Берлине, в доме одного историка литературы, дружившего с ним, Тургеневым и со мной.[31] Ничего не подозревая, вхожу я к нему и вижу, рядом с ним на диване сидит А. Б. собственной персоной. В его приветствии звучала прежняя прямодушная сердечность. Нет, он ничего не знал о черном деле. Но боязнь удерживала меня от того, чтобы начать говорить о Тургеневе и предисловии. Это сделал он.

„Вы были у нашего Тургенева, дружище? Вы знаете, он вам говорил? Большую радость он мне доставил — написал предисловие к русскому переводу моего романа. Вы должны его прочесть ... газета напечатала перевод. Никто из вас не может сделать то, что может он. Правильно говорят: только поэт может понять до конца поэта, проникнуть в его чувства и мысли. Вы должны прочесть. Я вам пришлю газету. Вы тоже порадуетесь".[32]

---

[29] Пич неточен; предисловие подписано: «Ив. Тургенев».

[30] Пич ошибался, утверждая, что текст, напечатанный в немецкой газете, был обратным переводом. В действительности это было воспроизведение (с небольшим добавлением, как мы покажем ниже) его собственного текста. 26 сентября (8 октября) 1868 г. Тургенев писал ему: «Другое великое событие — присутствие Ауэрбаха в Баден-Бадене! Я должен был перевести ему *мое* предисловие — и выслушать о нем его остроумные и глубокие замечания, — оно появится в *печати!* (Я ведь *просто скопировал немецкий оригинал*)» (*Письма*, т. VII, стр. 218, 402). Семь лет спустя, когда Тургенев в письме от 1 (13) апреля 1875 г. просил Пича составить за него письмо в газету «Gegenwart», он замечал в конце: «Если Вы считаете, что мне следует послать в „Gegenwart" *собственноручное* письменное разъяснение, то будьте великодушны, пришлите мне стилистически безупречный образец, который я затем — как это было *однажды* — рабски скопирую» (*Письма*, т. XI, стр. 54, 365).

[31] Вероятно, Юлиан Шмидт.

[32] Нечто подобное Ауэрбах говорил и Тургеневу, который впоследствии рассказывал Н. А. Островской: «И что всего лучше — Ауэрбах, встретившись со мной, горячо благодарил меня и говорил, что „так понять его, как я понял, мог только поэт поэта"» (*Тургеневский сб. (Пиксанов)*, стр. 93). Сообщая Пичу о чтении немецкого текста предисловия Ауэрбаху, Тургенев добавлял: «Там были такие замечания: „Вот видите,

Конечно, мне было крайне интересно все это слушать ... — Надеюсь, что сеть этого невинного заблуждения никогда не была разорвана грубой рукой. Преступление оставалось неизвестным и неискупленным. Теперь я могу в нем покаяться!»

Настоящий перевод сделан с текста из «Moskauer deutsche Zeitung», где был перепечатан фельетон Штейбена.[33] В специальном примечании редактор указал, что А. Б. — Бертольд Ауэрбах, роман его — «Дача на Рейне», рассказчик и автор предисловия — Людвиг Пич, а «Берсеркер» — московский книгоиздатель Салаев. Последнее указание было ошибочным, и возможно, если бы редактор знал, что это не Салаев, умерший в 1879 г., а здравствующий Стасюлевич, он не стал бы раскрывать имена. Что же касается Пича, то его инкогнито редактор не считал необходимым сохранять, поскольку, как указывалось в том же примечании, Пич, находясь в Москве в мае 1883 г. по случаю коронации Александра III, рассказал ту же историю в кругу журналистов.

По утверждению Стасюлевича, история эта была перепечатана и в русских газетах,[34] нам удалось разыскать лишь одну из этих публикаций — в «Газете А. Гатцука».[35]

Рассказ Пича, как мы показали выше, не свободен от неточностей. Автор ошибочно приписал прозвище «Берсеркер» издателю русского перевода «Дачи на Рейне», т. е. Стасюлевичу, неправильно определил текст предисловия, опубликованный в немецкой газете, как обратный перевод, и т. п. Можно считать также, что он преувеличил собственные угрызения совести; в противном случае вряд ли он стал бы распространять эту историю, даже не дождавшись смерти Тургенева. Тем не менее нам представляется несомненным основное положение его рассказа, подтверждаемое к тому же другими эпистолярными и мемуарными свидетельствами: предисловие к роману Ауэрбаха «Дача на Рейне», опубликованное за подписью Тургенева, в действительности было написано Пичем и только переведено Тургеневым.

это Вы у меня глубоко прочувствовали — и это смогли только Вы!" Я сидел с глупым видом и только думал: „О если б ты знал!!" Но и об этом silentium!» (*Письма*, т. VII, стр. 218, 402). История с предисловием упоминается еще в двух письмах Тургенева к Пичу. 17 (29) октября 1868 г.: «Предисловие к Ауэрбаху должно теперь появиться в „Allgemeine Augsburger". Он очень им доволен и постоянно цитирует места из него... Боюсь только ужасно, как бы дело не обнаружилось. Но тогда я буду опровергать это с полным хладнокровием!! Заранее говорю вам это» (там же, стр. 230, 407). 24 декабря 1868 г. (5 января 1869 г.): «Беседа с Ауэрбахом — прекрасный образец юмора. Угрызений совести я не чувствовал: я ведь, как вы знаете, очень безнравственен» (там же, стр. 266, 419).

[33] Ein Schelmenstück Turgenjews. Von Bruno Steuben. «Moskauer deutsche Zeitung», 1883, 23. Oktober (4 November), № 244, стр. 1019—1020.

[34] «Вестник Европы», 1884, № 5, стр. 419.

[35] Из воспоминаний об И. С. Тургеневе Людвига Пича. «Газета А. Гатцука», 1884, 31 марта, № 13, стр. 219—220.

Однако установить этот факт сам по себе еще недостаточно. Необходимо выяснить степень точности или вольности перевода. Последнее можно сделать на основании изучения автографов Тургенева, относящихся к интересующему нас предисловию. Таких автографов сохранилось три: 1) наборная беловая рукопись;[36] 2) черновая рукопись;[37] 3) беловая рукопись на немецком языке.[38]

Наборная рукопись особого интереса не представляет, поскольку текст ее точно совпадает с печатным.[39] Несравненно более интересны две другие рукописи. Немецкая рукопись — это текст, который Тургенев передал Ауэрбаху. На обложке ее написано посторонней рукой: «Введение Тургенева к Даче на Рейне. Переведено и переписано им самим» (надпись по-немецки).[40] Однако, как сообщал Тургенев Пичу, он лишь переписал его текст, который раньше перевел на русский язык. Такое утверждение, может быть, не совсем точно, поскольку в немецкой рукописи имеются вычеркивания и изменения, показывающие, что это не было механическое переписывание. Тем не менее в основном это текст Пича, потому что, как показывает сравнение рукописей, немецкий текст в ряде случаев ближе к черновому (особенно к первоначальному его слою), чем к окончательному русскому варианту, тогда как, если бы русский текст являлся оригиналом, а немецкий — переводом, было бы наоборот. Приведем несколько примеров.

Немецкий текст	*Черновой текст (первоначальный слой)*	*Окончательный текст*
Ein neues Werk eines Dichters wie B. Auerbach	Новое произвед‹ение› автора, подобного Б. А‹уэрбаху›	Новый роман писателя с талантом, подобным таланту Бертольда Ауэрбаха
litterarischen Sympathien	литературные симпатии	эстетические симпатии
Nicht der gebildete Mann in Bewusstsein der Ueberlegenheit	Не образованный человек в сознании своего превосходства	Не утонченно развитый человек в невольном сознании своего превосходства
Auerbach ist Israelit, sein Vater ein Viehhändler und Ackerwirth	Ауэрбах — еврей. Отец его был торговцем скотом и земледельцем	Ауэрбах — еврей, и с детских лет знал нужду. Отец его занимался торговлей скотом наряду с земледелием
die römische Kirche	Римская курия	Мощь суеверия и предрассудков

[36] *ИРЛИ*, ф. 250, № 588.

[37] *Bibl. Nat.*, Slave 75; фотокопия — *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 332.

[38] Архив Гете и Шиллера в Веймаре, фонд Ю. Роденберга; фотокопия — *ИРЛИ*; публикация: G. Ziegengeist. Eine unbekannte deutsche Handschrift von Turgenevs Auerbach-Vorrede. В кн.: Turgenev und Deutschland, Bd. I, стр. 68—75.

[39] Единственная правка, сделанная в рукописи посторонним лицом (вероятно, Стасюлевичем), — это переделка тургеневского написания «Ауербах» на «Ауэрбах».

[40] Turgenev und Deutschland, Bd. I, стр. 75.

Перевод Тургенева был в достаточной мере свободным. Конечно, исключительно Тургеневу принадлежало место относительно Кокорева; Пич не мог ничего знать об этом писателе. В черновом автографе отчетливо выделяются фразы, приписанные сбоку и уже здесь принявшие форму, близкую к окончательной: «Точно так же — если позволительно сравнивать малое с великим[41] — и у нас в „Саввушке“ злополучного, скоро погибшего Кокорева чувствуется, при всей скудости содержания и несмелости исполнения, своеобразная теплая струя, которая дается только особенной, бытовою близостью автора к описываемому. Кокорев, как известно, был сын мещанина». Готовя немецкий текст для Ауэрбаха, Тургенев перевел эти фразы и вставил в соответствующее место.

В остальном же добавления Тургенева к тексту Пича незначительны и не вносят существенных изменений. В большинстве случаев они содержат уточнения, или носят стилистический характер, или приспосабливают текст к русскому читателю. Помимо добавлений, содержащихся в приведенных выше примерах, можно указать на следующие (добавления выделены курсивом):

...впечатление, произведенное его *знаменитыми* рассказами из шварцвальдской деревенской жизни...

...произведения *германской* романтической школы 20-х годов...

И Ауэрбах, *при всей силе своего таланта*, не мог бы так органически завладеть всеми тайнами...

Колыбель Ауэрбаха стояла в *бедном* деревенском домике...

Работник его отца *добродушный* Наги...

С появлением первого собрания «Деревенских рассказов» (в 1843-м году *Ауэрбаху минул 31 год*)...

...то свойство его ума, *которое направило его к изучению Спинозы*, не покинуло его и в крестьянской избе...

...*со всем искусством опытного мастера* обращает он внимание читателя...

Читатель понимает, что речь идет о романе «На высоте», *хорошо известном и русской публике.*

Он знает сам, что в связи с родиной — его главная сила, *он знает*, в какую почву вросли его корни. *Недаром он и в романе «На высоте» рисует фигуры, подобные Вальпурге и всей ее семье.*

Но основное отступление Тургенева от исходного текста состояло не в этих добавлениях, а, напротив, в сокращениях. Не изменяя по существу содержания предисловия, Тургенев систематически упрощал и облегчал текст Пича, устранял повторения, стремился освободиться от гелертерской тяжеловесности и неуклюжести оригинала. В качестве примера приведем по одному соответствующему отрывку из немецкого и русского предисловий.

Текст Пича:

«Der Einfluss der Civilisation lässt sich nicht gänzlich abschütteln und soll es auch nicht, und obendrein: Jene eigenthümlich zugespitze Verstandesschärfe, die Auerbach bei aller Naivität und Objektivität der schaffenden Kraft — doch als sein eigen nennt, lässt sich eben

---

[41] Эти слова представляют собою перевод выражения из «Георгик» Вергилия («si licet parva componere magnis», IV, 176), которые Тургенев приводил в письме Адольфу де Сиркуру от 6 (18) апреля 1868 г. (*Письма*, т. VII, стр. 116).

nicht wie etwas Fremdes draussen ablegen. Sehen wir genauer zu, so werden wir bald inne, dass sie ihm auch im Bauernhause getreu blieb, dass es ihn treibt, wenn er seine Gestalten rund und ganz und lebendig vor uns hingestellt, sich philosophirend über sie zu erheben und uns hinzuweisen auf das „Gleichniss", das er in allem Vergänglichen,[42] auf das Symbolische und Bedeutende das er oft in unwesentlichen Dingen, Worten und Lebensäusserungen seiner Naturmenschen sieht — nicht ohne eine gewisse frohe Verehrung».[43]

Текст Тургенева:

«Вполне отбросить влияние культуры нельзя — да и не следует. Притом — то свойство его ума, которое направило его к изучению Спинозы, не покинуло его и в крестьянской избе, им посещенной и воспетой. Нарисовав поразительно верными, тонкими, хотя иногда несколько мелкими чертами свои фигуры — он иногда не отказывает себе в удовольствии пофилософствовать на их счет; со всем искусством опытного мастера обращает он внимание читателя на тайное их значение, на то символическое, которое лежит в основании всякой непосредственной жизни и высказывается иногда в самых, по-видимому, незначительных словах и поступках...»

Конечно, далеко не всегда Тургенев так свободно обращался с оригиналом; мы привели один из наиболее разительных примеров. Таким образом, резюмируя, можно сказать, что опубликованное за подписью Тургенева предисловие к роману Ауэрбаха «Дача на Рейне» является вольным переводом немецкого текста, который составил для Тургенева Пич.

Ю. Д. Левин

ПО ПОВОДУ «ОТЦОВ И ДЕТЕЙ»

ОБОСНОВАНИЕ ДАТИРОВКИ

Среди очерков, входящих в состав «Литературных и житейских воспоминаний», статья «По поводу „Отцов и детей"» занимает едва ли не самое видное место. Вместе с «Воспоминаниями о Белинском», с которыми ее роднит и замысел и полемическая направленность, она составляет идейное ядро всего этого мемуарного цикла.

Замысел статьи возник, по-видимому, вскоре после опубликования романа «Дым» в журнале «Русский вестник» (1867, № 3). Многочисленные

---

[42] Подразумеваются строки заключительной сцены «Фауста» Гете:
Alles Vergängliche
Ist nur ein Gleichniss.

[43] «Вполне отбросить влияние цивилизации нельзя, да и не следует, и притом — та своеобразно направленная острота ума, которую Ауэрбах, при всей наивности и объективности творческой силы, все же называет своей собственной, тоже не может быть отстранена как нечто чуждое. Если мы присмотримся внимательнее, то вскоре убедимся, что она осталась при нем и в крестьянской избе, что она заставляет его, когда он рисует нам свои фигуры во всей полноте и жизненности, философски подняться над ними и указать нам на „подобие", которое он видит во всем преходящем, на символическое и значительное, которое он обнаруживает часто — притом не без некоторого радостного почтения — в несущественных вещах, словах и поступках своих естественных людей».

резкие отзывы критики о «Дыме», нередко сопровождавшиеся возвратом к обсуждению романа «Отцы и дети», поставили Тургенева перед необходимостью открытого объяснения с читателем, — разумеется, в первую очередь с читателем из демократического лагеря. Впрочем, неоднократные попытки такого рода были у Тургенева и ранее. Так, его письмо к поэту К. К. Случевскому от 14 (26) апреля 1862 г. по существу адресовано группе русских студентов в Гейдельберге, выражавших крайнее недовольство образом Базарова. Отвергая обвинения в тенденциозном изображении этого персонажа в романе, Тургенев в своем письме указывал на то, что его «не поняли», что Базаров «честен, правдив и демократ до конца ногтей», что вся его «*повесть направлена против дворянства, как передового класса*».[1] Аналогичной аргументацией в пользу Базарова отличалось и письмо Тургенева к Герцену от 16 (28) апреля 1862 г.[2] В том же году, подготовляя отдельное издание «Отцов и детей», Тургенев собирался снабдить его обширным предисловием, в котором, по-видимому, предполагалось дать развернутое опровержение обвинений в тенденциозном отношении к разночинной демократии в целом. По настоянию друзей Тургенев вынужден был отказаться от этой мысли, однако полемическое посвящение романа В. Г. Белинскому свидетельствовало о том, что обвинения в тенденциозности он по-прежнему продолжает считать беспочвенными и незаслуженными.[3]

Тургенева стесняла, а порой и явно тяготила работа в непривычном для него мемуарно-очерковом жанре. Поэтому с момента замысла статьи до его реализации прошло довольно много времени. В комментариях к письму Тургенева к М. В. Авдееву от 21 сентября (3 октября) 1869 г. утверждается, что статья «По поводу „Отцов и детей“» писалась в феврале — июне ст. ст. 1869 г.[4] Эту датировку нельзя считать достаточно точной. Прежде всего вызывает сомнение дата начала непосредственной работы над статьей — февраль ст. ст. 1869 г., — мотивированная содержанием письма Тургенева к П. В. Анненкову от 24 февраля (8 марта) 1869 г. Действительно, в этом письме Тургенев обещал при проезде через Петербург выступить с публичным чтением воспоминаний о славянофилах и статьи «По поводу „Отцов и детей“».[5] Однако из этого вовсе не следует, что работа над статьей велась в феврале. Давая Анненкову такое обещание, Тургенев скорее всего рассчитывал на то, что еще успеет написать статью до своего отъезда в Россию, который им был назначен на 10 (22) мая 1869 г.[6] Это заключение можно подкрепить ссылкой на письмо к И. П. Борисову от 12 (24) февраля 1869 г., из которого видно, что первая треть февраля (по ст. ст.) 1869 г. ушла у Тургенева на завершение «Воспоминаний о Белинском», а все остальное время этого месяца предназначалось, по-видимому, для написания очерка «Семейство Аксаковых и

---

[1] *Письма*, т. IV, стр. 379—380.
[2] См.: там же, стр. 382—383.
[3] *Сочинения*, т. VIII, стр. 589.
[4] *Письма*, т. VIII, стр. 447.
[5] Там же, т. VII, стр. 321.
[6] Там же, стр. 341.

славянофилы».[7] Таким образом, если Тургенев не начал писать статью до февраля 1869 г. (что все-таки маловероятно), он приступил к ней не ранее марта того же года.

В черновом автографе очерка немало прямых и косвенных данных в пользу того, что работа над статьей (сам процесс писания) началась около первых чисел марта ст. ст. 1869 г. и продолжалась с перерывами вплоть до второй половины сентября ст. ст. 1869 г. Так, характеризуя позицию Каткова в отношении романа «Отцы и дети», Тургенев в черновом автографе еще не приводит цитаты из письма редактора «Русского вестника».[8] Объясняется это, по-видимому, тем, что статья писалась в Германии, а письмо Каткова находилось в парижском архиве писателя. Первые месяцы 1869 г. Тургенев провел в Карлсруэ, а затем весь год почти безвыездно жил в Баден-Бадене. В течение этого срока он отлучился в Париж только однажды и пробыл там с 13 (25) марта по 22 марта (3 апреля) 1869 г. Естественно предположить, что именно в эти мартовские дни была сделана необходимая выписка из письма Каткова. Предположение подтверждается обособленной беглой пометой для памяти, сделанной Тургеневым в правом верхнем углу последней страницы чернового автографа: «Если и не в апофеозу „Современника“ возведен Базаров — то нельзя не сознаться...». Это начало цитаты из письма Каткова. Теми же причинами следует объяснить отсутствие в черновом автографе другой важной цитаты — из дневника Тургенева. Не располагая своим парижским архивом в первой половине марта ст. ст. 1869 г., Тургенев не имел возможности вставить ее в основной текст и вынужден был пока ограничиться пометой на полях: «Позволю себе привести следующую выписку из моего дневника».

С точки зрения датировки статьи еще более убедительны данные чернового автографа, имеющие непосредственное отношение к творчеству Л. Н. Толстого. В этом автографе есть два упоминания о «Войне и мире», которые в дальнейшем Тургеневу пришлось устранить скорее всего по тактическим соображениям. В первом случае давалась ссылка на определенную страницу и даже строки V тома толстовской эпопеи, во втором приводилась точная цитата из того же тома, сопровождавшаяся краткой, но весьма резкой оценкой мировоззрения Толстого.[9] Между тем, как видно из объявления книжного магазина И. Г. Соловьева, V том «Войны и мира» поступил в продажу только 28 февраля ст. ст. 1869 г.[10] Тургенев же, с нетерпением ожидавший в Баден-Бадене присылки этого тома, получил его с большим запозданием — около 19 мая ст. ст. 1869 г.[11] Таким образом, не только в феврале, но даже в первой половине мая ст. ст. 1869 г. Тургенев еще не имел возможности ни читать, ни тем более цитировать в своей статье V том «Войны и мира». Это обстоятельство приобретает особенно важное значение при датировке статьи, так как, судя по черно-

---

[7] Там же, стр. 302.
[8] См.: *Сочинения*, т. XIV, стр. 352.
[9] См.: там же, стр. 738.
[10] «Московские ведомости», 1869, 28 февраля (12 марта), № 47.
[11] См.: *Письма*, т. VIII, стр. 13 и 40.

вому автографу, полемика Тургенева с Толстым велась не только в ее заключительной части.

Сопоставление текста чернового автографа с некоторыми фактами из переписки Тургенева с немецким критиком Л. Пичем, приведенными в комментариях М. К. Клемана,[12] также свидетельствует о том, что наиболее интенсивно работа над статьей велась в мае—июне 1869 г. Озабоченный подысканием убедительной аргументации для своей полемики с разночинцами-демократами, Тургенев 22 мая (3 июня) 1869 г. писал Л. Пичу: «Вы пишете мне, что должны написать рецензию на „Отцов и детей": ‹...› выразите в ней Ваше недоумение и удивление по поводу того, что молодое русское поколение восприняло образ Базарова как обидную карикатуру, как клеветнический памфлет. Больше того, укажите на то, что я задумал этого молодца даже чересчур героически идеализированным (так оно и *есть*) и что у русской молодежи слишком *чувствительная* кожа. Из-за Базарова забросали меня таким количеством грязи и гадостей (и продолжают забрасывать). Так много оскорблений и ругательств пало на мою голову ‹...›, что для меня было бы удовлетворением показать, что другие нации смотрят на это дело совсем иначе. Я осмеливаюсь просить Вас о такой рекламе — потому что она полностью соответствует истине и, конечно, нисколько не противоречит Вашему убеждению. В противном случае я не стал бы Вас беспокоить. Если Вы пожелаете исполнить мою просьбу, то сделайте это поскорее, чтобы перевод наиболее важных мест этой рецензии я мог добавить к моим литературным воспоминаниям, которые должны скоро выйти».[13] В рецензии Л. Пича, напечатанной в газете «Vossische Zeitung»,[14] просьба Тургенева была удовлетворена. В письме к Л. Пичу от 9 (21) июня 1869 г. Тургенев писал: «Большое спасибо Вам за быстрое исполнение моей просьбы ‹...› нужное место я уже использовал».[15] На последней странице чернового автографа Тургенев записал перевод «нужного места» из рецензии Л. Пича, а в том месте автографа, где этой цитате полагалось быть по ходу изложения, сделал помету: «Привести в оригинале».

Общее состояние чернового автографа позволяет предполагать, что в июне 1869 г. статья все еще не была закончена. Беловой автограф очерка и первопечатный текст имеют нечто вроде постскриптума, характеризующего авторскую работу по подготовке издания собрания сочинений 1868—1871 гг.[16] Появление такой приписки оправдано общим замыслом «Литературных воспоминаний», которые были задуманы как «Предисловие» ко всему изданию, причем, согласно плану, намеченному на полях черновика очерка «Вместо вступления» и на обложке чернового автографа

---

[12] *Тургенев, Соч.*, т. XI, стр. 654—655.

[13] *Письма*, т. VIII, стр. 340.

[14] «Vossische Zeitung», 1869, 10 июня, № 132, стр. 3—4. См. также: Г. Ф. Перминов. «Отцы и дети». Статья Л. Пича о романе Тургенева (1869). *Тургенев, Сб.*, вып. II, стр. 159—167.

[15] *Письма*, т. VIII, стр. 341.

[16] См. варианты прижизненных изданий «По поводу „Отцов и детей"»: *Сочинения*, т. XIV, стр. 358.

повести «Странная история»,[17] статья «По поводу „Отцов и детей“» замыкала это «предисловие».[18] Однако в черновом автографе это развернутое примечание расположено не в конце текста, как следовало ожидать, а после слов «чего же больше».[19] Следовательно, весь текст чернового автографа, характеризующий отношение Тургенева к русскому языку и литературе и важный для уяснения его позиции в конфликте с «Современником» (см. две последние главки), был написан после какой-то паузы, когда работа над этой рукописью представлялась писателю уже законченной. В данном случае текст чернового автографа дает наглядное представление о существовании двух вариантов концовки статьи и о наметившейся замене одного варианта другим, более распространенным и содержательным.

Расположение и последовательность некоторых других главок чернового автографа также не соответствуют их позднейшей композиции в беловом автографе. Так, целая страница занимала в тексте чернового автографа совершенно обособленное положение и даже имела самостоятельное заглавие: «О типах» (границы этого отрывка в окончательном тексте: «Вся причина недоразумений ∾ выйти из неприятной неопределенности»).[20] Главка «Ни отцы, ни дети» располагалась еще между главками: «С другой стороны, я понимаю причины...» и «Но довольно говорить обо мне...». Таким образом, оснащая основной текст цитатами, которые нуждались иногда в специальных авторских разъяснениях (письмо Каткова)[21] и переводе (цитаты из Гете), Тургенев при работе над беловым автографом стремился придать ему бо́льшую (по сравнению с черновым) композиционную упорядоченность и стройность. Если к этому прибавить, что ироническая интерпретация статьи Антоновича в «Космосе»[22] и развернутое критическое суждение о славянофилах[23] с соответствующим подстроч-

---

[17] Там же, стр. 417, 418.

[18] В связи с этим необходимо устранить одно недоразумение. Поскольку статья являлась своеобразным эпилогом «Литературных воспоминаний», авторская дата «1868—1869. Баден-Баден», проставленная по ее окончании, определяла время работы не над нею, а над всем мемуарным циклом в его первоначальном составе. Очевидно, в соответствии с этим очерки «Литературных воспоминаний», расположенные в издании 1869 г. перед статьей «По поводу „Отцов и детей“», датировки не имели. В последующих прижизненных изданиях собраний сочинений Тургенева каждый из этих очерков был снабжен особой авторской датой. Датой же статьи «По поводу „Отцов и детей“» по недосмотру Тургенева по-прежнему продолжала оставаться дата, отнесенная в 1869 г. к «Литературным воспоминаниям» в целом. Эта ошибка Тургенева не была замечена и при подготовке всех советских изданий собрания его сочинений.

[19] См.: *Сочинения*, т. XIV, стр. 355.

[20] Там же, стр. 102—103.

[21] Там же, стр. 104.

[22] *Сочинения*, т. XIV, стр. 99.

[23] Началу этой характеристики предшествуют три густо зачеркнутые строчки, не поддающиеся прочтению, которых также не было в черновом автографе. По-видимому, эти строки являются первоначальным вариантом критической оценки идеологии славянофилов.

ным примечанием[24] впервые появились только в беловом автографе, станет очевидным: превращение чернового автографа в окончательный текст не было актом механической переписки. Проделать такую кропотливую работу в 2—3 дня Тургенев не смог бы. По-видимому, писатель не однажды возвращался к работе не только над черновым, но и над беловым автографом. Не случайно поэтому текст белового автографа предваряется общим заглавием: «Неконченные вещи».

Совокупность всех этих фактов и обстоятельств дает основание передвинуть предположительную дату окончания статьи — июнь ст. ст. 1869 г. — на более позднее время. Имея в виду завершение «Литературных воспоминаний», Тургенев писал М. В. Авдееву 21 сентября (3 октября) 1869 г.: «...только *вчера* послал ему ‹Салаеву› последний отрывок».[25] В связи с этим М. К. Клеман пишет в своих комментариях к «Литературным и житейским воспоминаниям»: «Последним очерком, посланным к Салаеву, был, конечно, очерк „Гоголь"...».[26] С этим выводом согласиться нельзя. Последним «отрывком» «Литературных воспоминаний», отосланным к Салаеву, была, конечно, в соответствии с заранее намеченным планом, статья «По поводу „Отцов и детей"».

А. И. Батюто

«ВЕШНИЕ ВОДЫ»
Латинские ссылки в повести Тургенева

1. ТУРГЕНЕВ И «ЭНЕИДА» ВЕРГИЛИЯ

В рассказе «Лебедянь» (1848), входящем в состав «Записок охотника», повествователь неожиданно вспоминает героя поэмы Вергилия: «После обеда, которого описывать я не берусь (уже Эней знал, как неприятно припоминать минувшее горе), отправился я в так называемую кофейную...».[1] Читатель, даже если он не знал, кто такой Эней, понимает, что этот обед был горе-обед. Но повествователь, очевидно, предполагает, что читатель помнит

...хоть не без греха,
Из Энеиды два стиха.

К числу таких «двух» (т. е. нескольких) стихов «Энеиды», получивших в обиходе образованного европейского общества почти провербиальное значение, принадлежит и знаменитый стих:

Infandum, regina, jubes renovare dolorem

— т. е. «несказанную, царица, велишь ты возобновить скорбь».[2]

---

[24] См. варианты к стр. 100, строкам 16—18: *Сочинения*, т. XIV, стр. 357.
[25] *Письма*, т. VIII, стр. 86.
[26] *Тургенев, Соч.*, т. XI, стр. 657.
[1] *Сочинения*, т. IV, стр. 198.
[2] Aen, II, 3. В переводе В. Брюсова (Academia, 1933):
Невыразимую скорбь обновить велишь ты, царица.

Такими словами Эней начинает по просьбе карфагенской царицы Дидоны на пиру у нее свой рассказ о разорении Трои. Комизм ссылки Тургенева основан на сопоставлении незначительного с великим, мелкой неприятности с подлинным горем: неудачливый охотник, занесенный судьбою в небольшой уездный городок и принужденный довольствоваться дрянным обедом, ссылается на героя «Энеиды».

В романе «Новь» цитата из Вергилия служит сатирическим штрихом для обрисовки камергера Сипягина. Он знал по-латыни: свой «спич» на именинном обеде он кончает восклицанием «Laboremus» (гл. VIII). При столкновении Нежданова с Калломейцевым Сипягин, успокаивая их, не приводит, правда, латинских цитат, но за него это делает автор романа, гротескно сопоставляя Сипягина с Нептуном: «...вергилиевское: Quos ego! (Я вас!) — не было ему чуждым. Сознательно он не сравнивал себя с Нептуном, но как-то сочувственно вспомнил о нем» (гл. XVI).[3] Здесь имеется в виду 135-й стих I песни «Энеиды»: Нептун укрощает ветры, которые по наущению Юноны были выпущены Эолом, чтобы погубить флот Энея. Ссылка на Вергилия пародийна, как и в рассказе «Лебедянь», но если там дело ограничивалось шуткой, то здесь она переходит в сатиру, если вспомнить, какое значение придавалось в 70-е годы изучению древних языков как мере борьбы с «анархическими учениями» («толстовский классицизм»), и учесть, что Сипягин — «в некотором роде общественный столп» и будущий министр.

Обе ссылки — и в «Лебедяни» и в «Нови» — даны в литературных традициях «Энеиды наизнанку».[4]

Сложнее обстоит дело в «Вешних водах». Героиня второй части повести, Марья Николаевна Полозова, так отзывается об «Энеиде»: «Скучная вещь...» (гл. XXXIX).[5] Этот распространенный в светских кругах отзыв был иронически использован и в журнальной полемике той эпохи. Так, в «Москвитянине» за 1852 г. (№ 13, стр. 25—26) по поводу печатавшегося в «Современнике» перевода Шершеневича[6] говорилось: «Престранно ви-

---

[3] *Сочинения*, т. XII, стр. 61, 103—104.

[4] Вслед за первыми переводами «Энеиды» на русский язык (В. Санковского — 1769 г., В. Рубана — 1776 г., В. Петрова — 1770—1786 гг.) в русской литературе появляется и травестированная, «вывороченная наизнанку» «Энеида» Н. П. Осипова и Котельницкого (1791—1801 гг.), а с 1798 г. — и украинская «Энеида» И. П. Котляревского. Популярность травестированных «Энеид» и у нас и — еще ранее — на Западе (Скаррон — 1653 г., Блумауер — 1784 г.) была тем больше, чем усиленнее Вергилиева «Энеида» изучалась в школах. Последняя у нас травестированная «Энеида» — это «Юмористическая Энеида» И. А. Бойчевского (СПб., 1896). Предпринятый с самыми лучшими намерениями и во всеоружии филологических знаний перевод «Энеиды» В. Брюсова («Academia», 1933) непроизвольно объединил обе традиции — и серьезной, и травестированной передачи «Энеиды» — вследствие странной попытки переводчика латинизировать русскую речь, что производит местами комический эффект (например, хотя бы то, что вместо «римляне» у Брюсова «романы», потому что Рим у него — «Рома», и т. д.).

[5] *Сочинения*, т. XI, стр. 131.

[6] Отдельное издание (полностью) «Энеиды» Виргилия, перевод Ив. Шершеневича. Варшава, 1868.

деть в великосветском журнале перевод этого классического или, лучше сказать, классного произведения. Для чего его печатает „Современник“? ‹...› Он стал думать, что бы напечатать такое, как говорится, *классическое*. За этим родился вопрос в голове „Современника“: „Да почем узнать, какое призведение классическое, какое нет? ‹...› А! — смекнул он, — классическое то, что скучно. Энеида скучна, стало быть, она классическая...“». Н. А. Добролюбов (в статье «О Виргилиевой „Энеиде“ в русском переводе г. Шершеневича») отвергал такое «глумление» над «Энеидой».[7]

Но в «Энеиде», по мнению Марьи Николаевны, все же «есть места хорошие. Помните, когда Дидона с Энеем в лесу...» — не договаривает Марья Николаевна, обращаясь к Санину.[8] Здесь ссылка на «Энеиду» входит уже в сюжетное развитие повести. Марья Николаевна «зондирует почву»: как относится Санин к тому эпизоду поэмы, где говорится о любовном соединении Дидоны с Энеем (IV песнь).[9] «Да, да, помню, — торопливо промолвил Санин. Сам он давным-давно всю свою латынь забыл и об „Энеиде“ понятие имел слабое», — замечает Тургенев. Ответ Санина Марья Николаевна могла истолковать как одобрение данного места поэмы, и это могло навести ее на мысль о поездке в лес. Там, перед входом в лесную караулку, она шепчет Санину: «Эней?»,[10] — так пригодилось Марье Николаевне «хорошее место» из «Энеиды». Между тем у Вергилия главная черта Дидоны — это pudor, целомудренная стыдливость. Потеряв мужа, она хранит обет супружеской верности. Эней, хотя и был поражен царственной красотой Дидоны, однако не пылает страстью ни к ней, ни к какой другой женщине. Он — pius, благочестивый, и следует велениям богов. Возникновение любви Дидоны к Энею — дело богинь, но она всячески борется с собой. Дидона отправляется в сопровождении царственной свиты вместе с Энеем и его сыном на охоту, конечно, без всякого скрытого умысла. При описании охоты римский поэт рисует пейзаж, не применяя такого слова, как «лес», или его синонимы, — оно ранее промелькнуло

---

[7] *Добролюбов*, т. 1, стр. 8—61. — А. В. Дружинин в своих «Письмах иногороднего подписчика о русской журналистике» (ноябрь 1852 г.), рассуждая о «полезном и добросовестном» переводе «Энеиды» Шершеневича, писал в свою очередь: «Отрицать прелесть Виргилиевой поэмы, как сборника высокопоэтических отрывков, не сознавать ее важности в историческом и археологическом смысле — значит, походить на слепца, которому мраморная статуя не представляет никакой прелести, а напротив того, неприятна по своей твердости и холодности. Вот почему всякий смертный, умеющий читать по-русски, оценит по заслугам предприятие нового переводчика „Энеиды“, хотя его гекзаметры местами и не совсем гладки» (А. В. Дружинин, Собрание сочинений, т. VI, СПб., 1865, стр. 692).

[8] *Сочинения*, т. XI, стр. 131.

[9] В издании 1953—1958 гг. в примечания вкралась весьма досадная опечатка: «„Энеида“ — поэма древнегреческого ‹sic!› поэта Вергилия» (*Тургенев, Собр. соч.*, т. 8, стр. 568).

[10] *Сочинения*, т. XI, стр. 148. — С пуритански-педагогической точки зрения не одобряет ссылку Тургенева на «Энеиду» Ч.-Е. Финч (Chauncey E. Finch. Turgenev as a Student of the Classics. «The Classical Journal» (Saint Louis University), December 1953, vol. 49, № 3, стр. 119).

только раз в речах Юноны (стих 118). Пейзаж этот лишен зелени, тени, он не столько италийский, сколько карфагенский, африканский. Вергилий с величайшей сдержанностью касается соединения Дидоны с Энеем: во время внезапно разразившейся грозы все охотники «в страхе устремились под кров хижин, бывших кое-где среди полей. Несутся с гор потоки. Дидона и троянский вождь приходят в одну и ту же пещеру (speluncam Dido dux et Troianus eandem deveniunt). Сейчас же Земля и Юнона, устроительница браков, дают знак: молниями засверкал эфир, с вершины гор заголосили нимфы. Этот день был начальной причиной смертельного исхода и несчастий» (Энеида, песнь IV, стихи 163—169). Как видим, различия обстоятельств и характеров в «Энеиде» и в «Вешних водах» гораздо больше, чем сходства. Кроме того, Вергилий описывает переживания *ее*, а Тургенев — *его*.

Как бы ни выворачивала Марья Николаевна «Энеиду» наизнанку,[11] сам романист, видимо, не разделяет ее подхода; ведь принцип травестирования заключается в заполнении фабулы «Энеиды» тривиальной лексикой и вульгарными подробностями, а этого нет в описании верховой поездки персонажей повести, — напротив: в отличие от ссылок в «Лебедяни» и «Нови», упоминание «Энеиды» в XLII главе «Вешних вод» лишено какой-либо шутливости и не рассчитано на то, чтобы забавлять читателей. Вся эта глава, чрезвычайно сильно написанная, построена на нагнетании впечатлений: из цивилизованного человеческого общежития *он* и *она* скачут в область стихийности, «у ‹...› санинского жеребца прерывалось дыхание», «тень леса накрыла их», «по воздуху лесному прокатилось сотрясение» и т. д.[12] Литературные ссылки и реминисценции как бы аккомпанируют происходящему и носят жуткий характер: женщина-кентавр; образ Леноры, скачущей с мертвым женихом. В этот ряд входит и ссылка на «Энеиду»: романтический колорит распространяется и на нее.

По выходе в свет «Вешних вод» Тургенев перечитывает Вергилия,[13] — конечно, в подлиннике — и пишет А. А. Фету: «Вы напрасно так строго отзываетесь о Виргилии. Постройка, характеры и пр. его „Энеиды“ не имеют значения; но в отдельных выражениях, в эпитетах, в колорите — он не только поэт, но смелый поватор и романтик». Далее Тургенев цитирует в своем письме некоторые выражения Вергилия, замечая, что они годились «хоть бы Тютчеву», в частности указывает на описание самоубийства Дидоны (IV песнь «Энеиды»).[14]

---

[11] Ее уверение, будто она с гувернером ее брата прочла по-латыни «Энеиду» — т. е. всю «Энеиду», — надо считать светским преувеличением: нельзя предположить у нее такого основательного знания латыни и такой усидчивости, чтобы прочесть трудную поэму большого объема.

[12] *Сочинения*, т. XI, стр. 144.

[13] См., например, в письме Тургенева к Ю. Шмидту от 17 (19) августа 1873 г.: «Я ‹...› занят лишь тем, что читаю Виргилия, Овидия (не знаю сам, почему я пристрастился к римлянам)» (*Письма*, т. X, стр. 140).

[14] Письмо Тургенева Фету от 13 (25) сентября 1873 г.: «Напомню Вам per *amica silentia* lunae (хоть бы Тютчеву) или „futura jam pallida morte“ (О Дидоне, когда она *с яростью* восходит на свой костер, чтобы покон-

Суждение Тургенева понятно в историческом плане. Французский классицизм монополизировал в свое время античность; новое направление в литературе, отвергавшее французский классицизм, задевало и неповинных в нем римских поэтов: Лессинг развенчивал Вергилия; тысячелетняя слава «короля поэтов» померкла к исходу XVIII в., в частности это касается и его «Энеиды» (ср. у Пушкина: «чахоточный творец немного тощей „Энеиды“»). С благоговейным почитанием Вергилия было покончено. В XIX в. больше ценилась сельская поэма Вергилия — его «Георгики» («Буколики» находили меньше почитателей, так как все еще ассоциировались с пасторалями XVIII в.). Защита Вергилия нередко строилась именно так, как в данном письме Тургенева: хотя «Энеида» и не совсем удачное произведение, но Вергилий все-таки подлинный поэт, не ответственный за то, что́ из него сделали его подражатели; раз он поэт — следовательно, он «романтик».[15]

2. *TAEDIUM VITAE*

В прологе повести Тургенева «Вешние воды» автор говорит о выведенном там персонаже: «никогда еще то taedium vitae, о котором говорили уже римляне, то „отвращение к жизни“ с такой неотразимой силой не овладевало им».[1]

Писатель употребил здесь латинское выражение для обозначения неудовлетворенности жизнью, опустошенности, телесной и душевной усталости, овладевающей человеком, вопреки материальному благополучию и изысканности окружающего общества. На первый взгляд перед нами речевое явление, частое в языке той культурной среды, к которой принадлежал и писатель, и предполагаемый им читатель: в русскую речь вводится иноязычное выражение, удобное по своей краткости и представляющее собою устойчивое словосочетание, своего рода термин. Тургенев, правда, дает и перевод употребленного им выражения, признавая тем самым, что оно непривычно для русского читателя, как оно не могло быть свойственно и герою тургеневской повести, Санину, о котором в главе XXXIX сказано, что он еще в юности «давным-давно всю свою латынь забыл», — вряд ли он ей научился за истекшие с тех пор тридцать лет.

Латинское выражение Тургенева подчеркивается добавлением слов «о котором говорили уже римляне»: за безотрадными переживаниями

чить с собою)» (*Письма*, т. X, стр. 152). В комментарии отмечено, что второй стих из «Энеиды» (IV, стих 644) приведен Тургеневым неточно, следует — «et pallida morte futura»; первый же (II, стих 255) напоминал ему стихотворение Тютчева «Silentium» (1832).

[15] Применение термина «романтизм» к явлениям классической литературы Тургенев мог встретить в руководстве по теории словесности, распространенном еще в его отроческие годы (Умозрительные и опытные основания словесности в IV частях, сочинение А. Глаголева, ч. IV, § 118. СПб., 1834, стр. 137: «Самая греческая поэзия, называемая преимущественно классическою, заключает в себе также романтизм, который в особенности кроется в стремлении ее к изображению народных идеалов и самобытной, пластической красоты»).

[1] *Сочинения*, т. XI, стр. 7.

Санина намечается культурно-исторический фон. Иначе говоря, перед нами здесь глухая ссылка на римскую литературу, так как по отношению к языку вымершему выражение «говорили» может означать только то, что содержится в письменных его памятниках. Ссылку Тургенева возможно проверить: дошедшая до нас римская литература имеет ограниченный объем, и ее лексика и фразеология многократно и давно уже подвергались словарной обработке. Проверка сводится к отысканию в римской литературе сочетания слов taedium и vita и к анализу смыслового значения такого словосочетания.

Близкое, но выраженное глаголом taedet слово попадается у Цицерона в одном из его писем: «Мы прибыли в погубленную и ‹...› совершенно разоренную провинцию ‹...›, стоны городов, плач ‹...›, им совсем опостылела жизнь» (taedet omnino eos vitae).[2] Существительное же taedium в соединении со словом vita встречается во всей дошедшей до нас римской литературе всего один раз, а именно у Авла Геллия, писателя середины II в., в его «Аттических ночах» — как озаглавил он собрание выписок из различных (до четырехсот) авторов, составлявших предмет его занятий в долгие зимние вечера (longinquis per hiemem noctibus) в усадьбе под Афинами.

Авл Геллий, ссылаясь на Корнелия Непота, записал там и следующее: Ганнибал послал в Рим некоторых из взятых им в плен римлян для переговоров об обмене пленными, обязав их клятвенно, в случае несогласия римлян, вернуться все же обратно; двое нарушили клятву и не вернулись, но остались в Риме, однако римляне с таким презрением и ненавистью относились к ним, что им и жизнь опротивела (ut taedium vitae ceperint),[3] и они покончили с собой.

И этот случай, как и предшествующий — упоминание Цицерона об отчаянии жителей, страдающих от римского произвола, — не имеет ничего общего с taedium vitae тургеневского Санина, вызываемым не внешними, а внутренними причинами.[4] Между тем словосочетание taedium и vita больше нигде не встречается в дошедшей до нас римской литературе (а о не дошедшей мы судили по аналогии). Таким образом, вопреки утверждению Тургенева, мы вправе сказать, что в том смысле, как это дано в «Вешних водах», римляне о taedium vitae еще не говорили.[5]

---

[2] Cic., 5 Att., 16.

[3] Noctes Atticae, VII, 18. — Так бы мы передали выражение Авла Геллия, поскольку применительно к пленным слишком книжно звучало бы «ими овладело отвращение к жизни». Здесь перед нами житейское выражение «и жизнь им стала не в жизнь». Ср. у Сенеки: «jam res taedio est» — «это уже надоело» (Controversiarum, VI).

[4] Исторически и социологически неправильно привлекать для объяснения психологии Санина описанное Тацитом отчаяние, охватившее римское общество, да у Тацита и не встречается выражение taedium vitae.

[5] Clara L. Thompson. Taedium vitae in Roman sepulchral inscriptions. Saint Louis, 1911 (см. рецензию И. И. Холодняка: «Гермес». 1913, № 7, стр. 166—167; см. также: А. Ю. Малеин. И. И. Холодняк (некролог). «Журнал министерства народного просвещения», 1913, № 7 (июль), отд. класс. филол., стр. 67—68). — Автор указывает, что выра-

Это не значит, что у древних не могло возникать чувства неудовлетворенности жизнью и при благоприятных обстоятельствах, но этот оттенок не получил у них терминологической формулировки в литературе. Общеизвестно, что иные обозначения общественных настроений, умственных течений и литературных направлений становятся крылатыми словами лишь в определенные эпохи. Отсюда вытекает невозможность их перевода на такой язык, где они еще не нашли своего выражения: например «разочарованность», «мировую скорбь» (Weltschmerz), «бурю и натиск» (Sturm und Drang) не удастся терминологически передать по-латыни, как, скажем, fin de siècle не имеет адекватного выражения в русском языке.

Термин taedium vitae Тургенев взял, вероятно, из языкового обихода образованных кругов Запада. В современной Тургеневу или предшествовавшей ему русской литературе нельзя привести случаев употребления этого выражения. Предположительно, Тургенев встречал его во французской литературе и невольно, вследствие своих былых занятий классической филологией, приписал это латинское выражение как термин древним римлянам.

Психологически ближе всего к тургеневскому taedium vitae стоит одно место в «Энеиде» Вергилия, где встречается и глагол taedet. Как Санина, несмотря на материальное и социальное благополучие, не удовлетворяет жизнь из-за позорно упущенной возможности любви, так и карфагенской царице Дидоне, покинутой любимым человеком, жизнь стала в тягость: Mortem orat, taedet coeli convexa tueri (IV, стих 451) («Она молит о смерти: ей опостылело взирать на небесный свод»). Возможно, писатель и воспользовался выражением taedium vitae, смутно вспоминая данную вергилиевскую строку, поскольку ссылку на «Энеиду» он как раз и ввел в конце повести. Но тургеневский Санин не молит о смерти, он ее боится («все разъедающий и подтачивающий страх смерти»). Подобное психологическое состояние описано блаженным Августином: после смерти любимого друга он испытывал крайнее отвращение к жизни, но и страх смерти — et taedium vivendi erat in me gravissimum et moriendi metus (Confessiones IV, 6). Что страх смерти может вызывать ненависть к жизни — odium vitae, — отмечал в своей поэме Лукреций (III, 79—80). Но ряд такого рода упоминаний нельзя свести к литературным ссылкам — это свидетельство о единстве и повторяемости некоторых черт человеческой психики на протяжении столетий.

А. Н. Егунов

жение taedium vitae взято ею как заголовок именно из Авла Геллия и не встречается в римских надгробиях, хотя там выражается скорбь по погибшим, нежелание больше жить, а смерть рассматривается как отдых и избавление от бед.

СТИХОТВОРНЫЕ ТЕКСТЫ ДЛЯ РОМАНСОВ ПОЛИНЫ ВИАРДО

Особую группу произведений Тургенева составляют русские (а частично также иноязычные) тексты, интонационно и ритмически приспособленные к музыкальной мелодии и предназначаемые для вокального исполнения в звуковом единстве с нею. В основном это тексты для музыкальных композиций (романсов) Полины Виардо. При ознакомлении с ними следует иметь в виду, что сочиненные Тургеневым тексты занимают подчиненное положение в музыкальном целом и не представляют самостоятельной художественной ценности в отрыве от мелодии, с которой они сопряжены. Большинство этих текстов возникло после сочинения соответственных мелодий и музыкального к ним сопровождения; к тому же эти словесные тексты по преимуществу не являются оригинальными произведениями Тургенева, но представляют собой переводы иноязычных стихотворений (немецких или французских); вокальный же перевод имеет свои технические особенности, существенно отличающие его от переводов как прозаических, так и стихотворных.

Нотография музыкальных композиций П. Виардо, в частности ее романсов, плохо разработана; вероятно, не полностью учтенными остаются еще многие ее композиции; неясно не только их общее число, но и хронология их, что затрудняет также разыскание и датировку опубликованных вместе с ними русских текстов Тургенева.

Давно укоренившееся в литературе о Тургеневе представление, будто бы музыкальными композициями П. Виардо занималась только со второй половины 60-х годов, когда заметно сократилась ее концертно-исполнительская деятельность, не соответствует действительности. Первые опыты ее на композиторском поприще относятся еще к концу 30-х—началу 40-х годов, ко времени ее блистательных дебютов в «Итальянском театре» в Париже, до ее гастрольных поездок в Россию. В 60—80-е годы, когда знаменитая певица имела возможность отдавать больше времени творческой музыкальной деятельности, она могла уже считать себя довольно известным композитором, создавшим большое количество музыкальных сочинений в разных родах (для одного или нескольких голосов, для скрипки и т. д.).[1] Эти сочинения, в которых, естественно, преобладали вокальные композиции, в течение нескольких десятилетий издавались в различных странах Европы: в Париже, Лейпциге и Веймаре, Лондоне и Петербурге.

Большой почитательницей музыкального творчества П. Виардо, еще в ее юности, была Жорж Санд. В 1840 г. в журнале «Revue des Deux Mondes» Ж. Санд поместила статью о П. Гарсия (еще до ее замужества) и участии ее в оперных спектаклях в Париже; в этой статье о молодой певице, между прочим, говорилось: «Вот восемнадцатилетняя девушка,

---

[1] Общий суммарный и неполный их перечень см. в книге: Thérèse Marix-Spire. Lettres inédites de G. Sand et P. Viardot. Paris, 1959, стр. 103—104.

создающая действительно красивые и музыкальные произведения, о которых весьма сведущие и самые строгие музыканты отзываются так: „Покажите нам эти страницы в качестве еще не изданных произведений Вебера или Шуберта, и мы скажем, что они действительно могут быть подписаны одним из этих великих имен, притом скорее первым, чем вторым“». «Здесь, как нам кажется, — прибавляла Ж. Санд, — закладывается основание для непреходящей славы M-lle Гарсия».[2] Эти похвалы несомненно заключали в себе дружеское преувеличение; тем не менее уже в те годы ранние вокальные произведения П. Виардо обращали на себя внимание в музыкальных кругах благодаря своей мелодической свежести и новаторским тенденциям. Сама П. Виардо, рассказывая (в письме к Ж. Санд от 15 октября 1841 г.) о новых опытах своих вокальных сочинений, упоминала, между прочим, что она «осуществила идею новую и весьма дерзкую»: «Я положила на музыку басню Лафонтена „Дуб и трость“. Мне бы очень хотелось, чтобы ее послушал Шопен и сказал мне, хорошо ли это или плохо».[3] Очевидно, что действительно смелое музыкальное перевоплощение известной басни, шедшее вразрез со всеми традициями французских сентиментальных романсов той поры, более или менее безразличных к тем литературным текстам, на основе которых они создавались, Шопену понравилось; несколько месяцев спустя (21 февраля 1842 г.) П. Виардо исполнила «Дуб и трость» на концерте великого польского композитора в Париже с его участием в качестве аккомпаниатора; в публике эта «басня для голоса» имела успех и была бисирована.[4] Хотя критика отнеслась к этой вещи с известной настороженностью, та же Ж. Санд была от нее в полном восторге, считая музыку к «Дубу и трости» «великолепной», предприятием «необычайной трудности», блистательно осуществленным.[5]

По-видимому, к тому же времени (зима 1841/42 г.) относится обращенное к П. Виардо шуточное, пародическое письмо, написанное Ж. Санд от имени героя своего незадолго перед тем напечатанного романа «Орас». Писательница представила себе, что созданный ею герой, являясь фанатическим поклонником П. Виардо, предлагает ей для переложения на музыку собственные произведения, узнав, что с талантом замечательной певицы она сочетает также выдающееся дарование композитора. Вся соль

---

[2] G. Sand. Le Théatre Italien de Paris et M-lle Pauline Garcia. «Revue des Deux Mondes», 1840, 15 février, стр. 587.

[3] T. Marix-Spire. Lettres inédites..., стр. 134.

[4] В отчете об этом концерте музыкальный критик М. Бурж отметил, что П. Виардо следует примеру своей знаменитой сестры (Малибран, также пробовавшей свои силы в области музыкальных композиций), но все же предостерегал ее от излишних увлечений музыкальным сочинительством и напоминал, что певица не должна забывать о своем подлинном призвании (Maurice Bourges. Soirée musicale de M. Chopin. «Revue et Gazette Musicale de Paris», 1842, 27 février, стр. 83).

[5] Очевидно, эта музыкальная новинка не раз обсуждалась ими; в одной записке Ж. Санд к П. Виардо есть такая приписка: «Пусть тростник Шопен не забывает Дуба» (T. Marix-Spire. Lettres inédites..., стр. 140).

этого пародического письма заключается в простодушном допущении, что П. Виардо может переложить на музыку все, что пожелает, как бы ни был далек текст от музыкальной стихии. «Мне сказали, — пишет Ж. Санд от имени своего воображаемого героя, — что вы возымели намерение положить на музыку басню Лафонтена об осле и собачке, „Ямбы" О. Барбье и последнее рассуждение остроумного Пьера Леру».[6] Эта дружеская шутка довольно отчетливо свидетельствует, какие особенности и тенденции в музыкальных произведениях своей приятельницы Ж. Санд находила особо заслуживающими внимания. Несомненно, что, ставя своей целью обновление вокального репертуара, П. Виардо успешно боролась с рутиной, банальностью и безвкусием дилетантских чувствительных романсов, распространенных во Франции в ту пору. Как певицу, ее заметно интересовала подтекстовка выдающихся музыкальных произведений, созданных для фортепиано или инструментов, и транспонирование их для голоса, — поскольку развитие «художественной песни» во Франции заметно отставало в первые десятилетия XIX в. от развития фортепианной или инструментальной музыки. С другой стороны, П. Виардо старалась усовершенствовать текстовую основу вокальных сочинений, опираясь на выбранные со вкусом стихотворные произведения и пытаясь добиться слитности слов и мелодии, их нерасторжимого звукового единства. Эти задачи с большим успехом начали осуществлять авторы немецких «Lieder», для Франции же они оставались в ту пору еще новыми и заманчивыми.

В 1843 г. восемь романсов и песен П. Виардо на слова французских и немецких (во французском переводе) поэтов были изданы в Париже (Album de M-me Viardot-Garcia, Troupenas et Cie éd.). Сюда вошли «Дуб и трость» на слова Лафонтена, «Часовня» на слова Л. Уланда (с посвящением Ж. Санд), «Прощайте, ясные дни» (на текст неизвестного автора с посвящением композитору Оберу) и другие произведения, в которых проявились уже незаурядные особенности дарования П. Виардо как композитора — присущее ей уменье осуществлять слияние с мелосом даже переводного литературного текста (например, немецкой баллады) и оттенять певческую строку соответственно общей структуре романса фигу-

---

[6] Среди музыкальных опусов П. Виардо необычно много таких аранжировок, получивших довольно широкое распространение. Таковы, например, шесть мазурок Шопена, приспособленных ею для пения на специально написанные по ее заказу слова Луи Поме (впоследствии приятеля Тургенева). Сама П. Виардо любила исполнять их на концертах, — против чего не возражал и Шопен, — и они были изданы в Париже (у Жирара) и в Лейпциге (у Брейткопфа и Гертеля). П. Виардо аранжировала также для двух голосов три вальса Шуберта, затем венгерские танцы; ей же принадлежит и аранжировка канцонетты, заимствованной из квартета Гайдна. В письме от 17 июня 1842 г. П. Виардо просила Ж. Санд передать Шопену просьбу сочинить ей что-либо для пения, что она могла бы исполнять, безразлично на каком языке. Позже сам Шопен в одном из писем (18 июня 1845 г.) делился впечатлением от «Испанской песни», которую она пела ему и которую сама сочинила за год перед тем в Венс. «Я очень люблю эту песню, — прибавлял Шопен, — и, я думаю, трудно представить себе что-либо более прекрасное в этом жанре» (T. Marix-Spire. Lettres inédites..., стр. 103—104, 137—158).

ральным или гармоническим сопровождением инструмента. Особо стоит отметить, что в этом же альбоме впервые опубликован романс «L'ombre et le jour» («Мрак и день») на слова Э. Тюркети, впоследствии под заглавием «Ночь и день» переведенный Тургеневым; этот перевод был издан в России с музыкой П. Виардо:

Уже бегут ночные грезы,
Денница в небе уж зажглась...

Тургенев познакомился с этим альбомом вскоре после его появления в печати. Он писал П. Виардо в начале 1844 г. из Петербурга: «...почему это вы мне никогда ничего не спели из вашего „Альбома"? Знаете ли, что в нем есть замечательные вещи, например, „La Chapelle" или „L'ombre et le jour", и особенно — „Adieux aux beaux jours"; всё это проникнуто глубокой печалью, мрачной и нежной, заставляющей волноваться и плакать, и при этом какая правда выражения!». И Тургенев прибавляет: «Я имел возможность судить об этом», — т. е., по-видимому, слышал эти произведения в чьем-либо исполнении.[7] С этих пор Тургенева не покидал интерес к композиторским опытам выдающейся певицы.

Летом 1849 г., живя в Куртавнеле в пустом деревенском доме Виардо (П. Виардо с мужем находились в это время в Лондоне), Тургенев написал ей большое письмо о ее вокальных композициях, вероятно еще не изданных, с которыми он тогда познакомился: «Найдя под зеленым покрывалом пианино вашу толстую музыкальную тетрадь, я позволил себе раскрыть и пробежать ее... Я пытался разбирать кое-какие вещи, которых вы нам никогда не пели. Насколько я могу судить, вы во все времена были изящны, но то, что вы делали раньше, было несравненно менее выдержано». Делая разбор найденных им романсов и находя даже недостатки в некоторых, наиболее ранних из них, Тургенев снова сознавался, что он предпочитает другим «Светлячок» или упомянутый выше «Мрак и день». «Собираетесь ли Вы компонировать в этом году?» — спрашивал Тургенев Виардо в том же письме (4 июля 1849 г.) и сообщал, кстати: «Два или три раза я пытался сочинить слова, но увы! мой Пегас теперь не более как старая разбитая кляча, которая не в состоянии ступить ни шагу».[8] Это — первое дошедшее до нас известие об опытах Тургенева создавать тексты для музыкальных композиций П. Виардо; в данном случае, очевидно, речь шла о французском тексте; такие попытки

---

[7] *Письма*, т. I, стр. 237.

[8] *Письма*, т. I, стр. 486—487. — В рукописях Тургенева сохранились следы его творческой работы этого рода. Известен, например, его французский текст из «Песни дождя» (Chanson de la pluie) — «Coulez, coulez, gouttes fines...», — включенный также в одну из оперетт П. Виардо (*Лит. насл.*, т. 73, кн. 1, стр. 189, 195). Среди парижских рукописей Тургенева сохранился листок, на котором его рукою написана «Chanson du page (imité de l'allemand de Mörike)»; текст — на французском языке (четыре строфы). См.: *Mazon*, стр. 73—74. — В 1864 г. Тургенев сделал переводы на немецкий язык стихотворений Пушкина («Птичка божия не знает» — «Das Vöglein») и Фета, положенных на музыку П. Виардо.

Тургенев предпринимал и позже, пока в начале 60-х годов П. Виардо не создала целый ряд романсов на русские поэтические тексты, в том числе и на текст самого Тургенева («Синица»); это повлекло за собой необходимость озаботиться переводом этих произведений на немецкий язык, когда они предназначены были к изданию в Германии; переводы были осуществлены Ф. Боденштедтом при ближайшем участии Тургенева.

К этому времени вокальные композиции П. Виардо на разноязычные поэтические тексты уже пользовались заслуженной известностью среди музыкантов и певцов Западной Европы. Ф. Лист в своей статье «Полина Виардо-Гарсиа», опубликованной в венской газете «Blätter für Musik, Theater und Kunst» и вскоре появившейся в русском переводе А. Н. Серова в петербургском еженедельнике «Театральный и музыкальный вестник» (1859), особо отметил композиторское дарование П. Виардо: «Гениальная и вместе ученая артистка, представляющая собою редкий пример женского сердца, страстно любящего искусство для самого искусства, умеющая до глубины вдохновляться музыкальными образами, которым через свое исполнение сообщает особую прелесть, и сама сочиняет музыку», — писал Лист в этой статье, и продолжал: «В сочинениях ее столько нежного деликатного чувства, столько способности к гармоническим тонкостям, которым бы позавидовал иной из числа известных композиторов, что нам остается сожалеть, зачем г-жа Виардо издала еще так немного опытов своего композиторского таланта, — остается желать, чтобы она и этим искоркам, близко родственным вдохновению шопеновскому, дала разгореться в полное пламя. В двух альбомах изданных ею песен грациозною оригинальностью и тонким чувством особенно замечательны „Cagna Espagnola“, „En mer“ (посвященные Мейерберу и Берлиозу) и „Luciole“ („Светлячок“)».[9]

Как бы идя навстречу пожеланию Ф. Листа, Тургенев всеми силами содействовал появлению в печати новых вокальных сочинений П. Виардо. В письме от 24 июня (6 июля) 1863 г. Тургенев извещал своего старого знакомого Ф. Боденштедта, поэта и переводчика: «...г-жа Виардо <...> воспользовалась своим пребыванием в Бадене, чтобы переложить на музыку — поистине с неподражаемым талантом — несколько русских стихотворений, на которые я ей указал (она занимается также изучением нашего языка). Музыкальное значение этих романсов так велико, что мы решились издать их в виде альбома в Карлсруэ, с соответствующим русским и немецким текстом».[10] Последовавшая затем деятельная переписка между Тургеневым и Боденштедтом по поводу перевода на немецкий язык русских текстов этих романсов для будущего их издания представляет для нас особый интерес, так как свидетельствует, насколько глубоко Тургенев погрузился в изучение теории и практики вокального перевода и как хорошо овладел сложной техникой этого искусства.

Письма Тургенева к Боденштедту 1863 г. показывают, что Тургеневу были вполне ясны все наиболее важные требования, которые следует

---

[9] Ф. Лист. Полина Виардо-Гарсиа. «Театральный и музыкальный вестник», 1859, 3 мая, № 17, стр. 170.

[10] *Письма*, т. V, стр. 131—132, 424.

предъявлять переводчику иноязычных текстов, предназначаемых для пения, если он хочет сохранить их первоначальную связь с музыкой. Такой переводчик не может переводить только слова; он должен добиваться полного совпадения логических ударений переводимого текста с музыкальной акцентировкой певческой строки, неотступно следя не только за ритмом и интонациями (с учетом всего, что может нарушить их чисто речевую обычность или музыкальную природу при непрерывно меняющемся содружестве или антагонизме звукосопряжений, чему служат, в частности, синкопы, лиги, паузы, затакт и т. д.); искусный переводчик постоянно должен учитывать также все изменения мелодического рисунка, высоту и динамику звука, эмоциональное развертывание всех музыкальных элементов данного музыкального произведения, в котором словесный текст чрезвычайно усилен всеми средствами звукового воздействия.

В указанной переписке с Боденштедтом Тургенев с большой тонкостью и одновременно с подлинным профессионализмом указывал ему такие места в уже выполненных им переводах, которые требовали изменений в интересах написанной для них музыки. Так, в переводе «Заклинания» Пушкина Тургенев обратил внимание Боденштедта на желательность замены двух слов одним двусложным и предлагал даже свой вариант немецкого стиха, ближе соответствующий музыкальной фразе; в переводе «Цветка» Пушкина Тургеневу не понравилось неправильное ударение в немецком слове (duftlós — «безуханный»), возникшее из-за музыкального акцента в певческой строке.

Перевод маленького стихотворения Пушкина «Ночь», по мнению Тургенева, нуждался в полной переделке по следующей причине: в романсе Виардо «музыкальная фраза совершенно останавливается после первых двух стихов:

Мой голос для тебя и ласковый и томный
Тревожит позднее молчанье ночи темной.

Вы же, — добавлял Тургенев, — переносите одно слово в третий стих. Потом фраза начинается снова и останавливается после „горит“ 4-го стиха. Потом в последнем стихе надо сохранить:

Мой друг, мой нежный друг, люблю... твоя, твоя».

Лирический пушкинский стих из его «На холмах Грузии» («Что не любить оно не может»), по мнению Тургенева, остался и вовсе недоступен переводчику. «Нельзя сказать: Unmöglich nicht... zu lieben», потому что это меняет смысл. Следовало бы что-нибудь вроде: «S'kann nicht umhin zu lieben». «Разумеется, — прибавлял Тургенев, — я вам даю только то, что французы называют „образчиками“ (monstres)».

Сделав еще ряд других, столь же существенных и справедливых замечаний о пригодности переведенных Боденштедтом русских стихов для вокального исполнения, Тургенев снова подчеркивал в письме к переводчику (от 17 июля 1863 г.): «Как видите, музыка имеет свои настоятельные

требования — и я сожалею о том, что не посылал вам „образчики“ (monstres), начиная с первого же письма: это избавило бы вас от двойной работы».[11]

Из указанных писем Тургенева явствует, в частности, что П. Виардо создавала музыку непосредственно на русские стихотворные тексты, с полным их пониманием и без малейших для них повреждений; этим она была обязана Тургеневу, разъяснившему ей все смысловые, интонационные и ритмические особенности им же самим выбранных для музыкального пересоздания стихотворений русских поэтов. Однако вокальный немецкий перевод этих текстов представлял особые трудности, так как тот тип стиха, который применен в большей и классической части немецкой вокальной литературы, — именно немецкий акцентный стих или дольник — не сходен с привычными размерами, употребляемыми в поэзии. «Это стих с определенным постоянным количеством ударений, но с изменяющимся количеством междударных слогов ‹...› Этот стих не имеет ничего общего с метрическими формами, известными традиционной классической поэтике; он органически развился на немецкой почве и вошел в немецкую романсово-песенную литературу как неотъемлемая ее составная часть».[12]

В 1864 г. альбом романсов П. Виардо на слова русских поэтов был напечатан дважды: в Петербурге, с русским текстом и сопровождающим его немецким переводом Боденштедта,[13] и в Лейпциге, с одним переводом Боденштедта, без русского оригинала. Вскоре в печати появились и сочувственные отзывы на эти издания, о чем сам Тургенев настоятельно просил многих своих корреспондентов. Так, И. А. Гончаров именно по ходатайству Тургенева напечатал небольшую заметку в петербургской газете «Голос», где писал с его слов: «...слышавшие исполнение этой музыки уверяют, что талант некогда любимой певицы блистательно возрождается в компо-

---

[11] Там же, стр. 138—143, 427—428, 577. — Что касается музыковедческого термина «monstre», которым Тургенев неоднократно пользовался в своих письмах, то он представляет собою застывшую архаическую транскрипцию старинного французского слова, происходящего от глагола «monstrer» (в современном языке — «montrer») — показывать; под этим термином музыканты понимали нечто вроде ритмического скелета или метрической конфигурации того стихотворного произведения, которое перекладывалось на музыку. Однажды, впрочем, Тургенев воспользовался этим термином в переносном смысле, говоря о переводе собственного прозаического произведения (романа «Дым»): «Быть может, — писал Тургенев Морицу Гартману 30 (18) апреля 1867 г., — я решусь сделать усилие и пошлю Вам так называемый monstre — дословный перевод на немецкий язык, и вам тогда придется подстричь и причесать этого медведя» (там же, т. VI, стр. 233, 416). Ранее, в письмах к Н. А. Некрасову от 10 июля 1855 г., соблазняя его переводить песни Р. Бернса, Тургенев тут же приводил сочиненный им самим «монстр», говоря: «Попробуй написать что-нибудь на следующий, любимый его метр» (там же, т. II, стр. 296).

[12] В. Рамм и Д. Усов. Принципы вокального перевода. «Советская музыка», 1934, № 3, стр. 83.

[13] 12 стихотворений Пушкина, Фета и Тургенева, переведенные Ф. Боденштедтом и положенные на музыку П. Виардо. СПб., 1864.

зиции».[14] С подобной же просьбой Тургенев обратился и в Москву, к М. Н. Лонгинову (в письме от 21 февраля (4 марта) 1864 г.); он писал, посылая ему изданные романсы Виардо: «Ты, помнится, не любил ее как певицу — но тут дело идет об ее композиторском таланте. Она положила на музыку прилагаемые двенадцать стихотворений превосходно — таких романсов у нас на Руси не бывало, и я прямо рассчитываю на твою старинную дружбу, чтобы ударить в набат в „Московских ведомостях", „Современной летописи" и вообще где ты пожелаешь нужным!». Лонгинов тотчас же откликнулся заметкой в «Московских ведомостях» (1864, 27 февраля), где, в частности, говорилось: «Издание романсов г-жи Виардо, в которых любимые ею звучные русские стихи получили новую прелесть, будучи облечены в вдохновенные, мелодические звуки, составляет явление, ярко выступающее из ряда обыкновенных, хотя бы и приятных музыкальных новостей, и достойно того, чтобы на него обращено было особенное внимание».[15]

В следующем году петербургский музыкальный издатель А. Иогансен — по поручению Тургенева и, вероятно, на средства писателя — издал еще один альбом вокальных композиций П. Виардо на русские тексты.[16] Наличие в них немецких переводов немало способствовало их проникновению на западноевропейские концертные эстрады и вместе с тем способствовало популяризации многих шедевров русской лирики. В этом была немалая заслуга Тургенева как инициатора, вдохновителя и издателя их музыкальных перевоплощений.

Через четыре года Тургенев снова обеспечил издание в Петербурге нескольких новых серий романсов П. Виардо. Среди них опять были романсы на русские тексты,[17] но наряду с ними появились тетради романсов, написанных ею на немецкие и французские тексты (1869, 1871); для издания последних сам Тургенев превратился в вокального переводчика. Всецело подготовленный к этому предшествующей собственной практикой, в частности редактурой переводов Боденштедта, Тургенев для петербургского издания новых романсов сделал весьма искусные вокальные переводы на русский язык стихотворений французских и немецких поэтов — Тюркети, Гете и Гейне, Мёрике и Р. Поля; всецело приспособленные для вокального исполнения, эти переводы должны рассматриваться в связи с музыкой, на которую они рассчитаны и вне которой они теряют значительную часть своих достоинств. Об этом часто забывают.[18] С другой сто-

---

[14] «Голос», 1864, 23 февраля, № 54. — См. также: *Письма*, т. V, стр. 628; А. А. Мазон. Материалы для биографии и характеристики И. А. Гончарова. СПб., 1912, стр. 49—50.

[15] *Письма*, т. V, стр. 234, 624—625. — Полностью указанная заметка Лонгинова перепечатана в «Сборнике Пушкинского дома на 1923 г.» (Пб., 1922, стр. 206).

[16] Десять стихотворений Пушкина, Лермонтова, Кольцова, Тютчева и Фета, переведенные Ф. Боденштедтом, положенные на музыку Полиною Виардо-Гарсия. СПб., 1865.

[17] Пять стихотворений Лермонтова и Тургенева, положенные на музыку Полиною Виардо-Гарсия. СПб., 1869.

[18] Так, например, сделанный Тургеневым русский перевод для романса Виардо текста стихотворения Гейне «Что за погода злая» («Das ist

роны, как известно, многие даже совершенные стихотворные переводы (выполненные к тому же так называемым «размером подлинника») для вокалиста не могут заменить те иноязычные тексты, которые были положены на музыку.

При работе над этими переводами Тургенев боролся с разнообразными трудностями. Среди романсов, написанных П. Виардо в середине 60-х годов, Тургенев считал в особенности удавшимися шесть романсов на слова Э. Мёрике. Он писал Л. Пичу (27 января 1865 г.): «...за последнее время она положила на музыку 6 стихотворений Мёрике — лучшее из всего, созданного ею в этом роде». Задумывая их издание в Германии или Франции, Тургенев начал с перевода их на французский язык. Это было как раз время весьма широкого распространения во Франции немецкой «художественной песни», обозначавшейся непереводимым как на французский, так и на русский язык термином «Lied», не совпадавшим ни с французской «песней» (chanson), ни с «романсом»: широкая популярность во Франции «песен» Шуберта, Шумана, Гуго Вольфа поставила весьма остро перед французскими вокальными переводчиками и исполнителями сложные вопросы подтекстовки этих «Lieder» на французском языке.[19] Сложность такой подтекстовки увеличивалась вследствие того, что немецкий «дольник» представляет собой резкое отличие от французского стиха; при этом во французской вокальной музыке по традиции вовсе игнорируется логическое ударение. Положенное на музыку П. Виардо стихотворение Мёрике «Садовник» («Der Gärtner» — «Auf ihrem Leibrößlein, So weiß wie der Schnee») Тургенев сначала перевел на французский язык:

De fleurs couronnée
La fille du Roi
Sur sa haquenée
Passe devant moi...[20]

Этот перевод сделан около 1865 г. Впоследствии Тургенев перевел «Садовника» и на русский язык для петербургского издания романса.

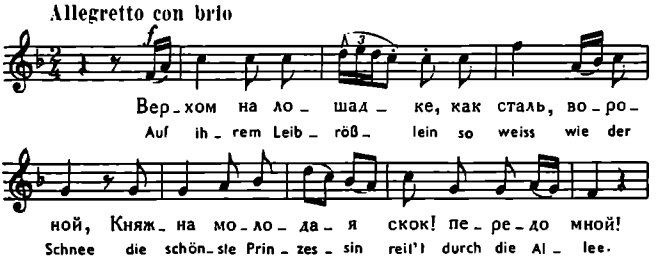
---

ein schlechtes Wetter» — из цикла «Die Heimkehr», 1823—1824) воспроизведен был в антологии стихотворений Гейне (Избранное, Детгиз, М.— Л., 1952, стр. 63), хотя существуют другие, более близкие к оригиналу и не предназначавшиеся для вокального исполнения русские переводы того же стихотворения Гейне, например А. Майкова («Ну, время, конца не дождешься», 1857) или М. Л. Михайлова («Снежная изморозь, ветер», 1858).

[19] E. Duméril. Le Lied allemand et ses traductions poétiques en France. Paris, 1934, стр. 360—361.

[20] Полностью французский текст этого перевода см. в статье: Р. Б. Заборова. О переводах Тургенева из Мёрике и Гейне (1871). *Тургенев, Сб.*, вып. II, 1966, стр. 180. — Справедливо напоминая забытый текст, Р. Б. Заборова (стр. 179—181), однако, по нашему мнению, напрасно спорит с А. Н. Егуновым (см. его статью: Тургенев и Мёрике. *Тургенев, Сб. (Алексеев)*, стр. 236), объяснявшим отклонения перевода «Садовника» Тургенева от немецкого оригинала музыкальными причинами. Подтекстовка мелодии на этот раз представляла особые трудности для Тургенева; об этом он сам писал П. Виардо 27 февраля (11 марта) 1871 г.,

Как подтекстовка немецкого оригинала русский вариант этого перевода Тургенева без музыкального сопровождения имеет столь же малое значение, как и французский. Музыка этого романса, написанная в темпе Allegretto, con brio — быстро, решительно, с «огоньком», — полна живости и движения. Приспособленная к немецкому стиху, мелодия полна извивов и внезапных ускорений, когда она стремится передать слушателю нетерпение статного иноходца, которого обуздывает крепко сидящая в седле прекрасная всадница. Ни на французский, ни на русский язык текст Мёрике, обусловленный и стесненный сочиненной для него музыкой, не мог быть передан без существенных для него потерь. Приспосабливая русский перевод, Тургенев принужден был, например, немецкое составное слово «Leibrösslein» передать русским уменьшительным «лошадка», а глагол «reit't» игривым «скок», и поэтому вне музыки, на которую этот перевод рассчитан, он может походить на детский стишок, невольно приобретающий юмористические черты, в то время как песня Мёрике полна страсти и стихийного порыва, особенно проявляющего себя в заключительных стихах. Приводим для образца начальные слова певческой строки:



Два романса П. Виардо — один на слова Гете («Перед судом»), другой на слова Э. Тюркети (тот самый, который был издан впервые еще в парижском альбоме 1843 г. и очень нравился Тургеневу) — при содействии Тургенева и с его русскими текстами были изданы в Петербурге в 1869 г.[21] В этом издании в обоих случаях, при подтекстовке как немец-

---

прося ее, кстати, проверить, как звучат невольно допущенные им изменения при исполнении романса на русском языке: «Я думаю послать вам мои русские тексты к „Садовнику" и „Стоит погода злая". Я выбрал эти два текста потому, что они самые трудные из всех. Лошадь принцессы — „белоснежка" — стала вороной как сталь, но это тоже естественно. Предложите г-же Гурьевой спеть вам это, вы увидите, хорошо ли оно идет» (*Письма*, т. IX, стр. 31, 370).

[21] Два романса на слова Гете и Е. Тюркести ‹sic› в переводе И. С. Тургенева. Музыка Полины Виардо-Гарсиа. СПб., у А. Иогансена, 1869 (ценз. разр. 13 ноября 1869 г.). — О переводе баллады Гете «Vor Gericht» Тургеневым В. Жирмунский в своей книге «Гете в русской литературе» (Л., 1937, стр. 465) заметил, что он интересен «в ритмическом отношении — смелым сохранением дольников немецкого оригинала, вероятно, в связи с музыкой».

кой баллады, так и французского стихотворения, вполне проявилось мастерство Тургенева как вокального переводчика. Тогда же Тургеневым были задуманы новые серии романсов П. Виардо, осуществить которые ему удалось лишь позже.

Еще в апреле 1869 г. Тургенев написал статью «Первое представление оперы г-жи Виардо в Веймаре», которую он задумал напечатать как по-русски, так и по-французски. Французский текст, предназначавшийся для «Journal des Débats», опубликован не был,[22] русский же текст, при содействии П. В. Анненкова, увидел свет в «С.-Петербургских ведомостях».[23] В этой статье, напечатанной с полным именем Тургенева, он впервые заговорил в печати о композиторском даровании П. Виардо и упомянул также о ее романсах. «Мы все знали, — писал Тургенев о П. Виардо, — что она должна была, сверх других затруднений, еще бороться с предрассудком, не допускающим, чтоб одна и та же личность могла последовательно достигнуть замечательных результатов в двух различных родах. Несчастные попытки певца Дюпрэ и других исполнителей на поприще композиции — могли явиться подпорой и подтверждением этого предрассудка. Не он ли, между прочим, мешает у нас полному распространению и успеху русских романсов, написанных г-жою Виардо? Многие из них прелестны и, во всяком случае, стоят неизмеримо выше обыкновенных произведений этого рода; но — подите вы! „как может иностранка, испанка, да еще певица — писать русские романсы!“ Как будто музыка не есть общий язык и как будто те плохие штаб-ротмистры в отставке и полинялые светские дамы, которыми ‹sic› снабжается наш музыкальный рынок и которые набирают свои романсики по слуху, тыкая одним пальцем по фортепиано — как будто они способнее найти настоящее музыкальное выражение поэтической мысли, чем гениальная дочь Гарсии, про которую и Мейербер, и Обер, и Россини, и Вагнер — в одно слово объявили, что она — сама музыка, la musique même». В примечании Тургенев указывал на петербургские издания романсов Виардо: «Позволю обратить ваше внимание на последние пять романсов г-жи Виардо, появившиеся недавно у г. Иогансена в С.-Петербурге. С прежними двадцатью двумя, выпущенными в свет просвещенным и деятельным издателем, они составляют прекрасную коллекцию, которой следует находиться в руках каждого любителя пения».

Откровенно рекламный характер и всей этой статьи Тургенева, и особенно заключавшейся в ней рекомендации романсов русским меломанам, которой писатель, впрочем, и не думал скрывать, вызвал как в русских литературных, так и в музыкальных кругах неблагоприятные толки,[24]

---

[22] *Письма*, т. VIII, стр. 410.

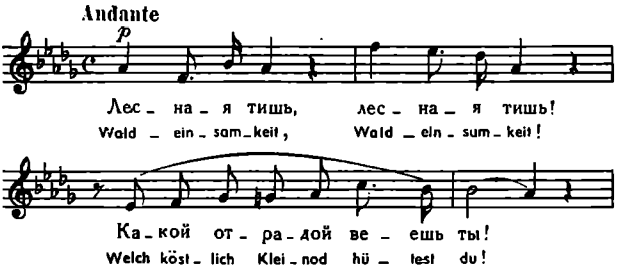
[23] «С.-Петербургские ведомости», 1869, 23 апреля (5 мая), № 110.

[24] «Тургенева даже жаль мне стало, — писал М. П. Погодин П. А. Вяземскому 3 (15) мая 1869 г., — какие пошлости написал он о романсах M-me Виардо (в письме к Анненкову), которые рекомендуются русской публике» («Старина и новизна», кн. IV, СПб., 1901, стр. 96). Подобные отзывы старых недоброжелателей Тургенева доходили и до него самого. Я. П. Полонскому Тургенев, например, писал 5 (17) мая того же года:

но тем не менее романсы продолжали переиздаваться и пользовались некоторой известностью.

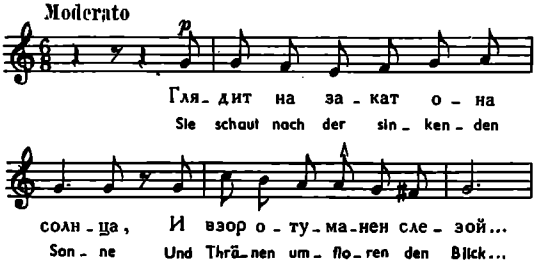
Весною 1871 г. вышел в свет новый альбом романсов Виардо с текстом в переводах Тургенева.[25] Первый текст, «Лесная тишь» (как и два других — «Загубленная жизнь» и «Ожидание», — переведенные с немецкого оригинала Р. Поля), довольно далек от подлинника, но тщательно приспособлен к мелодии, что ясно видно из следующего примера:

Лесная тишь



В подтекстовке «Ожидания» на слова того же Р. Поля много счастливо найденных соответствий, однако в романсе приводится лишь три строфы (вместо шести оригинала), что несомненно вызвано также музыкальными причинами — опасениями, что слишком длительное, многократное повторение одних и тех же мелодических ходов может показаться скучным и однообразным.

Загубленная жизнь



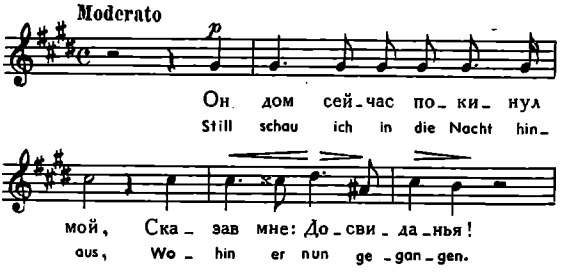
Все указанные романсы П. Виардо, со словами Тургенева и с его именем как переводчика, переиздавались в России и после его смерти.[26]

«Письмо мое о Веймаре, конечно, реклама, но реклама о вещи, которую я считаю прекрасной. Но находить бестактным, что после 25-летнего знакомства я в первый раз произнес имя г-жи Виардо в таком деле, которое совершилось воочию всех — это превосходит даже мои ожидания» (*Письма*, т. VIII, стр. 27; ср.: *Звенья*, т. V, стр. 276, 278).

[25] Шесть стихотворений Г. Гейне, Э. Мёрике и Р. Поля, переведенные на русский язык И. Тургеневым и положенные на музыку Полиною Виардо-Гарсия. СПб., у А. Иогансена, 1871 (ценз. разр. 23 апреля 1871 г.).

[26] В библиотеках Ленинграда (ГПБ, Консерватории, Филармонии и др.) хранится много нотных изданий произведений П. Виардо, выпу-

Ожидание



Существуют, однако, и такие сборники романсов Виардо, которые были изданы А. Иогансеном по инициативе и благодаря материальной поддержке Тургенева, но без имени его как переводчика текстов, несмотря на то, что у нас есть все основания считать его автором переводов. Наиболее правдоподобно такое предположение для нескольких текстов альбома, изданного А. Иогансеном в 1874 г. (цензурное разрешение 20 июня 1874 г.[27]). Сюда входят «Слепец» Р. Поля, «Финская песня» Гете, «Юноша и дева» Пушкина, «Солдатская невеста» Мёрике и «Весенний вечер» Гейбеля. «Все четыре немецкие пьесы даны с русским переводом, но переводчик нигде не назван — ни в заголовках романсов, ни на заглавных листах, ни даже в каталоге Иогансена», — замечает обративший на них внимание М. Гершензон; тем не менее, по его словам, «есть все основания думать, что они принадлежат перу Тургенева».[28] Предположения об авторстве в данном случае Тургенева высказывались неоднократно и позже,[29] в особенности после того, как опубликованы были письма Тургенева к А. В. Топорову, в которых он извещает о высылке корректур этих романсов, запрашивает о ходе их печатания и, наконец, просит доставить ему по шесть экземпляров каждого романса.[30] М. Гершензон опубликовал в своей подборке забытых произведений Тургенева три этих перевода: «Слепец», «Солдатская невеста» и «Весенний вечер»; «Финская

щенных в России в 60—90-е годы XIX в. Помимо изданий А. Иогансена, распространены были также издания В. Бесселя (Лира, Собрание арий, каватин и романсов, 1881), М. Бернарда (Сборник 25 любимых романсов иностранных композиторов, 1878); В. Бесселем изданы также с французским и русским текстом «Шесть мазурок Шопена» в аранжировке Виардо, ее же «Венгерские танцы» для голоса, сербская песня «Абрикосовое дерево» («Ручей течет, шумит») и т. д.

[27] Пять стихотворений Гете, Пушкина, Мёрике, Гейбеля и Поля, положенные на музыку Полиною Виардо-Гарсия. СПб., 1874.

[28] *Русские Пропилеи*, т. III, стр. 306.

[29] М. К. Клеман в «Хронологическом указателе литературных работ и замыслов И. С. Тургенева» вслед за М. Гершензоном называет все четыре перевода как предположительно принадлежащие перу Тургенева (№№ 365—368).

[30] *Письма*, т. X, стр. 286, 313. — Ср.: *Лит. арх.*, т. IV, стр. 203; *Тургенев, Сб.*, вып. I, стр. 256 и др.

песня» осталась не разысканной им. Между тем этот перевод «Finnisches Lied» (Käm'der Liebe Wohlbekannte) безоговорочно был приписан Тургеневу в указателе музыкальных произведений на тексты Гете, составленном С. Поповым,[31] а за ним его отметил и перепечатал В. Жирмунский, говоря, что это стихотворение, «интересное по своему фольклорному колориту», «затерялось в нотной литературе и до сих пор в собраниях сочинений Тургенева не воспроизводилось».[32] Считаем возможным высказать догадку, что ввиду неблагоприятных для Тургенева слухов и кривотолков, возникших после опубликования им статьи о П. Виардо в «С.-Петербургских ведомостях» и еще более усилившихся после издания альбома 1871 г., он имел основания скрывать от публики не только то, что эти романсы фактически печатались на его собственные средства, но и то, что он являлся их переводчиком.

Ввиду того что авторство Тургенева в данном случае представляется не только возможным, но и достаточно вероятным, мы приводим ниже тексты всех четырех указанных переводов с немецкого.

Слепец (Der Nachtwandler)

Слова Р. Поля

По жизненному полю
В толпе громадной людской
С закрытыми очами
Брожу я всем чужой.
Слепцом я стал добровольным,
Слепцом так останусь я...
Мне вновь откроет очи
Одна любовь твоя!

Солдатская невеста (Die Soldatenbraut)

Слова Мёрике

Солдат удалой мой жених!
Не много и сыщешь таких!
Умереть он готов за царя
И жить тоже рад за меня!
Ни лент у него, ни звезды,
На шее не виснут кресты,
Ему в большой чести не быть,
Отставным ему хочется жить!
Что ленты? Что звезды? Вдвоем
Мы славно без них заживем;
А крест на житейском пути
Уж наверно придется нести!

Следующие два романса посвящены: «Финская песня» — Ю. Ф. Абазе, «Весенний вечер» — А. А. Поляковой (что, в свою очередь, косвенно свидетельствует в пользу авторства Тургенева).

---

[31] *Лит. насл.*, т. 4—6, стр. 1035.
[32] В. Жирмунский. Гете в русской литературе, стр. 357—358.

Финская песня (Kām'der Liebe Wohlbekannte)

Слова Гете

Лишь бы милый воротился
Тем же прежним, верным другом!
Будь покрыт он волчьей кровью,
Я б его к груди прижала!
Руку я взяла бы... змеи
Будь на ней заместо пальцев!
Ветр, о если б ты понять мог,
Как нам тяжела разлука,
Перенес ты б наши речи,
Усладил бы наше горе!
От всего б я отказалась,
На пиры я б не ходила,
Лишь бы сохранить мне друга,
Что со мной сошелся летом,
А привык ко мне зимою!
Ах! когда б он воротился!

Весенний вечер (Im April)

Слова Э. Гейбеля

Весенний влажный вечер...
Всё тихо, всё молчит...
Покрыто тучами небо,
Кой-где звезда дрожит...

В лицо крылом мне веет
Ветер едва, едва...
И благовоньем дышит
Росистая трава...
В лицо крылом мне веет
Ветер едва, едва...

О вечер, песнь хотел бы
Принесть тебе я в дар...
Душа найти не может
Бывалых слов и чар.
Душа найти не может, увы!
Не может
Бывалых слов и чар.

Весенний влажный вечер...
Всё тихо, всё молчит... молчит...
молчит... молчит.

Однако далеко не все русские переводные тексты с музыкой П. Виардо принадлежали Тургеневу. Некоторые были приписаны его перу без достаточных оснований, относительно других в мемуарной литературе сообщались анекдотические и неправдоподобные сведения.[33]

---

[33] Так, например, Е. О. Репчанская (Мои воспоминания о Виардо и ее отношениях к Тургеневу. Альманах «Ангара», № 1 (38), Иркутск, 1963, стр. 117—119. — Воспоминаниям предпослана статья М. К. Азадовского «Ученица Полины Виардо в Сибири») сообщает: «Однажды после бурной сцены Тургенев собрался уезжать в Россию. Под влиянием этого

Романсы П. Виардо благодаря обилию их переизданий в России пользовались здесь популярностью в последнюю четверть XIX в., входя в репертуар камерных концертов. Некоторые из них нравились П. И. Чайковскому. Он лично знал знаменитую певицу и несколько раз посетил ее, бывая в Париже; беседы их касались также Тургенева. В своем дневнике от 26 февраля (9 марта) 1888 г. Чайковский отметил «обед и вечер у Виардо»: «Пение. Чудесный романс Виардо».[34] Какой именно романс вызвал эту запись — остается, к сожалению, неизвестным.

М. П. Алексеев

КОММЕНТАРИЙ К ФРАНЦУЗСКИМ СТИХОТВОРЕНИЯМ ТУРГЕНЕВА

Среди стихотворений Тургенева есть несколько написанных по-французски. Это либо шутливые послания, буриме, стихи на случай, содержащиеся в письмах к П. Виардо (40-е годы),[1] либо песни и куплеты, написанные специально для музыкальных спектаклей. Так, куплеты «C'est bien vous, vous que j'adore» принадлежат оперетте «Людоед»;[2] публиковавшаяся до сих пор как самостоятельный романс «Chanson de la pluie» представляет собой арию Стеллы из оперетты «Последний колдун».[3] Последнее удалось установить благодаря тому, что стали известны написанные Тургеневым либретто к музыкальным комедиям, автографы которых хранятся в фондах Парижской Национальной библиотеки.

Виардо сочинила лучшую свою вещь — романс («Я умру»). В нем слышится крик отчаянья и угрозы и в аккомпанементе мастерски передан тихий звон погребальных колоколов» (стр. 118). Такой романс действительно существует; его текст удалось обнаружить Л. В. Азадовской в издании: P. Viardot. Six Melodies et une Havanaise variée à 2 voix. Poésies de M. M. Théophile Gautier, Xavier de Maistre, Louis Pomey, Henry Charles Read, Armand Silvestre et Victor Wilder. Paris, au Menestrel, Heugel et Fils (s. a). Романс озаглавлен здесь «J'en mourrai» («Morirò») (Poesies toscanes, № 3); автором французского текста назван бельгийский поэт и музыкальный критик Виктор ван Вильдер (Victor van Wilder), с 1860 г. живший в Париже. Тот же романс существует и в русском издании (Стихотворения Гейбеля, Гете, Кольцова, Лермонтова, Мёрике, Поля, Пушкина, Тургенева, Тюркети, Тютчева и Фета, положенные для пения с аккомпанементом фортепиано Полиною Виардо-Гарсиа. СПб., А. Иогансен, 1881); в этом издании текст романса приведен на итальянском и русском языках. Предположение, что русский перевод этой тосканской народной песни принадлежит Тургеневу, однако, ничем не подтверждено и мало вероятно по существу, тем более что он полон такой безвкусицы и таких немыслимых ударений в русских словах, на которые Тургенев не был способен; анекдот о происхождении этого романса, сообщаемый Е. О. Репчанской, также абсолютно неправдоподобен.

[34] Дни и годы П. И. Чайковского. Летопись жизни и творчества. Под ред. В. Яковлева. М.—Л., 1940, стр. 443; April Fitzlyon. The Price of Genius. A Life of Pauline Viardot. London, 1964, стр. 458.

[1] См.: *Сочинения*, т. I, стр. 362—367.

[2] См.: *Письма*, т. VII, стр. 91, 475.

[3] См.: *Лит. насл.*, т. 73, кн. 1, стр. 78, 90.

Знакомство с текстами музыкальных номеров, содержащихся в опереттах, дает возможность предположительно прокомментировать еще одно стихотворение Тургенева — «Belle aux cheveux de jais. . .», — автограф которого хранится в Государственной Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.[4] В виде факсимиле стихотворение воспроизведено в «Синем журнале» (1911, № 25, стр. 7).

1-er c‹ouplet›

Belle aux cheveux de jais
A l'œil brillant et noir
Ne viendras tu jamais
Sur ton balcon le soir?
Ne veux-tu pas me voir?
Un signe seulement
Un mot que j'attendrai —
Et leste, en un moment
Vers toi je monterai.

2-me c‹ouplet›

Vaincu par ta beauté
Je sens frémir mon cœur —
Comme au soleil d'été
S'épanouit la fleur! —
Sans toi plus de bonheur!
Plus belle que le jour,
Plus douce que la nuit
Réponds à mon amour
Réponds! le temps s'enfuit!

1-й к‹уплет›

Красавица с волосами цвета гагата,
С сверкающими черными глазами,
Неужели ты не выйдешь
Вечером на балкон?
Ты меня не хочешь видеть?
Лишь знак мне сделай,
Лишь слово скажи —
Я, ловкий, в тот же миг
Поднимусь к тебе.

2-й к‹уплет›

Побежденный твоей красотой,
Я чувствую, как трепещет мое сердце, —
Так под летним солнцем
Распускается цветок!
Без тебя нет счастья!
Ты прекраснее дня,
Нежнее ночи, —
Ответь на мою любовь,
Ответь! Время бежит!

(Перевод И. С. Чистовой)

Стихотворение это состоит из двух строф, озаглавленных «1-er c‹ouplet›» и «2-me c‹ouplet›» (воспроизвожу написание автографа). Если обратиться к опубликованным в «Литературном наследстве» либретто к опереттам, именно к содержащимся в них музыкальным номерам, то в ряде случаев увидим точно такое же «оформление» отдельных строф: см., например, куплеты из оперетты «Le miroir» — «1-er c‹ouplet›, 2-me c‹ouplet›».[5]

Содержание куплетов (обращение к возлюбленной, серенада) характерно для музыкального спектакля. Вот некоторые соображения, позволяющие связать это стихотворение с опереттой «Последний колдун». Из имеющихся в нашем распоряжении либретто к опереттам лишь одно — «Последнего колдуна» — лишено восточного колорита. В сцене появления одного

---

[4] *ГПБ*, ф. 795, № 35, л. 11.
[5] *Лит. насл.*, т. 73, кн. 1, стр. 124, 126, 128—129 и др.

из героев, Лелио, у стен старого замка в ожидании любимой (см. текст: «Старинный замок? Не было его!... Я только что в густом лесу стоял И видел лишь столетние дубы, А тут — *стена* седая...») [6] музыкальный номер, подобный рассматриваемым куплетам, был бы вполне уместен.

Стихотворение может быть датировано 1871 г. Оно сохранилось в составе писем И. С. Тургенева к П. Виардо; приложено к письму от 3 (15) марта 1871 г. (и то и другое написано на одинаковой бумаге). На обороте листка — французский перевод стихотворения также 1871 г. — «Садовник». Известно, что к 1871 г. относятся попытки возобновить представления именно оперетты «Le dernier sorcier» и в Лондоне, и в России (при участии А. Н. Серова).[7]

Что касается замысла постановки «Последнего колдуна» в России, то с ним, возможно, связано еще одно стихотворение Тургенева (на русском языке), автограф которого хранится в Парижской национальной библиотеке (мы располагаем его фотокопией).[8]

Стихотворение это никогда не публиковалось. Вот его текст:

‹На твой балкон...›
На твой балкон взобраться снизу
Я не могу, краса моя!
Вотще к нему вздымаю руки,
Его достигнуть мне нельзя!

Балкон высок — нет мне опоры,[9]
Но ты на помощь мне приди...
Хоть бы [10] струну с твоей гитары,
Хоть ленту сверху мне спусти.

Иль из волос вынь гребень частый
И волю тем дай ты [11] кудрям,
Что льются шелковым потоком
С плечей твоих к твоим ногам.

За эту лестницу [12] живую
Я тотчас смело ухвачусь
И до тебя по ней, мой ангел,
Я доберусь, я доберусь!

По содержанию оно довольно близко упоминаемым выше куплетам. Можно отметить и более конкретно некоторые сходные моменты в том и другом стихотворении:

---

[6] Там же, стр. 184 (курсив наш, — *И. Ч.*).

[7] См. письма И. С. Тургенева к П. В. Анненкову от 25 января (6 февраля) 1871 г. (*Письма*, т. IX, стр. 8) и к П. Виардо от 18 февраля (2 марта) 1871 г. (там же, стр. 21). В последующие годы известен целый ряд постановок этой оперетты на французском языке (см.: *Лит. насл.*, т. 73, кн. 1, стр. 223).

[8] *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 234.

[9] *Было:* стена отвесна (ср. цитируемый выше текст оперетты «Последний колдун» — сцена появления Лелио у замка).

[10] *Было:* хотя б

[11] *Было:* дай твоим

[12] *Надписано:* лестницу эту

«Belle aux cheveux de jais...»
Un signe seulement
Un mot que j'attendrai —
<.....>
Vers toi je monterai.

«На твой балкон...»
Хоть бы струну с твоей гитары,
Хоть ленту сверху мне спусти.
За эту лестницу живую
Я тотчас смело ухвачусь
И до тебя по ней, мой ангел,
Я доберусь, я доберусь!

Приведенные доводы и соображения не идут дальше предположений и догадок; не относя окончательно разобранные стихотворения («Belle aux cheveux de jais...», «На твой балкон...») ни к одной из известных нам оперетт, тем не менее можно предположить, что они были написаны именно для музыкальных спектаклей и не являлись самостоятельными произведениями.

И. С. Чистова

О СТАТЬЕ ТУРГЕНЕВА «ALEXANDRE III»

26 марта 1881 г., менее чем две недели спустя после гибели Александра II, во французском журнале «La Revue politique et littéraire» (№ 13) появилась обширная анонимная статья «Alexandre III». В небольшом редакционном предисловии к статье говорилось, что автор «не разрешил назвать себя» и что это человек, который «глубоко знает нового государя».

Долгое время автор статьи оставался неизвестен, а его осведомленность во внутренней и внешней политике России, его знание царя, придворной обстановки позволяли делать самые различные предположения.

Только после смерти Тургенева в той же «Revue politique et littéraire» (8 сентября 1883 г.) он впервые был назван автором статьи об императоре Александре III. Об этом же упомянула и петербургская газета «Новости», вышедшая в день похорон писателя.[1] Знал истинного автора статьи «Александр III», хотя открыто и не говорил об этом, П. Л. Лавров. Только в 1908 г. стало известно письмо Тургенева Лаврову от 31 марта (12 апреля) 1881 г., в котором сам писатель прямо заявил: «Статья об Александре III-м, действительно, принадлежит мне...».[2]

Однако сама статья об Александре III не перепечатывалась и не переводилась на русский язык и, собственно, оставалась неизвестной читате-

---

[1] «Новости», 1883, 27 сентября (9 октября), № 177. Автор статьи «И. С. Тургенев и французская литература» подписался буквой «Ж» (Виктор Жаклар, муж сестры Софьи Ковалевской).

[2] «Минувшие годы», 1908, № 8, стр. 24; см. также: *Лит. насл.*, т. 73, кн. 2, стр. 55; *Письма*, т. XIII, кн. 1, стр. 80. Подробнее об авторстве Тургенева см.: *Сочинения*, т. XIV, стр. 556—563 (комментарий к статье «Alexandre III»).

лям вплоть до 1915 г., когда в Тургеневском сборнике под редакцией Н. К. Пиксанова она впервые появилась в русском переводе, сопровожденная статьей С. П. Петрашкевич «Новооткрытая статья И. С. Тургенева об императоре Александре III».[3] В 1920 г. об авторстве Тургенева снова упомянул М. М. Клевенский в своей статье «Общественно-политические взгляды И. С. Тургенева».[4] Наконец, впервые в собрании сочинений статья Тургенева об Александре III была полностью опубликована и прокомментирована в 1933 г.[5]

Статья об Александре III была не первым обращением писателя к новому царю. Несколько ранее, в марте того же 1881 г., Тургенев писал Александру III. Мы имеем в виду его письмо в связи с делами «Общества взаимного вспоможения и благотворительности русских художников в Париже», одним из учредителей и основных деятелей которого был Тургенев. В начале марта 1881 г. это «Общество» пригласило на свой литературно-музыкальный вечер революционера-эмигранта П. Л. Лаврова, что вызвало недовольство правительства и едва не привело к закрытию «Общества». Чтобы спасти положение, Тургенев написал Александру III, как официальному «покровителю» «Общества», письмо, подписанное, в частности, художниками А. П. Боголюбовым, М. М. Антокольским, А. А. Харламовым.[6]

Однако статья Тургенева «Александр III» в «Revue politique et littéraire» носит иной характер. Она написана не по частному — пусть даже существенному — вопросу, а является своеобразным политическим обращением писателя к царю в период, когда политика нового царствования еще не определилась и в либеральных кругах была надежда на продолжение того курса реформ, который наметился в конце правления Александра II.

Тургенев всегда проявлял интерес к международным и внутриполитическим вопросам. Однако глубокое знание обстановки и людей, окружавших Александра III, исследователи справедливо объясняют еще и тем, что, создавая свою статью, Тургенев должен был пользоваться сведениями, опытом, советами такого хорошо информированного человека, как русский посол в Париже (с 1871 г.) — князь Н. А. Орлов (1827—1887 гг.), с которым Тургенева давно связывали дружественные отношения.[7]

Кроме того, в Париже в 1879 г. произошло личное знакомство Тургенева с Александром III, когда тот еще наследником посетил француз-

---

[3] *Тургеневский сб.* (*Пиксанов*), стр. 5—20. — Год спустя перепечатана в «Русских Пропилеях» (т. III, М., 1916, стр. 261—268). В обеих публикациях статьи были сделаны цензурные изъятия (см. об этом: *Сочинения*, т. XIV, стр. 556).

[4] Творчество И. С. Тургенева. Сборник статей под ред. И. Н. Розанова и Ю. М. Соколова. М., 1920, стр. 168—194.

[5] *Тургенев, Соч.*, т. XII, стр. 182—194 и 528—532.

[6] См.: Л. И. Кузьмина. Тургенев и Н. Д. Дмитриев-Оренбургский. (По неопубликованным материалам). *Тургенев, Сб.*, вып. III, стр. 267.

[7] Подробней см.: *Тургенев, Соч.*, т. XII, стр. 530.

скую столицу. Об этом вспоминали М. М. Ковалевский,[8] Д. Н. Садовников,[9] П. Л. Лавров.[10] М. И. Семевский со слов А. В. Топорова и И. И. Глазунова записал рассказ Тургенева об этой встрече.[11] Не упоминая имени наследника, Тургенев 7 (19) ноября 1879 г. писал Лаврову о встречах «с высокопоставленными лицами».[12]

Одно время ставилась под сомнение вероятность личного знакомства Тургенева с Александром III. Так, в примечаниях к статье «Alexandre III» их автор писал, что «возможность личного знакомства Тургенева с Александром III не исключена, но мало вероятна», и полагал, что выражение «высокопоставленные лица» относится к великому князю Николаю Николаевичу, о чем сам писатель упомянул в письме к М. М. Стасюлевичу 1 (13) января 1880 г.[13]

Однако опубликованное в 1940 г. письмо Тургенева к Анненкову от 27 октября (8 ноября) 1879 г. положило конец этим сомнениям. Тургенев писал в нем: «Недавно за завтраком у Орлова познакомился с цесаревичем и его женой. Он мне понравился: честное и открытое лицо. — А впрочем...».[14] В других случаях Тургенев, характеризуя наследника, не ограничивался многозначительным «А впрочем...», — но пользовался более определенными выражениями. П. Л. Лавров вспоминал, с какой «неподражаемою добродушной иронией говорил он о личностях из царской фамилии, с которыми ему приходилось встречаться в Париже», об их «ограниченности, невежестве и неловкости».[15] «Наследник произвел на него впечатление очень посредственного человека», — свидетельствовали А. В. Топоров и И. И. Глазунов.[16]

Таким образом, Тургенев имел достаточно ясное представление о характере, кругозоре, взглядах нового государя, и в статье ему пришлось многое смягчить, сгладить острые углы, чтобы представить Александра III в лучшем для него свете. «Ум его широк и светел», — писал Тургенев о царе, про которого даже апологетически настроенный С. Ю. Витте был вынужден осторожно писать: «...у императора Александра III был небольшой ум рассудка, но у него был громадный, выдающийся ум сердца».[17] Достаточно известную национальную ограниченность Александра III, шовинистический характер его национализма Тургенев мягко характеризует в статье как симпатии, которые царь «испытывает к одним нациям», и антипатии, которые «ему приписывали в отношении других», и лишь более определенно говорит о враждебности царя к «русским немцам». Пишет Тургенев и об искреннем и непритворном благочестии Александра,

---

[8] «Минувшие годы», № 8, 1908, стр. 19.
[9] «Русское прошлое», 1923, кн. III, стр. 102.
[10] *Революционеры-семидесятники*, стр. 41.
[11] «Красная панорама», 1928, № 28, стр. 14.
[12] Впервые напечатано: *Лит. насл.*, т. 73, кн. 2, стр. 60; см. также: *Письма*, т. XII, кн. 2, стр. 172.
[13] *Тургенев*, *Соч.*, т. XII, стр. 530.
[14] *Письма*, т. XII, кн. 2, стр. 162.
[15] *Революционеры-семидесятники*, стр. 41.
[16] «Красная панорама», 1928, № 28, стр. 14.
[17] С. Ю. Витте. Воспоминания, т. I. М., 1960, стр. 49.

хотя в вопросах веры взгляды царя были очень примитивны, евангельские тексты он понимал буквально, а в своей религиозности доходил до ханжества. В статье подчеркиваются те особенности характера Александра III, которые выгодно отличают его от других членов семьи Романовых, — его привязанность к детям, скромность в личных привычках и т. п.

Все это диктовалось надеждой на продолжение преобразований. В период, когда правительство еще не избрало пути, по которому пойдет, Тургенев стремился содействовать проведению желанных либеральных реформ. Это вполне отвечало политическим взглядам Тургенева — сторонника либеральных реформ, проводимых по инициативе правительства, и считавшего преобразования, «не сходящие свыше», немыслимыми.

В последние недели правления Александра II, пишет в статье Тургенев, «уже поговаривали о конституции», имея в виду те довольно ограниченные реформы, которые были намечены М. Т. Лорис-Меликовым и носили объективно буржуазный характер. Эта так называемая «лорис-меликовская конституция» была одобрена Александром II, но похоронена 8 (20) марта 1881 года. Хотя Тургенев не мог еще знать подробности этого заседания Совета министров, но, как свидетельствуют дальнейшие строки статьи, он не строил себе больших иллюзий по поводу возможных «конституционных» шагов правительства, надеясь все же, что «сверху» будут осуществлены реформы, намеченные в предыдущее царствование.

Напряженное положение внутри страны, сочетавшееся со страхами перед революционным движением и личными опасениями Александра III за свою жизнь, повлекли за собой колебания в установке правительственного курса. Характеризуя обстановку того времени, В. И. Ленин писал: «Если говорить не о том, что могло бы быть, а о том, что было, то придется констатировать несомненный факт *колебания* правительства. Одни стояли за решительную борьбу с либерализмом, другие — за уступки».[18] К последним принадлежали М. Т. Лорис-Меликов, Д. А. Милютин, А. А. Абаза, а к первым — К. П. Победоносцев, С. Г. Строганов, кн. В. П. Мещерский, М. Н. Катков. Симпатии царя бесспорно были на стороне Победоносцева, и он прислушивался к его советам, становившимся все более многочисленными и настойчивыми, хотя, опасаясь неведомого будущего, не принимал никаких определенных решений. Можно с достаточным вероятием считать, что появление статьи Тургенева, обращенной фактически к Александру III, было продиктовано патриотическим желанием повлиять на царя и его решения в духе «либералов-конституционалистов», к числу которых принадлежал писатель. Об этом его желании написать царю, «который недавно вступил на престол и колебался еще, какой политике последовать, указать ему на необходимость дать России конституцию, — вспоминал П. А. Кропоткин, — ‹. . .› Тургенев говорил мне: „Чувствую, что обязан это сделать, но я вижу также, что не в силах буду это сделать“».[19]

---

[18] В. И. Ленин, Соч., т. 5, стр. 39.

[19] П. А. Кропоткин. Записки революционера. М., 1966, стр. 375. — По-видимому, Кропоткину изменила память, так как он, относя встречу

Надежды Тургенева и тех, кто разделял его взгляды, не оправдались.

С каждым днем роковое влияние обер-прокурора святейшего синода на государя становилось более сильным. На следующий день после появления в печати статьи Тургенева царь, боясь революционного движения, переехал из Петербурга в Гатчину, где жил «пленником», как в осажденной крепости.

29 апреля 1881 г. был опубликован написанный Победоносцевым манифест, которым царь оповещал, что «глас божий повелевает нам стать бодро на дело правления... с верою в силу и истину самодержавной власти, которую мы призваны утверждать и охранять для блага народного от всяких на нее поползновений».[20]

Реакционный характер будущей политики Александра III определился. Последовала отставка деятелей прошлого царствования — Лорис-Меликова, Абазы, Милютина — и надолго укрепилось роковое влияние Победоносцева и других реакционеров.

Действия Александра III глубоко разочаровали Тургенева, заставляя задуматься о правильности своих взглядов. В январе 1882 г. он говорил Лаврову: «Прежде я верил в реформы сверху, но теперь я в этом решительно разочарован; я сам с радостью присоединился бы к движению молодежи, если бы не был так стар и верил в возможность движения снизу».[21]

Из политических прогнозов, сделанных Тургеневым в статье об Александре III, не все оправдалось. Писатель верно предугадал мирный, не активный внешнеполитический курс правительства («царь будет придерживаться политики совершенно мирной»). Известно, что в правление Александра III внешняя политика России была осторожной и, кроме незначительного столкновения в Средней Азии, не происходило вооруженных конфликтов, что дало повод придворным историкам именовать впоследствии царя «Миротворцем». Конечно, дело было не в личной политике царя, — хотя он проявлял в этих вопросах достаточно здравого смысла и проницательности и не верил, что самодержавная власть может рискнуть на войну, и потому всегда ее боялся. Сбылись, хотя только к концу царствования Александра III, надежды писателя на тесные связи с Францией. Но не оправдались, например, прогнозы, которые были связаны с так называемым «Союзом трех императоров» (его Тургенев ошибочно называет в статье «Тройственным союзом»), о котором он писал, что «ему не суждено более возродиться». Союз был возобновлен в том же 1881 г. Ошибочными оказались мысли о том, что «отношения с Англией примут ‹...› характер большей сердечности», — англо-русские противоречия в последней четверти XIX в. обострились и, как известно, в 1885 г. едва не привели к войне между этими державами.

с Тургеневым к июлю или осени 1881 г., в то же время указал, что Тургенев не написал Александру III, поскольку «через несколько недель Александр III манифестом объявил о своем намерении остаться самодержавным правителем России», что произошло 29 апреля 1881 г.

[20] Собрание узаконений, 1881, 29 апреля, стр. 247.

[21] *Революционеры-семидесятники*, стр. 70.

Можно сказать, что и в целом статья Тургенева не достигла поставленных писателем целей, но она осталась в литературном наследии Тургенева памятью о его попытке способствовать проведению либеральных реформ в России.

М. Б. Рабинович

ТУРГЕНЕВ И Д. Н. МАМИН-СИБИРЯК

В некрологе Тургенева, напечатанном в десятой книжке «Отечественных записок» за 1883 г., М. Е. Салтыков-Щедрин писал: «...в современной русской беллетристической литературе нет ни одного писателя <...>, который не имел в Тургеневе учителя и для которого произведения этого писателя не послужили отправною точкою».

Справедливость этого мнения подтверждается при рассмотрении ранних произведений такого яркого и самобытного художника, как Д. Н. Мамин-Сибиряк, вступившего в литературу в самом конце 70-х годов. В творчестве этого писателя начала—середины 80-х годов особый раздел составляют очерки и рассказы, при создании которых Мамин-Сибиряк во многом опирался на опыт своих предшественников; в числе их следует вспомнить и Тургенева, «Записки охотника» которого, как правильно отметил Салтыков-Щедрин, «положили начало целой литературе, имеющей своим объектом народ и его нужды».[1]

В начале—середине 80-х годов Тургенев был для Мамина-Сибиряка безусловным литературным авторитетом и недосягаемым образцом. Об этом свидетельствует прежде всего переписка Мамина-Сибиряка. В частности, 30 ноября 1885 г. он писал своей матери, А. С. Маминой: «...ты можешь смело не огорчаться моими литературными неудачами: Тургенев по 9 раз переделывал все свои статьи, а я едва успеваю написать черновую и если переделываю два раза, то прихожу в некоторый ужас от такого барства работы. Собственно говоря, и я буду делать так же, только вот немножко заправиться финансами...».[2] «Я ведь не мечтаю быть Гоголем или Тургеневым», — скромно утверждал Мамин-Сибиряк в другом письме к ней же — от 12 января 1886 г. (VIII, 640). А в романе «Черты из жизни Пепко» писатель указывал, что если в самом начале своего творческого пути он писал в стиле Гоголя, то «потом старательно усвоил себе манеру красивых описаний à la Тургенев» (VII, 63).

Названиям многих своих рассказов и очерков 80-х годов Мамин-Сибиряк придал характерные подзаголовки. Так, рассказ «В болоте» имеет подзаголовок «Из записок охотника»; «Гроза» — «Из охотничьих рассказов»; «На шихане» — «Из записной книжки охотника», и т. д. Эти подзаголовки уже наводят на мысль о наличии традиции, восходящей к «Запискам охотника» Тургенева, причем не только в этих, но и в других рассказах

---

[1] «Отечественные записки», 1883, № 9, стр. 1, 2 (вкладные).

[2] Д. Н. Мамин-Сибиряк, Собрание сочинений в 8 томах, т. VIII, М., 1955, стр. 639. (В дальнейшем все цитаты даются по этому изданию с указанием в тексте тома и страницы).

и очерках Мамина-Сибиряка, относящихся к тому же времени. Е. А. Боголюбов был прав, когда отмечал, что влияние Тургенева на Мамина-Сибиряка сказалось в композиционном приеме развертывания фабулы при помощи изображения «охотничьих скитаний, встреч и разговоров».[3]

Действительно, в некоторых рассказах Мамина-Сибиряка («На шихане», 1884; «В болоте», «Гроза», «Родительская кровь», 1885) охота и охотничьи встречи играют значительную роль в развитии сюжета. Так, например, в рассказе «На шихане» рассказчик, охотясь с Савкой и примкнув вместе с ним к охотничьей артели во главе с управителем Карлом Ивановичем, становится свидетелем того, как его спутник чуть не задушил «Карлу» за то, что последний застрелил свою собаку. Этот эпизод дает возможность автору раскрыть богатство внутреннего мира Савки, в чем-то близкого тургеневским крестьянам-правдоискателям, в первую очередь Калинычу («Хорь и Калиныч») и Касьяну с Красивой Мечи из одноименного рассказа.

Если Калиныч «принадлежал к числу идеалистов, романтиков, людей восторженных» и «стоял ближе к природе»,[4] то и Савка охарактеризован Маминым-Сибиряком как «поэт в душе», который является «настоящим хозяином в лесу» (II, 535). Касьян с любовью говорит о птицах: «...много ее, всякой лесной твари, и полевой, и речной твари, и болотной, и луговой, и верховой, и низовой — и грех ее убивать, и пускай она живет на земле до своего предела...» (*Соч.*, IV, 125). Такое же отношение ко всему живому присуще Савке. «Ты бы весной послушал, что по лесу делается?.. Стоишь, этак, стоишь, прислушаешься, а лес-то кругом тебя точно весь живой: тут птица поет, там козявка в траве стрекочет, там зверь бежит... Уж больно хорошо птицы по весне поговаривают, точно вот понимаешь их, и так у них все хорошо выходит» (II, 541). Своим сочувствием к обитателям леса, глубокой поэтизацией природы охотник Савка близок Касьяну, принципиально отрицающему охоту.

Для пейзажной живописи очерка «На шихане», которая напоминает пейзажи Тургенева, характерен глубокий лиризм при изображении разного материала: каменных утесов на вершинах Уральских гор у Мамина-Сибиряка, лесостепной полосы в «Записках охотника».

Говоря о героях-правдоискателях в творчестве Мамина-Сибиряка середины 80-х годов, невозможно пройти мимо образа Калина Калиныча из рассказа «В горах». Если Калиныч Тургенева охарактеризован как человек с «лицом кротким и ясным» (*Соч.*, IV, 11), то и в Калине Калиныче «было что-то трогательное и умилительное», он «сильно отличался от всего остального мира по своей кротости» (I, 251). Любовь к природе, ко всем живым существам, населяющим землю, присущая этому герою Мамина-Сибиряка, роднит его и с тургеневским Касьяном. Мы уже привели вдохновенные рассуждения Касьяна с Красивой Мечи о «всякой лесной твари».

---

[3] Е. А. Боголюбов. Рассказы и очерки Д. Н. Мамина-Сибиряка. В кн.: Д. Н. Мамин-Сибиряк, Собрание сочинений в 12 томах, т. 10, Свердловск, 1951, стр. 355.

[4] *Сочинения*, т. IV, стр. 15. (В дальнейшем все цитаты по этому изданию приводятся в тексте).

«Я с удивлением поглядел на Касьяна. Слова его лились свободно; он не искал их, он говорил с тихим одушевлением и кроткою важностию...» (*Соч.*, IV, 125), — заключает рассказчик. Такое же впечатление производит на рассказчика у Мамина-Сибиряка речь Калина Калиныча, который, наслаждаясь в лесу солнечной теплотой, философствует: «Этакая благодать-с <...>. Вон пташка поет, козявка всякая стрекочет, а солнышко!.. Больно уж я люблю его <...>. И в писании говорится: „Воззрите на птицы небесные; не сеют, не жнут, а отец ваш небесный питает их“». Рассказчик добавляет при этом: «Слушая эту странную одушевленную речь, я с невольным удивлением посмотрел на моего собеседника, лицо которого дышало неподдельным искренним одушевлением» (I, 225—226). И у Тургенева, и вслед за ним у Мамина-Сибиряка рассказчик с изумлением обнаруживает богатый духовный мир у «простых» людей — Касьяна с Красивой Мечи и Калина Калиныча.

В том же рассказе «В горах» Мамин-Сибиряк, как и Тургенев в «Хоре и Калиныче», а также в некоторых других рассказах из «Записок охотника», прибегает к приему создания портрета героев по контрасту. Особенно наглядно этот прием контрастности ощутим в рассказе Мамина-Сибиряка «Все мы хлеб едим» (1882). Образы Шептуна и Рассказа из этого произведения следует сопоставить с тургеневскими Хорем и Калинычем, двумя друзьями, несмотря на всю разницу в их внутренней сущности. «Шептун и Рассказ были закадычными приятелями, вероятно потому, что трудно было подыскать двух таких противоположных людей» (I, 151). И далее, характеризуя Шептуна, близкого к Хорю, который был «человек положительный, практический <...> рационалист» и «возвышался даже до иронической точки зрения на жизнь» (*Соч.*, IV, 14, 15), Мамин-Сибиряк пишет: «Шептун был крепкий старик и играл выдающуюся роль на сходах. Он не проговорит слово даром, и все у него выходило как-то особенно складно. Находчивость в ответах, живость, убийственная острота — вот чем он брал...» (I, 151). А к восторженному идеалисту — тургеневскому Калинычу близок Рассказ, который, по словам Мамина-Сибиряка, был «увлекающаяся, поэтическая натура» и «рядом с Шептуном» — «настоящий ребенок» (I, 152).

Портреты героев, играющие такую существенную роль и в «Записках охотника», и в некоторых рассказах Мамина-Сибиряка, обычно даются обоими писателями в начале произведения, предшествуют развитию сюжетной линии. Такое построение характерно, в частности, для следующих рассказов Тургенева: «Ермолай и мельничиха», где автор прежде всего стремится представить читателям своего верного спутника по охоте, Ермолая (*Соч.*, IV, 22); «Певцы», где сначала даются выразительные характеристики Обалдуя, Моргача, Дикого барина, а потом уже описывается певческое состязание (*Соч.*, IV, 240—241); «Свидание», где изображению встречи Акулины с Виктором предшествуют мастерские портреты их (*Соч.*, IV, 262—263). Такой же композиционный прием характерен в ряде случаев для Мамина-Сибиряка. Прежде чем приступить к передаче содержания рассказа встреченного им человека или дать изложение событий, Мамин-Сибиряк рисует портреты героев, например Шапкина в «Грозе» (IV,

164), Карла Иваныча и Анки в рассказе «На шихане» (II, 525, 530), Сарафанова в рассказе «Все мы хлеб едим» (I, 125—126) и др.

Иногда для полной достоверности рассказа кого-либо из случайно встреченных ими лиц или для развития и завершения сюжетных линий в рассказах оба писателя обращаются к приему «подслушивания» разговоров, которые ведут их герои. Особенно интересно в этом отношении сопоставить с «Ермолаем и мельничихой» рассказ «Родительская кровь» (1885) Мамина-Сибиряка, в котором рассказчик «подслушивает» беседу лесного сторожа, по прозвищу Секрет, с владельцем бакалейной лавки, охотником Важениным. И у Тургенева, и у Мамина-Сибиряка рассказчики при этом невольно узнают о характере истинного отношения к ним — Ермолая в первом случае, Секрета — во втором.

У Тургенева

— Вы бы лучше барина разбудили, Ермолай Петрович: видите, картофель испекся.

— А пусть дрыхнет, — равнодушно заметил мой верный слуга, — набегался, так и спит (*Соч.*, IV, 28).

У Мамина-Сибиряка

— Барин-то спит? — шепотом осведомился Важенин про меня, протягивая руку к бутылке.

— Спит... Так, совсем пустой человек: набегается по болоту, ну, и сейчас спать, — рекомендовал меня коварный Секрет (IV, 29).

Для того чтобы изобразить встречи с интересными людьми во время охотничьих скитаний, оба писателя иногда заставляют рассказчика «заблудиться» в лесу. Так, в «Бежином луге», где опять-таки прием «подслушивания», о чем только что говорилось, позволяет рассказчику глубоко проникнуть в поэтический мир народных преданий, присущий крестьянским мальчикам, он попадает «в ночное» благодаря тому, что «заблудился» и вышел совсем не туда, куда рассчитывал. В рассказе «В горах» Мамина-Сибиряка рассказчик, «заблудившись», оказывается на стоянке «старателей», где знакомится со стариком Саввой Евстигнеичем, раскольницей Василисой Мироновной и охотником Калиной Калинычем — людьми любопытными во многих отношениях.

Вот как описывают оба писателя приближение рассказчика-охотника.

У Тургенева

Я решился подойти к огонькам ‹...› благополучно спустился вниз, но не успел выпустить из рук последнюю ухваченную мною ветку, как вдруг две большие, белые, лохматые собаки со злобным лаем бросились на меня (*Соч.*, IV, 95—96).

У Мамина-Сибиряка

Мне пришлось сделать еще шагов двести, как до моего слуха явственно донеслись сдержанное, глухое ворчанье и отрывистый, нерешительный лай (I, 202)

Тургенев, признанный мастер пейзажа, многие из рассказов «Записок охотника» («Ермолай и мельничиха», «Малиновая вода», «Льгов», «Бежин луг», «Бирюк», «Свидание», «Лес и степь» и др.) начинает с проникновенных и лирических картин природы средней полосы России, и Мамин-

Сибиряк именно у него в первую очередь учится этому искусству. По собственному его признанию, глубоко любивший природу, он, подобно Тургеневу, пейзажами открывает многие из своих очерков и рассказов («Родительская кровь», «В болоте», «В горах», «Гроза», «Золотуха», «Лётные», «Бойцы» и др.).

Совпадает у Мамина-Сибиряка и Тургенева и тональность некоторых описаний в тех случаях, когда речь идет об аналогичных состояниях или случаях. Так, например, пение Савоськи, сплавщика леса на реке Чусовой («Бойцы», 1883), и то впечатление, которое оно производит на слушателей харчевни, легко можно сопоставить с выступлением Якова Турка и вызванными им эмоциями в рассказе Тургенева «Певцы».

«Приложив руку к щеке, Савоська затянул богатейшим грудным тенором:

Ох, с-по-горам-горам,
Да с-по высокием —
Там молодец гулял...

«Всё, что было в комнате, сразу затихло и затаилось. Проголосная песня полилась хватающими за душу переливами <...>. Простором, волей, молодецкой удалью веяло от этих бесхитростных, но глубоко поэтических строф, и, вместе, в них сказалось такое подавленное горе, та тоска, которая подколодной змеей сосет сердце» (I, 590).

Как и Тургенев, Мамин-Сибиряк в своих рассказах 80-х годов касается темы вырождения дворянства. В этом плане можно сопоставить, например, с «Малиновой водой» Тургенева рассказ Мамина-Сибиряка «Гроза», в котором Шапкин, бывший дворовый, повествует рассказчику о разных событиях из жизни дворянской семьи Ведерниковых. Неторопливый, обстоятельный, не содержащий в себе как будто бы никаких признаков протеста против крепостного права, рассказ Шапкина чем-то близок к такому же эпически спокойному повествованию Тумана о графе Петре Ильиче и его «матрескаx» в «Малиновой воде». Конечно, при этом не следует забывать, что для Тургенева крепостное право — живая современность и что он сам принадлежал к дворянскому сословию. Между тем в произведениях 1880-х годов разночинца Мамина-Сибиряка крепостническая действительность — воспоминание о прошлом.

До сих пор мы пытались показать связь между ранними рассказами Мамина-Сибиряка и «Записками охотника» Тургенева, проследить наличие тургеневских традиций в творчестве Мамина-Сибиряка 80-х годов. Однако в некоторых рассказах этого писателя можно усмотреть влияние не только «Записок охотника», но также образов и идей романов Тургенева. Так, в рассказе «Первые студенты», где повествуется о двух молодых людях, приехавших поработать на прииски, Рубцове и Блескине, первый из них исповедует взгляды, чрезвычайно близкие к тем, которыми Тургенев наделил Базарова в «Отцах и детях». Гимназист, от лица которого ведется рассказ в «Первых студентах», беседует с Рубцовым «об естественных науках», знакомится с лежавшими на полке у него книгами — «с бо-

таническими картинами Шлейдена, с Молешоттом, Либихом, Циммерманом, Бюхнером и т. д.». Затем оба они сидят «за микроскопом», рассматривая «кровообращение в перепонке живой лягушечьей ноги» (IV, 336). У Рубцова, подобно Базарову, в принципе отрицательное отношение к искусству, что Блескин прямо характеризует как «базаровщину». «— Вот вам, братику, великая книга, читайте ее! — ораторствовал Рубцов, указывая из окна на горы и лес. — Тут все: и ботаника, и геология, и зоология, и поэзия... Остальное все бирюльки и пустяки». На вопрос Блескина «что остальное-то?» Рубцов отвечает: «А все остальное, чем тешились раньше; стишки, музыка, чувствительные романы, картинки разные ‹...› ну, вообще, так называемое искусство и quasi-наука. Гиль и ерунда» (IV, 341). В отличие от Базарова Рубцов, однако, способен плакать «над гитарой», что, впрочем, считает в себе «атавизмом». И если Блескин полагает, что «искусство тоже необходимо, только хорошее и здоровое искусство», то Рубцов утверждает в ответ: «Да, нужна фотография, нужны рисовальщики для хороших сочинений, нужны, пожалуй, две-три хороших песенки, нужно уменье приготовить из папье-маше манекена, нужна музыка для домашнего обихода, т. е. когда играет Софрон на своей гармонии, нужны национальные танцы, чтобы встряхнуться, и только» (IV, 342).

Думается, что нет надобности цитировать всем памятные места из «Отцов и детей» для подтверждения той мысли, что взгляды Рубцова из «Первых студентов» несомненно близки к тем, которые присущи Базарову, что наличие тургеневской традиции здесь действительно не подлежит сомнению.

Переходя теперь к романам Мамина-Сибиряка, отметим, что воздействие на них романов Тургенева не было, на наш взгляд, особенно значительным. Тем не менее изучение творческой истории «Приваловских миллионов» позволило Е. А. Боголюбову при рассмотрении ранних редакций этого романа прийти к заключению, что в «Каменном поясе» (вторая редакция) заметно «влияние образа Лаврецкого на конструкцию характера Сергея Привалова, а в „Сергее Привалове“ видим стремление создать при изображении переживаний Привалова „тургеневское настроение“»[5] (имеется в виду XX глава «Дворянского гнезда», где изображается приезд Лаврецкого в деревню). По мнению того же исследователя, в первоначальном варианте «Горного гнезда» (роман «Омут») Мамин-Сибиряк создал в лице Марии Кирилловны Останиной «своеобразную аналогию образа Лизы Калитиной». В этом же произведении музыкант-немец Иоган Штумпф напоминает Лемма, а старушка-экономка Ольга Яковлевна представляет собою «что-то среднее между няней Лизы Агафьей и тетушкой Марфой Тимофеевной».[6]

С нашей точки зрения, налицо также воздействие на роман «Именинник» (1888) Мамина-Сибиряка романа «Рудин» Тургенева. Земский деятель Сажин, увлекающий красноречивыми и пылкими речами не только Анну Ивановну Злобину, но и мещанина Пружинкина, да и вообще всех

[5] Е. А. Боголюбов. К вопросу о художественных интересах и вкусах Д. Н. Мамина-Сибиряка. «Ученые записки Молотовского педагогического института, 1946, вып. 10 (факультет языка и литературы), стр. 127.
[6] Там же.

жителей города Мохова, в то же время совершенно не способен к практической деятельности на общественное благо. Полную несостоятельность, подобно Рудину, обнаруживает Сажин и в сфере личной жизни, побоявшись связать свою судьбу с передовой женщиной, бросившей ради него своего мужа, — Анной Злобиной. Претерпевает полное разочарование в Сажине и мещанин Пружинкин, светлая личность, мечтавший о том, чтобы при помощи земства, и прежде всего лично Сажина, благоустроить предместье города — Теребиловку, где проживала разного рода беднота. Трогательное отношение Пружинкина к Сажину, вера в него напоминают в какой-то степени преклонение Басистова перед Рудиным.

Анна Злобина, дочь купчихи-самодурки, серьезная и скромная девушка, жаждущая общественно полезной деятельности, именно потому и оказалась способной, подобно Наталии Ласунской, на большое чувство к Сажину, который, по ее мнению, был носителем лучших общественных идеалов того времени (действие романа «Именинник» происходит в конце 60-х годов).

По сравнению с образом Рудина, человека 40-х годов, образ земца Сажина кажется значительно сниженным; в конце романа он кончает жизнь самоубийством, между тем как тургеневский герой погибает, как известно, на парижских баррикадах во время революции 1848 г.

Анна Злобина после того, как застрелился Сажин, становится учительницей. Подобно другим героиням романов Мамина-Сибиряка (в особенности посвященным жизни интеллигенции, например «Весенние грозы», «Ранние всходы»), образ Злобиной выдержан в тургеневских традициях. Недаром Ф. Гладков отмечал, что «превосходно выписаны у Мамина-Сибиряка чудесные русские женщины», «чистые, полные любви, самоотверженные...».[7] К этим словам советского писателя следует добавить, что в ряде произведений Мамин-Сибиряк показал своих героинь не только способными к большому и глубокому чувству, но и обладающими смелым и независимым характером, готовыми, подобно тургеневским девушкам (Елене из «Накануне», Марианне из «Нови»), на решительные поступки. Елена Стахова и Марианна Синецкая тайком уходят из дому, чтобы соединиться со своими избранниками — Инсаровым и Неждановым — и разделить с ними их нелегкую судьбу; так же поступает Надежда Бахарева в «Приваловских миллионах». Мамин-Сибиряк рисует с большой симпатией образ этой девушки, далекой от всего того, что окружает ее в родительском доме, в купеческой среде вообще. Несмотря на проклятие отца, который по-своему очень любит ее, Надежда Бахарева уходит к любимому человеку — интеллигенту Максиму Лоскутову (в прошлом революционеру). Потрясенная его смертью, она видит теперь смысл жизни в том, чтобы приносить пользу народу. Было бы слишком прямолинейным усматривать воздействие на образы Надежды Бахаревой («Приваловские миллионы»), Кати Клепиковой («Весенние грозы»), Маши Честюниной («Ранние всходы») и других героинь Мамина-Сибиряка образов одних лишь тургеневских деву-

---

[7] Ф. Гладков. О литературе. Статьи, речи, воспоминания. М., 1955, стр. 234.

шек. Однако несомненно, что многие женские образы в романах Мамина-Сибиряка нарисованы с учетом именно тургеневских традиций. Они не имеют ничего общего с героинями романов Л. Н. Толстого, Достоевского, Салтыкова-Щедрина.

Но если «Записки охотника» и романы вызывали любовное и уважительное отношение со стороны Мамина-Сибиряка, то поздние произведения Тургенева, во всяком случае некоторые из них, остались непонятыми им. Об этом свидетельствуют, в частности, наброски незавершенной статьи Мамина-Сибиряка о рассказе Тургенева «Отчаянный». Приводим полностью текст этих набросков.

ПОСЛЕДНИЙ РАССКАЗ И. С. ТУРГЕНЕВА [8]

Пред нами последняя книжка «Вестника Европы», январь 1882 года. В ней помещен новый рассказ И. С. Тургенева «Отчаянный». С него мы и начнем.

Фабула нового рассказа нашего маститого беллетриста очень незамысловата. Именно: собрались старички и толкуют о современных делах и людях; один из стариков сознался, что не понимает современных людей, ибо они «отчаянные какие-то». «Ничего подобного еще никогда не бывало», — заключает старичок. Другой старичок, П., заметил, что отчаянные люди водились и прежде, только они не походили на нынешних: «отчаянность была беспредметная». Как пример такой беспредметной отчаянности г. П. рассказывает историю своего двоюродного племянника Миши Полтева.

Видите ли, у одного помещика был миловидный мальчик с розовыми щечками и мякенькими губками — ласковый, причесанный, стыдливый, как девочка. Смеялся он редко и имел крупные белые зубы, заостренные по-звериному. Это и был Миша Полтев, герой рассказа. Когда родители умерли, причесанный и стыдливый мальчик надел фуражку à la diable m'emporte [9] и, как говорится, закутил, т. е. закутил по-старому: в несколько дней спустил все движимое и недвижимое в цыганском таборе и зашабашил. В следующем действии Миша Полтев [надвинул] расчесал волосики направо и налево, надвинул на лоб «шапоньку» гречником, прихватил у дядюшки малую толику презренного металла и отправился [на] в монастырь; но в монастыре он не остался, а отправился в качестве юнкера на тот погибельный Кавказ. В течение двухлетней службы на Кавказе Миша Полтев прославился между военными, как «оглашенный»: во-первых, он съездил к немирному хану, Абдулке кривому, чтобы узнать — персидский настоящий у него, Миши Полтева, клинок или нет; Абдул хан мог принять юнкера за лазутчика и посадить в клоповник, но вместо этого был так поражен его [хра‹бростью›] смелостью, что не только не посадил, а назвал своим кунаком, подарил настоящую персидскую шашку и даже напоил вином. Миша Полтев выиграл пари. Во второй раз он, тоже на пари, прострелил себе левую руку, а в третий раз он соскочил в пропасть. После таких отчаянных подвигов Мише Полтеву даже на Кавказе не оставалось ничего делать, и он явился в Москву, конечно, в черкеске с патроном на груди и с кинжалом на поясе; здесь он начал обращаться с письмами к разным сильным мира сего, «начиная с митро-

[8] Гос. архив Свердловской области, ф. 136, оп. 1, № 8, лл. 1—4 (указано нам Б. Д. Удинцевым).

[9] А-ля черт побери (*франц.*).

полита и кончая берейтерами и повивальными бабками». Но этот modus vivendi[10] был настолько не выгоден в материальном отношении, что Миша Полтев «опустился до последних унижений» и «между прочим, в одном дворянском собрании выставил кружку с надписью: „Всякий, кому покажется лестным щелкнуть по носу столбового дворянина Полтева (подлинные документы при сем прилагаются), может удовлетворить свое желание, положивши рубль в сию кружку“».

Дальше мы видим, что Миша Полтев просит [по‹даяние›?] милостыню, конечно, по-французски. «Prenez pitié d'un pauvre gentilhomme ruiné...».[11] Дядя принимает участие в несчастной судьбе племянника и хочет его исправить. Но Миша Полтев прожил у дядюшки всего несколько дней, не вытерпел и сбежал. Эта отчаянная жизнь закончилась женитьбой на дочери дьячка и смертью.

Нужно сказать, что Миша Полтев в течение всего рассказа сохраняет свой пухленький вид и даже румянец на щеках и всегда говорит одну только правду, хотя после смерти родителей от него все время отдает водкой.

Это и все? Нет, не все — есть еще заключение, которое мы приведем дословно.

«Так вот чем разрешились Мишины скитанья по мытарствам, — закончил старик П. свой рассказ. — Вы, господа, конечно, согласитесь со мной, что я имел право назвать его отчаянным, но, вероятно, согласитесь также и в том, что он не походит на нынешних отчаянных, хотя, полагать надо, иной философ и нашел бы родственные черты между ним и ими. — И там, и тут жажда самоистребления, тоска, неудовлетворенность... А с чего это все берется, предоставляю судить именно философу!»

[Эх, Иван Сергеич, Иван Сергеич... И сам премудрый царь Соломон не найдет ничего в вашем рассказе, кроме, может быть, доброго желания, которое заставило вас написать еще «Новь». Но одного доброго желания еще слишком мало, хотя читающая публика еще очень многое простит автору «Записок охотника» и «Отцов и детей». Странно одно, что наш любимый автор не может понять полной невозможности, даже гадательности решения некоторых вопросов последнего времени. Вот Щедрин, этот совсем иначе — откровенно говорит: «Не понимаю я в этих делах ничего... решительно не понимаю. Стар стал и глуп». Читающая публика, конечно, лукаво подмигивает глазами и двусмысленно улыбается, «дескать знаем мы, г. Щедрин, вашу старость»; но печать молчания, которую налагает на свои уста наш даровитейший и самый популярнейший сатирик, имеет оправдание не в одном цензурном отношении — нет, она показывает только]

Крайне тяжелое впечатление оставляет в душе русского читателя последний рассказ И. С. Тургенева. Напрасно мы будем в нем искать того, чем отличаются лучшие произведения нашего маститого беллетриста; мы даже не можем указать ни одного художественного ‹места› во всем рассказе, не говоря уже о других требованиях, какими мы привыкли задаваться относительно наших любимых авторов. Даже самая канва рассказа не выдерживает ни малейшей критики: семья добрая старого помещика, затем цыганский табор, монастырь, Кавказ, в заключение жалкие похождения пропойцы из благородных... Здесь даже и отчаянности никакой нет, а просто одна оглашенность, почему и самый рассказ следовало бы назвать не

---

[10] образ жизни (*лат.*).

[11] Сжальтесь над бедным разорившимся дворянином... (*франц.*).

«Отчаянный», а «Оглашенный». Единственное, что заслуживает внимания во всем рассказе, — это его начало и заключение. Автор желает объяснить настоящее далеким прошедшим, но в этом прошедшем ничего не находит, кроме Миши Полтева... А, по-видимому, можно было бы найти очень и очень много. Нам кажется странной самая точка зрения, из которой отправляется автор, именно, он хочет непременно видеть отчаянного, отчаянного с ног до головы, и притом отчаяние должно быть беспредметное... Что же это такое: жареный лед, сапоги в смятку или, по определению старинных учебников физики, какая-нибудь невесомая жидкость?.. Затем очень странно, что автор хочет объяснить некоторые явления нашей жизни отчаянностью, даже отчаянностью предметной. Мы можем ‹*нрзб.*› указать на самое заурядное явление нашей жизни — на те судебные процессы, где уголовными преступниками являются люди [совершенно безупречные] обыкновенные во всех отношениях; затем мы можем указать на еще больший ряд исторических примеров и, наконец, особенно обращаем внимание читателей на некоторых действующих лиц в романе гр. Толстого «Война и мир» — Платоша Каратаев, князь Пьер, капитан, командующий в Шенграбенском сражении батареей. В романе И. С. Тургенева «Новь» есть задатки этого типа в Машуриной. Мы, просматривая этот длинный ряд вышибленных из обыкновенной колеи людей, ничего не видим в них отчаянного, а, наоборот, это люди, как все люди, с той разницей, что это необыкновенно честные натуры, [необ‹ычайно›?] любящие, нежные. Во все времена таких людей легионы, и они проходят совершенно незамеченными, если их не выдвинут на сцену какие-нибудь исключительные обстоятельства. Вот как для романиста, так равно для психолога, социолога и всякого простого смертного и важно выяснить именно этот решающий момент, когда такие люди говорят: «не могу» и превращаются в отчаянных. Для различных натур, темпераментов, условий воспитания, общественного положения этот момент наступает в разное время, и криминалисты напрасно ломают над ним голову. Но, во всяком случае, самое интересное в этом отношении является такая постановка вопроса, когда в отчаянного человека превращается не какой-нибудь оглашенный или пропойца, а самый заурядный смертный. Вот именно этого-то вопроса и не решено, и новое произведение Тургенева является только неудачной попыткой в этом направлении. Отдельные черты, обрывки наблюдений — все это очень обильно рассеяно по разным произведениям наших беллетристов, а Достоевский взял даже в основание всех своих произведений именно этот психологический момент; но должно сознаться, что по отношению ко всякому новому факту, особенно в отношении к целому общественному явлению, такой психологический момент надолго остается невыясненным, т. е. до тех пор, пока вся сумма прецедентов не будет выяснена вполне основательно. Нужно заметить, что этот именно психологический момент послужил исходной точкой для лучших европейских произведений — Шекспира и Гете, но на русской почве, под влиянием совершенно особенных условий расы, природы, обычаев и общежития, он получал совершенно своеобразную окраску. Пока можно сказать только то, что именно здесь-то и нет отчаяния, а совершенно наоборот — глубокая вера пересоздает людей. Мы совсем не желаем входить в подробные рассуждения относительно вопроса, как и чем создалось у нас то общественное явление, которое И. С. Тургенев хочет назвать предметной отчаянностью, — мы заметим только, что и здесь, как в наших религиозных движениях, в новейших сектах, главными деятелями являются люди самые обыкновенные, в большинстве случаев [и в исключениях].

В заключение нельзя не пожелать, чтобы имя нашего лучшего беллетриста [не] лучше совсем не появлялось на страницах журналов под такими произведениями, как «Отчаянный». Мы все слишком любим автора [«Охотничьих за‹писок›»] «Записок охотника», «Отцов и детей», [целое] второе поколение [воспиталось] воспитывается на его произведениях [И. С. Тургенева]; едва ли другой русский автор пользовался такой симпатией русских читательниц, [как И. С. Тургенев], вообще мы привыкли чуть не с благоговением относиться к каждому новому произведению нашего маститого беллетриста; поэтому нам особенно тяжело было читать его последний рассказ, который оставил в душе обидное чувство. Лебединая песня давно спета, и не хочется портить ее впечатление чтением таких произведений, как «Стучит» или «Отчаянный».

N. N.

Как видим, Мамин-Сибиряк в совершенно пародийном тоне излагает в начале своих набросков содержание рассказа Тургенева, а затем переходит к интерпретации, не сумев по достоинству оценить его.

Мамин-Сибиряк выступает против стремления Тургенева объяснить некоторые явления современной жизни «отчаянностью». Между тем Тургенев в конце своего рассказа лишь намекнул на возможность существования некоторой связи между Мишей Полтевым и народовольческой молодежью 80-х годов, вложив в уста рассказчика — старика П., — слова о том, что хотя герой рассказа и «не походил на нынешних отчаянных», но тем не менее «иной философ и нашел бы родственные черты между ним и ими» (*Соч.*, XIII, 52). Характерно, что первоначально, в конспекте рассказа, Тургенев более отчетливо подчеркнул не сходство, а разницу между Мишей Полтевым и революционной молодежью. Писатель указал, что у его персонажа «сила несомненная, при всей дряннейшей слабости, — не то что самопожертвование — самоистребление, но без содержания и идеала; а был бы идеал — герой и мученик» (*Соч.*, XIII, 407). В окончательном же тексте рассказа Тургенев лишь вскользь упомянул о некотором психологическом сходстве между Мишей Полтевым с его неясной тоской и дикими порывами и народовольческой молодежью, которая находилась в это время в состоянии тяжелого кризиса.

В основном пафос рассказа Тургенева «Отчаянный» заключался совсем в другом — в показе разложения и распада русского дворянства в результате паразитического образа жизни его. Мамин-Сибиряк, как отчасти уже говорилось выше, в своем творчестве также обращался к теме вырождения дворянской («Гроза») или дворянско-буржуазной семьи («Приваловские миллионы», «Горное гнездо»).

В резко отрицательном отношении к рассказу «Отчаянный» Мамин-Сибиряк не был, впрочем, одинок. Так, например, Н. М. в «Чертах из парижской жизни И. С. Тургенева» вспоминает свой спор с автором «Отчаянного» по поводу Миши Полтева. Н. М. видел в Мише Полтеве просто недоросля из дворян времен крепостного права, что вызывало раздражение Тургенева, усматривавшего, по его свидетельству, генетическую связь между героем «Отчаянного» и народовольческой молодежью,[12]

[12] «Русская мысль», 1883, № 11, стр. 319.

П. Л. Лавров в статье «И. С. Тургенев и русское общество» упоминает об «Отчаянном» в той же связи, указывая, что в этом рассказе, как «аналогия современным революционерам, выставляется человек прежнего времени с „беспредметною отчаянностью“ <...>, сходный с новыми своими потомками будто бы тем, что „и там и тут — жажда самоистребления, тоска, неудовлетворенность“».[13]

Мамин-Сибиряк не закончил свою статью об «Отчаянном», вероятно, именно потому, что она, конечно, не определяла, тем более в начале 1882 г., общего его отношения к творчеству Тургенева. Для Мамина-Сибиряка Тургенев всегда был прежде всего автором «Записок охотника» и «Отцов и детей». Не случайно также роман «Новь» и одно из действующих лиц его, Машурина, сочувственно упомянуты были и в набросках статьи об «Отчаянном».

Л. Н. Назарова

ОПЕРА «КЛАРА МИЛИЧ» А. Д. КАСТАЛЬСКОГО

Произведения Тургенева содержат несомненно богатый и благодарный материал для оперных сценариев. Между тем современники писателя, виднейшие представители русской оперной классики, не обращались к его сюжетам. Известно лишь, что П. И. Чайковский подумывал об опере «Накануне», а А. Г. Рубинштейн собирался писать оперу «Рудин». Оба замысла, однако, остались неосуществленными.

Отсутствие «тургеневской» темы в русской классической опере связано с некоторыми существенными тенденциями в музыкальном творчестве того времени. Деятелей «Могучей кучки» — А. П. Бородина, М. П. Мусоргского, Н. А. Римского-Корсакова — привлекали главным образом большие исторические полотна, сюжеты народных сказок, былинный эпос, картины крестьянского быта, и тематика автора «Дворянского гнезда» была в значительной степени чужда им. Гораздо ближе она была П. И. Чайковскому, музыку которого писатель ценил особенно высоко. Но Чайковский избегал в оперной драматургии образов современности, и даже наиболее «бытовая» из его опер — «Евгений Онегин» — окутана романтической дымкой давно минувшей пушкинской эпохи. Злободневные социальные проблемы, волновавшие тургеневских героев, и окружавшая их обстановка современной городской жизни явно выходили за рамки оперного творчества композитора.

Оперы на сюжеты Тургенева начали появляться лишь на рубеже нового, XX столетия.

В те годы образ современника, городского жителя, «человека в пиджаке», стал уже нередким гостем на оперной сцене. К тому же тургеневская эпоха быстро уходила в прошлое, в тень старины.

---

[13] *Революционеры-семидесятники*, стр. 68—69. — См. также: И. П<а в л о в с к и й>. Воспоминания об И. С. Тургеневе. «Русский курьер», 1884, 21 июля, № 199.

Все это побуждало музыкантов чаще и охотнее, нежели прежде, обращаться к сюжетам писателя в поисках сценария. Тургеневские оперы того времени не заняли в театральном репертуаре прочного места, но все же они привлекают внимание как интересные и симптоматичные явления русского искусства. Среди них наибольшее значение приобрели «Ася» М. М. Ипполитова-Иванова (впервые поставленная в 1900 г.) и в особенности «Клара Милич» А. Д. Кастальского.

Александр Дмитриевич Кастальский (1856—1926) — один из наиболее самобытных представителей русской музыкальной культуры конца XIX—начала XX в. Его творческая биография крайне своеобразна и необычна. Коренной москвич, всю жизнь связанный с родным городом, Кастальский воспитывался в Московской консерватории у П. И. Чайковского и С. И. Танеева. Еще в годы ученья юный музыкант познакомился с произведениями композиторов «Могучей кучки» — Бородина, Мусоргского, Римского-Корсакова, — и творчество их оказало определяющее влияние на его дальнейшую деятельность.

В 80-х годах прошлого столетия Кастальский организовал хор и оркестр железнодорожных рабочих; кроме того, он руководил хором рабочих Прохоровской (ныне Трехгорной) мануфактуры и другими любительскими коллективами, будучи одним из зачинателей рабочей музыкальной самодеятельности. Много сил он отдал преподаванию пения в школах, приобретя большой опыт в вокальном искусстве. По рекомендации П. И. Чайковского Кастальский стал педагогом Московского синодального училища, крупнейшего очага русской хоровой культуры. Более 30 лет провел он в стенах этого училища. Здесь развилось его дарование педагога, дирижера и композитора; одновременно началась его исследовательская работа, создавшая ему славу крупнейшего знатока русского народно-песенного творчества. Его художественные обработки древних культовых напевов получили мировую известность, но вызвали резкие нападки реакционных кругов, расценивших эти замечательные опыты как нарушение канонических традиций.

В пору зрелости 40-летний композитор обратился также к созданию хоровых пьес светского содержания — на стихи И. Никитина, на прозу Н. Гоголя (из «Мертвых душ») и др., — выдвинувшись как крупнейший мастер, тонкий и глубокий знаток особенностей русского хорового письма.

Для научно-художественных интересов Кастальского характерны его опыты воспроизведения музыки давних времен — фортепианный цикл «Из минувших веков» (Китай, Индия, Египет и т. д.), реставрация древнерусского театрализованного обряда «Пещное действо» и др. Долгие годы Кастальский собирал и изучал образцы старинной крестьянской песенности, и его труды в этой области составили выдающийся вклад в русскую музыкальную фольклористику.

С победой Октябрьской революции 60-летний музыкант принял деятельное участие в культурном строительстве молодой Республики. Особенные старания он прилагал к развитию народного художественного творчества, в чем встречал постоянную поддержку А. В. Луначарского. Еще

в конце 1917 г. Кастальский выдвинул задачу создания Дома народного искусства и народной Академии хорового пения.

В первые же революционные годы он занял руководящее положение в музыкальной жизни страны — возглавил хоровое дело, развернул в больших масштабах методическую, преподавательскую и научную работу. Увлеченный идеями революционного искусства, маститый композитор вступил в Ассоциацию пролетарских музыкантов, где он явился старейшим участником. Его творчество в те времена служило прямым откликом на переживаемые события. Он писал хоровые песни — «Гимн труда», «Первомайский гимн», «Пролетариату», песни на слова Д. Бедного, А. Безыменского, обработки народных напевов. К открытию Первой сельскохозяйственной выставки в Москве в 1923 г. он создал «Деревенскую симфонию» на русские народные темы, рисующую полевые работы, в траурные январские дни 1924 г. — хор «В. И. Ленину. У гроба».

В последние годы жизни Кастальский воспитал целую плеяду молодых советских музыкантов, среди которых выделялся талантливый композитор А. А. Давиденко.

Кончина Кастальского вызвала широкий отклик в стране. «Скончался музыкант громадной силы и яркой самобытности», — писала газета «Известия ЦИК СССР» (от 21 декабря 1926 г.).

«Правда» (от 21 декабря 1926 г.) подчеркивала, что Кастальский «был одним из первых высококвалифицированных музыкантов, полностью принявших Октябрь и отдавших свой талант на службу революции».

Жизненный путь Кастальского поражает своей монолитной цельностью. Его дарование и опыт были безраздельно отданы народному делу: вначале — преимущественно народно-песенной старине, в конце жизни — новой, советской культуре. Творчество его было связано с гражданской тематикой и с «объективным» материалом народной песенности и народно-бытовой обрядности.

На этом пути музыканта-общественника ярко выделяется его единственное лирическое высказывание, единственная созданная им опера — «Клара Милич». Кастальский писал ее в пору расцвета творческих сил, в 1905—1907 гг. Однажды он приоткрыл завесу над этим столь неожиданным для него замыслом: «Вероятно, в противовес ‹...› музыкально-археологическим изысканиям ‹...›, среди других работ я написал оперу „Клара Милич“».[1] Воспоминания детей композитора дополняют это сдержанное признание. Сын его, А. А. Кастальский, писал: «С героем повести Тургенева отец чувствовал некоторое сродство душ».[2] Дочь композитора, Н. А. Кастальская, добавляет: «...фигуру Аратова папа, по словам матери, относил к себе, к своей молодости. Любовь для него была делом непростым, что звучит в его переписке с матерью».[3] Повесть Тургенева, видимо,

---

[1] А. Кастальский. О моей музыкальной карьере и мои мысли о церковной музыке. «Музыкальный современник», 1915, № 2, стр. 40.

[2] А. Кастальский. Три заметки. В кн.: А. Д. Кастальский. Статьи. Воспоминания. Материалы. Музгиз, М., 1960, стр. 115.

[3] Н. Кастальская. Немногое об отце. В кн.: А. Д. Кастальский, стр. 109.

затронула какие-то глубокие стороны душевной жизни этого неутомимого деятеля, вызвав с его стороны своеобразную лирическую исповедь. Интересу Кастальского к повести о Кларе Милич содействовал и ее колоритный бытовой фон. «В тургеневском рассказе, — писал А. А. Кастальский, — отца привлекал контраст между романтической роковой любовью, расцветшей на фоне скромного старомосковского быта, хорошо ему ведомого, и равнодушной пошлостью так называемого „света“».[4]

Действительно, эта тема — резкая противоположность между высокой драмой любви и окружающей житейской прозой, — тема, только намеченная Тургеневым, широко развита в опере. Автор либретто, оставшийся неизвестным, сохранил основные сюжетные линии повести, но ввел некоторые существенные перемены и дополнения. Исключен эпизод встречи Аратова с сестрой и матерью Клары, но широко развернута лишь упоминаемая в повести картина смерти Клары во время спектакля; по-иному представлены концерт у княгини и сцена на бульваре. Введены дополнительные действующие лица, среди них наиболее заметную роль играет комический персонаж — друг дома княгини, светский болтун и сплетник Андрей Ильич. Либретто оперы насыщено подлинными текстами Тургенева — отрывками из повести, стихами, стихотворениями в прозе, выдержками из поэм «Андрей», «Помещик», «Параша». В опере эти тексты подвергнуты небольшим изменениям в связи с требованиями музыкального материала.

Из главных персонажей оперы наиболее близки своим тургеневским прообразам Клара и тетушка Аратова, Платонида Ивановна. Зато заметно романтизирован Аратов: вялый, будничный герой повести предстает в опере с первого же появления на сцене как поэтическое создание, охваченное неясным томлением и тревогой. Образ несчастной героини Вальтера Скотта Клары Моврай (у Тургенева и в опере — Мобрай) преследует Аратова еще до встречи с Кларой Милич. В первой сцене, у себя дома, в идиллической обстановке московского уюта, Аратов, измученный «напрасными, тревожными желаниями, ‹...› призраками несбыточного счастья» (слова из его партии), поет балладу на стихи В. Красова о безумной Кларе, жертве несчастной любви. Подобно образу трех карт в «Пиковой даме» Чайковского, текст и мелодия баллады проходят через всю оперу, как символ трагической одержимости ее героя. В отличие от повести Тургенева, «оперный» Аратов предстает как подлинно романтический герой, не узнавший своего идеала, когда встретил его. Трудно сказать, почему композитор переосмыслил образ тургеневского Аратова, которого только встречи с Кларой и особенно ее смерть вывели из состояния скуки и равнодушия. Возможно, что, чувствуя близость к «фигуре Аратова», Кастальский наделил его некоторыми своими чертами и переживаниями молодости.

Если первая картина рисует «укромный домик на Шаболовке» и заботы тетушки Платоши, то вторая картина переносит в обстановку свет-

---

[4] А. А. Кастальский. Три заметки, стр. 115.

ской суеты, в дом княгини. Программа концерта полностью отличается от тургеневской. После бравурного полонеза, исполняемого пианистом и оркестром, Андрей Ильич комически неумело поет романс «Охотничья песня» на слова стихотворения Тургенева «Перед охотой» (8-й отрывок из цикла «Деревня»). Княгиня с Андреем Ильичом исполняют дуэт на текст стихотворения Тургенева «Весенний вечер», затем следует мелодекламация «Сфинкс» на слова одноименного стихотворения в прозе, и в заключение появляется Клара Милич, исполняющая романсы «С тобою мысль моя» на стихи Гете и «Отрава горькая слезы последней» (из поэмы «Андрей» Тургенева, ч. II, строфа XLV). Вечер завершается вальсом с участием гостей: на фоне танцевальной музыки Клара, одна в зале, борется между сомнениями и решимостью писать Аратову.

Второе действие разыгрывается на бульваре. В отличие от повести («немного прохожих»), композитор рисует картину шумного многолюдного гулянья. Гремит садовая музыка, проходят толпы молодежи, светские знакомые обмениваются модными сплетнями. Это беззаботное, банальное веселье служит резким контрастом к драматической сцене встречи Аратова с Кларой в опустевшей аллее.

Последнему сценическому выступлению Клары и ее самоубийству посвящено в опере все третье действие. Подробно развив короткие сообщения, содержащиеся в повести, Кастальский в то же время отступил от действительной картины смерти Е. Кадминой, прототипа тургеневской героини.

Как известно, Кадмина скончалась во время постановки «Василисы Мелентьевой». Композитор ввел, вместо драмы А. Островского, сцену встречи Ромео и Джульетты в саду Капулетти из второго акта трагедии Шекспира, что явилось необходимой частью замысла оперы, в частности ее финала.

Спектакль ставится в Казани, как указано и в повести; любимую актрису окружает обычная суета: банальные восторги, шумные овации. Приняв перед выходом на сцену яд, она во время дуэта с Ромео падает без чувств.

Четвертое действие оперы снова разыгрывается в домике на Шаболовке. Аратов узнает о смерти Клары и решает ехать в Казань. Во второй картине того же действия он возвращается, потрясенный рассказом сестры Клары, чтением дневника покойной, известием о ее смерти в роли Джульетты.

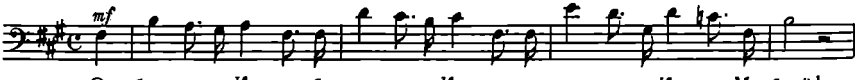
В финальной сцене галлюцинаций композитором введен новый сюжетный мотив: призрак Клары сливается в представлении Аратова с образом шекспировской героини, в их заключительном дуэте снова звучат слова и музыка сцены Ромео и Джульетты. В кульминационный момент дуэта призрак исчезает. Вошедшая тетушка находит мертвого Аратова.

Оперу Кастальского можно назвать «лирическими сценами», как называл своего «Евгения Онегина» Чайковский. В центре — драма любви, происходящая в патриархальной тишине старой Москвы; этому миру чистых и высоких чувств резко противопоставлена проза и пошлость «света».

В своих музыкальных характеристиках композитор ясно выразил и усилил контраст трех сфер, трех планов сценария, внеся, таким образом, новую черту в сюжет Тургенева.

В музыке оперы Кастальский чутко следовал традициям русской классики второй половины XIX в. «Клара Милич» принадлежит к тому слою русской музыкальной литературы, который вырос на почве городского романса и свое высшее воплощение нашел в произведениях Чайковского. Мягкая, волнующая сердечность, свойственная этому кругу интонаций, как нельзя лучше соответствовала всему духу тургеневского творчества. Между тем обращение Кастальского к этой интонационной сфере могло показаться его современникам неожиданностью. Лирическая мягкость «Клары Милич» выступает как одинокое исключение среди строгости древних напевов и мужественной простоты крестьянских обрядовых песен, с которыми преимущественно общался в своих исканиях композитор. Благодаря сближению с поэзией Тургенева в творческом сознании Кастальского словно открылся источник теплых лирических интонаций, ранее глубоко скрытый под слоем его обычных научных и творческих дел. При несомненном влиянии великих современников, особенно Чайковского, музыка «Клары Милич» сохраняет своеобразный почерк автора, привлекая искренностью и благородной сдержанностью чувства. Опера написана в той декламационно-ариозной манере, которая к концу XIX в. стала характерной почти для всех направлений русской музыки. Лишь в отдельных, наиболее значительных эпизодах введены законченные арии и дуэты; заметное место занимают хоровые и танцевальные сцены. Партии главных действующих лиц поют низкие голоса (Клара — меццо-сопрано, Аратов — баритон), что соответствует сдержанно-замкнутому характеру происходящей на сцене драмы. Следует заметить, что прототип Клары, Е. Кадмина, также обладала низким голосом (контральто).

В построении оперы, в расположении музыкального материала Кастальский во многом следовал «Евгению Онегину» и «Пиковой даме» Чайковского. Роль основного лейтмотива, «сквозной темы» всей оперы играет выразительная мелодия баллады о Кларе Мобрай, словно преследующая Аратова (пример 1).

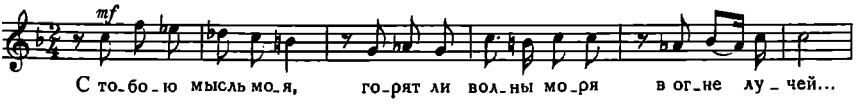


О бед-на-я Кла-ра, бе-зум-на-я Кла-ра, не-счаст-на-я Кла-ра Мо-брай!

Ею начинается увертюра, ее напевает Аратов при первом же появлении на сцене, она звучит после встречи с Кларой на бульваре и в четвертом акте, как последнее воспоминание.

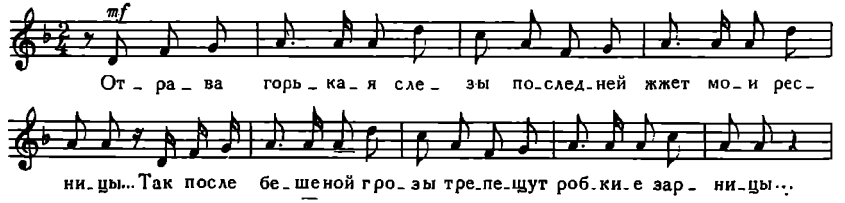
Важное значение имеют также романсы, исполняемые Кларой на концерте у княгини. В повести Тургенева Клара поет романсы, звучащие как прямое признание, обращенное к Аратову: «Только узнал я тебя» Глинки и «Нет, только тот, кто знал» Чайковского. Кастальский избрал другие тексты, но аналогичного содержания. Оба романса Клары принадлежат к лучшим страницам оперы. Композитор мастерски противопоставил их

возвышенную и вдохновенную патетику нарочито примитивной музыке, исполняемой Андреем Ильичом и княгиней. Первый романс Клары интонационно близок многим романсам Чайковского (пример 2).



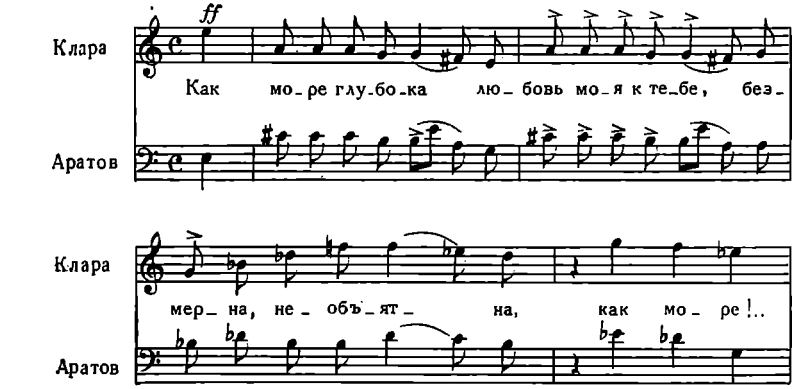
Эта взволнованная мелодия составляет, наряду с темой баллады о Кларе Мобрай, основной тематический материал увертюры, приобретая значение музыкальной эмблемы героини. В обеих темах увертюры как бы сплетаются, таким образом, судьбы главных действующих лиц оперы.

В скорбной отрешенности второго романса Клары чувствуется родство с просветленной печалью некоторых романсов Римского-Корсакова или Глазунова (пример 3).



Отрывки из этого романса снова появляются в партии Клары перед выходом на сцену в роли Джульетты и в последней картине оперы, когда к Аратову, погруженному в воспоминания, приближается призрак Клары.

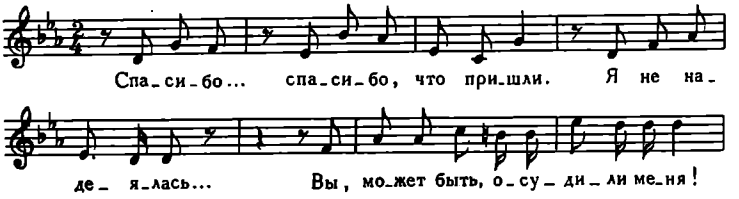
Наконец, большую роль играет музыка дуэта Ромео и Джульетты, повторяющаяся в финальной сцене галлюцинаций Аратова и завершающая оперу (пример 4).



Типичным воплощением патриархального быта, который окружает Аратова, является тетушка Платонида Ивановна с ее спокойными, сердечными народно-песенными интонациями, порой напоминающими партию няни в «Евгении Онегине» Чайковского. Кроме того, в домик на Шабо-

ловке все время доносятся звуки улиц старой Москвы — шарманка, дальний рожок пастуха, звон колоколов, — усиливающие впечатление идиллического спокойствия. Любовно рисуя близкую ему московскую старину, Кастальский явно иронически освещал суетную пустоту светской жизни. Иронией насыщена вся сцена концерта у княгини с его дилетантской программой, шумными овациями гостей и обязательным вальсом в заключение. На этом фоне резко выделяется трагический образ Клары, прекрасная музыка ее романсов и мучительные раздумья над письмом Аратову, сопровождаемые неумолчно звучащей мелодией вальса. Та же мелодия снова появляется в третьем акте, когда, приняв яд, Клара вспоминает перед выходом на сцену о своей любви.

Еще резче показан контраст между драмой Клары и «равнодушной пошлостью» «света» в сцене на бульваре. Кастальский ввел в это действие весьма натуральные образцы садовой музыки, вполне здесь уместные. Когда умолкли бульварный оркестр и веселые хоры молодежи, в наступившей тишине с особенной драматической силой звучит объяснение Клары и Аратова. Вся ситуация явно напоминает свидание Татьяны с Онегиным, и неудивительно, что характерные интонации Чайковского появляются здесь и в партии Клары (пример 5).



Таковы главные особенности музыкальной драматургии оперы. Кастальский с большой силой раскрыл в своей музыке новые черты, внесенные в сценарий, — поэтическую мечтательность Аратова и резкий контраст между драмой главных героев и окружающей жизненной средой.

Этим композитор значительно усилил ту романтическую настроенность, которая в большой мере отличает и первоисточник оперы — повесть Тургенева.

Русская публика могла познакомиться с оперой Кастальского в 1908 г., после выхода в свет ее клавира. Отклики прессы были благоприятными. «„Клара“, — писала авторитетная «Русская музыкальная газета», — удалась главным образом потому, что автор, не мудрствуя, просто и искренно обрисовал действующих лиц, обладая к тому же наличностью дарования хорошего мелодиста и техника. А это, по нашему мнению, дает полное право „Кларе“ г. Кастальского увидеть свет рампы. . .».[5]

Впервые «Клара Милич» была поставлена театром С. И. Зимина в Москве 11 (24) ноября 1916 г. Руководил постановкой видный режиссер Ф. Ф. Комиссаржевский, заглавную партию исполняла замечательная

---

[5] Б. Т. ‹Тюнеев Б.›. Непоставленная опера А. Кастальского. «Русская музыкальная газета», 1911, № 2, стб. 38—39.

певица Н. П. Кошиц, известная по своим концертным выступлениям с С. В. Рахманиновым. Опера Кастальского появилась на сцене в те времена, когда столицы были увлечены смелыми новаторскими исканиями недавно скончавшегося А. Скрябина, молодого И. Стравинского и совсем юного С. Прокофьева. В этих условиях скромная традиционная музыка Кастальского не могла рассчитывать на шумный успех. Тем не менее опера пленила критиков всех направлений, среди них и таких горячих пропагандистов новаторских течений, как В. Держановский, отметивший теплоту, искренность и сильный драматизм ряда сцен, особенно в партии Клары.[6] Критик Ю. Сахновский также выделил «много страниц, написанных талантливо и с большим чутьем сценической правды».[7]

Подробно разобрал оперу один из виднейших музыкальных критиков того времени — Ю. Энгель. Он высоко оценил литературные достоинства либретто, хотя нашел излишними некоторые бытовые картины, вроде сцены на бульваре. В музыке оперы он проницательно подметил «нечто свежее, порой прямо сильное и своеобразное», при наличии отдельных неудачных, по его мнению, мест. Большим достоинством оперы критик считал «способность Кастальского ‹...› к звуковой индивидуализации действующих лиц, к музыкальной их характеристике». Особенной удачей композитора явилась, по словам Энгеля, партия главной героини. «В музыке Клары ‹...›, — писал он, — есть нечто от внутреннего пафоса тургеневской Клары, от ее чистоты, обреченности и в то же время — угловатой порывистости, внешней жесткости». В центре спектакля была исполнительница заглавной роли, Н. П. Кошиц, «давшая ‹...› сильный запечатленный трагизмом образ».[8] «Великолепная Клара, полная скрытой силы, с неподвижным, мрачным взглядом» — такой она осталась в воспоминаниях дочери композитора.[9] «Партия Клары, — по словам сына композитора, — ‹...› была по своему характеру, видимо, как нельзя более близкой артистке...».[10] По единодушной оценке, драма Клары Милич — Кадминой — получила в игре и пении талантливой артистки неповторимое по своей проникновенности воплощение.

Опера ставилась недолго, и в настоящее время трудно предсказать ее дальнейшую сценическую судьбу. У оперной сцены есть свои сложные закономерности, и многим ценным произведениям приходится годами ждать своей премьеры или возобновления. Но, независимо от ее будущей участи, «Клара Милич» Кастальского остается одной из самых памятных страниц в истории взаимных связей тургеневской поэзии и русского музыкального искусства.

А. М. Ступель

---

[6] В. Держановский. «Клара Милич». Опера Кастальского на сцене театра Зимина. «Утро России», 1916, 12 ноября, № 316.

[7] Ю. Сахновский. «Клара Милич». Премьера оперы Зимина. «Русское слово», 1916, 12 ноября.

[8] Ю. Энгель. Опера в Москве. «Хроника журнала „Музыкальный современник“», 1916, № 9—10, стр. 21—22.

[9] Н. Кастальская. Немногое об отце, стр. 109.

[10] А. Кастальский. Три заметки, стр. 116.

КОММЕНТАРИИ К ПИСЬМАМ И.С. ТУРГЕНЕВА И БИОГРАФИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ

КОРРЕСПОНДЕНТЫ ТУРГЕНЕВА 1858—1861 гг. В ПЕРЛЮСТРАЦИЯХ III ОТДЕЛЕНИЯ

I

В секретном архиве III отделения сохранилось дело под названием: «Выписки из писем Ржевского, Чичерина и других к Тургеневу И. С., Аксакову И. С. и другим об открытии и деятельности Орловского губернского комитета по выработке проекта условий отмены крепостного права и отношении дворянства к предстоящей реформе. 27 апреля 1858 г.—17 декабря 1860».[1] Особый интерес среди этих перлюстраций представляет «копия с письма г-на Ржевского из Орла, от 16 ноября 1858 года, к Ивану Сергеевичу Тургеневу в С. Петербург»:

> «Очень жаль, что вы не исполнили своего намерения провести несколько дней в Орле во время первых заседаний нашего Комитета. Вы потеряли случай вынести впечатления более благоприятные нам, бедным, загнанным помещикам, нежели те, которые вы до сих пор испытывали. Вы помните проект комитетского регламента, который мы с Апраксиным у вас читали, — он утвержден вполне после небольших споров о форме подачи голосов и об абсолютном большинстве. Партии старого порядка, видимая глава которой А. С. Цуриков, а действительная *генерал* Мальцев, хотелось баллотировки шарами и решения вопросов не иначе, как двумя третьями голосов. Польза открытого обсуждения вопросов обнаружилась при этом случае в полном блеске: все случаи, когда требуется большинство $^2/_3$, были вполне и тщательно разобраны, и вопрос обстановлен столь ясно, что это требование отвергнуто единогласно. Баллотировка тайная, т. е. в ящике шарами, была также отвергнута ловким вопросом, который сделал Арк. Карпов защитникам этого способа, — объяснить, почему они его предпочитают? Ответ Цурикова, *что он не полагает себя обязанным отвечать на этот вопрос*, склонил всех беспристрастных членов на нашу сторону и упрочил за нами перевес не только в этом случае, но и во всех следующих вопросах. Ободренные успехом, мы предложили полную гласность, т. е. посылку в уезды копий с наших журналов и публичность заседаний комитета, т. е. позволение всем дворянам присутствовать в зале во время прений и окончательных решений комитета. Ничего

[1] *ЦГАОР*, ф. 109, III отделение, секретный архив, оп. 3, № 2018. (В дальнейшем ссылки на материалы этого дела приводятся в тексте).

тайного у нас не существует! Выбор редакционной комиссии, которая обязана составлять журналы решений, редактировать самый текст положения, а главное подготовлять вопросы для прений, показывает, в каком духе составилось большинство. Выбраны: Хвостов, я, Башкатов и Арк. Карпов. Все мы, в том числе и Апраксин, совершенно сходного образа мыслей, а как и по личному характеру мы оказались людьми довольно мягкими, то занятия комиссии, несмотря на их огромность, доставляют наслаждение, и ни один вопрос не угрожал еще нарушить нашей entente cordiale. Теперь уж ясно обозначились партии нашего Комитета: крайняя правая, т. е. защитница крепостного права, считает только пятерых, а именно Мальцева, Цурикова, Краинского, Бурнашёва и Щетовитова; к левой или либеральной принадлежат кроме председателя и редакционной комиссии Шеншин, Чиркин, Лавров, Костромитинов, Жедринский, Барменский и другие с разными оттенками. Прекращение личной крепостной зависимости *без вознаграждения* прошло большинством 17 голосов противу 9. Из числа противников, т. е. этих 9, многие объявили, что они за себя лично отказываются от вознаграждения, но подают голос в противном смысле единственно из сострадания к участи мелкопоместных. Это подало повод избрать особую комиссию для подробного рассмотрения вопроса: кого и при каких условиях считать мелкопоместным. Вообще учреждение отдельных комиссий для сложных вопросов как нельзя более благодетельно и ускоряет ход занятий Комитета. Если дело будет идти далее так, как оно идет теперь, то нет сомнения, что мы кончим работу скоро и что в нашем *положении* не только не будет пропусков и промахов, как в тех, которые мне случилось видеть, но что оно будет самым практическим проектом закона, который когда-либо был составлен у нас на Руси.

В каком духе будет составлен проект, можете вы уже видеть из того, что я вам сказал о принятых решениях и о характере выборов. Жаль, очень жаль, что вас нет, вы бы от души порадовались. Наш маленький город, с своим маленьким парламентом, принял совершенно другой вид. Карты, а пока еще и танцы, на втором плане. Даже в клубе стали играть менее.

Мне хочется устроить так, чтобы литографировать наши журналы, но эта мысль еще пугает, но только не в консервативном смысле, а просто в чиновничьем — боимся сделать без разрешения начальства петербургского, чтобы не получить от него выговора. Действия нашего комитета, несмотря на то, что он совершенно в духе правительства, не понравятся чиновничьему миру, потому что ясно выставят его неспособность к делу и несостоятельность при обсуждении местных вопросов.

Кроме желания сделать хорошо то, что делаешь, у меня скрывается еще одна задняя мысль, — не послужит ли пример успеха в этом случае к освобождению нас от подавляющей бюрократии и не внушит ли он мысли о возможности обходиться без той массы рапортов и предписаний, которая вредит всякому доброму начинанию и приносит пользу только бумажным фабрикам» (лл. 14—16 об.).

С автором этого письма, В. К. Ржевским (1811—1885), Тургенев был знаком давно. В письме к Бакуниным от 3 (15) апреля 1842 г. из Петербурга он сообщал, что «был у Ржевского и видел у него Клюшникова».[2] Имя Ржевского нередко встречается в тогдашней переписке Белинского, Станкевича, Грановского. В письме к последнему от 20 августа 1840 г.

[2] *Письма*, т. I, стр. 222.

В. В. Григорьев заявлял, что «если бы на Руси было побольше Неверовых и Ржевских, черт знает, что бы вышло из нее в течение десяти лет»!.[3]

Знакомство Ржевского с этими кругами людей 40-х годов и позволило Тургеневу в письме к В. А. Черкасскому от 9 (21) июля 1858 г. сделать следующее заявление: «На другой же день после моего приезда ‹в Спасское› я поскакал в Орел в надежде застать там комитетские выборы; но они уже были кончены — весьма скверно, как оно и следовало ожидать: благородное дворянство выбрало людей самых озлобленно отсталых — и едва ли не единственным представителем прогресса в Орловском комитете — как и в других комитетах — будет лицо, назначенное правительством, — а именно Ржевский».[4]

В этой роли он пробыл до ноября 1860 г., а «в 1861 году, когда вводилось положение 19 февраля, Ржевский был назначен мировым посредником 4-го участка Мценского уезда»,[5] где ему принадлежала едва ли не смежная с тургеневской земля. Недаром в статье «Голос из Орловской губернии по вопросу об учреждении земских банков. Письмо к В. П. Безобразову» он делился замечаниями и наблюдениями, которые «имел возможность сделать как помещик Орловской губернии».[6] Здесь же, по окончании Московского университета, началась и проходила в 1832—1833 гг. его служба в штате губернского правления. По служебным делам Ржевский приезжал сюда и в другие годы, предшествовавшие его назначению в Орловский дворянский комитет по устройству быта помещичьих крестьян.

В марте 1858 г. он опубликовал свои «Несколько мыслей по вопросу о доставлении помещичьим крестьянам возможности приобретения поземельной собственности». В этой статье Ржевский высказывал предварительные соображения об «экономических отношениях между крестьянами и помещиками, при предполагаемых изменениях в их быте».[7] В его воззрениях на этот счет было немало общего со взглядами Тургенева, о чем говорит хотя бы статья Ржевского 1861 г. «Несколько слов о дворянстве», определенно созвучная с аналогичной статьей писателя «Несколько мыслей о современном значении русского дворянства»,[8] писавшейся тремя годами ранее, но не завершенной и не увидевшей света при жизни автора. Вполне возможно, однако, что с ее основными положениями Ржевский был знаком. В своей статье он называл Тургенева в числе «громких имен в литературе», выдвинутых дворянством, и далее с удовлетворением констатировал, что «прекращение крепостного права, бывшего тяжелыми узами для того самого класса, который был обязан им пользоваться, уничтожит последние следы исключительности и заставит дворянство твердо держаться на своих ногах, опираясь на несокрушимую силу образования и на благотворный элемент развития личной деятельности».[9]

---

[3] *ГБЛ*, ф. 84, картон 3, ед. хр. 17.

[4] *Письма*, т. III, стр. 227.

[5] Русский биографический словарь, т. Рейтерн—Рольберг, СПб., 1913, стр. 152.

[6] «Современная летопись», 1861, № 7, февраль, стр. 7.

[7] «С.-Петербургские ведомости», 1858, 15 марта, № 59.

[8] См.: *Сочинения*, т. XIV, стр. 299—304.

[9] «Наше время», 1861, 27 марта, № 11, стр. 188—189.

Полностью скопированное для III отделения письмо Ржевского к Тургеневу от 16 ноября 1858 г. представляет подробный отчет о работе Орловского дворянского комитета, интересовавшей их обоих как безусловных «представителей прогресса» в решении коренного вопроса русской жизни того времени: «...распространяться о пользе самого дела преобразования, — заявлял Тургенев в упомянутой выше статье, — ‹...› значило бы доказывать, что солнце светит днем».[10]

О том, какую позицию занимал тогда автор «Записок охотника» в крестьянском вопросе, дает дополнительное представление еще одно перлюстрированное письмо «из Орла, от 26 октября» 1858 г., адресованное М. Н. Лопатину в Москву. Автором его был, как видно, И. В. Павлов, который сообщал своему корреспонденту, что в Орле задуман «следующий комплот: добыть согласие владельцев *миллиона* крестьян и обратиться к государю с официальным прошением — „желаем де мы, нижеподписавшиеся, отпустить своих крестьян на волю со всею той землею, какою они ныне владеют; обязательных работ никаких не требуем, а вознаграждение нам за землю предоставляем на благоусмотрение вашего величества, не назначая никакого срока". Одним словом, это та самая мысль, на которой я настаивал при первом уездном съезде. В одной нашей губернии наберется владельцев тысяч на 20 душ: Апраксин, Тургенев, Рутцен, я... Есть надежда. Ведь можно и меньше миллиона — все эффект будет разительный. При всяком удобном случае буду пускать в ход свою широкую глотку и свой недурно повешенный язык. Это почище Комитетов будет! К нам, вероятно, пристанут все молодые аристократы, — а ведь тут что ни имя, то около 10 тысяч душ! Пожалуй, и миллион наберем! Это будет *первый* шаг к настоящему делу. Да, кажись, без него и обойтись нельзя! Петербургским старикам это будет удивительный сюрприз. Вот уже именно подарок» (лл. 9—10).

Совершенно иную позицию занимали представители «партии старого порядка», как назвал Ржевский в письме к Тургеневу защитников крепостного права в Орловском комитете: Мальцева, Цурикова, Краинского и др. Один из их сторонников сообщал в письме «без подписи из Орла, от 3 ноября 1858 года к А. М. Гулевичу в Петербург»: «Завтра, во вторник, второе заседание Комитета. Мальцев решительно против выкупа усадеб и очень добросовестно и умно доказывает всю невозможность его. Сегодня приезжал он ко мне совершенно взбешенный вследствие следующего происшествия: Апраксин предложил в собрании большого числа членов Комитета исключить из членов тех, которые 8 раз сряду не будут участвовать в заседаниях. Все присутствовавшие на то согласились, забыв совершенно, что по закону даже они не имеют на то права, не говоря уже о том, что они хотят браковать людей, выбранных дворянами ‹...›» (л. 12—12 об.).

Сторонники Мальцева всячески старались дискредитировать своих противников. Это видно из перлюстрированного письма от 12 декабря 1858 г.: «Что относится до слухов об Орловском комитете, то они не имеют и тени

---

[10] *Сочинения*, т. XIV, стр. 299.

правды. Комитет ведет себя превосходно, — иначе и это быть не может, когда заседания наши публичны; редкий день, чтобы не было человек 50 слушателей. Апраксиным мы совершенно довольны, и хотя он порядочный либерал, но действует в комитете так, что его ни в чем упрекнуть нельзя» (л. 26). О преимуществе, а также о первых результатах гласных заседаний говорится и в письме из Орла от 26 ноября 1858 г.: «В Орле и Твери заседают простые смертные, и заседания публичные, а в Туле и Рязани собираются с запертыми дверьми и мошенничают потихоньку ‹...› в 4-х стенах, что может обуздать грубую необразованность людей, которые воображают, что их лишают их состояния и значения на земле ‹...›. При отворенных дверях неловко выразить корыстолюбивое и нелепое мнение. Не так ли? Зато здесь уже положено на втором, публичном, заседании, что личная крепостная зависимость уничтожается даром, а на четвертом, что крестьянские дома отдаются им даром» (лл. 18 об.—19).

В «Материалах для истории упразднения крепостного состояния помещичьих крестьян в России в царствование Александра II», изданных 1860—61 гг. в Берлине, говорилось, что в Орловском комитете особенно отличились оппозициею предстоявшей реформе «помещики Мальцев, бывший адъютант принца Ольденбургского, и Цуриков, бывший когда-то либерал, но потом высеченный своими дворовыми людьми и, вследствие того, сделавшийся врагом эмансипации» (т. II, стр. 300—301).

Это печатное разоблачение «крайней правой» партии в Орловском комитете (по терминологии письма Ржевского к Тургеневу) привело А. С. Цурикова в бешенство. Свое негодование он выразил в пространном «Письме к редакторам всех русских, законных газет и журналов», которое объективно было не чем иным, как доносом на всех сторонников отмены крепостного права. «Как отец семейства, — заявлял Цуриков, — я не вправе молчать, когда безыменный клеветник, лишая меня честного имени, отнимает у моих детей последнее родовое добро, которое я мог бы им передать по теперешней всепогибели дворянского достояния ‹...›. Вы меня провозглашаете врагом свободы и поборником рабства! За что?.. За то единственно, что я не разделяю ваших мечтаний (или замыслов?..), не обманываю правительства, которому я присягал, служил верою и правдою, не называю разрушение прогрессом, анархию порядком и дикую разнузданность не признаю свободою. Опыт всех времен и народов доказывает, что свобода, не сопровождаемая безопасностью лиц и имуществ, есть величайшее из всех зол. Такая свобода хуже самого тяжкого рабства, ибо она ведет к разрушению общественного быта. Такая свобода есть море слез и крови, итог всех злодеяний и всех бедствий частных и общественных; восстание против бога, развращение народа, погибель отечества! Действительно, я такой свободы не желаю».[11]

Единомышленник Мальцева и Цурикова по Орловскому комитету, предводитель дворянства Брянского уезда В. А. Краинский и вовсе посвятил себя всецело «одиночной шестилетней борьбе с русской социальной демократией», как заявил он в конфиденциальном письме от 26 января

[11] Госархив Орловской области, ф. 689, № 8.

1863 г. в III отделение. «Оказывается, — доносил Краинский, — что в одной Орловской губернии можно насчитать около 200 демократов, соединенных одним известным направлением и одною дисциплиною, как партии организованной. По образчику одной этой губернии <...> можно судить, какого значительного развития достигла ныне демократическая партия в целой России».[12] Вспоминая в другом письме-доносе — от 15 сентября 1862 г. — о времени подготовки реформы, Краинский делал вывод, что «тогда демократическая партия, лицемерно предложившая свои услуги для разрешения, будто бы, крестьянского вопроса, не имевшего ничего общего с революцией, управляла судьбами России для достижения собственной своей цели».[13]

Таковы были эти, по характеристике Тургенева, «самые озлобленно отсталые» члены Орловского комитета, которых выбрало туда «благородное дворянство». Что же касается сторонников Ржевского, названного Тургеневым в том же письме к Черкасскому «едва ли не единственным представителем прогресса в Орловском комитете», то иные из них, как например Карпов, Шеншин, впоследствии попали даже в специальное дело III отделения «О распространении в городе Орле между молодежью и дамами нигилизма».[14] Подробно изложенное в письме Ржевского к Тургеневу размежевание Орловского комитета на «партию старого порядка», «крайнюю правую», с одной стороны, и «левую или либеральную» партию, с другой, было не чем иным, как пресловутой борьбой внутри помещичьего класса из-за меры и формы уступок освобождавшимся крестьянам. Эти «отцы» и «дети» в непродолжительном времени примирились. Недаром И. П. Борисов, рассказывая в письме к Тургеневу от 14 марта 1862 г. о поездке в Орел, сожалел, что не побывал в клубе: «быть может, увидел бы там *Павла Петровича, Аркадия* (хоть Карпова) с *Базаровым* и Ситникова. И отцы и дети бывают в клубах».[15] Аркадий Карпов восторженно приветствовал реформу. «Около 3-х лет, — писал он, — длилось это дело, вызвавшее столько споров, толков, недоразумений <...>. Ни восклицания одних, пророчащих России голод, беспорядки и возмущения, ни глухое противодействие других, твердивших, что Россия еще не доросла до подобных преобразований, ничто не остановило на пути, разумно сознанном и с твердостью пройденном. Хвала и честь людям, свято и бескорыстно трудившимся и исполнившим свое назначение!».[16] Временный разлад внутри помещичьего класса между старшим и младшим поколениями был доведен до своего логического завершения в романе Тургенева «Отцы и дети»: «Кирсановы, отец с сыном, поселились в Марьине. Дела их начинают поправляться. Аркадий сделался рьяным хозяином, и „ферма“ уже приносит довольно значительный доход».[17] Именно эта перспектива и

---

[12] *ЦГАОР*, ф. 109, III отделение, 1-я экспедиция, оп. 5, № 469, лл. 10—11.
[13] Там же, л. 2.
[14] Там же, № 253.
[15] *Тургенев*, *Сб.*, вып. III, стр. 360.
[16] «Орловские губернские ведомости», 1861, 11 марта, № 10.
[17] *Сочинения*, т. VIII, стр. 399.

воодушевляла больше всего «левую или либеральную» партию Орловского комитета. «Давно было пора копани рыть и фермы строить!» — писал один из ее сторонников 26 апреля 1858 г. (л. 1 об.).

Выражением основного общественного конфликта той эпохи были, конечно, не споры внутри дворянских комитетов, а непримиримая идеологическая борьба между двумя тенденциями, двумя историческими силами в русском освободительном движении. «Что вам сказать о нашей современной истории? — писал безымянный автор из Орла А. Н. Плещееву 30 октября 1858 г. — Плохо, батюшка! Кажется, путем не кончится. Будет 12-й год без французов. Везде секут, раздражают народ, везде комитеты — собачья комедия... думают, что это шутка одна. Да и старичье-то петербургское полагает отделаться одной блестящей статейкой в „Nord", и вот дескать что мы сделали! За землю цену назначают совсем несообразную. И зачем это назначение? ‹...› А эти комитеты — одна собачья комедия. Либералы Востока и Запада (Черкасский и Чичерин) толкуют о *сохранении помещикам права телесно наказывать!* Да глупость-то какая! Ведь это та же штука, которой ребят надувают: „хочешь воробья поймать, посыпь ему соли на хвост". У либералов соль заменяется березовой кашей, а возможность исполнения одинаковая. Дурачье!» (л. 11—11 об.).

Многочисленные статьи и устные рассуждения Ржевского «по вопросу о доставлении помещичьим крестьянам возможности приобретения поземельной собственности» также вполне заслуживали этой аттестации. «Может ли крестьянин, без каких-нибудь особенных причин, согласиться выкупить *свою* крестьянскую землю на *свои* же крестьянские деньги?» — с возмущением спрашивал И. В. Павлов в письме к И. С. Аксакову и далее пояснял, что эти «*особенные* причины бывают большею частью прескверными», т. е. прямым насилием и принуждением. Предполагая выступить в печати по этому вопросу, Павлов замечал о своей будущей статье: «Надеюсь, что будет убедительно и ясно и что даже Ржевский не посмеет заикнуться о коммунизме».[18]

В условиях революционной ситуации главное опасение всего помещичьего лагеря вызывало быстро нараставшее возмущение крестьян. «Хотя, благодаря бога, довольно смирно у нас, — сообщалось в одном из перлюстрированных писем той поры, посланном из Орла, — но все же от времени до времени скирдики горят и у всех кое-какие убытки, часто значительные, или от дурной работы или от краж и шалостей. Труден исход, нечего сказать, всякий день штука делается сложнее, — да поможет нам бог!» (л. 13). Напряжение еще более возросло во время объявления принятой реформы. «Сегодня прочли у нас манифест о свободе, — писала из Орла 17 марта 1861 г. Е. П. Елагина И. С. Аксакову. — Увы, мало произвел он радости в народе. Мужики заметно повесили носы, когда поняли, что им от помещика земли не прирезывается, а напротив, еще с той части, что теперь имеют, плати оброк или барщину тяни».[19] В другом перлюстрированном письме из Орла — от 14 марта 1861 г. — говорилось: «19-го фев-

---

[18] *ИРЛИ*, ф. 3, оп. 4, № 454, лл. 3 об.—4.
[19] *ЦГАОР*, ф. 109, III отделение, секретный архив, оп. 3-В, № 2110, л. 4.

раля, несмотря на все предупреждения, народ беспокойно ожидал манифеста, а подленькие помещики тряслись за свои животы и посему запаслись револьверами ‹...›».[20]

Если Карпова, Ржевского и других либералов из Орловского комитета реформа вполне удовлетворила, то в той же Орловской губернии, причем по соседству с усадьбой Тургенева, в Мценском уезде, студент Московского университета П. Г. Заичневский развернул среди крестьян летом 1861 г. активную революционную пропаганду. В перехваченном III отделением письме Заичневского, послужившем основанием для его ареста, говорилось: «Прежде всего нужно запастись оружием. А откуда его взять? ‹...› Вот я и советую крестьянам, если они только взбунтуются, то идти на город, где успех уже будет на их стороне и где они добудут и оружия и денег. Я твердо уверен, что если крестьяне нескольких окрестных деревень взбунтуются, если они займут город и пошлют ходоков и „письма" в другие деревни — так после пристанут и войска и крестьяне других деревень...».[21]

Вполне понятно, что Аркадию Карпову было не по пути с Заичневским, так же как Аркадию Кирсанову — с Базаровым. Приведенные материалы, значительная часть которых так или иначе связана с кругом наблюдений Тургенева над русской жизнью 1858—1861 гг., служат дополнительным подтверждением глубокой зависимости идейного замысла «Отцов и детей» от реальных конфликтов самой действительности того времени.

II

Среди перлюстраций III отделения находится большая выдержка из письма актера Александринского театра в Петербурге Ф. А. Бурдина к Тургеневу в Париж от 7 декабря 1861 г. Речь в ней идет о волнениях петербургского студенчества, совпавших с подготовкой к печати «Отцов и детей». Судя по письмам Тургенева конца 1861 г. к Анненкову, Каткову, И. С. Аксакову и другим русским адресатам, он внимательно следил за всеми этими событиями, стремясь постичь самую «*суть* современного положения» общества.[22]

В числе его корреспондентов был тогда и Бурдин, что видно из письма Тургенева к Анненкову от середины января 1862 г. из Парижа: «Я получил от Бурдина письмо ‹...›».[23] В комментариях сказано, что «это письмо Ф. А. Бурдина к Тургеневу неизвестно».[24] Вполне возможно, однако, что именно из него была сделана при перлюстрации следующая выдержка: «Вчера кончилась студенческая история: 200 человек прощены совершенно, около 40 исключены из университета и отданы на поруки

---

[20] Там же, л. 3 об.

[21] *ЦГАОР*, ф. 109, III отделение, секретный архив, оп. 1, № 362, л. 2—2 об. См. также: «Красный архив», 1936, т. 3 (76), стр. 231—232.

[22] *Письма*, т. IV, стр. 313.

[23] Там же, стр. 327.

[24] Там же, стр. 610.

родителям, с правом поступить снова в университет через несколько времени. Самое строгое наказание обрушилось человек на пять, наиболее виновных, которые посылаются на службу в дальние губернии и то на короткий срок; то же самое определено и тем людям, которые участвовали в беспорядках, не принадлежа к университету. Но, к сожалению, меры снисходительности не принесли своих плодов и на днях снова была история в университете: студенты прибили субинспектора Шмидта, который хотя по общим слухам был не прав, наделавши дерзости студенту, но тем не менее что за защита кулачное право? Говоря о решении студенческого дела, нельзя не упомянуть о князе Суворове, который действовал с редкой теплотой и участием к заблуждающимся юношам; к нему присоединились Милютин и Валуев, и государь согласился на их мнение. Весь Петербург в восторге от Суворова; говорят, что будто бы он сказал полиции: „Я тогда буду вами доволен, когда публика будет довольна, ибо не публика для полиции, а полиция для публики!“».[25]

В. А. Громов

ФОЛЬКЛОРИСТИЧЕСКИЕ ИНТЕРЕСЫ ТУРГЕНЕВА

Вопрос о фольклоризме Тургенева, творчество которого свидетельствует о подлинном знании быта народа и устной народной поэзии, в отечественной науке почти не разрабатывался.[1] В данной работе не ставится цель раскрыть характер обращения писателя к фольклору, потому что такое изучение должно было бы вестись в тесной связи с анализом всего его творчества. Задача работы, если можно так выразиться, «источниковедческая»: на материале признаний самого писателя, его переписки, свидетельств его друзей и знакомых и других доступных нам источников попытаемся проследить возникновение и развитие его фольклористических интересов, пути и источники наблюдений над фольклорным материалом, отношение к деятельности фольклористов-исследователей, собирателей и популяризаторов народного творчества.

Трудно сказать, когда у Тургенева появился активный интерес — интерес писателя — к фольклору. Вполне возможно, что произошло это в пору его службы в Министерстве внутренних дел (1843—1845 гг.) под началом

---

[25] *ЦГАОР*, ф. 109, III отделение, секретный архив, оп. 1, № 1483, л. 1—1 об. В сокращении приведена: *Лит. насл.*, т. 76, стр. 321, с ошибкой в указании отчества Бурдина («Михайлович» вместо «Алексеевич»).

[1] Известный интерес представляет материал, содержащийся в статье видного немецкого фольклориста Э. Шнеевейса (Ed. Schneeweis. Volkskundiches bei Turgenev. «Zeitschrift für Volkskunde», 1940, Bd. XI, 4, стр. 225—259. О Шнеевейсе см.: «Zeitschrift für slawistik», 1956, Bd. I, 3, стр. 3—9. Меньшее значение имеют работы В. Гребенщикова, опубликованные в «Etudes slaves est-européennes», Montreal, 1957, vol. 2, banc. I, стр. 40—49 и там же, 1959—1960, vol. IV, banc. 3—4, стр. 225.

В. И. Даля, который, пользуясь своим положением, «рассылал циркуляры ко всем должностным лицам внутри России, поручая им собирать и доставлять ему местные черты нравов, песни, поговорки и проч.».[2] Именно на эти годы падает расцвет деятельности Даля как фольклориста и этнографа. И в эти же годы Тургеневу было особенно близко творчество самого Даля, которого он считал «истинно народным писателем». В конце 1846 г. в рецензии на «Повести, сказки и рассказы казака Луганского» Тургенев изложил свое понимание термина «народный писатель», в значительной степени относящееся к раннему творчеству самого Тургенева. «В наших глазах, — писал он, — тот заслуживает это название, кто, по особому ли дару природы, вследствие ли многотревожной и разнообразной жизни, как бы вторично сделался русским, проникнулся весь сущностью своего народа, его языком, его бытом». И далее: «Для того, чтоб заслужить название народного писателя в этом исключительном значении, нужен не столько личный, своеобразный талант, сколько сочувствие к народу, родственное к нему расположение, нужна наивная и добродушная наблюдательность».[3] Именно такое проникновение в деревенский быт дало Тургеневу материал для создания лучших рассказов и очерков цикла «Записки охотника». Рецензия была написана в то время, когда начинали реализовываться первые замыслы цикла: в конце 1846 г. был отослан в «Современник» рассказ «Хорь и Калиныч», а несколько позднее написаны «Бежин луг» и «Певцы» — «два шедевра русского художественного фольклоризма».[4]

Интерес к быту народа проявился у Тургенева еще в ранние годы. О. В. Аргамакова в воспоминаниях о Тургеневе пишет: «Когда Иван Сергеевич приезжал на каникулы к матери, то старался всячески убегать из дому на охоту всех родов, служившую для него не столько развлечением, сколько средством для близкого знакомства с народным бытом, изучение которого в то время считалось неблаговидным».[5]

Особенный интерес Тургенева к этнографии и фольклору проявился в конце 40-х—50-е годы. Это был основной период наблюдений, «накоплений». Об этом времени Тургенев писал в 1877 г. начинающей писательнице Е. И. Бларамберг, гостившей в Спасском, советуя ей набираться как можно больше впечатлений: «„Записки охотника“ накоплялись во мне целых 10 лет».[6]

Обратимся к источникам этих «накоплений».

Из рассказа Эдмона де Гонкура, попытавшегося передать то волнение, которое охватывало Тургенева перед очередной поездкой на родину

---

[2] Д. В. Григорович. Литературные воспоминания. Гослитиздат, М., 1961, стр. 104.

[3] *Сочинения*, т. I, стр. 298—299.

[4] М. К. Азадовский. «Певцы» И. С. Тургенева. В кн.: М. К. Азадовский. Статьи о литературе и фольклоре. М.—Л., 1960, стр. 398.

[5] О. В. Аргамакова. Семейство Тургеневых. «Исторический вестник», 1884, 15, стр. 336.

[6] *Письма*, т. XII, кн. 1, стр. 198.

(1880 г.), мы видим, какое значение придавал Тургенев своим встречам и беседам с крестьянами: «Тонкий наблюдатель и искусный рассказчик, Тургенев представляет в лицах все три поколения крестьян: он изображает стариков, с их несвязной речью, полной звучных восклицаний и ничего не значащих междометий и наречий; изображает поколение сыновей, бойких говорунов и краснобаев; наконец, поколение внуков, молчаливых, уклончивых, в сдержанности которых чувствуется скрытая разрушительная сила. На мое замечание, что эти беседы, должно быть, скучны ему, он отвечает, что нимало не скучны, что, напротив, можно только удивляться тому, как много узнаешь от этих людей, темных, невежественных, но постоянно и сосредоточенно размышляющих в своем уединении».[7]

Вероятно, такие встречи и беседы были для Тургенева привычными. Так, В. Рольстон, гостивший в Спасском в 1870 г., вспоминает: «Во время пребывания моего в Спасском я успел узнать глубину его сердца, обширность его симпатий и к человеку, и к животным, ко всему, что живет и страдает. Для меня было настоящим наслаждением слушать, как он в своей деревне разговаривал с крестьянами, своими бывшими крепостными, с мужиками окрестных сел и с старыми слугами, пришедшими посмотреть на барина, которого знали еще ребенком».[8]

Одной из сторон деревенской жизни, постоянно привлекавшей внимание Тургенева, была народная поэзия. О. В. Аргамакова, жившая в доме Тургеневых, пишет: «В селе Тургеневе живет Иван Михайлович Кубышкин, также долго служивший у Ивана Сергеевича лакеем. С ним-то в юности Иван Сергеевич, заслышав в деревне песни, исчезал из дома в ореховые кусты, густо росшие в то время между сараем и деревней, близ которых деревенские девушки водили хоровод. Там Иван Сергеевич ложился ничком, подслушивал и записывал слова песен».[9]

Возможно, что именно об этом времени вспоминал Тургенев в письме к Некрасову от 15 (27) октября 1854 г.: «Было время, что я с ума сходил от народных песен — и у меня есть различные переводы сербских, мадьярских, финских и других песен».[10]

Собиратель народных песен В. Ф. Лебедев, работавший в Спасском в 1927—1928 гг., разговаривал с несколькими стариками (О. З. Балашовым, М. Пасынковым), еще помнившими Тургенева, «очень доброго человека».

Старики вспоминали о нем: «Когда он приезжал в свое имение, то любил собирать народ перед балконом своего дома, заставляя его петь песни».[11]

Среди любимых Тургеневым песен спасские песельницы (А. А. Фатеева, А. М. Упанова) называли хороводные: «Из-за лугу, лугу зеленóго»,

---

[7] Эдмон и Жюль де Гонкур. Дневник. Записки литературной жизни. Избранные страницы в двух томах, т. II. Гослитиздат, М., 1964, стр. 275.

[8] Иностранная критика о Тургеневе. Изд. 2. СПб., ‹б. г.›, стр. 96—97.

[9] О. В. Аргамакова. Семейство Тургеневых. «Исторический вестник», 1884, № 2, стр. 335.

[10] *Письма*, т. II, стр. 231.

[11] *ИРЛИ*, Р. V, колл. 154, п. 1, № 3.

«Рассада в саду стелется»; величальные: «Не заря ль моя зорюшка», «В огороде у нас, в частоколе», «Во рюмочке во серебряной крутой бережочек». О последних песнях исполнительницы говорят, что Тургенев «любил, когда величали его в песнях».[12]

А исполнение песни «Во рюмочке во серебряной» женщины сопровождают комментарием: «Когда в хороводе пели эту песню, величали Ивана Сергеевича Тургенева и его возлюбленную Авдотью Ермолаевну, от которой он имел дочь Полину». И далее собиратель добавляет: «Добрая память об этой девушке-белошвейке, которую Иван Сергеевич очень любил, до сего времени живет в народе. <...> Утверждают, что И. С. Тургенев будто бы приказал вспоминать в песнях его возлюбленную».[13]

Народные праздники с хороводами в имении Тургенева были частым явлением: ими сопровождался каждый приезд писателя на родину или посещение его гостями. Описание такого праздника находим в воспоминаниях Я. П. Полонского.[14] Сам Тургенев в письме к Флоберу от 22 июня (4 июля) 1876 г. передает свое впечатление от такого праздника, поразительно верно описывая характер исполнения плясовых песен: «Вчера вечером я сидел на крыльце моей веранды, а передо мной около шестидесяти крестьянок, почти сплошь одетых в красное и очень некрасивых <...> плясали, подобно суркам и медведицам, и пели пронзительными, резкими, но верными голосами. Это был небольшой праздник, который я устроил по их просьбе <...> Они тряслись, я смотрел на них, и мне было ужасно грустно».[15] Замечательно верные наблюдения над характером большинства русских песен находим и в других письмах Тургенева. Так, 16 (28) января 1853 г. он пишет К. С. Аксакову, восставая против его славянофильского прекраснодушия: «Я, кажется, уже сказывал Вам, что, по моему мнению, трагическая сторона народной жизни — не одного нашего народа — каждого — ускользает от Вас — между тем как самые наши песни громко говорят о ней».[16]

И почти десять лет спустя — 6 (18) марта 1862 г. — он пишет М. Н. Зубовой: «Пение крестьянок, действительно, самая горестная на свете вещь — от него веет угнетением, диким одиночеством, ужасом, ставшим привычкой».[17]

Выделяя, подчеркивая трагический характер народных песен, Тургенев подмечал и другую их сторону: стройность, поэтичность. «Как вам понравится конец одной старой русской песни (дело идет об убитом молодце, который лежит под кустом):

Что не ласточка, не касаточка
Круг тепла гнезда увивается;

---

[12] Там же.

[13] Я. П. Полонский. И. С. Тургенев у себя в его последний приезд на родину. *ИРЛИ*, Р. V, колл. 154, п. 1, № 3.

[14] «Нива», 1884, № 2, стр. 42—43, № 3, стр. 66, и № 5, стр. 115.

[15] *Письма*, т. XI, стр. 290—291, 413.

[16] Там же, т. II, стр. 108.

[17] «Огонек», 1964, № 33, стр. 25.

Вы не поверите, сколько поэзии, свежести и нежности в этих песнях», — писал он П. Виардо 4 (16) ноября 1852 г.[18]

Интерес Тургенева к народной песне не был случайным, а «праздники», устраиваемые им в Спасском, не были простой забавой. Вспомним тот огромный идейный заряд, которым оказалось насыщено соревнование двух певцов в одноименном рассказе, написанном на основе непосредственных наблюдений писателя и размышлений его над характером русской песни.[19] Об этом он писал П. Виардо 26 октября (7 ноября) 1850 г.: «Работа моя для „Современника" окончена и удалась лучше, чем я ожидал. Это, в добавление к „Запискам охотника", еще рассказ, где я в немного прикрашенном виде изобразил состязание двух народных певцов, на котором я присутствовал два месяца назад. Состязание происходило в кабачке, и там было много оригинальных личностей, которые я пытался зарисовать à la Teniers. . .».[20]

Интерес Тургенева вызывали не только крестьянские песни. В упоминавшихся выше воспоминаниях Полонского рассказано об одном празднике, на котором из крестьянской толпы выделялся некий «пришлый мужик».

«Ивана Сергеевича, — пишет Полонский, — больше всего занимал тип пришлого мужика в красной рубашке, черноволосого, с живыми быстрыми маленькими глазами, веселого прилипалы, плясуна и любезника.

«— Ты что думаешь? — говорил мне о нем Тургенев, — в случае какого-нибудь беспорядка, бунта или грабежа, он был бы один из первых, даром, что он так юлил и кланялся. ‹. . .› А между тем, слышал, какую он про барские причуды песню пел? Это, брат, тип!».[21]

На праздниках в Спасском частыми гостями были и «фабричные» с бумажной фабрики Н. С. Тургенева. Однажды они разыграли перед домом Тургенева драму «Лодка». Представление запомнилось писателю до мельчайших деталей, и позже он воспроизвел его в XV и XVI главах «Призраков». А 16 (28) января 1853 г. он писал С. Т. Аксакову: «Уморительнее этого ничего невозможно было вообразить — роль главного атамана исполнял один фабричный — а представителем закона и порядка был один молодой мужик; тут был и хор вроде древнего, и женщина, поющая в тереме, и убийства, и все, что хотите, — язык представлял смешение народных песен, фраз à la Marlinski — и даже стихов из „Дмитрия Донского". ‹. . .› Впрочем эту драму сочинили, как я потом узнал, не фабричные; ее занес какой-то прохожий солдат».[22]

Тургенев интересовался буквально всеми жанрами фольклора. Так, в рассказе «Касьян с Красивой Мечи» без сомнения отразилось его наблю-

---

[18] *Письма*, т. II, стр. 84, 400. — Гораздо позже, в «Стихотворениях в прозе», Тургенев использовал этот понравившийся ему зачин, — см.: *Сочинения*, т. XIII, К***, стр. 208.

[19] М. К. Азадовский. «Певцы» И. С. Тургенева, стр. 433—437; см. также: *Сочинения*, т. IV, стр. 581.

[20] *Письма*, т. I, стр. 401—402.

[21] «Нива», 1884, № 3, стр. 66.

[22] *Письма*, т. II, стр. 110.

дение над деревенскими похоронами с традиционным голошением. С точностью опытного наблюдателя передает он характер напева причитания: «...две бабы шли за гробом. Тонкий, жалобный голосок одной из них вдруг долетел до моего слуха; я прислушался: она голосила. Уныло раздавался среди пустых полей этот переливчатый, однообразный, безнадежно-скорбный напев».[23]

О непосредственном знакомстве Тургенева с жанром причитаний свидетельствует еще один интересный факт. В 1854 г. он в письме к С. Т. Аксакову называет стихотворение Некрасова «В деревне» «плачем старушки-крестьянки об умершем сыне».[24] Нельзя более точно определить характер этого стихотворения, каждая строка которого словно перенесена из народной традиции:

Кто приголубит старуху безродную?
Вся обнищала вконец!
В осень ненастную, в зиму холодную
Кто запасет мне дровец?
Кто, как доносится теплая шубушка,
Зайчиков новых набьет?

Без сомнения, наблюдал Тургенев и так называемую «медвежью потеху». Вспомним строки из рассказа «Мой сосед Радилов»: «Федя вскочил, пошел по комнате той щеголеватой, особенной поступью, какою выступает известная „коза“ около ручного медведя».[25]

Привлекала внимание Тургенева и календарно-обрядовая поэзия. Об этом мы узнаем из письма П. Мериме к Тургеневу от 24 мая н. ст. 1868 г.: «Вы мне рассказывали о заклинаниях против падежа скота, которое вы сами наблюдали. Это могло бы найти свое место среди ваших раскольников».[26] Для сборника С. Т. Аксакова Тургенев предполагал написать на основе личных наблюдений очерк о приметах, поверьях и суеверьях охотников, а И. С. Аксакова он просит прислать обещанную песню: раскольнический стих.[27] В том же 1852 г. Тургенев обещает написать для П. Виардо «маленький очерк об „Игре крестьянина“». М. К. Азадовский высказал предположение, что речь идет о специальном трактате о русских народных играх, не дошедшем до нас.[28]

Непосредственные наблюдения над бытованием фольклора Тургенев постоянно пополнял путем изучения различного рода этнографической и

---

[23] *Сочинения*, т. IV, стр. 114—115.
[24] *Письма*, т. II, стр. 223.
[25] *Сочинения*, т. IV, стр. 60.
[26] Maurice Parturier. Une amitié littéraire. Prosper Mérimeé et Ivan Tourguénev. Paris, 1952, стр. 188—190. Цитируется по статье Ю. Д. Левина «Неосуществленный исторический роман Тургенева». *Тургенев, Сб.* (*Алексеев*), стр. 104.
[27] «Письма С. Т., К. С. и И. С. Аксаковых к И. С. Тургеневу» — отд. оттиск из журн. «Русское обозрение», 1894, стр. 49 и *Письма*, т. II, стр. 37.
[28] М. К. Азадовский. «Певцы» И. С. Тургенева, стр. 396.

фольклористической литературы. В 1852 г., находясь в ссылке в Спасском, он обращается к русской истории, изучает летописи, эпос, песни, пословицы, поговорки, сказания. 6 (18) июня 1852 г. он пишет С. Т., И. С. и К. С. Аксаковым: «Я эту зиму чрезвычайно много занимался русской историей и русскими древностями; прочел Сахарова, Терещенку, Снегирева и tutti quanti. В особенный восторг привел меня Кирша Данилов».[29]

Названные Тургеневым имена не случайны. Все они, кроме Кирши Данилова (сборник былин и исторических песен которого представляет собой самый замечательный памятник русской фольклористики),[30] — современники Тургенева, а труды их представляют неразрывное целое. К 1852 г. вышли основные работы И. П. Сахарова, фольклориста-любителя, большого энтузиаста: «Сказания русского народа о семейной жизни своих предков» (чч. I—III, 1836—1837); «Путешествие русских людей в чужие земли» (1837); «Песни русского народа» (чч. 1—5, 1838—1839); «Русские народные сказки» (1841).

В 1848 г. вышел труд А. В. Терещенко «Быт русского народа» (тт. I—VII), представляющий собою энциклопедию русской обрядовой жизни — с описаниями свадебных и похоронных обрядов, народных игр и календарной обрядности. Своеобразным сводом русских пословиц и праздников явились и труды земляка Тургенева, И. М. Снегирева: «Русские в своих пословицах. Рассуждения и исследования об отечественных пословицах и поговорках» (тт. I—IV, 1831—1834); «Русские простонародные праздники и суеверия» (тт. I—IV, 1837—1839); «Русские народные пословицы и притчи» (1848); «О лубочных картинах русского народа» (1844).

К этому же времени относится и знакомство Тургенева с только что вышедшим «Московским сборником» (т. I, М., 1852), в котором были помещены отдельные записи исторических песен и былин П. В. Киреевского. В упоминавшемся выше письме к Аксаковым он дает восторженную оценку этим записям: «Песни удивительны — достойны стать наравне с песнями в собрании Кирши Данилова».

О постоянном интересе Тургенева к фольклористической и этнографической литературе свидетельствует его письмо к П. А. Бессонову от 5 (17) сентября 1877 г.: «Из приложенного Вами списка изданий мне было бы весьма приятно получить „Калик перехожих“, вып. 3—6; „Белорусские песни“ и „Причитанья Северного края“».[31]

С книгой, составленной Бессоновым, «Калики перехожие» (Сборник стихов и исследование в 2-х томах, 6 выпусках. 1860—1864), Тургенев познакомился еще в 1872 г., скептически отнесясь к «длинному, довольно неясному и педантичному предисловию».[32]

«Белорусские народные песни» Шейна (СПб., 1874) не случайно привлекли внимание Тургенева. Он знал собирателя лично, знакомился с его работами, хлопотал об издании сборников его песен перед своими влия-

---

[29] *Письма*, т. II, стр. 59.

[30] «Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым». 1-е изд. — 1804 г., 2-е — 1818 г.

[31] *Письма*, т. XII, кн. 1, стр. 204.

[32] Там же, т. X, стр. 16, 357.

тельными друзьями (Головниным и Сабуровым), помогал ему материально. Два сохранившихся письма к Шейну (от 24 июня ст. ст. и 27 августа ст. ст. 1880 г.) проникнуты заботой о фольклористе и о судьбе собранного им материала.

Первая книга «Причитаний Северного края», записанных и опубликованных Е. В. Барсовым, вызвавшая многочисленные восторженные отклики, была интересна Тургеневу как первый свод жанра, хорошо ему знакомого по собственным наблюдениям (см. выше).

* *
*

С неослабевающим интересом относится Тургенев к деятельности своих современников — фольклористов и этнографов, следит за их трудами. Он был лично знаком с П. В. Киреевским, А. Н. Афанасьевым, В. И. Далем, Д. Н. Садовниковым, П. В. Шейном, П. А. Бессоновым, М. П. Драгомановым, Т. И. Филипповым, С. В. Максимовым.

Фольклористическая деятельность Киреевского, создавшего своеобразный собирательский центр, в который входили Пушкин и Гоголь, вызывала постоянное внимание и интерес Тургенева.

Дошедшие до нас письма Тургенева к некоторым из названных лиц или упоминания о них в переписке с другими адресатами полны заботливости, участия, готовности прийти на помощь и словом и делом. Узнав в 1872 г. о смерти Афанасьева, жившего в очень стесненных материальных условиях, Тургенев писал Фету: «Недавно А. Н. Афанасьев умер буквально от голода, а его литературные заслуги будут помниться тогда, когда наши с Вашими, любезный друг, давно уже пожрутся мраком забвения».[33] Такая высокая оценка фольклориста не была случайна. Тургенев понимал значение молодой науки: фольклористические изучения в его эпоху носили общественный характер и мыслились как важнейшее национальное дело. Убеждая Фета (тоже члена Литературного фонда) в необходимости всемерно поддерживать литераторов типа Афанасьева, Тургенев писал ему: «Что касается до Афанасьева (А. Н.), то позвольте Вам заметить, что Вы не довольно ясно даете себе отчет о подразделениях литературы на так называемую беллетристику, прессу-журналистику и прессу-науку (и педагогику) — или, что еще вернее, Вы сознаете это подразделение, но цените одну беллетристику — да еще какую! поэзию! Но наше общество основано именно для литераторов, пользу которых Вы с трудом признаете и без которых пришлось бы плохо делу просвещения. Вот оттого-то мы и заботимся об обеспечении этих самых литераторов от голода, холода и прочих гадостей».[34]

Из письма Тургенева к Некрасову и Панаеву от 18—23 ноября (30 ноября—5 декабря) 1852 г. видно, что он ценил именно собиратель-

---

[33] Там же, т. IX, стр. 210.
[34] Там же, стр. 255.

скую и издательскую деятельность Афанасьева и критически относился к его мифологическим поискам.[35]

Подтверждением того, насколько высоко ценил Тургенев фольклористические и этнографические наблюдения, служат его слова, обращенные к писателю К. Н. Леонтьеву, долгое время находившемуся на Ближнем Востоке на дипломатической службе. Тургенев писал ему 4 (16) мая 1876 г.: «Я сожалею, что, пользуясь Вашим положением на Востоке и близким знакомством с чуждою нам жизнью, Вы не обратили Ваших замечательных способностей на составление ученых, этнографических или исторических сочинений, которые доставили бы Вам видное и почетное место в нашей словесности».[36]

В этой связи интересна и оценка Тургеневым трудов В. И. Даля. Узнав о его смерти, Тургенев писал П. В. Анненкову 5 (17) октября 1872 г.: «Он оставил за собою след: „Толковый словарь" и мог сказать: „Exegi monumentum"».[37] Несколькими днями раньше в письме к В. Рольстону он пишет почти то же самое: «Бедный Даль тоже умер! Но он сделал все, что ему было предначертано на земле, — и он оставил после себя труд, который будет вечен, — я имею в виду его словарь».[33]

* *
*

Тургенев не оставил каких-либо специальных высказываний или замечаний теоретического характера по поводу народной поэзии и методов ее изучения; но отдельные замечания такого рода встречаются в его письмах и произведениях. Так, в письме к В. В. Стасову от 1 (13) марта 1872 г. он пишет о только что вышедшей книге В. Рольстона «The songs of the Russian people»: «...составлена она очень добросовестно, по источникам — и мы, русские, обязаны всячески поощрять этот труд».[39]

Таково, например, суждение Шубина о русалках или высказывание Инсарова о болгарских песнях («Накануне»). Кстати, прототипом Инсарова для Тургенева послужила личность болгарского фольклориста Н. Д. Катранова, известного в фольклористических кругах: он передал П. А. Бессонову собранные им болгарские народные песни.[40]

Интересно и одно наблюдение Тургенева, отразившееся в черновом варианте рассказа «Певцы», но не вошедшее в окончательный текст: «Я бы [не одному] каждому музыканту посоветовал [поеха‹ть›] съездить послушать хор сергиевских мужиков; я ему отвечаю, что он бы не раскаялся в своей поездке и, может быть, вынес бы оттуда не одну мысль и не одно замечание».[41] Фраза эта следовала за сохранившимся в тексте суждением,

---

[35] Там же, т. II, стр. 86.
[36] Там же, т. XI, стр. 258.
[37] Там же, т. IX, стр. 349.
[38] Там же, стр. 345, 442.
[39] Там же, стр. 231.
[40] Подробнее о Н. Д. Катранове см. комментарий Л. И. Ровняковой в издании: *Сочинения*, т. VIII, стр. 512—515.
[41] Там же, т. IV, стр. 582—583.

также основанном на личных наблюдениях: «Действительно, в наших краях знают толк в пении и недаром село Сергиевское, на большой Орловской дороге, славится во всей России своим особенно приятным и согласным напевом».[42]

В ряду приведенных примеров знаменателен и такой факт: Тургеневу понравилась мысль М. П. Драгоманова, задумавшего использовать украинские песни в оперном сюжете, и он знакомит его с французским музыкантом А. Дювернуа, искавшим сюжета для оперы или оратории.[43]

* *
*

Фольклористические интересы Тургенева разнообразны и многосторонни: один из современников писателя передает его слова о сказках для детей: «...мне кажется, что рядом с русскими народными сказками нашей детворе не мешает давать и иностранные сказки, в числе которых такая масса чудных, поэтических, развивающих фантазию и эстетический вкус».[44]

И сам Тургенев принимает участие (вместе с Н. В. Щербанем и Н. Н. Рашет) в переводе на русский язык сказок Перро. Книга эта вышла в Петербурге в 1866 г. под заглавием «Волшебные сказки Перро, перевод с французского Ивана Тургенева. Рисунки Густава Дорэ».

Проявляя живой интерес к этнографии, народной поэзии, к языку народа, Тургенев, однако, строго подходил к возможности использования всего этого и в собственном творчестве и в работе других писателей. Известно, что он чрезвычайно высоко ценил творчество таких поэтов, как Некрасов и Кольцов, восхищался «Казаками» Л. Толстого. Но ему претили излишний этнографизм, злоупотребление диалектизмами. Еще в 1848 г. он писал П. Виардо о романе Ж. Санд «Франсуа ле Шампи»: «Может быть она вставляет в него чрезмерно много крестьянских выражений; это порой придает ее рассказу некоторую искусственность. Ведь искусство — не есть дагерротип, и такой большой мастер, как г-жа Санд, мог бы обойтись без этих капризов художника с несколько пресыщенным вкусом».[45] В 1852 г. эта мысль была вновь повторена им в письме к И. С. Аксакову, писавшему Тургеневу несколько ранее: «Григорович, желая вывести на сцену русского мужика вообще, заставляет его говорить рязанским наречием, вы — орловским, Даль — винегретом из всех наре-

---

[42] Там же, стр. 238.

[43] М. П. Драгоманов. Воспоминания о знакомстве с И. С. Тургеневым. Казань, 1906, стр. 13—14. См. также: *Письма*, т. XIII, кн. 2.

[44] С. Ф. Либрович. На книжном посту. Воспоминания, записки, документы. Пг.—М., 1916, стр. 38.

[45] *Письма*, т. I, стр. 292, 456.

чий».[46] «Ваше замечание насчет мужицкой речи, — отвечал Тургенев, — совершенно справедливо. В „Постоялом дворе“ — и следа нет всей этой дагерротипности. Это все надо бросить — или, если без этого не выходит живо, — бросить перо».[47]

Тургенев был противником всякой идеализации, приукрашенности народной жизни и быта. Так, посетив летом 1867 г. вместе с Л. Пичем первую этнографическую выставку в Париже, Тургенев был очень недоволен русской ее частью, в числе экспонатов которой была крестьянская изба. Пич передает слова Тургенева по этому поводу: «...все сильно приукрашено, и вся эта русская изба надела красивый наряд pour l'exposition, „для выставки“».[48]

Нетерпимостью Тургенева ко всему показному и, следовательно, недоброкачественному можно объяснить и его отношение к книге Н. В. Берга «Песни разных народов». Признавая, что по замыслу «это предприятие очень полезно и хорошо» и что именно в народном песенном творчестве «бьют родники истинной поэзии», Тургенев, однако, замечал: «...выбор пиэс сделан очень дурно — и перевод большею частью вял и плох — и даже, где я могу судить — неверен. Французские, наприм‹ер›, песни — столько же народны, сколько народны досуги Кузьмы Пруткова — это вздор, сочиненный очень недавно, между тем как и у них есть славные старинные песни; испанские тоже прегадко выбраны — мне кажется, Берг более желал пощеголять знанием всяких языков».[49]

* *
*

Все приведенные факты вряд ли требуют специальных обобщений: они знаменательны сами по себе, являясь свидетельством глубокого интереса Тургенева к народной жизни, к национальной культуре, в ряды почетных деятелей которой он зачислял фольклористов и этнографов, к фольклору, в котором он видел проявление творческих сил народа, его духовных возможностей.

Т. И. Орнатская

ПИСЬМО-ВОСПОМИНАНИЕ ТУРГЕНЕВА О К. РИТТЕРЕ (1871 г.)

В «Полном собрании сочинений и писем» Тургенева указано, что письмо писателя к известному русскому ориенталисту Н. В. Ханыкову от 17 (29) декабря 1871 г. было впервые напечатано в № 12 журнала «Ежемесячные сочинения» за 1901 г.[1] А между тем это не совсем так. Основная часть этого письма, содержащая краткие воспоминания Тургенева об ав-

---

[46] «Русское обозрение», 1894, № 8, стр. 477.
[47] *Письма*, т. II, стр. 100.
[48] Там же, т. VI, стр. 560.
[49] Там же, т. II, стр. 231, 236.
[1] Там же, т. IX, стр. 534.

торе многочисленных трудов по географии Востока (в том числе знаменитого «Землеведения»),[2] профессоре Берлинского университета Карле Риттере (1779—1859), стала известна читателям еще при жизни Тургенева, в 1874 г.

В начале 70-х годов Ханыков предпринял перевод той части «Землеведения» Риттера, которая заключала в себе географию Ирана. Собирая сведения о Риттере, он обратился и к Тургеневу: в конце 30-х годов писатель слушал лекции немецкого географа в Берлинском университете. Письмо Ханыкова, на которое отвечал Тургенев 17 (29) декабря 1871 г., неизвестно. Но, очевидно, Ханыков уведомил писателя о том, что несколько строк воспоминаний помогут ему воссоздать живой облик ученого. Во всяком случае, Тургенев писал это письмо явно с расчетом на его публикацию. Об этом говорит прежде всего стиль письма — стиль живого воспоминания, хорошо известного по многочисленным тургеневским мемуарам. Дополнительным свидетельством того, что писатель знал о намерении Ханыкова опубликовать его коротенькое воспоминание, является сохранившийся черновик письма.[3] Он написан почти без помарок, но более лаконичен по сравнению с окончательным текстом.

В 1874 г. долгий и кропотливый труд Ханыкова завершился изданием первого объемистого тома «Ирана».[4] Во вступительной статье о Риттере Ханыков привел отрывок из письма Тургенева, характеризовав слова маститого писателя как воспоминание.[5] И для Тургенева не было неожиданностью появление в статье Ханыкова строк из его частного письма. Получив экземпляр «Ирана», он писал Ханыкову: «...благодарю Вас за Вашу интереснейшую книжечку — это очень милый подарок...».[6]

А. Б. Муратов

ВОСПОМИНАНИЯ Е. С. ИЛОВАЙСКОЙ (СОМОВОЙ) О ТУРГЕНЕВЕ

Екатерина Сергеевна Иловайская (рожд. Сомова; 1863—1944) — преподавательница иностранных языков, родилась в Петербурге; в 1879 г. окончила Коломенскую гимназию. После этого вместе с отцом, сестрами и одним из братьев Е. С. Сомова переехала на постоянное жительство

---

[2] K. Ritter. Die Erdkunde im Verhältnis zur Natur und zur Geschichte des Menschen, Bd. I—II. Berlin, 1817—1818. — Второе издание этого труда вышло в 1822—1859 гг. в 19 частях, объединенных в 9 томов. Русский перевод пяти частей под названием «Землеведение Азии» был осуществлен и дополнен новыми сведениями П. П. Семеновым-Тян-Шанским.

[3] *Bibl. Nat.*, Slave 80. — Сообщил О. Б. Туцевич (Париж).

[4] К. Риттер. Иран, т. I. Перевел и дополнил Н. Ханыков. СПб., 1874. — Перевод второго тома Ханыков завершить не успел.

[5] Там же, стр. LXIV—LXV.

[6] *Письма*, т. X, стр. 350. — В 1875 г., в своей автобиографии, Тургенев еще раз упомянул имя Риттера, назвав его среди профессоров, которыми «мог похвалиться» в 30-е годы Берлинский университет.

в Одессу, где позднее окончила вечерние курсы Новороссийского университета и вышла замуж за приват-доцента Сергея Ивановича Иловайского. С Тургеневым Иловайская (Сомова) познакомилась в 1879 г., когда он, приехав в Петербург, выступил с чтением отрывка из романа «Отцы и дети» в гимназии, где она училась вместе со своей младшей сестрой. Об этой встрече Иловайская и рассказывает в своих воспоминаниях, представляющих интерес еще и потому, что в них приведены отрывки из дневника ее матери, Ольги Александровны Сомовой (рожд. Тургеневой; 1836—1872),[1] родственницы писателя, часто бывавшего в начале 50-х годов в доме ее отца, Александра Михайловича Тургенева (1772—1862).

Воспоминания Е. С. Иловайской (Сомовой), отрывок из которых публикуется ниже, написаны в 1934 г. Рукопись хранится в *ИРЛИ* (Р. I, оп. 29, № 50, тетрадь I, лл. 1—10).

Л. Н. Назарова

В 1878—1880 гг. Иван Сергеевич Тургенев вернулся в Россию, на родину, после очень продолжительного пребывания за границей.[2] Приезд этот был настоящим триумфом. Молодежь встречала Ивана Сергеевича бурными овациями, приветственными речами, цветами, банкетами. Растроганный такой встречей молодежи, Иван Сергеевич выразил желание читать ей свои произведения. Он читал в университете, в институтах путей сообщения и в Горном, в женских институтах[3] и в мужских и женских гимназиях. И на долю Коломенской гимназии, где мы с моей младшей сестрой, Надеждой Сергеевной Сомовой, оканчивали 1-й (старший) класс, выпала эта честь. Иван Сергеевич читал в нашей гимназии «Отцы и дети», с тою неподдельной простотой и искренностью, которая всегда производит самое сильное и глубокое впечатление на слушателей. Едва умолкли ру-

---

[1] Об О. А. Тургеневой см.: *Анненков*, стр. 391, 398; К. К. Истомин. «Старая манера» Тургенева (1834—1855 гг.). СПб., 1913, стр. 113; Воспоминания К. Я. Грота об О. А. Тургеневой и Н. М. Еропкиной. *Тургенев*, *Сб.*, вып. I, стр. 299—303.

[2] Автор воспоминаний допускает неточность. В действительности Тургенев, живя за границей с 1861 г., постоянно наездами бывал в России. В дальнейшем речь идет о его приезде в Петербург во второй половине марта 1879 г.

[3] На самом деле Тургенев из-за болезни не смог принять участие в литературно-музыкальном вечере, устраиваемом с благотворительной целью студентами Петербургского университета и Горного института. См. его ответ студентам, опубликованный в «Петербургском листке» (1879, 27 марта, № 60). В заметке «И. С. Тургенев среди слушательниц Педагогических и Высших женских курсов» сообщалось, что 15 марта 1879 г. писатель после посещения спектакля «Месяц в деревне» в Александринском театре отправился в Александровскую гимназию. В ней был устроен «литературный вечер в пользу слушательниц Педагогических курсов». На этом вечере Тургеневу, который прочел рассказ «Льгов», преподнесли два адреса: от слушательниц Педагогических курсов и от слушательниц Высших женских курсов («Петербургский листок», 1879, 17 марта, № 53).

коплескания восторженной юной аудитории, к нам подошла наша классная дама, добрейшая старушка О. В. Пиленко, со словами: «Катя и Надя, вас вызывает Варвара Александровна» (В. А. Нейдгард была наша начальница). Мы с сестрою молча обменялись взглядами: что бы это могло значить? Варвара Александровна вызывала к себе учениц, либо чтобы похвалить, либо чтобы высказать им свое порицание по поводу какого-нибудь поступка. Но в этот день, отмеченный чтением Ивана Сергеевича, ничего не произошло, что бы могло быть причиной вызова. Мы молча спустились в квартиру Варвары Александровны в первом этаже здания гимназии. В ее уютной гостиной за круглым столом сидел Иван Сергеевич; он встретил нас ласковой улыбкой со словами: «Подойдите поближе, Катя и Надя, милые девочки, я хочу с вами познакомиться и поцеловать вас (Иван Сергеевич поочередно поцеловал сестру и меня в лоб); вы дочери моего дорогого друга Ольги Александровны Тургеневой. Помните ли вы свою маму?» — «Очень хорошо помним», — ответили мы вместе. — «Кто из вас больше похож на маму? Обе напоминают ее», — продолжал Иван Сергеевич. — «Надя больше похожа», — заявила я, помня, что так всегда говорили друзья матери, часто нас навещавшие. — «Правда, правда, — сказал Иван Сергеевич, — Надя больше похожа на мать; а как они учатся?» — продолжал Иван Сергеевич, обращаясь к Варваре Александровне. — «Прекрасно», — ответила она. — «А учитесь ли вы языкам и каким? — продолжал задавать нам вопросы Иван Сергеевич. — Ваша мать владела в совершенстве французским, немецким, английским и итальянским». — «Мы знаем французский, немецкий и английский, а после гимназии будем учиться и итальянскому», — отвечали мы зараз. — «А кто из вас играет на фортепиано?» — продолжал Иван Сергеевич. — «Обе», — ответили мы хором. — «Катя играет лучше, чем я», — немедленно заявила Надя. — «Ах, вы милые правдивые девочки, — смеясь сказал Иван Сергеевич, — такая же правдивая была и ваша мама». — «Играешь ли ты „Mondschein Sonate“ («Лунную сонату») Бетговена», — спросил Иван Сергеевич меня. — «Да, играю», — ответила я робко, боясь, чтобы Иван Сергеевич не сказал мне сыграть тут же на рояле сонату. — «Как прекрасно исполняла эту чудную вещь ваша мать», — продолжал Иван Сергеевич. Он глубоко вздохнул и поник головою, седая прядь его волос низко спустилась ему на лоб; опираясь на правую руку, Иван Сергеевич провел левою рукою по глазам. Воцарилось глубокое молчание в комнате; мы стояли в недоумении перед Иваном Сергеевичем и, взглянув на Варвару Александровну, по ее знаку, стараясь не шуметь, вышли из гостиной.

Дома, передавая бабушке Надежде Михайловне,[4] как прошло чтение Ивана Сергеевича и как он нас обласкал, мы с сестрой удивились, что она тоже глубоко вздохнула и грустно сказала: «Да, ваша мама была очень дружна с Иван Сергеевичем» — и больше не говорила об этом событии, которое нам казалось таким неожиданным и непонятным.

---

[4] Надежда Михайловна Еропкина (1808—1895) была дочерью друга и родственника А. М. Тургенева — Михаила Николаевича Еропкина (*Тургенев*, *Сб.*, вып. I, стр. 293).

Через несколько недель после этого знакомства с Иваном Сергеевичем в нашей жизни произошла большая и неожиданная перемена. Террористическая тревожная эпоха последних лет царствования Александра II, почти ежедневных взрывов, убийств, арестов, ссылки молодежи на каторгу и осуждения ее на долгое заточение в крепости — все это пагубно отразилось на здоровье отца моего Сергея Николаевича Сомова,[5] расшатанного горем, — смертью моей матери в 34 года и старшей дочери Ольги 14 лет,[6] через три года после потери жены. Отец служил в Министерстве государственных имуществ, начальником отделения. Встревоженный своим болезненным состоянием, потерею сна и прежней трудоспособности, отец обратился за советом к врачам, которые посоветовали отцу уехать из Петербурга. Случайно в это же время освободилось место управляющего государственными имуществами в Одессе; отцу моему было предложено его занять, он, не колеблясь, принял предложение, и нам предстояло уехать навсегда из родного Петербурга, где мы родились, воспитывались и откуда уезжали только на летние каникулы либо в Старый Петергоф, либо в Финляндию. С одной стороны, нас соблазняла мысль поехать в новое место, в Одессу, на берег Черного моря, о красоте которого мы часто слышали. С другой стороны, предстояла разлука с бабушкой Надеждой Михайловной, которая решила остаться с моим старшим братом, Александром Сергеевичем, окончившим весною Петербургский университет и поступившим на службу в Министерство иностранных дел. Ей не хотелось лишать его семейной обстановки до посылки его за границу по месту назначения службы. Больше всего мы жалели, что, покидая Петербург, мы лишались Бестужевских курсов, куда должны были поступить с осени. В Одессе в то время еще не было Высших женских курсов, а двери университета еще не были открыты женщинам (мы с сестрою несколько позже сделались вольнослушательницами вечерних курсов Новороссийского университета[7] и получили, таким путем, высшее образование). Вот это решение отца покинуть Петербург и было причиной обнаруживания мною писем Ивана Сергеевича к моей матери.

По поручению отца я должна была пересмотреть и уложить безделушки, вещицы и корреспонденцию моей матери в ее ореховом старинном шкафчике в гостиной. Мать моя умерла еще молодою — 34 лет — в 1872 г. Летом этого года в Петербурге свирепствовала настоящая [черная] оспа. В нашем доме заболел ребенок дворника, крестник няни моей младшей сестры Даши. Несмотря на строгое запрещение, няня навещала крестника и заразила оспой мою маленькую сестру Дашу.[8] Несмотря на то, что мать была на седьмом месяце беременности, она сама стала ухаживать за Дашей, заразилась от нее и умерла вместе с нею через три дня, дав рожде-

---

[5] Сергей Николаевич Сомов умер в Париже в 1906 г.

[6] О. А. Сомова (рожд. Тургенева) умерла в возрасте 36 лет. Ее дочь — Ольга Сергеевна Сомова (1861—1875).

[7] Об открытии в Одессе Высших женских курсов см.: «Женское образование», 1879, № 1, стр. 71—76.

[8] Даша — Дарья Сергеевна Сомова (1868—1872).

ние семимесячной девочке, моей младшей сестре, Евпраксии Сергеевне.[9] Нас всех, остальных детей, отослали на дачу еще накануне с няней и бонной Амалией Андреевной Рейне, немкой из Либавы, Микой, как мы звали ее. Поступив к нам в 1870 г., она прожила в нашей семье вплоть

О. А. Тургенева (Сомова). Фотография 60-х годов. Институт русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР (Ленинград).

до своей смерти в 1925 г. в Одессе. Благодаря ей мы прекрасно владели немецким языком и никогда не могли говорить с нею иначе, чем на ее родном языке. Она привязалась к нам и всю жизнь трудилась для нашей семьи, ведя все хозяйство и обучая потом второе поколение немецкому языку. Но с русской грамматикой она не ладила до конца дней, продол-

[9] Евпраксия Сергеевна Сомова впоследствии была замужем за гр. В. В. Стенбок-Фермором.

жая говорить «она пошел, он принесла, она устал» и т. д., к великой радости своих маленьких учеников и учениц, которые постоянно ее поправляли.

Предчувствуя свою смерть, мать просила Амалию Андреевну не покидать нас и помочь Надежде Михайловне воспитать нас. Мика обещала и свято выполнила обещание. Во время скарлатины в очень тяжелой форме, от которой умерла моя старшая сестра Ольга 14 лет, Мика просидела две недели, не раздеваясь, у моей постели, и, по словам врача, я обязана жизнью ее уходу за мной.

Среди этого ужасного несчастья, так внезапно поразившего нашу семью, все забыли маленькую новорожденную, которая вероятно бы погибла от истощения, если бы о ней не позаботилась наша бабушка. Она обернула крошку с головою толстым слоем ваты и, не имея ничего, чем заменить колыбельку, уложила ее в 5-фунтовую пустую коробку от конфет, где она свободно поместилась, и поила ее сахарной водой, пока не привезла кормилицу. Несмотря на такое преждевременное появление на свет, сестра моя Евпраксия Сергеевна росла совершенно нормально, наследовала музыкальный талант матери, была очень на нее похожа своей миловидностью и, выйдя замуж, имела двух сыновей. Смерть матери, которую мы все обожали, отразилась на всех нас; мне было девять с половиной лет, и я горевала не по-детски, скрывая свое горе и особенно от отца, давая волю слезам, когда ложилась вечером, и заглушая рыдания в подушке. В семье у нас развился культ матери ‹и› всех мелочей, которые ей принадлежали, — кружевные платочки, веера, несессер из слоновой кости с золотым швейным прибором, письма друзей и т. д.

Исполняя поручение отца, я тотчас после завтрака, который подавался в 12 часов, принялась бережно перебирать и складывать в ящик эти вещицы и вдруг на нижней полке в углу нашла несколько писем, связанных ленточкой с четырьмя тетрадочками, на первой было написано рукою матери «Мой дневник. 1855—56 годы».[10] Я трепетно принялась за чтение дневника, усевшись поудобнее на персидском ковре у старинного шкафчика; я очнулась только в 6 часов, когда позвали обедать. Теперь, после чтения дневника матери, я поняла, почему Иван Сергеевич знал о нашем существовании, назвал нас Катей и Надей, как старый наш знакомый, и знал, живя в Париже, что мы учимся в Петербурге в Коломенской гимназии, и почему он так опечалился, вспоминая мать. К сожалению, дневник матери, который вместе с записками деда моего, Александра Михайловича Тургенева, хранился у моего старшего брата Александра Сергеевича Сомова, сгорел во время пожара дома, где он жил. Часть записок, про царствование Екатерины II и Павла I, была разрешена для печати

---

[10] Вероятно, первая из этих дат не соответствует действительности, так как в дальнейшем цитируются отрывки из «Дневника» О. А. Тургеневой, относящиеся к более раннему времени, — 1852 или 1854 г. (см. примеч. 12 и 14).

при царском режиме и появилась в «Русской старине» в 1890-х годах,[11] неразрешенная часть записок — царствование Александра I и Николая I — была передана редактором «Русской старины», Семевским, по распоряжению брата моего, тогда первого секретаря нашего посольства в Тегеране, в Академию наук. Небольшая оставшаяся часть записок, переписка с Герценом, с Жуковским и Николаем Ивановичем Тургеневым сгорела вместе с дневником матери. Под впечатлением дневника матери я переписала в свой дневник те страницы, которые меня больше всего поразили:

«Сегодня, — пишет мать, — на нашем литературном чтении Иван Сергеевич прочел свой рассказ „Бежин луг“.[12] Какая это прелесть, какое живое описание природы, ночи в поле и крестьянских мальчиков. Мне „Охотничьи рассказы“ Ивана Сергеевича гораздо больше нравятся, чем военные рассказы Льва Николаевича»,[13] и далее:

«Сегодня Иван Сергеевич принес в рукописи свою повесть „Муму“;[14] чтение ее произвело на всех, слушавших его в этот вечер, очень сильное впечатление. Сперва никто не проронил ни слова. Чувствуя, что глаза мои полны слез, я боялась заговорить, но, почувствовав на себе испытующий взгляд Ивана Сергеевича, который всегда просил меня первой высказывать мое суждение, называя его чутким и правдивым, я вместо слов, не

---

[11] Записки А. М. Тургенева были опубликованы в «Русской старине» за 1885—1887, 1889 и 1895 гг., «Былом» за 1919 и 1925 гг. и в сборнике «Памяти В. А. Жуковского и Н. В. Гоголя» (вып. 1, СПб., 1907).

[12] «Бежин луг» впервые был напечатан в «Современнике» (1851, № 2). По-видимому, речь идет о чтении Тургеневым уже опубликованного рассказа.

[13] «Охотничьи рассказы» (т. е. «Записки охотника») Тургенева начали публиковаться в «Современнике» с 1847 г. и вышли отдельным изданием в 1852 г. «Военные рассказы» Л. Н. Толстого («Набег», «Рубка леса», «Севастопольские рассказы»), печатавшиеся в том же журнале в 1853, 1855 и 1856 гг., вышли отдельным изданием в 1856 г. Так как О. А. Тургенева в данной записи своего «Дневника», цитируемой ее дочерью, говорит о Тургеневе и Толстом как о близких знакомых, называя их по имени и отчеству, ее следует датировать временем не ранее декабря 1855 г. В это время Толстой, приехавший в Петербург 19 ноября, начал бывать у Тургеневых (Н. Н. Гусев. Летопись жизни и творчества Л. Н. Толстого. 1828—1890. М., 1958, стр. 102, 130). О том, что Толстой читал у Тургеневых «Военные рассказы», свидетельствует А. С. Сомов («Русская старина», 1885, № 9, стр. 373).

[14] А. С. Сомов пишет также, что на квартире Тургеневых на Миллионной Тургенев «впервые прочел свой рассказ „Муму“» («Русская старина», 1885, № 9, стр. 372). Это чтение могло происходить, очевидно, 16 или 17 мая 1852 г., после освобождения Тургенева из-под ареста и до отъезда его в ссылку. Менее вероятно, что Тургенев читал здесь «Муму» уже после возвращения из ссылки, в конце 1853—начале 1854 г., так как тогда рассказ этот уже не был новинкой и вскоре был напечатан в «Современнике» (1854, № 3). Следует также учесть, что Е. С. Иловайская говорит о чтении рукописи «Муму», а ее брат — о чтении этого рассказа «впервые». Отметим, что в том и в другом случае (т. е. чтения в 1852 или в 1854 г.) автор публикуемых воспоминаний, цитируя дневник О. А. Тургеневой, должна была, соблюдая хронологию, сначала дать отрывок, в котором рассказывается о чтении «Муму», а затем — отрывок о чтении «Бежина луга» (с сравнительной оценкой «Записок охотника» и «Военных рассказов»).

удержавшись, ответила слезами, которые неудержимо катились по моим щекам. Иван Сергеевич, глядя нежно и ласково на меня, сказал мне: „Ваши слезы, дорогая Ольга Александровна, лучше слов передали мне, что «Муму» вам понравилась". Мне сделалось так хорошо, так радостно на душе, я почувствовала, что между нами установилась новая, более тесная связь и понимание друг друга. Весь следующий день я была под впечатлением этого бесхитростного рассказа. А сколько в нем глубины, какая чуткость, какое понимание душевных переживаний. Я никогда ничего подобного не встречала у других писателей, даже у моего любимца Диккенса, я не знаю вещи, которую могла бы считать равной „Муму". Каким надо быть гуманным хорошим человеком, чтобы так понять и передать переживания и муки чужой души».[15]

«Сегодня наш литературный вечер не состоялся. Лев Николаевич уехал в Москву, Боткин тоже в отъезде, Анненков чем-то занят. Папа известил Ивана Сергеевича, что чтение не состоится сегодня, но он пришел в обычный час и сказал: „Ольга Александровна, я пришел вас послушать, сыграйте мне мою любимую Лунную сонату Бетговена". Я сама ее люблю больше других и в этот вечер, исполняя ее, совсем отдалась всеми своими чувствами этой дивной музыке, забыв все окружающее. Когда я кончила, Иван Сергеевич протянул мне обе руки и, пожимая мои, сказал: „Вы мне дали высокое наслаждение, оно навсегда сохранится в моей памяти, благодарю вас, милая Ольга Александровна". Я покраснела от радости, сердце сильнее забилось, мне стало так хорошо от его слов. Почему меня так сильно волнуют и радуют похвалы Ивана Сергеевича, хвалят мою игру и другие, но почему я счастлива, когда Иван Сергеевич хвалит меня, неужели я его люблю? . . .».[16]

Дневник обрывается в день отъезда Ивана Сергеевича и прощания с матерью. Она записала: «Иван Сергеевич приезжал сегодня прощаться, он уехал за границу, надолго, быть может, навсегда, я чувствую, что никогда больше его не увижу».[17]

Предчувствие моей матери оправдалось. Иван Сергеевич, увлеченный дивным голосом знаменитой артистки Паулины Виардо, последовал за нею и после ее блестящей артистической турне по столицам Европы поселился в Париже. Он вернулся на родину через много лет, стариком, когда матери уже не было в живых. Страстно увлекшись Паулиной Виардо, Иван Сергеевич всю жизнь сохранял глубокое и искреннее чувство к моей матери, то чувство, о котором он ей пишет в последнем письме, перед отъездом, прося мать простить его за то смущение, которое он внес в ее душу.[18]

---

[15] Отрывок из дневника о чтении «Муму» частично опубликован (*Сочинения*, т. V, стр. 596).

[16] Этот отрывок из дневника опубликован в статье: Л. Н. Назарова. Тургенев и О. А. Тургенева. *Тургенев, Сб.*, вып. I, стр. 294.

[17] В действительности Тургенев и в дальнейшем (в 1857 и 1858 гг.) встречался с О. А. Тургеневой за границей, в Париже (см.: *Письма*, т. III, стр. 151, 153, 161, 218).

[18] Имеется в виду письмо Тургенева к О. А. Тургеневой от 6 (18) января 1855 г. (*Письма*, т. II, стр. 253—254). Всего известно семь писем

Мнение это мне пришлось слышать от вдовы Николая Ивановича Тургенева — декабриста.[19] Иван Сергеевич был с ним очень дружен, посвятил ему некролог[20] и после смерти его остался в самых дружеских отношениях с его семьею, ежедневным посетителем их на вилле Николая Ивановича Vert-bois в Буживале, окрестностях Парижа, где он ‹И. С. Тургенев› жил в отдельном павильоне в саду на соседней вилле Паулины Виардо.

По рассказам бабушки, Надежды Михайловны, отъезд Ивана Сергеевича сказался не столько на здоровье, как на настроении моей матери. Исчез беззаботный молодой смех, пропала прежняя жизнерадостность. Жизнь текла по-прежнему, но бабушка и Александр Михайлович, отец матери, который жил любовью к своей сиротке, как он всегда называл мою мать, были озабочены, встревожены и, наконец, по инициативе бабушки, решили исполнить самое заветное желание моей матери: поехать за границу, посетить Дрезденскую картинную галерею[21] — Сикстинскую Мадонну — и Луврскую галерею, побывать на Рейнском водопаде и, если позволят средства, повидать и Венецию. Приготовления заняли много времени и были очень хлопотливы. Но радость матери и заметная перемена в настроении ее вознаграждали нас, — говорила бабушка...

ТУРГЕНЕВ, А. Н. ЛУКАНИНА И А. Н. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ

1

История знакомства А. Н. Луканиной с Тургеневым и их взаимоотношения описаны в воспоминаниях А. Н. Луканиной.[1] Однако ни эти воспоминания, ни письмо Тургенева к А. Р. Дрентельну,[2] шефу жандармов, о Луканиной, ни ее письмо к Тургеневу не дают достаточно ясного ответа на основной вопрос — что заставило Тургенева написать это письмо Дрентельну об А. Н. Луканиной. То, что у нее был «замечательный беллетристический талант», для расцвета которого он пытался создать подходящую обстановку? Так утверждал Тургенев, но едва ли дело сводилось к этому. Те замечания, которые делал Тургенев каждый раз, когда она ему читала

Тургенева к О. А. Тургеневой (1855—1856), из них одно обращено к ней, А. М. Тургеневу и Н. М. Еропкиной.

[19] Речь идет о Кларе Тургеневой (рожд. Виарис; 1814—1891).

[20] Этот некролог был напечатан в «Вестнике Европы» (1871, № 12).

[21] В Дрезден адресовано письмо Тургенева к А. М. Тургеневу, О. А. Тургеневой и Н. М. Еропкиной от 31 мая (12 июня) 1858 г. (*Письма*, т. III, стр. 222). 21 сентября 1857 г. В. П. Боткин писал Тургеневу из Парижа: «Милая Ольга Александровна поправилась, посвежела, пополнела, оживилась. Я увидал ее, как родную ‹...› На все эта девушка бросает часть своей милой тени» (*Боткин и Тургенев*, стр. 136).

[1] «Северный вестник», 1887, № 2, стр. 38—59; № 3, стр. 47—88.

[2] *Письма*, т. XII, кн. 1, стр. 378—379.

или давала читать свои произведения, вызывают сомнение в особой талантливости Луканиной.

Он не был в восторге от ее работ, он настаивал на их переделке; он не раз давал указания, как исправить их, — хотя А. Н. Луканина не была ни начинающим автором, ни человеком, начинающим сознательно жить. Ей было в то время 35 лет. Она сумела побывать и в Америке и в Европе, она была знакома и с тюрьмой, и с эмиграцией, и с подпольем. Она была связана с различными органами печати как России, так и Европы; она напечатала в них не одну статью. Объяснить ее неудачи неопытностью, новизною дела, молодостью он не мог; едва ли он мог думать, что только отрыв ее от России мешает «полному развитию» ее таланта, хотя именно этот аргумент выдвинул он в своем письме к Дрентельну. И не благонадежность Луканиной, за которую ручался Тургенев, заставляла его настаивать на том, чтобы ей дали возможность жить в России: действительная благонадежность открывала двери на въезд и без просьб Тургенева.

Видимо, были какие-то другие причины. Какие же? Именно те, которые заставили Дрентельна отказать Луканиной в разрешении на въезд, которые заставили шефа жандармов отказаться от ответного письма к Тургеневу. Тургенев просил, настаивал на своей просьбе именно потому, что был уверен не меньше Дрентельна в том, что никаких убедительных фактов, которые могли бы доказать благонадежность А. Н. Луканиной, не было.

Письмо Тургенева должно было сыграть роль отсутствующих документов. Прилагая письмо Луканиной к своему письму, Тургенев писал, что «в нем дышит искренность не поддельная».

Дрентельн приказал навести справку. Справка не подтвердила искренности письма (см. текст его на стр. 266—269).

Дрентельна не интересовала личная драма Луканиной, ее взаимоотношения с мужем. Его интересовала политическая позиция ее перед отъездом из России, ее первые шаги за границей. А об этом она промолчала. Данная же Дрентельну справка гласила: «Привлечена была к Нечаевскому делу и содержалась с 15 по 26 января 70 года под арестом в С.-Петербургской крепости», освобождена за неимением улик. «В январе 1872 выехала за границу».[3] Неимение улик могло означать не то, что их не было, а то, что их не сумели найти. Так склонен был думать шеф жандармов, тем более что в справке говорилось о том, что за границей Луканина стала «во главе Бакунинского женского общества». Справка не подтверждала то, что писала Тургеневу Луканина, не свидетельствовала об ее искренности. Если поездка за границу была вызвана скверным поведением мужа, то чем можно было объяснить связь с Бакуниным? «С 1872 года о Луканиной никаких неблагоприятных сведений не поступало».[4] Возможно, что это заявление могло успокоить шефа жандармов, развеять его сомнения, если бы дальше не было указаний на то, что А. Н. Луканина принадлежит к той группе женщин, которая отказалась вернуться в Россию, не-

---

[3] ЦГАОР, ф. 109, 3-я экспедиция, 1872 г., д. 215, ч. 2, л. 183—183 об.
[4] Там же, л. 185.

смотря на требование правительства. Об этом рассказала и она сама в «чистосердечном» письме к Тургеневу, больше того — очень подробно объяснила, почему и как это случилось. И опять выходило так, что причина была чисто личного, а не политического характера.

У нее не было средств вернуться в Россию, к тому же она боялась мужа, опасаясь шантажа с его стороны и денежных вымогательств, да и тетушки советовали ей остаться за границей. Эта боязнь была так велика, что и теперь, в конце 1878 г., когда Луканина писала письмо Тургеневу, она просила его убедить Дрентельна заступиться за нее, охранить от посягательств мужа, выдать ей отдельный вид на жительство. И в этой просьбе о заступничестве звучала искренность и наивность. В этом трудно было бы сомневаться, как и в ее благонадежности, если бы дальше не сообщалось о том, что парижская префектура произвела у нее обыск, «о котором сама полиция сожалела, в чем я имею удостоверения от официальных лиц», как писал Тургенев к Дрентельну; она сама сообщала об этой «истории» Тургеневу как об истории «необъяснимой» (см. стр. 268). Однако шеф жандармов думал иначе. Ему казалось, наоборот, что все начинается снова. И он захотел узнать о «необъяснимой истории» у Орлова, который по своей должности обязан был знать ее лучше, чем знал Тургенев, и должен был объяснить ее более откровенно, чем это делала Луканина.

Через 25 дней после письма Тургенева кн. Н. А. Орлов, царский посол в Париже, сообщал шефу жандармов о том, что «Аделаида Луканина, рожденная Рыкачева... задержана парижской полицией 7-го минувшего сентября нового стиля, наравне с жившими с ней русскими подданными г-жой Гольштейн и Карятиной, по подозрению в принятии участия в учреждении Социалистического конгресса в Париже. При обыске, сделанном в квартире упомянутых женщин, найдены разные брошюры и газеты социалистической партии и переписка со многими интернационалистами. Между прочим в бумагах найден русский паспорт, выданный на имя Елены Фенисовой, и печать с надписью „Caisse de secours aux détenus socialistes russes". Французская судебная власть освободила их».[5]

В какой мере сообщение Орлова рассеяло сомнения Дрентельна, мы не знаем. Во всяком случае разрешение на въезд в Россию он Луканиной не дал, а на письмо Тургеневу не ответил; больше того: по-видимому, князь Орлов дал понять Тургеневу, что к его заступничеству за Луканину в высших сферах относятся неодобрительно.

Не об этом ли говорит запись Луканиной от 4 января 1879 г., передающая слова Тургенева: «...Д. не ответил на письмо, которое я написал ему. Орлов начинает плохо относиться...».[6] Д. — это А. Р. Дрентельн, Орлов — это князь Н. А. Орлов, посол в Париже. Это бесспорно. О ком другом мог говорить с Луканиной Тургенев именно тогда, когда ее больше всего интересовал вопрос о возвращении в Россию?

---

[5] Там же, лл. 188—188 об.
[6] «Северный вестник», 1887, № 3, стр. 60.

2

В своих воспоминаниях А. Н. Луканина не рассказывает о том, как и почему возникла у нее мысль обратиться с письмом не к Дрентельну или Орлову, а к Тургеневу, и ей ли принадлежит эта мысль. А Тургенев в письме к Дрентельну пишет о Луканиной так, как будто она мало ему знакома. Он знает ее по журналу «Вестник Европы», знает как писателя, он слышал о ней от бывшего Астраханского губернатора А. Н. Дегая да от официальных представителей Франции, которые сообщили ему, что история с ее арестом — «недоразумение», и высказали сожаление об обыске. И если А. Н. Луканина пишет, что он доставил ей возможность работать в «Вестнике Европы» и не отказал ей в «какой бы то ни было помощи словом и делом», то смысл этих слов состоит в том, чтобы оправдать новую и необычайную просьбу — просьбу написать к Дрентельну, чтобы ей дали возможность уехать в Россию. Никакого другого смысла в этих строках нет. Они не говорят ни о близости, ни даже о знакомстве. Иначе не потребовалось бы ей в письме рассказывать о родных, знакомых, о том, с кем она встречалась за границей. Он это бы знал; знал бы, конечно, и об ее семейной драме, об ее отношениях с мужем. А она пишет: Н. А. Альбини — «родной брат моей матери»; «тетушка моя Е. А. Рихтер, бывшая начальница Московского Николаевского Института», другая тетушка — Куколь-Яснопольская; дядя ее Алекс. Пав. Дегай — бывший Астраханский губернатор; «я виделась недавно с генералом Козловым», и т. д. Ясно, что знакомы они мало и поэтому она рассказывает ему эти подробности. Но она верит ему как писателю и поэтому пишет откровенно, что «о Дрентельне говорят как о человеке добром и справедливом», и она знает о хороших отношениях с ним Тургенева. И о том, что Дрентельн получит ее письмо, она не могла и подозревать. Письмо было слишком интимным, чтобы можно было предполагать, что Тургенев его отошлет Дрентельну. Но он его послал — и, послав, подчеркнул, что письмо искреннее. В этом не должен был ни на миг сомневаться Дрентельн. Вот если б ему, как шефу жандармов, она написала его, тогда можно было бы усомниться в искренности, а оно написано не ему, а любимому писателю, и предназначалось только для Ивана Сергеевича Тургенева. Как можно не поверить искренности письма? Как можно отказать Луканиной в желании вернуться в Россию, тем более, что об этом просит Тургенев, который ручается к тому же за ее благонадежность? Таков был замысел. Он должен был помочь Луканиной не только вернуться в Россию, но вернуться без неприятной переписки с Третьим отделением, без покаянных писем на имя императора, без разговоров с князем Орловым. От этого всего должно было избавить письмо Тургенева к Дрентельну, письмо Луканиной к Тургеневу.

Кому принадлежал этот план? Луканиной? Тургеневу? Когда он родился? Как осуществлялся он?

«В сентябре 1878 года мне пришлось вынести очень много тяжелого и неприятного», — пишет в воспоминаниях Луканина и продолжает: «4 ноября. Третьего дня я только на минуту видела Ивана Сергеевича,

встретила его во дворе его дома, затем мы прошли наверх и речь все время шла о моих личных делах. Сегодня я просидела у него дольше».[7] Следовательно, «минутка» не была астрономической. Она продолжалась и тогда, когда они были во дворе, и тогда, когда шли наверх, и тогда, когда «все время там речь шла о моих личных делах». Это было 2 ноября 1878 г. «Минутка» длилась еще дольше 4 ноября. По-видимому, в этот день и было принято окончательное решение, так как письмо Тургенева помечено 6 (18) ноября 1878 г. Но тогда как быть с датой письма Луканиной? Оно помечено 13 ноября по новому стилю, т. е. 1 ноября 1878 г. Конечно, его не могло быть тогда, оно написано, по-видимому, после первого разговора с Тургеневым, бывшего 2 ноября; еще вероятнее, что исправлялось оно после 4 ноября, когда Луканина «дольше» просидела у Ивана Сергеевича, — возможно, что именно тогда шло обсуждение проекта письма, окончательная редакция была утверждена позже. Об этом говорит постскриптум в письме Тургенева к А. Р. Дрентельну от 6 (18) ноября 1878 г., где речь идет об А. П. Дегае, о том, что от «официальных» лиц Тургеневу известно, что французская полиция сожалела об обыске и аресте Луканиной.[8]

Тургенев не пожелал, видимо, переписывать свое письмо к Дрентельну, но не счел возможным не упомянуть в нем о том, что утверждалось в письме Луканиной, которое он прочел после того, как написал свое. Таким образом, окончательный текст письма Луканиной не мог быть отредактирован ранее 5 (17) или, вероятнее всего, 6 (18) ноября. И это еще раз говорит о том, что оба документа подготовлялись одновременно, по сговору. Они не могут быть поняты один без другого.

3

Но отношение Тургенева к революционерам не может быть правильно понято без упоминания одного эпизода, происшедшего в эти же дни.

«Разговор перешел на другие предметы», — записала 11 декабря 1879 г. Луканина. «Иван Сергеевич вдруг вспомнил, что у него на днях был сын Ч. П. Л. очень заинтересовался тем, что это за человек, и высказал мнение, что, воспитанный П., он должен представлять из себя что-нибудь порядочное. „Это человек лет двадцати пяти, отвечал Иван Сергеевич, он приехал сюда домашним учителем у барона***, думаю, вследствие этого, что он юноша благонамеренный. Отца он, по-видимому, страстно любит, а к друзьям отца относится как к врагам. Он пишет стихи недурные — частью навеянные Гейне. Он читал их мне, и видно, что он еще очень молод“».[9]

«Сын Ч.» — это А. Н. Чернышевский. Ему было тогда как раз 25 лет, он приехал в Париж «домашним учителем у барона», его воспитывал «П.»,

---

[7] Там же, стр. 47, 49.

[8] *Письма*, т. XII, кн. 1, стр. 379.

[9] «Северный вестник», 1887, № 3, стр. 67—68. — Текст одного из стихотворений А. Н. Чернышевского, написанного «в результате этого свидания», приводит Н. М. Чернышевская в статье «Тургенев и А. Н. Чернышевский» (*Лит. насл.*, т. 76, стр. 702).

т. е. А. Н. Пыпин, он писал стихи. Сомнений быть не может: Тургенев рассказывал о свидании с А. Н. Чернышевским. Было ли это первое свидание? Возможно, так как сохранилось письмо Тургенева следующего содержания:

«Понедельник 19 ноября (1-го декабря) 1879 года.

Александр Николаевич.

Если Вам угодно пожаловать завтра около 12 часов ко мне, я очень буду рад Вас видеть.

Ив. Тургенев».[10]

Если А. Н. Чернышевский был у Тургенева 2 декабря, то Тургенев 11 декабря мог говорить Луканиной о том, что у него «на днях был сын Ч.». О подробностях их разговора мы ничего не знаем. Письма Чернышевского, описывающего это свидание, в архивах нет. Но свидание не было единственным. 21-го декабря н. ст. Луканина записала следующее: «Я сейчас до того кричал, что „охрип", сказал Иван Сергеевич. Был у меня сын Ч. и читал мне свои вялые стихи и потом вдруг заговорил о том, что все дурно, что только будущее будет хорошо, что тогда будет „красота", а теперь ее нет, и что все люди „звери". Я ему сказал: „Если бы я был зверь, я бы теперь бросился на вас и укусил бы вас, а я вот вас слушаю!" Не понимаю я этих людей, которые ничего хорошего в прошлом не признают ‹...› Так и этот юноша: все плохо в прошлом и все теперь плохо у других, а сам стихи пишет. Значит, считает свои стихи хорошими».[11]

Но ни в стихах 1878—1879 гг., ни в более поздних стихах А. Н. Чернышевского не звучали ярко гражданские мотивы, в них не было ни бичевания, ни обвинения. Его муза не была музою «мести и печали». Не было таких настроений и в произведениях Тургенева. Не тема поэзии заставила Тургенева выйти из себя, «кричать до хрипоты». Видимо, они говорили и еще о чем-то. О чем? Возможно, во время первого свидания речь шла о Н. Г. Чернышевском, о его друзьях, о каторге. Это была жгучая тема. Тургенев верно подметил, что «сын страстно любит отца», хотя едва ли помнил его, так как А. Н. Чернышевскому было 7 лет, когда арестовали Николая Гавриловича Чернышевского. И эта любовь заставляла постоянно думать о том, как избавить отца от каторги, как сократить ее срок. Не случайно чиновник департамента полиции писал, что А. Н. Чернышевский пошел добровольцем на фронт не только потому, что считал нужным участвовать в «святом деле» освобождения славян из-под власти турок, но и потому, что своей кровью думал «искупить вину отца», облегчить его участь. Но этого не случилось. И как раз после возвращения А. Н. Чернышевского из армии вплоть до его отъезда в Париж беспокойство об отце все возрастало.

Из месяца в месяц Ольга Сократовна требовала выяснить, в чем дело, почему перестали приходить из Вилюйска письма. «Я очень грущу, —

---

[10] *Письма*, т. XII, кн. 2, стр. 180.

[11] «Северный вестник», 1887, № 3, стр. 69, 70. — А. Н. Чернышевский читал Тургеневу стихотворения, которые впоследствии вошли в сборник: Из дней былых и этих дней. Fiat lux. СПб., 1900 (см.: *Письма*, т. XII, кн. 2, стр. 508).

писала она сыну, — о том, что папаша ничего не пишет. Уж здоров ли он, милый? С января месяца ни строчки. Просто с ума надо сойти» (письмо от 31 января 1879 г.). И еще раз: «От папаши нет никаких известий. Уж жив ли он, мой милый? Здесь ходят слухи, что он с ума сошел. Уж по-моему лучше умереть, чем быть сумасшедшим. Господи! Сколько мне приходится испытывать горя» (письмо от 12 июля 1879 г.).[12]

И через месяц вновь: «Я говорила Мише, чтобы он передал тебе мое желание подать от моего имени запрос в III отделение, жив ли папаша? Вспомни, мой друг, что от него последнее письмо было от 4-го (или 6-го) ноября. Хорошенько не помню. Ведь это целая вечность. Я и писать более не хочу ему. Бог знает! Может быть, его уже и на свете-то нет» (письмо от 27 августа). И еще: «Пожалуйста, мой друг, подай поскорее прошение в III отделение и проси, чтобы узнали, жив ли наш дорогой папаша» (письмо от 9 сентября); «Деньги-то ты прислал, мой друг, а вот не написал ничего, об чем я просила тебя, то есть узнать в III отделении, что делается с папашей и жив ли он?» (письмо от 17 сентября); «...как же это так? Папаша жив, здоров, а ничего не пишет несколько месяцев. Что за чепуха такая. Стало быть, ему почему-нибудь запретили переписываться со мною» (письмо от 30 сентября).[13]

Ольга Сократовна угадала причину молчания. Письма Чернышевского III отделение утаило, так как увидело в них новую попытку писать для печати. Это было бесспорно так. Стоило только выкинуть обращение к сыновьям или Ольге Сократовне, соединить два, три письма вместе — и получалась законченная статья или перевод статьи. Некоторые письма были и вовсе без подписи, они как бы предлагали подписать любую фамилию и отослать в журнал. Они были задержаны. И об этом не была, конечно, извещена Ольга Сократовна. Но Чернышевский понял, в чем дело, и перестал писать. На старика, около 17 лет проведшего в равелине и на каторге, вновь и вновь сыпались удары. Это было ясно и сыну.

Никакие слова, как бы жестоки они ни были, не могли передать всей гнусности поведения царского правительства по отношению к Чернышевскому. И очень возможно, что А. Н. в разговоре с Тургеневым не ограничился характеристикой жандармерии, но и бросил упрек либералам, которые в течение 17-летней каторги Чернышевского ничего не сделали для его освобождения. Даже Пыпин, который всем был обязан Чернышевскому, который к тому же мог выступать как ближайший родственник, — даже он просил не об освобождении, а лишь об облегчении участи Чернышевского, признавая его вину. Возможно, что во время второго свидания речь шла именно об этом. Судя по воспоминаниям Луканиной, это предположение подтверждается сформулированной Тургеневым мыслью А. Н. Чернышевского (все плохо в прошлом и все теперь плохо).

Теперь, после разговора, вызвавшего бурю, согласно записям Луканиной, Тургенев дает другую оценку стихам Чернышевского. Во время

---

[12] Чернышевский в Сибири. Переписка с родными. Выпуск III [1878—1883]. СПб., 1913, стр. 232 (Примечания).

[13] Там же, стр. 233.

первого свидания ему казалось, что часть стихов навеяна поэзией Гейне, что они не дурны; теперь он находит их «вялыми», теперь он дает иную, чем раньше, характеристику политического настроения А. Н. Чернышевского. Тогда он употребил термин «благонамеренный» и подчеркнул, что Александр Николаевич «к друзьям отца относится, как к врагам». Теперь первая часть характеристики исчезла, речь идет о том, что, по мнению А. Н. Чернышевского, только будущее светло и прекрасно, а прошлое плохо, настоящее гадко. Эти мысли не типичны для «благонамеренного», и вторая часть характеристики — «к друзьям отца относится, как к врагам» — теперь приобретает иной смысл. Раньше это утверждение можно было понять только так: к революционерам А. Н. Чернышевский относится, как к врагам. Но едва ли такое настроение могло вызвать бурю негодования у Тургенева, заставить его «кричать до хрипоты»; едва ли это могло дать повод к заявлению Тургенева: «Если бы я был зверь, я бы теперь бросился на вас и укусил». Все это могло быть вызвано только тем, что Тургенев в словах Чернышевского услышал упрек, обвинение своим друзьям, самому себе. Всего за несколько дней до этого разговора он жаловался А. Н. Луканиной, что его влияние недостаточно сильно, что Дрентельн ему на письмо не ответил, «Орлов начинает плохо относиться».[14] При таком настроении упрек в «зверстве» должен был восприниматься Иваном Сергеевичем как обида, незаслуженное оскорбление, мог вызвать «крики до хрипоты».

Далее мы приводим полный текст письма А. Н. Луканиной к Тургеневу от 13 ноября 1878 г.[15]

В. Н. Шульгин

Многоуважаемый

Иван Сергеевич,

Вы были настолько добры, что приняли участие в моем положении и не только доставили мне возможность работать в «Вестнике Европы», но и никогда не отказывали ни в совете, ни в какой бы то ни было помощи словом и делом. Поэтому и в настоящем затруднительном случае я опять-таки обращаюсь к Вам, а не к кому-либо другому. Не раз Вы, между прочим, высказывали мнение, что для дальнейших работ мне следовало бы хоть на время съездить в Россию, где я не была уже целых шесть лет, да ведь это самое горячее мое желание — вернуться в Россию, тем более, что, как Вы знаете, ни мои взгляды, ни образ мыслей не могут меня удерживать вдали от родных. Вас, может быть, удивит, что я в настоящем случае письменно обращаюсь к Вам, а не устно, но дело в том, что разговор вышел бы очень длинный и скучный, а письменно я сумею высказать все и короче и яснее и буду в состоянии отнять менее дорогого времени у Вас.

Для того, чтобы объяснить Вам, почему я не еду в Россию, при всем моем желании поехать туда, я должна начать издалека и рассказать Вам,

[14] «Северный вестник», 1887, № 3, стр. 60.
[15] *ЦГАОР*, ф. 109, 3 эксп., 1872, д. 215, ч. 2, лл. 178—179.

Как я уехала из России и где и как провела последние шесть лет. Я уехала из Петербурга в начале 72-го года, уехала от мужа, с которым не было возможности дальше оставаться, так как он не только мучил и оскорблял меня и истратил все мое состояние, но требовал еще и того, чтобы я поручалась по выдаваемым им векселям, чтобы я выпрашивала денег у родных и т. п. Об отношениях его ко мне в частностях рассказывать не стану, это было бы слишком тяжело и гадко описывать. Я уехала от мужа при помощи родного брата моего, Николая Ник‹олаевича› Рыкачева, — я говорила Вам о нем, он служит поручиком в Минском полку и во время настоящей кампании провел несколько месяцев на Шипке. Уехав из Петербурга, я отправилась в Цюрих, чтобы продолжать занятия медициной, — раньше я работала уже по анатомии и химии, работы мои были помещены в химическом журнале и в Bulletin de l'Académie des Sciences. Средства, которыми я в то время располагала, были частью занятые деньги, частью деньги, оставленные мне в наследство дядею моим, Николаем Антоновичем Альбини, родным братом моей матери. На эти средства я прожила до 74-го г., в котором дошла до практических занятий по медицине, настолько успешных, что я в разное время занимала как должность штатного клинического ассистента в Цюрихском кантональном госпитале, что соответствует ординатору, так и должность домашнего врача в Детской цюрихской больнице — в чем мне и выдано свидетельство от надлежащего начальства и профессоров. В 74-м году денежные средства мои истощились — по этой причине мне оказалось невозможным последовать приказанию Правительства и уехать из Цюриха в январе 74-го года. В Цюрихе я могла еще просуществовать, имея кредит у моих квартирных хозяев, затем кое-какую литературную и медицинскую работу и некоторую помощь от родных. Обратиться к родным за средствами на прожитие в другом месте я не могла — сумма вышла бы в год порядочно большая, а тетушка моя, Елизавета Антоновна Рихтер (бывшая начальница Московского николаевского института), сама женщина далеко не богатая, да и помимо этой причины была и другая: тетушка уже без того слишком многое делала для всего нашего семейства — понятно, что я, по возможности, старалась избегать случая сделаться для нее лишней обузой, тем более, что у нее есть свои дети и внуки. Вместе с тем я всегда была глубоко уверена, что мое пребывание в Цюрихе не поставится мне в вину, так как я осталась там только ради медицинских работ, а вовсе не для занятий посторонними вещами. Во всяком случае я искала возможности уехать не только из Цюриха, но и вообще из Швейцарии; возможность эта представлялась мне, однако, не ранее начала 75-го года, я тогда уже приготовлялась к сдаче докторского экзамена и писала свою диссертацию, — муж мой, Юлий Луканин, узнал об этом и нашел это время самым удобным для того, чтобы снова начать преследовать меня, пугая меня тем, что потребует меня к себе чрез Русскую миссию. Причиной его застращиваний было желание получить от меня денег на затеваемые им спекуляции. Всю эту проделку он сделал не только в надежде заставить меня откупиться от него, но также с мыслью, что тетушка моя, Рихтер, и Куколь-Яснопольская испугаются за меня и постараются задобрить его день-

гами. Тетки мои даже не отвечали на его письма, а сообщали обо всем мне, советуя уехать куда-нибудь на время для избежания скандала, оскорблений и постоянного шантажа. Впрочем, историю проделок г-на Луканина со мною Вам передавал уже дядя мой Александр Павлович Дегай (бывший астрах‹анский› губернатор). Я последовала совету тетушек и уехала на их же средства в Америку, где сначала была с полгода ассистентом в Бостонском госпитале для женщин и детей (New England Hospital), а затем, прослушав зимний курс в женской медицинской коллегии в Филадельфии, держала там же экзамен на доктора медицины в марте 76-го года. После этого я вернулась в Европу с намерением тотчас отправиться в Россию, но не могла этого сделать потому, что у меня оказалась на руках полоумная и больная сестра; в это же время данные мне тетками деньги пришли к концу, и снова пришлось мне сидеть у моря и ждать погоды. Хлопотала я и о том, чтобы попасть фельдшерицей, если не доктором, на войну, но это не устроилось, а потом здоровье мое оказалось надломленным усидчивой работой, как медицинской, так и той, которую мне пришлось делать для зарабатывания насущного хлеба, — я корреспондировала и в «Здоровье», и в «Военно-медиц‹инский› журнал», и в др. Теперь, когда средства мои стали опять лучше, благодаря доставленной мне Вами же работе в «Вестн‹ике› Европы», должна же была еще случиться эта необъяснимая для меня до сих пор история с парижской префектурой. Конечно, все теперь кончено, префект убедился, что я даже по имени не знаю людей, привлеченных в качестве обвиняемых по делу конгресса, и обещал мне заявить нашему правительству, если это потребуется, что я человек смирный, — но во всяком случае все эти опросы и допросы чуть было не заставили меня не на шутку расхвораться, а главное принудили на время отложить поездку домой, пока все дело окончательно разъяснится. Теперь оно отчасти разъяснилось, т. е. я знаю не то, почему именно меня вздумали допрашивать, а то, что меня ни в чем лично не обвиняли, и поэтому я вполне уверена, что эта история не может служить мне помехою для возвращения на родину. Но в то же время я серьезно опасаюсь, что как только перееду границу, то г-н Луканин примется за старые попытки шантажа, несмотря на то, что в настоящую минуту открыто живет с другою женщиной. Все это длинное изложение моих обстоятельств я вела к тому, чтобы сделать Вам вполне понятным, Многоуважаемый Иван Сергеевич, какого рода просьба у меня к Вам. Я хочу ехать в Россию и жить там безопасно от г-на Луканина, поэтому мне нужен отдельный вид на жительство. Насколько мне известно, такой вид может быть выдан мне только III-м Отделением. Вы, Многоуважаемый Иван Сергеевич, упоминали мне о старом Вашем знакомстве с генералом Дрентельном, — не могли ли бы Вы быть так несказанно добры и замолвить ему слово обо мне. Говорят, что он человек добрый и справедливый, тем скорее была бы надежда на то, что он мне в виде не откажет, особенно же если Вы разъясните ему, каково мое положение. Как только я получу вид, обеспечивающий меня от преследований мужа, то ничто не будет в состоянии удержать меня здесь, — право, невтерпеж мне жизнь заграничная. В особенности же тяжело мне было

сидеть здесь, когда я получала письма от брата и вообще известия с театра войны, будь у меня малейшая возможность уехать, — и я, конечно, была бы там. — Помимо литературной работы цель моя, вернувшись в Россию, была бы сдача докторского экзамена в наискорейшем времени. Тут у меня опять просьба к Вам — дело вот в чем: я виделась недавно с генералом Козловым и знаю, что бумаги мои дают мне право на экзамен, но я не знаю, не будет ли какого-нибудь препятствия со стороны III Отделения. Я-то лично думаю, что не за что и быть, но мне все-таки приятно было бы наперед знать, что против меня ничего не имеют, тогда я с спокойным духом удалилась бы на время от всего житейского и засела бы снова за свои учебники. Нельзя ли бы Вам узнать у генерала Дрентельна, чем мне на самом деле приходится считать себя: благонамеренною ли особою, которая стремится достичь возможности быть полезной своему Отечеству всем, чем сумеет, — или же «un cerveau brulé»,[16] которая в сущности сама не знает, чего хочет. Я-то об себе вот что думаю: если бы мне открылась возможность попасть куда-нибудь доктором, то я ни времени, ни сил не пожалела бы на то, чтобы принести наибольшую долю пользы, на которую способна. Впрочем, что об этом говорить, душа изнывает при одной мысли о том, сколько еще воды утечет до той поры, пока мне дастся возможность употребить на дело те небольшие знания, которые мне удалось приобрести ценою стольких усилий и лишений. Обстоятельства мои устроились вообще очень нескладно. Ко всему, что я Вам писала, у меня еще и паспорт просрочен — конечно, во многом виновато не только опасение преследований со стороны г-на Луканина, но и плохое мое здоровье, также мешавшее моему возвращению в Россию, не переменила же я паспорта вовремя потому, что у меня не было в то время денег на уплату бланкетных пошлин. А что их действительно не было, это Вы знаете: я даже думаю, что, пожалуй, умерла бы с голоду, если бы не работа в «Вестнике», — обращаться же с просьбой о деньгах к родным мне было слишком тяжело, я и то им и многим из моих знакомых и то слишком много обязана. Теперь резюмирую кратко то, о чем я так пространно просила Вас: мне нужен вид на отдельное от мужа жительство; нужен паспорт заграничный и еще то, чтобы с меня не брали штрафа за невольную просрочку; затем необходимо знать, будет ли препятствие к тому, чтобы я сдала экзамен на право врачебной практики в России. — Я знаю, многоуважаемый Иван Сергеевич, что Вы не откажете мне в Вашей помощи, и поэтому я наперед благодарю Вас за нее и прошу Вас принять вместе с моею благодарностью уверение в моем глубоком уважении и преданности, с которыми остаюсь

Аделаида Луканина

Париж, 13 ноября 1878 г.

---

[16] «Сумасбродная голова» (*франц.*).

ТУРГЕНЕВ И «ЛАВРОВСКАЯ ИСТОРИЯ»

2 (14) февраля 1881 г. в «Обществе взаимного вспоможения и благотворительности русских художников в Париже»[1] состоялся литературно-музыкальный вечер,[2] окончившийся скандалом и грозивший чуть ли не распадом «Обществу». Сведения об этом вечере содержатся в воспоминаниях П. Л. Лаврова, И. Я. Павловского, Р. Хин (Гольдовской), А. Н. Луканиной и А. П. Боголюбова.[3] Из этих воспоминаний известно, что для русских эмигрантов посещение клуба «Общества» «считалось немыслимым».[4] Но вопреки традиции на вечере, состоявшемся 2 (14) февраля, присутствовали русские эмигранты — «жители латинского квартала» — и их «коновод» П. Л. Лавров, приглашенный лично Тургеневым.[5] Из-за острого приступа подагры Тургенев на вечере не присутствовал.[6] По его просьбе на вечере выступили с чтением своих произведений Павловский, Луканина и Н. Минский.[7]

На следующий день, т. е. 3 (15) февраля, «разразилась буря»[8] и «началось расследование», кто дал пропуск Лаврову, и «на Тургенева набросились, как на человека, подрывающего основы государства».[9] Барон Л. А. Фредерикс — военный атташе, член Комитета «Общества» — послал донос в Петербург. Фредерикс уведомил «кого следует» и, опасаясь за свою репутацию, вышел из числа членов «Общества».[10] Возможно, по его инициативе «Общество» составило даже проект протеста, направленный против Тургенева, который в силу сложившихся обстоятельств также «имел в виду выйти из Общества».[11] Инцидент был улажен русским

---

[1] В некоторых документах и воспоминаниях оно называется «Обществом русских художников».

[2] См. письмо Тургенева П. Л. Лаврову от 21 января (2 февраля) 1881 г.: *Письма*, т. XIII, кн. 1, стр. 44.

[3] П. Л. Лавров. И. С. Тургенев и русское общество. *Революционеры-семидесятники*, стр. 65—66; И. Я. Павловский. Воспоминания об И. С. Тургеневе. «Русский курьер», 1884, № 196, 18 июля; Р. Хин. Глава из неизданных записок. В кн.: Под знаменем науки. Юбилейный сборник в честь Н. И. Стороженка, М., 1902, стр. 377—383; А. Л. ‹А. Н. Луканина›. Мое знакомство с Тургеневым. «Северный вестник», 1887, № 3, стр. 47—88; А. П. Боголюбов. Записки моряка-художника. *ГПБ*, ф. 82, № 1—5. Частично опубликованы: *Лит. насл.*, т. 76, стр. 457—459.

[4] Р. Хин. Глава из неизданных записок, стр. 377.

[5] *Письма*, т. XIII, кн. 1, стр. 44; Р. Хин. Глава из неизданных записок, стр. 378; *Лит. насл.*, т. 76, стр. 457.

[6] *Письма*, т. XIII, кн. 1, стр. 53 (письмо Н. Э. Саксу от 2 (14) февраля 1881 г.); Р. Хин. Глава из неизданных записок, стр. 380; *ГПБ*, ф. 82, № 5, л. 6 (об.).

[7] А. Л. ‹А. Н. Луканина›. Мое знакомство с Тургеневым, стр. 76; Р. Хин. Глава из неизданных записок, стр. 377.

[8] И. Павловский. Воспоминания об И. С. Тургеневе.

[9] «Киевская мысль», 1918, 4 (17) ноября, № 217; перепечатано: *Тургенев и его время*, стр. 323.

[10] *ГПБ*, ф. 82, ед. хр. 4, л. 57 и ед. хр. 5, л. 6 об.; ср.: *Революционеры-семидесятники*, стр. 66; И. Павловский. Воспоминания об И. С. Тургеневе.

[11] *Революционеры-семидесятники*, стр. 66; Письмо к А. П. Боголюбову от 10 (22) февраля 1881 г.: *Письма*, т. XIII, кн. 1, стр. 59—60.

послом в Париже, президентом «Общества», кн. Н. А. Орловым по просьбе Тургенева,[12] после чего «Общество» приняло новый устав, устраняющий возможность появления «неприятных личностей».[13]

Письмо Боголюбова из Парижа от 6 (18) марта 1881 г. к великому князю Владимиру Александровичу, президенту Академии художеств, содержащее объяснение истории на вечере в клубе «Общества», позволяет уточнить и дополнить уже имеющиеся сведения.[14] Приводим выдержки из подробного письма-донесения Боголюбова президенту Академии художеств. «Главным составителем» вечера являлся Тургенев, которым была «установлена программа чтений и музыка», а «ход и распоряжение» вечером он «возложил на своего помощника г. Сакса, которого просил прочитать публике извинительное письмо перед гостями и заявление о его внезапной болезни» (л. 1).[15] На вечер «входили без билетов, по личным приглашениям членов Общества, что было главною ошибкою комитета и почему в собрании очутился Лавров, сказавший г. Саксу при входе, что входит на имя Тургенева» (л. 1 об.). «...в перебой с музыкой читались литературные статьи г. Павловского, госпожою Луканиной, а поэзия г. Минским (псевдоним) Виленкиным, т. е. авторами своих произведений. — Характер чтения был скучный, обличительного несчастного свойства, но не политический. Но в конце вечера Минский стал читать стихотворение под названием „Две ступени", где изображалось шествие на казнь преступника, оканчивающееся после невозможного раскаяния тенденциозным сюрпризом вовсе не цензурным» (л. 1 об.).[16] В «Воспоминаниях моряка-художника», не называя имени поэта и заглавия стихотворения, Боголюбов пишет, что поэт прочел о том, «как Каракозова вели на виселицу и его думы».[17] Это дает основание предполагать, что «тенденциозный сюрприз» «нецензурного» свойства заключался в упоминании имени Каракозова и намеках на цареубийство (заметим кстати, что все это происходило в преддверии событий 1 марта 1881 г.). На вопрос Боголюбова, «было ли стихотворение заявлено Ив. Сер. Тургеневу», Минский ответил, «что он его написал в ночь» (л. 1 об.). Из этого следует, что Тургенев, вероятно, не был осведомлен о характере политического выступления лавристов против монархистов. Но в организации этой встречи Тургенев

---

[12] *Лит. насл.*, т. 76, стр. 458.

[13] *Революционеры-семидесятники*, стр. 66; И. Я. Павловский. Воспоминания об И. С. Тургеневе.

[14] *ЦГИА*, ф. 789, оп. 11, 1881, № 248, лл. 1—4. (Дальше ссылки на это письмо даются в тексте).

[15] Письмо А. Я. Саксу от 2 (14) февраля 1881 г.: *Письма*, т. XIII, кн. 1, стр. 53.

[16] Речь, вероятно, идет о стихотворении Н. Минского «Последняя исповедь», напечатанном в 1879 г. в нелегальном революционном издании «Народная воля» без подписи автора. Стихотворение посвящено казненным. Под заглавием «Казнь жирондиста» вошло в сборник: Стихотворения Н. Минского (1877—1882). СПб., 1883, стр. 40—43. — Под заглавием «Казнь» напечатано также: Н. Минский, Полное собрание стихотворений, т. I, СПб., 1907, стр. 109—113.

[17] *Лит. насл.*, т. 76, стр. 458.

принял самое непосредственное участие.[18] Утром 3 (15) февраля Боголюбов был у Тургенева и сообщил ему о происшедшем на вечере инциденте. По словам Боголюбова, Тургенев «всю вину взял на себя», просил не докладывать о случившемся, надеясь «дело устроить как следует» через кн. Орлова, которого хотел просить «выручать».[19]

Тургенев «был очень встревожен, вполне сознавал свою опрометчивость, могущую погубить наше юное общество», и принял решение «лично видеть президента князя Орлова, которому объяснит все, а меня просил до времени не докладывать его сиятельству о случившемся. Но несмотря на его просьбу, я просил генерального консула г. Карцова как очевидца сказать послу, что следует, что было сделано» (л. 2). В тот же день, вскоре после Боголюбова, Тургенева посетил кн. Орлов. «Что они говорили, не знаю», — пишет Боголюбов; но после этой встречи художник «в 2 часа пополудни был приглашен явиться к послу» (л. 2). На другое утро, т. е. 4 (16) февраля, Боголюбов созвал экстренное заседание Комитета, на котором было зачтено следующее письмо президента «Общества» кн. Орлова, обращенное к членам Комитета (Боголюбов приводит копию этого письма: л. 2—2 об.):

«М‹илостивый› г‹осударь› Алексей Петрович! По дошедшим до меня сведениям, одно лицо, неоднократно заявлявшее в печати свое враждебное расположение к нашему правительству, было приглашено на вечер, данный О‹бщест›вом русских художников 14 февраля настоящего года. На том же вечере были читаны стихи политического содержания. Имея честь быть президентом Общества русских художников, я обращаюсь к Вам, как председателю распорядительного Комитета, приглашая Вас принять на будущее время надлежащие меры для избежания приглашения лиц, явно враждебных правительству, и для недопущения чтения вслух произведений политического содержания».

Далее следует выписка из протокола заседания Комитета 4 (16) февраля 1881 г.:

«По прочтении этого письма Комитет вполне оценил благосклонное отношение почетного президента Общества к возникшему недоразумению, с благодарностью приняв его сообщение, постановил: принять указания его сиятельства в руководство своих действий и признать следующие меры необходимыми:

«Вход на имеющие быть литературно-музыкальные вечера О‹бщест›ва контролируется следующим образом: каждый член О‹бщест›ва получает

---

[18] Интересные сведения по этому поводу приводит Р. Хин (Гольдовская). Приглашенные на вечер русские эмигранты, узнав, что Тургенева не будет, «видели в этом измену» и уверяли, «будто ему уж досталось за эту затею». Р. Хин была на следующий день у Тургенева, когда ему «дали понять, как некорректно вводить подозрительный элемент в порядочное общество», на что Тургенев с возмущением отвечал: «Нет, каково холопство, какова трусость ‹...›. И добро бы это было где-нибудь на Старой Басманной ... а то ведь где? В Париже!! Чего, кажется, бояться ..., а все трепещут!» (Р. Хин. Глава из неизданных записок, стр. 381—382).

[19] *Лит. насл.*, т. 76, стр. 458.

один билет (сверх этого по усмотрению Комитета) для входа гостьи (так как мужского пола не допускаются), вписывая имя приводимой особы на билете. — Входные билеты сохраняются для контроля Комитетом. Допускаются на вечера только жены, дочери, сестры и матери членов. Билеты получаются в Комитете. Программа вечеров просматривается и утверждается Комитетом, причем каждое лицо, участвующее в чтении, обязано предварительно представить в Комитет то произведение, которое будет прочитано, после чего утвержденная программа уже ни в каком случае не изменяется.

«Касательно художественных произведений тоже поставлено: „Художественные произведения принимаются на выставку общества только по утверждению Комитета“» (л. 2 об.).

Протокол заседания Комитета и новый устав «Общества» были представлены Н. А. Орлову и одобрены им, после чего Комитет принял решение созвать общее собрание членов «Общества», чтобы зачесть письмо кн. Орлова и принятые Комитетом новые правила (л. 3).

По-видимому, общее собрание членов «Общества» состоялось во вторник 10 (22) февраля 1881 г. (обычный день заседаний со дня основания «Общества»). К этому собранию было приурочено письмо Тургенева к Боголюбову, написанное утром во вторник 10 (22) февраля, в котором он просил Боголюбова передать Комитету сожаление, что «приглашением Лаврова» «причинил неудовольствие и вызвал просьбу об отставке барона Фредерикса», и выразил надежду, что «это, в сущности, незначительное дело будет предано забвению» и «юному Обществу не предстоит крушения».[20]

Принятые Комитетом меры кн. Орлов, по словам Боголюбова, признал достаточными, чтобы считать инцидент «оконченным вполне» (л. 3).

Однако последовавшие вскоре события 1 марта 1881 г. снова привлекли внимание к вечеру в клубе «Общества». 5 (17) марта 1881 г. Боголюбов получил следующую телеграмму за подписью конференц-секретаря Академии художеств П. Ф. Исеева: «По воле его высочества сейчас отвечайте, что у вас читал в Обществе Лавров и кто был с ним?».[21]

6 (18) марта 1881 г. Боголюбов отправил в Петербург приведенное нами донесение президенту Академии художеств о вечере, прося «милостиво посмотреть» на это «несчастное дело», которое «некоторые наши члены и посторонние недоброжелатели старались обратить в пожар» (л. 3).

«Что же касается до Лаврова, — писал Боголюбов, — то он тотчас по окончании вечера ушел, а потому смысл телеграммы Петра Федоровича Исеева, „ce qu'il lisait“ и почему его не остановили, не верен, ибо Лавров в чтении никогда не участвовал» (л. 1 об.—л. 2).

Опасаясь все же за судьбу «Общества», художники решили обратиться с адресом к Александру III. «На другой день после присяги, — пишет Боголюбов, — мы попросили Ив. Сер. Тургенева составить нам адрес к но-

---

[20] *Письма,* т. XIII, кн. 1, стр. 59—60.

[21] *Лит. насл.*, т. 76, стр. 458. — См. также письмо А. П. Боголюбова президенту Академии художеств от 6 (18) марта: *ЦГИА*, ф. 789, оп. 11, 1881, ед. хр. 248, л. 1—1 об.

вому императору, что он исполнил в коротких, но весьма прочувственных словах».[22] Сохранилась копия этого адреса: «Дело по всеподданнейшим адресам различных лиц государю императору».[23] Одна из главных мыслей адреса выражена в следующих его словах: «Комитет, который имел счастье видеть в Вашей особе, августейший государь, своего покровителя, дерзает надеяться, что и впредь Ваше величество удостоите наше Общество своим высоким вниманием, которое все мы потщимся заслужить».[24] Адрес подписали: Алексей Боголюбов, Алексей Харламов, Иван Тургенев, Юрий Леман, Антокольский, барон Гораций Гинцбург, Романн, Иолов.

18 (30) марта 1881 г. в русское посольство в Париже было отправлено на имя Боголюбова письмо за подписью министра двора графа А. В. Адлерберга, в котором он уведомлял о получении адреса, благосклонно принятого Александром III.[25]

23 марта (4 апреля) 1881 г. конференц-секретарь Академии художеств П. Ф. Исеев по поручению президента вел. кн. Владимира Александровича отправил Боголюбову письмо следующего содержания: «Е‹го› и‹мператорское› в‹ысочество›, президент, прочитав донесение Ваше о литературно-музыкальном вечере, состоявшемся 2/14 февраля в помещении Общества русских художников, соизволит приказать мне передать Вам, м‹илостивый› г‹осударь›, что е‹го› и‹мператорскому› в‹ысочеству› было крайне прискорбно узнать о допущении в среду русских художников лиц, враждебных правительству русскому, и еще прискорбнее, что им дозволено было читать свои произведения. Е‹го› и‹мператорское› в‹ысочество›, ввиду новых правил, гарантирующих Общество на будущее время от вторжения элемента, ничего не имеющего общего с искусством, пока сохраняет Обществу свое покровительство, оставаясь в полной уверенности, что Общество сумеет оценить доверие е‹го› п‹ревосходительств›а».[26]

«Лавровскую историю» припомнили Тургеневу в связи с высылкой Лаврова из Парижа. 12 февраля 1882 г. в газете «Gaulois», редактировавшейся реакционным русским публицистом И. Ф. Ционом, появилась статья, где упоминалось о введении Тургеневым в парижское «Общество русских художников» Лаврова, которого Тургенев «при помощи своих связей спасал несколько раз».[27] На следующий день, 13 февраля 1882 г., в «Gaulois» и вечером того же дня в «Temps» появилось ответное письмо Тургенева, отрицавшего какие-либо связи с Лавровым, кроме литературных.[28]

Этому официальному заявлению Тургенева противоречат как хлопоты писателя в связи с высылкой Лаврова из Парижа,[29] так и организованная

---

[22] *ГПБ,* ф. 82, ед. хр. 4, лл. 58 об. и 68.

[23] *ЦГИА*, ф. 472, оп. 38 (411/1931), 1881—1882, ед. хр. 24, л. 14.

[24] Черновик адреса, написанный рукою Тургенева, находится в *ЦГАЛИ* (ф. 705, оп. 1, ед. хр. 87). См. о нем: Л. И. Кузьмина. Тургенев и художник Н. Д. Дмитриев-Оренбургский. *Тургенев, Сб.*, вып. III, стр. 267.

[25] Отпуск с письма А. Адлерберга см.: *ЦГИА,* ф. 472, оп. 38 (411/1931), 1881—1882, ед. хр. 24, л. 15.

[26] *ЦГИА*, ф. 789, оп. 11, 1881, ед. хр. 248, л. 5—5 об.

[27] *Революционеры-семидесятники*, стр. 71—72.

[28] *Сочинения*, т. XV, стр. 190—191.

[29] *Письма,* т. XIII, кн. 1, стр. 191—192.

им встреча «Орловых» и «Лавровых»[30] в клубе художников в Париже 2 (14) февраля 1881 г., чуть было не закончившаяся политическим скандалом.

Е. А. Гитлиц

ПОСОЛ ОТ РУССКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

(К ОРГАНИЗАЦИИ «ОБЩЕСТВА ВЗАИМНОГО ВСПОМОЖЕНИЯ И БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ РУССКИХ ХУДОЖНИКОВ В ПАРИЖЕ»)

Потребность в благотворительности среди русских, живших в Париже в 70-е годы, значительно возросла в связи с событиями русско-турецкой войны и резким падением курса русского рубля. Материальную нужду испытывали различные круги русских: учащаяся молодежь (среди которых преобладали художники — пенсионеры Академии художеств), политические эмигранты и т. д. Насущным стал вопрос об учреждении благотворительного общества для русских. Современник и корреспондент Тургенева, Б. А. Чивилев, писал: «В Париже почти все нации имеют общества взаимного вспомоществования ‹...›, и только мы, православные россияне, до сих пор не сумели или не желали основать подобного общества взаимного вспомоществования ‹...›. Вследствие такого положения дела, нищета именно русских в Париже достигает легендарных размеров ‹...›. В подобных-то случаях Тургенев и являлся в качестве истинного благодетеля».[1]

Своеобразным центром притяжения русских, нуждающихся в разных видах помощи, был в те годы в Париже Тургенев. Поддерживая постоянную живую связь с русским искусством, он был во Франции поистине (говоря словами его современника, М. М. Ковалевского) «послом от русской интеллигенции».[2] Его переписка за многие годы, а также воспоминания современников ярко характеризуют Тургенева с этой стороны.[3]

Достойна удивления и восхищения расточительная щедрость великого писателя, тратившего на многочисленных просителей время, душевную энергию, деньги. Тургенев заботился о выставках русских художников, о литературно-музыкальных утренниках и вечерах, даваемых с благотворительной целью, о русских ученицах П. Виардо; ссужал сам нуждающихся или ходатайствовал перед богатыми соотечественниками о денежных ссудах для них. Тургенев добровольно взял на себя обязанности секретаря «Общества взаимного вспоможения и благотворительности русских художников в Париже», с тем чтобы добросовестно выполнять их до конца жизни. Есть немало свидетельств членов «Общества» о том, что

---

[30] «Русское слово», 1908, 18 (31) января, № 15.

[1] «Русские ведомости», 1883, 11 октября, № 279.

[2] М. М. Ковалевский. Воспоминания об И. С. Тургеневе. «Минувшие годы», 1908, № 8, стр. 118.

[3] См., например: А. Л. ‹А. Н. Луканина›. Мое знакомство с Тургеневым. «Северный вестник», 1887, № 3, стр. 60; П. Д. Боборыкин. У романистов. «Слово», 1878, № 11, отд. XI, стр. 41.

Тургенев был его главным инициатором и организатором.[4] Глава русских художников в Париже — А. П. Боголюбов, — говоря у гроба Тургенева 1 октября 1883 г. на парижском Северном вокзале об огромном влиянии великого писателя среди русских художников в Париже, так определил его заслуги в деле организации «Общества»: «Всем известно, что в Париже существует наше небольшое общество, основанное в день достопамятного взятия Плевенского. Возникновением своим оно немало обязано Тургеневу как главному учредителю, постоянному члену Комитета и секретарю...».[5] «Общество» было учреждено 10 декабря 1877 г. Его организаторами и наиболее действенными членами стали А. П. Боголюбов, М. М. Антокольский, Н. Д. Дмитриев-Оренбургский, Г. О. Гинцбург (последний был основным вкладчиком, он же предоставил «Обществу» помещение для клуба и мастерской на Rue Tilsitt, 18). В «Общество» вошли художники А. А. Харламов, И. П. Похитонов, Ю. Я. Леман, И. М. Прянишников, В. В. Матэ, М. Я. Виллие, Л. И. Пржепиорский, Н. А. Лаверецкий, А. К. Лавецарри и др. С деятельностью «Общества» были связаны периодически приезжавшие в Париж И. Е. Репин, В. Д. Поленов, И. Н. Крамской, В. М. Васнецов. Были причастны к «Обществу» русский посол Н. А. Орлов, консул А. М. Кумани (они входили даже в состав Комитета «Общества», а Н. А. Орлов был его президентом); в России — С. И. Мамонтов,[6] М. М. Стасюлевич[7] и др. Был составлен устав «Общества», «над которым, — по свидетельству А. П. Боголюбова, — немало потрудился Ив. С. Тургенев...».[8]

Целью «Общества» было сплочение русских на чужбине, «всё русское вообще» — как определил это М. М. Антокольский. Но, будучи «Обществом русских художников», «Общество», естественно, ставило перед собой задачи, связанные с русским изобразительным искусством: поддержка художников, лишенных помощи Академии художеств, популяризация произведений русских художников на Западе. Поддерживая русское национальное искусство, «Общество» противостояло официальному курсу Российской Академии художеств. Среди членов «Общества» были члены Товарищества передвижных выставок (А. П. Боголюбов — с 1873 г., А. А. Харламов — с 1882 г., Ю. Я. Леман — с 1881 г.).

Уже в первые месяцы своего существования «Общество» стремилось наладить контакт с передвижниками. В письме к Крамскому от 2 (14) января 1878 г. Боголюбов сообщал: «Пока мы открываем здесь Общество взаимного вспомоществования художников, набрали уже более 60 членов — по 25 f. не менее, а более сколько угодно. Конкретно это утвердят здесь; сейчас же пошлем министру Тимашеву[9] на утверждение и приобретение гражданства в России, ибо действуем явно, но не тайно, и тогда

---

[4] См. об этом также: *Тургенев, Сб.*, вып. III, стр. 260.

[5] А. П. Боголюбов. Записки моряка-художника. *ГПБ*, ф. 82, № 5, л. 14. Опубликовано: *Лит. насл.*, т. 76, стр. 446.

[6] См.: *Антокольский*, стр. 340.

[7] См. об этом ниже, стр. 278.

[8] А. П. Боголюбов. Записки моряка-художника. *ГПБ*, ф. 82, № 4, л. 40. — Опубликовано: *Лит. насл.*, т. 76, стр. 451.

[9] А. Е. Тимашев — министр внутренних дел.

взойдем с предложениями в Товарищество передвижных выставок, чтобы Вы нас тоже знали и вступили в дело присылкой картин».[10] В 1878 г. в Париже готовились к Всемирной выставке. В цитируемом выше письме Боголюбова нашло отзвук стремление «Общества» (и лично Тургенева) содействовать сколь возможно широкому показу на ней произведений русских художников. Боголюбов пишет здесь «о будущем представительстве наших художников в Российском отделе живописи». Отвечая на совет Крамского «приискать здесь ‹в Париже› помещение или выхлопотать у посла,[11] чтобы он построил нам павильон для нашей выставки», что это сделать невозможно, он продолжает: «Вот почему, обсуждая вопрос с Тургеневым, Антокольским и другими, мы пришли к убеждению сказать Вам, что единое средство — это найти в России капиталиста, который бы пошел на дело так: дал бы на операцию 60 т. ф., на что барак выстроить здесь можно, другие 20 т. фр. на отправку картин и их застраховку — которые в сумме 80 т. ф. ему возвратятся из входных билетов и, пожалуй, с процентами ‹...›. Но денег нет — нет и швейцара! — говорит пословица...».[12]

Художественным выставкам «Общество» уделяло большое внимание. За те годы, когда Тургенев был членом и секретарем «Общества», было устроено три выставки произведений художников, входящих в состав «Общества». Наибольшее количество откликов в печати и отражение в переписке и воспоминаниях современников Тургенева вызвала III выставка, открытая 8 (20) февраля 1882 г.[13] Письма Боголюбова к Крамскому и другим лицам дают основание предположить здесь сознательную усиленную рекламу выставки со стороны руководителей «Общества» и объяснить это следующим. После так называемой «лавровской истории» в 1881 г.[14] «Обществу» грозило закрытие. Широко оповещая русскую и парижскую публику о выставке 1882 г. (а также и о литературно-музыкальном вечере),[15] Боголюбов и другие члены «Общества» (например В. В. Матэ[16]) подчеркивали благосклонное внимание к ней высокопоставленных особ, светский характер вечера и т. п. Будучи самым искренним радетелем за русское искусство (не говоря о том, что он был основателем первого радищевского музея), Боголюбов, однако, прочно стоял на монархических позициях,[17] и его старания загладить политический инцидент и «реабилитировать» «Общество» в глазах публики (и, конечно, русского правительства) были особенно рьяными. В письме к Крамскому[18] он писал: «До Вас,

---

[10] *ГРМ*, ф. 15, № 5, л. 42.

[11] Н. А. Орлов — русский посол в Париже, президент «Общества».

[12] *ГРМ*, ф. 15, № 5, л. 43.

[13] «Times», 1882, 8 (20) февраля; «Nouvelle Revue», 1882, 15 марта; «Одесский листок», 1882, 18 февраля (2 марта), № 39; «Новое время», 1882, 9 (21) марта, № 2165.

[14] См. выше: Е. А. Гитлиц. Тургенев и «лавровская история» (стр. 270—275).

[15] См.: *Тургенев, Сб.*, вып. III, стр. 267.

[16] См.: там же, вып. II, стр. 320.

[17] См.: И. Д. Смолянов. К истории основания Радищевского музея в Саратове. В кн.: Радищев. Статьи и материалы. Л., 1950, стр. 268—276.

[18] *ГРМ*, ф. 15, № 6, л. 34 (письмо от 6 апреля 1882 г.).

может, дошли слухи, что в нашем Парижском О‹бщест›ве художников был *скандал* и открыта *выставка*, последняя очень удалась и много о ней писали во всех газетах и дельно, а скандал, он в Питере вырос до размера заговора, бунта и хуже — сила в том, что упущение было, но распорядитель вечера И. С. Тургенев захворал накануне — программу изменили самовольно, без его цензуры, и г. Минский прочитал бесцензурное стихотворение, а кроме этого, пришел Лавров — посидел и ушел, ничего более, что, конечно, было невозможно никак, ибо государь император — покровитель Общества,[19] а Лавров печатно любовался Гартманном».[20] Боголюбов предпринимает практические шаги с целью «оправдания» «Общества» перед русской публикой. В письме к А. Н. Пыпину от 2 (14) января 1882 г.[21] он просил своего адресата походатайствовать перед редактором газеты «Порядок» М. М. Стасюлевичем (напоминая, что последний является членом «Общества») относительно публикации отчета о литературно-музыкальном вечере, состоявшемся 1 (13) января 1882 г. (где подчеркивалось, что в числе посетителей вечера был великий князь Константин Николаевич), а также объявления об открытии третьей бесплатной выставки русских художников, проживающих в Париже. Среди ее участников были названы М. М. Антокольский, А. П. Боголюбов, И. Е. Репин, Н. Д. Дмитриев-Оренбургский, А. А. Харламов, Ю. Я. Леман, А. Н. Шиндлер, Э. К. Липгарт, И. П. Похитонов, Р. Ф. Романн, В. В. Матэ, И. М. Прянишников и др.

Готовя свою третью выставку, «Общество» надеялось также на выступление в печати по этому поводу своего секретаря — Тургенева. И потому, когда руководители «Общества» снова возвратились в 1882 г. к мысли о создании выставки русского искусства, где экспонировались бы русские художники, жившие в Париже и в России, Тургенев, уже тяжело больной, обратился с письмом к Крамскому.[22] Письмо это представляло собой и официальное обращение «Общества» к Товариществу передвижных выставок, и программный документ, где Тургенев изложил свои взгляды на русское искусство.[23] Интересным комментарием к этому письму Тургенева, в котором он, как секретарь «Общества», предлагает организовать совместную выставку русского искусства, является письмо Боголюбова к Крамскому от 20 декабря 1882 г.: «Все это время по вторникам, в сборные наши дни в Обществе художников обсуждалось дело по устройству русской выставки картин и скульптуры вместе с Товариществом передвижного общества ‹...›. Во всей этой негоции принимал живое участие наш секретарь Иван Сергеевич Тургенев. Ему я уже давно и не раз сообщал намерение передвижников выставляться в Париже, высказанное мне Вами, Репиным и, наконец, Брюлловым[24] вместе с членами

---

[19] См. выше: М. Б. Рабинович. О статье Тургенева «Alexandre III» (стр. 207—212).

[20] См.: *Письма*, т. XII, кн. 2, стр. 572.

[21] *ГПБ*, ф. 621, № 89, лл. 1—2.

[22] Письмо Тургенева к И. Н. Крамскому от 6 (18) декабря 1882 г.: *Письма*, т. XIII, кн. 2, стр. 120—121.

[23] См.: И. С. Зильберштейн. Репин и Тургенев. М.—Л., 1945, стр. 114.

[24] Имеется в виду П. А. Брюллов.

правления. Хотя и больной, но он запрошлый вторник прибрел в собрание, что нас всех немало порадовало, причем я его просил помочь делу нашему своим пером, дабы Вы все, господа, были бодры духом, как и мы, хотя по пословице как у вас, так и у нас в одном кармане сидит вошь на аркане, а в другом блоха на цепи, но, не взирая на все это, мы порешили выставку делать. ‹...› Конечно, Ив‹ан› Сергеевич написал Вам более духовной сути, чем я, ему и книги в руки — зато он, быть может, и убедит Вас скорее меня, занимающегося интригами и подлыми цифрами, но так как без них обойтись нельзя, то прошу Вас, с своей стороны, высказать товарищам мое практическое мнение ‹...›. А о духовном Вам пишет Тургенев: возьмите оба эти элемента, сплотитесь и решитесь показаться здесь, дабы впоследствии ежегодно интересовать публику русскою школою, вполне достойной внимания, как по уму, так и по своему характеру народному ‹...›. Как слышал от Ив‹ана› Сер‹геевича›, то он Вам написал для прочтения комитету 8 целых страниц. Спасибо ему я выразил уже, да и вы не забудьте нашего добрейшего пастыря за его теплое участие к нашему Товариществу. А если найдете нужным предать слово его печати, то и на это, я убежден, что он согласится,[25] а последнее, конечно, будет более знаменательно, чем соображения о русских деятелях, появляющихся в современной русской печати, где сильно пропагандируется только русский квас...».[26]

Когда Тургенев умер, именно в «Обществе вспоможения и благотворительности русских художников в Париже» сконцентрировались все усилия русских, проживающих в Париже, об увековечении его памяти. А. П. Боголюбов, один из основателей и наиболее активных деятелей «Общества», в час тяжелой утраты ощущал себя в Париже представителем России, призванным защищать ее право связать память о великом русском писателе прежде всего с его родиной. Этим объясняются энергичные опровержения Боголюбова по поводу того, что, как это было освещено французской прессой, венок на гроб Тургенева с надписью «Великому художнику-писателю» был возложен якобы французскими художниками. В письме к И. Н. Крамскому он писал: «Положили мы ему на гроб от О‹бщест›ва нашего венок с надписью „*Великому художнику-писателю* О‹бщест›во русских художников в Париже". И эту надпись на черной ленте присвоила пресса проклятая французам, напечатав везде: от французских художников де был венок с нашей подписью. Ну, что станете делать, плутня везде. Помогите хоть Вы — Вам Суворин поверит, коли его попросите сделать опровержение».[27] Письмо Боголюбова к Крамскому датировано 30 августа (11 сентября) 1883 г., а 13 (25) сентября того же года в газете «Новое время» выступил А. С. Су-

---

[25] Письмо это было впервые опубликовано в книге: *Тургенев, Первое собрание писем.* В *ГПБ* и *ГРМ* хранятся письма В. П. Гаевского и И. Н. Крамского по поводу опубликования этого письма (*ГРМ*, ф. 15, № 11, лл. 1—2; *ГПБ*, Архив В. П. Гаевского, № 143, лл. 1—2).

[26] *ГРМ*, ф. 15, № 6, лл. 58—59. — Отрывок опубликован: *Лит. насл.*, т. 76, стр. 468.

[27] *ГРМ*, ф. 15, № 6, л. 58—59. Опубликовано: *Лит. насл.*, т. 76, стр. 470—471.

ворин.[28] «Сегодня мне передали одно частное письмо, письмо человека, близкого Тургеневу». Далее следовал отрывок из письма Боголюбова, о котором шла речь выше.[29]

20 сентября (2 октября) заметка А. С. Суворина была уже известна Боголюбову. В письме к Крамскому, датированном этим числом, он писал из Парижа: «Прочел я в газете „Новое время"» рассказ, Вам известный, писанный почти всеми словами с ловкими выпусками о бесцеремонных проводах с дачи покойного И. С. Тургенева. Эта правда голая, конечно, не всем нравится, но многие вполне ее оправдывают. Во всяком случае для избежания всяких сплетен скажите в редакции, чтоб не говорили источника ее...».[30]

Крамской был не единственным, к кому Боголюбов обращался с просьбой об опровержении по поводу инцидента с венком. В письме к В. В. Стасову от 29 августа (10 сентября) 1883 г., подробно описывая этот венок, он с негодованием говорил о попытке парижской прессы приписать его французским художникам:[31] «Это сущий вздор! — весьма для нас обидный, о чем необходимо петербургскую публику уведомить, ибо каковы бы мы были русские художники, дав 1-е место иностранцам, погребая Тургенева, сделавшего для нас столько добра».

Русские художники в Париже открыли, кроме того, подписку на серебряный венок на гроб Тургенева, в которой принял участие широкий круг русских в Париже. Содержание подписного листа следующее: «О‹бщест›во взаимного вспомоществования художников в Париже открывает подписку для венка из серебра, который будет возложен на гроб покойного И. С. Тургенева, а после похорон в Петербурге поступит в О‹бщест›во русских литераторов, где и будет храниться как дорогое воспоминание проживающих в Париже русских почитателей великого художника-писателя, скончавшегося в Буживале 22 авг‹уста› (3 сент‹ября›) 1883 года».[32] Лист подписан А. П. Боголюбовым и членами Комитета «Общества» — А. А. Харламовым и А. Ф. Онегиным.[33]

Намерение русских художников в Париже поместить серебряный венок на гроб Тургенева в Обществе русских литераторов не было осуществлено, так как Литературный фонд в Петербурге не имел собственного постоянного помещения. Этим объясняется просьба А. П. Боголюбова к В. В. Стасову взять венок «на вечное хранение» в Публичную библиотеку. Извещая В. В. Стасова, что венок будет передан ему после похорон Тургенева в России М. М. Стасюлевичем, А. П. Боголюбов оговаривал желаемые условия его хранения: «приличное помещение» и «чтобы он помещался у его ‹И. С. Тургенева› бюста работы М. М. Антокольского».[34]

---

[28] Незнакомец. Письма к другу. «Новое время», 1883, 13 (25) сентября, № 2709.

[29] Там же.

[30] *ГРМ*, ф. 15, № 6, л. 69.

[31] «Искусство и художественная промышленность», 1899, № 7, стр. 949.

[32] Там же. — Подлинник хранится в *ГПБ* (ф. 82, № 113).

[33] В публикации неверно прочтено — Оленин.

[34] Там же, стр. 948. — Венок хранится в настоящее время в музее *ИРЛИ* (см.: *ПД, Описание*, № 645, стр. 115).

Мысли об увековечении памяти Тургенева, возникшие у художников, естественно, имели художественное направление. Это были прежде всего мысли о создании рисунков, гравюр, бюстов Тургенева и о возможно более широком распространении их воспроизведений среди русской публики. Возникали также планы иллюстрированного издания, связанного с биографией писателя: «Думаем теперь увековечить его память каким-нибудь иллюстрированным изданием его портретов многих возрастов, его деревенским домом — Буживальской дачей, городским домом, наконец, мебелью его любимой, словом — хотим, чтобы Иван Сергеевич, который будет, конечно, жить вечно, еще бы получше и подольше представлялся нам в своей земной обстановке, где мы его видели и любили».[35]

Н. Д. Дмитриев-Оренбургский, писавший портрет Тургенева с натуры (1879 г.), делал в России заказ на изготовление фотографий, заботясь о том, чтобы они были готовы к похоронам Тургенева в Петербурге.[36] М. М. Антокольский, которого связывали с Тургеневым узы большой дружбы и деятельность в «Обществе», сделал несколько копий бюста писателя в малом размере, а также договорился со своим учеником И. Я. Гинцбургом об изготовлении статуэток из терракоты.[37] Среди художников собирались деньги на памятник Тургеневу, но проект этот осуществлен не был.[38] А. П. Боголюбов, озабоченный идеей изготовления офорта с фотографии «Тургенев на смертном одре»,[39] писал И. Н. Крамскому: «Не сделаете ли Вы офорт с нее ‹с фотографии Мореля› для дешевой раздачи всей учащейся молодежи, у которых богатства нет, чтобы покупать у Бегровых и Фельтенов[40] рублевые, а может быть и 2-х и 3-целковые фотографии... Вы с Вашей способностью делать подобного рода воспроизведения, как никто, по сходству — можете принести громадную услугу юношеству, да и всем, кто знал покойного».[41]

«Общество взаимного вспоможения и благотворительности русских художников в Париже» было причастно и к другим видам увековечения памяти Тургенева. Через полгода после смерти писателя комитет «Общества» обратился к Г. О. Гинцбургу за помощью в деле подписки на образование художественной стипендии имени И. С. Тургенева.[42]

---

[35] Письмо А. П. Боголюбова И. Н. Крамскому от 30 августа (11 сентября) 1883 г. — Эта цитата из письма приводится по книге: И. С. Тургенев в портретах, иллюстрациях и документах. Л., 1966, стр. 384.

[36] См.: *Тургенев, Сб.*, вып. III, стр. 271.

[37] См.: *Антокольский*, стр. 513.

[38] См. ниже публикацию Н. Никитиной «Тургенев в письмах В. В. Верещагина к А. Ф. Онегину».

[39] Фотография Мореля. См.: *ПД, Описание*, стр. 112.

[40] А. И. Бегтров и Фельтен — владельцы магазина художественных принадлежностей в Петербурге.

[41] Письмо А. П. Боголюбова к И. Н. Крамскому от 30 августа (11 сентября) 1883 г. *ГРМ*, ф. 15, № 6.

[42] От подписки на серебряный венок осталось 700 фр., которые были определены как взнос «Общества» на новую подписку. См. письмо к Г. О. Гинцбургу от 2 (14) февраля 1884 г., подписанное председателем Комитета «Общества» А. П. Боголюбовым и членами его — В. Шереметьевым, А. А. Харламовым, Ю. Я. Леманом, М. М. Антокольским и Р. Ф. Романном: *ЦГАЛИ*, ф. 2303, оп. 1, № 69.

Близкие Тургеневу художники стремились сохранить после его смерти для потомков облик великого писателя. Уже тогда думали они и о том, чтобы грядущим поколениям передать представление об условиях его жизни. М. М. Антокольский был убежден, что все, что связано с великим русским писателем И. С. Тургеневым, в будущем найдет место в национальном музее. В письме к А. Н. Пыпину (1883 г., без числа) [43] он писал: «...очень хорошо было бы сохранить вещи, которые находились в кабинете нашего дорогого Ивана Сергеевича Тургенева. Кабинет его был маленький, вещи незатейливые, а между тем, я уверен, что когда-нибудь и построят национальный музей в Петербурге и там необходимо быть нескольким комнат‹ам› для этой цели. Теперь все это кажется неважно, а я убежден, что потомство будет смотреть на это с таким же любопытством и благоговением, как я на сюртук Пушкина, в котором он был убит».[44]

Организатором первой выставки, посвященной И. С. Тургеневу, был Боголюбов. Уголок, посвященный великому писателю, был устроен им в 1900 г. в Саратове, в Радищевском музее.[45]

Там были представлены собранные Боголюбовым реликвии: стол и кресло Тургенева, перо, чернильница, мантия доктора Оксфордского университета (поступившие к Боголюбову от П. Виардо), маска и слепок руки писателя, его бюст работы М. М. Антокольского. Так возник «угол Тургенева», положивший начало музеям, посвященным великому писателю на его родине — в России.[46]

Л. И. Кузьмина

ТУРГЕНЕВ И ГАЗЕТА М. М. СТАСЮЛЕВИЧА «ПОРЯДОК»

История сотрудничества Тургенева в газете «Порядок», издаваемой М. М. Стасюлевичем в 1881—1882 гг., открывает одну из малоизвестных страниц в биографии писателя, яснее обозначает некоторые стороны его общественно-политических и литературных взглядов того времени.

Письма Тургенева 1881—1882 гг. отражают его постоянный интерес к газете: Тургенев давал редактору советы, как улучшить ее содержание, предлагал в качестве сотрудников тех или иных русских и иностранных корреспондентов и т. п. В газете «Порядок» был опубликован рассказ Тургенева «Старые портреты».[1] Известно также намерение писателя на-

---

[43] *ГПБ*, ф. 621, № 31, л. 11.

[44] Сюртук хранится во Всесоюзном музее Пушкина.

[45] Об участии Тургенева в создании Радищевского музея в Саратове см.: Е. А. Гитлиц. И. С. Тургенев и А. П. Боголюбов. (К организации «Радищевского музея» в Саратове). *Тургенев*, *Сб.*, вып. II, стр. 304—309.

[46] О выставках и музеях, посвященных И. С. Тургеневу, см.: *ПД*, *Описание*, стр. 274—289.

[1] «Порядок», 1881, 1 (13) и 4 (16) января, №№ 1, 4.

печатать в «Порядке» «второй отрывок из „Воспоминаний своих и чужих“ под заглавием „Отчаянный“».[2]

Ежедневная литературная и политическая газета «Порядок» начала выходить с 1 января 1881 г. Разрешение от Главного управления по делам печати на издание нового печатного органа в С.-Петербурге, без предварительной цензуры, было получено 23 сентября 1880 г.[3] Тогда же была утверждена программа «Порядка». В первом его отделе проектировались политическое обозрение, статьи по различным вопросам общественно-политической и культурной жизни как в России, так и за границей, корреспонденции внутренние и иностранные. Во втором отделе предполагались фельетоны, посвященные важнейшим явлениям науки, искусства, театра, печати и литературы.

Главными сотрудниками «Порядка» были Тургенев, П. В. Анненков, В. Ф. Корш, К. Д. Кавелин, А. А. Головачев, А. И. Введенский, В. В. Стасов, Л. З. Слонимский, К. М. Станюкович, А. И. Эртель и др. Политические обозрения вел В. Ф. Корш, отделом литературной критики заведовал А. И. Введенский, музыкальной критики — А. И. Урусов, литературный фельетон редактировали К. М. Станюкович и А. И. Эртель.

Слухи о новой газете дошли до Тургенева в конце 1880 г. «Вам, конечно, известно, — писал Тургенев П. В. Анненкову 1 (13) октября 1880 г., — что Стасюлевичу разрешено водружение знамени, около которого долженствует сгруппироваться слабосильная и малочисленная „конституционная“ партия; разрешено появление „крамольного“ журнала под названием „Порядок“. Я обещался поставить ему в 1-м номере фельетончик в виде отрывочка из „Воспоминаний“; до сих пор еще ничего не оторвал. Вероятно, он и к Вам обратится. Надо помочь хорошему делу».[4]

Какова была общественно-литературная программа «Порядка»? В какой мере разделял ее согласившийся участвовать в газете Тургенев? Какова была роль писателя в этом новом издании Стасюлевича?

«Самое возникновение нашей газеты, — писал Стасюлевич в редакционной статье, — было вызвано надеждой на лучшее положение у нас печатного слова ‹...›. Не таково было положение печати еще в весьма недавнее время: в области серьезного приходилось избегать именно того, что наиболее интересовало в данную минуту общественные умы». Одной из существенных задач публицистики, утверждалось далее на первой странице первого номера «Порядка», является поднятие уровня общественного сознания: «Нам по меньшей степени рано тешить себя речами о „народной правде“, так как было бы правильнее прежде всего подумать о расчищении места для будущей гостьи — предварительным расчищением всякой неправды ‹...›. Мы оставляем за собою эпоху реформ, и великих ре-

---

[2] См. письмо Тургенева к Стасюлевичу от 24 сентября (6 октября) 1881 г.: *Письма*, т. XIII, кн. 1, стр. 128. — «Отчаянный» появился в «Вестнике Европы» (1882, № 1).

[3] *ЦГИА*, ф. 776, оп. 6, ед. хр. 548, л. 7. — См. также: М. М. С‹т а с ю л е в и ч›. Официальные документы по газ‹ете› «Порядок». *ИРЛИ*, ф. 293, оп. 1, № 1769, лл. 5—11.

[4] *Письма*, т. XII, кн. 2, стр. 308.

форм, — теперь нам, как и всем образованным народам, нужен порядок, — а нет порядка без ясного и свободно сложившегося сознания каждым своих прав и своего долга».[5]

Эта программа, во многом близкая к общественно-литературной программе «Вестника Европы», носила умеренный характер, отражая либеральные надежды ее составителей на прогрессивное развитие страны путем «проведения правового порядка» в сознание общества. Однако в эпоху реакции 80-х годов просветительное направление «Порядка», намерение его редакции бороться с официозными органами («Московскими ведомостями», «Новым временем») или со славянофильскими изданиями (газетой И. Аксакова «Русь») было несомненно прогрессивным. Вот почему известие о новой газете не могло не вызвать одобрения у Тургенева, связанного дружескими отношениями с редактором «Вестника Европы» и постоянно печатавшего в этом журнале свои произведения.

Появление газеты «Порядок» вызвало доброжелательные отклики самых различных представителей передовой русской общественности. К их числу принадлежал П. В. Анненков, полагавший, что «Порядку» обеспечено «немалое влияние в интеллигентных и административных сферах». «Одно то, — писал Анненков Стасюлевичу 17 января н. ст. 1880 г., — что он ‹Порядок›, может быть, положит предел возмутительным попыткам заменить настоящие вопросы русской жизни фальшивыми, вроде уездной организации, образования приходов вместо волостей и проч. — делает его веским органом, а постановка истинных задач современности на первый план довершит дело».[6] С большим сочувствием к новому изданию отнесся А. Ф. Кони, в дальнейшем один из его участников. «С первых же своих номеров, — писал он позднее в своих воспоминаниях о «Вестнике Европы», — „Порядок“ занял видное и достойное место во вседневной печати, неуклонно разбирая общественные вопросы с точки зрения права и нравственного долга и давая читателям между прочим такие чудные вещи, как тургеневские „Отрывки из воспоминаний своих и чужих“».[7] Более скептически отозвался о новой газете М. Е. Салтыков-Щедрин: «Вы, конечно, знаете, — обращался он в письме к Анненкову от 18 октября ст. ст. 1880 г., — что Стасюлевич издает с будущего года газету „Порядок“. Заглавие неуклюжее, как и сам Стасюлевич, и газета, вероятно, будет тягучая. Но я все-таки желаю ему всякого успеха, хотя в виду того, что это может остепенить Суворина. В этих соображениях я подыскал Стасюл‹евичу› даже фельетониста, Терпигорева, автора „Оскудения“. Не знаю, вытанцуется ли из него что-нибудь занимательное, но во всяком случае на первое время буду сам просматривать и руководить».[8]

Примечательно, что эта оценка Салтыкова-Щедрина перекликалась с критическим отзывом Тургенева о первых номерах «Порядка». Обращаясь к редактору газеты, Тургенев писал 8 (20) января 1881 г.: «Общее

---

[5] «Порядок», 1881, 1 (13) января, № 1.

[6] *Стасюлевич*, т. III, стр. 395.

[7] А. Ф. Кони. На жизненном пути, т. II. Изд. 2. СПб., 1913, стр. 199—200.

[8] *Щедрин*, т. XIX, стр. 176.

впечатление пока серовато и напоминает официальные издания, желательно было бы больше погружения в современную столичную жизнь, хотя бы и без трескотни и бубенчиков „Нового времени“».[9]

Стремясь улучшить содержание «Порядка», желая «найти в нем больше жизненности и молодости», Тургенев явился организатором многих интересных иностранных корреспонденций для этой газеты. Так, по инициативе Тургенева в качестве сотрудника «Порядка» был приглашен Эдвард Бизли, известный английский публицист, печатавший свои статьи в нем под заглавием «Письма из Англии». Его корреспонденции за подписью ESB помещались в «Порядке» еженедельно с первого же дня существования газеты вплоть до ее закрытия. В одном из писем к Эдварду Бизли — от 20 ноября (2 декабря) 1880 г. — Тургенев, характеризуя «Порядок» как газету «умеренно либерального направления (типа парижских «Temps» или «XIX Siècle»)», так формулировал задачи ее сотрудника: «...ничто не должно стеснять Вас в выборе тем и в манере выражать свои мысли. Чего от вас *особенно* ждут, так это суждений о политике *парламента*, о социальных, аграрных и религиозных вопросах; Вы будете затрагивать вопросы литературные и научные только тогда, когда они будут иметь определенное отношение к политике. Но, я повторяю, пишите обо всем без всяких опасений; не упоминайте о действиях русских эмигрантов в Лондоне; для всего прочего полная свобода».[10] Последующие статьи Бизли Тургенев называл «интересными».[11]

С особенной настойчивостью Тургенев рекомендовал в газету «Порядок» «дельного соотечественника» — русского эмигранта в Лондоне Н. В. Чайковского. «У меня есть к Вам предложение, — обращался Тургенев к Н. В. Чайковскому в письме от 21 октября (2 ноября) 1880 г., — не хотите ли попытаться писать корреспонденции об английской жизни, с точки зрения русского, для новой петербургской газеты? Раз в две недели — плата будет хороша. Не пришлете ли мне для пробы один фельетон? Возьмите примером какое-нибудь явление, в котором высказывается внутренняя жизнь или миросозерцание народа. Почти с уверенностью могу отвечать за успех».[12] Однако, по-видимому, осторожный редак-

---

[9] *Письма*, т. XIII, кн. 1, стр. 36. — Ср. с высказыванием о «Порядке» одного из его сотрудников, К. М. Станюковича, в письме к жене, Л. Н. Станюкович, от 29 января ст. ст. 1881 г.: «...получил предложение от Стасюлевича работать в „Порядке“. Корш и Воропонов заведующие там, один иностранным, другой внутренним отделом, тоже склонили меня принять предложение и „оживить“ мутноватую газету. Я поехал к Стасюлевичу и с 1 февраля буду ходить в редакцию от 11 до 2 дня, буду, вероятно, членом редакции и кое-что работать. Он предлагает литературный фельетон и обзор печати» (*ГПБ*, Арх. К. М. Станюковича, ед. хр. 44, л. 6).

[10] См.: Royden J. Harrison, Joseph Strmecki. Tourgenev's letters to Beesly. «The Slavic and East European Journal», 1965, vol. IX, № 4, стр. 409—419; см. также: *Письма*, т. XIII, кн. 1, стр. 344.

[11] Свою оценку Тургенев сообщал в письме к Стасюлевичу от 8 (20) января 1881 г.: *Письма*, т. XIII, кн. 1, стр. 37.

[12] *Письма*, т. XII, кн. 2, стр. 317.

тор «Порядка» неодобрительно отнесся к этому предложению Тургенева, так как статьи Н. В. Чайковского не были напечатаны ни в «Порядке», ни в «Вестнике Европы». Один фельетон Н. В. Чайковского, посланный Стасюлевичу, затерялся в редакции «Порядка», другие его статьи и переводы публиковались в иных журналах — в «Слове» и «Русской мысли».[13]

По совету Тургенева функции парижского корреспондента «Порядка» выполнял французский журналист Франсуа Анри Фукье, почти ежедневно посылавший в газету свои заметки «Письма из Франции». Тургенев при этом выступал в роли посредника между ним и Стасюлевичем. «Увижу Фукье — и передам ему Ваше замечание, — извещал Тургенев Стасюлевича 3 (15) января 1881 г. — Но как воспроизводителю современного состояния Франции, как же ему не быть оппортунистом ‹...›. Впрочем, я полагал, что именно это настроение не должно быть чуждым „Порядку"».[14] В этом письме Тургенев имел в виду первую статью Фукье, освещавшую общественную борьбу во Франции накануне муниципальных выборов. «Когда на общих выборах, — писал Фукье, — столкнутся лицом к лицу оппортунисты, т. е. республиканцы, преданные нынешнему правительству, и социалисты, то тогда увидят, до какой степени эта последняя партия слаба и по численности, и по отсутствию вождей, и по программе».[15] Очевидно, Тургенев успокаивал Стасюлевича, обеспокоенного излишней остротой статей Фукье. Редактор «Порядка» остался недоволен и слишком высоким гонораром за них. Тогда взамен Фукье Тургенев предложил Стасюлевичу другого сотрудника, Г. Н. Вырубова, философа и естествоиспытателя, издателя парижского журнала «Revue de la philosophie positive». Редактор «Порядка» согласился на предложение Тургенева. В связи с этим Г. Н. Вырубов писал Стасюлевичу 18 (30) марта 1881 г.: «Многоуважаемый Михаил Матвеевич, ‹...› я очень рад содействовать, в пределах моей компетентности, доброму делу. 5-го апреля н. ст. пошлю я Вам первую корреспонденцию, а следующие затем по субботам и вторникам ‹...›. В первой своей корреспонденции предполагаю я изложить в начале общую программу моих писем — это сразу проведет черту между тем, что Вам писал Fouquier, и тем, что я намереваюсь Вам писать. Из этого краткого предисловия и, еще лучше, из первых писем Вы увидите, как я понимаю роль парижского корреспондента ‹...›. При этом случае сделаю Вам необходимую исповедь ‹...› почерк мой до того неразборчив, что Ив. С. Тургенев, тоже не каллиграф, обращает мое внимание на эту сторону репортерской деятельности».[16]

Статьи Вырубова, освещавшие события общественно-политической жизни Франции, помещались в «Порядке» с 3 (15) апреля два раза в неделю до конца издания газеты.

По протекции Тургенева участником «Порядка» стал Г. де Мопассан, «изо всей *молодой* школы романистов во Франции самый талантливый», — так оценивал Тургенев Мопассана в письме к Стасюлевичу от 25 февраля

---

[13] Подробнее об этом см.: *Лит. насл.*, т. 73, кн. 2, стр. 92.
[14] *Письма*, т. XIII, кн. 1, стр. 35.
[15] «Порядок», 1881, 1 (13) января, № 1.
[16] *ИРЛИ*, ф. 293, оп. 1, № 374.

(9 марта) 1881 г.[17] В №№ 169 и 170 «Порядка» за 1881 г. был опубликован русский перевод посвященного И. С. Тургеневу рассказа Мопассана «В семейном кругу». Очевидно, Стасюлевич прислушался к характеристике Тургенева. В этом отношении небезынтересно отметить некоторое сходство характеристики Мопассана в редакционном предисловии, которым сопровождался русский перевод рассказа, с приведенной выше оценкой французского писателя Тургеневым. «В последнее время в так называемой реальной школе новейшей французской литературы начинает обращать на себя особенное внимание Г. Мопассан — имя мало еще известное у нас и заслоняемое именем Эмиля Золя, — читаем в «Порядке». — Мопассан последователь его и ученик, представляющий, однако, и вполне самостоятельные черты в своем таланте и самых литературных приемах».[18]

Интерес Тургенева к «Порядку» проявился и в том пристальном внимании, с каким писатель следил за публикуемыми в нем материалами публицистического содержания. Примером тому служит сочувственный отклик Тургенева на статьи К. Д. Кавелина по крестьянскому вопросу. В одной из них, под заглавием «19 февраля 1861—1881», посвященной двадцатилетию со дня освобождения крестьян, К. Д. Кавелин критически оценивал завоевания крестьянской реформы, утверждая, что остатки крепостничества еще не изжиты, что крестьянство по-прежнему живет в нищете, обезземелено и его положение почти не улучшилось с 1861 г.[19]

«Все, что Вы говорите, — goldene Worte[20] — и я согласен с Вами вполне», — сообщал Тургенев К. Д. Кавелину 26 февраля (10 марта) 1881 г.[21] по поводу выступлений последнего в «Порядке» и в «Вестнике Европы».

К сожалению, мы не располагаем письмами Тургенева с его отзывами о литературно-критических статьях в «Порядке». Однако можно предположить, что писатель, внимательно следивший в 80-е годы за развитием демократической, народнической литературы, не мог пройти мимо содержательных литературных обзоров газеты, принадлежащих А. И. Введенскому и К. М. Станюковичу, о творчестве Н. Н. Златовратского, Г. И. Успенского, С. Каронина, А. И. Эртеля, М. Е. Салтыкова-Щедрина и др.[22]

---

[17] *Письма*, т. XIII, кн. 1, стр. 66.

[18] «Порядок», 1881, 22 и 23 июня (4 и 5 июля), №№ 169, 170. — Русский перевод рассказа Мопассана, подписанный инициалами А. Э., очевидно, был выполнен А. Н. Энгельгардт, сотрудничавшей в эти годы в «Вестнике Европы». Ср.: *Письма*, т. XIII, кн. 1, стр. 66.

[19] «Порядок», 1881, 19 февраля (3 марта), № 49. — См. также речь К. Д. Кавелина на обеде в ресторане Донона в связи с двадцатилетием со дня проведения крестьянской реформы: «Порядок», 1881, 21 февраля (5 марта), № 51. — Те же мысли Кавелин излагал в своей статье «Крестьянский вопрос»: «Вестник Европы», 1881, № 3, стр. 19—46. — Указанные статьи являлись программными для либеральной публицистики «Вестника Европы» и «Порядка».

[20] золотые слова (*нем.*).

[21] *Письма*, т. XIII, кн. 1, стр. 68.

[22] См.: Воспоминания С. Н. Кривенко и Н. Н. Златовратского. *Революционеры-семидесятники*, стр. 205—304. — В №№ 44, 55, 79 от 14 (26) февраля, 24 февраля (8 марта), 21 марта (2 апреля) за 1881 г. были напе-

Газета Стасюлевича высоко ценила литературный авторитет Тургенева. Его имя называлось на страницах «Порядка» в числе корифеев русской литературы. «Такие писатели, как граф Л. Толстой, Тургенев, Островский, Гончаров, Салтыков, Достоевский, Некрасов, были бы украшением любой литературы, — и недаром на них воспитывалось целое поколение, — провозглашалось в одной из статей «Порядка». — Но корифеи мало-помалу сходят со сцены; одни — умирают, другие — замолкли, и из блестящей плеяды писателей 40-х годов только Тургенев, Островский и Салтыков продолжают свою деятельность».[23] В «Порядке» тщательно отмечались все публичные или печатные выступления Тургенева и малейшие подробности его творческой биографии. Так, в № 166 от 19 июня (1 июля) 1881 г. сообщалось о подготовке в Пловдиве в приложении к литературному органу «„Наука". Периодическо описание» (1881, кн. 1—2) перевода на болгарский язык романа Тургенева «Накануне». «Болгарский переводчик, как слышно, затрудняется передачей по-болгарски самого названия романа, так как в современном болгарском языке не встречается подходящего слова. Но дело в том, что „Накануне" — это выражение, достаточно понятное всем славянам, и потому может быть оставлено русское название романа».

В № 168 от 21 июня (3 июля) того же года было напечатано известие о выходе в свет романа Тургенева «Дым» «в новом немецком переводе Ланге, в Лейпциге».

В № 231 от 23 августа (4 сентября) 1881 г. «Порядок» в разделе «Новые книги» извещал читателей о поступлении в продажу третьего стереотипного издания «Записок охотника» И. С. Тургенева (СПб., 1881), «предназначенного главным образом для училищ».

В № 287 от 18 (30) октября 1881 г. была опубликована следующая корреспонденция: «В „Temps" телеграфируют из Лондона: „В честь Ивана Сергеевича Тургенева дан в Лондоне английскими литераторами и журналистами блестящий банкет"».

Газета информировала своих читателей и о творческих планах Тургенева. Так, в № 335 от 5 (17) декабря 1881 г. сообщалось о том, что «совершенно окончен и получен в Петербурге новый рассказ Тургенева ‹...›. Рассказ, по главному его герою, называется „Отчаянный"; он появится в ближайшей книге „Вестника Европы"».

чатаны «Литературные заметки» за подписью «С.», где анализировались рассказы Н. Н. Златовратского, Г. И. Успенского, А. И. Эртеля и раскрывалось отношение к ним со стороны народнической «Русской мысли» и «озлобленной» аксаковской «Руси». В ряде «Критических заметок», написанных А. И. Введенским (1881, №№ 130, 187, 243 от 13 (25) мая, 10 (22) июня, 4 (16) сентября и др.), положительно оценивались «Записки Степняка» А. И. Эртеля. В № 7 от 8 (20) января 1882 г. напечатана статья А. Введенского «Русская литература в 1881 году», в которой сочувственно характеризовался реализм Г. И. Успенского, Н. Н. Златовратского, А. И. Эртеля и высоко оценивался талант Щедрина, «занимавшего в нашей литературе не только первенствующее, но совершенно исключительное положение».

[23] «Порядок», 1881, 14 (26) февраля, № 44 («Литературные заметки» за подписью С. К.).

Небезынтересны напечатанные в «Порядке» объявления о литературных вечерах, посвященных Тургеневу. В № 339 от 9 (21) декабря 1881 г. содержалось следующее известие: «В воскресенье, 13-го декабря, в 8 час. веч., в зале г. Тулякова <...> состоится художественный вечер, на котором будет прочитано новое произведение И. С. Тургенева „Песнь торжествующей любви“». А в № 8 от 9 (21) января 1882 г. подробно рассказывалось о русском литературно-музыкальном вечере, организованном 2 (14) января с благотворительной целью в помещении Общества русских художников в Париже. В числе его участников были Тургенев, П. Виардо-Гарсиа, ее ученицы М. Л. Василенко и С. И. Гуревич, французский пианист и композитор А. Дювернуа, виолончелист А. А. Брандуков и др. «И. С. Тургенев прочел свой новый рассказ „Отчаянный“ с тем великим мастерством, которое так хорошо знакомо всем, кому удавалось его слышать. Кроме того, он прочел несколько стихотворений Пушкина и Лермонтова, именно „Пророка“».

На страницах «Порядка» публиковались также обширные статьи о Тургеневе, критические отзывы о его вновь вышедших произведениях. Большинство из них принадлежало А. И. Введенскому. Так, в № 313 от 13 (25) ноября 1881 г. была напечатана его статья о «Песни торжествующей любви», содержащая высокую оценку этой повести Тургенева, написанной, по словам критика, «в флоберовском роде». Основным достоинством автора повести критик считал его высокое поэтическое мастерство, «тонкий психологический анализ», «горячее воображение и чувство». Отстаивая право писателя на полную свободу в выборе фантастического сюжета, А. И. Введенский так определил художественное значение нового произведения Тургенева: «„Торжествующая любовь“ врывается в начинающую застаиваться, прочно сложившуюся жизнь. Она нарушает ее течение, освежает душу суровым потрясением». Вместе с тем критик «Порядка» подчеркивал огромное влияние творчества Тургенева на развитие «всего русского общества»: «...не было общественного дела, в котором Тургенев не оставил бы своего следа, не было возникавшей общественной мысли, на которую он так или иначе не отозвался бы».

В № 1 газеты от 1 (13) января 1882 г. появился один из первых положительных откликов на рассказ Тургенева «Отчаянный». Автором его был тот же А. И. Введенский. Примечательно, что его оценка замысла и главного героя рассказа совпала с мнением самого Тургенева об «Отчаянном». «Это не что иное, как студия вроде „Старых портретов“, — писал Тургенев по поводу «Отчаянного» в письме к Ж. А. Полонской от 1 (13) января 1882 г. — Я постарался вывести в ней тип, который нахожу знаменательным в соотношении с некоторыми современными явлениями».[24] Ту же связь нового рассказа Тургенева с русской жизнью 70—80-х годов подчеркнул критик «Порядка»: «Характеристика одного из распространенных русских типов „Отчаянного“ человека вызвана прямо современными людьми и событиями», — писал он по поводу главного героя «Отчаянного», Миши

---

[24] *Письма*, т. XIII, кн. 1, стр. 180.

Полтева.[25] По словам А. И. Введенского, этот рассказ Тургенева производит впечатление «в высшей степени целостное и живое».

Имя Тургенева как признанного художественного авторитета зачастую упоминалось и в других литературных обзорах газеты. Например, в «Критических заметках», посвященных очерку «Липяги» из «Записок Степняка» А. И. Эртеля, говорилось о типичности тургеневского Рудина и о некоторой близости характера героя очерка Эртеля к характеру Рудина.[26]

Сотрудничество Тургенева в «Порядке» было недолгим и прекратилось в связи с цензурными гонениями на газету, а затем и окончательным ее закрытием. 24 марта ст. ст. 1881 г., по распоряжению министра внутренних дел, была запрещена розничная продажа «Порядка» за публикацию в нем корреспонденции из Весьегонска по поводу крестьянских волнений в селе Молокове. № 119 от 2 (14) мая 1881 г. вышел в свет с чистым последним листом вследствие распоряжения министра внутренних дел «прекратить печатание частных объявлений в газете „Порядок“».[27] В мае 1881 г., через пять месяцев со дня выхода в свет первого номера, газета Стасюлевича имела три предостережения, что могло повлечь за собой приостановку ее издания.[28] Поводом для столкновений с цензурой служили чаще всего политические обозрения, в которых с либеральных позиций критиковались «действия администрации и доказывалось, что реакция мешала прогрессу».[29] Специальное донесение цензора в Главное управление по делам печати было составлено по поводу «опасного» № 144 «Порядка» от 27 мая (8 июня) в связи с публикацией в нем заметки о малоземельном крестьянстве, так как «вопрос о малоземельи наших крестьян, — писал цензор, — служит теперь, сколько известно, темою для вредных агитаторов».[30]

Не случайно обер-прокурор св. Синода К. П. Победоносцев в одном из писем к Я. П. Полонскому просил порекомендовать Тургеневу, приехавшему в Петербург 2 (14) мая 1881 г., не оставаться долго ни в Москве, ни в Петербурге, «а скорее ехать в деревню <...>. Здесь он попадет в компанию „Порядка“, ему закружат голову — и бог знает, до чего он доведет себя».[31]

Как явствует из немногих сохранившихся писем Стасюлевича к Тургеневу, редактор «Порядка» подробно информировал писателя о цензурных мытарствах газеты, встречая с его стороны неизменное сочувствие. В письме к А. В. Топорову от 26 мая ст. ст. 1881 г. Тургенев с удовлетворением, например, отмечал, что «„Порядку“ пока нет предостережений». «Радуюсь, что гроза прошла над „Порядком“», — писал он Стасюлевичу

---

[25] Об интерпретации рассказа Тургенева «Отчаянный» современниками писателя см.: *Сочинения*, т. XIII, стр. 558—560; см. выше статью Л. Н. Назаровой «И. С. Тургенев и Д. Н. Мамин-Сибиряк» (стр. 212—223).

[26] «Порядок», 1881, 4 (16) сентября, № 243.

[27] *ЦГИА*, ф. 776, оп. 6, № 548, лл. 12, 17, 20, 24; см. также публикацию писем Стасюлевича к Тургеневу: *Тургенев, Сб.*, вып. III, стр. 396.

[28] *ЦГИА*, ф. 776, оп. 6, № 548, лл. 30—34.

[29] Из донесения цензора Ведрова по № 129 «Порядка» от 12 (24) мая 1881 г.: там же, л. 29.

[30] Там же, л. 36.

[31] Сборник Пушкинского дома на 1923 г. ГИЗ, Пг., 1922, стр. 286—287.

14 (26) июня 1881 г. по поводу цензурных осложнений в связи с напечатанной в № 149 от 2 (14) июня 1881 г. статьей К. Д. Кавелина «По дороге. Заметки и впечатления», содержавшей острую критику «Московских ведомостей».[32]

А. Ф. Кони вспоминал позднее, с какими немалыми для Стасюлевича материальными затруднениями и моральными тревогами было связано издание газеты. «Между последними,— писал он, — на первом плане, конечно, стояли административные кары и объяснения с цензурным ведомством. „Читаете ли Вы «Порядок»? — писал Стасюлевич мне за границу в августе 1881 года. — По нему Вы можете судить, что мы строго выдерживаем щедринскую программу: «Тихо, благородно — и при том свободно...» и переливаем из пустого в порожнее, но все-таки находят, — была опять беседа, — что мы и это невинное занятие выполняем с какой-то предерзостью“».[33]

Газета Стасюлевича просуществовала всего один год, последний ее номер (№ 8) вышел 9 (21) января 1882 г.[34] Поводом для запрещения ее на полтора месяца послужил напечатанный в № 7 от 8 (20) января «Отчет о заседании Московской городской думы 4-го сего января». Запрет на издание был наложен не Главным управлением по делам печати, а по распоряжению министра внутренних дел, обвинявшего редактора в публикации материалов «государственной важности». Составленная Стасюлевичем жалоба «на превышение власти г-на министра внутренних дел», адресованная 1-му департаменту правительствующего Сената, осталась неудовлетворенной.[35] Это обстоятельство побудило Стасюлевича отказаться от редакторства, и газета «Порядок» прекратила свое существование.[36]

Либерально настроенные современники восприняли поступок Стасюлевича как мужественный, достойный подражания акт. «А это было бы самым действительным протестом против вопиющего произвола и насилия над словом», — писал Н. Ф. Крузе в сочувственном письме к Стасюлевичу от

---

[32] *Письма*, т. XIII, кн. 1, стр. 97. — Донесение цензора А. Петрова в Главное управление по делам печати о статье К. Д. Кавелина «По дороге» см.: *ЦГИА*, ф. 776, оп. 6, № 548, л. 37.

[33] А. Ф. Кони. На жизненном пути, т. II. Изд. 2, доп. СПб., 1913, стр. 198—199. — Ср. с письмом Стасюлевича к А. В. Головнину от 15 августа ст. ст. 1881 г.: *Стасюлевич*, т. I, стр. 531—532.

[34] В архиве Стасюлевича сохранилось два экземпляра № 8 «Порядка» за 1882 г., на одном из них помечено редактором газеты: «последний! ! !» (*ИРЛИ*, ф. 293, оп. 1, № 1770); на другом: «остановленный №». К нему приложена «шуточная эпитафия»: «„Порядку“. *Порядком* нареклась. *Порядком* оставалась. Хотя тебе не раз *Порядком* доставалось. 9 января 1882» (*ИРЛИ*, ф. 293, оп. 1, № 1769). Распоряжение о запрещении «Порядка» было напечатано в № 6 «Правительственного вестника» от 9 (21) января 1882 г.

[35] М. М. С‹тасюлевич›. К закрытию «Порядка». Жалоба на министра внутренних дел 1-му департ‹аменту› прав‹ительствующего› Сената. *ИРЛИ*, ф. 293, оп. 1, № 1769, лл. 17—23.

[36] В феврале 1882 г. Стасюлевич подал прошение в Главное управление по делам печати о прекращении издания «Порядка»: *ЦГИА*, ф. 776, оп. 6, № 548, л. 78.

8 февраля ст. ст. 1882 г.[37] Г. Н. Вырубов выразил искреннее сожаление по поводу того, что «исчезнет <...> единственный последовательно либеральный орган русской прессы».[38] Многие недоумевали по поводу запрещения «честного органа печати».[39] К последним относился и Тургенев: «...прочел я известие о том, — сообщал он Стасюлевичу 11 (23) января 1882, — что Дамоклов меч, столь долго висевший над „Порядком" — обрушился, наконец, на него. Понять это невозможно; остается сожалеть, — не о „Порядке", а о правительстве, которое сослепу бьет своих лучших друзей. Я, который аккуратно читаю все статьи „Порядка", не могу даже постигнуть, за какую это статью нашли нужным его покарать?».[40] В словах Тургенева нет ничего, что противоречило бы его доброжелательному отношению к газете, значение которой он никогда не переоценивал. В них скорее звучит искреннее возмущение реакционной политикой правительства, душившей все сколько-нибудь прогрессивное. Возможно, в не дошедшем до нас ответном письме Стасюлевич подробно объяснил Тургеневу причину запрещения газеты. Во всяком случае вот что писал Стасюлевич Анненкову 27 февраля ст. ст. 1882 г., характеризуя свою позицию в связи с закрытием «Порядка»: «А что касается Ваших рассуждений о „Порядке", что я мол будто бы „складываю руки" — то злюсь на Вас: связанные руки нельзя назвать „сложенными" — а развязывать их при помощи компромиссов и „поворачиваний в разные стороны" — не умею. Simus, uti sumus, aut non simus![41] Когда можно было сделать что-нибудь порядочное, хотя бы и не без труда, я не отказывался и выдерживал свою линию; но когда оказалось, можно быть полезнее, закрыв газету, я сделал и это дело — поверьте, не легкое!».[42] О том, что история закрытия «Порядка» имела в 80-е годы определенный общественно-политический резонанс, свидетельствует отклик Салтыкова-Щедрина на это событие. «Вам, конечно, известна катастрофа, постигшая Стасюлевича, — обращался он к Тургеневу 11 января ст. ст. 1882 г. — Удивительное дело! Этот поистине средний человек прослыл чуть ли не за Робеспьера».[43]

Разумеется, изложенным выше характеристика газеты Стасюлевича не исчерпывается, однако приведенные факты участия Тургенева в ней дают возможность осветить один из малоизвестных эпизодов общественно-литературной биографии писателя и обозначить его позицию в общественной борьбе 80-х годов.

Н. Н. Мостовская

---

[37] *Стасюлевич*, т. II, стр. 74.

[38] См. письмо Г. Н. Вырубова к Стасюлевичу от 10 (22) января 1882 г.: *ИРЛИ*, ф. 293, оп. 1, № 374.

[39] См. письмо П. В. Анненкова к Стасюлевичу от 12 (24) января 1882 г.: *Стасюлевич*, т. III, стр. 397.

[40] *Письма*, т. XIII, кн. 1, стр. 187.

[41] Пусть мы будем таковы, каковы мы есть, или пусть нас совсем не будет (*лат.*). Неточное цитирование ответа генерала ордена иезуитов Риччи папе Клименту XIV на его предложение внести изменения в устав ордена иезуитов: «sint ut sunt, aut non sint» (пусть будут как есть, или пусть их ‹иезуитов› совсем не будет).

[42] *ИРЛИ*, ф. 7, № 91, лл. 82—83.

[43] *Щедрин*, т. XIX, стр. 254.

ТУРГЕНЕВ, М. А. ЯЗЫКОВ И Н. Г. БУНИН

«М. А. Языков умер в Петербурге. Много молодых воспоминаний похоронено вместе с ним». Эта запись, сделанная в дневнике И. С. Тургенева 27 (15) января 1883 г.,[1] как бы подвела итог его многолетним приятельским отношениям с Михаилом Александровичем Языковым, который, впрочем, был тогда еще жив и продолжал свою службу в Новгороде.

Комментируя последний дневник писателя, И. С. Зильберштейн весьма легко объяснил этот парадокс, заявив, что якобы в академическом издании писем Тургенева «М. А. Языкову *приписаны* даты рождения и смерти (1811—1885), относящиеся к его однофамильцу». По мнению И. С. Зильберштейна, «ошибка объясняется тем, что оба они упомянуты на одной и той же странице изд.: Петербургский некрополь. СПб., 1913, т. IV, стр. 673».[2]

В действительности же если и была кому надобность *приписать* М. А. Языкову дату смерти, то только комментатору дневника, чтобы хоть каким-то образом истолковать приведенную выше запись Тургенева. А между тем она объясняется гораздо проще и, главное, в полном соответствии с исторической истиной.

Обратимся в данном случае к «Петербургскому некрополю», хотя дата смерти знакомого Тургеневу М. А. Языкова была вполне правильно названа еще в «Энциклопедическом словаре» (т. 41, СПб., 1904, стр. 515), вышедшем несколькими годами ранее. Эти же даты (1811—1885) рождения и смерти интересующего нас М. А. Языкова неизменно приводятся и во всех других случаях,[3] когда о нем заходит речь, в том числе и в «Петербургском некрополе».

«*Языков*, Михаил Александрович, р. 2 сентября 1811 ‹ум.› 22 января 1885. С Е. А. ‹т. е. Екатериной Александровной›, Александрой и Марией Языковыми, Е. М. Поповой и Э. А. Белавиной (Волково православное кладбище).

«*Языков*, Михаил Александрович, д. ст. сов. ‹ум.› 5 января 1883 года (Новодевичий монастырь)».[4]

Даже и приведенных здесь данных вполне достаточно для того, чтобы не спутать двух разных М. А. Языковых, тем более что в том же некрополе отдельно значится знакомая Тургеневу жена его старинного приятеля, рожденная Белавина, похороненная рядом с мужем, сестрой и другими родными: «*Языкова*, Екатерина Александровна ‹ум.› 24 августа 1896. С М. А. Языковым (Волково православное кладбище)».[5] Совершенно оче-

---

[1] *Лит. насл.*, т. 73, кн. 1, стр. 398.

[2] Там же, стр. 424 (курсив наш, — *В. Г.*).

[3] См.: Русский биографический словарь, т. Яблоновский—Фомин, СПб., 1913, стр. 41; комментарий Б. Л. Модзалевского к переписке И. А. Гончарова. В кн.: Временник Пушкинского дома, Пг., 1914, стр. 100—101; Тургенев и круг «Современника». Неизданные материалы. 1847—1861. «Academia», М.—Л., 1930, стр. 18; Личные архивные фонды в государственных хранилищах СССР. Указатель, т. II. М., 1963, стр. 353.

[4] В. Саитов. Петербургский некрополь, т. IV. СПб., 1913, стр. 673.

[5] Там же, стр. 672.

видно, что даты рождения и смерти (1811—1885) относятся к мужу Екатерины Александровны, также похороненному на Волковом кладбище, тогда как однофамилец, погребенный в Новодевичьем монастыре, умер 5 января 1883 г. Именно его-то смерть и вызвала соответствующую запись в дневнике Тургенева.

В числе приходивших к нему тогда в Париж русских изданий была газета «Голос». На ее первой странице 8 (20) января 1883 г. появилось в черной рамке следующее сообщение: «Дросида Ивановна Языкова, с глубочайшим прискорбием извещая о кончине незабвенного супруга своего, действительного статского советника, *Михаила Александровича Языкова*, последовавшей 5-го сего января, просит желающих почтить память усопшего пожаловать в воскресенье, 9-го января, к 9 ч. утра, на вынос в квартиру: Большая Конюшенная улица, дом № 15 и на отпевание в Новодевичьем монастыре».[6]

Получив через неделю этот номер газеты, Тургенев, конечно, не мог не обратить внимания на траурную рамку вокруг знакомого ему имени, набранного к тому же крупным шрифтом. Запись в дневнике, сделанная 27 (15) января 1883 г., явилась прямым результатом некрологического извещения, воспринятого, однако, больным Тургеневым неточно: умер однофамилец знакомого ему М. А. Языкова, тогда как сам этот его «давнишний приятель, Михайло Александрович Языков, прекраснейший, честнейший и милейший человек»,[7] каждая встреча с которым «наяву ли, на бумаге ли» будила в Тургеневе «приятные, хотя и немного грустные мысли» и напоминала «время молодости, деятельности»,[8] — пережил писателя, чего сам уж вовсе и не предполагал. Еще в 1880 г. он сообщал В. П. Гаевскому о своем желании взглянуть на знакомых литераторов «и особенно проститься с Тургеневым, которого, быть может, уже более и не увижу. Ведь я становлюсь стар не на шутку...».[9]

Получилось, однако, иначе: Языкову пришлось быть на похоронах Тургенева. Сам же он умер через год с лишним — 22 января 1885 г. Краткие сообщения об этом появились тогда же в петербургских газетах. Вот одно из них: «Екатерина Александровна Языкова и дети с душевным прискорбием извещают родных и знакомых о кончине действительного статского советника *Михаила Александровича Языкова*, последовавшей 22 января, в 5 ч. утра. ‹...› Вынос тела на Волково кладбище последует в пятницу, 25 января, в 10 часов утра из квартиры покойного, угол Клинского проспекта и Верейской улицы, дом 9/17, кв. 1».[10]

---

[6] «Голос», 1883, 8 (20) января, № 8.

[7] *Письма*, т. II, стр. 271—272.

[8] Из письма Тургенева Языкову от 10 (22) августа 1881 г.: *Письма*, т. XIII, кн. 1, стр. 109.

[9] *ГПБ*, Архив В. П. Гаевского, ед. хр. 317.

[10] «Новое время», 1885, 23 января (4 февраля), № 3199, стр. 4, изд. 1 и 2. — Это же извещение повторено в № 3200 от 24 января (стр. 4). 23 октября 1884 г. М. А. Языков писал В. П. Гаевскому: «Вот уже более месяца, как я переехал из Новгорода на постоянное жительство в Петербург ‹...›. Живу я на Клинском проспекте и углу Верейской улицы в доме № 9/17, Михайлова, кв. 1» (*ГПБ*, Архив В. П. Гаевского, № 317).

«Несколько дней тому назад, — писала вскоре «Неделя», — в ежедневных петербургских газетах среди траурных рамок ‹...› появилось объявление о смерти Михаила Александровича Языкова. Отсутствие хотя бы нескольких строк, посвященных его памяти, служит лучшим доказательством забывчивости нашей пишущей братии...». И эта забывчивость тем более непростительна, говорилось далее в некрологе, что «вся история русской литературы, с начала 40-х годов, прошла в живых образах ее лучших представителей перед глазами М. А. Языкова; в личной жизни многих из них он играл разнообразную, но всегда симпатичную роль — и воспоминания о великом русском критике, о молодой редакции „Современника", о первых литературных опытах людей с знаменитыми впоследствии именами — сливаются с памятью о нем».[11]

Все это и делает необходимым документально подтвердить не только дату смерти, но и дату его рождения, совершенно необоснованно подвергнутые сомнению и бездоказательно, произвольно пересмотренные в комментарии к последнему дневнику Тургенева.

Альбом М. И. Семевского содержит следующую собственноручную запись М. А. Языкова, сделанную 20 декабря 1879 г.: «*Михаил Александрович Языков*, родился в 1811 году, в Тульском уезде, селе Сергиевском. Воспитывался и окончил курс в Петербурге, в университетском благородном пансионе, в 1830 году. Товарищ по школьной скамье И. И. Панаева и кружка русских писателей преимущественно 40-х годов».[12]

Неопубликованные письма М. А. Языкова также дают некоторые дополнительные сведения о его связях с русскими литераторами и в том числе с Тургеневым. Узнав в 1880 г. о готовившихся пушкинских торжествах, Языков писал из Новгорода В. П. Гаевскому о своем желании «встретить старых московских и петербургских друзей» — литераторов, к которым он так близко стоял сорок лет, — и просил не забыть его, «старого почитателя русской литературы, тем более, что и виновника-то празднества», т. е. Пушкина, Языков, по его словам, тоже «знал и не раз встречался с ним в домах братьев Всеволожских, Одоевского и Соболевского».[13]

Письмо к Гаевскому от 27 августа 1883 г. целиком посвящено Тургеневу:

«Сокрушаюсь о кончине милого нашего друга Тургенева, который даже и умирая указал грядущему поколению, что умеет, подобно Петру, отрывать‹ся› и от старых преданий, завещав уложить свое тело не в подмосковном селе Спасском, а в ‹Петер›бурге, на Волковом кладбище, рядом с человеком, также, подобно Петру, трезво смотревшим на предание. Петр деятельностью всего своего царствования и построением новой столицы; Белинский и Тургенев своими гениальными творениями, — доказали, что

Этот же адрес указан и в письме к Д. А. Милютину от 29 октября 1884 г., где Языков также сообщал, что он «теперь со всей семьей переехал в Петербург» (*ГБЛ*, ф. 169, картон 78, № 21).

[11] «Неделя», 1885, 2 февраля, № 5, стр. 194.

[12] *ИРЛИ*, ф. 274, оп. 1, № 395, л. 357.

[13] *ГПБ*, Архив В. П. Гаевского, № 317.

вовремя отрывались от московского уклада, а последний ‹Тургенев› даже свое бездыханное тело велел положить в мокрое, еще не успевшее высохнуть болото, да еще рядом с Белинским — это великолепно.

«Вчера, читая в газетах о том, как будут чествовать в Петербурге Тургенева, там говорят, что общество литературного фонда должно в чествовании принять деятельное участие. Вероятно, так и будет. А потому в тот вечер, когда состоится чтение, не найдете ли Вы удобным поставить в зале во время чтения хранящийся у меня прекрасный бюст 30-летнего Тургенева, работы очень даровитого художника, Беляева, ученика Витали. Беляев лепил Тургенева с натуры в 1851 году с особенною любовью и после того вскоре умер еще в молодых летах. Слишком 30 лет тому назад Тургенев, уезжая за границу, поднес этот бюст моей жене, у которой я просил позволения привезти бюст, так как я намерен 3 или 4 ‹сентября› приехать на несколько дней в Петербург и, вероятно, мой приезд совпадет с прибытием тела из Парижа. Сколько я помню, другого бюста Тургенева в молодых летах не существует, так как Беляевский единственный оригинал хранится у меня».[14]

Предложение Языкова было, как видно, принято, что подтверждает письмо его жены от 8 февраля 1885 г. к В. П. Гаевскому. «Будьте так добры, потрудитесь приказать передать посланному бюст Тургенева: у меня нашелся охотник его купить. Если сохранился ящик, то лучше бы его для безопасности в него положить. У вас остались еще стихи Тургенева, писанные мне в альбом, и еще мной рисованный портрет Виардо; но если Вы пожелаете их иметь, то я с удовольствием стихи и портрет поднесла бы Вам. Готовая Вам служить Екатерина Языкова».[15]

Имя М. А. Языкова фигурирует в алфавитном списке лиц, доставивших письма И. С. Тургенева для их «Первого собрания», выпущенного в 1884 г.[16] Об участии Языкова в подготовке этого издания «Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым» говорит его письмо к Гаевскому от 12 августа 1884 г.: «Посылаю Вам, дорогой Виктор Павлович, пять писем Тургенева, с приложением некоторых замечаний».[17] Одно из этих примечаний, касавшееся письма Тургенева Языкову об устройстве на службу П. Т. Кудряшова, было помещено за подписью М. Я., т. е. Михаила Языкова.[18]

В числе подчиненных ему акцизных чиновников Новгородской губернии был знакомый Тургеневу писатель-охотник Н. Г. Бунин. В 1902 г., незадолго до своей кончины, он поделился воспоминаниями о двух встречах с Тургеневым у Языкова и затем в письме к А. Н. Мошину подтвердил, что тот «верно передал в печати его восломинания».[19] Этот мемуарный источник, который Н. Л. Бродский относил к числу ценных своими «фак-

[14] Там же. Бюст Тургенева работы А. Н. Беляева теперь — *Музей Тургенева* (см. *ПД*, *Описание*, стр. 57, № 430).

[15] Там же, № 318.

[16] *Тургенев, Первое собрание писем*, стр. 564.

[17] *ГПБ*, Архив В. П. Гаевского, № 317.

[18] *Тургенев, Первое собрание писем*, стр. 110.

[19] А. Н. Мошин. Новое о великих писателях. (Мелкие штрихи для больших портретов). Изд. 2, доп. СПб., 1908, стр. 61.

тическими указаниями»,[20] содержит несколько дополнительных штрихов, характеризующих взаимоотношения Тургенева и Языкова.

Однажды, в середине 70-х годов, Н. Г. Бунин получил от Языкова неожиданное по своему тону официальное предписание:

> «...сразу же выехать в Новгород и, по приезде, в любой час ночи, без малейшего промедления, явиться в акцизное управление. При управлении была и квартира Языкова. Бунин очень встревожился этим необычайным по своей форме вызовом и помчался в Новгород. Приехал он в 12-ом часу ночи и как был с дороги, не переодеваясь, вошел в акцизное управление.
>
> На звонок вышел сам Языков и приветливо сказал:
>
> — А, приехали?... Пойдемте...
>
> И повел Бунина в кабинет. <...> При входе в эту комнату Бунин увидел на турецком диване прежде всего огромные подошвы, потом огромную фигуру мужчины, лежавшего с газетой, которую он читал. За газетой не было видно лица. Это был Тургенев.
>
> Услышав шаги входивших, Иван Сергеевич оставил газету, снял пенсне и поднялся с дивана. Он стал совсем седой, но остался по-прежнему приветливым и обаятельным.
>
> — Как я рад вас видеть! — встретил Тургенев гостя, — простите, что вас вызвали, в этом я виноват...
>
> Сюрприз чрезвычайно обрадовал Бунина. Оказалось, что Языков о нем разговорился с Тургеневым, который сейчас же вспомнил спутника на охоте; прочли рассказ Бунина, и Тургенев захотел повидать старого знакомого, поговорить с ним. И говорили они долго <...> и по поводу литературных опытов Бунина. Последний конфузился в присутствии корифея литературы и как бы стыдился, что вот и он дерзает писать. Тургенев ободрял. Особенно памятно было Н. Г. Бунину следующее сравнение, которое привел ему Тургенев:
>
> — Положим, вы музыкант, композитор... Вы один... Вам хочется играть... Садитесь к инструменту, импровизируете... Вы непременно счастливы тогда, потому что творите... И ваш слух наслаждается тем, что творит ваша фантазия... Если почувствуете, что ваша импровизация должна быть интересна многим, а не только вам одному, вы ее запишете и пустите в свет... А если импровизация ваша никому, кроме вас, не интересна, все же вам она принесла минуты высокого эстетического наслаждения... Такие минуты скрашивают жизнь. <...>
>
> Последняя встреча Н. Г. Бунина с Тургеневым произошла в 1879 году опять у Языкова, в Новгороде <...>. Тургенев ехал из Петербурга, где ему устроили за 35 лет славной литературной деятельности чествование, сопровождавшееся восторженными овациями. <...> В числе гостей у Языкова был И. Ф. Горбунов; он повторил свой тост генерала Дитятина <...>. Все очень смеялись, и сам Тургенев от души смеялся».[21]

22 июля 1881 г. Языков в письме к Тургеневу[22] просил его ознакомиться с одним из охотничьих рассказов Бунина. Ободренный положи-

---

[20] Научные известия. Сборник второй. ГИЗ, М., 1922, стр. 218.

[21] А. Н. Мошин. Новое о великих писателях. (Мелкие штрихи для больших портретов), стр. 66—71. Рассказ А. Н. Мошина вызывает сомнение своим явно ошибочным указанием на Новгород, где Тургенев в 70-х годах не был и не мог быть.

[22] Щукинский сборник, вып. 8, М., 1909, стр. 213—214.

тельным отзывом великого писателя,[23] Бунин, посоветовавшись с Языковым, посвятил Тургеневу свой рассказ «Наповал!» и отправил оттиск в Париж. Иван Сергеевич ответил автору письмом, которое сгорело во время пожара в квартире Н. Г. Бунина. Тогда же погибло и полное собрание сочинений Тургенева с его дарственной надписью, присланное им Бунину из-за границы.

В. А. Громов

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ РУССКОГО МУЗЫКАНТА О ТУРГЕНЕВЕ

В конце 1880 г. в Париж направился молодой русский скрипач А. Бродский, намереваясь выступить перед взыскательной аудиторией одного из главных музыкальных центров тогдашней Европы. Уроженец юга России, Адольф Давидович Бродский (1851—1929) получил образование в Венской консерватории. Его многочисленные концерты в России и странах Запада создали ему впоследствии славу одного из видных скрипачей того времени. Тесная дружба связывала его в зрелые годы с П. И. Чайковским, Э. Григом и другими крупнейшими композиторами. Бродскому принадлежит честь первого исполнения Концерта для скрипки с оркестром Чайковского, который и посвящен ему автором. Наряду с концертными поездками, Бродский вел большую педагогическую работу — преподавал в Московской и Лейпцигской консерваториях, а в последние годы жизни был директором Королевского музыкального колледжа в Манчестере.

Жизнь А. Д. Бродского получила довольно подробное освещение в книге его жены, Анны Львовны:[1] «Воспоминания о родном доме в России. Из переживаний музыканта».

Значительный раздел книги посвящен поездке А. Бродского в Париж, где в начале 1881 г. состоялись его встречи с Тургеневым. Автор воспоминаний, А. Бродская, оставалась в то время в России и писала о парижской поездке мужа по его рассказам. Существенным дополнением к данным, сообщаемым в книге, являются три письма Тургенева к А. Бродскому.[2] Впечатления русского музыканта дополняют некоторыми характерными черточками хорошо знакомый облик писателя.

На первых порах молодой скрипач испытывал в Париже немалые трудности: не пользуясь еще известностью и не имея широких знакомств, он лишен был возможности выступать в концертах. В этих затруднительных обстоятельствах большой поддержкой явился теплый прием, оказанный ему, как и другим соотечественникам, Тургеневым. Рассказав о парижских злоключениях мужа, А. Бродская продолжает на стр. 107—110 своей книги (2-е издание):

---

[23] См. письмо Тургенева к М. А. Языкову от 10 (22) августа 1881 г. — *Письма*, т. XIII, кн. 1, стр. 109.

[1] Anna Brodsky. Recollections of a Russian Home. A Musician's Experiences. London, 1914.

[2] *Письма*, т. XIII, кн. 1, стр. 46, 50 и 51.

«Однако в ту парижскую зиму бывали у А. Бродского и светлые моменты; к лучшим среди них принадлежали встречи с нашим великим Тургеневым.

«Тургенев проживал в Париже у своего друга, певицы Виардо, и ее мужа. Он проявлял большой интерес к концерту, устраивавшемуся в пользу нуждающихся русских в Париже.[3] А. Бродского просили выступить, и в связи с этим он познакомился с писателем. К переговорам по этому вопросу относятся несколько записок Тургенева, которые мы бережно храним до сих пор.[4] Бродский, с его художественной натурой, всегда высоко ценил сочинения Тургенева, и я хорошо помню восторженное письмо, написанное мне мужем после его знакомства с писателем. Прежде всего, Бродского поразила необычная внешность Тургенева: при огромном росте он был прекрасно сложен; у него была большая, мощная голова, белоснежные волосы и борода; в ярко-синих глазах выражалась глубокая задумчивость и большая доброта. А. Бродского удивил также его высокий голос, казавшийся весьма странным у человека с таким могучим сложением. Однажды по какому-то случаю мой муж был приглашен на домашний концерт к госпоже Виардо. Войдя, он спросил у слуги, нет ли Тургенева среди гостей в музыкальной гостиной, но узнал, что писатель находится у себя из-за острого приступа подагры. А. Бродскому пришла счастливая мысль: он передал Тургеневу свою визитную карточку с просьбой о разрешении навестить его. Пришел ответ с сердечным приглашением войти, и, вместо музыкальной гостиной, муж направился в слабо освещенную спальню, где в одиночестве лежал больной Тургенев. Бродский был полностью вознагражден выражением радости, с которой писатель приветствовал его. Муж сел у кровати, и между ними завязалась долгая беседа. Вначале Тургенев говорил о своей болезни, но вскоре перешел на другие темы. Видя в лице Бродского чуткого слушателя, он заговорил о русской литературе, поделился своим мнением о Толстом, гением которого восторгался, охарактеризовал Достоевского как человека слабого здоровья, что влияло на его творчество, и перешел к Герцену. Бродский слушал, боясь пропустить слово, а Тургенев, увлекшись разговором, забыл о своих страданиях. Уходя, Бродский оставил его в очень бодром настроении».

А. М. Ступель

ВОСПОМИНАНИЯ Е. П. КАВЕЛИНОЙ О ТУРГЕНЕВЕ

Среди молодых горячих почитательниц таланта Тургенева одно из первых мест по праву принадлежит Евгении Павловне Кавелиной, имя которой почти совсем не знакомо исследователям биографии и творчества

---

[3] Имеется в виду музыкально-литературный вечер в пользу Общества взаимного вспоможения и благотворительности русских художников в Париже, устроенный 2 (14) февраля 1881 г.

[4] Три письма Тургенева к Бродскому, датированные 24 января (5 февраля), 27 января (8 февраля) и 28 января (9 февраля) 1881 г., см. выше.

писателя. Известно лишь, что она автор статьи «И. С. Тургенев в оценке своих ближайших современников», опубликованной в журнале «Библиограф» за 1886 г. и затем изданной в виде отдельной брошюры в 1887 г.[1]

При подготовке к изданию в Полном собрании сочинений и писем Тургенева его писем к некоей г-же Е. П. К-ой нами было установлено, что автор упомянутой выше статьи о Тургеневе и Е. П. К-а — одно и то же лицо. Об этом писала позднее сама Кавелина: «В журнале „Библиограф" за 1886 г. появилась моя небольшая статья: „И. С. Тургенев в оценке своих ближайших современников", просмотренная и исправленная проф. Ф. Д. Батюшковым, а мои личные впечатления о беседах с Тургеневым попали в последнюю книжку русского отдела журнала „Космополис" (1898. Декабрь) с письмами, полученными мною от Тургенева в разное время[2] («Одна из встреч Тургенева», проф. Ф. Д. Батюшкова)».[3]

В статье, сопровождавшей публикацию писем Тургенева к Е. П. Кавелиной, Батюшков со слов Кавелиной, а также используя ее воспоминания (отрывок из них он приводит дословно), рассказал историю переписки и последовавшего затем знакомства Кавелиной, тогда еще молодой, начинающей писательницы, с Тургеневым. «Как ни кратки прилагаемые документы, — пишет Батюшков, — они рельефно оттеняют одну из симпатичных сторон личности Ивана Сергеевича — его чрезвычайную отзывчивость ко всякому живому стремлению, готовность поддержать пробивающийся талант и внимательное отношение к предлагаемым на его суд произведениям неопытного пера. Его оценка, одновременно и строгая и поощряющая, чужда банальных любезностей, с целью „отделаться": он вдумчиво отнесся к обратившейся к нему молодой писательнице, не выступавшей еще в печати, и, высказывая веские замечания критического характера, смягчил их добродушным признанием своей будто бы недостаточной компетентности в области критики».[4]

Предыстория переписки Кавелиной с Тургеневым такова. Молодой девушкой, пробовавшей свои силы в литературе, Кавелина в 1880 г. отправила тайком от своих родных в Париж на суд Тургеневу свою первую драму в стихах «Савонарола» вместе с сопроводительным письмом, в котором она высказала свое восхищение творчеством великого писателя. В письме к Кавелиной от 19 (31) августа 1880 г. Тургенев выразил готовность прочесть посланную ему драму «со всевозможным вниманием»,

---

[1] См.: Е. П. Кавелина. И. С. Тургенев в оценке своих ближайших современников. СПб., 1887.

[2] Автографы этих четырех писем Тургенева, относящихся к 1880—1883 гг., не сохранились. Письма известны лишь по публикации Ф. Д. Батюшкова в № 12 журнала «Cosmopolis» за 1898 г. (стр. 187—195); перепечатаны в книге Батюшкова «Критические очерки и заметки» (ч. I, СПб., 1900, стр. 52—58, статья «Тургенев-критик») и дошли до наших дней с нераскрытой фамилией адресата Тургенева. Пользуемся здесь возможностью принести нашу искреннюю благодарность французскому ученому Ж.-В. Арменжону (Париж) за присылку фотокопии тургеневских материалов из «Cosmopolis».

[3] *ЦГИА*, ф. 947, оп. 1, № 50, л. 178—178 об.

[4] «Cosmopolis», 1898, № 12, стр. 188.

а в следующем письме, от 28 октября (9 ноября), дал в целом сочувственную оценку «Савонароле».[5]

Личное знакомство Кавелиной с Тургеневым, оставившее глубокий след в ее жизни, произошло в 1881 г., во время приезда писателя в Россию. Тургенев дважды навестил Кавелину — весной 1881 г. в Москве и 26 августа того же года в Петербурге, где он остановился проездом из Спасского и затем проследовал через два дня за границу.

До 1881 г. Кавелиной приходилось неоднократно встречаться с Тургеневым в 1879—1880 гг. — во время торжественных чествований, устроенных писателю московской интеллигенцией в 1879 г., на открытии памятника А. С. Пушкину, в театре и т. д. Однажды Тургенев даже провел вечер в ложе родителей Кавелиной и был официально представлен ей. Однако это знакомство было слишком поверхностным, и в своем первом письме к Тургеневу Кавелина даже не упомянула о нем.

Описанию двух встреч с Тургеневым в 1881 г. и посвящены в основном как опубликованные Батюшковым, так и неизвестные в печати воспоминания Кавелиной, хранящиеся в ее архиве в виде многочисленных набросков. Сохранились также ее первые литературные опыты — драмы «Савонарола» и «Царевна Софья». Все эти материалы представляют интерес для характеристики Тургенева — критика и наставника литературной молодежи.[6]

Евгения Павловна Кавелина (род. в 1859 г.) принадлежала к известной дворянской семье Кавелиных. Ее дед, Александр Александрович Кавелин (1793—1850), происходил из семьи небогатого тульского помещика, но сделал головокружительную карьеру крупного военного. Кавелин занимал высокие служебные посты: в 1830 г. был назначен директором Пажеского корпуса, в 1834—1841 гг. состоял воспитателем при наследнике Александре Николаевиче, с 1841 г. он — сенатор и член Государственного совета, с 1842 г. — петербургский военный губернатор. В 1846 г. вследствие сильного нервного расстройства Кавелин вынужден был оставить государственную службу.[7] Отец Кавелиной, Павел Александрович Кавелин (род. в 1834 г.), был председателем комиссии по управлению Московскими императорскими театрами, потом управляющим петербургской Удельной конторой. Тургенев был с ним знаком и навещал его во время своих приездов в Москву.

Молодость Евгении Павловны в основном протекала в имении отца в Новгородской губернии, откуда она выезжала в Петербург, в Москву и за

---

[5] Два других письма Тургенева к Е. П. Кавелиной — от 8 (20) мая 1882 г. и 14 (26) марта 1883 г. — не представляют литературного интереса. См.: Письма, т. XII, кн. 2, стр. 289 (?), 300 и 318; т. XIII, кн. 1, стр. 250 и кн. 2, стр. 171.

[6] Этой теме посвящена статья: М. К. Клеман. «Из переписки Тургенева с начинающими авторами». В кн.: И. С. Тургенев. Орел, 1940, стр. 148—155.

[7] О нем см.: П. Кавелин. А. А. Кавелин как воспитатель императора Александра II. «Русская старина», 1902, № 3, стр. 555—360; А. А. Кавелин и письма к нему великого князя Александра Николаевича. «Русская старина», 1904, № 3, стр. 581—598.

границу. Свои «Записки» она начала вести в 1883 г., когда ей было 24 года. Они охватывают период с 1883 по 1911 г. «Записки» 80-х годов (о которых в основном будет идти речь) не дают, к сожалению, широкой картины общественно-исторической или литературной жизни России тех лет. Проблемы любви, личного счастья, а также литературные, нравственные вопросы — вот преимущественный круг тогдашних интересов Кавелиной. И вместе с тем со страниц ее дневников перед читателем встает образ незаурядной, духовно одинокой в окружающей ее среде девушки, тяготящейся пустой светской жизнью и мечтающей о серьезных литературных занятиях.

Поистине удивительно, какое громадное место в «Записках» Кавелиной 1883—1884 гг. занимает Тургенев. Для нее это и литературный кумир, и высокий нравственный идеал писателя и человека, в отношении к которому порою проглядывает полудетская влюбленность. К личности Тургенева, к воспоминаниям о встречах и беседах с ним, к его произведениям она возвращается постоянно; ее память бережно хранит не только литературные заветы писателя, но и его внешний облик, улыбку, выражение лица, жесты.

Имя Тургенева появляется буквально в первых же записях ее дневника за 1883 г. Так, например, 30 апреля ст. ст. она пишет в связи с болезнью писателя: «...все поглощено одной мыслью, страхом за больного Т‹ургенева›. Что он для меня в сущности? А между тем весь день голова моя полна им, я неспокойна... и каждое утро с боязнью просматриваю газету, и если нахожу там его имя, то это и волнует и вместе с тем утешает меня».[8]

«Как я счастлива, — пишет она далее — что я жила в одно время с ним! И еще счастлива, что знала его лично, что имею несколько существенных воспоминаний от него, письма, перо, которым пишу и в данную минуту, которым он писал при мне, подписывая портрет».[9]

Остро и болезненно, как потерю близкого человека, переживает Кавелина смерть Тургенева. 27 августа ст.ст. 1883 г., под свежим впечатлением от известия о смерти любимого писателя, она записывает: «Теперь я переживаю *настоящее* — только большие события заставляют нас глядеть в лицо этому настоящему. Событие это — смерть Т‹ургенева› — я давно ожидала ее, а между тем она пришла как будто разом и все-таки ошеломила меня. Столько раз он был близок к смерти, что я привыкла думать, что она не может застигнуть его и взять... мне казалось это невозможным, когда-нибудь — да, но не теперь, и вдруг теперь, именно теперь ‹...›. То, чего я так боялась — случилось ‹...›. Там погасла великая жизнь ‹...› там умер человек, каких было мало на свете ‹...›. В моей памяти он живой, и живым останется всегда; насколько он „имя“ теперь, настолько он был „именем“ и при жизни (для меня). Я не смотрела на него как на обыкновенного смертного; он был необыкновенный человек, более ‹...› чем

---

[8] *ЦГИА*, ф. 947, оп. 1, № 35, л. 8—8 об.
[9] Там же, л. 9.

необыкновенный писатель. Бесспорно, это был великий талант, но ведь много было великих талантов на свете, а Т‹ургенев› — один, один, и другого не было, нет и не будет».[10]

Мы не имеем возможности приводить здесь многочисленные высказывания Кавелиной о Тургеневе. Многие из них незрелы и преувеличенно восторженны. Однако с годами ее оценка творчества Тургенева, оставаясь положительной, делается все более объективной и зрелой. Тема «Е. П. Кавелина — критик Тургенева» заслуживает специального исследования. Отметим только, что изучением творчества Тургенева Кавелина занималась много лет и что, помимо названной опубликованной ее статьи «И. С. Тургенев в оценке своих ближайших современников» и публикуемых ниже воспоминаний, ее перу принадлежат неизвестные литературоведам высказывания и наброски о Тургеневе, а также большая работа «Характеристика Тургенева», написанная в 90-е годы.

Первые беллетристические опыты Кавелиной относятся к концу 70-х — началу 80-х годов. В ее архиве, наряду с драмами «Савонарола» и «Царевна Софья», сохранились также ее ранние рассказы — «Павлуша», «Отголоски», «Рассвет», «Светотень» и др., — не представляющие, однако, сколько-нибудь серьезного литературного интереса.[11]

Печальна судьба литературного наследия Кавелиной. Из ее обширного архива оказались опубликованными лишь ее статья и отрывок воспоминаний о Тургеневе.

Возникает вопрос: почему литературные опыты Кавелиной постигла такая неудача? Мы имеем в виду, конечно, не ее беллетристические опыты — после сурового приговора, вынесенного Тургеневым ее драме «Царевна Софья», Кавелина оставила мечту о профессиональной писательской деятельности, — а ее историко-литературные работы. Почему, в частности, не увидела света ее большая работа «Характеристика Тургенева»? Почему, наконец, ее имя скрыто в публикации Батюшкова под криптонимом Е. П. К-а и почему она сама не опубликовала своих воспоминаний под своим полным именем?

Все это объясняется, как свидетельствуют «Записки» Кавелиной, обстоятельствами ее печально сложившейся личной жизни. Во второй половине 90-х годов Кавелина полюбила крестьянина, работавшего по найму в имении ее отца в Новгородской губернии. Этот роман, а также неудавшаяся попытка Кавелиной выйти замуж за своего избранника, произвели переполох и вызвали скандал в среде ее высокопоставленных родственников, категорически воспротивившихся этому браку, и среди соседей-помещиков. Именно этим обстоятельством было продиктовано стремление Кавелиной в течение долгих лет никому не напоминать о себе.

---

[10] Там же, л. 24—24 об., 25—25 об., 27—27 об.

[11] Речь идет здесь лишь о ранних беллетристических опытах Кавелиной. Ее обширный архив, в котором, кроме работ литературного характера, содержатся также относящиеся к разным годам рукописи и наброски на исторические, нравственно-религиозные, крестьянские и другие темы, требует специального изучения.

Вот что рассказывает сама Кавелина об истории опубликования в 1898 г. Батюшковым отрывка из ее воспоминаний о Тургеневе и писем к ней писателя.

«Случилась странная вещь,— пишет она 3 февраля ст.ст. 1899 г.— Ф. Б‹атюшков› просил меня, письменно, послать ему письма Тургенева ко мне для печатания в „Космополисе“ (журнале, им редактируемом) и присовокупить к этим письмам несколько слов от себя, в пояснение их. Письма я ему послала, но отказалась под каким-то предлогом составлять статью о своем знакомстве с Тургеневым, так как нахожу неуместным в данное время напоминать о своей личности во всеуслышанье. Могут найтись читатели, которым известна моя „история“, совсем не отвечающая представлению о той идеалистке прежних лет... Тогда мой знакомый редактор ‹...› пишет мне, что сам составит статью, лишь бы я дала ему некоторые сведенья о своем знакомстве с Т‹ургеневым›. И вот однажды вечером ‹...› я ‹...› составила письмо. Каково же было мое удивление, когда на днях, получив последний № „Космополиса“, я читаю в статье, озаглавленной „Одна из встреч Тургенева“, целые длинные выдержки из того письма моего, написанного почти впопыхах и без всякого определенного плана.

Сколько страниц я исписала в своей жизни! Сколько листов с его пометками сохраняла и его перечитывала! Сколько целых тетрадей переписала! Сколько надежд возлагала на то или другое „произведение“ свое и все ни к чему! И вдруг это простое письмо ‹...› *попало в печать* И мне странно было видеть все эти слова *в печати* и узнать свой слог *в печатном шрифте*... между прочим, этот слог мой, столь обруганный когда-то Тургеневым, на этом печатном листе, где я могла сравнить его со слогом других писателей, показался мне очень легким и, если можно так выразиться, прозрачным, воздушным.

«Не знаю, заметят ли это другие, но мне было не стыдно читать себя и приятно, что я, должно быть, сделала успехи в манере излагать свои мысли со времени моего знакомства с Тургеневым».[12]

Полного и законченного текста воспоминаний Кавелиной о Тургеневе не существует. Мысль подробно записать свои воспоминания и впечатления о двух встречах с Тургеневым возникла у Кавелиной сразу же после смерти писателя. К этой теме она возвращалась неоднократно, и в ее «Записках» сохранились многочисленные, в некоторых случаях повторяющие друг друга наброски, посвященные этим эпизодам, очевидно не удовлетворявшие самого автора. Поэтому Кавелина не оставляла намерения написать воспоминания о Тургеневе в 90-е и даже в 900-е годы. Так, работая в 90-х годах над черновой рукописью «Характеристика Тургенева», она считала необходимым и полезным поделиться с молодыми, начинающими писателями своими впечатлениями о встречах с Тургеневым и тургеневскими письмами.[13]

---

[12] *ЦГИАЛ*, ф. 947, оп. 1, № 60, лл. 99—100 об.

[13] Любопытная деталь: постоянно упоминая о тургеневских письмах, она нигде, однако, не приводит их текста. Эти письма она бережно хранила у себя вплоть до 1898 г., когда, очевидно, вместе с наброском воспо-

В 1909 г., уже после публикации ее материалов Батюшковым, Кавелина вместе с очерками о Тихвинском и Валдайско-Иверском монастырях снова предлагает свои воспоминания редактору «Исторического вестника» С. Н. Шубинскому. «Кстати, давно желала также предложить Вам мои заметки об И. С. Тургеневе, которого видела когда-то (в его последний приезд в Россию) и некоторые суждения которого слышала и тогда же записала с его слов. Хоть мне и не было тогда еще 16-ти лет,[14] но все же впечатление сохранилось в целости и поныне и представляет, мне кажется, некоторый общий интерес».[15] В «Историческом вестнике» воспоминания Кавелиной так и не появились.

В настоящем сборнике мы публикуем воспоминания Е. П. Кавелиной в виде отдельных набросков, извлеченных из «Записок», в хронологическом порядке.

Небогатые фактическим материалом, но яркие и эмоциональные, эти воспоминания дополняют наши представления о биографических и творческих связях Тургенева с молодыми начинающими писателями.

Воспоминания публикуются с сохранением своеобразия стиля Кавелиной. Наиболее интересные разночтения приведены под строкой.

Обратимся теперь к драмам «Савонарола» и «Царевна Софья», подвергнувшимся критике Тургенева, и попытаемся с их помощью проиллюстрировать замечания и оценки Тургенева-критика.

На титульном листе рукописи «Савонаролы» написано: «Драма в 3-х действиях. Посвящена И. С. Тургеневу. Оригинальное сочинение Е. Н. Николаева».[16] Это романтическая драма в белых стихах, повествующая о знаменитом итальянском проповеднике XV в. монахе Савонароле. Не касаясь реформаторской деятельности Савонаролы и его политической борьбы с папой Александром VI, Кавелина положила в основу своей драмы романтическую историю любви Савонаролы и красавицы Джулии Беллы. Содержание драмы в общих чертах сводится к следующему. Настоятель монастыря Св. Марка во Флоренции, «проповедник, слывущий за пророка», Савонарола обращает к праведной жизни наложницу папы Александра VI (Борджиа) Джулию Беллу, но, ослепленный любовью к ней, сам отрекается от добродетели. Возмущенный народ заключает любовников в темницу, где Савонарола из ревности убивает Джулию, чтобы она не досталась папе, и сам погибает.

Тургенев снисходительно отнесся к этому первому опыту начинающей писательницы, много и упорно работавшей, по ее собственному признанию, над драмой.

Не затронув вопроса о том, насколько достоверен исторически сюжет пьесы Кавелиной, Тургенев в своем отзыве главное внимание уделил художественной форме этого произведения.

минаний послала их Батюшкову по его просьбе. Дальнейшая судьба этих автографов нам неизвестна.

[14] Неточность: Кавелиной было в 1881 г. 21—22 года.

[15] *ГПБ*, ф. 874, Шубинский, оп. 1, № 117, л. 103—103 об.

[16] *ЦГИА*, ф. 947, оп. 1, № 32, л. 1.

«Это, без сомнения, труд почтенный, — писал он о «Савонароле» Кавелиной 28 октября (9 ноября) 1880 г. — Вы, очевидно, владеете языком и стихом; сюжет интересен и добросовестно обработан. Форма, конечно, несколько устарела; такие трагедии писались у нас на Руси лет 30, 40 тому назад. „Савонарола" годится скорее для чтения, хотя и в этом случае необходимо устранить некоторые длинноты. На сцене едва ли она будет иметь нечто более так называемого succès d'estime.[17] Впрочем, я в этом деле не судья — ибо сам лишен всякого театрального таланта. Но и тут, мне кажется, придется сокращать. Характеры очерчены верно; но все это слишком мотивировано — и реторике дано слишком большое место».[18]

В воспоминаниях Кавелина приводит также замечание Тургенева по поводу образа папы в «Савонароле» (злодея Борджиа). Писатель заметил, что в жизни не бывает людей истинно хороших и истинно дурных и что чаще всего встречается смесь того и другого.

Более значительный интерес представляет вторая драма Кавелиной — «Царевна Софья». Отрицательные суждения Тургенева об этой пьесе, горькие для самолюбия молодого автора, Кавелина правдиво передала в воспоминаниях.

В рукописи «Царевны Софьи» видны легкие пометы, сделанные карандашом, принадлежащие, по свидетельству Кавелиной, самому Тургеневу. В 1899 г., разбирая свой архив, она записала: «...„Царевну Софью" и „Савонаролу" тоже жаль истреблять. Их читал Тургенев, *эти самые тетради*, и в „оговорках" к „Царевне Софье" штрихи карандашом под некоторыми словами, сделаны им».[19]

Как известно, Тургенев очень снисходительно и деликатно относился к литературным опытам молодежи и скорее склонен был преувеличивать дарование начинающего автора, чем недооценивать его, как это было, например, с К. К. Случевским, Е. И. Бларамберг и другими писателями. Поэтому необычными являются чрезвычайная строгость и резкость, которые проявил Тургенев по отношению к Кавелиной.

Сама Кавелина считает, что резкую отповедь Тургенева вызвали прежде всего язык и стиль, которыми была написана «Царевна Софья». По ее мнению, писатель так был возмущен ее небрежным и неряшливым обращением с русским языком, что даже не дочитал до конца всю драму, а просто просмотрел ее. На вопрос Кавелиной — что он думает об идее произведения — Тургенев ответил, что он ничего в ней не понял.

Нельзя забывать, что Кавелина родилась и жила в среде, где основным языком был французский, которым она владела свободнее, чем родным, русским языком. Над своей первой драмой она работала долго, но, обрадованная благосклонным отзывом Тургенева о «Савонароле», написала «Царевну Софью» второпях, за несколько месяцев, и ее первым читателем оказался Тургенев.

Анализ помет Тургенева в рукописи «Царевны Софьи» свидетельствует, что они вызваны допущенными автором пьесы погрешностями

[17] среднего успеха (*франц.*).
[18] *Письма*, т. XII, кн. 2, стр. 318.
[19] *ЦГИА*, ф. 947, оп. 1, № 45, лл. 325 об.—326.

в языке и стиле, ошибками в стихе («Царевна Софья», как и «Савонарола», написана белым стихом), грамматическими и синтаксическими ошибками и т. д.

В некоторых случаях Тургенев сделал попытки отредактировать текст, наметить некоторые сокращения. Приведем примеры, воспроизведя в цитатах подчеркивания, вычерки и некоторые другие пометы, сделанные Тургеневым.[20]

Пометы писателя начинаются уже с «Пролога» драмы, действие которого отнесено к 1682 г. Умер царь Федор. Царевна Софья объявлена правительницей при малолетних Иоанне и Петре. Бояре волнуются, ожидая смуты и перемен в государстве. Пролог открывается сценой в Московском Кремле, где бояре беседуют о последних событиях:

«Бояре между собой. Отдельные голоса.

Скончался царь Феодор. — Что-то будет
Теперь с Россией? С нами? — Перемена!
— Так разны[е] слухи, речи так лукавы,
Что истину постигнуть невозможно.
Легко понять, что юная Царевна
Узду правленья Русью смело
Взяла.

. .

Правительницей же Царевна
Боярами и духовенством названа...
Хованский ей не даром *друг заклятый*...
Стрельцы все за нее стоят горой!..
Она забрала силу на Руси.
— Но тише... кто-то *приближается*...»

Далее появляется воспитатель Софьи, Симеон Полоцкий, и между ним и боярами происходит беседа.

«Первый боярин» обращается к Полоцкому с призывом уйти от книжной премудрости и обратиться к реальной жизни:

«О брось пергамент, эту пыль веков.
Тебе есть дело вне преданий ветхих...
Ты *нужен жизни более, чем знанью*!

.

Переворот великий на Руси
Свершается... и большему еще
Произойти намедни суждено!

[20] Пометы и текст, подчеркнутый Тургеневым, мы выделяем курсивом, зачеркнутое им заключаем в прямые скобки. В приведенных цитатах сохранена орфография оригинала.

Полоцкий

Вопросы жизненные постоянно
Тревожили мой ум, уже привыкший
К *уединенью* мирному *наук*...»[21]

Ряд помет Тургенева содержится в сцене беседы царевны Софьи с Полоцким, например:

«Царевна ‹Полоцкому›

Ты был учителем моим когда-то...
Наставником... да, *без тебя старик*,
Царевной Софьей вряд ли я была б...
Тебе я благодарна...
.
Но ... знаешь, на Руси не терпят прений,
И *мнений собственных*, *необщих*, смелых
Непризнают».[22]

Далее Полоцкий следующими словами напутствует Царевну Софью на царство:

«Друзей остерегайся... а врагов
Щади великодушно, и напрасно
Не оскорбляй... Не озлобляй их против
Себя и власти. *Стань над сим*, *Царевна*.
. . .
Придворных ты не слушайся советов:
«Свой ум царь в голове» ведь поговорка
Гласит... А ненадежны и лукавы
Бывают часто подданных советы.
Отчет в правленьи спрашивай себя
И недоразуменьям ключ ищи
В себе, а не в других. Глава ведь ты.
Узнай: не правы ли гонит*елй*?
. . . .
Себя ты исповедуй так, Царевна:
Не слишком ли доверчива? Слаба я?
.
Довольно ли *блющу* права народа?

...Правит*ельница*... ты
Должна быть матерью всего народа,
Не притеснит*елем*...»[23]

Приведенные цитаты из «Пролога» дают достаточное представление о характере сделанной Тургеневым правки.

---

[21] *ЦГИА*, ф. 947, оп. 1, № 44, лл. 2—2 об., л. 3—3 об.
[22] Там же, л. 7—7 об.
[23] Там же, лл. 13 об.—14 об.

Обратимся теперь к тем сокращениям текста, которые наметил Тургенев. Это касается прежде всего любовной темы в драме, раскрывающейся во взаимоотношениях Софьи и ее фаворита — кн. В. Голицына.

Кавелина вспоминает, как Тургенев, расспрашивая ее о пьесе «Царевна Софья», задал ей вопрос: «А как вы справитесь с Голицыным?» — и по его лицу прошла тень улыбки. Действительно, любовная линия в драме — одно из ее наиболее уязвимых мест. Много лет спустя сама Кавелина писала по этому поводу: «Мне совестно самой читать многие страницы ее ‹«Царевны Софьи», — *Н. Б.*› ‹...› я написала там много неприличностей, по незнанию жизни».[24]

Изображение любовных сцен в драме оказалось не по плечу молодой писательнице и вызывает невольную улыбку читателя. Здесь Тургенев, наряду с подчеркиванием неловких и неудачных мест, наметил — путем введения скобок — некоторые сокращения.[25] Проиллюстрируем это на примерах.

Действие I (1687 г.). Князь В. Голицын отправился в Крымский поход. Покинутая им царевна Софья по-прежнему любит его и не может его забыть. Далее цитируем:

«Царевна

...Теперь, теперь, когда я знаю,
Опасность предстоит ему и смерть...
Меня он покидает... Ни с чего...
Идет к жене... Жена... я — не жена...
(Я — полюбовница его — Царевна).

. .

В час поздний и тяжелый расставанья
Меня он бросил... К ней пошел...
да, к ней!..
(Любовница жену все ж не заменит).

. .

Да разве ты жену свою не бросил?
Не позабыл об ней давным давно?
И разве жизнь свою не проводил
Со мной? Ее не удалил ты разве
По приказанию Царевны Софьи!..
И вдруг... сегодня... полно! Я не верю!
Мужчина, ты соскучился со мной...
(*Тебе я стала не нужна... Не мало*
Перебывало у тебя таких...
И всех спустил ты...)
Это — участь женщин!»[26]

---

[24] Там же, № 45, л. 38.
[25] Фразы, заключенные Тургеневым в скобки, выделены курсивом.
[26] *ЦГИА*, ф. 947, оп. 1, № 44, л. 37 об.—38 об.

В приведенном выше монологе Софьи Тургенев исключил фразы: «Любовница жену все ж не заменит», «Я — полюбовница его — Царевна» и «Тебе я стала не нужна... Не мало перебывало у тебя таких... И всех спустил ты...».

Далее Тургенев наметил значительное сокращение (27 строк) в сцене прощания Софьи с осужденным к ссылке князем Голицыным — сцене, вообще не удавшейся Кавелиной и психологически мало мотивированной. Так, Тургенев исключил текст, где «раскаявшийся» внезапно Голицын грубо и бездушно отталкивает любящую его Софью, умоляющую его взять ее с собою в ссылку, и осыпает ее упреками и бранью. Вот этот текст (цитируем с сокращениями):

«Голицын

Ты понять
Не можешь, что свершается во мне
В подобный час... Свободна ты... А я —
Отец! Мой долг — вселять к себе почтенье...
Ты этого понять не можешь, Софья...
Родительского чувства нет в тебе
И быть не может...

. .

Какую совесть можешь ты иметь?!!

Царевна

Голицын!.. Пощади...
Ах!.. Не тебе
Упреками меня закидывать...
И без того мне горько, больно, стыдно.

Голицын

И по делом!

Царевна

Неблагодарный, злой...

Кн. Василий

Какую благодарность должен я
Питать к тебе? За что... скажи мне!
Софья!» [27]

Тургенев наметил также сокращения и в других местах пьесы.[28]

К концу драмы пометы Тургенева совсем исчезают. Очевидно, Кавелина была права, предположив, что писатель не прочел до конца «Царевну Софью». Именно поэтому Тургенев не обратил внимания на идею пьесы,

---

[27] Там же, лл. 105 об.—106.
[28] См., например, лл. 102—102 об., 105 об.—106 об.

что было особенно горько для молодой писательницы, изобразившей свою Софью как поборницу женской свободы на Руси.

«Я поплатилась жизнью за свое упорство, за свободомыслие свое, за вступленье на новое поприще, за отреченье насильное старых законов и обычаев... за права женщины — они мне дорого обошлись!.. — говорит кавелинская Софья, заключенная в Новодевичий монастырь, в «Эпилоге». — ‹...› Я женщину в Руси освободила! ‹...› Да, здесь из заточения гляжу на первое проявление независимости в русской женщине и торжествую!.. ‹...› Я первая пример дала и выступила смело на поприще сознательного существованья... Я дело совершила, начало положила...».[29]

В заключение добавим, что Кавелина сумела извлечь для себя пользу из сурового урока, данного ей Тургеневым, и стремилась претворить в жизнь литературный завет писателя о необходимости изучения родного языка. Характерно, что ее многолетние «Записки» велись ею преимущественно на русском языке.

Уже в 90-е годы, работая над «Характеристикой И. С. Тургенева», она вспомнила об обращении Тургенева к молодым писателям в статье «По поводу „Отцов и детей“», в которой Тургенев, в частности, писал: «... Берегите наш язык, наш прекрасный русский язык, этот клад, это достояние, переданное нам нашими предшественниками, в числе которых блистает опять-таки Пушкин! Обращайтесь почтительно с этим могущественным орудием; в руках умелых оно в состоянии совершать чудеса!».[30]

Н. Ф. Буданова

‹ВОСПОМИНАНИЯ О ТУРГЕНЕВЕ›

28 августа 1883 [1]

Вчера утром я узнала о его ‹Тургенева› смерти.[2] Ровно два года тому назад, в Петербурге, я простилась с ним в последний раз. Помню, как протянула ему руку и сказала: «Теперь надолго, И‹ван› С‹ергеевич›? На очень долго?». Он разом остановился в дверях. «Как надолго? Напротив, мы увидимся очень скоро. В декабре я буду в Москве и непременно зайду к вам». Он еще раз пожал мне руку и вышел. Я долго следила за его коляской и видела, как она свернула с Фурштатской [3] на Литейную... Это было 26-го августа 1881 года, в среду, в 4 часа пополудни. Он был проездом тогда в Петербурге на один день только, приехал из Москвы с курьерским поездом и выехал на другой день утром за границу...[4]

---

[29] Там же, лл. 111 об.—113.

[30] *Сочинения*, т. XIV, стр. 109.

[1] Здесь и в дальнейшем записи даны в старом стиле.

[2] Тургенев умер в Буживале 22 августа (3 сентября) 1883 г.

[3] Ныне улица Петра Лаврова.

[4] В 1881 г. Тургенев провел более двух месяцев в Спасском (июль—август). На обратном пути из Спасского за границу он находился проездом в Петербурге с 26 по 28 августа ст. ст.

Как он поправился тогда, после пребывания в деревне! И как скоро потом заболел своей последней, долгой, мучительной болезнью.

А какой это был светлый образ! Кто его не знал, не может и представить себе. Лицо его было такое серьезное, почти строгое, а когда улыбается он, так и осветится все лицо, ‹...› и весь он просветлеет от своей улыбки...[5]

20-го ‹сентября 1883›. Утро.

Сам Тургенев сказал мне, что я верно проследила ход нравственного и духовного развития этой личности ‹Савонаролы›,[6] что психический анализ верен и естествен, что действие правдоподобно и логично, одним словом, задача психолога выполнена как следует. Но в «Савонароле» я творила, я узнала из истории голые факты, завязку драмы придумала сама и все это связала сама именно путем логики, т‹ак› чтобы все было естественно и правдоподобно, чтобы одно действие проистекало из другого, было его прямым и неизбежным последствием. Постараюсь тем же путем выполнить свою задачу в характеристике Тургенева.[7] Авось, я дойду таким образом до истины, пойму его совсем как человека. Его отношения ко мне много облегчат мне задачу. Не могу же я полагать, что Тургенев сделал исключение для меня. Это не совсем правдоподобно и вероятно. Во-первых, он знал меня слишком мало (видел всего раз) в ту пору, когда я послала ему своего «Савонаролу», — да и кроме того он и не сразу признал меня, тогда он вспомнил, что был Кавелин в Москве и что у этого Кавелина была семья — жена и, может быть, ему смутно представились и дочери. Двойной адрес мой: Кремль и Петровский дворец,[8] должно быть, навел его на мысль, что это та же Кавелина, а без этого он, вероятно, совсем потерялся бы в догадках, так как в письме моем ничего не свидетельствовало о моем единстве с теми Кавелиными. Я написала ему письмо чисто литературного содержания, не назвала ни папы (хотя он знал его) и никого вообще. О себе тоже ничего не сказала. Моя мысль была установить между нами чисто литературные отношенья, в которых ни положенье мое, ни лета, ни имя не мешали бы. Я хотела видеть, как он отнесется ко мне, не зная, кто и что я такое? Напомн‹ив› ему о нашем прежнем знакомстве, я бы, конечно, повредила себе в этом случае. Тургенев счел бы своим долгом быть осторожнее, деликатнее в своем обхожденье, зная мамá, меня и моего отца. А я желала, чтобы он отнесся ко мне совсем беспристрастно. Я также почему-то думала, что Тургенев прочтет с меньшим

---

[5] *ЦГИА*, ф. 947, оп. 1, № 35, лл. 30 об.—31 об.

[6] Речь идет о главном герое первой драмы Кавелиной «Савонарола».

[7] Сразу же после смерти Тургенева Кавелина задумала написать о нем книгу. Этот замысел ей удалось осуществить лишь в 90-е годы.

[8] В своем первом письме, посланном Тургеневу в Париж вместе с драмой «Савонарола», Кавелина указала два обратных адреса, по поводу чего Тургенев написал ей 19 (31) августа 1880 г.: «Одно меня несколько смущает: как адресовать мне ‹...› ответ? Вы выставили два адреса — один в начале письма: „Москва, Петровское“, другой в конце: „Москва, Кремль“, и не сообщили Вашего отчества ‹...› Решаюсь писать Вам „в Кремль“» (*Письма*, т. XII, кн. 2, стр. 300).

интересом бредни великосветской барышни, обращающейся к нему, как к знакомому, злоупотребляя, таким образом, его обязательствами светского человека и gentleman.[9] Я не хотела ставить свои отношения к Тургеневу на такую ногу — я предоставила ему самому отгадать, коли он захочет и коли он вспомнит, кто я такая; я выставила, конечно, все мое имя и адрес; Москва, Кремль и Петровский дворец, конечно, пояснили ему мою личность. Мне не удалось спрятаться от него совсем, но все-таки я поставила себя на совсем другую ногу с Тургеневым — кабы не это первое письмо мое к нему, конечно, свиданья мои с Тургеневым и разговоры имели бы совсем другой характер. Светские отношения, конечно, восстановились между нами, т. е. Тургенев приезжал ко мне, а не я ездила к нему (хоть я и предлагала это) — но когда мы оставались вдвоем, Тургенев говорил со мной совсем серьезно и вообще давал себе труд показаться мне в своем настоящем свете — все это благодаря этому первому письму моему! Я видела его прежде и знаю, что он был другой человек — светский, но будто скучающий, — тут же он был прост и естествен, разговорчив и внимателен, скука не высказывалась на его лице, как в тот вечер, когда он читал „Бирюк" в Большом театре в Москве[10] и сидел в нашей ложе такой чопорный и молчаливый. Теперь я думаю, что ему было просто неловко тогда — не любил он показываться в публике и находиться в чужом обществе, не имея ничего общего с ним. Помню его в театре и в Большом, и в Малом — пьесы он всегда слушал очень серьезно, редко смеялся даже в комические моменты и никогда не спускал лорнета во время действия, а когда спускал его, то тотчас одевал pince-nez, верно, чтобы дать отдохнуть руке, и все продолжал внимательно глядеть на сцену. Может быть, он не оглядывал публику потому, что боялся встретить устремленные на него взгляды и верно чувствовал, что на него смотрят, — да и как было не смотреть на него? В опере я помню его хорошо в день представления „Фауста" на русском языке. Вошел он в залу во время короткого прелюдия к Прологу. Музыка уже играла, и в зале стемнело. Появился он из средних дверей и прошел средним ходом в первый ряд на седьмое или восьмое кресло с правой стороны.

По мере того как он подвигался вперед, в рядах, остававшихся позади его, замечалось какое-то волненье. Многие переглядывались, лорнеты поднимались в его сторону, на него указывали глазами, все узнавали Тургенева тотчас — его нельзя было не узнать. В антрактах редко кто подходил к нему. Обыкновенно он стоял один у рампы, спиной к оркестру и довольно ‹?› равнодушно глядел прямо перед собой, или же он оставался

---

[9] джентльмена (*англ.*).

[10] О каком чтении здесь идет речь, установить не удалось. 4 марта 1879 г. (сама Кавелина вспоминала, что она видела Тургенева в Москве, в год чествований, оказанных писателю русским обществом) Тургенев читал в Благородном собрании на вечере в пользу недостаточных студентов Московского университета рассказ «Бурмистр» (см.: П. В ‹а с и л ь е в›. Описание торжеств, происходивших в честь И. С. Тургенева во время пребывания его в Москве и Петербурге в течение февраля и марта 1879 г. Казань, 1880, стр. 4—6).

в своем кресле и упорно читал афишу. Он никогда не выходил из залы в антрактах, так как не курил, знакомых у него не было, конечно, в ложах; он так мало живал в Москве и вряд ли пошел бы делать визиты по ложам, даже кабы увидел знакомых ‹...›. В публике многие оставались в зале и не уходили в foyer,[11] когда он был в театре. Зала никогда не пустела так, когда он находился в ней. Многие оставались на своих местах, смотрели упорно по сторонам, но оставались все-таки в зале ‹...› всеобщее уваженье к нему чувствовалось во всей публике. Все сознавали его присутствие между ними, но никто не осмеливался беспокоить его своим любопытным взглядом.[12]

9 ‹октября 1883›

Помню, когда он спросил у меня, написала ли я что-нибудь новое после «Савонаролы», и когда я ответила ему на это, что я написала «Царевну Софью», какая-то тень прошла по его лицу... Ему, верно, не хотелось обижать меня, *но ему было смешно*. Он, конечно, видел, что я такое — ему стоило взглянуть на меня, чтобы понять, что я *ничего не знаю*. Он не спросил меня, как другие, зачем я выбрала такой сумрачный сюжет. Напротив, он сказал, что это очень интересная тема. «Но как вы справитесь с ней?» — спросил он меня и тут начал перечислять все факты истории Софьи... Как изумительно знал он все! Я работала над этой частью ‹?› истории, я занималась ею специально, а он так, разом, без приготовлений излагает мне все в подробностях, как будто много, много работал над ней... Нет ничего удивительного в том, что он знал основательно русскую историю... но если он знал малейшие подробности истории Софьи, он все должен был знать в таких подробностях. Причины нет, чтоб он знал бы особенно хорошо ее историю... И говорил все это так просто, без всякого желания блеснуть своими познаньями... Расспрашивая меня о том, как я справлюсь со своей темой, он дошел и до отношений Софьи к Голицыну... Тут-то и прошла по лицу его эта тень...

Вечер ‹октябрь 1883›

«Я не знал, как и прийти к вам», — сказал добрый Иван Сергеевич, усаживаясь в глубокое красное кресло и уперев свой пристальный, задумчивый взгляд на меня. Он осмотрелся кругом, чтоб удостоверить‹ся› в том, что мы одни. «Ничего утешительного не могу я сказать Вам. Вы спрашиваете мое мненье о „Царевне Софье“, мое искреннее, добросовестное мненье? Я должен ответить Вам, что я ничего не понимаю в ней». Слова эти были высказаны тихо и ясно, как будто с трудом давалось каждое из них тому, который произносил их. Тут он сложил свои руки, прислонился к спинке кресла и опять взглянул на меня; pince-nez его упал с носа и повис на шнурке. Тургенев не поднял его и не надел его опять... пристально глядел он на меня своими светлыми, чудными глазами... Я видела, что я поставила его в затруднительное положенье.

---

[11] фойе (*франц.*).
[12] *ЦГИА*, ф. 947, оп. 1, № 35, лл. 179 об.—184.

«Я не хотел прийти к вам оттого... я не знал, как сказать вам правду. — Я ведь обещался написать свое мненье пером, но тоже не знал, как написать его...»

«Говорите все, — прервала я его, — я хочу знать все, что вы думаете обо мне... Я не боюсь правды».

Эти слова как будто вернули энергию Ивану Сергеевичу... Все не спуская с меня своего пристального, мыслящего взгляда, он тут же сделал мне серьезный, строгий выговор.

«Как это вы провели меня! — прибавил он с улыбкой, покачивая своей белой головой. — Прочтя Вашего „Савонаролу", вы помните, я нашел, что и слог и стих хороши... Что за странность! Как я мог найти это! Как вы могли так провести меня!». Ему это казалось смешным, невероятным, а я знала про себя, что над «Савонаролой» я работала, а над «Софьей» нет. Я знала, что «Савонарола» был в руках другого критика перед Тургеневым; С. А. Юрьев[13] пересмотрел его предварительно — я бы не решилась послать Тургеневу ‹*нрзб.*› не оконченное, никем не исправленное сочиненье... Наконец, «Савонарола» был мой первый опыт в стихотворстве: помню, как В. И. Родиславский[14] показывал мне размер пятистопного ямба, когда я начала писать «Савонаролу».

«Еще одно последнее сказанье —
И летопись окончена моя»,[15] —

повторял он, делая усиленное ударенье на переломах размера. Я скоро усвоила себе пятистопный ямб, но все же очень и очень много работала над «Савонаролой». А «Софью» я начала писать, пока «Савонарола» был у Тургенева, и кончила я ее под впечатлением его письма. «Очевидно, вы владеете языком и стихом», — писал он мне по прочтении «Савонаролы».[16] Я сперва недоумевала, а потом пришла в неописанный восторг: «Коли сам Тургенев сказал мне, что я *владею языком и стихом*, чего же больше?!». Я с уверенностью окончила «Царевну Софью» и весной вручила ее Тургеневу...

И что ж? Не прошло нескольких месяцев, как я услышала из уст его: «Я беру свои слова назад... Вы не владеете ни языком, ни стихом». Ошеломленная, я сидела перед ним... Что могла я ответить ему на это? Я слепо верила ему во всем, я доверилась ему... Я не сомневалась в том, что он прав, хоть правда и была горька. Упершись локтями о стол, теребя в руках недавно полученное из Москвы письмо от мамá, я молча выслушала его слова:

---

[13] С. А. Юрьев (1821—1888) — писатель, переводчик, основатель журнала «Русская мысль», знакомый и корреспондент Тургенева.

[14] В. И. Родиславский (1828—1885) — драматург, переводчик, основатель «Общества русских драматических писателей и оперных композиторов» (1874).

[15] Строки из драмы А. С. Пушкина «Борис Годунов».

[16] См. письмо Тургенева к Е. П. Кавелиной от 28 октября (9 ноября) 1881 г. (*Письма*, т. XII, кн. 2, стр. 318).

«Займитесь русским языком, — сказал он мне, — читайте больше по-русски, возьмите себе учителя, ну, самого простого учителя... Я не знаю, что посоветовать вам, но так писать по-русски — *нельзя*... Слог, обороты речи — все у вас не русское. Пока вы не выучитесь основательно русскому языку — едва ли стоит вам писать».

Это было сильно... но я не падала духом, я не показывала вида, что мне горько и тяжело. А он, он был возмущен, он негодовал на меня за то, что я искажала тот язык, который он так боготворил, чистоту которого он так ревниво охранял.

Когда я спросила его, можно ли сделать что-нибудь с «Софьей», исправить ее, он посоветовал мне оставить ее совсем пока и забыть о ней... «Исправить ее нельзя, — он сказал мне, — ее нужно всю переделать с начала до конца».

Мое мненье, что он не прочел ее всю — у него не хватило на это терпенья... Когда я спросила его сказать мне что-нибудь насчет идеи сочиненья, что он думает о ней, он сказал мне, что «его поразил слог его, а идею он и не разобрал...».

«Вообще, вы хотите знать, есть ли у вас талант или нет? — это книга, закрытая для меня, — сказал он. — Время докажет это. Если вас обезоружит все то, что я сказал вам сегодня, если из-за этого вы перестанете заниматься, перестанете писать, — это докажет, что в вас нет истинного дарованья. Если же вы послушаетесь моего совета и попробуете заняться основательно русским языком, то, может быть, вам удастся исправиться от своего недостатка... В ваши годы это еще возможно».

Не так выражался Иван Сергеевич — он говорил плавно и изумительно кругло и красиво... никогда не слышала я такую правильную и вместе музыкальную, законченную речь, как у Тургенева. У него был положительно замечательный слог, как в письме, так и в живой речи... Так просто он изъяснялся, неизысканно и, между тем, как красиво! И голос у него был какой-то особенно мягкий и певучий, и выговор у него был такой благородный! И в глаза он смотрел так прямо тому, с которым говорил...

«Кому знать лучше, есть ли в вас талант, как не вам самой... Вы должны чувствовать его в себе... А если вы не чувствуете?...».

Можно ли осуждать Ивана Сергеевича за то, что он так просто и добросовестно сказал мне правду? Ведь он спросил меня, должен ли он говорить всю правду? ‹...› Кому охота говорить неприятности? А ему тем более, должно быть, было очень нелегко и очень тяжело мне сказать в глаза такие горькие истины. Оттого-то он и высказал их так скоро и, может быть, немножко резко... Он хотел поскорее сбыть с рук эту тяжелую обязанность, исполнить добросовестно свой долг... Он был возмущен, он негодовал на меня, и это возмущенье, это негодованье вылилось у него, как только я дала ему разрешение на это... Кабы я поступила иначе, он, вероятно, сказал бы мне, что это «недурно» и поскорее убрался бы... Он и прежде говорил мне, что «снисходителен только к тем, которыми совсем не интересуется, и что бывает ужасно строг, когда принимает что-нибудь к сердцу». Не думала я об этом, не вспоминала этого тогда, когда он сидел передо мной в этом глубоком кресле и так при-

стально смотрел на меня... Во все время беседы он ни разу не спустил с меня своих глаз, и, странное дело, этот устремленный на меня взгляд его нисколько не смущал меня... Мне не было неловко от него — это был такой чистый и светлый взгляд!

Не скоро ушел от меня тогда Тургенев, долго сидел и долго говорил... А больше меня заставлял говорить... Насколько в первое свиданье с ним я путалась в словах и конфузилась, настолько в этот раз я говорила с ним просто, как нельзя больше. Конечно, я сознавала его присутствие, но мне надо было поднять глаза и посмотреть на него, увидеть эти знакомые черты, чтоб удостовериться в том, что я говорю с самим Тургеневым.[17]

14 ‹июня 1884›

Т‹ургенев› как критик, как цензор юношеских первых опытов — редкое явленье. Ему, несмотря на его мировую славу, не страшно было довериться; читателя более внимательного, критика более добросовестного нельзя было да и нельзя будет найти. Т‹ургенев›, как истинный знаток, ценил всякое достоинство в сочиненье: он ничего не пропускал без вниманья, но он не всегда был так снисходителен, как его описывают теперь; он умел быть строгим, умел раскритиковать сочиненье и побранить как следует его автора, если сочиненье действительно подпадет под его опалу за что-нибудь, особенно за небрежность слога — этого он не терпел и неряшливых стилистов не щадил.

Досталось и мне от Тургенева, и я помню до сих пор его строгие замечания и благодарю за правду, которую он высказал мне тогда честно и добросовестно. Слова Т‹ургенева› врезались у меня в памяти, и вся фигура его, как он сидел передо мной, прислонясь о спинку глубокого старомодного кресла. Белая голова его резко вырисовывалась на фоне красного бархата; он смотрел на меня, и этот прямой, задумчивый, честный взгляд его глубоко посаженных, усталых глаз нисколько не смущал, не стеснял меня, как мог бы смутить такой продолжительный, пристальный взгляд.

Несколько лет прошло уже с тех пор, а я вижу отчетливо, глазами ума или, вернее, памяти, всю фигуру Т‹ургенева›, как он сидел тогда передо мной и смотрел на меня. Всего же яснее я вижу его глаза, чистое, почти святое выраженье их, такое мыслящее и светлое, какое может быть только у очень хорошего человека, и то покончившего с жизнью, с увлеченьями и страстями. Вряд ли могло быть такое выраженье у Т‹ургенева› прежде, когда жизнь кипела в нем,— когда я узнала его, время наложило уже свою печать на его осунувшиеся черты; это было усталое, очень усталое лицо — много сомнений, много забот, очевидно, изнурили его и прорыли на нем эти глубокие морщины; много горя, быть может утаенного, скрытого, но тем более тяжело переживаемого горя перестрадал он, должно быть, на своем веку, огорчений и разочарований — и все это легло неизгладимою печатью на его лице, но не испортило его, как эти страданья не исказили его душу, а, напротив, очистили, возвысили ее.[18]

---

[17] *ЦГИА*, ф. 947, оп. 1, № 35, лл. 266 об.—271.
[18] Там же, № 36, лл. 82—84.

15 ‹июня 1884›

Знакомство мое с Т‹ургеневым› — одно из самых — скажу прямо — самый светлый момент моей жизни, это такое впечатленье, которое не может изгладиться и забыться. Обстоятельства, при которых это совершилось, моя собственная активная роль во всем этом, наконец достиженье моей цели, письма и советы Т‹ургенева› — все это залегло у меня в памяти глубоким следом ‹...›. От него нельзя было ждать казенных, пошлых приемов авторитетного сужденья; Т‹ургенев› судил все по-своему, и критика его была совсем своеобразная. Он судил все «по-человечески» и обходился со всеми также по-человечески — ничего величественного, напускного, привычно грандиозного в нем не было, это-то и производило такое глубокое впечатление. Оставшись со своим учеником ‹...› Т‹ургенев› мгновенно преображался. Его покидала та доля принужденья, которая явно сказывалась во всех его движеньях и речах, пока разговор не коснулся настоящего дела и отношенья не разрешились, не установились. Т‹ургенев› больше заставлял говорить, нежели сам говорил; он умел расспрашивать так, что отвечать ему, рассказывать — даже самому робкому человеку — было легко. Вся робость проходила перед ним — казалось бы, ему тотчас можно было исповедаться. Такое доверье он внушал своим простым обхожденьем и светлой, чистой, бесконечно доброй улыбкой ‹...›. Тургенев, всегда снисходительный критик, был в то же время добросовестным судьей тех произведений, которые ему приходилось пересматривать. Он мог сам ошибаться в своем желанье найти хорошие стороны в произведенье, но он счел бы за преступленье ввести в заблужденье молодого, доверившегося ему писателя, похвалить то, что достойно осужденья. Если вещь не особенно нравилась ему и автор не особенно интересовал его, то ему случалось (он сам говорил мне это) отделываться от него обычными фразами: очень мило, недурно, — чтоб, не обижая его, разделаться с ним. И тут же он говорил мне — и это повторил два раза, — что тем строже он разбирает сочиненье, даже тем больше критикует его, чем больше это высказывает его интерес в авторе произведенья и желанья ему добра и пользы.

Я лично очень хорошо знаю, что я удостоилась осужденья Т‹ургенева› за второе сочиненье,[19] которое — по его же просьбе — подала ему на суд. Он остался настолько недоволен им, что прямо высказал мне свое негодованье, в особенности на мой неряшливый, просто неправильный слог (этого не прощал никак) ‹...›. Повторяю, он мог ошибаться в своих сужденьях; сам он не считал себя хорошим критиком и если брался за неблагодарную роль критика и цензора пробных произведений молодых писателей, то только по свойственной ему доброте и по неохоте отказывать в чем бы то ни было кому бы то ни было, а тем более пробивающим себе путь, нуждающимся в его помощи и совете нарождающимся талантам.[20]

---

[19] «Царевна Софья».
[20] *ЦГИА*, ф. 947, оп. 1, № 36, лл. 84 об., 88—91.

26 ‹июня 1884›

Т‹ургенев› для меня нечто иное, чем все другие писатели: это существо, которому я обязана во многом; благодаря ему я оценила и полюбила до него ничего ‹мне› не говоривший русский язык. Т‹ургенев›, этот ярый западник, этот якобы противник всего почвенного и исключительного, внушил мне уваженье к своему родному наречью и культ к его наичистейшему выраженью.

Не могу не привести эти подробности, касающиеся до меня лично, но трудно, почти невозможно избавиться от необходимости задеть их хоть слегка, чтобы дать понятье о том влиянии, какое Т‹ургенев› имел на обращающихся к нему за советом молодых людей. Конечно, мне трудно, да и невозможно, судить о Т‹ургеневе› иначе, как по своему собственному опыту и только личным наблюдениям над ним.

Вот что я заметила в нем. Во-первых, находясь в обществе, где все присутствовавшие предпочитали выражаться на фр‹анцузском› языке, Т‹ургенев› систематически и принципиально переводил разговор на русский язык и не изъяснялся иначе как по-русски. Мне даже казалось, что ему было неприятно, когда ‹...› к нему обращались не по-русски. Это как будто оскорбляло его; он видел в этом знак того, что его считают за полуиностранца, за французского чужака, и это коробило его и мутило.

В России, да и повсюду, он хотел казаться русским и считаться таковым; ему было больно думать и сознавать, что он отдаляется от России, отстает от нее волей-неволей, что привычка берет верх, энергии не хватает порвать навсегда с прошлым...[21]

12 ноября ‹1891›

«Записки» я пишу давно, с того дня, как узнала о смерти Тургенева. Я совсем забросила писание с тех пор, и только когда узнала, что он умер, мне захотелось заниматься тем, чем занимался он. При жизни его это же побудило меня сочинять (не писать, так как писала я из потребности писать, писала и в обществе).

Но пока он жил — он был стимулом для меня; мне хотелось показать ему, что я пишу, и я этого добилась. Но я потерпела фиаско с моей «Царевной Софьей»; он разбранил меня за нее — это было бы еще ничего, но он усомнился в моем таланте... «Есть ли у вас талант или нет — книга, закрытая для меня», — так он и выразился и еще, помню, положил при этом на стол свою широкую ладонь. Это был смертельный удар для меня — услышать такой приговор от Тургенева, которому я верила слепо, как никогда уже не верила никому с тех пор. Правда, он прибавил тут же, что я докажу, есть ли у меня талант (это сомнение приводило меня в отчаяние!), тем, буду ли я продолжать писать после всего, что он сказал мне, или брошу писать. Буду ли работать?

Я бросила писать, но не мысль о писании. Я тогда же начала читать «Историю»[22] Карамзина; но писать я больше не могла. Я не считала свою

---

[21] Там же, лл. 103—104 об.

[22] Т. е. «Историю Государства Российского».

«Софью» бездарной вещью, и вдруг Тургенев, прочитав ее, все же усумнился в том даже, есть ли у меня талант. Что же это такое?

Много лет прошло с тех пор. Я не люблю перечитывать теперь «Софью». Мне совестно самой читать многие страницы ее; во-первых, я написала там много неприличностей, по незнанию жизни; во-вторых, разумеется, многое написано не хорошо, не гладко; но чтоб «Софья» была вещью бездарной, я и поныне это отрицаю. Задумана она совсем недурно и, сколько мне кажется, получше «Софьи» Крылова.[23] И я не понимаю приговора Тургенева. Тогда мне пришло в голову предположение, что Т‹ургенев› всей «Софьи» *не читал*; что он оскорбился с самого начала ее слогом и швырнул ее в сторону с отвращением. И теперь я думаю то же. Но почему же он высказал мне сомнение в моем таланте? Это было недобросовестно с его стороны. Он *не допускал*, чтобы я писала так, как писала тогда; он не хотел этого допустить. Он даже, может быть, не хотел позволить мне писать, пока я не научусь писать. Ведь сказал же мне он: «Прежде выучитесь писать по-русски и тогда уже беритесь за перо». Теперь же я спрашиваю себя: отчего отнесся ко мне Т‹ургенев› так строго, так неумолимо строго и взыскательно? — Он, который слыл за самого снисходительного критика, поощряющего *все* молодые литературные силы обращаться к нему за советом? Хуже ли, бездарнее ли я *всех* их, всех тех, которые пропали бесследно в литературном омуте? Но не пропала ли и я тоже? Нет, я чувствую, что я не пропала, что я проявлюсь, что обо мне заговорят, когда меня не станет.[24]

‹90-е годы›

Не комплименты выслушала я от Тургенева, а строгий выговор, но воспоминание о нем тем дороже мне теперь, что обрисовывает Т‹ургене›ва с хорошей стороны: двуличного, неискреннего Т‹ургене›ва, каким рисуют его часто, — скажу это с гордостью — я не знала. Тогда же я поняла, понимаю и теперь, что я вполне заслужила строгий суд со стороны Т‹ургене›ва, и весь этот разговор — будь он записан в то время дословно — остался бы для многих молодых писателей. Постараюсь восстановить его в памяти, как сумею ‹...›.

Первый разговор мой с Т‹ургене›вым был менее серьезен, произошел он в конце мая 1880 года[25] в нашей московской квартире ‹...›.

Когда я начала говорить ему с увлечением о том, как отвратителен Борджиа, папа Александр VI, фигурирующий в моей драме, он мне сказал, что, по его мненью, в действительности нет людей ‹ни› совершенно дурных, ни совершенно хороших, а в людях есть смешение того с другим. О себе и своей манере писать он говорил мало, к сожалению, а спросил меня, пишу ли я еще что-нибудь? — на что я ему рассказала о своей «драме» (и все это писалось стихами!..) «Царевна Софья». Это было мое

[23] Пьеса «Царевна София», написанная В. А. Крыловым (1838—1906) совместно с П. Н. Полевым.

[24] *ПГИА*, ф. 947, оп. 1, № 45, лл. 37 об.—39.

[25] Очевидно, описка: первое свидание Кавелиной с Тургеневым состоялось в мае 1881 г.

излюбленное детище; я плакала над ней, так я прочувствовала ее, и до сих пор воспоминание об этой бедной, возбудившей гнев Т‹ургене›ва, «Царевне» волнует меня несказанно.[26]

Много лет прошло, много воды утекло с тех пор, как были написаны эти письма.[27]

Грустно смотреть на них теперь, на эти ‹*нрзб.*› лоскутки бумаги ‹...› которые время пощадило, как не пощадило его.

Надо поделиться ими с теми читателями, кому дороги интересы русской литературы и, в частности, имя Тургенева.[28]

Может быть, они помогут восстановить образ того Тургенева, которого я знала и помнили те, кто обращался к нему за советом.[29]

Фанатики литературы — мнимые, а быть может, среди них находились и истинные таланты, — всё стремилось к Тургеневу, либо письменно, либо лично. Мы, т. е. эта часть молодежи, не верили тому, что нам говорили о нем злые языки будто он не любит Россию и т. д. Для нас было достаточно, кроме его великих, чисто русских творений, также слов, которые он сказал нам, т. е. всем молодым писателям, в своей статье по поводу «О‹тцов› и д‹етей›»,[30] и мы не ошиблись тогда. Те из нас, которые обратились к нему за советом, не пожалели о том — я в том числе ‹на этом рукопись обрывается›.[31]

---

[26] *Далее зачеркнуто:* Признаться, мне было обидно видеть на афишах драму В. Крылова «Правительн‹ица› Софья», и когда я прочла ее завязку, я пожалела, что не передала своей схемы [своего сценария] талантливому и опытному писателю. *Далее карандашом вписано:* Т‹ургенев› взял мою драму и увез ее в Париж, обещая написать и сделать мне на словах отчет о ней при первом свидании. (Эти последние годы ‹*не закончено*›.

[27] *Далее зачеркнуто:* Этот год уже минуло 15 лет, как самого Тургенева нет на свете; а между тем не для меня одной, тогда молодой и восторженной поклонницы Тургенева, ‹они› не утратили своего обаяния и поныне! Когда перечитываешь их в зрелом возрасте, с иным знанием жизни и людей ‹*не закончено*›.

[28] *Далее зачеркнуто:* Это не моя личная собственность, а достояние каждого любителя русской литературы, в них выражается очень ясно доброе, искреннее отношение Ив‹ана› Серг‹еевича› к начинающим русским писателям, обращающимся к нему за советом. Не раз я слышала, как его осуждали за неискренность в своих суждениях, ‹упрекали› в недостатке искренности и прямоты.

[29] *Далее зачеркнуто:* Нас было не мало в то время. Перед ним нельзя было робеть; доступнее его я не знала человека среди «великих» людей: и говорил он просто, и все было просто в нем. Прочтите эти письма, и затем я добавлю два слова от себя о своем знакомстве с И. С. Т‹ургене›вым.

[30] Кавелина имеет в виду обращение Тургенева к молодым писателям, собратьям по перу, в статье «По поводу „Отцов и детей“». Тургенев призывает их стремиться к правдивости, к полной свободе воззрений и понятий, к знанию, к бережному обращению с родным русским языком (см.: *Сочинения*, т. XIV, стр. 109).

[31] *ЦГИА*, ф. 947, оп. 1, № 50, лл. 180—183 об.

ВОСПОМИНАНИЯ Н. К. СКВОРЦОВОЙ-МИХАЙЛОВСКОЙ О ТУРГЕНЕВЕ

Надежда Кузьминична Скворцова-Михайловская (1852—после 1938) — доктор медицины, психиатр, одна из первых русских женщин-врачей. В 1867 г. окончила петербургскую Коломенскую женскую гимназию и поступила в «специально-педагогические классы» петербургских женских гимназий, основанные Н. А. Вышнеградским. По окончании в 1869 г. этих педагогических курсов работала помощницей контролера в IV отделении канцелярии ведомства императрицы Марии. К этому времени относится сближение ее с передовыми кругами студенческой молодежи, в частности знакомство с Софьей Перовской. В начале 70-х годов она входила в петербургские кружки чайковцев.[1]

В 1873 г. Скворцова поступила на медицинский факультет «École de médecine» в Париже, куда впервые были допущены женщины. Здесь она училась до 1878 г., одновременно работая в химической лаборатории в Сорбонне у профессора Шюценбергера.

Сосредоточив свои интересы на изучении нервных болезней, она посещала отделение профессора Шарко в женской больнице «Salpétrière» и психиатрическое отделение профессора Маньяна в «Asile Ste Anne». В 1881 г. она окончила медицинский факультет «Académie de Paris» и защитила докторскую диссертацию «De la cécité et de la surdité des mots dans l'aphasie». В этом же году была избрана членом французского медико-психологического общества. По заказу Шарко печатала ряд работ в «Archives de Neurologie».

Живя в Париже, Скворцова живо интересовалась Россией и русскими в Париже, познакомилась с П. Л. Лавровым, Г. А. Лопатиным, была близка с дочерьми Герцена, Натальей и Ольгой, у которых встречалась с С. И. Танеевым, Жаном Ришпеном, С. В. Ковалевской, Н. Н. Миклухо-Маклаем и др. К этому времени относится и знакомство ее с Тургеневым. Тургенев, изобразивший в «Нови» и «Стихотворениях в прозе» новых женщин с глубокой симпатией, в дневнике от 31 декабря 1882 г. (12 января 1883 г.) записал, что его посетила «очень интересная девица-врач Скворцова».[2]

По возвращении в Россию Скворцова работала в петербургской психиатрической больнице Николая Чудотворца, часто посещала семью С. П. Боткина, в доме которого встречалась с А. Ф. Кони, А. М. Унковским и другими общественными деятелями. В 1885 г. была избрана действительным членом С.-Петербургского общества естествоиспытателей.

Публикуемые ниже воспоминания[3] о встречах с Тургеневым в 1875 и 1881—1883 гг., написанные незадолго до ее смерти, в октябре 1936 г., находятся в архивном фонде Н. К. Скворцовой-Михайловской, поступившем в Отдел рукописей ГПБ в 1938 г. и содержащем ее личные документы и

---

[1] Деятели революционного движения в России. Библиографический словарь. Сост. А. А. Шилов и М. Г. Карпаухова. Т. II, вып. 4. М., 1932, стб. 1516.

[2] *Лит. насл.*, т. 73, кн. 1, стр. 369.

[3] Извлечение из них см.: *Лит. насл.*, т. 76, стр. 431.

деловые бумаги, автобиографические наброски, воспоминания (об И. С. Тургеневе, П. Л. Лаврове, С. П. Боткине, А. Ф. Кони и др.), ее диссертацию, письма к ней 70—80-х годов П. Брока, А. Куссмауля, В. Маньяна, Ж. М. Шарко, И. П. Мержеевского, М. Н. Нижегородцева, П. Якоби, Ж. Гюисманса, Е. Дюран-Гревиля, А. Ф. Кони и др., статью С. П. Боткина «Общие основы клинической медицины», работы В. Х. Кандинского и других лиц.

Мемуары Н. К. Скворцовой-Михайловской, расширяющие круг сведений о связях и знакомствах Тургенева, его общественной деятельности (помощь русской библиотеке-читальне в Париже, хлопоты о П. Л. Лаврове), его научных интересах (интерес к психиатрии, чтение медицинской литературы) и сообщающие любопытные высказывания писателя (о его атеизме и проч.), печатаются по написанному карандашом беловому автографу.[4]

Р. Б. Заборова

ТУРГЕНЕВ ИВАН СЕРГЕЕВИЧ

В первый раз я увидела Ивана Сергеевича еще студенткой медицинского факультета в Париже. Мы, студентки, устроили русскую библиотеку, но так как все мы были небогаты, а ученье и книги стоили дорого, то вносили только по два франка в месяц, и библиотека, конечно, была бедна. В библиотеке сходились, кроме студенток, еще и молодые русские профессора и художники, посланные за границу, и говорили о ней Тургеневу. Иван Сергеевич захотел помочь нам и устроил концерт в пользу нашей библиотеки у m-me Виардо. В этом концерте участвовала сама m-me Виардо, ее сын Paul, скрипач, и некоторые русские артисты, которые в Париже все приезжали на поклонение к m-me Виардо, как литераторы к Тургеневу.[1]

На этом концерте m-me Виардо пела по-русски романс Фета *«Шёпот, ропот, тихое дыханье, трели соловья»*.[2] Голос ее, конечно, не сохранился, она была уже стара, хотя очень бодрая, но уменье поразительное. По окончании концерта Тургенев поднес ей великолепный букет, который она милостиво приняла. Не помню, какая сумма была собрана с этого концерта, во всяком случае это было большой помощью для библиотеки.

В 1881 году я защищала диссертацию на доктора медицины под председательством проф‹ессора› Шарко, только что вернувшегося из России,

---

[4] *ГПБ*, ф. 699, № 8, лл. 35—45.

[1] Речь идет о литературно-музыкальном утре в пользу русской читальни в Париже 2 (14) мая 1875 г. (см.: *Письма*, т. XI, стр. 72, 482; *Клеман, Летопись*, стр. 235; А. Крюков. Тургенев и музыка. Музгиз, Л., 1963, стр. 121—122).

[2] Имеется в виду романс Виардо на слова А. А. Фета «Шёпот, робкое дыханье, трели соловья» (см. серию: 12 стихотворений Пушкина, Фета и Тургенева, положенные на музыку Полиною Виардо Гарсиа. Издание А. Йогансена, СПб., 1864).

куда он ездил к какой-то больной. Проф‹ессор› Шарко после моей защиты сказал мне несколько ласковых слов и в моем лице благодарил русских врачей, так почетно принявших его в Петербурге.[3]

Докторов медицины — женщин было очень мало в Париже, а слава профессора Шарко велика ‹...› о моей защите написали в газетах. Таким образом, Тургенев узнал об этом и спрашивал у кого-то из русских о моей работе. Мне посоветовали отнести ему мою диссертацию, что я и сделала при первой возможности.[4]

Он принял меня очень приветливо и между прочим рассказал мне, что с ним случилось один раз при поездке в Англию. Его знакомые просили его передать лично письмо одному английскому архиепископу. Иван Сергеевич явился к нему и был принят очень торжественно. Архиепископ сидел, окруженный всей своей семьей. Но, как только Иван Сергеевич вошел, у него в голове, под влиянием чего — он не мог дать себе отчета, поднялся такой вихрь картин и образов, что он долго стоял молча, пока это не прошло, ‹к› удивлению архиепископа.[5]

Рассказывая мне это, Тургенев прибавил: «Художнику-писателю нередко приходится мыслить образами, картинами».

Следующая моя встреча с Тургеневым была совсем иная. Вскоре после защиты моей диссертации ко мне в Париж приехал тяжело больной мой брат, всегда очень дружески относившийся ко мне.[6] Русские врачи послали его в Ментону, куда я повезла его и где он умер на моих руках и даже с улыбкой на губах. Из Ментоны по распоряжению моего дяди,

---

[3] Шарко Жан-Мартен (1825—1893) — знаменитый французский невропатолог. В 70-х годах был профессором медицинского факультета «École de médecine» по кафедре патологической анатомии и главным врачом в больнице Сальпетриер. Тургенев прибегал к его помощи сам и, по воспоминаниям Л. Леже, сопровождал к Шарко А. Ф. Писемского. Упомянутое Скворцовой чествование Шарко в Петербурге состоялось 25 февраля (9 марта) 1881 г.

[4] Диссертация Скворцовой была напечатана отдельной книгой: De la cécité et de la surdité des mots dans l'aphasie, par M-lle Nadine Skwortzoff, docteur en médecine de la Faculté de Paris. Paris, 1881, 142 стр., 2 илл. «Когда кончила, отнесла ему диссертацию в знак моего уважения», — значится в плане воспоминаний (*ГПБ*, ф. 699, № 9, л. 3 об.). Защита напечатанной диссертации состоялась 5 апреля н. ст. 1881 г.; диплом об окончании Парижской академии был выдан Скворцовой 25 мая н. ст. 1881 г. Поскольку Тургенев с 8 мая до начала сентября н. ст. 1881 г. был в России, а во второй половине октября ездил в Англию, Скворцова могла быть у него либо в апреле—начале мая, либо осенью 1881 г.

[5] В подлиннике: «Удивление архиепископа!». В черновом автографе: «и он долго не мог успокоиться и начать говорить с недоумевающим хозяином»; в наброске плана мемуаров о его «визите в Лондоне к архиепископу с рекомендательным письмом» (опять-таки без указания имени адресата и даты встречи) было: «И так и не разговорился и ушел от конфуза, к велич‹айшему› удивлению арх‹иепископа›, конечно не могшего понять, в чем дело, и какой странный посетитель, которому он по письму собирался представить всю свою семью — жену и детей, уже взрослых, тут же сидящих» (*ГПБ*, ф. 699, № 8, л. 11; № 9, л. 3 об.).

[6] Владимир Кузьмич Скворцов (1841—1882) — литератор, издававший в 1861—1862 годах «Петербургский вестник».

очень любившего брата, я повезла его прах в Петербург, где и похоронили его.

Вскоре я вернулась в Париж доканчивать некоторые начатые работы для медицинских журналов.[7] Не успела я вернуться, как получила от m-me Виардо письмо, что Иван Сергеевич просит меня приехать к нему.[8]

Я знала, что в это время он был тяжко болен. Когда я приехала к нему, меня тотчас же провели к нему. Он лежал на механической кровати с двойным дном. Верхняя часть поднималась на винтах, так как больной не мог двигаться. Он попросил меня сесть и объяснил, зачем позвал меня. Передаю его словами: «Видите, в каком я положении. Страдаю невыносимо. Помочь мне не могут, кто бы ни лечил меня. Я человек неверующий и считаю себя вправе распоряжаться своей жизнью. Прошу вас, дайте мне отраву, чтобы прекратить мои мученья».

Можно себе представить мое положение. Я, новоиспеченный доктор, отравляющий нашего знаменитого Тургенева.

Собравшись с силами, я начала его уговаривать, что при нервных болезнях (тогда его болезнь считалась такой) не следует говорить о неизлечимости, поправка может прийти скорее, чем ожидаешь, не следует терять надежды и сокращать такую жизнь, которая может дать еще так много, и т. д. и т. д.

Видя, что он не получит от меня желаемого, он отпустил меня, предварительно взяв с меня слово никому не говорить, зачем он звал меня. Я дала ему слово и свято держала его.

Все русские, конечно, следили за его болезнью. Ему временами становилось лучше, и тогда к нему допускали близких или приятных ему людей. Потом болезнь ухудшалась, и так все время. Его болезнь была *саркомой спинного мозга.* (Тогда писали и говорили, что только один наш русский врач, Бертенсон младший, поставил верный диагноз).[9]

---

[7] В воспоминаниях о П. Л. Лаврове Скворцова приводит одну деталь относительно хлопот Тургенева о Лаврове в первых числах февраля н. ст. 1882 г., во время ее пребывания в России: «В конце ‹описка — должно быть «В начале»› восьмидесятых годов французское правительство под давлением русского собиралось выслать его ‹Лаврова› из Франции. Ему дали знать об этом. Очень не хотелось ему уезжать. Одна моя подруга, узнав об этом, поехала совсем незнакомая к Тургеневу, прося похлопотать за Петра Лавровича. Тургенев сам высоко уважал Лаврова и охотно использовал все свои связи и таки выхлопотал, чтобы Петра Лавровича оставили в покое в Париже» («Воспоминания»: *ГПБ*, ф. 699, № 8, л. 53. — Ср. с воспоминаниями П. Л. Лаврова в книге: *Революционеры-семидесятники*, стр. 71). По воспоминаниям Скворцовой, в день Парижской коммуны (18 марта), торжественно справлявшийся Лавровым, у него пела ученица П. Виардо — Нина Осиповна Карганова, которая «всегда являлась в этот день с огромным красным бантом» (*ГПБ*, ф. 699, № 8, л. 51).

[8] Это было, очевидно, отмеченное Тургеневым в его последнем дневнике посещение Скворцовой 31 декабря 1882 г. (12 января 1883 г.).

[9] В черновом автографе «Воспоминаний» (*ГПБ*, ф. 699, № 8, л. 14) Скворцова писала «кажется младший», но потом «кажется» вычеркнула.

Вскоре после моего визита к Тургеневу ко мне приехала старшая дочь Герцена,[10] с которой мы были хорошо знакомы.

Она спросила меня, правда ли, что Тургенев просил у меня яду, чтобы отравить его. Я всячески отнекивалась и спросила ее: «Кто же Вам сказал это?». Оказывается, что у Тургенева на днях был один французский ученый, профессор-лингвист,[11] друг проф‹ессора› Моно,[12] зятя дочери Герцена,[13] которому Тургенев жаловался на меня, что я, такая (в то время) молодая, и не могла исполнить его просьбы и дать ему отравы. Хотя сам Тургенев рассказал об этом, я продолжала отнекиваться и держать данное ему слово.

Теперь моя последняя встреча с Тургеневым. Я продолжала работать в Париже и собиралась ехать в Берн для работы у проф‹ессора› Грюцнера,[14] как ко мне приезжает Мещерский,[15] двоюродный брат дочерей Герцена, и зовет меня поехать вместе с ним и старшей дочерью Герцена на дачу в Буживаль (окрестность Парижа), куда уже перевезли Тургенева, которому стало лучше, и он хотел видеть меня.[16]

Между тем Тургенева лечил не Василий Бернардович Бертенсон (1853—1933), а Лев Бернардович (1850—1929), обследовавший писателя 19 (31) июля 1882 г. и потом подробно описавший симптомы его болезни в своих воспоминаниях: Иван Сергеевич Тургенев. СПб., 1883.

[10] Наталья Александровна Герцен (1844—1936) — старшая дочь Герцена, которую Тургенев знал с детских ее лет. В 70-х и начале 80-х годов часто посещала Тургенева.

[11] Луи Леже (1843—1923) — известный французский славист, профессор славяноведения в «Collège de France». См. о нем: *Письма,* т. XII, кн. 2, стр. 624.

[12] Габриель Моно (1844—1912) — французский историк, ученик Мишле. С 1880 г. — преподаватель в «École normale supérieure». Опубликовал письма Мишле к Герцену в журнале «La Revue historique» (1907, № 10—11), одним из основателей которого являлся.

[13] Ольга Александровна Герцен (1850—1953) — младшая дочь Герцена от первого брака, жена Габриеля Моно. «Зятя» — описка; должно быть «мужа».

[14] Вероятно, Грюцнер (Grutzner Paul Friedrich Ferdinand, род. 1847), физиолог, напечатавший в 80-х годах ряд работ о пепсинах, щитовидной железе и др.

[15] Александр Александрович Мещерский (род. 1844) — родственник Н. А. Огаревой-Тучковой и друг семьи Герцена, поклонник Натальи Герцен (о его отношениях с Тургеневым см.: *Тургенев, Сб.*, вып. III, стр. 367—368).

[16] Об этом последнем визите в Буживаль, куда больного Тургенева перевезли через несколько дней после смерти Луи Виардо, последовавшей 23 апреля (5 мая) 1883 г., в другой тетради воспоминаний Скворцовой записано: «С Nathalie и ее двоюродным братом Мещерским я была в Буживале у Тургенева, уже незадолго до его смерти. Но об этом я писала в своих воспоминаниях о Тургеневе. Не помню только, написала ли я, что в тот раз перед тем, как нас провести к Тургеневу, m-me Viardot рассказала нам, что Тургенев после смерти ее мужа m‹-r› Viardot предложил ей выйти за него (Тургенева) замуж, на что давала ему право их многолетняя дружба оказать ей нравственную поддержку в ее одиночестве. Мы (все трое, Nathalie, Мещерский и я) промолчали на это, зная ее корыстную натуру и думая, что ею руководила мысль получить право на его имение, а нам рассказала об этом, чтобы посмотреть, как русские отнесутся к этому».

В Буживале у Виардо была дача, где еще раньше ‹Тургенев› построил себе дом в виде великолепной русской избы.

Мы застали Тургенева на покрытой постели, одетого в серый костюм и с бутоньеркой фиалок в петлице. Около него был Онегин, сын поэта Жуковского;[17] он ухаживал за Тургеневым до самой его смерти.

Иван Сергеевич принял нас очень приветливо, был разговорчив, расспрашивал, куда и зачем я еду, и сам кое-что рассказывал.

Вскоре после нашего прихода к Ивану Сергеевичу вошла m-me Виардо, начала причесывать Тургенева и так энергично, что он только морщился.

Мы оставались у него довольно долго и когда распрощались, то я одна поехала в Париж. Как только я села в омнибус, еще пустой, ко мне вскочила m-me Виардо и стала допрашивать, правда ли, что Тургенев просил у меня отравы.

Я энергично отрицала, продолжая держать данное ему слово, и не успела даже ее спросить, кто ей сказал это, как она уже выскочила из омнибуса, почти не попрощавшись со мной. Может быть, он сам и сказал ей.

Это была моя последняя встреча с Иваном Сергеевичем. А потом пришлось провожать его прах на кладбище в Петербурге.

У Онегина осталось кое-что из обстановки Ивана Сергеевича — письменный стол, разные рукописи, — все это было перевезено в Ленинград в дом Пушкина, все это купленное литературным обществом.

Несколько слов о m-me Виардо. — Она была испанка, дочь знаменитого профессора пения Гарсиа.[18] Она была замечательный музыкальный талант, чего не отрицают даже злейшие враги ее. Как певицы ее карьера была блестяща, о нравственных же ее качествах не будем говорить, они ниже всякой критики. У проф‹ессора› Гарсиа, ее отца, была другая дочь, с ‹...› лучшим голосом — *Малибран*,[19] но она очень молодой умерла от чахотки. А m-me Виардо еще много лет жила после смерти Тургенева.[20]

---

[17] Скворцова повторяет одну из недостоверных легенд об А. Ф. Онегине, которая известна и в литературе (см. например: М. Л. Гофман. А. Ф. Онегин и его музей. «Последние новости» (Париж), 1925, 13 мая). — Об Онегине см. ниже, стр. 408.

[18] Мануэль Гарсиа (1775—1832) — певец, композитор и преподаватель пения.

[19] Мария Фелисия Малибран, рожд. Гарсиа (1808—1836) — известная певица.

[20] В черновых набросках к «Воспоминаниям» имеется еще запись о чете Виардо: «Сам Виардо был хороший и не корыстный, как другие, он переводил сочинения Тургенева на фр‹анцузский› язык. А она гов‹орила›, что русские д‹олжны› б‹ыть› благодарны мне, т‹ак› к‹ак› я толкала Тургенева, чтобы он больше писал» (*ГПБ*, ф. 699, № 9, л. 4).

ВОСПОМИНАНИЯ СОВРЕМЕННИКА О ПОХОРОНАХ ТУРГЕНЕВА

Константин Павлович Колзаков (1818—1905), отрывок из воспоминаний которого приводится ниже, — старший сын генерал-адъютанта Николая I, адмирала Павла Андреевича Колзакова. Как и его отец, К. П. Колзаков находился на военной службе, но сравнительно рано ушел в отставку в чине генерал-майора. Он много путешествовал, был знаком с выдающимися людьми и все, что считал достойным внимания, заносил в свой дневник.

Хранящиеся в Пушкинском доме тетради его со многими зарисовками на полях содержат немало интересных сведений, преимущественно бытового характера, относящихся к эпохе 30—900-х годов. Его воспоминания об отце печатались в «Русской старине» (1870, № 2; 1873, №№ 4 и 5).

Публикуемый отрывок (*ИРЛИ*, ф. 484, ед. хр. 41, лл. 45 об.—55 об., Дневник К. П. Колзакова) интересен как одно из неизвестных ранее свидетельств огромной популярности Тургенева среди современников. Повторяя в значительной степени другие воспоминания на эту тему,[1] строки из дневника Колзакова содержат, однако, некоторые дополнительные сведения общественно-бытового характера.

В. П. Вильчинский

ПОХОРОНЫ ТУРГЕНЕВА

Вторник, 27 сент‹ября› 1883 г. Сегодня в 9 часов утра поехал я на Варшавскую железн‹ую› дорогу, так как сегодня в газетах объявлено, что привезут тело Тургенева из Парижа.[2] Я нашел там уже громадное сборище людей, по улицам масса любопытных толпится, а около станции на большом протяжении стояли депутации с венками. Перед выходом станции стояла колесница, вся украшенная венками, около же стояло множество литераторов, в числе которых, конечно, Григорович суетился.[3]

В 10 час‹ов› 20 ‹минут› подъехал поезд с телом, и при громком пении студентов имп‹ераторского› Универси‹тета› положен ‹гроб› на дроги — и шествие началось. Впереди почти на одну версту растянуты были депу-

---

[1] См.: *Тургеневский сб. (Пиксанов)*, стр. 135—215 («Библиография воспоминаний о Тургеневе»), №№ 18, 24, 28, 29, 39, 59, 61, 67, 69, 73, 74, 79, 82, 106, 121; см. также хронику петербургских газет от 27—28 сентября 1883 г. о похоронах Тургенева.

[2] Тургенев умер 22 августа с. с. 1883 г. в Буживале. 19 сентября (1 октября) его тело было отправлено с пассажирским поездом через Германию на родину; ранним утром 23 сентября гроб с телом писателя прибыл на пограничную станцию Вержболово, откуда отправлен в Петербург 26 сентября. На всем пути следования траурного поезда его встречали толпы народа (см.: «Вестник Европы», 1883, № 11, стр. 436—446).

[3] Дмитрий Васильевич Григорович (1822—1899) — известный писатель. В день похорон произнес взволнованную речь о Тургеневе. Ирония, ощутимая в словах Колзакова, видимо, объясняется его столкновениями с Григоровичем, как секретарем «Общества поощрения художеств», членом которого Колзаков состоял.

№ 39. ГОДЪ ВОСЬМОЙ. 25-го СЕНТЯБРЯ.
ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНІЕ.

СТРЕКОЗА

ХУДОЖЕСТВЕННО-ЮМОРИСТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

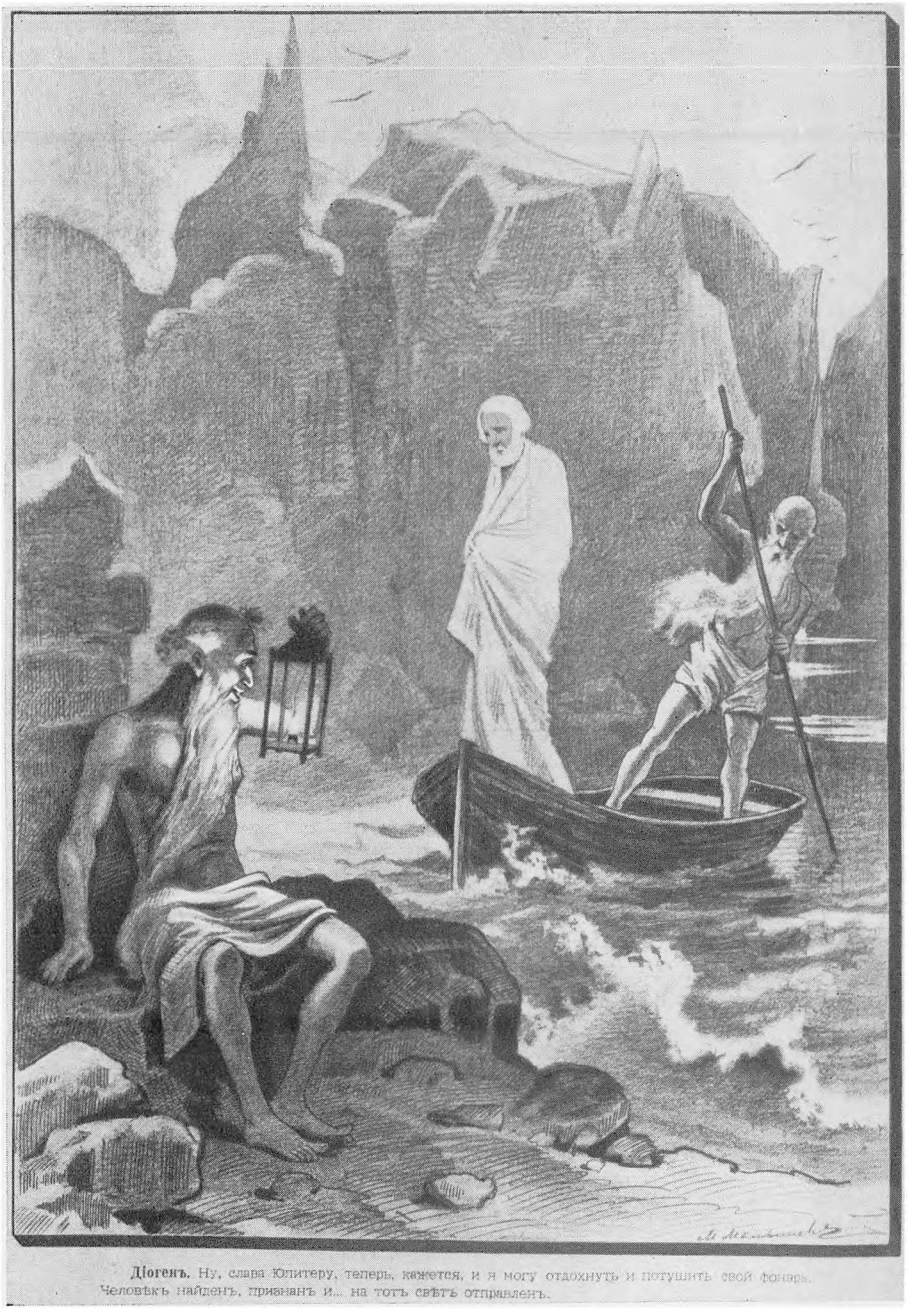
Подписка принимается:
въ Конторѣ Редакціи, на углу Невскаго просп. и Михайловской улицы, въ зданіи Европейской гостиницы.

Цѣна отдѣльнаго номера 20 коп.

Цѣна за объявленія:
15 коп. за строчку петита—страницы, разбитой въ 4 столбца.

Условія подписки:
Съ пересылкою, какъ въ Москву, такъ и въ другіе города Россійской Имперіи:
на годъ съ пересыл. . . . . 10 р.*)
на 1/2 года безъ пересыл. . . 5 р. 50 к.
въ С.-Петербургѣ:
безъ доставки въ годъ . . . . 8 р.
„ „ на полгода . . 4 р. 50 к.
съ доставкою на годъ . . . . 9 р.
„ „ на полгода . . 5 р.
*) Изъ числа 50 к. за пересылку премій.

Обложка журнала «Стрекоза» (1883, № 39). По рисунку М. Е. Малышева.



⟨Тургенев в подземном царстве⟩. Литография с рисунка М. Е. Малышева, помещенная в журнале «Стрекоза» (1883, № 49).

таты с венками — между каждым венком было расстояние от 6 до 10 шагов и больше, а всех венков было слишком 200.

Военных не было видно ни одного человека. Им секретно было приказано находиться у своих казарм — и полиции было много расставлено — даже конные казаки составляли кордон. Ожидали, вероятно, какой-то демонстрации, но, слава богу, все обошлось чинно и спокойно.[4] Погода была чудная, солнце и тепло, как летом. Красиво было видеть эту массу народа на улицах, по тротуарам стоящую, — и во всех домах в окнах и на балконах теснились дамы и девицы.

Я шел в 21-м номере и помогал попеременно нести большой венок, на котором была надпись — от Императорского общества поощрения художеств, с нами человек 8 шло членов и менялись шестами, к которым был прикреплен венок. Перед нами несла группа дам большой венок с надписью «От русских женщин И. С. Тургеневу», а за нами Академия художеств несла свой венок.

По временам раздавались хоры, поющие «Святый боже, святый крепкий, св‹ятый› бессме‹ртный›, помилуй нас». Дойдя до места, где дорога сворачивает с Обводного канала, я остановился, слишком уж устал — и пропустил мимо меня всю церемонию, более $^1/_2$ часа простоял на одном месте. Женские гимназии были все в большом количестве, также и курсы. Студенты шли за своим венком целою ордой. Поляки также несли свой венок и до 100 человек за ним шло. Наконец кисти у гроба поддерживали литераторы. Дочь m-me Виардо с мужем[5] шли за гробом, они провожали его тело с самого Парижа. Я вернулся домой очень усталым и полежал немного.

ИЗ ОТКЛИКОВ НА СМЕРТЬ ТУРГЕНЕВА

В своем исследовании «И. С. Тургенев в карикатурах и пародиях» М. Клевенский писал, что с конца 70-х годов, особенно после приема, оказанного русским обществом Тургеневу в 1879 г., «очень не много можно отметить в области эпиграмм или карикатур на него» и что «в юмористической журналистике этих лет появляются карикатуры и пародии не только не обидного, а, наоборот, почтительного и лестного для Тургенева характера».[1] Этот вывод исследователя относится и к журналу «Стрекоза». Показательно редакционное примечание к портрету — шаржу на Тургенева

---

[4] Тем не менее царское правительство «пыталось извлечь урок из похорон писателя и заблаговременно предупредить возможность повторения подобных демонстраций», — пишет на основании найденных им архивных материалов Ю. Д. Левин в статье «Одним нигилистом меньше!» («Вопросы литературы», 1966, № 11, стр. 254).

[5] Клоди Виардо, в замужестве Шамро (1852—1914). «За гробом шли парижские родственники Тургенева, г. Дювернуа, дочь г-жи Виардо, которая замужем за г. Шамеро, — молодая и красивая брюнетка южного типа» (см. «Новое время», 28 сентября (10 октября) 1883 г.).

[1] «Голос минувшего», 1918, №№ 1—3, стр. 213 и 216.

в «Карикатурном альбоме русских деятелей» (вып. III), изданном этим журналом.[2] В нем говорилось: «...это имя ‹Тургенева› бросает на себя целый конус ярких, согревающих лучей ‹...› с течением времени все нападки и упреки, все старые счеты и полемические выходки незаметно рассеялись и провалились, а на виду у всех остались только доброе имя, неумирающая слава и огромная популярность этого наиболее близкого, наиболее понятного и наиболее дорогого для всей русской публики писателя: единственный упрек, с которым можно бы к нему обратиться, — это его несколько преждевременный отдых на лаврах, — на что и намекает портрет нашего альбома».[3]

В этой связи небезынтересно напомнить о том, как журнал «Стрекоза» откликнулся на смерть Тургенева. 28 августа 1883 г. в «Стрекозе» был помещен небольшой некролог, открывавшийся словами: «Великое, неизъяснимо-обидное горе постигло русское общество. Смерть разбойническою рукою увела в могилу дивного писателя, дивного гражданина и дивного человека».[4]

25 сентября, за два дня до прибытия в Петербург гроба с прахом Тургенева и его похорон, журнал «Стрекоза» появился с обложкой, посвященной памяти писателя.[5] Она была выполнена художником М. Е. Малышевым. Тургеневу было посвящено и довольно большое стихотворение под заглавием «Горсть земли на могилу И. С. Тургенева» («Маститый бард родного слова...») в том же номере журнала.[6] Оно подписано криптонимом «В. К.» и принадлежит перу поэта, писателя, журналиста и библиографа В. С. Карцова. Рисунок М. Малышева озаглавлен «Прости... прощай!», с этими же словами обращается к Тургеневу и автор стихотворения. Мысль о неразрывной связи Тургенева с Россией, природой русской составляет содержание и рисунка, и стихотворения Карцова.[7] Последнее завершалось строфой:

Настанет день — и над могилой
Трех благороднейших людей, —
Не сокрушен тлетворной силой, —
Заблещет славы мавзолей!

---

[2] Альбом «проектировали» «Аз и Г. Корн...» (И. Ф. Василевский и Г. К. Корнфельд).

[3] Альбом был составлен из литографий известного художника-карикатуриста А. И. Лебедева. Тургенев, в лавровом венке, был изображен в окружении своих произведений (см.: *ПД, Описание*, стр. 198—199, № 852).

[4] «Стрекоза», 1883, № 35, стр. 2.

[5] Там же, № 39. — См. воспроизведение этой обложки на вклейке (стр. 328).

[6] «Стрекоза», 1883, № 39, стр. 2. — В материалах для библиографии «И. С. Тургенев в стихах русских поэтов» Е. И. Кожевников и С. А. Рейсер учли вторичную публикацию этого стихотворения в «Альманахе „Стрекозы“ на 1884 г.» (*Тургенев, Сб. (Алексеев)*, стр. 368).

[7] «Дитя степей, дитя природы — Как мать, ты родину любил!»; «На берегах роскошных Сены Тебе все снился русский луг...» — писал Карцов.

Интересно, что журнал счел нужным привлечь внимание читателя к именам этих трех благороднейших людей, сделав ко второй строке этой строфы следующее примечание: «Предполагается, как известно, похоронить Тургенева рядом с Белинским; рядом с ним же находится могила Добролюбова».

Спустя месяц, 4 декабря, журнал поместил литографию с нового рисунка М. Е. Малышева.[8] По реке плывет челн, управляемый перевозчиком. На носу челна — задрапированная в белое, как бы бесплотная фигура человека в скорбной позе. Легко узнается лицо Тургенева. Это его душу Харон переправляет через Ахерон в царство мертвых. На берегу сидит Диоген с горящим факелом в руке. Под изображением дан текст: «Диоген. Ну, слава Юпитеру, теперь, кажется, и я могу отдохнуть и потушить свой фонарь. Человек найден, признан и... на тот свет отправлен». Что же имелось в виду в этих словах?

В ноябрьском номере «Вестника Европы» была напечатана статья М. М. Стасюлевича «Похороны И. С. Тургенева»,[9] из которой русское общество узнало — при всей осторожности Стасюлевича — о некоторых возмутительных проявлениях отношения к смерти Тургенева со стороны официальных кругов России, пытавшихся всячески предотвратить оказание почестей умершему писателю по пути следования его праха в Петербург. Есть в рассказе Стасюлевича и такой горький эпизод: «На следующий день рано утром, в 6 часов, к самому окошку моего номера на станции,[10] где я провел ночь, подошел тот самый прусский пассажирский поезд, с которым должно было прибыть тело Тургенева, а через несколько минут ко мне вбежал служитель с известием, что тело Тургенева прибыло, одно, без провожатых и без документов, по багажной накладной, где написано: „1 — покойник“ — ни имени, ни фамилии! Мы только догадывались, что это — Тургенев, но собственно не могли знать того наверное».[11] Вероятно, рассказанное Стасюлевичем послужило фактической основой для рисунка М. Малышева, помещенного в «Стрекозе». Вместе с тем журнал имел в виду и то беспокойство, которое вообще вызвали похороны Тургенева в официальных сферах.[12]

То, что юмористический журнал «Стрекоза» поместил целую группу материалов по поводу смерти Тургенева, не случайно. Напомним, что в 70-е годы журнал выступил в поддержку Тургенева. В 1877 г. в «Стрекозе» был напечатан фельетон, направленный против критиков «Нови».[13]

---

[8] «Стрекоза», 1883, № 49, стр. 5. — См. воспроизведение на вклейке (стр. 329).

[9] «Вестник Европы», 1883, № 11, стр. 436—447 (дата выхода журнала — 1 (13) ноября).

[10] Стасюлевич встречал гроб с прахом Тургенева на станции Вержболово (23 августа (3 сентября) 1883 г.).

[11] «Вестник Европы», 1883, № 11, стр. 438—439.

[12] См.: Ю. Никольский. Дело о похоронах И. С. Тургенева. «Былое», 1917, № 4, стр. 146—156; Л. С. Утевский. Смерть Тургенева. Изд. «Атеней», Пб., 1923, стр. 69—74; В. П. Гаевский. Из дневника (1883—1887). «Красный архив», 1940, № 3, стр. 229—233.

[13] «Стрекоза», 1877, № 3, стр. 2. — См. также: *Письма*, т. XII, кн. 1, стр. 82; *Сочинения*, т. XII, стр. 530.

Его автором, вероятно, был руководитель журнала И. Ф. Василевский,[14] выступивший в «Биржевых ведомостях» еще с двумя статьями в защиту «Нови».[15] Против критиков этого романа была направлена карикатура А. И. Лебедева, помещенная на обложке журнала в том же 1877 г.[16] Таким образом, реакция журнала «Стрекоза» на смерть Тургенева тесно связана с отношением, высказанным в этом органе к писателю и при его жизни,[17] и выражала отношение к памяти писателя тех, кому были дороги судьбы русской литературы.

Г. В. Степанова

ФРИДРИХ ШВАРЦ — ПЕРЕВОДЧИК ТУРГЕНЕВА

Среди переводчиков Тургенева на немецкий язык заслуживает внимания Фридрих Шварц, жизнь и деятельность которого связаны с прогрессивными движениями в Западной Европе.

Фр. Шварц родился 30 сентября 1897 г. в семье химика. Он учился сначала в Фрейбургском, а затем в Берлинском университете. Еще в юности он принимал участие в «Пацифистской группе» студентов, а также в «Германском обществе мира», примыкал к социалистической студенческой организации.

В 1927 г. Фр. Шварц совместно со своей супругой — известной артисткой-декламатором, исполнявшей на французском, английском, немецком и русском языках произведения классиков мировой литературы и современных писателей, Мэри Шнейдер-Брайар — организовал «Европейскую трибуну». В этом обществе активно участвовали многие прогрессивные писатели. «Европейская трибуна» стремилась к содружеству культур различных народов, к ознакомлению молодежи с сокровищами мировой литературы. Особое внимание уделялось здесь Тургеневу — великому деятелю культуры, ратовавшему за дружбу литератур разных народов, за широчайшие связи писателей всего мира.

На вечерах «Европейской трибуны» нередко читались доклады о жизни и творчестве Тургенева. М. Шнейдер-Брайар, после вступительного слова Фр. Шварца, читала произведения Тургенева на французском, английском, немецком языках, а затем в оригинале. Между прочим, многие

---

[14] См. об этом: *Тургенев. Сб.*, вып. 2, стр. 192—195.

[15] См. комментарий к «Нови» А. И. Батюто: *Сочинения*, т. XII, стр. 535.

[16] «Стрекоза», 1877, № 4. — См. также: *ПД, Описание*, стр. 198 (№ 851).

[17] В связи с этим укажем, что в литературе было высказано сомнение в правомерности отнесения журнала «Стрекоза» к чисто развлекательным. Так, М. И. Привалова пишет: «...анализ материала „Словаря неунывающих современников“ ‹напечатан в «Стрекозе» в 1877—1878 гг.› позволяет несколько уточнить эту общую характеристику журнала, по крайней мере для периода конца 70-х—начала 80-х годов» («Вестник Ленинградского университета», 1963, № 2, Серия истории, языка и литературы, вып. 1, стр. 136).

из исполняемых ею произведений Тургенева были переведены на немецкий язык Шварцем.

В 1931 г. Фр. Шварц совместно с исследователями славянских культур основал «Славистское рабочее объединение» при Берлинском университете, которое ставило себе задачу изучать успехи народов Советского Союза в области культуры и экономики.

В марте 1933 г. национал-социалисты произвели три обыска на квартире Шварца, причем была изъята рукопись перевода новелл Тургенева. 28 марта этого же года супруга переводчика Тургенева была арестована и заключена в женскую тюрьму на ул. Барним. Однако 10 мая 1933 г. по требованию «Общества иностранных журналистов» она была освобождена. Вскоре после этого Фридрих Шварц и М. Шнейдер-Брайар спаслись бегством из нацистской Германии в Эстонию.

В Тарту эта одаренная чета продолжала свою деятельность. Фр. Шварц, свободно владевший 14 языками, много занимался в Эстонии переводами. Особенно увлекала его мысль дать новый, близкий к оригиналу перевод произведений Тургенева. Фр. Шварц пользовался всяким случаем, чтобы разведать о Тургеневе, он внимательно изучал фонды Тартуской университетской библиотеки.

Между прочим, в Тарту у потомков Ф. В. Булгарина Фр. Шварц ознакомился с материалами, связанными с Тургеневым, которые хранились в богатейшей библиотеке, собранной в течение многих лет редактором «Северной пчелы». Фр. Шварц интересовался тем, что якобы в Тарту, на мызе Карлова, у Булгарина выступала Полина Виардо, а также преданиями о том, что по дороге за границу Тургенев навещал этот город.

Однажды, когда пишущий эти строки прочел свое стихотворение, посвященное Тургеневу, Шварц попросил сразу же его переписать. Он заметил, что необходимо собирать все, посвященное великому писателю.

Фр. Шварц выражал сожаление по поводу того, что так трудно попасть из буржуазной Эстонии в Советский Союз, чтобы побывать в Спасском-Лутовинове и в Орле. Он высоко ценил исследовательскую работу советских тургеневедов, говорил о том, что только после Великого Октября, когда стали доступны архивы, появились огромные возможности для исследования творчества Тургенева.

Фр. Шварц и его супруга близко сошлись с эстонскими писателями, в беседах с которыми нередко упоминалось имя Тургенева, подчеркивалось его значение как представителя мировой культуры, связующего Восток и Запад.

В конце 30-х годов Фр. Шварц и М. Шнейдер-Брайар, покинув Эстонию, давали вечера литературы во Франции, в Скандинавских странах и Чехословакии. В программу этих выступлений неизменно входили стихотворения в прозе Тургенева.

7 августа 1941 г. агентами гестапо была арестована М. Шнейдер-Брайар и препровождена в лагерь Равенсбрюк, а Фр. Шварц, арестованный 15 августа того же года, томился в нацистских лагерях Заксенгаузен, Вевельсбург и Бухенвальд. Обвинительное заключение Фр. Шварца гла-

сило: «Он, совместно с евреями и большевиками, агитировал против национал-социалистической Германии, эмигрировал из Германии, был связан за границей с политическими эмигрантами» и т. д.

Фр. Шварц и его супруга были освобождены из застенков гестапо Советской Армией в апреле 1945 г.

В 1948 г. Фр. Шварц был избран председателем «Общества лиц, подвергавшихся преследованиям при нацистском режиме» в районе Берлин-Целендорф. В качестве доцента по истории культуры и литературы Фр. Шварц работал при Берлинском университете. Живя в ГДР, переводчик продолжал свою деятельность посредника между двумя культурами, а М. Шнейдер-Брайар давала свои вечера поэзии.

В 1953 г. вышли в свет переведенные Фр. Шварцем новеллы И. С. Тургенева.[1]

В ГДР в переводе Фр. Шварца издано несколько томов рассказов М. Горького, А. Серафимовича, М. Коцюбинского, издаются также его переводы с английского, французского, итальянского, эстонского.

Однако Тургенев был первой и последней любовью Фр. Шварца. Еще незадолго до своей кончины, последовавшей 28 июля 1963 г., талантливый литератор работал над новыми переводами из произведений великого русского писателя.

В некрологах, посвященных Фр. Шварцу, подчеркивалось значение его благородной деятельности, его особый интерес к творчеству Тургенева. Газета «Das andere Deutschland» указывала, кроме того, что в основанной Фр. Шварцем «Европейской трибуне», которая ставила во главу угла идеи гуманизма и дружбы народов, принимали участие такие видные писатели, как Томас и Генрих Манн, Эрнст Толлер, Арнольд и Стефан Цвейг, Жорж Дюамель и другие.

На кончину переводчика Тургенева откликнулось специальной статьей общество Мицкевича (Heft XXV MCMCX IV), в Белграде был опубликован очерк, повествующий о переводческой деятельности Фр. Шварца («Nasi Razgledi», 24 августа 1963 г.).

Во время кремации речь произнес швейцарский писатель Ренато Бергер; со словом, посвященным покойному, выступили многие литераторы ГДР.

Немало статей и очерков появилось в мировой печати о Фр. Шварце. Особенно красноречиво характеризует личность этого талантливого литератора следующий документ:

«Русский лагерный комитет от имени бывших советских узников лагеря Бухенвальд выражает свою глубокую благодарность товарищу Фридриху Шварцу за его огромную помощь, которую он оказывал, находясь в заключении, своим друзьям.

«Несмотря на то, что Фр. Шварц отлично знал, что за это его неизбежно ждет страшная смерть, он постоянно материально и морально по-

---

[1] Iwan Turgenjew. Erste Liebe und andere Novellen. Mit einem Nachwort von Friedrich Schwarz. Dietrich'sche Verlagsbuchhandlung, Leipzig, 1953.

могал советским узникам. Мы выражаем товарищу Фридриху Шварцу великое спасибо за дружескую помощь.

«Русский комитет лагеря Бухенвальд».

Ю. Д. Шумаков

ТУРГЕНЕВ И К. М. СТАНЮКОВИЧ

Гуманистический характер творчества Тургенева и его неизменная отзывчивость к общественной жизни оказали благотворное воздействие на многих прогрессивных писателей второй половины XIX столетия; в числе их был и автор «Морских рассказов». Первое знакомство К. М. Станюковича с произведениями Тургенева относится к периоду его обучения в Морском кадетском корпусе и связано с именами Ф. А. Дозе и М. И. Сухомлинова. Эти преподаватели внесли свежую струю в затхлую атмосферу военного учебного заведения, где долгое время царствовал дух николаевской военщины с ее ненавистью к подлинному образованию и просвещению. «Беззаботность насчет литературы и родного языка была в Морском корпусе поистине потрясающая, — вспоминал впоследствии Станюкович, — и известный анекдот об одном адмирале, который в начале пятидесятых годов любезно разрешил представившемуся ему Нестору Кукольнику давать представления в городе, приняв писателя за фокусника с куклами, — не представлял собою ничего исключительного. Я в шестидесятых годах знавал моряков, которые не знали Гоголя, Тургенева и Достоевского даже по именам».[1]

Общественный подъем второй половины 50-х годов в известной мере коснулся Морского корпуса, система обучения в котором, как значилось в одном официальном документе 1859 г., была признана неудовлетворительной.

Именно в это время в корпус начали назначаться преподаватели, сменившие педагогов-педантов типа В. И. Благодарева, преподававшего там русскую словесность в течение почти 40 лет и заставившего, по словам Станюковича, «несколько поколений моряков испытывать величайшие затруднения в орфографии». Из его лекций кадеты выносили «шапочное знакомство» с несколькими писателями XVIII в. и убеждение, что «чтение не должно низводить нас до низменных явлений жизни». Подлинным откровением явились для воспитанников лекции молодого преподавателя Дозе, благодаря которому «кадеты впервые услыхали горячее, живое слово об униженных и оскорбленных, о возвышающем значении литературы, об ее задачах и идеалах... Он читал нам Пушкина, Лермонтова, Гоголя, познакомил с „Записками охотника“ Тургенева» (I, 605). Первое знакомство с писателем, в творчестве которого тех лет особенно

---

[1] К. М. Станюкович, Маленькие моряки. Полное собрание сочинений, т. I, изд. А. Ф. Маркса, 1906—1907, стр. 597. (В дальнейшем цитаты из произведений Станюковича, кроме оговоренных особо, даются по этому изданию в тексте, с указанием тома и страницы).

явственно обозначился новый герой — простой человек, не замедлило принести свои плоды. В № 42 журнала «Северный цветок» за 1859 г. было опубликовано стихотворение шестнадцатилетнего Станюковича «Отставной солдат», в котором описывалась тяжелая судьба и раскрывался высокий душевный мир русского крестьянина. К этой теме писатель обращался неоднократно, руководствуясь в раннем периоде своего творчества тургеневским принципом видения крестьянского мира. В 1865—1866 гг. ему довелось несколько месяцев учительствовать в с. Чаадаево Муромского уезда Владимирской губернии. Свои непосредственные наблюдения над жизнью крестьян Станюкович отразил в таких произведениях, как «Из воспоминаний сельского учителя», «Пастух Максимка», «Петербургские карьеры», «Дедушка Лунь» и др. Для них всех характерно глубокое сочувствие автора тяжелой крестьянской доле, показ высокого душевного мира простых людей, критика несостоятельности официальных взглядов на народ как на безликую толпу с низменными инстинктами, сатирическое изображение помещиков и кулаков. В полном соответствии с идеей «Записок охотника» молодой Станюкович ставил вопрос о законном праве людей труда на иные условия существования.

Начальные страницы повести «Из воспоминаний сельского учителя» содержат характеристику крестьян «Чеярковской волости», данную местным администратором: «Народ там пьяница... вор». В этих словах выражено официальное мнение правительственных кругов о крестьянах тех лет. Показывая несостоятельность такого воззрения, Станюкович подводил читателя к осознанию того, что, говоря словами Л. Толстого, «простой народ так много выше нас стоит своей исполненной трудов и лишений жизнью, что как-то нехорошо... искать и описывать в нем дурное», что «в нем больше доброго, чем дурного, поэтому естественнее и благороднее искать причины первого, чем второго».[2] Этой же мыслью, восходящей к истокам русской гуманистической литературы, руководствовался, как известно, и автор «Записок охотника». Однако когда мы говорим о гуманизме как одной из замечательных особенностей русской классической литературы, то имеем в виду, конечно, не только сочувственное отношение к «меньшóму брату» передовых писателей прошлого, но и приближение их к пониманию исторической роли народа, путей и способов освободительной борьбы. Данная проблема требует исторического подхода, что превосходно понимали прогрессивные литераторы второй половины XIX в. Об этом, в частности, свидетельствуют их оценки опыта своих непосредственных предшественников и учителей; характеристика Станюковичем творчества Тургенева представляет в связи с этим немалый интерес, она является частью большой историко-литературной проблемы.

Сравнивая изображение народа литераторами 40-х и 60-х годов, Станюкович писал в 1883 г.: «Кто не читал „Записок охотника“, кто не был очарован этим тонким описанием красоты природы и тем гуманным чувством, которым проникнуты его рассказы? Разумеется, между мужиками Тургенева, например, и „Подлиповцами“ Решетникова целая пропасть, но

---

[2] *Толстой*, т. 46, стр. 184.

не надо забывать времени, когда писал Тургенев, и задачу, которую он имел. Тургеневские мужики несколько идеализированы; в отношении автора к ним чувствуется все-таки барин, хоть и очень гуманный барин, а не друг, как например у Решетникова; но, повторяю, художественная цель Тургенева была — возбудить сочувствие к угнетенным, показать безнравственность рабства, что он и выполнил блистательно. У продолжателей начатого им дела, естественно, явились другие задачи» (VII, 475). В число новых задач входило глубже раскрыть будни крестьянской жизни, показать классовое расслоение в деревне, пробуждение народного самосознания, навревание чувства необходимости борьбы с самодержавно-крепостническим гнетом. Все это делали писатели, воспринявшие традиции автора «Записок охотника»; среди них был и Станюкович.

Уже в названных выше его произведениях крестьянского цикла 60-х годов содержалось немало страниц, которые могут служить превосходной иллюстрацией к известным словам В. И. Ленина о том, что «ни в одной стране в мире крестьянство не переживало и после „освобождения" такого разорения, такой нищеты, таких унижений и такого надругательства, как в России».[3] С еще большей отчетливостью эти вопросы ставились писателем в его многочисленных публицистических статьях и романах, где нарисованы также картины крестьянских волнений, свидетельствовавшие о росте народного самосознания. «Нешто нас так и оставят при трех десятинах, да еще каких, сам знаешь?» — с угрозой обращается мужик к становому в одном из очерков Станюковича (VIII, 386), — ситуация, в «Записках охотника» немыслимая — по цензурным условиям 50-х годов.

Особо рельефны образы простых русских людей, соответствующие задачам литературы в новых условиях исторического развития, в морских рассказах писателя. В них не только раскрыты положительные черты коренного населения страны, переодетого в матросскую форму, но и заклеймены условия, мешающие его росту и совершенствованию. Устами матросов Станюкович обличал тогдашний государственный строй, их суждения о жизни и обществе свидетельствовали о новом этапе освободительного движения.

Добролюбов, как известно, особо ценил в Тургеневе чутье «к живым струнам общества», умение «тотчас отозваться на всякую благородную мысль и честное чувство, только еще начинающее проникать в сознание лучших людей».[4] Известно, однако, что Тургенев не менее чуток был и к обратной стороне общественной жизни России — ко всему тому, что препятствовало утверждению в ней положительных начал. В его произведениях содержится целая галерея образов реакционеров и либеральных сановников, для которых характерны безразличие к нуждам народа, доносы, шпионство, ложь и фальшь в общественных делах и личных отношениях.

Эта особенность творчества Тургенева также близка Станюковичу, который умел сочетать верность демократическому направлению, злободневность и публицистическую заостренность с интересом к углубленной пси-

---

[3] В. И. Ленин, Сочинения, т. 17, стр. 65.
[4] *Добролюбов*, т. 6, стр. 99.

хологической обрисовке героев.[5] Опыт автора «Отцов и детей» несомненно учитывался Станюковичем при создании образов разночинцев. Так, уже в первом его романе «Без исхода» (1873 г.) характер Черемисова раскрывался в спорах с дворянскими персонажами; подобно Базарову, он выглядел трагическим одиночкой в среде чуждого ему помещичьего и чиновно-бюрократического мира. К герою «Отцов и детей» восходит также образ революционера Прокофьева в романе Станюковича «Два брата». Прокофьев презирает либералов, знает их повадки, недобросовестность в политике, верхоглядство. Подобно Базарову, он считает споры с либералами «бесполезной канителью». «Разве их берут слова? Или барышень здешних, что ли, тешить диспутами?» — говорит Прокофьев Николаю Вязникову (III, 75). Не верит он также и в силу печатного слова, так как, во-первых, цензура вырежет все действенное и смелое и, во-вторых, одними словами делу не поможешь. Заниматься общественной литературой, говорит он своему оппоненту, «то же, что мух хлопать... попробуйте-ка изложить на бумаге и напечатать то, о чем вы так горячо за обедом говорили. Попробуйте-ка! — усмехнулся ядовито Прокофьев. — А мы прочтем-с! Нет, батюшка, вашими писаньями не проймешь... Не нам с вами чета — люди пробовали. Не проймешь! — добавил он с какой-то глубочайшей ненавистью в голосе!» (III, 76).

Однако, в отличие от Базарова, Прокофьев не выглядит человеком, обреченным на гибель. Автор подчеркивает его силу, твердую веру в конечное торжество правды, за которую надо бороться, не щадя противников и не вступая с ними ни в какие компромиссы. «Какой-то спокойной силой веяло от этой мощной, высокой фигуры, — пишет романист о своем герое, — энергией и волей дышало его скуластое, мужественное выразительное лицо» (III, 83). Эти слова как бы полемически заострены против той широко известной характеристики Базарова, которая содержалась в письме Тургенева К. К. Случевскому от 14 (26) апреля 1862 г.: «Мне мечталась фигура сумрачная, дикая, большая, до половины выросшая из почвы, сильная, злобная, честная — и все-таки обреченная на погибель — потому, что она все-таки стоит еще в преддверии будущего».[6]

В трактовке проблемы «отцов и детей» у Станюковича, по сравнению с его предшественниками, есть и некоторые другие существенные отличия. Так, например, если автор «Горя от ума» разрабатывал данную проблему в плане антагонистического противопоставления передовой идеологии эпохи «защитникам кнута и плети», а Тургенев решал ее как столкновение двух враждебных классовых групп, то Станюкович, рисовавший более сложный исторический период борьбы, в ряде случаев говорил о противоречиях внутри одного идейного течения, о трагизме «отцов», оставшихся вне сферы активных действий за осуществление своих идеалов.

Наиболее характерным в этом отношении является образ Бежецкого в романе «Омут».

---

[5] Подробнее см. об этом в книге: В. П. Вильчинский. Константин Михайлович Станюкович. Изд. АН СССР, М.—Л., 1963 (гл. V).

[6] *Письма*, т. IV, стр. 381.

Через все романы Станюковича красной нитью проходит характерная тургеневская особенность: личные семейные конфликты в них происходят на почве конфликтов общественных. Как и у Тургенева, в произведениях Станюковича мы встречаем также немало привлекательных образов русских женщин, порвавших с дворянским миром и ставших на путь борьбы за счастье народа. В романе «Без исхода» — это Ольга Стрекалова; в «Двух братьях» — невеста Лаврентьева, Лена; в «Омуте» — безымянная сельская акушерка, которую «весной арестовали»; прообразом героини рассказа Станюковича «Две женщины» (1880 г.) послужила воспетая Тургеневым Ю. П. Вревская.

Станюкович высоко ценил художественный талант автора «Записок охотника», использовал его творчество для борьбы с антиреалистическими направлениями в современном ему искусстве. Он призывал молодых литераторов не увлекаться «модным» натурализмом, расцветшим на Западе, и говорил при этом: «Уж если учиться настоящему реализму, то у нас, слава богу, есть Гоголь, и Толстой, и Тургенев».[7] Критикуя искусственную формалистическую манеру письма декадентов, Станюкович отмечал, что «настоящие художники-реалисты пишут не так. У них нет вычурных, выделанных описаний природы; но читая описание леса у Тургенева, например, вы чуть ли не слышите запах и сырость леса».[8]

Восхищаясь талантом Тургенева и используя в ряде случаев его художественный опыт, Станюкович вместе с тем критически относился к тем произведениям писателя, в которых вместе с демократической критикой тех лет видел тенденциозное изображение современной действительности. Так, например, появление на страницах охранительного «Русского вестника» в 1867 г. романа «Дым» оценивалось Станюковичем с позиций близкого ему литературного круга. Еще до публикации романа он писал жене: «Говорят... что „Дым" пакость по направлению, хотя, конечно, по языку — тургеневская вещь. Сюжет нового романа — русский эмигрант за границей, которого он силится высмеять».[9] Прочитав роман, Станюкович не изменил этого суждения. В одном из фельетонов он так иронизировал по поводу мнения о безнадежной отсталости России: «Неужели мы варвары, когда у нас есть газ, исправительное заведение, Весть, Русский вестник и Дым?».[10]

Несколько позже в большом «журнальном обозрении» Станюкович писал, что современная русская литература характеризуется появлением таких писателей, как Крестовский, Стебницкий (Лесков) и Авенариус, которые «вместо того, чтобы беллетристическими произведениями объяснять различные явления, показывать ненормальность известных отношений... коверкают эти явления, преднамеренно на них лгут».[11] С особой горечью писатель отмечал усиление реакционно-охранительного лагеря литературы

---

[7] «Дело», 1881, № 1, Журнальные заметки, стр. 103.
[8] Там же.
[9] *ГПБ*, Архив К. М. Станюковича, Varia, Письма без даты.
[10] К. М. Станюкович. Петербургские заметки. «Будильник», 1867, № 15.
[11] «Новый русский базар», 1868, № 24, Журнальное обозрение.

именами, славными в прошлом. «Три названных писателя, — читаем далее в статье, — в последние два-три года составили знаменательный триумвират, гарцующий с непостижимым нахальством во многих журналах и — к стыду публики — притягивающий к себе большинство этой публики. В то же самое время заслуженные наши писатели, как-то гг. Тургенев, Писемский и другие, или молчали, или разражались такими произведениями, которые если по форме и были не в пример приличнее первых, но зато по содержанию вовсе не лучше, если еще не хуже их. Пресловутый „Дым", о котором так много говорили, снова показал, что автор „Отцов и детей" идет все дальше в дебри дымных идеалов и столько же понимает явления современной жизни, сколько я — малайскую грамоту».[12] Станюкович всецело присоединялся к оценке нового романа Тургенева, данной Скабичевским,[13] и, со своей стороны, считал, что пессимистическое мнение писателя о современной России, «пустоте» ее молодежи связано с его идеологией, мировоззрением: «Тургенев... видит идеалы людей в тех людях, которые называются людьми только потому, что пьют, едят и влюбляются, а вовсе не суть люди в лучшем значении этого слова»; «подобные отношения к явлениям всегда случаются у тех писателей, которые сами живут не идеалами нового времени, а идеалами старого».[14]

От этих крайних оценок, навеянных злободневностью литературно-общественной борьбы и несправедливых по отношению к Тургеневу в целом, Станюкович впоследствии откажется. В 1882 г., подчеркивая гуманистический характер творчества прогрессивных русских писателей, он говорил в одной из статей: «...лучшие произведения нашей литературы всегда имели гуманистический характер. Возьмите хотя литературу послегоголевского периода. Защита слабых и угнетенных, проповедь против крепостничества — вот содержание лучших произведений Толстого, Тургенева, Достоевского, Некрасова, Григоровича, Писарева и др.».[15]

Имя Тургенева возникает на страницах публицистических статей и очерков Станюковича неоднократно. Вслед за Салтыковым-Щедриным он использовал также тургеневские образы для характеристики пореформенной эпохи, «перенося» их в новую историческую обстановку. В качестве примера сошлемся на «Картинки общественной жизни» 1877 г., где упоминаются Потугин и «Рудин младший», который «еще не получал приглашения на место директора правления» (VII, 44).

В год смерти Тургенева Станюкович публикует две большие статьи, в которых обобщает свои прежние попутные замечания и мысли о творчестве великого русского писателя-реалиста. Обе они были написаны незадолго до похорон Тургенева в Петербурге, которые состоялись 27 сентября 1883 г., и напечатаны в сентябрьской книжке журнала «Дело» за тот же год. Первая из статей представляет редакционный некролог, посвященный памяти скончавшегося писателя, и озаглавлена его именем:

---

[12] Там же.

[13] См.: «Отечественные записки», 1868, № 1 (статья «Новые времена и старые боги»).

[14] «Новый русский базар», 1868, № 24.

[15] «Дело», 1882, № 3, Журнальные заметки, стр. 89.

«Иван Сергеевич Тургенев». Вторая не имеет названия и является начальной главой обычного фельетона Станюковича в «Деле» — «Картинки общественной жизни», — подписанного его псевдонимом «Откровенный писатель». При включении этой статьи в собрание сочинений К. М. Станюковича она получила название «Смерть Тургенева» (см.: VII, 462—474). Доказательством принадлежности Станюковичу первой из названных статей является то, что в 1883 г. он исполнял обязанности редактора журнала «Дело», а также идейно-стилистическая близость редакционного некролога со второй, подписанной статьей. Некоторые фразы в них совпадают почти текстуально.

Некролог	Картинки общественной жизни
Судьба щедро наделила покойного писателя своими дарами, и он мог развивать свой талант, не заботясь о хлебе насущном.	Счастливая судьба выпала на долю Тургенева. Он мог писать, не заботясь о насущном куске хлеба...
Критике предстоит подробно разобрать, насколько Базаров с его теорией отрицания ради отрицания являлся верным представителем тех «детей», лучшие представители которых в литературе отрицали старое во имя весьма недвусмысленных идеалов...	Как бы кто ни смотрел на Базарова, но не в его идеях воплощались заветные стремления лучших «детей» того времени, а в тех, которые высказывались представителями лучшей части литературы...
...попытка большого художника сопоставить два поколения породила бесчисленных подражателей, которые ‹...› уже без всякой церемонии разразились грязными инсинуациями во всех родах словесности.	...пример крупного художника породил целую литературу, обличающую «детей» уже совсем с другими целями, чем Тургенев.
Белинского хоронили украдкой, а достойного его продолжателя, безвременно погибшего Добролюбова, провожали с десяток человек («Дело», 1883, № 9, стр. 312—314, 316).	Белинского хоронили совсем тихо, точно крадучись ‹...› Добролюбова провожала небольшая кучка друзей (т. VII, стр. 471—473, 463).

Следует отметить и то, что некоторые оценки отдельных произведений Тургенева в редакционном некрологе «Дела» имеют соответствия с известными уже читателю высказываниями Станюковича, содержавшимися в его прежних статьях. Так, например, роман «Дым» оценивался автором некролога как «крик отчаянного пессимизма, изверившегося в судьбах своей родины».[16]

Характерной особенностью обеих анализируемых статей, особенно второй из них, является то, что они содержат критический разбор мировоззрения и творчества Тургенева и полемически заострены против попыток его искажения либерально-буржуазной и охранительной прессой.

[16] «Дело», 1883, № 9, стр. 314.

Отдавая должное Тургеневу «за услуги, оказанные им родной стране», Станюкович, однако, возражает против «одних восторженных некрологов» о писателе, «неумеренной утрировки» его значения в общественной жизни страны, против стремления примазаться к популярному имени тех органов печати (например, суворинского «Нового времени»), которые «не имеют ничего общего с тургеневскими идеалами» (VII, 463, 466—468).

К оценке творчества Тургенева Станюкович подходил исторически. Так, например, отмечая, как уже говорилось, что «тургеневские мужики несколько идеализированы, в отношении к ним чувствуется все-таки барин», — критик считает это вполне естественным: «не надо забывать времени, когда писал Тургенев, и задачи, которые он имел». Художественной целью автора «Записок охотника», правильно утверждает Станюкович, было «возбудить сочувствие к угнетенным, показать безнравственность рабства», задачу эту он «выполнил блистательно». «Рассказы эти явились перчаткой, брошенной врагу, и действительно явились знаменательным событием» (VII, 471). Как и другие критики революционно-демократического лагеря, Станюкович особенно ценит Тургенева за его чуткость к общественной тематике и пишет, что современная жизнь «еще ждет своего выразителя, такого же талантливого и крупного, каким был Тургенев для своего времени» (VII, 473). Основные положения анализируемых статей весьма близки характеристике Тургенева, данной Салтыковым-Щедриным в редакционном некрологе, напечатанном в сентябрьской книжке «Отечественных записок» за 1883 г.[17] Высоко оценивая заслуги Тургенева перед русской литературой и обществом, оба автора, однако, отступают от обычного для жанра некролога безоглядного захваливания писателя и пишут — один о «неравноценности в художественном отношении» его сочинений, «промахах» Тургенева, «на которые своевременно указывала критика»,[18] другой о справедливости «резких нападок» «Современника» «во имя принципа» на «Отцов и детей» (VII, 473).

Подобно тому как Щедрин видел достоинства умершего писателя в постоянной проповеди им «общечеловеческих „добрых чувств", в основе которых лежит глубокая вера в торжество света и нравственной красоты»,[19] — Станюкович писал, что «во всей своей деятельности, всегда в своих произведениях» Тургенев «проводил идеи широкого гуманизма».[20] Как и Салтыков-Щедрин, который «из личных наблюдений» и «из того, что было в последнее время опубликовано о Тургеневе», отмечал «обаятельную личность писателя», главными, основными чертами характера которого «были: благосклонность и мягкосердечие»,[21] — Станюкович также подчеркивал: «Вос-

---

[17] Авторство М. Е. Салтыкова-Щедрина впервые установлено Я. Е. Эльсбергом (см.: «Литературная газета», 1939, № 5; *Щедрин*, т. XV, стр. 613—614) и документально подтверждено И. Т. Трофимовым (см.: Научные доклады Высшей школы, Филологические науки, т. 2, М., 1958, стр. 153—154).

[18] *Щедрин*, т. XV, стр. 612.

[19] Там же.

[20] «Дело», 1883, № 9, стр. 315.

[21] *Щедрин*, т. XV, стр. 612.

поминания, рассказы близких людей и знакомых покойного писателя единогласно свидетельствуют об обаятельной личности Тургенева. Приветливый, добродушный, деликатный, он положительно очаровывал людей» (VII, 473).

Наконец, подобно Щедрину, вопрошавшему: «Знает ли русский народ о Тургеневе? Знает ли он о Пушкине, о Гоголе? Знает ли о тех легионах менее знаменитых тружеников, которых сердца истекают кровью ради него?» — Станюкович заканчивал свой некролог словами: «Теперь похороны крупного писателя — общественное событие, и десятки тысяч людей принимают участие в общем горе... Но, как и прежде, так и теперь, народ чужд нашей печали, не зная даже имен тех людей, которые трудились на его пользу».[22]

Такое поразительное совпадение оценок, конечно, не случайно. Исключая факт заимствования (все три анализируемые статьи были опубликованы в сентябрьских номерах журналов за один и тот же год и вышли в свет одновременно), оно свидетельствует о глубоком внутреннем родстве мировоззрения Станюковича с идеологией последнего представителя революционно-демократической мысли 60-х годов, который всегда был для него высочайшим образцом служения обществу и народу.

Таковы некоторые аспекты изучения проблемы «Тургенев и Станюкович».

В. П. Вильчинский

УТРАЧЕННЫЕ ПИСЬМА И. С. ТУРГЕНЕВА

(1871—1876) [1]

Ниже публикуются сведения о не дошедших до нас письмах Тургенева, извлеченные из сохранившегося эпистолярного наследия писателя и его корреспондентов. Общее количество утраченных писем, относящихся к 1871—1876 гг., — не менее 132, однако цифра эта весьма неточная. Начиная с 1872 г. среди адресатов Тургенева совершенно отсутствует имя Полины Виардо и членов ее семьи. Однако за рассматриваемый период Тургенев неоднократно покидал Париж и несомненно в это время переписывался со своими друзьями. Так, в 1872 г. он более чем на месяц ездил в Россию — с 12 (24) мая по 22 июня (4 июля); в 1873 г. выезжал почти на два месяца в Баден-Баден, Вену и Карлсбад — с 26 мая (7 июня) по 13 (25) июля; в 1874 г. находился в России два с половиной месяца — с 7 (19) мая по 20 июля (1 августа); в 1875 г. — полтора месяца провел в Баден-Бадене и Карлсбаде — с 18 (30) мая по 2 (14) июля; в 1876 г.

---

[22] «Дело», 1883, № 9, стр. 316.

[1] Продолжение. См.: *Тургенев, Сб.*, вып. I, стр. 344—378; вып. II, стр. 339—353; вып. III, стр. 297—334.

жил в России около двух месяцев — с 24 мая (5 июня) по 21 июля (2 августа); всего за пять лет (с 1872 по 1876 г.) он находился вне Франции около девяти месяцев. Обычно Тургенев писал письма Полине Виардо не реже одного раза в неделю. Можно предположить, что и за данное время им было написано к ней не менее 35 писем, но прямыми упоминаниями об этих письмах и ответными письмами Полины Виардо мы не располагаем.

Как и в предшествующих обзорах утраченных писем Тургенева, настоящий перечень позволяет дополнить список адресатов Тургенева за 1871—1876 гг. К числу новых лиц относятся Минна Анштетт, П. Д. Боборыкин, Брюэр (отец Гастона), И. П. Варпаховский, Марианна Виардо, В. П. Гаевский, П. А. Гайдебуров, В. Г. Дехтерев, Иосиф Зееген, М. Иванов, В. Ф. Корш, семья цензора В. В. Львова, вел. кн. Мария Николаевна, сотрудник издательства Мейрер, З. Н. Мухортов, банкир Мюллер, Эдмон Плошю, Корнелия Рихтер, И. Н. Серебряков, П. М. Серебряков, Жюль Симон, К. Т. Солдатенков, А. В. Станкевич, Г. И. Успенский, П. И. Чайковский, И. Н. Шатилов, Эмиль Шмидт, Адриен Эбрар, Луиза Эритт-Виардо — всего 29 имен. Кроме того, Тургенев в эти годы писал в редакцию газеты «Petersburger Zeitung» и в типографию города Рудольштадта.

1871

МАРИИ НИКОЛАЕВНЕ, вел. кн.

8 (20) января 1871. Лондон

Упоминается в письме Тургенева к П. В. Анненкову от 8 (20) января 1871 г.: «...доставьте прилагаемое письмо великой княгине Марии Николаевне — если она находится в Петербурге ‹Тургенев предлагал ей, как президенту Академии художеств, приобрести принадлежавшую Виардо картину Рембрандта, которую она и купила›. Письмо к М‹арии› Н‹иколаевне› Вы вло́жите в куверт и сделаете надлежащую надпись» (*Письма,* т. IX, стр. 5—6).

ГЮСТАВУ ФЛОБЕРУ

Январь 1871. Лондон

Упоминается в письме Тургенева к Флоберу от 24 апреля (6 мая) 1871 г.: «Получили ли вы в конце концов письмо, которое я написал вам в начале года?» (*Письма,* т. IX, стр. 87, 378).

ПОЛИНЕ ВИАРДО

5 (17) февраля 1871. Остенде

Телеграмма. Упоминается в письме Тургенева к Полине Виардо от 6 (18) февраля 1871 г.: «Вы получили мою телеграмму из Остенде, не так ли?» (*Письма,* т. IX, стр. 11, 362).

И. П. БОРИСОВУ

16 (28) февраля 1871. Петербург

Записка. Упоминается в письме Тургенева к Н. С. Тургеневу от 16 (28) февраля 1871 г.: «...будь так добр и доставь прилагаемую записку И. П. Борисову» (*Письма*, т. IX, стр. 20).

ЛУИ ВИАРДО

18 февраля (2 марта) 1871. Петербург

Упоминается в письме Тургенева к Полине Виардо от 18 февраля (2 марта) 1871 г.: «...вчера я получил письмо от Виардо ‹...›. Отвечаю ему на отдельном листке» (*Письма*, т. IX, стр. 20).

ЛУИ ВИАРДО

8 (20) марта 1871. Москва

Упоминается в письме Тургенева к Полине Виардо от 13 (25) марта 1871 г.: «Виардо пишет мне ‹Тургенев получил это письмо 8 (20) марта 1871 г., — см.: *Письма*, т. IX, стр. 42› и спрашивает, не думаю ли я, что следовало бы часть этих денег ‹которые Тургенев дал на приданое Клоди Виардо› употребить на покупку нового французского займа; это, говорит он, было бы „жертвой на алтарь отечества". По-моему, это было бы просто жертвой — в этом смысле я ему и ответил» (*Письма*, т. IX, стр. 50).

КЛОДИ и МАРИАННЕ ВИАРДО

8—9 (20—21) марта 1871. Москва

Упоминается в письме Тургенева к Полине Виардо от 11 (23) марта 1871 г.: «Клоди и Марианна, завтра вы получите колоссальное письмо... ‹Тургенев отвечает на письмо, полученное им 8 (20) марта 1871 г.›» (*Письма*, т. IX, стр. 42 и 49).

КЛОДИ и МАРИАННЕ ВИАРДО

13 (25) марта 1871. Москва

Упоминается в письме к Полине Виардо от 13 (25) марта 1871 г.: «Вкладываю в этот же конверт письмецо к Клоди и Марианне. Сообщаю им некоторые подробности, которые, может быть, заинтересуют и вас» (*Письма*, т. IX, стр. 51).

Н. И. ТУРГЕНЕВУ

13 (25) февраля—22 марта (3 апреля) 1871. Петербург или Москва

Упоминается в письме Тургенева к Кларе Тургеневой от 2 (14) июня 1871 г.: «...я написал три письма Н‹иколаю› И‹вановичу› (одно из России)» (*Письма*, т. IX, стр. 106, 384).

М. А. МИЛЮТИНОЙ

22 марта (3 апреля) 1871. Петербург

Записка. Упоминается в письме к Милютиной от 2 (14) апреля 1871 г.: «Я уже в самом пакете ‹рукопись комедии Милютиной› начертал несколько слов карандашом» (*Письма*, т. IX, стр. 69).

И. П. БОРИСОВУ

24 марта (5 апреля) 1871. Берлин

Упоминается в письме Тургенева к Н. С. Тургеневу от 9 (21) апреля 1871 г.: «...осведомься, что с Ив. Петр. Борисовым ‹...›. Я ему писал из Берлина...» (*Письма*, т. IX, стр. 74—75).

М. А. МИЛЮТИНОЙ

24 марта (5 апреля) 1871. Берлин

Упоминается в письме к Милютиной от 2 (14) апреля 1871 г.: «...из Берлина написал Вам подробнее и обстоятельнее, что именно я думаю о Вашей комедии» (*Письма*, т. IX, стр. 69).

П. И. ЧАЙКОВСКОМУ

16—17 (28—29) апреля 1871. Лондон

Упоминается в письме Тургенева к М. А. Милютиной от 15 (27) апреля 1871 г.: «Г-жа Виардо собирается спеть этот романс ‹Чайковского› в одну из своих „суббот“ — и теперь же поручила мне благодарить г-на Чайковского; все ее романсы будут ему доставлены» (*Письма*, т. IX, стр. 77).

Н. И. ТУРГЕНЕВУ

Апрель—май 1871. Лондон

Два письма. Упоминаются в письме Тургенева к Кларе Тургеневой от 2 (14) июня 1871 г.: «...я написал три письма Н‹иколаю› И‹вановичу› ‹...› два после моего возвращения» (*Письма*, т. IX, стр. 106, 384).

ЛЮДВИГУ ПИЧУ

29 июля (10 августа) 1871. Эдинбург

Упоминается в письме Тургенева к Пичу от 12 (24) августа 1871 г.: «Я *написал* Вам из Эдинбурга, *сдержал* свое слово ‹возможно, что об этом говорилось в утраченном конце письма к Пичу от 6 (18) июля 1871 г.›» (*Письма*, т. IX, стр. 113, 121, 387).

ШАРЛЮ БЮЛОЗУ

Середина августа—начало сентября ст. ст. 1871. Баден-Баден

Упоминается в письмах Тургенева к Жюлю Этцелю от 17 (29) августа 1871 г. — «Если г-н Бюлоз согласится ‹напечатать перевод повести «Степ-

ной король Лир»», мы примемся за работу»; к Шарлю Бюлозу от 22 сентября (4 октября) 1871 г. — «Не получив ответа на свое письмо относительно рассказа»; к Жюлю Этцелю от 22 сентября (4 октября) 1871 г. — «...кажется, я говорил вам, что его сын не ответил на мое предложение ‹Шарль Бюлоз был сыном издателя Франсуа Бюлоза›» (*Письма*, т. IX, стр. 126, 389; 136, 393; 137, 393).

И. Н. СЕРЕБРЯКОВУ

Около 20 сентября ст. ст. 1871. Баден-Баден

Упоминается в письме Тургенева к Н. А. Кишинскому от 29 сентября (11 октября) 1871 г.: «От Серебрякова я получил второе письмо ‹с просьбой поручить ему управление каким-либо имением; 1-е письмо было получено около 15 (27) сентября 1871 г.›. Я ему отвечал ‹...› что он должен, если желает, обратиться к Вам» (*Письма*, т. IX, стр. 134, 145).

ЛЮДВИГУ ПИЧУ

22 сентября (4 октября) 1871. Баден-Баден

Упоминается в письме Тургенева к Юлиану Шмидту от 22 сентября (4 октября) 1871 г.: «Передайте, пожалуйста, прилагаемое письмо Пичу ‹о рассказе «Стук... стук... стук!..», который Пич переводил на немецкий язык›» (*Письма*, т. IX, стр. 137).

МЮЛЛЕРУ, банкиру

1 (13) ноября 1871. Баден-Баден

Упоминается в письме Тургенева к С. Д. Полторацкому от 1 (13) ноября 1871 г.: «...посылаю Вам прилагаемое письмо к банкиру Мюллеру ‹с просьбой дать взаймы деньги для Полторацкого›» (*Письма*, т. IX, стр. 155—156).

М. Н. ЗУБОВОЙ

27 декабря 1871 (8 января 1872). Париж

Упоминается в письме Тургенева к П. В. Анненкову от 27 декабря 1871 г. (8 января 1872 г.): «...пишу ей ‹Зубовой› ответ (и посылаю фотографию своей физиономии, которую она требовала) ‹...› вы ‹...› перешлете ей мою цидулю» (*Письма*, т. IX, стр. 202).

П. И. ЧАЙКОВСКОМУ

Не ранее апреля 1871. Лондон, Баден-Баден, Париж.

Несколько писем. Упоминаются в письме Тургенева к Я. П. Полонскому от 2 (14) марта 1872 г.: «Чайковского я видел в Москве ‹в марте 1871 г.› и слышал его музыку и находился с ним в переписке — но лично с ним не познакомился» (*Письма*, т. IX, стр. 237).

1872

А. Ф. ПИСЕМСКОМУ

Конец января ст. ст. 1872. Париж

Упоминается в письме Тургенева к П. В. Анненкову от 22 января (3 февраля) 1872 г.: «Писемскому я напишу» (*Письма*, т. IX, стр. 218). Было ли письмо написано — неизвестно.

П. М. СЕРЕБРЯКОВУ

Середина февраля ст. ст. 1872. Париж

Упоминается в письме Тургенева к Н. А. Кишинскому от 24 февраля (7 марта) 1872 г.: «...я получил Ваше письмо от 6/18-го февр. и вслед за тем длинную эпистолию от П. Серебрякова. Я отвечал ему кратко и резко, чтобы он впредь ни Вас, ни меня не утруждал — пусть он будет доволен тем, что ему назначена пожизненная пенсия...» (*Письма*, т. IX, стр. 228—229).

ГЮСТАВУ ФЛОБЕРУ

Конец марта ст. ст. 1872. Париж

На это, не дошедшее до нас письмо Тургенева Флобер отвечал 4 (16) апреля 1872 г.: «Я хочу поблагодарить вас за ваше доброе письмо» (*Flaubert, Correspondance. Suppl.*, 3, стр. 28).

ПОЛИНЕ БРЮЭР

12—19 (24—31) мая 1872. Петербург

Упоминается в письме к Полине Брюэр от 6 (18) июня 1872 г.: «Я писал тебе дважды: один раз из Петербурга» (*Письма*, т. IX, стр. 280, 422).

ГЮСТАВУ ФЛОБЕРУ

12—19 (24—31) мая 1872. Петербург

На это, не дошедшее до нас письмо Тургенева, в котором он спрашивал Флобера о его планах на лето, сохранился ответ Флобера от 24 мая (5 июня) 1872 г. (см.: *Flaubert, Correspondance. Suppl.*, 3, стр. 33—34).

ПОЛИНЕ БРЮЭР

Около 6 (18) июня 1872. Москва

Телеграмма. Упоминается в письме Тургенева к Полине Брюэр от 6 (18) июня 1872 г.: «Я получил твою телеграмму — и немедленно послал ответ через Виардо, потому что здесь не хотели принять прямую телеграмму в Клуа» (*Письма*, т. IX, стр. 280—422).

ЭМИЛЮ ДЮРАНУ

3 (15) июля 1872. Париж

Упоминается в письмах Тургенева: к Жюлю Этцелю от 3 (15) июля 1872 г. — «Для Дюрана я оставляю записку»; к Эмилю Дюрану от 9 (21) июля 1872 г. — «Уезжая, я оставил для вас дома письмо ‹...›. В этом письме я говорю о неприятном инциденте с Франчески ‹повесть «Вешние воды» в переводе Франчески на французский язык была напечатана в «Le Nord» без ведома Тургенева›» (*Письма*, т. IX, стр. 294, 426; 297, 427).

ГЮСТАВУ ФЛОБЕРУ

Конец августа ст. ст. 1872. Сен-Валери-сюр-Сомм

На это, не дошедшее до нас письмо Тургенева, в котором он сообщал о своем намерении приехать в Ноан к Жорж Санд к 8 (20) сентября 1872 г., сохранился ответ Флобера от 1 (13) сентября 1872 г. (см.: *Flaubert, Correspondance. Suppl.*, 3, стр. 52).

БРЮЭРУ, отцу Гастона

26 сентября (8 октября) 1872. Париж

Упоминается в письме Тургенева к Полине Брюэр от 26 сентября (8 октября) 1872 г.: «Я только что написал папаше Брюэру и сообщил ему, что у меня есть 3500 ф-в, которые нужно отправить Гастону — может быть, он согласится взять это на себя» (*Письма*, т. IX, стр. 331, 439).

ПОЛИНЕ БРЮЭР

27 сентября (9 октября) 1872. Париж

Упоминается в письме Тургенева к Полине Брюэр от 26 сентября (8 октября) 1872 г.: «...завтра я дам тебе знать ‹приедет ли он к дочери› ‹...›. Завтра я напишу еще...» (*Письма*, т. IX, стр. 331, 439). Было ли письмо написано — неизвестно.

Ф. И. ТЮТЧЕВУ

28 сентября (10 октября) 1872. Париж

Упоминаются в письме Тургенева к Я. П. Полонскому от 28 сентября (10 октября) 1872 г.: «Прилагаю *официальное* письмо к Ф. И. Тютчеву ‹возможно, с просьбой оказать помощь Полонскому›; неофициально скажи ему, что я его люблю по-прежнему и жму ему крепко руку» (*Письма*, т. IX, стр. 335).

АДРИЕНУ ЭБРАРУ

Середина октября ст. ст. 1872. Париж

Упоминается в письме Тургенева к Шарлю Эдмону от 18 (30) ноября 1872 г.: «...я написал Эбрару, прося прислать мне его ‹рассказ «Стук... стук... стук!..»›» (*Письма*, т. X, стр. 27, 364).

ВИЛЬЯМУ РОЛЬСТОНУ

20 ноября (2 декабря) 1872. Париж

Упоминается в письме Тургенева к Рольстону от 30 ноября (12 декабря) 1872 г.: «...я начинаю думать, будто мой ответ на ваше письмо не дошел до вас. (Я послал его 10 дней тому назад)» (*Письма*, т. X, стр. 37, 367).

И. Н. ШАТИЛОВУ

Конец ноября ст. ст. 1872. Париж

Упоминается в письме Тургенева к Н. А. Кишинскому от 25 ноября (7 декабря) 1872 г.: «...я напишу Шатилову ‹о продаже имения Любовша›» (*Письма*, т. X, стр. 30). Было ли письмо написано — неизвестно.

КОРНЕЛИИ РИХТЕР

Около 20 декабря 1872 (1 января 1873). Париж

Упоминается в письме Тургенева к Людвигу Пичу от 20 декабря 1872 г. (1 января 1873 г.): «Корнелия Рихтер написала мне очень любезное письмо. Я ей ответил» (*Письма*, т. X, стр. 48, 372).

БЕРНГАРДУ ЭРИХУ БЕРЕ

Конец декабря ст. ст. 1872. Париж

Упоминается в письмах Тургенева: к Людвигу Пичу от 26 декабря 1872 г. (7 января 1873 г.) — «Я пошлю Берсеркеру ‹прозвище Бере› воинственное письмо ‹за то, что он не разослал экземпляры шестого тома Сочинений Тургенева в переводе на немецкий язык по адресам, указанным Тургеневым›»; к Юлиану Шмидту от 1 (13) января 1873 г. — «...я написал ему ‹Бере› после этого убийственное письмо»; к Людвигу Фридлендеру от 8 (20) апреля 1873 г. — «Я написал ему ‹Бере› и уладил дело» (*Письма*, т. X, стр. 52, 375; 55, 90, 387).

1873

И. Н. ШАТИЛОВУ

Начало февраля ст. ст. 1873. Париж

Упоминается в письме Тургенева к Н. А. Кишинскому от 14 (26) февраля 1873 г.: «...я написал ему, что почитаю это дело конченным ‹продажа Шатилову имения Любовша за 53 000 руб.›» (*Письма*, т. X, стр. 71).

К. Т. СОЛДАТЕНКОВУ

9 (21) февраля 1873. Париж

Упоминается в письме Тургенева к Н. Х. Кетчеру от 9 (21) февраля 1873 г.: «...из прилагаемого письма, адресованного на имя Солдатенкова, ты увидишь, в чем дело ‹издание какой-то немецкой книги›» (*Письма*, т. X, стр. 67).

В ТИПОГРАФИЮ ГОРОДА РУДОЛЬШТАДТА

Около 11 (23) февраля 1873. Париж

Упоминается в письме Тургенева к Юлиану Шмидту от 11 (23) февраля 1873 г.: «Я ‹...› в типографию уже написал ‹о необходимости исправить опечатки в наборе 2-го издания романа «Отцы и дети» в немецком переводе›» (*Письма*, т. X, стр. 69).

Н. А. КИШИНСКОМУ

21 февраля (5 марта) 1873. Париж

Упоминается в письме Тургенева к Н. С. Тургеневу от 21 февраля (5 марта) 1873 г.: «...я сегодня же напишу ‹Кишинскому, об уплате Н. С. Тургеневу 100 рублей долга›» (*Письма*, т. X, стр. 77).

ГЮСТАВУ ФЛОБЕРУ

Конец февраля 1873. Париж

На это, не дошедшее до нас письмо Тургенева, в котором он просил Флобера сообщить ему адрес Каролины Комманвиль и назначить время на чтение «Искушения святого Антония», Флобер отвечал 1 (13) марта 1873 г. (см.: *Flaubert, Correspondance. Suppl.*, 3, стр. 79—80).

ЖЮЛЮ СИМОНУ

Март 1873. Париж

Записка. Упоминается в записке Тургенева к Жюлю Этцелю от марта 1873 г.: «...я спрашивал вчера в записке к г-ну Симону ‹о корректуре сборника «Etranges histoires»›» (*Письма*, т. X, стр. 88, 386).

ПОЛИНЕ БРЮЭР

15 (27) апреля 1873. Париж

Телеграмма. Упоминается в письме Тургенева к Полине Брюэр от 15 (27) апреля 1873 г.: «Я только что послал тебе телеграмму ‹о своем приезде в Ружмон 17 (29) апреля 1873 г.›» (*Письма*, т. X, стр. 93, 388).

В ТИПОГРАФИЮ ГОРОДА РУДОЛЬШТАДТА

1 (13) мая 1873. Париж

Упоминается в письме Тургенева к Юлиану Шмидту от 1 (13) мая 1873 г.: «...я только что написал в типографию со строжайшим наказом относительно опечаток ‹во втором издании «Отцов и детей» в немецком переводе›» (*Письма*, т. X, стр. 99).

А. Ф. ОНЕГИНУ

Около 25 мая (6 июня) 1873. Париж

Телеграмма. Упоминается в письме Тургенева к А. Ф. Онегину от 4 (16) июня 1873 г.: «...незадолго до моего отъезда из Парижа получил я от Вас телеграмму из Рима, на которую отвечал тотчас...» (*Письма,* т. X, стр. 112).

БЕРНГАРДУ ЭРИХУ БЕРЕ

8—10 (20—22) июня 1873. Карлсбад

Упоминается в письме Тургенева к Фердинанду Леве от 28 мая (9 июня) 1873 г.: «Из Карлсбада я напишу господину Бере и сообщу Вам его ответ» (*Письма*, т. X, стр. 111, 395). Было ли письмо написано — неизвестно.

ЖОРЖ САНД

Первая половина июня 1873. Вена или Карлсбад

Об этом, не дошедшем до нас письме Тургенева, в котором он сообщал Ж. Санд о том, что расшиб себе ногу на Венской выставке 1 (13) июня 1873 г., мы узнаем из письма Гюстава Флобера к Тургеневу от 28 июня (10 июля) 1873 г.: «Мадам Санд мне написала, что вы упали и ушибли ногу...» (*Flaubert, Correspondance. Suppl.*, 3, стр. 94). Возможно, впрочем, что Тургенев не писал Ж. Санд, а о его здоровье она узнала от Виардо.

МИННЕ АНШТЕТТ

16 (28) августа 1873. Буживаль

Упоминается в письме Тургенева к П. В. Анненкову от 16 (28) августа 1873 г.: «Оторвите прилагаемый листик и передайте его Madame Anstett» (*Письма*, т. X, стр. 138).

С. П. ГУБЕРНАТИС де

28 августа (9 сентября) 1873. Буживаль

Упоминается в письме Тургенева к Г. Н. Вырубову от 28 августа (9 сентября) 1873 г.: «Посылаю ‹...› обещанное письмо, надеюсь, что Вы застанете эту даму в Венеции: очень приятная и ученая дама ‹вероятно, в этом письме Тургенев просил оказать помощь семье певицы М. В. Адлер›» (*Письма*, т. X, стр. 146).

ГЮСТАВУ ФЛОБЕРУ

Около 13 (25) сентября 1873. Буживаль

На это, не дошедшее до нас письмо, в котором Тургенев обещал приехать в Круассе, Флобер отвечал 13 (25) сентября 1873 г. (см.: *Flaubert, Correspondance. Suppl.*, 3, стр. 103).

П. Л. ЛАВРОВУ

Сентябрь 1873. Буживаль или Париж

Упоминается в письме Тургенева к Лаврову от 6 (18) февраля 1874 г.: «„Вперед“ я получил ‹№ 1 журнала вышел в августе 1873 г.› и весьма желаю получить № 2. Я Вам писал о получении — вероятно, письмо не дошло» (*Письма*, т. X, стр. 197).

МИННЕ АНШТЕТТ

Конец сентября—начало октября 1873. Буживаль или Париж

Упоминается в письме Тургенева к П. В. Анненкову от 9 (21) октября 1873 г.: «Я ‹...› написал ‹...› специальное письмо добродетельной г-же Аншттет ‹с просьбой известить о здоровье Анненкова›» (*Письма*, т. X, стр. 159).

Н. Н. ТЮТЧЕВУ

Около 20 октября (1 ноября) 1873. Париж

Упоминается в письме Тургенева к А. Ф. Онегину от 26 октября (7 ноября) 1873 г.: «Несколько дней тому назад я написал ‹...› Н. Н. Тютчеву ‹рекомендуя ему сдать на зиму комнату англичанину А. Стивену›» (*Письма*, т. X, стр. 165).

ЛЬВОВЫМ, семье

Середина октября—середина ноября ст. ст. 1873. Париж

Упоминается в письме Тургенева к П. В. Анненкову от 19 ноября (1 декабря) 1873 г.: «В Ницце находится теперь очень милое семейство кн. Львовой (вдовы цензора «Записок охотника»). Постарайтесь познакомиться ‹...› я им писал об Вас» (*Письма*, т. X, стр. 172).

В. П. ГАЕВСКОМУ

16 (28) декабря 1873. Париж

Телеграмма. Упоминается в письме Тургенева к Я. П. Полонскому от 18 (30) декабря 1873 г.: «...третьего дня я получил твое письмо о „Кру́жке“ ‹впоследствии сборник «Складчина»› — и по твоему желанию немедленно послал к Гаевскому телеграмму, в которой обещаю свое содействие» (*Письма*, т. X, стр. 181).

1874

ГЕНРИ ХОЛТУ

25 января (6 февраля) 1874. Париж

Упоминается в письме Тургенева к Вильяму Рольстону от 25 января (6 февраля) 1874 г.: «Я пишу сегодня этому фениксу в образе издателя и пошлю ему свою фотографию ‹Холт сообщил Тургеневу об успехе его произведений в Америке›» (*Письма*, т. X, стр. 192, 423).

Э. С. ПОЛТОРАЦКОЙ

Начало марта ст. ст. 1874. Париж

На это, не дошедшее до нас письмо Тургенева Полторацкая отвечала 6 (18) марта 1874 г.: «Сердечно жалею, что Вы опять больны, и надеюсь, что этот новый припадок не долго продолжится ‹...›. Обещанных книг Вы не прислали ‹...›. „Казаки" так обрадовали бы меня» (*ИРЛИ*, 5789.XXXб.78).

ЭДМОНУ ПЛОШЮ

2 (14) апреля 1874. Париж

Упоминается в письме Тургенева к Жорж Санд от 3 (15) апреля 1874 г.: «Получив ваше письмо ‹от 1 (13) апреля 1874 г.›, я тотчас же написал нашему другу Плошю» (*Письма*, т. X, стр. 224, 433).

И. П. ВАРПАХОВСКОМУ

7 (19) апреля 1874. Париж

Упоминается в письме Тургенева к Ю. П. Вревской от 6 (18) апреля 1874 г.: «Брат Ваш ‹Варпаховский› также пишет мне об этом ‹о том, что ему понравился рассказ «Живые мощи»›. Я ему завтра отвечать буду» (*Письма*, т. X, стр. 227). Было ли письмо написано — неизвестно.

МЕЙРЕРУ, сотруднику издательства в Митаве

2 (14) июня 1874. Москва

Упоминается в письме Тургенева к Людвигу Пичу от 1 (13) июня 1874 г.: «Завтра напишу Мейреру» (*Письма*, т. X, стр. 241, 439). Было ли письмо написано — неизвестно.

ИОСИФУ ЗЕЕГЕНУ

7—8 (19—20) июня 1874. Спасское

Упоминается в письме Тургенева к П. М. Грибовскому от 13 (25) июня 1874 г.: «Спросите его ‹Зеегена›, получил ли он письмо, в котором я просил его нанять мне квартиру в König v. England ‹в Карлсбаде› — начиная с *того* воскресенья ‹т. е. с 23 июня (5 июля) 1874 г.›?» (*Письма*, т. X, стр. 251).

М. В. АВДЕЕВУ

Около 15 (27) июня 1874. Спасское

Упоминается в письме Тургенева к Авдееву от 1 (13) августа 1874 г.: «Вскоре после того, как я Вам писал из деревни, со мной сделался очень сильный припадок подагры» (*Письма*, т. X, стр. 272).

ПОЛИНЕ ВИАРДО

Около 19 (31) июля 1874. Петербург

Телеграмма. Упоминается в письме Тургенева к Ю. П. Вревской от 19 (31) июля 1874 г.: «...я потому только еще здесь, что не получил ответа на посланную мною в Париж телеграмму ‹к Виардо› — а то бы я уже *сегодня* вечером должен был уехать» (*Письма*, т. X, стр. 265).

ЛЮДВИГУ ФРИДЛЕНДЕРУ

21 июля (2 августа) 1874. Берлин

Упоминается в письме Тургенева к А. Н. Пыпину от 19 (31) июля 1874 г.: «...уезжаю завтра рано в Берлин, а оттуда в Карлсбад, о чем я из Берлина уведомлю лично Фридлендера» (*Письма*, т. X, стр. 266). Было ли письмо написано — неизвестно.

Я. П. ПОЛОНСКОМУ

22—25 июля (3—6 августа) 1874. Карлсбад

Упоминается в письме Тургенева к Полонскому от 16 (28) июля 1874 г.: «Я тебе дам знать, как только доберусь до Карлсбада» (*Письма*, т. X, стр. 264). Было ли письмо написано — неизвестно.

ЭМИЛЮ ЗОЛЯ

18 (30) сентября 1874. Буживаль

Упоминается в письме Тургенева к Золя от 19 сентября (1 октября) 1874 г.: «...вчера намеревался отправиться на свидание с вами, но среди ночи у меня начался девятый приступ подагры, и рано утром я написал вам письмо, посланное по адресу Шарпантье, чтобы вас предупредить» (*Письма*, т. X, стр. 298, 454).

ЭМИЛЮ ЗОЛЯ

18 (30) сентября 1874. Буживаль

Телеграмма. Упоминается в письме Тургенева к Золя от 19 сентября (1 октября) 1874 г.: «Вчера вечером я вам послал телеграмму» (*Письма*, т. X, стр. 299, 454).

ЖЮЛЮ ЭТЦЕЛЮ

Сентябрь 1874. Буживаль

Упоминается в письме Тургенева к Этцелю от 27 августа (8 сентября) 1874 г.: «...я увижу вашего сына — он даст мне ваш адрес, которого я не знаю — я передам ему это письмо и напишу вам еще одно, где расскажу кучу вещей» (*Письма*, т. X, стр. 287, 451). Было ли письмо написано — неизвестно.

И. П. АРАПЕТОВУ

10 (22) октября 1874. Париж

Упоминается в письме Тургенева к П. В. Жуковскому от 10 (22) октября 1874 г.: «...сегодня мне с Вами завтракать нельзя — я пишу об этом Арапетову и прошу его вместо завтрака устроить нам *обед* на завтрашний день» (*Письма*, т. X, стр. 311).

А. В. ПЛЕТНЕВОЙ

11 (23) октября 1874. Париж

Телеграмма. Упоминается в письме Тургенева к П. В. Жуковскому от 11 (23) октября 1874 г.: «Я послал сегодня утром телеграмму к г-же Плетневой, в которой я извещаю ее, что буду у ней в *5* часов» (*Письма*, т. X, стр. 311).

ВИЛЬЯМУ ХОУЭЛЛСУ

16 (28) октября 1874. Париж

Упоминается в книге О. В. Фрикстедта (O. W. Fryckstedt. In Quest of America. Uppsala, 1958): «Хоуэллс получил по крайней мере одно письмо от Тургенева, датируемое 28 окт. 1874, в котором Тургенев высоко оценивал посланные ему книги Хоуэллса» (стр. 170).

П. В. АННЕНКОВУ

Октябрь 1874. Париж

Упоминается в письме Анненкова к М. М. Стасюлевичу от 20 октября (1 ноября) 1875 г.: «...в октябре прошлом он ‹Тургенев› обещал мне приняться за работу, так как имеет теперь *свой* дом в Буживале» (*Стасюлевич*, т. III, стр. 317).

М. М. СТАСЮЛЕВИЧУ

3 (15) ноября 1874. Париж

Телеграмма. Упоминается в письме Тургенева к Стасюлевичу от 4 (16) ноября 1874 г.: «Вчера ‹...› я Вам отправил ответную телеграмму» (*Письма*, т. X, стр. 322).

Н. В. ХАНЫКОВУ

Около 20 ноября (2 декабря) 1874. Париж

Несколько телеграмм. Упоминаются в письме Н. В. Ханыкова к Тургеневу от 20 ноября (2 декабря) 1874 г.: «Очень заманчивые телеграммы посылаете Вы, Иван Сергеевич» (*Bibl. Nat.*, Slave 81, стр. 104).

Н. Н. ТУРГЕНЕВУ

Вторая половина декабря ст. ст. 1874. Париж

Упоминается в письме Тургенева к Н. С. Тургеневу от 16 (28) декабря 1874 г.: «Он ‹Н. Н. Тургенев› теперь у себя в деревне, слепой, больной, одинокий. Мне его жаль — и я напишу ему письмо» (*Письма*, т. X, т. 342). Было ли письмо написано — неизвестно.

В. Г. ДЕХТЕРЕВУ

Сентябрь—декабрь 1874. Буживаль

Несколько писем. Упоминаются в письмах Тургенева: к П. В. Анненкову от 30 августа (11 сентября) 1874 г. — «От известного *Дехтерева* ‹...› я получил громадное письмо ‹на которое Тургенев ответил не ранее сентября 1874 г.›»; к А. В. Топорову от 28 января (9 февраля) 1875 г. — «Г-н Дехтерев ‹...› действительно был моим корреспондентом (лично я его не знаю). Он, кажется, малый не глупый, но до уродства, до фантастичности самолюбивый» (*Письма*, т. X, стр. 289, и т. XI, стр. 15).

1875

Ф. И. САЛАЕВУ

Конец 1874—начало января 1875. Париж

Упоминается в письме к А. В. Топорову от 5 (17) февраля 1875 г.: «Я ему ‹Салаеву› давно об этом ‹о высылке Топорову издания: *Тургенев. Соч., 1844—1874*› писал» (*Письма*, т. XI, стр. 22).

З. Н. МУХОРТОВУ

22 января (4 февраля) 1875. Париж

Упоминается в письме Тургенева к Н. А. Кишинскому от 23 января (4 февраля) 1875 г.: «...я с нынешней же почтой напишу об этом г-ну Мухортову в Петербург ‹о сдаче ему в аренду имения Тапки›» (*Письма*, т. XI, стр. 12).

В. Ф. КОРШУ

Конец января 1875. Париж

Упоминается в письме Тургенева к М. М. Стасюлевичу от 31 января (12 февраля) 1875 г.: «Радуюсь также, что хотя запоздалым манером доставляю некоторое удовольствие Коршу ‹в письме к нему Тургенев выражал возмущение беззаконным устранением Корша от редакторства «С.-Петербургских ведомостей»›» (*Письма*, т. XI, стр. 17).

Ф. И. САЛАЕВУ

5 (17) февраля 1875. Париж

Упоминается в письме Тургенева к А. В. Топорову от 5 (17) февраля 1875 г.: «Сегодня же написал Салаеву, чтобы он немедленно выслал Вам три экземпляра моих сочинений ‹*Тургенев, Соч., 1844—1874*›» (*Письма*, т. XI, стр. 22).

З. Н. МУХОРТОВУ

Около 20 февраля (4 марта) 1875. Париж

Упоминается в письме к Н. А. Кишинскому от 21 февраля (5 марта) 1875 г.: «Для большей верности прилагаю письмо З. Н. Мухортова ‹от 6 (18) февраля 1875 г.›; из него Вы убедитесь, что он как бы отказывается от аренды ‹Тапок›. Я ему написал в таком смысле» (*Письма*, т. XI, стр. 30).

Ф. И. САЛАЕВУ

21 февраля (5 марта) 1875. Париж

Упоминается в письме Тургенева к М. М. Стасюлевичу от 21 февраля (5 марта) 1875 г.: «Сегодня же я напишу Салаеву о Вашем намерении почтить меня помещением в „Русской библиотеке“ — и не сомневаюсь в том, что он убедится моими доводами и уступит безвозмездно право на издание моих вещей» (*Письма*, т. XI, стр. 30).

Н. А. КИШИНСКОМУ

Середина марта 1875. Париж

Упоминается в письмах Тургенева: к А. В. Топорову от 20 марта (1 апреля) 1875 г. — «Я дал знать моему управляющему ‹Кишинскому›, чтобы он выслал Вам *сто* рублей на заплату долга и предбудущие расходы»; к Н. А. Кишинскому от 18 (30) апреля 1875 г. — «Не помню, писал ли я Вам (около месяца тому назад) — чтобы Вы ему ‹Топорову› выслали 200 р.? ‹вероятно, Тургенев ошибся в сумме›» (*Письма*, т. XI, стр. 49 и 70).

П. Д. БОБОРЫКИНУ

Январь—середина марта ст. ст. 1875. Париж

На это, не дошедшее до нас письмо Тургенева Боборыкин отвечал 6 (18) апреля 1875 г. из Вены: «Она ‹жена Боборыкина› всё ждет ‹...› обещанного Вами экземпляра „Вешних вод“ — во французском переводе ‹...›. С Вашим мнением насчет процедуры перевода — мы вполне согласны» (*ИРЛИ*, 5801.XXXб.91).

ПАУЛЮ ГЕЙЗЕ

Конец 1874—начало 1875. Париж или Буживаль

Упоминается в письме Тургенева к Гейзе от 28 сентября (10 октября) 1874 г.: «В мае по пути в Карлсбад я буду в Мюнхене — там я надеюсь Вас увидеть. Но я еще напишу Вам» (*Письма*, т. X, стр. 306, 457). Было ли письмо написано — неизвестно.

П. Д. БОБОРЫКИНУ

Около 15 (27) апреля 1875. Париж

Упоминается в письме Боборыкина к Тургеневу из Вены от 15 (27) апреля 1875 г.: «Я передал жене Ваш ответ. Она благодарит Вас за готовность посредничать между ею и французскими издателями» (*ИРЛИ*, 5801.XXXб.91).

Ф. И. САЛАЕВУ

Март—середина апреля ст. ст. 1875. Париж

Упоминается в письме Тургенева к М. М. Стасюлевичу от 24 апреля (6 мая) 1875 г.: «...я не предавался молчанию — а написал ему ‹Салаеву› два раза ‹одно из этих писем от 21 февраля (5 марта) 1875 г., см. выше›» (*Письма*, т. XI, стр. 71).

МАРИИ ИННИС

15 (27) мая 1875. Париж

Упоминается в письме Тургенева к Полине Брюэр от 15 (27) мая 1875 г.: «Я сегодня же напишу г-же Иннис и попрошу ее поехать к тебе на трудное время ‹предстоящее рождение сына Полины — Жоржа Брюэра›» (*Письма*, т. XI, стр. 83, 370). Было ли письмо написано — неизвестно.

Г. И. УСПЕНСКОМУ

24—25 мая (5—6 июня) 1875. Карлсбад

Упоминается в письме Успенского к А. В. Каменскому от 27 мая (8 июня) 1875 г. из Парижа: «Я от него ‹Тургенева› сию минуту получил письмо из Карлсбада» (Г. И. Успенский, Полное собрание сочинений, изд. АН СССР, 1951, т. XIII, стр. 163).

А. П. ФИЛОСОФОВОЙ

25 мая (6 июня) 1875. Карлсбад

Записка. Упоминается в письме Тургенева к П. В. Анненкову от 25 мая (6 июня) 1875 г.: «Прилагаю Вам записку к Философовой ‹одновременно Тургенев возвращал Философовой портфель с литературными произведениями и дневниками близкой ей народнической молодежи и ее собственным дневником›» (*Письма*, т. XI, стр. 85).

А. В. ПЛЕТНЕВОЙ

Середина мая—начало июня ст. ст. 1875. Париж или Карлсбад

Упоминается в письме Тургенева к П. В. Жуковскому от 11 (23) июня 1875 г.: «Я также получил милое письмо от Плетневой — и отвечал ‹ранее, 10 (22) мая 1875 г., Тургенев писал ему же: «От милейшей Плетневой получил письма два»›» (*Письма*, т. XI, стр. 96, 76).

Я. П. ПОЛОНСКОМУ

23 мая (4 июня)—2 (14) июля 1875. Карлсбад

Упоминается в письме Тургенева к Полонскому от 10 (22) июля 1875 г.: «...решительно не помню, написал ли я тебе из Карлсбада или нет?» (*Письма*, т. XI, стр. 103). Было ли написано письмо — неизвестно.

ГЮСТАВУ ФЛОБЕРУ

Первая половина июня ст. ст. 1875. Карлсбад

На это, не дошедшее до нас письмо Тургенева, в котором он жаловался на свое здоровье, Флобер отвечал 21 июня (3 июля) 1875 г. (см.: *Flaubert, Correspondance. Suppl.*, 3, стр. 180—181).

И. П. АРАПЕТОВУ

9 (21) июня—2 (14) июля 1875. Карлсбад

Упоминается в письме Тургенева к Н. А. Кишинскому от 9 (21) июня 1875 г.: «А я ему ‹Арапетову› отсюда напишу ‹о помощи Кишинскому в денежных делах, в Петербурге›» (*Письма*, т. XI, стр. 95). Было ли письмо написано — неизвестно.

ГЮСТАВУ ФЛОБЕРУ

Около 29 июля (10 августа) 1875. Буживаль

На это, не дошедшее до нас письмо Тургенева Флобер отвечал 29 июля (10 августа) 1875 г. (см.: *Flaubert, Correspondance. Suppl.*, 3, стр. 190).

ЛУИЗЕ ЭРИТТ-ВИАРДО

13 (25) августа 1875. Буживаль

Упоминается в письме Тургенева к Е. И. Бларамберг от 13 (25) августа 1875 г.: «Из письма моего к Луизе ‹которое было послано в одном конверте с письмом к Бларамберг› (да и кроме того) Вы знаете, что мое литературное влияние почти равняется нулю» (*Письма*, т. XI, стр. 114).

Л. А. РУСОВУ

Середина августа ст. ст. 1875. Париж

Упоминается в письме Русова к Я. П. Полонскому от 14 (26) сентября 1875 г.: «Обещался ‹Тургенев› очень интересный рассказ из воспоминаний своих ‹о Шевченке› прислать с месяц тому назад, да и по сих пор нет ‹...›. Он писал, что непременно вспомнит всё, что только может из своих встреч с Шевченко» («Вопросы литературы», 1961, № 1, стр. 209).

Е. В. ЛЬВОВОЙ

Июнь—август 1875. Карлсбад или Буживаль

Упоминается в письме Львовой к М. М. Стасюлевичу от 13 (25) ноября 1875 г.: «...я ‹...› посылая повесть в Париж ‹«Сельцо Малиновка», которую Тургенев получил в Карлсбаде 5 (17) июня 1875 г., — см.: *Письма*, т. XI, стр. 90›, не думала еще отдавать ее в печать, позднее уже, в ответе на вопрос Ивана Сергеевича, я написала ему в *письме*, под каким именем желала, чтобы повесть вышла в свет» (*Стасюлевич*, т. III, стр. 632).

М. Е. САЛТЫКОВУ

4 (16) сентября 1875. Буживаль

Упоминается в письме Салтыкова к Н. А. Некрасову от 4 (16) сентября 1875 г.: «Тургенев живет в Буживале; я известил его вчера о моем приезде, а сегодня получил от него письмо, что завтра он будет у меня» (*Щедрин*, т. XVIII, стр. 304).

И. П. ЗОЛОТНИЦКОМУ

Начало сентября ст. ст. 1875. Буживаль

Упоминается в письме Тургенева к Б. А. Чивилеву от 16 (28) сентября 1875 г.: «Ваш фёльетон я немедленно отправил к И. П. Золотницкому с рекомендательным письмом ‹в котором советовал опубликовать фельетон в «С.-Петербургских ведомостях»›» (*Письма*, т. XI, стр. 131).

В. А. СОЛЛОГУБУ

Около 20 сентября ст. ст. 1875. Буживаль

Упоминается в письме Тургенева к Соллогубу от 28 сентября (10 октября) 1875 г.: «Некий г. Векслер, который был уже у Вас, выпросил у меня письмецо рекомендательное, якобы для приведения в исполнение некоего музыкального предприятия и т. п.» (*Письма*, т. XI, стр. 134).

М. М. СТАСЮЛЕВИЧУ

26 ноября (8 декабря) 1875. Париж

Телеграмма. Упоминается в письме Тургенева к Стасюлевичу от 27 ноября (9 декабря) 1875 г.: «Ваша вчерашняя телеграмма меня смутила. (Я на нее, как Вам теперь известно, немедленно отвечал)» (*Письма*, т. XI, стр. 166).

С. А. ВЕНГЕРОВУ

Осень 1875. Париж или Буживаль

Упоминается в письме Тургенева к Венгерову от 10 (22) декабря 1875 г.: «...Вы моего ответа на письмо, сопровождавшее присылку Вашего 2-го выпуска ‹1-й выпуск был прислан в середине мая ст. ст. 1875 г.›, не получили ‹...› я в моем ответе отвечал довольно подробно на все Ваши вопросы и недоумения ‹...›. Сверх того, в моем ответе был констатирован факт совершенного различия наших воззрений на искусство вообще и на литературу» (*Письма*, т. XI, стр. 174).

1876

ЭМИЛЮ ШМИДТУ

2 (14) января 1876. Париж

Телеграмма. Упоминается в письмах Тургенева к Юлиусу Роденбергу: от 3 (15) января 1876 г. — «...вчера я получил две телеграммы от н‹емецкого› „Petersburger Herold“ ‹редактор которого был Шмидт› и н‹емецкой› „Petersburger Zeitung“, которые обратились ко мне с просьбой авторизовать перевод ‹повести «Часы»›. Обоим я дал одинаковый ответ — а именно, что я уступил право перевода „Deutsche Rundschau“»; от 1 (13) февраля 1876 г. — «Редактор, господин Шмидт, просил меня дать разрешение ‹на печатание немецкого перевода «Часов»›; я ответил отказом» (*Письма*, т. XI, стр. 189, 392; 211, 398).

В РЕДАКЦИЮ «PETERSBURGER ZEITUNG»

2 (14) января 1876. Париж

Телеграмма. Упоминается в письме Тургенева к Юлиусу Роденбергу от 3 (15) января 1876 г.: «...вчера я получил две телеграммы от н‹емецкого› „Petersburger Herold“ и н‹емецкой› „Petersburger Zeitung“, которые обратились ко мне с просьбой авторизовать перевод ‹повести «Часы»›. Обоим я дал одинаковый ответ — а именно, что я уступил право перевода „Deutsche Rundschau“» (*Письма*, т. XI, стр. 189, 392).

М. О. МАЛЯРЕВСКОЙ

6 (18) января 1876. Париж

Упоминается в письме Тургенева к Н. А. Кишинскому от 6 (18) января 1876 г.: «...прилагаю Вам письмо к г-же Маляревской, которое Вы ей перешлите» (*Письма*, т. XI, стр. 191).

ЭМИЛЮ ШМИДТУ

Середина января ст. ст. 1876. Париж

Упоминается в письме Тургенева к Юлиусу Роденбергу от 1 (13) февраля 1876 г.: «Редактор, господин Шмидт, просил меня дать разрешение ‹на печатание в «Petersburger Herold» немецкого перевода рассказа «Часы»›; я ответил отказом ‹см. выше телеграмму от 2 (14) января 1876 г.›; тогда он написал мне, что получил согласие от „Deutsche Rundschau“ ‹...› и лишь после этого я дал ему свое» (*Письма*, т. XI, стр. 210, 398).

П. А. ГАЙДЕБУРОВУ

Начало февраля ст. ст. 1876. Париж

Упоминается в письме Тургенева к Я. П. Полонскому от 14 (26) февраля 1876 г.: «Я получил письмо от Гайдебурова и обещал ему маленький рассказец для „Недели“» (*Письма*, т. XI, стр. 216).

Н. А. КИШИНСКОМУ

13 (25) апреля 1876. Париж

Телеграмма. Упоминается в письмах Тургенева к Кишинскому: от 12 (24) апреля 1876 г. — «Я сейчас был у нашего консула — и он сказал мне, что именной билет здесь можно разменять совершенно удобно — и *потому вышлите мне его страховым письмом*. Я Вам об этом пришлю телеграмму»; от 14 (26) апреля 1876 г. — «Я уже вчера телеграфировал ‹...› Вам» (*Письма*, т. XI, стр. 252 и 253).

ФРАНСУА БЮЛОЗУ

Апрель 1876. Париж

Упоминается в книге И. Борщака (Ілько Борщак. Шевченко у Франції. Львов, 1933): «Действительно, в апреле 1876 г. Тургенев напоминает тогдашнему главному редактору и основателю журнала Бюлозу ‹...› обещание поместить обстоятельную статью о великом малороссийском поэте ‹Шевченко›» (стр. 9).

Ю. П. ВРЕВСКОЙ

23 мая (4 июня) 1876. Вержболово

Телеграмма. Упоминается в письмах Тургенева к Вревской: от 13 (25) мая 1876 г. — «...я Вам с границы вышлю телеграмму — и попрошу Вас выслать карету»; от 20 мая (1 июня) 1876 г.: «...я с границы пошлю Вам телеграмму»; от 24 мая (5 июня) 1876 г.: «...я Вам писал ‹...› и телеграфировал, но так как я по ошибке ‹...› выставил: Литейная, № *26* или *24* — то Вы ничего не получили» (*Письма*, т. XI, стр. 262 и 264).

А. В. ТОПОРОВУ

23 мая (4 июня) 1876. Вержболово

Телеграмма. Упоминается в письме Тургенева к Ю. П. Вревской от 20 мая (1 июня) 1876 г.: «Не заботьтесь о карете; я с границы пошлю об этом телеграмму одному моему знакомому (Топорову)» (*Письма*, т. XI, стр. 262). Была ли отправлена телеграмма — неизвестно.

НЕИЗВЕСТНОЙ

28 мая (9 июня) 1876. Петербург

Упоминается в письме Тургенева к Ю. П. Вревской от 28 мая (9 июня) 1876 г.: «Я написал графине письмецо, в котором также извиняюсь ‹Тургенев должен был с Вревской поехать к этой графине в гости›» (*Письма*, т. XI, стр. 266).

Н. С. ТУРГЕНЕВУ

6—15 (18—27) июня 1876. Спасское

Упоминается в письме Тургенева к Н. С. Тургеневу от 17 (29) июня 1876 г.: «Я тебе послал туда ‹в Карлсбад› одно письмо...» (*Письма*, т. XI, стр. 281).

Ю. П. ВРЕВСКОЙ

Первая половина июня ст. ст. 1876. Спасское

Упоминается в письме Тургенева к Вревской от 15 (27) июня 1876 г.: «Что же касается до слова „mondaine“ — которое, как кажется, задело Вас за живое ‹очевидно, Тургенев употребил это слово в не дошедшем до нас письме› — то повторяю: конечно, в Вашем существе, в Вашем сердце и душе ничего нет светского; но все Ваши наружные привычки, вся повадка, вся Ваша физиономия вполне и совершенно светские» (*Письма*, т. XI, стр. 277).

А. В. СТАНКЕВИЧУ

16 (28) июня 1876. Спасское

Упоминается в письмах Тургенева: к П. М. Третьякову от 15 (27) июня 1876 г. — «Я ему ‹Станкевичу› напишу завтра же ‹с просьбой помочь экспедиции Н. Н. Миклухи-Маклая›»; к А. В. Топорову от 15 (27) июня 1876 г. — «...на всякий случай напишу Станкевичу» (*Письма*, т. XI, стр. 278 и 279). Было ли письмо написано — неизвестно.

П. В. АННЕНКОВУ

15 (27) июля 1876. Спасское

Упоминается в письме Анненкова к М. М. Стасюлевичу от 4 (16) августа 1876 г.: «Между тем я получил и от Тургенева официальное известие о рождении „Нови“ в его доме» (*Стасюлевич*, т. III, стр. 329). Об окончании «Нови» Тургенев сообщил Стасюлевичу 15 (27) июля 1876 г. (см.: *Письма*, т. XI, стр. 296).

П. В. АННЕНКОВУ

27 июля (8 августа) 1876. Буживаль

Упоминается в письме Тургенева к М. М. Стасюлевичу от 26 июля (7 августа) 1876 г.: «Я напишу Анненкову завтра же» (*Письма*, т. XI, стр. 299). Было ли письмо написано — неизвестно.

М. ИВАНОВУ

Октябрь—начало ноября ст. ст. 1876. Париж

Упоминается в письме Тургенева к Н. С. Тургеневу от 11 (23) ноября 1876 г.: «Г-н Иванов не угомонился — и прислал мне сюда свою чепуху. Я прочел страниц 20 — и отправил ему обратно его детище в сопровождении письма, которое, я надеюсь, отобьет у него охоту больше обращаться ко мне» (*Письма*, т. XI, стр. 352).

ХЬЯЛМАРУ БОЙЕСЕНУ

Около 8 (20) ноября 1876. Париж

Упоминается в письме Бойесена к Бьернстьерне Бьернсону от 8—14 (20—26) ноября 1876 г.: «С тех пор, как я начал это письмо, я получил известие от Тургенева, который обещает прислать рассказ ‹для журнала «Scribner's Monthly»› в ближайшие несколько недель» (*Письма*, т. X, стр. 584).

М. М. СТАСЮЛЕВИЧУ

9 (21) ноября 1876 г. Париж

Упоминается в письме Тургенева к Стасюлевичу от 9 (21) ноября 1876 г.: «...сегодня утром я вручил мою рукопись ‹«Новь»› Горацию Гинцбургу — а сегодня вечером ‹...› брат его отправляется в Петербург ‹...›. В пакете Вы найдете ‹...› письмецо на Ваше имя — в котором я излагал ‹...› свое желание ‹...› чтобы „Новь“ была напечатана в одном N-е» (*Письма*, т. XI, стр. 348).

М. М. СТАСЮЛЕВИЧУ

2 (14) декабря 1876. Париж

Записка. Упоминается в письме Тургенева к А. В. Топорову от 2 (14) декабря 1876 г.: «Если нужно, воспользуйтесь прилагаемой запиской к Стасюлевичу ‹в которой Тургенев просит выдать Топорову 100 рублей›» (*Письма*, т. XII, кн. 1, стр. 24).

Н. А. ЩЕПКИНУ

2 (14) декабря 1876. Париж

Доверенность. Упоминается в письме Тургенева к М. М. Стасюлевичу от 2 (14) декабря 1876 г.: «...будьте так любезны, заставьте засвидетельствовать в Министерстве иностранных дел почерк консула на прилагаемой доверенности — и ‹...› отправьте ее немедленно по следующему адресу: Орловской губ., в город Мценск, село Спасское-Лутовиново. Его благородию Николаю Александровичу Щепкину» (*Письма*, т. XII, кн. 1, стр. 23).

Н. В. ХАНЫКОВУ

Около 18 (30) декабря 1876. Париж

Упоминается в письме Н. В. Ханыкова к Тургеневу от 18 (30) декабря 1876 г.: «...благодарю Вас за письмо» (*Bibl. Nat.*, Slave 81, стр. 106).

ЭМИЛЮ ЗОЛЯ

21 декабря 1876 (2 января 1877). Париж

Упоминается в письме Тургенева к М. М. Стасюлевичу от 21 декабря 1876 г. (2 января 1877 г.): «...я не мог съездить сам к Зола — а написал ему, чтобы он приехал» (*Письма*, т. XII, кн. 1, стр. 41).

В. И. ЛИХАЧЕВУ

Около 20 декабря 1876 (1 января 1877). Париж

Упоминается в письме В. И. Лихачева к Тургеневу от 26 декабря 1876 г. (7 января 1877 г.): «Только что собрался отвечать на Ваше первое письмо ‹от 9 (21) декабря 1876 г. — см. *Письма*, т. XIII, кн. 1, стр. 29› как получил вчера второе» (*Bibl. Nat.*, Slave 81, стр. 26).

Ю. П. ВРЕВСКОЙ

22 декабря 1876 (3 января 1877). Париж

Упоминается в письме Тургенева к А. В. Топорову от 21 декабря 1876 г. (2 января 1877 г.): «Скажите ей ‹Вревской›, что я получил ее коротенькую, но очень печальную записку — и буду отвечать завтра же» (*Письма*, т. XII, кн. 1, стр. 42). Было ли письмо написано — неизвестно.

УКАЗАТЕЛЬ НЕ ДОШЕДШИХ ДО НАС ПИСЕМ И. С. ТУРГЕНЕВА ПО АДРЕСАТАМ[2]

Авдееву М. В. — 1
Анненкову П. В. — 3
Анштетт Мине — 2
Арапетову И. П. — 2
Бере Бернгарду Эриху — 2
Боборыкину П. Д. — 2
Бойесену Хьялмару — 1
Борисову И. П. — 2
Брюэр Полине — 4
Брюэру, отцу Гастона — 1
Бюлозу Франсуа — 1
Бюлозу Шарлю — 1

[2] Цифры указывают лишь приблизительно количество писем за 1871—1876 гг., которые вошли в настоящий обзор.

Варпаховскому И. П. — 1
Венгерову С. А. — 1
Виардо Клоди и Марианне — 2
Виардо Луи — 2
Виардо Полине — 2
Вревской Ю. П. — 3
Гаевскому В. П. — 1
Гайдебурову П. А. — 1
Гейзе Паулю — 1
Губернатис С. П. де — 1
Дехтереву В. Г. — несколько
Дюрану Эмилю — 1
Зеегену Иосифу — 1
Золотницкому И. П. — 1
Золя Эмилю — 3
Зубовой М. Н. — 1
Иванову М. — 1
Иннис Марии — 1
Кишинскому Н. А. — 3
Коршу В. Ф. — 1
Лаврову П. Л. — 1
Лихачеву В. И. — 1
Львовой Е. В. — 1
Львовым, семье цензора В. В. Львова — 1
Маляревской М. О. — 1
Марии Николаевне, вел. кн. — 1
Мейреру, сотр. издательства — 1
Милютиной М. А. — 2
Мухортову З. Н. — 2
Мюллеру, банкиру — 1
Неизвестной — 1
Онегину А. Ф. — 1
Писемскому А. Ф. — 1
Пичу Людвигу — 2
Плетневой А. В. — 2
Плошю Эдмону — 1
Полонскому Я. П. — 2
Полторацкой Э. С. — 1
Рихтер Корнелии — 1
Рольстону Вильяму — 1
Русову А. А. — 1
Салаеву Ф. И. — 4
Салтыкову М. Е. — 1
Санд Жорж — 1
Серебрякову И. Н. — 1
Серебрякову П. М. — 1
Симону Жюлю — 1
Солдатенкову К. Т. — 1
Соллогубу В. А. — 1
Станкевичу А. В. — 1
Стасюлевичу М. М. — 4
Топорову А. В. — 1
Тургеневу Н. И. — 3
Тургеневу Н. Н. — 1
Тургеневу Н. С. — 1
Тютчеву Н. Н. — 1
Тютчеву Ф. И. — 1
Успенскому Г. И. — 1
Философовой А. П. — 1
Флоберу Гюставу — 8
Фридлендеру Людвигу — 1
Ханыкову Н. В. — несколько
Холту Генри — 1
Хоуэллсу Вильяму — 1
Чайковскому П. И. — несколько, не менее 3
Шатилову И. Н. — 2
Шмидту Эмилю — 2
Щепкину Н. А. — 1
Эбрару Адриену — 1
Эритт-Виардо Луизе — 1
Этцелю Жюлю — 1
В редакцию газеты «Petersburger Zeitung» — 1
В типографию города Рудольштадта — 2

Н. А. Хмелевская

ПИСЬМА К И. С. ТУРГЕНЕВУ И ПИСЬМА О НЕМ

ВАЦЛАВ ГАНКА

Несколько лет назад мы напоминали о факте, хотя давно опубликованном, но забытом и выпавшем из биографических трудов о Тургеневе (см.: Н. В. Измайлов. Тургенев, Вацлав Ганка и Йозеф Фрич. *Тургенев, Сб. (Алексеев)*, стр. 219—225; ср.: *Письма*, т. III, стр. 558—559). Речь идет о посещении Тургеневым В. Ганки 12 апреля н. ст. 1858 г. в Праге, куда писатель заезжал ненадолго по пути из Вены в Дрезден. Следом этого посещения осталась запись Тургенева в альбоме-дневнике Ганки, которую позволяем себе привести, хотя она была уже напечатана дважды (*Тургенев, Сб. (Алексеев)*, стр. 222. — Впервые опубликовано в кн.: Материалы для славянской филологии. Письма к Вячеславу Ганке из славянских земель. Издал В. А. Францев. Варшава, 1905, стр. 1113, примечание). Запись гласит: «На память приятно и поучительно проведенных часов и в знак искреннего и глубокого сочувствия и уважения. Ив. Тургенев. Прага, 12-го апреля 1858». Подлинник — в чешском Национальном музее в Праге; фотокопия — в *ИРЛИ* (Р. I, оп. 29, № 105).

Там же, в нашей публикации, было отмечено, что, по сообщению академика А. Мазона, в архиве Тургенева, поступившем от наследников П. Виардо в парижскую Национальную библиотеку, находится одно неизданное письмо В. Ганки к Тургеневу, помеченное: Прага, 7 (19) мая 1858 г. (*Mazon*, стр. 106). Тогда, в 1960 г., текст этого письма был нам неизвестен. Теперь, благодаря любезному содействию парижского профессора-слависта В. Арменжона (Arminjon), мы имеем возможность сообщить его по микрофильму, присланному в Пушкинский дом из Парижа.

Содержание письма не очень значительно. Но оно дает представление о том, каков был характер встречи русского писателя с престарелым чешским ученым и общественным деятелем, возглавлявшим правое крыло чешского национального возрождения; характеризует и самого В. Ганку — несколько выспренного и восторженного в выражении своих чувств — и передает его своеобразный, по совсем правильный русский язык.

Письмо читается так (сохраняем орфографию и пунктуацию подлинника):

Драгоценнейший Иван Сергеевичь!

Не поверите как мне неприятно было когда мне воротившемусь домой из Беседы[1] подали мои очки и Ваши я нашел у себя в кармане. Всю ночь

---

[1] Беседа — городской клуб, общественное собрание в Праге (не нужно смешивать его с основанной в 1863 г. «Художественной беседой» (Umělecka beseda), пражским литературно-художественным клубом, избравшим в 1875 г. Тургенева своим почетным членом, — см.: «Вопросы литературы»,

я не мог порядочно заснуть. Утром я их хотел послать в Дрезден за Вами, искал отъежжающих на железной дороге, но на несчастие ни одного знакомого не отъыскал. Я вздумал их отправить почтой, но почтовые мне сказали, что они в таком футляре наверно разбьются; я бежал искать крепкого футляра,[а] но во всей Праге такогово[б] не было. Как мне совестно Вас в Дрездене, где такая галерея картин, лишать очек. В продолжение дня мне пришло в мысль, что Вы их ужь и ждать не будете. Не сердитесь драгоценнейший Иван Сергеевич я не виноват а виноват Федор Иванович.[2] Мы перед его «бедными селениями» оба сняли очки и тем сделалась эта суматоха.

Очки Вам шлет Михаил Иванович Катенин[3] и я целуя Вас душевно остаюсь навсегда Вашим преданнейшим

почитателем и другом

Вячеслав Ганка.

Прага 7/19 мая 1858.

На обороте:

В Ст Петербург

Его Превосходительству[4]

Милостивому государю

Ивану Сергеевичу Тургеневу.

Отдать в конторе редакции Современника.

Н. В. Измайлов

С очками.

1961, № 1, стр. 210). Из слов Ганки следует, что, по-видимому, он вместе с Тургеневым был в «Беседе», после чего Тургенев поздно вечером в тот же или на другой день — 12 (или 13) апреля — выехал из Праги в Дрезден.

[а] *В подлиннике:* футряла.

[б] *Так в подлиннике.*

[2] Федор Иванович — Тютчев; речь идет о его стихотворении «Эти бедные селенья, Эта скудная природа...». Стихотворение, написанное в самый тяжелый период Крымской войны (13 августа 1855 г.), было напечатано незадолго до посещения Тургеневым Ганки в «Русской беседе» (1857, № 6, стр. 143). Оно столько же выражало славянофильские взгляды автора (и тем произвело сильное впечатление на Ганку), сколько и сочувствие к угнетенному крепостничеством народу, совпадавшее с воззрениями Тургенева. (Ср. в письме Тургенева к М. Н. Зубовой от 6 (18) марта 1862 г., где оно приведено полностью — *Письма*, т. XIII, кн. 2, стр. 202).

[3] Катенин Михаил Иванович — помещик Костромской губ. Судя по его письмам к В. Ганке 1858—1859 гг. и по записи в альбоме чешского деятеля, сделанной в мае 1858 г., — человек, причастный к современной русской журналистике и к славяноведению, славянофильского и даже панславистского направления, но с оттенком либерализма, свойственного, впрочем, многим славянофилам. См.: Письма к Вячеславу Ганке из славянских земель. Изд. В. А. Францев, Варшава, 1905, стр. 432—437.

[4] Его Превосходительству — такое официально-генеральское титулование Тургенева в адресе на письме вовсе не соответствовало его скромному чину «отставной коллежский секретарь». Но Ганка хотел выразить этим свое уважение к почитаемому им русскому писателю.

И. П. БОРИСОВ*

14

11 янв./63. Новоселки.

Вчера получил, добрейший Иван Сергеевич, письмо Ваше от 22 дек‹абря› [1] и воскрес из дикого, хмарного состояния, в каком киснул с самого 1-го янв‹аря›, — так меня обрадовали милые Ваши строки. И май вдруг мелькнул передо мной теплым, ясным, покойным, ожидаю его и Вас с ним. Январь же едва не поглотил меня в бесконечную жизнь смерти, страшно был болен, простудился, конвоируя жену и сестру ее и еще одну М-lle в Мценское собрание. Они вздумали встречать там Новый год. Целую ночь провели в плясах и разъездах по Зуше да ухабам. Лихорадка, воспаление и рожа на половине лица. Надо было умереть, но Симон божественный волхв — отколдовал.[2] А Фет третьего дни прислал такое письмо, с такими ожесточениями, с такою фетовщиною, что мгновенно меня окислил.[3] Надо ему убираться из Москвы и поскорей, а не то пропадет, и я думаю, что коварный друг по сердцу милый Редерер одолевает старого улана. Но *авось* с Нового года он перестанет, хоть ради того, что откуп кончился.[4] Знаете ли, что это событие вызвало необыкновенную деятельность помещиков: *все* устраивают множество новых кабаков и этим надеются поправиться. Пьют сильней прежнего, и много на первые дни пооокочурилось из достойнейших людей. Первым же (т. е. на 1 янв‹аря›) погиб наш старый приятель *Вася Немой*, Фет его знал еще студентом.

Дворянские выборы прошли благополучно — по обыкновению шумели, но только с современными фразами. Не хотели выбирать ни Апракс‹ина› в губ‹ернские›, ни Шеншина в уездные и выбрали опять и того, и другого.[5] Миров‹ые› посредники хотели было составить свой кружок и затеяли дать себе обед. Против этого тотчас же поднялась буря, и предложили другой обед: дворяне дворянам за *исключением* служащих по миров‹ым› учрежд‹ениям›. Оба обеда не состоялись, но по этому можете видеть взаимные отношения. Несмотря на все эти междуусобия, общее чувство унесли то, что дворянство отжило свой век как исключительное сословие. В начале дек‹абря› я ездил в Рязань к сестре моей и на несколько часов заезжал в Я‹сную› Поляну. С первого шагу заметно стало теплей в этом холодном каменном доме, и я пророчу, что молодая графиня переделает совершенно Л‹ьва› Н‹иколаевича›.[6] Он весь теперь в ожидании себе потомка. Кротость и нежность пробиваются уже из его глаз. Но всё еще и ерунда окружает их. К обеду пришли какие-то лохматые, грязные, дикие нигилисты, вроде Вашего Родионова [7] — один из них в особенности мне понравился: белые сальные волосы, какие в старину только видали на заспанных девках, беспрестанно сваливались в его тарелку щей. Губы свои он всё завивал в одну сторону и совал в нос, сипевший без устали во весь обед. Я не брюзга, но почувствовал, как гадко сидеть против такого естества, — не утерпела и графиня и спросила его, почему это он был

---

* Продолжение. См.: *Тургенев, Сб.*, вып. III, стр. 335—367.

так особенно хорош. Школу предполагают всё еще продолжать — только уродов отпустят. И журналу конец.[8] В «Р‹усском› в‹естнике›» в самом скором времени будет напеч‹атан› Кавказский ром‹ан›.[9] Об Вас он со мною ни слова, ну и я ни слова. Только от Татьяны Алекс‹андровны›, его тетки,[10] узнал, что в «Совр‹еменной› лет‹описи›» есть статья о Ваших переводах Пушкина и про «Довольно».[11] Вернувшись домой, всё это прочел и письмо Ваше о современничке и порадовался.[12] — Что же Фет!! Не по этому ли случаю он преображался в *бедуина* на маскараде Боткиных. — Желали бы Вы взглянуть на него в костюме Абдель Кадера.[13] Толстые тогда же сбирались в Москву на короткое время, а вчера я получил письмо от камергера Сухотина, что они уже там и он никуда не показывается, а ее видел, и хотя она *не красавица*, но в ней пропасть *грации, прелести и доброты*. Вот какою показалась она Москве, *ибо* С. М. Сухотин есть Москва, как Шамиль — Кавказ.[14] — Сестра Толст‹ых› [15] в Алжире, весной в Швейцарии, а к лету в России. Недели две тому был я у Вас в Спасском, ездил звать детей [16] на елку, но большие все хворали и не могли приехать — дорога же адская, снегу почти нет, ухабы же невообразимые и ‹без› снегу, а землю взвавилонили, ничего подобного не видывал. Старый Ваш дядя всё хворает и всё горюет, что нет от Вас вестей. Вообще он как-то приуныл и постарел за это время. Бубуль так разжирел, что едва прыгает, — на все стороны висят подбородки. Правда Вы к вальдшнепам не поспеете, а на тетеревей он еще успеет подобраться. Афанасий еще живет.[17] — Ваш старый сад был весь покрыт инеем и казался серебряным непроницаемым царством. — 3-го дек‹абря› я подписался на «Моск‹овские› в‹едомости›» и «Русс‹кий› вестник», и до сих пор ни одного №№. «Вестн‹ик›» за ноябрь прошлого года еще не получали — кто виноват: Катков [18] ли, почта ли, — бог ведает, но мне-то не легче — сижу и жду. Заглянул в календарь и утешился тем, что дни заметно прибывают, и солнце начинает греть, пора и Вам «*на встречу солнцу и движенью*» [19] подниматься из Rue de Rivoli [20] в Вашу, такую милую, Спасскую обитель. — Итак, Вас ждать в мае, а я было надеялся угощать Вас на Святой свежей клубникой и ухаживал за нею в тепличке, в которую уже с месяц вызвал весну. Что же делать, постараюсь быть долготерпеливым. А Вас, добрейший Иван Сергеевич, прошу быть многомилостивым, хоть изредка не забывать Вашими весточками. Известие об вас в «Совр‹еменной› лет‹описи›» про «Довольно» [21] всех взбудоражило, все ожидают от Вас нового слова. Ваше же письмо заставляет меня вспомнить из псалма, что Вы еще в той минуте, когда «отверзи уста моя и наполнися дух мой»,[22] а дальнейшего-то с нетерпением ожидаю.

Жена моя ‹шлет› Вам усерднейший поклон. Здоровье ее постоянно покрыто мраком неизвестности, а наш детенок Вас хорошо помнит и с радостью подставил свою голову при исполнении над ним Вашего поручения.[23] Обнимаю Вас крепко — Ваш постоянный обожатель.

И. Борисов.

[1] Письмо Тургенева от 3 (15) декабря и 22 декабря 1862 г. (3 января 1863 г.) (см.: *Письма*, т. V, стр. 79—80).

[2] Александр Андреевич Симон (ум. 1863) — мценский аптекарь-гомеопат (см.: *Фет*, ч. I, стр. 216; см. также примеч. 3 к письму 6: *Тургенев, Сб.*, вып. III, стр. 350).

[3] Это письмо Фета неизвестно. Письма Фета к Борисову за 1849—1851 гг. хранятся в *ИРЛИ* (13598.LXXIIIб.12); частично напечатаны в «Литературной мысли» (1923, вып. I, стр. 211—228).

[4] Согласно «Положению о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости», откуп крестьянами земельных наделов производился в продолжении двух лет, т. е. до 19 февраля 1863 г.

[5] Виктор Владимирович Апраксин (ум. 1898) — губернский предводитель дворянства; Владимир Александрович Шеншин (1814—1872) — уездный предводитель дворянства в Орловской губернии.

[6] Свадьба Л. Н. Толстого и С. А. Берс состоялась в Москве 23 сентября (5 октября) 1862 г.

[7] Борисов вспоминает И. Р. Родионова, которого летом 1861 г. Тургенев привозил из Петербурга в Спасское, собираясь сделать его сельским учителем и переписчиком своих произведений. Но Родионов не оправдал оказанного доверия и уехал из Спасского, оставив по себе дурные воспоминания (см.: *Фет*, ч. I, стр. 272; *Письма*, т. IV, стр. 352 и 624).

[8] В «Московских ведомостях» от 17 (29) января 1863 г. (№ 13) появилось объявление о прекращении издания журнала «Ясная Поляна».

[9] В № 1 «Русского вестника» за 1863 г. были напечатаны «Казаки» с подзаголовком: «Кавказская повесть 1852 года. Графа Л. Н. Толстого».

[10] Ергольская Татьяна Александровна (1792—1874) — троюродная тетка Толстого.

[11] Речь идет о статье Н. Щербаня «Из Парижа», посвященной главным образом Тургеневу: «Недавно в Париже вышел перевод драматических поэм Пушкина, принадлежащий перу гг. Тургенева и Виардо, — и имел успех». О «Довольно» Щербань пишет следующее: «Замечу к слову, что Тургенев пишет теперь повесть „Довольно“, с которою познакомятся в будущем году читатели „Русского вестника“» («Современная летопись», приложение к «Русскому вестнику», 1862, ноябрь, № 48, стр. 8, 9).

[12] Так Борисов называет Фета. Тургенев писал в указанном письме о его падении с лестницы в доме Боткиных: «Каким образом эта беда с ним приключилась ... уж не замешался ли злодей Редерер? Во всяком случае я надеюсь, что дальнейших последствий не будет — и он останется с обеими своими красивыми ручками» (*Письма*, т. V, стр. 79).

[13] Речь идет о маскараде у Д. П. Боткина по случаю новоселья (см.: *Фет*, ч. I, стр. 408—409; *Письма*, т. V, стр. 92). Абд-эль-Кадир (1808—1883) — вождь алжирского народа в борьбе с французскими завоевателями в 1832—1847 гг.

[14] Сергей Михайлович Сухотин (1818—1886) — крупный тульский помещик, проживавший в Москве, где служил в Московской дворцовой конторе. По словам П. И. Бартенева, опубликовавшего его записки, С. М. Сухотин принадлежал «к достопамятным людям нашей Москвы. В течение многих лет был он необходимою принадлежностью высшего и образованного общества» («Русский архив», 1894, т. I, стр. 225). Шамиль (ок. 1798—1871) — вождь освободительного движения горцев Дагестана и Чечни против царизма.

[15] Речь идет о Марии Николаевне Толстой (1830—1912).

[16] Имеются в виду дети Н. Н. Тургенева, дяди писателя (см. о нем: Р. Б. Заборова. Тургенев и его дядя Н. Н. Тургенев. *Тургенев, Сб.*, вып. III, стр. 221—234).

[17] Афанасий Тимофеевич Алифанов — охотник, прототип Ермолая из «Записок охотника».

[18] Михаил Никифорович Катков (1818—1887) — редактор-издатель «Московских ведомостей» и «Русского вестника».

[19] Предпоследняя строка из стихотворения Ф. И. Тютчева «Как птичка, раннею зарей» (1836).

[20] В это время Тургенев жил в Париже по адресу: улица Риволи, 210.

[21] Очерк «Довольно» появился в печати только в 1865 г. в издании: Сочинения И. С. Тургенева (1844—1864), изд. братьев Салаевых, т. V, Карлсруэ, 1865.

[22] Цитата из молитвы, восходит к псалму 50, стиху 17 (Библия, Псалтырь).

[23] Тургенев поручал в письмах поцеловать Петю Борисова в голову.

15

19-го февраля/63. Орел. Гост‹иница› Самсона, № 2.

Милый и дрожайший Иван Сергеевич, недели с три всё порывался к Вам и вот откуда повествую. На первых днях масляницы нежданно сам увидал ранним утром, как из-за березника подвигалась почтовая повозка тройкой, и, рассматривая барахтанье тонувших в снегу пристяжных, по высунувшейся бороде узнал Фета. Но когда занес руки объять его, то испугался — передо мною стояла тень прежнего — восковое, прозрачное, бескровное тело — мутный взгляд. Тяжело и грустно мне стало, и целый день, что он пробыл на перепутье, мы провели в каком-то раздумье нерадостном. И Марья Петровна приуныла.[1] Московские его повести он, верно, сам Вам поведал. Третьего дни я был у него в Степановке и слава богу нашел его почти молодцом, и ноги стали с подходцем, и голос ожил, и нос зарумянился — и письмо Ваше получил,[2] а Вы знаете ли, как он Вас любит! а Вы его долго помучили. Прочел он мне несколько глав своих записок — мало сказать, что они интересны, — в них фетовщина прелестная. Особенно хороша глава о литераторах.[3] Вы так и видите, к кому он подбирается и какому воробью готовит камень, ну вероятно и они поклюют его поля, в этой статье или в Солдатенковском издании его сочинений.[4] Хотя он строго себя цензоровал, но «Бурю на море»[5] опять печатает. Не могу Вам не сказать, когда он мне прочел Ваше письмо к нему, то я невольно помыслил, что Вы на лето к нам не помышляете уже, — что же это такое — и обещания даже нет. — Дай бог, чтоб моя проницательность ошиблась и ни болезни ни печали не помешали б Вам в мае быть в Спасском и послушать соловьев в Новоселках и Фета в Степановке. А новая жизнь-то уж разве Вас не выманит на родину? — Сегодня 19 февр‹аля›, и в Орле с утра меня разбудили колокола — гудели точно как будто в Москве в Старой Басманной. Сегодня и дворовым день свободы — стало быть последняя крепостная жизнь кончена.[6] Народ был весь в церквах — и верно многие помолились за царя и свободу, хотя и для многих эта свобода кажется хуже неволи. Бедность и залежалые поясники делают действительно тяжелым первый шаг. Человек 12 остаются еще и у нас в Новоселках — получили и надел, и старую избу пожертвовал... а застряли. Сам посредник убеждал их подниматься, но так и зазимовали. Вот сегодня я мог распевать: «Я долго сидел неподвижно».[7] Совсем позабыл, что день табельный и никаких дел в присутствиях нет, а меня сюда вызвали дела о межеваниях с однодворцами, и я часов семь умирал от чистой скуки. Завидовал

Робинзону и прочим несчастным. Избави господи весною попасть в Орел в 2 № Самсона, только и спасся, что засел за письмо к Вам, а то утром, покончив закупки чернослива, оловянных солдат, немецких азбук и сказок и новую *превосходную* карту России и насмотрев‹шись› на негодные пока нам земледельческие орудия, я не знал, что делать. Знакомых в Орле таких не оказалось, как бы хотелось взглянуть, — Нарышкин например не соблазняет, Кривцова[8] нет в городе, и единственное развлечение «Моск‹овские› вед‹омости›» прочлись скоро — оставалось смотреть в окно, что делается на улице. Вижу два входа, один в ресторацию, другой в *новую распивную*. Народу достаточно. Заметил, что в распивную попадают с разбега, а в ресторацию с прохвала. Значит там сила больше действует как порох, а тут как бы вниз по матушке по Волге. Долго стоял у ресторации седой старичишка без шапки и всем набожно кланялся, и ни один на него не глянул. Но вот идет паршивый извозчик. И ему старикашка согнулся, — паршивый протянул ему руку, только что отсморкавшую нос, и старикашка начал взасос ее целовать. Насладившись, паршивый из-за пазухи вытащил кошель и, распутывая его, с гордостью поглядывал кругом и наградил старикашку — а тот, чуть не опрокинув его, шмыгнул в распивную. Отошел я от окна и уселся в кресло, да так стало тяжело, что не дай бог. — Долго я сидел, пока заметил, что уселся я на кресло посреди комнаты, как гость, — пустой диван, перед ним столик и еще пустых три кресла, как их обыкновенно ставят, и вот эта картина вдруг представила мне весь ужас — потерять всех и жить одиноким гостем. Слава богу, что вспомнились Вы, добрейший, и вот я к Вам целый листок исписал — и об чем хотел-то Вам говорить, и не сказал еще. Каковы паяцы! Из всей их истории, из всех моих встреч с разными личностями этой нации остался вкус прокислого шипучего, и на эту-то бутылку лепят ярлык Редерера и угощают всех. Но бог с ними. Дай бог только, чтобы поскорей с ними покончили. Да чтобы это не задержало наших начатых преобразований. Авось доживем до жизни человеческой. Теперь же от одного пьянства безобразие отвратительное. Крепко жму Вашу руку.

И. Борисов.

Мценский *уезд* уничтожается. Нас присоединяют к Орловскому, а кто по ту сторону Оки — к Болхову. *Четыре железных дороги сходятся в Орле*: от Калуги, Либавы, Курска и Ельца.

[1] Мария Петровна Фет, рожд. Боткина (1828—1894) — жена А. А. Фета.
[2] Письмо Тургенева от 26 января (7 февраля) 1863 г. (см.: *Письма*, т. V, стр. 92—93).
[3] Речь идет о цикле статей Фета «Из деревни», опубликованных в «Русском вестнике» (1863, №№ 1, 3; 1864, № 4). Глава «Литератор» напечатана в № 1.
[4] Имеется в виду издание: Стихотворения А. А. Фета, чч. 1—2. Изд. К. Солдатенкова, М., 1863.
[5] Цитата из третьей строки стихотворения Фета «Буря на небе вечернем». Впервые оно было напечатано в «Москвитянине» (1842, ч. IV, № 8,

стр. 235) и получило отрицательную оценку Н. А. Добролюбова и, что было для Фета особенно важно, Тургенева (см.: *Письма,* т. IV, стр. 83).

[6] По «Положению», «дворовые люди» еще два года после подписания манифеста 19 февраля 1861 г. оставались в крепостном состоянии.

[7] Борисов перефразирует первую строку из стихотворения Фета «Я долго стоял неподвижно» (1843).

[8] Возможно, речь идет об Алексее Ивановиче Нарышкине (1795—1868) и о Сергее Ивановиче Кривцове — членах орловского губернского присутствия.

16

10 марта/63. Новоселки.

Нежданно, но сильно меня обрадовало Ваше письмо от 22 ф‹евраля› [1] и дошло оно что-то неимоверно быстро — на 9-й день получил в Новоселки — прыть замечательная оказывается и в почтах. Мое п‹исьмо›, верно, как раз на половине пути должно было встретиться с Вашим письмом, и Вы уже прочли, как проходило у нас 19-е и каким я видел его в Орле.[2] Всё слава богу понемногу улаживается, и действительно дай бог всем, кто только как бы то ни было ни подвинул к нам дело освобождения крепостных, всем вечное спасибо. Еще этого нельзя вполне почувствовать, когда поедешь куда-нибудь, хотя бы в Орел или в Степановку. Невольно глазами натыкаешься на старые безобразия и новые машины, не налаженные к делу; но зато вот вернешься домой в свою комнатку и чувствуешь другой вольный воздух. И хоть в настоящее время всё идет в нашем маленьком хозяйстве далеко не блистательно, но я надеюсь, что еще *доживу* до того покоя, какого давно добивался, и хоть у себя дома буду иметь дело с настоящими людьми.

Но виноват, что пустился в многословие, а хотел весь листок этот занять про «Казаков» Л‹ьва› Н‹иколаевича›. Верно уже и Вы их прочли, но наверно не были в том состоянии от них, в каком я до сих пор остаюсь. — Вот уже несколько дней просыпаюсь и не верю, не хочется увериться, что в Новоселках, а не на Тереке, не в Воздвиженской проклятой, — из которой, уезжая в последний раз, я не оборачиваясь швырнул камень назад в ворота, — чтобы никогда в нее не возвращаться,[3] а теперь я потягиваюсь снова в эти дивные страны. Толстой *говорит*, что подобных *вздоров* он никогда писать не станет, а мне кажется, что это есть лучшее из его писаний и что едва ли он когда-либо что напишет подобное. Оленин он сам, это всякий прочтет и увидит — но как он мастерски верно до дна изобразил Лукашку, дядю Ерошку (т. е. Епишку) или его хозяина, ученого хорунжего, его семейную жизнь! — а природу-то Терека в садах, в степи, в станицах — воздух этот с гарью кизяков. Удивительная, непостижимая просто очевидность всего этого мира. Так я уверен, что Вы насладитесь этими «Казаками», что не буду больше и говорить.[4] Это дивная повесть. Фет ее еще не прочел. Он сего дня с Петр‹ом› Афан‹асьевичем› [5] уехал от нас в Степановку, пробыли два дни, и как я его ни искушал, но поехал читать домой — оттого и не писал от нас к Вам, напишет из Степановки. Хоть лихорадка снова его трясла, но уже становится опять фермером, как следует. Вы не можете и представить себе эти два дни, как мы их про-

водили. Давно не видал я Фетушку таким милым и до слез уморительным. Представления его были самые разнообразные, но мы видели действительно тех людей, кого он только вызывал. Само собою Вы тут же были с нами как бы зрителем, и он беспрерывно обращался к Вам с вопросами и сам же за Вас отвечал. — Недавно в «М‹осковских› вед‹омостях›» была статейка В. П. Боткина о Диккенсе, и в ней прелестно передано о мастерских чтениях Диккенса.[6] Наш Фетушка вполне может состязаться с Диккенсом в местах, где тот вызывает смех. А как он нам спел новые цыганские романсы, безголосым горлом всё передал, что в них только есть, наслаждения цыганской страстной неги, и даже эта заноза, где ей быть, кольнет. Хотелось бы в эти минуты показать его Вам. Но бог милостив, дождемся Вас, я снова надеюсь — и то нерадостное чутье, какое залезло было в меня от письма Вашего к Фету,[7] прошло — и я Вас жду. — Вы угадали, что грачи уже у нас — первого мне привелось увидеть уже недели две, три. Ехал я в Мценск, а он сидит на крыше постоялого двора Дрелинга и тяжело дышит с разинутым клювом — только что, видно, опустился из дальнего перелета. Теперь же их уже много и жаворонки зазвонили. От нас виднеется Крицынское поле, совсем черное. Вода уже зажурчала, и повсюду вместо белых снегов, зимней нашей чистоты и опрятности, повсюду по дорогам насорился навоз, беда ступить на чистый снежок — так и черпнешь калошей воду, а на деревьях еще ничего не заметно, все стоят еще по-зимнему, только сирень чуть-чуть надувается. Но все весна подошла. — Посылали мы в Спасское — и Анна Семеновна[8] прислала грустные вести. Все у Вас там больны, и большие и малые, теперь и проехать к ним невозможно. «Через реченьку поедешь — друг утонешь», так вот, как в песне поют. Вы, добрейший, все-таки когда уже поразочтете наверное то, когда быть Вам в Спасское — возвестите. Оседлав кубанца моего, поскачу к Вам навстречу. Феты же по просухе переберутся к нам, следовательно, и он со мною будет на рысях отыскивать прямейший путь в Спасское. Мы уже сговаривались вместе выписывать Красное, а Редерер он еще разыскал в Москве какое-то очень выгодное, и поэтому увеличиваем количество выписываемых горлушек. — О бедность, говорит моя жена на наши соображения, о мудрость — думаю я. Обнимаю Вас крепко. Дай Вам бог здоровья.

Ваш И. Борисов.

[1] Письмо Тургенева от 22 февраля (6 марта) 1863 г. (см.: *Письма*, т. V, стр. 105—106).

[2] См. письмо 14.

[3] Полк, в котором служил Борисов, одно время квартировал в станице Воздвиженской Терской области. В письме от 30 декабря ст. ст. 1850 г. Фет писал ему: «Вчера только получил твою эстафету из Воздвиженской» («Литературная мысль», 1923, I, стр. 227).

[4] Тургенев отвечал Борисову 7 (19) апреля 1863 г.: «„Казаков“ я читал и пришел от них в восторг ‹...›. Одно лицо Оленина портит общее великолепное впечатление. Для контраста цивилизации с первобытной нетронутой природой не было никакой нужды снова выводить это возящееся с самим собою, скучное и болезненное существо» (Письма, т. V, стр. 113).

[5] Петр Афанасьевич Шеншин (1834—1881) — брат Фета.

[6] Статья В. П. Боткина (1810—1869) «Публичные чтения Диккенса в Париже» напечатана в «Московских ведомостях» (1863, 31 января, № 25).

[7] В письме к Фету от 26 января (7 февраля) 1863 г. Тургенев ничего не написал о том, что собирается приехать в Россию, и приглашал Фета на лето в Баден-Баден (см.: *Письма*, т. V, стр. 92—93).

[8] Анна Семеновна Белокопытова — свояченица Н. Н. Тургенева.

17

23 апр./1863. Новоселки.

Ваше последнее письмо, добрейший Иван Сергеевич, с обещанием, что узрим Вас в июле, мигом подсекло все наши надежды и сборы в Спасское на 9 мая к Вам навстречу.[1] Мы только что получили было от Фета весь маршрут, начиная от Степановки на Новоселки до Спасского, как и когда двигаться... что ж делать! Сегодня Ваше письмо поехало далее в Степановку, и верно Фета планы изменятся, и с горя начнет он сеять гречиху и нас забудет до июля. А какая весна в настоящее время, какие изумрудные зеленя — сегодня в первый раз слушали кукушку — целыми днями работаем в саду — дорожки значительно усовершенствовались — а цветы только ждут, чтобы миновался 40°-й мороз, и тотчас высадятся в клумбы. На нынешний год всего этого у нас изобилие, жаль, что не придется Вам показать в самый жаркий цвет. Я с таким рвением предаюсь всем мирным занятиям, что не могу и подумать без содрогания о войне. Каждый раз, как получим почту и начнешь перечитывание «Моск‹овских› ведом‹остей›», то до невероятной степени ожесточаюсь не на поляков — а на поджигателей их, англичан и французов. Кажется у нас никто не сомневается, что дело идет с запада вовсе не о восстановлении Польши, а боятся не опоздать дощипать Россию, пока она еще не оперилась после последних битв. Неужели мне старому придется еще ломать походы — Фет хотел уже запасаться верховыми лошадьми, но я надеюсь, что нас не тронут и дело это только пошумит и уладится без драки — разве уже очень нужно попробовать панцырные корабли под Кронштадтскими пушками. Не менее того, каждый вечер я встречаю уныло. Нет, ничего еще люди не выдумали хуже, злея войны.

Крестьянский наш раздел улаживается довольно изрядно — о беспорядках уже и слухов нет — только разверстание подает‹ся› медленно — но и ожидать-то быстроты нелепо. Все помним прошлое межевание. Тридцать лет оно продолжается, и до сих пор конца не видно.

Когда я видел последний раз Л. Н. Толстого, то он мне говорил, что «Казаки» его так, вздор, а вот у него есть *дворовая* повесть, так в ней есть толк. И вдруг мы прочли «Поликушку» — разочарования даже не было — это скорей статья полицейской газеты о происшествиях. Не сомневаюсь, и Вы и всякий другой, знающий Толстого, подивится на «Поликушку».[2] Зато в 12-й книжке «Ясной Поляны» есть его статья — ответ *Маркову* — до ясности выказывающая, какие гончие гоняют под черепом Л‹ьва› Н‹иколаевича›. Не только согласиться, но и спорить с ним невозможно — такая философия, что мудрено и понять.[3]

Чем-то Вы нас подарите из Бадена. Не взирая на гнев «Современника» и Антоновичей[4] — Вы все остаетесь любимейшим автором и можете сами удостовериться, взглянув на нашу библиотеку, — растрепанные №№ это Ваши «Отцы и дети», «Дворянское гнездо» и пр., как будто и читали-то их в *прикуску*, смаковали. Много Вы знаете разных диковинок из нашей жизни, но едва ли нападали на такую, как вот я, вчера ехав в Мценск, узнал от Македона, бывшего дворового чел‹овека› г. Зыбина,[5] нашего соседа в Ядрене. Зыбин этот был толст, мягок и ничем не мог заниматься, потому что постоянно спал, но все-таки в своих владениях всем новорожденным дворовым придумал *хитрые* имена. Как родится, так поп спрашивал, как прикажете назвать. Поэтому у них всё хитрые: Македон, Евпл, Иррих, а женские еще хитрей, и я не могу даже вспомнить, какие мне для примера назвал Македон. Такой чудак и в Англии был бы известен, а у нас об нем забыли бесследно.

На днях был на мир‹овом› съезде, он всё так же судит и многоглаголит. Странно, что все наши сходки и коллегиаль‹ные› упр‹авления› недалеко ушли от тех соборов, на которых подвизались Никиты Пустосвяты и Аввакумы. Любим поговорить, и Гоголь не напрасно пустил почтмейстера в рассказ о капитане Копейкине — и кончил восклицанием — «Эх телятина!»[6] — Ближняя Волкова процветает. Никол‹ай› Никит‹ич› молодеет с весною, а девочки их — прелесть. Младшая красавица уже почти.[7] Об Ваших Спасских давно нет слухов, на 9 поеду к ним.

Дай-то бог, чтобы баденский воздух Вам помог и Вы к нам явились бы здоровяком, а не таким дряхлым, как Фет.

Обнимаю Вас крепко, крепко, всем любящим Вас моим существом.

И. Борисов.

[1] Обычно Тургенев приезжал в Спасское к 9 мая, именинам своего дяди Николая Николаевича. В письме же к Борисову от 7 (19) апреля 1863 г. Тургенев написал о своем намерении приехать в Спасское только в июле. В действительности в 1863 г. он в Россию не возвращался (см.: *Письма*, т. V, стр. 112 и 702).

[2] Повесть «Поликушка» была напечатана в «Русском вестнике» (1863, № 2). На этот раз Тургенев не согласился с Борисовым в оценке повести и позднее, 25 января ст. ст. 1864 г., писал А. А. Фету: «Прочел я ‹...› „Поликушку“ Толстого и удивился силе этого крупного таланта. Только материалу уж больно много потрачено — да и сынишку он напрасно утопил. Уж очень страшно выходит. Но есть страницы поистине удивительные! Даже до холода в спинной кости пробирает — а ведь у нас она уже и толстая, и грубая. Мастер, мастер!» (*Письма*, т. V, стр. 216).

[3] Евгений Львович Марков (1835—1903) — писатель, был учителем в Тульской школе и резким противником Толстого в педагогических вопросах. В «Русском вестнике» (1862, № 5) Марков напечатал статью «Теория и практика Яснополянской школы», Толстой ответил ему статьей «Прогресс и определение образования» («Ясная Поляна», 1862, № 12).

[4] Намек на статью М. А. Антоновича «Асмодей нашего времени» («Современник», 1862, № 3) и на ряд выпадов журнала против Тургенева.

[5] Имена Софии Александровны Зыбиной и ее дочери Елизаветы Кирилловны встречаются в петербургских письмах Тургенева за 1864 г. (см.: *Письма*, т. V, стр. 207 и 216).

[6] См.: «Мертвые души», т. I, гл. X.

[7] Речь идет о семье Николая Никитича и Елизаветы Дмитриевны Шеншиных и их дочерях Екатерине и Марии, живших в имении Волкове «ближней» — в 12 верстах от Новоселок. В Волкове «дальней», на окраине Мценского уезда, жили Александр Никитич и Любовь Афанасьевна Шеншины (см.: *Фет*, ч. I, стр. 9).

18

10 июля/63. Новоселки.

Все надежды увидать Вас, добрейший Иван Сергеевич, нынешним летом исчезли, часто-часто вспоминаю Вас и много раз порывался писать к Вам и от Вас ждал весточки с обещанием скорейшего появления Вашего в Спасское, и всё напрасно. Отчасти и не жалейте, что не заглянули в наши края. Лето еще не начиналось, — дожди, ветер и холод хуже зимнего — по утрам в июле +3 и +4°. Невыносимо скверно. Всё это было бы сносно как-нибудь, но вместе с этим я пережил снова такие душевные пытки, об которых не хочу вспоминать, да и не могу дать Вам понятие. Снова несчастная болезнь одолела жену — надо было нам ехать в Москву к докторам. На этот раз болезненные припадки приходят так внезапно вслед за полнейшим здравым умом и сменяются так же быстро полным затмением, и снова одолевает разум, и память сохраняет всё с мельчайшими подробностями. Так всё это страшно и беспомощно, что многие минуты, часы проходили, что я делал над собою испытания — жив ли мой-то смысл. Страшно становилось, когда, выслушав ее убеждения, я впадал в сомнение, что везу такого же здорового человека, как я сам, и везу как больного. Даже доктора не вдруг сняли с меня этот страх, так трудно было им открыть болезнь в ней. А между тем, она сама умоляла везти ее лечиться и, отстаивая себя перед докторами, после сама же убеждала их, что больна. Но Саблер[1] подает надежду на ее выздоровление — и выздоровление прочное, только для этого нужно продолжительное леченье на руках опытного медика, и поэтому ведет переписку с доктором Риле в Копштадте в Виртенберге, куда и надеемся перевезти ее в сентябре. Понемногу я уже примиряюсь с этой безалаберщиной и буду жить и поджидать, что будет. Целый месяц мы с Петькой пространствовали. Два раза побывали в Степановке, а теперь уже прочно засели в Новоселках и опять наладили так день, что не видишь, как закатится солнце, а встаем в 5 часов. — Слава богу, кажется и лето появляется, уже несколько дней нет дождей и солнце греет. — Степановка процветает. Степановцы — счастливцы. Михайла[2] всякий день довершает таким обедом, что Василий Петр.[3] говорит, что если б гр. Левашов[4] знал только, что *это такое*, то всякий бы день обедал в Степановке. Фетушка, хотя и хвор всё еще, но чувствует себя гораздо благополучнейшим фермером, чем прежде, и хоть сено в нынешнем году дождями попорчено, зато было сильное утешение в землянике — ее в Степан‹овке› был такой урожай, что достало бы на всех тетеревей Калужской губ. Обирали мы ее сами, всей семьей и превеликие подносы уносили к Марьюшке на хранение — чтобы мало-помалу исполинскими порциями поутру рано, ввечеру поздно, *до* и *по*, и во всякое время поглощать благодетельницу. Все бы кажется в Сте-

пановке на это время должно было принесть полнейшее невозмутимое счастье, но есть и там терзания.

Г‹осподи›ну Чернышевскому, сидя, как говорят, в крепости, пришла охота сочинить роман «Что делать», и Афан‹асий› Афан‹асиевич› и Боткин принялись его читать. Чтение производил вслух Фет — с карандашом в руке и с молнией в глазах. Роман длиннейший, много раз усиливался и я прослушать, но решительно не посчастливилось. Это такая галиматья, коммунистическая холерина, и мухи к тому же не давали уснуть, что уходил от них в Степановскую рощу, и потом мы спорили о том, что подобные произведения не стоят разбора, но — статья писалась и теперь, вероятно, уже отправлена в «Р‹усский› вест‹ник›.[5] — Там-то предадут казни — ужаснейшей, чем повешенье, — сочинителя «Что делать?». Они правы, что пишут разбор свой, — есть люди в восторге от «Что делать» и читают, как «Верую».

Как бы Вам ни было хорошо в Бадене, но верно Вы часто сквозь тучи, сдвинувшиеся над Польшей, смотрите и на нас и вместе с нами подумываете, что будет? Доходят ли к Вам «Московск‹ие› ведом‹ости›», прочитываете ли Вы статьи Каткова — если да, то могу Вам без преувеличения добавить, что в них только слегка выражается то, что в действи‹тельности› пробегает повсюду, — и если будет война за Польшу, то это будет страшная народная война. Безграмотный наш народ — с нетерпением читает, что делается на свете, и давно уже говорили о наборе. Вчера прочли манифест о нем, и теперь же готовят очередных, хотя срок назначен в ноябре,[6] — «хочь бы еще по десяточку, оно бы дружней отсадить было прóклятых...». Теперь уж чуется, что любовь и страх за Россию выразится неизмеримым выражением любви и к государю всего народа. Сила будет страшная, а нужда выдвинет и людей. Но я и до настоящей минуты не верю, что возобновляются и оживают времена Минина и Пожарского. И неужели в самом деле мы так близко дожили до того, что сделались Пугачами для Европы и нас хотят пообрезать. — А мне все думается, что наша Россия — совершенно то же, что вот *я* сам лично, т. е. существо, не желающее *никому* зла, ни ни ни малейшего — и всеми силами улаживающее свое гнездо, свою жизнь, так, чтоб никому не мешать. Я даже с Николаем Никит‹ичем›[7] не воюю по отношениям с временно-обязанными, хотя сильно ощущаю невидимую его руку, лишающую меня многих, многих земных благ. Экая досада, сколько места занял я рассудительствами, — хотел с Вами говорить о многом другом, повеселей, об наших местах, и о степановцах, и об Волковой, и даже об Крыцине, что против нас за рекой, и там теперь жизнь кипит. — Павлищевы возвратились из чужих краев и на днях пришли в наш сад погулять. *4 сестры*, и одна из них, младшая, такая красавица, что я в одно время почувствовал желание быть 1) Рафаэлем — написал бы ее Мадонною, 2) Фидием — и Вы бы увидали статую в Новосельском партере с таким блеском красоты, что в Спасском не было бы более темных ночей — а вечное сияние светилось бы, и 3) показать бы ее Вам и посмотрел бы, что Вы тут понаделали бы. Боже. мой, как она хороша! И увы, как я трижды уже состарился.

Когда же Вас ждать милый, добрый Иван Сергеевич? Дайте хотя весточку и хотя отдаленную надежду Вас обнять. Не забудьте *честного слова*. Ваш портрет. Не забывайте и искренно Вас любящего.

И. Борисов.

Два словечка еще: что Ваша работа?

[1] Василий Федорович Саблер (1797—1878), старший врач Преображенской больницы в Москве для душевнобольных.

[2] Михайла — повар в Степановке.

[3] Василий Петрович Боткин (1810—1869) — брат Марии Петровны Фет.

[4] Николай Васильевич Левашов, граф (1827—1888) — орловский губернатор.

[5] Статья, направленная против романа «Что делать?», написанная А. А. Фетом и В. П. Боткиным, в то время напечатана не была. Впервые она была опубликована только в 1936 г. под названием «Неизданная статья А. А. Фета о романе Н. Г. Чернышевского „Что делать?“» (публикация и комментарии Г. Волкова, вступительная статья Ю. Стеклова): *Лит. насл.*, т. 25/26, стр. 477—544.

[6] Постановление о рекрутском наборе было опубликовано в «Московских ведомостях» 7 (19) июля 1863 г. (№ 148).

[7] Н. Н. Шеншин был мировым посредником по Мценскому уезду.

19

14 сент./63. Новоселки.

Часто и часто я вспоминаю Вас, добрейший Иван Сергеевич, и писал Вам, да уж давно я об Вас-то самих никаких и слухов не слышу. Правда, я почти всё лето прожил в уединенных Новоселках, во всё лето Фета видел два, три раза, забираясь в Степановку. Они сами в нашу сторону забирались только на встречу и проводы Василия П‹етровича› Боткина, который всё лето прожил у них в Степановке и остался вполне довольным и всем и вся. Сбирались было они все к Вам за границу, да дела фермерские и другие соображения удержали Фета — который действительно много хлопочет и трудится, и пишет, и плачется на бедность свою, а владения его между тем расширяются и капитал мало-помалу пухнет вместе с его брюшком. Про жизнь Степановки писать Вам нечего, верно Вы, вспоминая их, не раз рисовали себе картины из этой жизни, и всё это верно выходило. Михайла действительно мастер, и его обеды много придают приятного в сельской жизни, и воздух легче, и вода вкусней, и даже польские дела не возмущают желчи, и домашние события маленькие, мелкие, как например топтание полей, пьянство рабочих или падения жеребенка в колодезь, — всё это гораздо переносится легче, когда желудок в удовольствии. Я потому больше говорю с Вами о Степановке, что мне тяжело и подумать о Новоселках. Несчастная болезнь жены отгоняет меня как-то совсем от людей и от участия и сожалений, и только отвожу душу на Фете. — Дома же я живу единственно для охоты — псовой и пр. Целые дни верхом проводил в полях — пока лихорадка не лишала последних сил.

Тут Симон начинал волховать. К осени же я уже непрерывно в поисках за волками и лисицами, в компании, как бы Вы думали, с Александр‹ом› Никит‹ичем›,[1] а на днях вот прибудет и С. М. Сухотин. Мог бы Вам много рассказать интересного про мои травли, да щажу Ваше терпение. — Редко, редко удается кого увидать, вот с месяц заезжает ко мне Сергей Толстой, и от него узнаю, что Л‹ьва› Никол‹аевича› жена роди сына Сергея[2] и он в восторге и счастьи. Что-то ожидает этого ребенка? Толстой так его не оставит и выдумает *свое* воспитание. «Московские в‹едомости›» прочитываются построчно, и Катков здраво умный, действительно уже говорит голосом России, так все теперь смотрят его глазами, и только некоторые передовые дамы, Вы их знаете, всё еще надеются, что раздастся умное слово из «Современника» и Чернышевский скажет *Что нам делать*. А роман его опозорил, и даже *мягкий* Карпов и *сам* Аркадий ни гугу.[3] Фет с Боткиным написали разбор для «Рус‹ского› ве‹стника›», но кажется не будет напечатан. Я прослушивал их, и *скучновато*, а суть-то вот в чем: смотрите, это коммунист — на виселицу его. — Роман Писемского «Взбаламученное море» чрезвычайно всех интересует, и я в числе прочих. Прощают и неряшество.[4]

В Спасском у Вас давно не был — а отпускал Петрушу, и он всё рассказывал, как его там баловали, персики давали до завтрака, и вообще по его мнению Николай Николаевич большой баловник. Афанасий Ваш постарел, до последних возможностей — был у нас, искал куропаток, нашел и *не видал*, а одну сбил-таки. От одной рюмочки совеет. Но какой он славный старик. Спросил меня об Вас, и когда я ему сказал, что в этом году и ждать нечего, — махнул рукой. Ну! и вальдшнепов не будем стрелять. А между прочим, на них благодать — пропасть летит, много и куропаток, есть и стрепеты, которых давно уже не бывало в наших местах. Афанасий одного убил, из-под *Весны*. Осень нынешняя невообразимо хороша, до сих пор еще не было мороза — всё зеленеет вновь, как весной. Только одни клены зарумянило. Левкои по вечерам благоухают, и тепло по ночам — правда сухо, давно нет дождей, зато дороги как чугунки. Хлеб дешев, а кажется целый западный край наш в хаосе, и войск там много — денег ни у кого нет.

Винокуренные заводы уже у многих готовы. Дролинг и в этом превзошел всех, его труба напоминает Симоновскую колокольню.[5] Об этом Вы знаете, что железная дорога утверждена и пойдет она в $2^1/_2$ верстах от Новоселок. Дай-то бог.

Если Вы желаете тишины и покоя, то приезжайте. Так можно здесь безмятежно зажить — решительно забывая, что чуть не вся Европа подступила было на драку, что в целой стране еще режутся. Крестьянское дело окончательно успокоилось и вошло в берега — течет тихо, и уже всё толки о том, чтобы сократить мировых посредников, довольно и одного на уезд, а то они дорого стоят. — Отзовитесь, милейший Иван Сергеевич, и порадуйте хотя обещанием, что к весне Вы будете в Спасское. Пора Вам окунуться и в родной воздух. Что у Вас написалось за это время. Все, все от Вас ждут новенького. Крепко Вас обнимаю, и дай Вам бог всего хорошего, а главное здоровья. Ваш И. Борисов.

[1] Александр Никитич Шеншин (1819—1872) — брат Николая Никитича Шеншина.

[2] Речь идет о Сергее Николаевиче Толстом (1826—1904) — старшем брате писателя — и о Сергее Львовиче, родившемся 28 июня (10 июля) 1863 г. (ум. 1947).

[3] О братьях Карповых, Николае (1823—1873) и Аркадии (ум. 1864) Дмитриевичах, см.: Н. М. Чернов. Уездный прогрессист — Н. Д. Карпов. *Тургенев*, *Сб.*, вып. II, стр. 272—274.

[4] Роман «Взбаламученное море» А. Ф. Писемского был напечатан в «Русском вестнике» (1863, №№ 3—8).

[5] Колокольня Симонова монастыря в Москве (XIV в.).

20

28 окт./63. Новоселки.

День за днем прошли, этак с неделю уже, как я, получив дорогие мне от Вас весточки, добрейший Иван Сергеевич,[1] всё не мог присесть к этому листку и хотя мысленно, но понаслаждаться, как будто уже я Вас вижу, пуститься в писание. Не мог потому, что осень исчезла, прощался с последними чернотропами, вдруг пороша! Теперь конец охоте — сегодня пришла зима. С какой радостью прочел я Ваше милое письмецо, оно обрадовало меня сильней, чем Новоселки после трехнедельного отъезда по разным постоялым дворам Болховского, Орловского, Карачевского, Кромского и нашего Амченского уездов. Вот сколько поплутала наша псовая компания. Я Вам, кажется, писал о надежде поохотиться, и около 20 сент‹ября› собрались: С. М. Сухотин, А‹лександр› Никитич, С. Нарышкин, сын Алексея Ив.,[2] и я четвертый. Из Новоселок мы пошли на Орел, потом к Карачеву, потом на Кромы и возвратились через Ивановское. Затравили: 9 волков молодых, 1 старого и более 20 лисиц — этого бы довольно было и Киреевскому в былые времена.[3] Приключений было много и печальных и торжественных, но, благодаря бога, всё оканчивалось благополучно. Вы знаете меня и потому смело могли бы поручиться за меня в обществе трезвости, что я выдержу...

Но Семен Ильин (бывший слуга г. Веревкина) или Терентий доезжачий (кн. Голицына), да и Лукьян Сухотинский, несмотря на все наши условия и дружеские увещания, урезывали. Орел в особенности нас сокрушил, была дневка, праздник Покрова, народ гулял, и наши подгуляли и с кем-то даже дорогою дрались — для полного удовольствия, разумеется. — Какой в Орле соорудили театр славный, и труппа изрядная, есть и губернаторская ложа, с особенным комфортом, в ней мы видели и губернатора, и самого Владимира Александр‹овича›, достойного нашего предводителя. Поздравьте его — Мария*мн* выходит замуж за Сологуба,[4] нашего исправника, 6-го ноября будет свадьба. О! Что теперь должно происходить в ближней Волковой! Дальняя Волкова торжествует — а им уже пели в ближней «Вечную память», так всё лето дальняя была совсем забыта и оставлена всеми поклонниками.

Вас уж так давно нет в наших странах, Иван Сергеевич, что Вас и подобные события не трогают, но я по правде должен воскликнуть — вот наша жизнь! а не та, что Тютчев ловит в тени дыма.[5] Вы и представить

себе не можете, до какой степени изменился воздух в общей жизни, — старому Фету — прежнему, не фермеру, и дохнуть бы теперь нечем было, не то что петь «на суку извилистом и чудном».[6] Так крестьянский и польский вопросы невидимою силой своей заставляют каждого смотреть себе под ноги да и подумывать: что будет?

Жду с величайшим нетерпением Вашей повести — фантастической — тем лучше.[7] Роман Писемского «Взбаламученное море» такая фотографическая действительность, что верно все бы с радостью унеслись в фантастические приключения. — Цинизм действительной жизни тяжел уже всем, а фантазии Чернышевского в «Что делать» действительно могли довести Фета до ярости палача Бурнаила. — Возвращаясь из отъезда, я не застал уже их в Степановке и ночью верхом проехал мимо их домика. Там и огонька не мелькнуло — только *Мужик*, его цепная собака, со своими потомками, верно причуяв чужих, неистово заливались и завывали разными голосами. — От него я уже получил одно письмо из Москвы. Они поселились в доме Боткиных у Вас‹илия› Петров‹ича›. Что ему! Он может жить поживать и добро наживать припеваючи. Написал он прекрасную статью — ответ «Современн‹ику›», а разбора Чернышевского кажется так и не будет.[8] Статьи Фета «Из деревни»[9] всех очень интересуют, а иных приводят в ярость даже. — Аркадий Карпов в Соврем‹енной› летописи», ратуя за губернское их присутствие, злобно боднул и Фета.[10] Но что делать, все-таки Фет поет правду, и наши мировые учреждения на первое время уже отслужили — пора им на упокой, — а умирать-то никому не хочется, особенно кому дают хорошее жалованье.

Узнав, что Вы будете и в Москве, я возрадовался, да потом и пригорюнился. Едва ли мне удастся попасть туда. Не умею Вам выразить, как мне тяжело даже мысленно глянуть на Москву. Последние годы переживал там такие тяжелые, страшные испытания, что они не забываются и за светлые минуты. Авось-то Вы прокатитесь и в Спасское — авось захотите взглянуть на Ваше родное гнездо, убеленное снегами, и Фетушка верно бы с Вами прокатился, и я бы Вас тогда наверное узрел. Но нет, об этом нечего и гадать. Морозы да ухабы заставят призадуматься и на пути к райской жизни. Но авось. Знаете ли, что Василий Петр‹ович› Боткин и Ив‹ан› И‹льич› Маслов[11] ищут купить в наших краях землю. Вот если они поселятся — то Вам на лето еще прибавится удовольствий жить в Спасском. Фету досталось от Петра Афанасьевича прелестное местечко по р. Тиму и он там хочет соорудить *Залу* и *Кухню*. А налимы там с молоками такие водятся, что стоит с ними покороче познакомиться. Место это на пути в болота курские и воронежские, в которых всё еще водятся тьмы дупелей и бекасов. — Пора Вам заняться отечественными произведениями. Оставьте заграничную дичь немцам. — На-днях в Мценске виделся с Николаем Николаевичем, он опять молодцом, и все Ваши в Спасском здоровы. Афанасий Вас ждет и негодует на поляков — *не пропустили* Ивана Сергеевича. Теперь только с Петей и буду Вас вспоминать, а то кто заходит? Крепко Вас обнимаю. Ваш И. Борисов.

Где Вы остановитесь в П‹етер›бурге, куда Вам писать?

[1] Это письмо Тургенева неизвестно.

[2] Сергей Алексеевич Нарышкин (1836—1878) — помещик Орловской губернии. В молодости — гусар и участник севастопольской обороны. Страстный охотник, изображен на картине В. Г. Перова «Охотники на привале». Об Алексее Ивановиче Нарышкине см. письмо 13, примеч. 10 (*Тургенев*, Сб., вып. III, стр. 366—367).

[3] Николай Васильевич Киреевский (1797—1870) — богатый орловский помещик, известный охотник, автор книги «Сорок лет постоянной охоты» (см. о нем: В. А. Громов. Н. В. Киреевский — знакомый Тургенева и Л. Н. Толстого. *Тургенев, Сб.*, вып. I, стр. 284—292).

[4] Речь идет о Владимире Александровиче Шеншине (1814—1873), его дочери Марианне (р. 1841) и ее будущем муже Степане Степановиче Соллогубе (ум. 1905).

[5] Борисов вспоминает стихотворение Ф. И. Тютчева (1848 или 1849):

Как дымный столп светлеет в вышине! —
Как тень внизу скользит, неуловима!..
«Вот наша жизнь, — промолвила ты мне, —
Не светлый дым, блестящий при луне,
А эта тень, бегущая от дыма...».

[6] Строка из стихотворения Фета «Мы одни; из сада в стекла окон...» (1850).

[7] Речь идет о «Призраках».

[8] Борисов имеет в виду статью А. А. Фета и В. П. Боткина, направленную против романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?». Статья эта была заказана редактором «Русского вестника» М. Н. Катковым, но напечатана им не была (см. примеч. 5 к письму 18).

[9] См. примеч. 3 к письму 15.

[10] В статье «Старые знакомые» А. Д. Карпов писал: «Слишком часто в последнее время раздаются на все тоны и на все лады громкие восклицания об угнетаемых и несчастных помещиках и торжествующих крестьянах, начиная с писем „Из деревни“ Фета и кончая жалобами г. Бланка в „Русском листке“, и всё по милости мировых учреждений, которые будто бы не исполняют своего назначения» («Современная летопись», 1863, сентябрь, № 32, стр. 11—13).

[11] Иван Ильич Маслов (1817—1891) — московский знакомый Тургенева, у которого он обыкновенно останавливался во время приездов в Москву.

21

11 февр./64. Новоселки.

Только на днях узнал от Фета, куда к Вам писать, добрейший, милый Иван Сергеевич, а то бы уже давно навестил Вас письменно,[1] но и боюсь предаться желанию поговорить с Вами. В П‹етер›бурге представляетесь Бы мне не таким, как на Снавке, проваливающимся по пояс ради всякой *дикой* птицы, но тут я Вас вижу в тех местах, про которые Фет всякий год мечтает в день Петра и Павла. 30 пар тетеревей ежедневной добычи! Ну как же тут к Вам подойти с рассказами про такое мое житье, об котором и самому лучше не вспоминать. Всю зиму буквально пробыл дома, никуда и никого не видал. Изредка с ружьем побарахтаюсь в саду по следам зайцев. Вечера с Петькой читаем ясно-полянские сказки[2] — а уже потом, к ночи, с благоговением Каткова газету. Вы причуяли и подняли

нашего зверя нигилиста — он их загонял. Только там еще в П‹етер›бурге они и держатся, а в наших местах почти перевелись. Возвращение Фета меня не то чтобы только обрадовало, но оживило. Явился он ночью — слышу прежде собачью тревогу — маленький Пузик и овчарка Полкан с Лохматкой далеко их встретили. Вдруг слышу — осторожное постукивание в дверь — как не угадать нежной его ручки. Возвратился он, *враг*-то[3] Ваш, молодцом, не таким, как в прошлом году. И за Вас радуюсь, что и Вы, по его словам, не изменились. Пробыли они недолго — не дал порядком отдохнуть и Марье Петровне, спешил в Степановку на новые подвиги фермера. Вы знаете, с какой любовью и как! враг Ваш умеет Вас представить. — Вот и я как будто побывал с Вами и на погребении Дружинина. — В этом рассказе самое замечательное то, что Фет *затылком* увидал своего друга Некрасова и как тот шмыгал змееподобно. Ну и как Вы на него посмотрели.[4] —

Прошлой весной я чуял, что не увидим Вас летом в наших краях, и теперь по разным событиям думаю, что и на этот год нечего рассчитывать. Вы уже землевладелец баденский,[5] у Вас там уже заводится своя Степановка. И не грешно ли Вам так забывать Спасское. Но что делать. В жизни каждого есть непременно такие струи, которые носят нас по миру.

С каким нетерпением жду Ваши «Призраки»,[6] Фет меня еще больше раззадорил. У нас никто не выписывает «Эпохи», и рассчитываю на Вашу спасскую библиот‹еку›. — За что Вы не отдали Каткову, уж, верно, не финансовые расчеты. В прошлом году в «Русск‹ом› вестн‹ике›» была повесть «Неудавшийся роман». Я *сильно* подозреваю, что это Л‹ев› Т‹олстой›, а пущено инкогнито пощупать: угадает ли его публика.[7] Но до сих пор еще не узнал наверное, а многие места выдают его.

Милый Иван Сергеевич, сто лет я жду от Вас Вашего портрета, в последнее свидание обещание было закалено *честнейшим* словом.[8] Осуществите же, а проторы и убытки я не хочу налагать на Вас — внесу в Вашу кассу при свидании, и пересылать Вам не нужно чрез почту, а отошлите Ивану П. Новосильцеву[9] в дом Павла Строганова, он мне и доставит.

Не знаю, когда именно, но мне предстоит поездка в П‹етер›бург, и я без содрогания не могу еще об этом и подумать. По письмам доктора состояние жены безнадежное, и он советует перевезти ее в П‹етер›бургскую больницу. Не знаю, когда это будет, весною или летом. Точно как будто жду ампутации — руку ли, ногу ли или голову отхватят.

Боже храни Вас, милый, добрый Иван Сергеевич, здоровым и невредимым. А Вы не забывайте меня, Вас искренно любящего.

И. Борисов.

[1] В это время Тургенев находился в Петербурге (см.: *Письма*, т. V, стр. 702).

[2] Журнал «Ясная Поляна» выходил двумя сериями: «Школа Ясной Поляны», состоящая из педагогических статей, и «Книжки Ясной Поляны», содержащая материалы для детского чтения; эту вторую серию и имел в виду Борисов.

[3] Намек на частые литературные споры между Тургеневым и Фетом.

[4] Борисов вспоминает рассказ Фета о встрече его и Тургенева с Некрасовым на похоронах А. В. Дружинина 21 января (2 февраля) 1864 г. (см.: *Фет*, ч. II, стр. 6).

[5] Очевидно, Тургенев рассказал Фету о своем намерении купить в Баден-Бадене участок земли и построить дом. Об этом он позднее написал и Борисову (см.: *Письма*, т. V, стр. 262). Тургенев выполнил свой план и построил в Баден-Бадене дом (Тиргартенштрассе, 3), в котором жил с апреля 1868 г. по ноябрь 1871 г.

[6] Повесть «Призраки» была напечатана в № 1—2 «Эпохи» за 1864 г.

[7] «Неудавшийся роман» принадлежал однофамильцу Толстого — графу Е. Н. Толстому. Напечатан в «Русском вестнике» (1863, №№ 9, 10).

[8] Эта фотография неизвестна. Сохранилась более поздняя фотография Тургенева (работы К. И. Бергамаско), подаренная Борисову и датированная 1871 г. (см.: *Письма*, т. IX, фронтиспис).

[9] Иван Петрович Новосильцев (1827—1890) — помещик Мценского уезда, друг Борисова, сын П. П. Новосильцева (см. примеч. 5 к письму 7: *Тургенев, Сб.*, вып. III, стр. 353).

22

22 июня/64. Новоселки.

Вчера мне выпал хороший день — счастливый, если б Вы знали, милый, добрый Иван Сергеевич, какую благодать послали мне в этом уютном конвертике [1] — два дни уже проходят, что не могу толком и поблагодарить Вас за всё, за каждую строчку и за прелестнейшую Вашу карточку [2] и не знаю, удастся ли мне теперь описать всё, что хотелось бы Вам сказать. Ваши строки взбаламутили многое из прошлого моего тяжелого времени, и я до сих пор не могу его столкнуть в архив. Писать к Вам не мог — много раз порывался. Я никого не вижу, месяца полтора не был за Зушей, а Фета не видал со Святой недели, но постойте, расскажу по порядку. — Весна у нас началась очень рано. — Получаю письма от докторов, что состояние Нади безнадежное и необходимо ее не медля перевезти в Петербург‹скую› больницу Всех скорбящих.[3] — Свез Петьку в Ивановское [4] — Степановку нашел в разрушении — все было переломано и новые сооружения покрыты были опилками, чурками и стружками. В одной комнате Марья Петровна, и Фет, и рояль, и ящики с главнейшими сокровищами. За стенами же этой комнаты холод, а на дворе мороз и виют витры, но всё это не мешает хриплым и сиплым голосом Фету знакомить меня с романсом «На холмах Грузии».[5] Меня это пронизывает бесконечно насквозь! Дух захватывает оттого, что *шумит Арагва подо мною*. В этом-то состоянии уезжаю в Новоселки, укладываюсь и, с ужасом подумывая о будущих днях, подъезжаю к станции в Черни, а другой тарантас навстречу, и в нем Л. Толстой. Он ехал к нам. Что ж делать — просидели мы до вечера. Он счастлив так, что говорит: умирать бы не надо. Но он всё тот же — жизнь в нем клокочет. «А я хотел прочесть у Вас „Эпоху“» — были первые его сожаления неудачной нашей встречи. Я ему объявляю, что только что, уезжая, возвратил эту книгу Розанову, — «ну всё равно,

я завтра же пошлю к нему просить». Ваши «Призраки» не давали ему покою.[6] Сказал я ему о «Призраках» всё мое наслаждение, какое оставили во мне пронесшиеся картины, но и сколько же в них мучения — какое-то обмирающее чувство — держаться за эту телесную тень Элис. — Толстого всё занимает, и хозяйство и охота — тут же призывались люди какие-то и командировались в разные стороны набирать борзых — школа брошена. Пишет он роман из 12 года большой — «если долго поживу, то кончу».[7] «Неудавшийся ром‹ан›» это его однофамильца, но странно, там есть характер самого Л. Ник.[8] — Ехал он в нашу сторону на недельку, но узнав от меня, что и Фета нет в Степановке, он решил через два дни быть домой и дал мне записку к его жене. Таким счастливым я его и оставил. Но на станции Ясенки встретил за ним уже гонца — его маленький сын опасно заболел, и доктора нет, и оставшаяся дамская компания в отчаянии и тревоге.[9] — Была уже ночь, я поехал в Тулу и там целую ночь разыскивал докторов, из трех ни один не поехал под разными подлыми предлогами. Слава богу двое из них немцы, а один кровный поляк, — так я и уехал утром с мучительным страхом за него, да и о своем Пете прибавил разных ужасов. Москва, и беготня, и хлопоты, и неизвестность — потом Петербург — тут тоже, опять в Москву, и опять в Петербург с больною — ее я и не видал — отвез и похоронил в больницу Всех скорбящих на 11 версте по Петергофской дороге — и там пришлось сдать ее доктору Лоренцу, старому знакомцу. Он 15 лет лечил ее мать, которая все эти годы была в сильнейшей меланхолии, — вот где и разгадка несчастной болезни — а мы никто этого вначале и не подозревали.

Не понимаю, как я остался жив от этих 11 дней — что проездил — ни одной ночи не заснул и даже не забылся на минуту. 15 лет я не был в П‹етер›бурге и разумеется много нового увидал, встретил множество старых знакомых из разных концов, от финских скал до пламенной Колхиды.[10] Как же все мы поизменились и как всё поседело. — Входил в Исакия и ушел из этой гранитной горчишницы. Туда, чтобы видеть что, надо приносить с собой хоть солнце, что за монумент покойному государю![11] Меня это поразило более, чем мои художественные картины видов Кавказа — где деревья и Вы приняли за цветную капусту. Но, слава богу, в 11-й день вернулся к Пете, и мы опять зажили в тишине Новоселок. Ему еще зимой достали в дядьки старикашку Ивана Ивановича, и вот мы так и живем. Но беды и тут бывают. С месяц тому я был в отчаянии схоронить и детенка своего. Он был страшно болен — корь ужасная, но теперь и эта беда миновала. К Толстому я на обратном уже и не помышлял заехать — вез гувернера Шеншину Ал. Ник. и главное скорей, скорей домой. — Здесь я отдыхаю, никого не вижу, целый день в работе по саду — поздно вечером всякий день часа два прокатаюсь на Бонке, молодой караковой кобыле, подготовляю ее к наступающей осени. Борзые мои здравствуют и тоже ждут поры. Стая гончих размножилась до 17. Недавно приходил их родоначальник, Ваш Афанасий. Он еще более пригнулся к земле, еще более убелилась всё еще кудрявая голова, и глаза ушли вглубь. Водочка его освежила. Ну мы дни два с ним вспоминали Вас — уж как он шамкает, дряхлеет видимо. Но приходил пешком

и, разумеется, с ружьем и сумочками. Покаялся он мне, что весной убил двух куропаток, самок — нельзя! К Николину дню! Спрашивали Вы про «Марево». Следует прочесть Вам, это вещь замечательная, но надо читать скорей, пока не простыла, сегодня, а не завтра. Тут есть и замечательный женский характер, и много живых портретов, и в содержании от начала до конца постоянный интерес. Клюшников с талантом.[12] Его картины яркие, теплые и более живые, чем «Взбаламученное море». И множество современных шишечек разбросано по роману. В одно время в «Русском вестнике» печатают много интересных вещей, и между всеми самое интересное — записки *Вигеля*.[13] Какой это оригинальный человек — желчь неиссякаемая льется с пера его — и видно, что жизнь бедного его была горькая. Кажется, если бы ему пришлось умирать на кресте, то не было бы надобности подавать на трости губку с желчью, в своих губах оставалось довольно. — Читаю я только «Р‹усский› вестн‹ик›» и кое-что в «Эпохе», но зато «Моск‹овские› ведо‹мости›» не читать невозможно всё, и хотя у Каткова уже есть враги, но дай бог ему здравствовать. Фет из деревни продолжает,[14] и круг его читателей и почитателей гораздо шире, чем у поэта. И Аполлон Григорьев начал описывать свои похождения в «Эпохе», и уж как же там *прожигает жизнь*. Повествовательная часть Аполлона пока не лжива, но он беспрерывно срывается на известные его веяния: Мочалова, Островского, и вслед за тем на прожигание жизни.[15]

В П‹етер›бурге нашел и семейство Филипсона. Он мне рассказал всю суть студентской истории, [16] его это так огорчило, что едва в полгода успел размыкать по Европе — и побывал везде, кроме Испании, Дании и Швеции, и пешком изучал Париж, Швейцарию и Лондон. Он поручил мне приискать ему к августу в нашем кружке именьице от 15 до 30 т., чтобы на лето жить. Вот нет ли у Вас продажных. У него куча детей, и какая прелесть его малютки — просто это какое-то благословенное семейство. Филипсон теперь сенаторствует, и товарищи его не вытерпливают, чтобы как-нибудь не брыкнуть мимоходом. В то время в П‹етер›бурге был и М. Н. Муравьев, а потому и два неприятельских лагеря.[17] Трудно, невозможно иногда и разгадать, как там у кого под черепом мозги шевелятся. Мне приходилось слушать разных озлобленных на Муравьева, и всё за то, что с имений контрибу‹ции› и нет доходов, — всё это люди богачи и тузы козырные. Вот они-то и самые и суть либералы наши. Как Вы думаете, на чем отразилась во 1-х их бедность — стали брать детей из пансиона, а серым рысакам и зерна не убавилось. Многих кавказских встречал — там у них, говорят, ладится отлично — давай бог. В Москве мне удалось пройти 1 мая в Сокольниках, — было народу видимо-невидимо.[18] Невообразимые тройки и четверки в наборных серебрах и златах и ямщики в таких шелках, что даже и прежде такого макового цвета не бывало. Купечество видимо осилило дворянскую половину *цугами* на кровных рысаках в *ландо* со стеклами. Одна молодая всех поражала. *Он* хорош, но она сама уже невообразима — Цурикова.[19] Манто и белая шляпка с огненными пианами — когда она проезжала, то всё останавливалось, разинув рты и воззриваясь в набеленные и румянные щеки. Мне удалось подслу-

шать невольно вылившееся восклицание у одного из молодых кутил купчиков. Он пропел так, что и она слышала: «Перва ягодка мали — — — — нка!». — Прелестен был старик, отставной солдат. — Сидя на стульце перед самоварным столиком — добродушнейшей фигуры трудно найти — немножко навеселе импровизировал он беззубым ртом что-то про солдатское житье. Тысячи кругом его слушали и дрались, чтоб поближе пробраться. И когда он сам смеялся своему веселью, то всё стонало от хохота. В другом месте толпа, тоже большая, слушала песни дурацкие медвежатников татар, но эти собирали подаяние. — Вижу, вадыхается жирная половина пожилого 2-й или 3-й гильдии и тащит мужа к ним. — «Ах, ты, никак *Соколов* — это его голос»[20] — и когда разглядела, что это не Соколов, то заревела с яростию на сожителя своего — «прочь, прочь — это мужичье простое, прочь отсюда». И цыгане были, но не привелось послушать, еще не начинали, видно только, как у цыганок ноздри шевелились, почуивая поживу. — Я никогда не кончу и вот уже сколько исписал. За приглашение к Вам с Петей — рад пешком идти к Вам — но он меня только спросил, есть ли у Вас кабаны — так он готов, а то нельзя, надо на Кавказ. Крепко Вас обнимаю. Храни Вас господь, будьте здоровы и пишите когда.

И. Борисов.

Про Фета узнал, что Боткин у них и они уехали все на мельницу и верно уху из налимов кушают. В июле съездим к ним на 22.[21]

[1] Письмо Тургенева от 5 (17) июня 1864 г. (см.: *Письма,* т. V, стр. 261—263).

[2] См. примеч. 8 к письму 21.

[3] Эта больница позднее называлась психиатрической больницей имени Фореля. Во время Великой Отечественной войны (в 1941 г.) она была разрушена немцами.

[4] Ивановское — имение А. Н. Шеншина, который был женат на сестре Н. А. Борисовой, Любови Афанасьевне Шеншиной.

[5] Речь идет о романсе Полины Виардо, вошедшем в альбом романсов под заглавием: «12 стихотворений Пушкина, Фета и Тургенева, положенные на музыку Полиною Виардо-Гарсиа» (СПб., у Иогансена, 1864).

[6] В № 1—2 журнала «Эпоха» за 1864 г. была напечатана повесть Тургенева «Призраки», которую хотел прочитать Толстой.

[7] Речь идет о романе «Война и мир», к писанию которого Толстой приступил в феврале 1863 г. (см.: *Толстой*, т. 16, стр. 24).

[8] Героя романа, страстного и увлекающегося молодого человека, звали Львом Николаевичем, в этом, вероятно, Борисов и усмотрел его сходство с Толстым (см.: «Русский вестник», 1863, №№ 9—10).

[9] В дневниках и письмах Толстого данный эпизод не вспоминается. О болезни сына Сергея Толстой писал 15 (27) мая 1864 г. М. Н. и С. Н. Толстым и 13 (25) июля 1864 г. А. А. Фету (см.: *Толстой,* т. 61, стр. 49—50).

[10] Неточная цитата из стихотворения А. С. Пушкина «Клеветникам России» (1831). У Пушкина:

От финских хладных скал до пламенной Колхиды...

[11] Исаакиевский собор был построен в честь святого (Исаакия Далматского), который праздновался в день рождения Петра Великого —

30 мая ст. ст. Работа по строительству собора продолжалась с 1819 по 1858 г. Очевидно, Борисову храм показался темным и мрачным.

[12] Антинигилистический роман В. П. Клюшникова (1841—1892) «Марево» был напечатан в №№ 1—3 «Русского вестника» за 1864 г.

[13] «Воспоминания» Ф. Ф. Вигеля (1786—1856) печатались в «Русском вестнике» в течение всего 1864 г. и продолжались в 1865 г.

[14] Цикл статей Фета «Из деревни» печатался в «Русском вестнике» (см. примеч. 3 к письму 15).

[15] В №№ 3 и 5 журнала «Эпоха» за 1864 г. Аполлон Александрович Григорьев (1822—1864) напечатал свои воспоминания: «Мои литературные и нравственные скитальчества». Павел Степанович Мочалов (1800—1848) — трагический актер; Александр Николаевич Островский (1823—1886) — драматург.

[16] Филипсон Григорий Иванович (1784—1883) — генерал и сенатор. После 39 лет военной службы Филипсон принял пост попечителя С.-Петербургского учебного округа и после студенческих беспорядков в Петербурге в 1861 г. уволился от этой должности. В письме П. А. Каратыгина к Л. К. Шульгину от 1 октября 1861 г. рассказывается о столкновении Филипсона со студентами: «...начальство распорядилось закрыть университет. На следующее утро студенты собрались к университету и, видя запертые двери, в полном составе, около тысячи человек, пошли для объяснений к попечителю, генералу Филипсону, требуя, чтоб он приказал отворить университет. Филипсон живет у Владимирской <...> и оттуда-то студенты чуть не силою повели его на Васильевский остров» («Русский вестник», 1880, № 9, стр. 175).

[17] Михаил Николаевич Муравьев (1796—1866) — виленский генерал-губернатор. Своей жестокостью при подавлении польского восстания в 1863 г. получил прозвище «вешатель». Передовая часть русского общества возмущалась его действиями, но были люди, одобрявшие политику Муравьева.

[18] Первомайские гуляния до 1890 г. не носили политического характера.

[19] Вероятно, речь идет о родственнице орловского исправника земского суда П. Н. Цурикова.

[20] Фамилия Соколовых тесно связана с цыганскими хорами. В очерке «Цыгане» А. Плещеев, со слов Н. И. Шишкина, руководителя одного из таких хоров, записал: «Знаменитыми цыганскими хорами считались хоры братьев Ильи и Петра Соколовых, имевшие пребывание в Москве, но приезжавшие и в Петербург» («Столица и усадьба», 1915, № 38—39, стр. 10). Илья Соколов умер в 1848 г., очевидно, тут речь идет об одном из позднейших представителей его семьи.

[21] 22 июля — день именин Марии Петровны Фет.

23

4 июля/64. Новоселки.

Всё, что меня терзало, — всё давно
Великодушно прощено
Иль равнодушно позабыто,
И если б сердце не было разбито,
Не ныло от усталости и ран, —
Я б думал: всё мечта, всё призрак, всё обман.
Надежды гибли, слезы высыхали —
Как бури страсти налетали

И разлетались, как туман, —
И ты, которая, даря меня мечтами,
Была отрадой для души больной,
Унесена — исчезла за горами,
Как облачко с поднявшейся росой...

Вот чего не мог не выписать для Вас, милейший Иван Сергеевич, из «Эпохи» 4 №.[1] Давно ничего подобного не читалось — это Полонский. Мог бы и Пушкин; и Фет, пожалуй, тоже не отказался бы.

Другая большая вещь Полонского же, «Разлад», тоже стоит Вашего внимания в этом же 4 №.[2] Фетов всё еще нет, верно уха из налимов и земляника удерживают их на берегах Тима. И Боткин и он люди больные, слабые — подкрепиться не худо. А потом, с толстеньким брюшком как-то легче живется. Я замечал, что и хандра приходит натощак.

Недавно я Вам два листка исписал, а теперь виноват Полонский и «Всё, что меня терзало» — постоянно передо мной. — Если бы Вы знали, милый Иван Сергеевич, как мне грустно подумать, что быть может долго-долго не увижу Вас. Видно, много порвалось у Вас тех сил, которыми Вас тянуло в нашу Палестину, и гнездышко себе вьете в чужих краях. Неужели и в самом деле наша почва не дает уже свежих сил для Вашей жизни — не понимаю. Правда, у нас и бури, и засухи, и ливни и после +38° падает на +6°, но Вы, милейший, не такой дуб, чтобы Вас это перевернуло. Из настоящего хаоса порой просвечивают и светлые лучи. Мне кажется, Вы слишком долго позволяете себе ту жизнь, которая вялит все Ваши богатырские силы. Зимой Вы были только в П‹етер›бурге и погнушались Москвой, а если Вам всё так же дорога наша маленькая *суть*, то Вы и не считайте, что были в России, — Вам надо до Орла. Подумайте, что скоро лишитесь и тех почтовых впечатлений, какие в прежние времена испытывали на этом пути. Прощай — станционные смотрители с таблицами, прощай *дарвалдая* и тощие кровы и шоссейные заставы — *ведут чугунку:* с 1-го июля начаты работы от Москвы до Серпухова, а с весны по всей линии до Орла. Между тем инженеры окончательно камушками отмет‹или› ее линию — вот как от Орла приблизительно она держится по старой дороге. Первая станция будет около Оптухи. Потом на Стрелецкой под Мценском — Зушу переходя между Новоселками и Зыбинской Ядриной. По ним к Богуславу — Чернь в шести верстах. Правее — Тула и Серпухов. Всё это узнал я от инженеров. Они живут на Воине у Новосильц‹евых›. Вчера я видел старое отжившее поколение в лице Петра Петровича — избави боже самому дожить до таких пределов...[3] Мне кажется, если бы меня теперь выбросили к эскимосам, ну что ж делать — начал бы как-нибудь привыкать, почесывать у себя за ухом прежде правой ногой, а потом, со временем, и левой насобачился бы... Но он, стараясь из всех сил, не может приладиться к своему кабинету и всё в нем по-старому. Так его поразило всё, что он видел, слышал от П‹етер›бурга до деревни. Три года прожил в Ницце, и там у них старая Россия спасается. Только что нет князя Курбского, а то бы интересно было и к ним заглянуть, как они там дрожат и догорают. И жалко и смешно.[4] Скоро и

в Мценске начнутся выборы гласных и пр. новые земские кунштуки, но я останусь безгласным. Недостаток энергии с одной стороны, а сентябрь со всех сторон не допускает. Узнал наверное о четырех выводках волков поблизости Новоселок; да у Вас в Чаплыгине пятый — стая готовится из 17 добрых собак, а этого не обещают даже и в царствии небесном праведникам. Как бы только успеть хорошенько распорядиться на эту осень. Жаль, что судьба Вас лишила по этой части наслаждений — и, дав Вам Дианок, Бубулей, не допустила до Бушуя, Громишки — даже не увидите Вы, как милая *Асся* будет кувыркаться с русаками. О если б только была в Вас искра и этой страсти, то я бы Вам подал голос и верно на целую осень разлюбили бы Баден-Баден. Если удастся побывать в Спасском, то опишу Вам всё об Вашем тихом, прохладном и отрадном родном гнездышке. Обегу и сад, пройду и к пруду. Как можно всё это покидать... Теперь уж наверное я Вас пресытил надолго. — Дай бог Вам здоровья, да нас не забывать. Как можно вить гнездо в Германии, когда с одной стороны Наполеон недалеко, а немцы час от часу всё горячатся, попадетесь Вы под двадесят язык[5] — тогда спасайтесь к нам в нашу тишину. Крепко Вас обнимаю, добрейший Иван Сергеевич. Ваш И. Борисов.

Костомарова перебирают по суставчикам и «Вестник» и в «Эпохе», и вообще хохлов потянули за чубы.[6]

[1] Это стихотворение Я. П. Полонского («Эпоха», 1864, № 4, стр. 292) отвечало душевному состоянию Борисова, страдавшего от разлуки с женой.

[2] «Разлад. Сцены из последнего польского восстания» («Эпоха», 1864, № 4, стр. 121—256) — стихотворное произведение Я. П. Полонского, посвященное событиям польского восстания 1863 г., в трех частях.

[3] П. П. Новосильцеву в это время было всего 67 лет (см. о нем примеч. 5 к письму 7: *Тургенев*, *Сб.*, вып. III, стр. 353). Очевидно, Борисов говорит не о его возрасте, а о его приверженности к старому укладу жизни.

[4] Борисов вспоминает князя Андрея Михайловича Курбского (1528—1583), покинувшего родину из-за политических разногласий с правительством. Последние слова — перефразированная цитата из «Евгения Онегина» (гл. 5, строфа II). У Пушкина: «Ему и больно и смешно».

[5] В отличие от армии Наполеона I, называвшейся в народе «двунадесятию языками», войска Наполеона III (1808—1873) Борисов насмешливо именует «двадесятью язык».

[6] Речь идет о длительной полемике Н. И. Костомарова (1817—1885) с М. П. Погодиным и другими историками, обвинявшими его в антипатриотизме. Этому посвящены статьи Дм. Аверкиева в журнале «Эпоха» за 1864 г.: в № 3 — «Г. Костомаров разбивает народные кумиры»; в № 4 — «Как отвечают гг. профессора» (ответ на статью Костомарова в № 124 «Голоса» за тот же год: «Апология за Дмитрия Донского гг. Аверкиева и Аскоченского»).

24

23 сент./64. Глазуново.

Обещал я Вам скорое послание вслед за пущенным месяц тому назад[1] — но что делать, жизнь так закружила меня разными тормошнями, что вот до сегодня не удалось. А между прочим был я и в Спасском, про-

вел несколько дней в Вашем тихом флигеле. Чистота и пустота строгие. Как будто нарочно и Захар был тут же.[2] Невольно хотелось его спросить, где же Иван Сергеевич? Но Захар не давал времени сделать ему такой вопрос — он как будто обрадовался случаю сам поговорить и сообщил мне свои повести самым литературным наречием. Он в настоящее время, вероятно, уже сделался чиновником по акцизному делу. Тревожился только, не возмутитесь ли Вы духом, что он, Захар, пошел такой дорогой? — на это я его успокаивал, что и Вы ничего, что это не откуп, а совсем другое, даже благородное служение... и он успокоился.

Как было хорошо мне в Спасском, об этом лучше и не говорить. Дни были ясные, теплые — сад нежил, как только в него заглянешь. И хотя дяди Вашего не было дома, но порядок жил во всем. Персиков пропасть, дыни громадные лезли из парников и дозревали на солнышке. Я до них большой охотник и, проходя мимо, мысленно вкушал, но страх лихорадки и обильное поглощение иных прочих незапрещенных плодов помогли воздержанию. В Спасское я попал на истребление волков и завез с собой к Вам гостя — Нарышкина — сына Алекс‹ея› Ив‹ановича›,[3] мы с ним дня три гонялись за волками, но неудачно — поймали только двух молодых, и одного из них пристукнул Афанасий. Но боже мой, как же он постарел и едва ли уже будет в силах на прежние подвиги. Старик грустит по Вас, любит Вас, как охоту, а более-то что ему и любить, разве чарочку, и ей он верный, неизменный друг. Про Фета Вы верно знаете всё — как он с Боткиным прожил всё лето в благополучии. Потом они вместе отправились в П‹етер›бург и вернулся он благополучно. Мельница его не дает ему покою, как бывало не давал покою Некрасов. Процесс всё еще тянется и протянулся от Ливен до П‹етер›бурга.[4] В настоящее время, забрав Марью Петровну, уехал на Тим, чтобы там расстрелять всех вальдшнепов — и верно проклинает свою судьбу, если только не замерз. Можете себе представить, что в ночь поднялась буря, метель и утром мы проснулись уже в зимних пределах — всё побелело, метель продолжается, и авось, если бог милостив, завтра по пороше найдем и затравим волков, за которыми до сих пор гонялись так неудачно. Но виноват, добрейший Иван Сергеевич, я с такой быстротой схватился за перо и начал Вам описание, что, пожалуй, ничего не разберете, как и что. Вот как попал сюда, к гостеприимным из гостеприимных хозяев Александру Васи‹льевичу› Шереметеву.[5] Он давно меня звал, и так ‹как› около и вокруг его места превосходные, знакомые Вам отчасти по куропаткам, то вот весь наш *союз* охотничий, т. е. Сергей Мих‹айлович› Сухотин и Алекс‹андр› Никитич, третий день гостим у Шереметева. Сегодня должны были бы уйти, но «*Буря на моря* и хор возрастающих дум»[6] не выпускают и хозяин еще не гонит. Как охотнику, Вам вполне понятно, что делается с человеком, когда долго всё неудачи и неудачи, ожидали и волков найти и несметное множество лисиц, но вот уже дня три ничего-ничего. Все приуныли, к этому присоединяются и разные немощи, от старости ли, а мы все не молодежь, или уж так с неудачи, только у меня правая нога расхромалась, у Шеншина — кашель со свистом, только Сухотин бодрится, но и он заметно стал опускаться. Хозяин наш получает всевозможные жур-

налы, и ‹за› целый день чтения, ну что же новенького узнал: в «Совр‹еменной› лет‹описи›» № 33 прелюбопытные выписки из перебранок петербургских журналов, как образец, до какого цинизма, нахальства и пошлости дошли редакции «Современника», «Слова» и иных, — действительно стоило указать на невообразимую картину.[7] *Особенного* в литературе нет ничего. «Р‹усский› вестн‹ик›» печатает З‹аписки› Вигеля, и это самое интересное.[8] Проглядел несколько номер‹ов› «Эпохи» — и тут пусто — только Аполлон Григорьев распространяется и протекает критическим потоком — но из него не напьешься, дошел до бешеной пены.[9]

1 окт. Новоселки.

Не удалось мне отправить, и вот, объехав еще Черемошню Дьякова [10] и Кочеты Сухотиных, я, измученный и полубольной, возвратился домой. Под конец было до отчаяния тяжело — добычи нет, погода — гадость, холод и ветер, и дождь и снег, — зато как же я рад, что дома. Попка мой обрадовался до взвизгивания и прыганья, у нас тепло — просто благополучие. Жена Дьякова мне говорила, что слышала новую Вашу повесть «Собака».[11] Как бы это поскорей ее посмотреть. Скоро ли отпечатают Ваше издание, я его непременно приобрету [12] — а то Вы у меня имеетесь только по всем журналам. Не могу помириться, что Вы бросили нас и задумываюсь — увижу ли Вас когда, милейший из людей. Какая-то грустная мгла опустилась для меня на сторону Спасского, а прежде я туда смотрел как на светлый, теплый для меня уголок. Здесь же дома мне как-то и страшно, когда на миг заглянет счастливое оживление. Так много в этих стенах прожилось горя.

Не помню, писал ли я Вам, что в августе у меня был Л. Толстой.[13] Он не изменился, всё чудачит — сегодня плавно, с чувством доказывает на всех струнах, что псовая охота суть злодейство, а на другой день покупает целую охоту псов, словом, он всё еще мечется по огням и полымям — горит. Домашняя его жизнь приняла тоже его характер, его жене не удалось дать ей человеческий ход. Обещал он в октябре приехать, но едва ли. Его жена еще не разрешилась вторым произведением, и верно он теперь посидит дома. Зимой, если поеду в Рязань к сестре, то заеду к ним погостить. Недавно они проводи‹ли› Бернса умирать за границу, так, говорят, он плох.[14] А у нас в Орле Аркадий Карпов [15] покончил жизнь — ужасно. Говорят, целый месяц *ежеминутно* провел в ожидании. Попы убеждали его умереть христианином, а барыня влекла в свой мир, а он всё лежал неподвижно и куда переселился, один бог ведает. — Орел так далеко уходит путем нигилизма, от всех слышу, что там уже Содомы и Гоморы, но, вероятно, всё то же, что и было, только посорвали старые занавески и «шопот, робкое дыханье» [16] дошло до завыванья.

Если Вам придется еще писать повесть новую какую, то смело можете в ней воскресить былые времена, они возвратились, по крайней мере для романистов. Только в любовных романах прочтете, что произошло недели две, в двух верстах, именно в Зыбинской Ядрине. 16-летняя прелестная барышня и богатая невеста похищена из церкви или бежала сама с ним, еще дело нерешенное, — за ними погоня, всадники — крики «держи!

держи!», и беглецы благополучно умчались в карете, спаслись в церковь, заперлись и повенчались или не повенчались, тоже еще неизвестно, а потом бежали далее в Россию куда-то, — зачем и для чего всё это они сочинили — бог их ведает, но только вся округа наша радостно оживилась этим событием. Похититель некто г. Кулешов.

С тех пор как Фет переселился в Степановку, мы всё реже и реже с ним видимся, а теперь вот, как у них владения протянулись еще дальше на юг, то совсем они для нас пропали и бывают проездом в Москву да из Москвы. Каждое свидание оставляет во мне тяжелое по нем чувство — он всё более и более болеет мнимой *бедностью*, и по мере увеличенья его материальных богатств — увеличивается его беспокойство, чем жить? Толковать об этом уже нечего, всё только раздражает его. Будь Вы поближе, то, уверен, не дали бы ему питаться подобной пищею и он был бы молодцом. Зато, когда приходятся минуты веселые, он так мил, добр, что еще более жалеешь, что Степановка унесла его в гремящую даль.[17]

Милейший Иван Сергеевич, дайте же о себе весточку. С тех пор как исчезла всякая надежда Вас увидать, Ваши грамотки остаются единственным утешением, что Вы нас не забыли. — А к Вам в очаровательный Баден мне, как горе Магомета, не двинуться.[18] Разве Петьку пошлю поклониться Вам, но до этого времени так еще далеко, что и Вы успеете до того состариться, что будете пожалуй благословлять юное поколение словами «Багров! Багров!», как Григорович рассказывает про Аксакова.[19] Обнимаю Вас крепко, крепко, крепко.

Ваш И. Борисов.

[1] Очевидно, это письмо Борисова не сохранилось. Последнее было датировано 4 июля 1864 г. (см. письмо 23).

[2] Захар Федорович Балашов — бывший камердинер Тургенева (см. о нем: *Письма*, т. II, стр. 652).

[3] Речь идет о С. А. Нарышкине (см. примеч. 2 к письму 20).

[4] О процессе Фета с Алексеем Кузьмичом Б-вым по поводу мельницы и о его недоразумениях с крестьянами из-за земли в новой тимской усадьбе, близ г. Ливны Орловской гибернии см.: *Фет*, ч. II, стр. 22—40.

[5] Александр Васильевич Шереметев (1830—1890) — крупный помещик Орловской губернии (см.: *Письма*, т. IX, стр. 647).

[6] Неточная цитата из стихотворения Фета «Буря на небе вечернем» (1842). У Фета:

Буря на море и думы,
Хор возрастающих дум...

[7] Имеется в виду статья Н. Васильева «Протест публики против литературного цинизма» («Современная летопись», 1864, сентябрь, № 33, стр. 13—15), в которой горячо осуждаются брань и оскорбления, допускаемые петербургскими журналами («Современник», «Русское слово», «Эпоха») во время литературных споров. В качестве примеров в статье приведены оскорбительные выражения по адресу Тургенева, Достоевского, Ап. Григорьева и других писателей, которые позволил себе «Современник».

[8] См. примеч. 13 к письму 22.

[9] См. примеч. 15 к письму 22.

[10] Дмитрий Алексеевич Дьяков (1823—1891) — друг молодости Толстого; Дарья Александровна Дьякова (ум. 1867) — его жена.

[11] Повесть Тургенева «Собака» была напечатана лишь в 1866 г. в «С.-Петербургских ведомостях» (31 марта (12 апреля), № 85). Еще до опубликования Тургенев читал или давал читать этот рассказ многим знакомым (см. его письмо к П. В. Анненкову от 12 (24) ноября 1864 г.: *Письма*, т. V, стр. 298).

[12] В это время готовилось издание «Сочинений И. С. Тургенева (1844—1864)» в пяти томах (изд. братьев Салаевых, Карлсруэ, 1865).

[13] О приезде Толстого в Новоселки см.: *Толстой*, т. 83, стр. 43—44, № 16.

[14] Вероятно, речь идет об Андрее Евстафьевиче Берсе (1808—1868), а не Бернсе, как ошибочно пишет Борисов, — отце С. А. Толстой, который в это время страдал болезнью горла; в октябре 1864 г. в Петербурге (а не за границей) ему была сделана операция (см.: *Толстой*, т. 61, стр. 56).

[15] Об А. Д. Карпове см. примеч. 3 к письму 19.

[16] Первая строка стихотворения Фета (1850).

[17] Перефразировка первой строки стихотворения Фета «Певице» (1857). У Фета:

Уноси мое сердце в звенящую даль...

[18] Борисов отвечал на приглашение Тургенева в письме от 5 (17) июня 1864 г. (см.: *Письма*, т. V, стр. 262).

[19] Фамилия героя хроники С. Т. Аксакова «Детские годы Багрова внука» (1858).

25

6 дек./64. Новоселки.

Здравствуйте, милый Иван Сергеевич, — давно не писал к Вам, а много раз порывался. Как вспомню Вас, представлю себе Вашу жизнь, то и перо из рук. Зачем шуметь Вам об нашей больной ноябрьской скукище. Два месяца я провел так, что не приведи Вас Господь — один, один и один, никуда и никого. Холод пробегал до желудка, все поля черные, лихорадка всякий день напоминала прежние свои объятья. Беда. Принимал по старой памяти о *Симоне* гомеопатию,[1] и так вот тянулись дни за днями. Словечка перемолвить не с кем. Только Петя выручал. Вдруг прогремели сани тройкой, и вот я ожил. — Фет Вам уже написал свое послание,[2] но что писать — как подумаю, что вот если бы Вы хоть на один вечерок перенеслись к нам, когда обыкновенно после дневных забот — чаев, завтраков, обеда — приходит пора отпускать день в вечность и тут-то делается обозрение всего прошлого и настоящего и будущего. Жаль, жаль, что так Вы далеко. Я бы умолк и послушал бы Вас, что Вы нам об нас скажете. Фет везет в своей книжке довольно-таки векселей на получение от Каткова, и этот год ему урожайный.[3] С годами он безвозвратно только теряет волосы, брюшко же всё более и более округляется, как и мысль его лирических колдований. Только Вас недостает ему, а то бы я назвал его счастливейшим из смертных. Всё, что ему нужно, всё есть. Степановка процветает, мельницу освободил. Захотелось в Москву, П<етер>бург — едет. Захотелось рвать кишки себе — стоит только подумать о родине. Много, много у нас с ним бывает споров, но вот в чем согласны. Отчего это как-то лучше, когда сидишь дома и никого не видишь и не слышишь, и отчего это в последнее время к кому ни взойдешь в дом — читаешь на стенах: «Мани, факел, фарес».[4] Разрушение ли или возрождение? Но только жизнь всех встормошилась. Осень я начинал с Спасского Вашего, объехал

много дворянских гнезд, послушал много толков. Все на разные лады поют «Плыви мой челн».[5] Но вот еще ни у кого челн не выплыл — мы изнываем и живем всё еще по-старому. Только нельзя же и не жаловаться, что хлеб у нас нипочем и денег добыть трудно. Ох! о-ох! как трудно. А впрочем, по правде говоря, у кого же когда кроме Фета во всей нашей стороне и бывали когда капиталы. Вы сами знаете всех, и себя и меня, и по Оке и по Зуше, и на Мцне и на Снежеду... Всё по-старому, милейший Иван Сергеевич, не бойтесь, что не узнаете чего на родных берегах. Только приезжайте подышать нашей весной, походить в июле по болотам, куда вот меня уже заманил Фет, уколотите в день 20 пар дупелей, утомитесь до наслаждения — это Вам пора уже, а то Вы совсем разлюбите всё, над чем пронеслись 40 лет жизни Вашей. Я иногда даже жалею, что старость слишком быстро одевает меня в свои богатства, а то бы теперь-то и жить. А тут все кости болят и все суставы говорят.

Не припомню, писал ли Вам, что осенью видел Л. Толст‹ого›, он на денек заглянул из Никольского. Он счастлив до блаженства, но всё тот же во всем, даже еще сильней. Думал к нему попасть зимой, но верно всю зиму проведу, не выходя из дому. Как-то стал я плох на мороз. Зябну и в теплых наших комнатках, а на дворе всё —15, да —17, да 20. Земля вся черная, надо ждать весны. У Толстого уже другой сынишка явился.[6] Не знаю, что он действительно над ними проделает в воспитании, но как он намерен это дело вести, то детям его будет трудновато подниматься. Весной он с женой обещал к Фету, заедет ко мне, и уж мы вместе в Степановку, — но это его планы — а с ним скорей наверное не попадешь туда, куда метишь. Вот Фет зимой надеется Вас увидать. А мне надеяться ли хоть на весну, на лето — буду ждать от Вас добрых строчек, пусть они будут теми талыми на снегу тенями, по которым угадываешь, что весна придет.

В литературе нового ничего нет. Есть в «Р‹усском› в‹естнике›» *Константиновича* коротенькие рассказы: «Бурбон», «Капитан Бодров» и еще два.[7] Хороши и очень. Из военного быта и так верны правде, как бывало Фет передает свои воспоминания, которые наконец и он начал записывать и везет Вам прочесть.[8]

Из поэзии стихотворной ничего. Вот только Петька с чего-то, видно луч из дяди его поджег его, и вдруг начал стихотворить так: (Завтра впишу, теперь не помню, все спят, не у кого спросить, их записали).

«Ездок со скачки возвращаясь, на доброй лошади своей хвать с права, с лева по бокам ее; но лошадь с ним не в шутку обратилась и понеслась чрез ров, через забор и бух в канаву. Ездок, ездок! зачем ты пьян был: зачем ты лошадь обижал! (Конец)». К этому есть уже и рисунок. С Новым Годом Вас обнимаю.

И. Борисов.

[1] В это время А. А. Симон уже умер (см. примеч. 3 к письму 6: *Тургенев*, *Сб.*, вып. III, стр. 350).

[2] Речь идет о стихотворении Фета «И. С. Тургеневу», написанном осенью 1864 г. (см.: *Письма*, т. V, стр. 301) и впоследствии, в 1865 г., напечатанном в № 1 «Русского вестника».

[3] В 1864 г. в «Русском вестнике» были напечатаны два стихотворения Фета (№№ 1 и 3) и продолжение его статей «Из деревни» (№ 4).

[4] В Библии рассказывается, что на пиру нечестивого царя Валтасара накануне его убийства на стене дворца таинственная рука начертала слова «мене, текел, перес», что означало: «*мене* — исчислил бог царство твое и положил конец ему; *текел* — ты взвешен на весах и найден очень легким; *перес* — разделено царство твое и дано мидянам и персам» (Книга пророка Даниила, гл. 5, ст. 26—28).

[5] Текст этой песни позднее был введен в либретто оперетты Р. Планкета «Корневильские колокола» (1877).

[6] О приезде Толстого см. в письме 24, примеч. 13. 4 (16) октября 1864 г. у Толстых родилась дочь Татьяна (ум. 1950).

[7] В № 9 «Русского вестника» за 1864 г. напечатаны рассказы Д. Константиновича «Капитан Бодров» и «Бурбон»; в № 10 — «Мсье Белогорский» и «Прапорщик Муткин». Все рассказы объединены общим заголовком: «Записки военного».

[8] Мемуары Фета «Мои воспоминания, 1848—1889» полностью были напечатаны отдельным изданием в 1890 г. До этого времени небольшие отрывки из них появлялись в периодической печати (см.: В. С. Федина. А. А. Фет. Материалы к характеристике. Пгр., 1915, стр. 26). В январе 1865 г. Фет с женой ездили в Петербург к В. П. Боткину, но с Тургеневым они тогда не встретились. Он приехал в Россию только в конце мая 1865 г.

Н. А. Хмелевская

Д. В. ГРИГОРОВИЧ. ПИСЬМА К ТУРГЕНЕВУ И Я. П. ПОЛОНСКОМУ

Автор двух ниже публикуемых писем — писатель Дмитрий Васильевич Григорович (1822—1899). Григоровича с Тургеневым связывала многолетняя дружба, которая подкреплялась как личным общением, так и перепиской. Знакомство их состоялось в начале 1846 г. (см.: Д. В. Григорович. Литературные воспоминания. Гослитиздат, 1961, стр. 82).

В течение ряда лет Григорович и Тургенев принимали совместное участие в литературных, журнальных и общественных делах. Так, они вместе с Л. Н. Толстым и А. Н. Островским участвовали в так называемом «обязательном соглашении» об исключительном сотрудничестве в журнале «Современник» (см.: «Современник», 1856, № 10); бывали на литературных обедах, выступали на литературных вечерах; Комитет «Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым» избирает Тургенева и Григоровича в 1880 г. депутатами «Общества» на Пушкинские торжества в Москве. Недаром Гончаров в 1879 г. в дополнении к рукописи «Необыкновенной истории» зло подметил, что Григорович «играет первую скрипку в оркестре Тургенева» (Архив АН СССР, ф. 726, оп. 1, № 276, л. 10_2). И, наконец, именно Григоровича Литературный фонд назначил председателем комиссии по организации похорон Тургенева.

Тургенев ценил то, что Григорович в отношении к нему «оказывался всегда верным и искренним приятелем» (*Письма*, т. XIII, кн. 2). Григорович же, в свою очередь, в письме к Полонскому от ‹15 июня 1881 г.› высказывался о Тургеневе: «Чем больше живу, — тем более привязываюсь к нему и люблю его; как личность, как человек, — это положительно, — самый симпатический в русской литературе» (*ИРЛИ*, ф. 241, № 11792. LXVIIIб.18). В ряде писем Тургенева к Григоровичу и Полонскому отражено его большое внимание к литературным и художественным делам Григоровича.

Дружескому общению Григоровича и Тургенева способствовала горячая привязанность обоих к Полонскому. «Тургенев всегда особенно любил и ценил Я. П. Полонского; связь их была давнишняя, едва ли не с юности; он любил все, что было близко Полонскому ‹...›. Я, со своей стороны ‹...›, разделял к семье Полонского чувства Тургенева» (см.: Д. В. Григорович. Литературные воспоминания, стр. 141).

В Рукописном отделе *ИРЛИ* хранится большая переписка между Григоровичем и Полонским, которая ярко характеризует их дружеские отношения, тесное общение: 55 писем Григоровича за 1875—1896 гг. и 31 письмо Полонского за 1881—1896 гг.

В. П. Гаевский в письме к жене, Е. Н. Гаевской, от 19 (31) мая 1881 г. рассказывает о событии, которое лишний раз характеризует дружеские взаимоотношения Григоровича, Полонского и Тургенева: «Письмо твое я получил вчера, возвращаясь со свадьбы Григоровича, у которого был свидетелем и шафером. Свадьба происходила у Исакия в 5 часов. В церкви был только я и Полонский. Из церкви мы вчетвером в четвероместном рыдване отправились обедать к Donon, захватив по дороге Тургенева с его адъютантом Топоровым, и провели время очень мило и скромно. Жена Григоровича, которую все мы видели в первый раз, очень простая и добрая венка без малейших претензий. Супруги были очень взволнованы и растроганы и неоднократно плакали. Видно, что они очень довольны друг другом, и я рад, что бедный Григорович, хоть на старости лет, поживет спокойно» (*ИРЛИ*, ф. 67, № 17893.CXIб.5).

Публикуемые ниже письма относятся ко времени пребывания Григоровича в Москве по делам устройства всероссийской промышленно-художественной выставки 1882 г. 1881 г. — это год последнего приезда Тургенева на родину, последнего посещения им Спасского-Лутовинова. Писателю хотелось собрать в Спасском близких ему людей: он пригласил на лето Я. П. Полонского с семьей, усердно звал погостить М. Г. Савину и Григоровича. Семья Полонского поехала в Спасское вместе с Тургеневым, который встретил ее в Москве. В письме к Н. А. Щепкину от 26 мая (7 июня) 1881 г. читаем: «Я приехал сюда вчера и выезжаю отсюда в пятницу с почтовым поездом (9.30) вместе с семейством Полонских — так что в *субботу рано* буду в Мценске. Высылайте нужные экипажи и телегу для багажа. — Нас приезжает — г-жа Полонская с 3 детьми и горнишной, учитель и я. — Вероятно в доме уже всё будет готово для приема» (*Письма*, т. XIII, кн. 1, стр. 92). А в письме к Топорову из Спасского от 2 (14) июня Тургенев сообщал: «Я приехал сюда третьего дня с семейством Полонских — и мы разместились в переделанном доме удобно...» (*Письма*, т. XIII, кн. 1, стр. 93). Полонские остались гостить у Тургенева на все лето.

Около 10 (22) июня Тургенев из Спасского уезжал на несколько дней в Москву, где в это время (с 4 по 19 июня) гастролировала в театре сада «Эрмитаж» М. Г. Савина. (О знакомстве Тургенева с Савиной, об их взаимоотношениях см.: Тургенев и Савина. Пгр., 1918; И. Шнейдерман. Мария Гавриловна Савина. 1854—1915. Изд. «Искусство», Л.—М., 1956, стр. 114—123).

Очевидно, во время этой встречи и был окончательно решен вопрос о приезде Савиной в Спасское. В день отъезда из Москвы в Спасское, 14 (26) июня, Тургенев отправил Савиной два письма; в первом он писал: «...устрою там ‹в Спасском› немедленно Вашу комнату и буду ждать от Вас уведомления, когда выехать к Вам навстречу в Мценск»; во втором прощался с ней: «до свидания в Спасском» (*Письма*, т. XIII, кн. 1, стр. 96).

Как видно из публикуемых ниже писем, привезти Савину в Спасское должен был Григорович. Но их совместная поездка не состоялась. В письме от 21 июня (3 июля) Тургенев, потеряв надежду на приезд Савиной и понимая, что Григорович, ожидая ее, находится в «неприятном положении», писал ему: «...полагаю, что Вы, хотя один, приедете сюда,

в Спасское, и проживете здесь несколько дней, питаясь удивительными пирогами с грибами — да старыми воспоминаниями. — Очень бы Вы нас порадовали» (*Письма*, т. XIII, кн. 1, стр. 98). Григорович приехал в Спасское один, 27 июня (9 июля), и пробыл до 2 (14) июля. «Прибытие Григоровича придало нашим беседам несколько литературный оттенок», — писал Полонский (см.: И. С. Тургенев у себя, в его последний приезд на родину. Из воспоминаний Я. П. Полонского. «Нива». 1884, № 4, стр. 90).

Приезд в Спасское Савиной осуществился несколько позже. М. А. Щепкин в своих «Воспоминаниях об И. С. Тургеневе и селе Спасском» рассказывал: «Когда Марья Гавриловна Савина известила Тургенева, что приедет к нему в Спасское погостить, Иван Сергеевич стал неузнаваем: сам составлял список вещей, потребных для обстановки комнаты, которую предназначал для ее пребывания (в этой комнате ‹...› останавливались раньше: Григорович, Толстой и другие гости, приезжавшие к Ивану Сергеевичу), поехал в Орел за покупкой мебели и заехал к нам в с. Катушищево, чтобы сообщить моему отцу свою радость, говоря, „что ждет к себе из Петербурга гостью, знаменитую артистку Марью Гавриловну Савину, которую по таланту может сравнить только с Рашелью, и что никто после Рашели своей игрой не производил на него такого сильного впечатления, как она“; это было в последний приезд Тургенева в Спасское» («Исторический вестник», 1898, № 9, стр. 920).

Савина гостила у Тургенева с 14 (26) по 18 (30) июля. Полонский писал: «Только что уехал граф Толстой, в Спасское приехала М. Г. Савина. Ив. Серг. давно уже перестал ожидать ее, даже бился со мной об заклад, что она не приедет» (см.: И. С. Тургенев у себя, в его последний приезд на родину. Из воспоминаний Я. П. Полонского. «Нива», 1884, № 5, стр. 115).

Пребывание Савиной в Спасском было настоящим праздником для Тургенева, который написал ей об этом 22 июля (3 августа) 1881 г.: «Ваше пребывание в Спасском оставило неизгладимые следы. Мы все говорим и вспоминаем о Вас — все Вами интересуются — а я, Вы знаете, искренне к Вам привязан, в чем, я полагаю, Вы не сомневаетесь — и чему Вы имеете доказательства. В эти пять дней я еще короче узнал Вас — со всеми Вашими хорошими и слабыми сторонами — и именно потому еще крепче привязался. Вы имеете во мне друга, которому можете довериться. Комната, в которой Вы жили, так навсегда и останется *Савинской*» (*Письма*, т. XIII, кн. 1, стр. 103).

Е. П. Леткова (Султанова) в статье «М. Г. Савина» вспоминала, как года за два до кончины Савина читала ей и С. Л. Бертенсону «по синим ученическим тетрадкам свои „Воспоминания“, где как живой вставали Ив. С., Яков Петрович Полонский, его жена Жозефина Антоновна, пребывание в Спасском, чтение Тургенева на балконе барского дома... Беседы с ним, прогулки в саду...» («Русские записки», 1915, № 11, стр. 218).

В публикуемом ниже письме от 23 июня ст. ст. ‹1881 г.› Григорович набрасывает краткое содержание фарса, который предлагает разыграть в Спасском. Само это предложение навеяно постановкой в дни молодости здесь же, в Спасском, фарса «Школа гостеприимства»; но Григорович приехал без Савиной, а ей отводилась главная роль в пьесе, да и годы остальных участников были уже не молодые. Замысел не был осуществлен.

Письма Д. В. Григоровича публикуются по автографам, хранящимся в *ИРЛИ* (ф. 306 — письмо от 16 июня; ф. 241, № 11792-LXVIIIб.18 — письмо от 23 июня).

Москва. Вторник, 16-го июня ‹1881› [1]

Рад был получить от Вас известие,[2] дорогой Иван Сергеевич, и немедленно отвечаю: М. Г. Савиной завтра же будет передано о состоянии

ее комнаты в Спасском, — хотя, думаю, заботы любезного хозяина будут напрасны. Сегодня был у ней и более чем когда-нибудь пришел к заключению, что рассчитывать на нее весьма трудно. Начать с того: она объявила мне, что отъезд ее из Москвы отложен; вместо четверга она уезжает в субботу; для ее бенефиса («Dame aux Camélias») не нашлось первого любовника; пришлось его выудить из Семейного театра на Пресне; хотя он и даровит, но не на высоте роли, и является необходимость сделать многие репетиции.[3] В субботу, без сомнения, будут еще новые казусы; главным препятствием к отъезду будет Всеволожский; он, как истинно русской человек, не приехал в Москву к условному сроку, засел в Петербурге и со дня на день пишет, что выезжает. Его проводы одним днем не ограничатся; это тем вероятнее, что оба расстаются на долгое время и, действительно, при трудных для обоих обстоятельствах, — для нее в особенности; другого выхода нет: или выйти замуж, ехать в Пермь и оставить сцену, или расстаться с Всеволожским и принести его в жертву сцене. Хотя я и уверен (и сегодня после беседы с нею более чем когда-нибудь), что любовь ее к оранью и хлопанью 500 человек, в то время как она на сцене, дороже ей любви к кому бы то ни было и чьей бы то ни было любви, — а все-таки не легко разом отсечь пятилетнюю связь и сказать человеку: ступай себе, дружок, своей дорогой, — я остаюсь! При ее условиях надо, чтобы любовь поддерживалась сильной верой в прочность и непоколебимость чувств любовника; сомневаюсь, чтобы она была в этом уверена. Ее положенье в самом деле весьма трудно и представляет едва ли не самую сложную драму ее репертуара. Мне искренно ее жаль.[4] Вчерашний спектакль (понедельник) ее просто подкосил; даже шикали; я не был; она сама мне сегодня рассказала.[5] Я застал ее в самом грустном расклеенном расположении духа; она очень мила, очень интересна, но сильно отравлена успехом; он ей нужен для жизни, как водка при запое. Вся эта неопределенность М‹арии› Г‹авриловны› относительно срока ее выезда отсюда ставит меня в глупейшее положенье, — впрочем, вполне заслуженное: очень нужно было старому селадону подвертываться с услугами, — вот теперь и жди, а в конце концов получится телеграмма: «Не могу ехать...». Право, не знаю, что делать. В скверной погоде Вы можете утешиться тем, что в Москве еще хуже: холод, как в ноябре, дождь льет, не переставая, и так сыро, что даже я, петербургский житель, сильно простудился, возвращаясь ‹в› воскресенье из Кунцова:[6] у меня правое легкое так заболело, что, если завтра не перестанет, должен буду послать за доктором — чего я еще не делал. К Маслову[7] дотащусь завтра; без Вас он совсем теряет свою бодрость и расплывается от лени, как блин, забытый в сметане, щурится только, как кот ожиревший в мясной лавке, покрывается лоском от жира, как бараний бок с кашей. А какова была душка певица малороссийских песен?[8] Я до сих пор забыть ее не могу. Вчера получил я письмо от нашего друга Я. П. Полонского; оно меня сокрушило: я понял в нем только три слова — «воскресенье», «Тургенев» и «шоколад» или «мармелад»; кажется, у него достаточный запас этих снадобьев.[9] Вчера же послал ему ответ, прося разъяснить, в чем дело.[10] Целую всех Вас и желал бы

от души сказать: до свиданья, но горькая зависимость от М‹арии› Г‹авриловны› отымает у меня смелость делать верные предположения.

Душевно Вам преданный

Григорович.

[1] Год написания письма (1881 г.) устанавливается по сопоставлению с письмами Тургенева к Савиной от 14 (26) июня 1881 г. (см.: *Письма*, т. XIII, кн. 1, стр. 96) и к Григоровичу от 15 (27) июня 1881 г. (см. примеч. 2).

[2] Имеется в виду письмо Тургенева от 15 (27) июня 1881 г., в котором он сообщает Д. В. Григоровичу, что прибыл в Спасское «вчера в полночь благополучно — всех нашел здоровыми — и дом окончательно устроенным». «Скажите, — продолжает Тургенев, — М. Г. Савиной, что ее комната в лучшем виде» (*Письма*, т. XIII, кн. 1, стр. 98).

[3] Речь идет о заключительном спектакле во время гастролей Савиной в театре сада «Эрмитаж» в Москве. В свой бенефис, который откладывался и должен был состояться в пятницу 19 июня (см.: «Русский курьер», 1881, 18 июня, № 164, и 19 июня, № 165), Савина выступила в роли Маргариты Готье в драме А. Дюма-сына «Дама с камелиями» («Как поживешь, так и прослывешь»).

[4] Никита Никитич Всеволожский (1846—1896) — сын Н. В. Всеволожского, приятеля Пушкина, одного из участников «Зеленой лампы», племянник директора имп. театров И. А. Всеволожского. О сложных взаимоотношениях Савиной и ее будущего мужа Н. Н. Всеволожского см.: И. Шнейдерман. Мария Гавриловна Савина. 1854—1915. Изд. «Искусство», Л.—М., 1956, стр. 176—181. — В своих «Записках» Савина писала: «Не веря ни одному слову, не уважая его, иногда даже ненавидя, я любила его без памяти и не было жертвы, перед которой я остановилась бы» (М. Г. Савина. Горести и скитания. Записки. 1854—1877. Изд. «Искусство», Л.—М., 1961, стр. 128). Друзья Савиной беспокоились о ее судьбе, боялись, что этот брак помешает ее сценической деятельности. Так, Тургенев в письме от 28 сентября (10 октября) 1881 г. писал ей: «Нет сомнения в том, что Вас побуждает к этому поступку своего рода point d'honneur; положение Ваше станет более правильным — или нормальным, — но в то же время более зависимым; и, в конце концов, Вы соедините Вашу судьбу с судьбою человека, с которым у Вас, сколько я могу судить, мало общего. Во всяком случае, надеюсь, что Вы безусловно выгородите себе свободу сценической деятельности... Это для Вас то же самое, что воздух для легких, и Вы не дадите задушить себя» (*Письма*, т. XIII, кн. 1, стр. 131). Много страданий принесло Савиной это замужество.

[5] Скорее всего, речь идет о шестом представлении, во время которого была показана комедия в пяти действиях Н. И. Сведенцова «В стороне от большого света». Пьеса вызвала ряд нападок московских театральных обозревателей. Так, газета «Русский курьер» (1881, 17 июня, № 164) писала, что драма «не выдерживает строгой критики», «весьма избитый сюжет обработан для сцены неудачно», что язык пьесы «совершенно бесцветен» и для «игры артистов пьеса не дает богатого материала». Тем не менее Савина «сумела воспользоваться некоторыми моментами». В этот же вечер была поставлена еще одноактная комедия М. В. Карнеева «Сердечная канитель», в которой Савина была «положительно выше похвал».

[6] В Кунцеве жил С. М. Третьяков (1834—1892) — собиратель произведений западного и русского искусства, брат П. М. Третьякова. У С. М. Третьякова останавливался, когда бывал в Москве, Григорович, а также Полонский. В письме к Полонскому от ‹15 июня ст. ст. 1881 г.› Григорович писал о том же, что и Тургеневу: «...я, возвращаясь из

Кунцова на быстрых рысаках С. М. Третьякова <...>, простудился» (*ИРЛИ*, ф. 241, № 11792.LXVIIIб.18). Во время пребывания в Москве летом 1882 г. по делам всероссийской художественно-промышленной выставки Григорович тесно общался с С. М. Третьяковым, и его имя упоминается в письмах Григоровича к Полонскому. С. М. Третьяков звал Полонского остановиться у него в доме при отъезде в Спасское и возвращении из него (см. письма Григоровича к Полонскому от 8 июня, 4 июля, 6 августа ст. ст. <1882 г.>: *ИРЛИ*, ф. 241, № 11792.LXVIIIб.18).

[7] И. И. Маслов (1817—1891) — приятель Тургенева, с 1860 г. управляющий московской удельной конторой (см.: *Письма*, т. IV, стр. 687—688). В письме к Григоровичу от 15 (27) июня 1881 г. Тургенев писал: «Поклонитесь Маслову и поблагодарите его от меня заранее за исполнение поручений, оставленных письменно» (*Письма*, т. XIII, кн. 1, стр. 98).

[8] О ком идет речь, установить не удалось.

[9] Это письмо Полонского к Григоровичу неизвестно (см. примеч. 10).

[10] Отвечая Полонскому <15 июня ст. ст. 1881 г.> из Москвы, Григорович писал: «Дорогой друг Яков Петрович, письмо твое, полученное час тому назад — ставит меня в крайне затруднительное положенье: из него я мог разобрать только три слова: „*Воскресенье*“, „*Тургенев*“ и „*Шоколад*“ или, вернее, „*мармелад*“. Остальное все при всем моем старании я не мог разобрать. Господи! — ну можно ли писать так неразборчиво? Досада в том, что, может быть, ты даешь мне поручения — и я не могу их тотчас же исполнить, не понимая в чем дело. Тургеневу я ничего не могу передать потому, что он уехал в воскресенье утром и теперь с Вами; что же дальше? Поручаешь ли еще купить шоколаду или мармеладу? Но кажется и того и другого у тебя достаточно. — Все твои поручения я готов исполнить немедленно, но только, бога ради, пиши явственнее» (*ИРЛИ*, ф. 241, № 11792.LXVIIIб.18). Полонский ответил 17 июня ст. ст. 1881 г. из Спасского: «Дружище Дмитрий Васильевич. — Благодарю за отклик — на мой глухой и непонятный для тебя письменный язык. — Жаль, что не разобрал! письмо интересное... при свидании передам на словах то, что не могло передать тебе перо мое, понукаемое и поспешающее для того, чтоб не опоздать на станцию... Никаких поручений я тебе не давал» (*ИРЛИ*, ф. 82, № 126).

Вторник, 23 июня <1881>.[1] Москва.

Пишу Вам обоим на одном листе, дорогие друзья Яков Петрович и Иван Сергеевич; ни тот, ни другой за это на меня не посетуете. Вот Вам прежде всего отчет о главном предмете, о вопросе дня, так сказать, т. е. о М. Г. Савиной. Вчера только, в понедельник в 9 час. вечера, уехала она в Петербург, дав мне клятву, что через неделю вернется назад и прямо со станции Николаевской дороги переедет на Курскую станцию вместе со мною. Я, конечно, буду на месте; за нее не ручаюсь. Сомнения мои основываются на следующем: зайдя к ней в субботу часов около 4-х, я застал какого-то прощелыгу Г. Зубарева, сообщавшего, что афишка, возвещающая представление М. Г. на среду в Павловском театре, уже готова, а объявления о спектакле уже напечатаны. «Как же так? Я играю в четверг!..» — «Нет, голубушка, в среду, в среду! *В субботу, 27-го*, вы *играете в Ораниенбауме*...».[2] Когда я это услыхал, — у меня в глазах завертелись зеленые кружки; я понял, что тут уже плохо рассчитывать на ее поездку в Спасское, и выразил ей тут же эту мысль. Она клялась, что всё это вздор, что в воскресенье, 28-го, она вернется в Москву и мы поедем. Делать нечего, решился еще подождать![3] Во всем этом М. Г. для меня играет второстепенную роль; главный мой побудитель — желание быть

в Спасском и провести с вами денька три, желание это так сильно, что дает мне возможность справиться со смертельной скукой, которую я здесь испытываю; я положительно не могу жить без дела, — да и совестно, право, бить баклуши. Поручения твои, Яков Петрович, будут, конечно, исполнены;[4] пиши вид пруда от группы берез налево подле дорожки, это отличное место, и держи живопись несколько пошире; ты обыкновенно работаешь слишком мелко.[5] Если ты этого вида не напишешь, я его непременно нарисую карандашом;[6] оно связывается для меня с воспоминаниями: под этими березами В. П. Боткин изучал роль генерала в пьесе «Школа гостеприимства».[7] Вы бы общими силами приготовили какую-нибудь *забавную* сценку: мы бы ее разыграли с Савиной. Разорившийся помещик Недопёкин распространил в уезде слух, что завтра, проездом на Кавказ, заедет к нему знаменитая актриса Савина и будет играть. Уезд в волнении. В назначенный день получается письмо, в котором Савина объясняет, что быть не может. Отчаянье Недопёкина; гости начинают съезжаться. Недопёкин просит дочь свою (он вдовец) взять на себя роль Савиной; она отказывается. Тетка ее, сестра покойной жены Недопёкина, Юстина Васильевна, говорит Недопёкину, что она уговорит племянницу играть, если отец согласится на ее брак с помещиком Сюсюковым. Отец соглашается. Он соглашается уступить за уменьшенную цену рощу соседу Насосову, если тот даст для дивертисмента детей своих: Полиника, Андрокла и Констанцию. Полиник будет декламировать стихи, Констанция танцует pas de châle, Андрокл чудесно представляет амуров. Сам Насосов берется ими дирижировать в качестве показывателя детей-феноменов. К этому времени подъезжает случайно провинциальный актер Попелько́вской — страшный прощелыга; у него нет денег ехать дальше, он просит взаймы; Недопёкин на всё соглашается, лишь бы уладить спектакль. Актеры собираются в день представления на репетицию. К концу репетиции вбегает лакей и говорит: «Г-жа Савина приехала!». Картина!! Действие так распределяется: сцена представляет сцену, приготовленную для представления Савиной (сад или лес). Все действующие лица на сцене, и разговор идет о том, как принять Савину, как угостить гостей. Письмо от Савиной с отказом приехать. Тетка, племянница и отец. Помещик Насосов и его дети. Актер Попельковской. Всё слажено; начинается репетиция; всё идет как по маслу. Извещение о приезде Савиной. Картина. Потом новая телеграмма, извещающая, что она по ошибке проехала по другому тракту на Коказ. Новая картина; тут лакей по ошибке зажигает бенгальской огонь, приготовленный для спектакля Савиной.

Распределение ролей:

Иван Саввич Недопёкин, помещик: *И. С. Тургенев*

Маша, его дочь: *М. Г. Савина*

Юстина Васильевна, ее тетка: *Ж. А. Полонская*

Насосов, помещик на костыле: *Я. П. Полонской*

Полиник: *Аля Полонской*

Констанция: *Наташа Полонская*

Андрокл: *Боря Полонской*[8]

(Дети Насосова).

Попельковской, шальной провинциальный актер: *Д. В. Григорович.* ... Или что-нибудь в этом роде, но только непременно фарс. Оба вы в один день набросаете конспект. Савиной, понятно, роли не надо; она возьмет любую сцену из своего репертуара; Тургенев, ты и я будем давать ей реплики. Декорацию я устрою на старом месте в один день.[9] Какое горе, право, что я должен здесь ждать — и даже, может быть, понапрасну. В субботу я на всякий случай укладываюсь и буду ждать телеграммы; если получу телеграмму, ‹в› воскресенье в 10 часов буду на Николаевской жел. дороге и в 1 час на Курской и пошлю телеграмму Тургеневу. Если же получу известие от Савиной, что она не будет, приеду в Спасское на три дня,[10] а там в Петербург, и за дело.

Кланяюсь самым сердечным образом Жозефине Антоновне, детей целую, а вас обоих дружески обнимаю.

Григорович.

[1] Датируется по сопоставлению с письмом 1.

[2] 22 июня 1881 г. «С.-Петербургские ведомости» (№ 139) объявили в разделе «Театры и клубы»: «В среду, 24-го июня, выступит в первый раз, в Павловском театре, М. Г. Савина, в одной из лучших своих ролей, именно: Маргариты Готье, в драме Дюма-сына „Как поживешь, так и прослывешь“». Но спектакль в этот день не состоялся: Савина выехала из Москвы в понедельник 22-го июня и сыграла только 25 июня (см.: «С.-Петербургские ведомости», 1881, 26 июня, № 143). 27 июня «С.-Петербургские ведомости» уведомили: «В субботу, 27-го июня, в Ораниенбаумском театре назначен спектакль с участием М. Г. Савиной. Пойдут „Семейные расчеты“, драма Куликова и „Сердечная канитель“, одноактная комедийка Карнеева, в которой г-жа Савина прелестна» (1881, № 144).

[3] «С.-Петербургские ведомости» 29 июня 1881 г. (№ 146) сообщили, что Савина покидает на днях Петербург и направляется на кавказские минеральные воды. Григорович, не дождавшись Савиной, уехал в Спасское один, куда прибыл 27 июня (см.: И. С. Тургенев у себя, в его последний приезд на родину. Из воспоминаний Я. П. Полонского. «Нива», 1884, № 3, стр. 68).

[4] В письме от 17 июня ст. ст. 1881 г. из Спасского Полонский просил Григоровича купить «трубочку: Blanc d'argent — белой масляной краски, и каких-нибудь кистей, тоже для мазни масляными красками» (*ИРЛИ*, ф. 82, № 126).

[5] Я. П. Полонский занимался изобразительным искусством как любитель. В молодости он недолго учился живописи в Женеве, где усвоил несколько сухую манеру немецкой и швейцарской школ. Против этого и возражал Григорович, разделявший взгляды на искусство Тургенева, любившего барбизонскую школу живописи (см.: Н. В. Яворская. Пейзаж барбизонской школы. М., 1962, стр. 112, 255, 272). «Очень жалею, что не мог видеть твоих новых картин и убедиться на деле, что ты отстал от сухости и прилизанности и мертвой четкости линий, от всех тех недостатков, которыми немецкая школа заразила всех наших пейзажистов», — писал Тургенев Полонскому 1 (13) сентября 1882 г. (*Письма*, т. XIII, кн. 2). Полонский же отстаивал свою самостоятельность в этом вопросе и в письме к Григоровичу от 14 сентября ст. ст. 1882 г. уведомлял: «Я на днях познакомился с художником Клевером — он видал мои Спасские картинки и уверил меня, что у меня свой взгляд на природу, своя манера писать, и что мои картинки гораздо лучше тех пейзажей, которые появлялись у тебя на конкурсе ‹...›. Я уже послал через Беграва свои виды — И. С. Тургеневу. — Интересно будет знать его мнение» (*ИРЛИ*, ф. 82, № 126). Полонский в 1881—1882 гг. во время своего лет-

него пребывания в Спасском писал пейзажи. Это его занятие поощрялось Тургеневым и Григоровичем. Последний с охотой выполнял поручения Полонского: покупал для него краски, кисти и картон (см. примеч. 4). Так, в 1881 г. он написал 12 этюдов Спасского, в том числе «Пруд Захара», из них семь подарил Тургеневу, которые тот увез во Францию и повесил в Буживале, откуда 23 сентября (5 октября) писал: «Твои картины все *обрамлены* и висят у меня перед глазами в эту минуту — и очень мне приятно смотреть на них» (*Письма*, т. XIII, кн. 1, стр. 127; см. также: Спасское-Лутовиново в этюдах Я. П. Полонского. Сообщение Н. Н. Фонякова. *Лит. насл.*, т. 76, стр. 605—630).

[6] Григорович хорошо рисовал, был художником-любителем. В молодости два года посещал рисовальные классы имп. Академии художеств. В Рукописном отделе *ИРЛИ* хранятся рисунки Григоровича, выполненные карандашом, итальянским карандашом и пером. Среди них отметим следующие: слепой мальчик (1863 г.), голова старика (1878 г.), крестьянская девушка, портрет пожилой женщины и несколько пейзажей. В Гос. Литературном музее в Москве имеется автопортрет Григоровича. Некоторые его рисунки опубликованы, например, работа 1858 г. «Дача Н. А. Некрасова в Петербурге» (*Лит. насл.*, т. 31, стр. 523).

[7] 26 мая 1855 г. Дружинин, Боткин, Григорович и Тургенев разыграли в Спасском сочиненную ими комедию «Школа гостеприимства» (см.: Д. В. Григорович. Литературные воспоминания, стр. 139—141). «Боткин взял роль сластуна, брюзгливого, ворчливого статского советника» Щепетильникова, в которой он «был великолепен», — писал Григорович (там же, стр. 140—141).

[8] Жозефина Антоновна Полонская (рожд. Рюльман) (1844—1920) — жена Я. П. Полонского, скульптор, автор бронзового бюста на могиле Тургенева в Петербурге, а также памятника Пушкину в Одессе (см.: Н. Н. Фонякова. Скульптор Ж. А. Полонская. *Тургенев, Сб.*, вып. III, стр. 279—292). Дети Полонских: Александр (1868—1934), Наталья (в замуж. Елачич) (1870—1929), Борис (1875—1923).

[9] Имеется в виду постановка «Школы гостеприимства».

[10] Григорович пробыл в Спасском пять дней, с 27 июня по 2 июля 1881 г. (см.: И. С. Тургенев у себя, в его последний приезд на родину. Из воспоминаний Я. П. Полонского. «Нива», 1884, № 3, стр. 68, и № 4, стр. 91).

Б. Н. Капелюш

ПИСЬМО М. РАФАЛОВИЧ К К. ТУРГЕНЕВОЙ О ТУРГЕНЕВЕ

Автор публикуемого письма, Мари Рафалович, — жена Артура (Артемия) Германовича Рафаловича, крупного специалиста экономиста, в ранней молодости выехавшего из России и получившего образование в Париже и в Бонне. В Париже Рафаловичи неоднократно встречались с Тургеневым в доме декабриста Н. И. Тургенева, об этом свидетельствуют дневники дочери декабриста, Ф. Н. Тургеневой (о Рафаловиче и о встречах Тургенева с ним и с его женой см.: *Лит. насл.*, т. 76, стр. 358—414).

Из имевшейся переписки парижских Тургеневых с семейством Рафалович сохранилось лишь одно (приведенное ниже) письмо. Оно представляет интерес тем, что автор его, Мари Рафалович, говоря о достоинствах речи Тургенева по поводу открытия памятника Пушкину в Москве, является в то же время автором перевода речи (возможно, первого), посылаемого ею не знающей русского языка Кларе Тургеневой. Текст перевода написан неизвестным лицом (*ИРЛИ*, ф. 309, № 4586).

Дата в письме отсутствует, но почтовый штемпель на конверте — «Bougival 26 j‹u›ll‹e›t», — согласуясь с дневниковой записью Ф. Н. Тургеневой о поступлении 26 июля 1880 г. на имя матери письма г-жи Рафалович (письма, несомненно написанного в Париже), позволяет датировать его предположительно 25 июля 1880 г. (см. дневник Ф. Н. Тургеневой с регистрацией полученных писем: *ИРЛИ*, ф. 309, № 4611).

Письмо М. Рафалович публикуется по подлиннику (*ИРЛИ*, архив братьев Тургеневых, ф. 309, № 4587).

Samedi.

Chère Madame,

Je me suis amusée à traduire le discours prononcé par Ivan Tourguénef à l'inauguration du monument de Pouchkine. Aucun journal ne l'avait donné; le Vestnik Evropi nous le porte maintenant.[1] Peut-être aura-t-il quelque intérêt pour vous, malgré la barbare traduction.

La prose si merveilleusement ciselée et travaillée de Monsieur votre cousin est diablement difficile à rendre. La pensée est fuyante et glisse à travers les ondes transparantes avec une agilité incomparable. Son style a un parfum si subtil et si délicat qu'une main maladroite peut le faire évaporer en le transvasant dans une autre langue.

La visite de Fanny, celle de M. Albert nous ont fait un plaisir bien sensible; soyez en remerciée, chère Madame, et recevez mes plus affectueux souvenirs.

Marie Raffalovitch.

Que j'aurai voulu voir le buste de Fanny.

Перевод

Суббота.

Дорогая Madame,

Я с удовольствием перевела речь, произнесенную Иваном Тургеневым на открытии памятника Пушкину. Ни одна газета ее не дала. Теперь нам ее доставил «Вестник Европы». Быть может, она представит для вас какой-то интерес, невзирая на варварский перевод.

Проза вашего кузена, так чудесно отчеканенная и отработанная, дьявольски трудна для передачи. Убегающая мысль скользит сквозь прозрачные волны с несравненной легкостью. Его стиль обладает таким тонким, таким деликатным ароматом, что неловкая рука, переливая на другой язык, может заставить его испариться.

Визиты Фанни и г. Альбера доставили нам чувствительнейшее удовольствие; благодарствуйте, дорогая Madame, и примите мои самые сердечные признания.

Мари Рафалович.

Как мне хотелось бы увидеть бюст Фанни!

[1] «Вестник Европы», 1880, № 7, стр. IV—VIII.

М. П. Султан-Шах

ТУРГЕНЕВ В ПИСЬМАХ В. В. ВЕРЕЩАГИНА К А. Ф. ОНЕГИНУ

Замечательный русский художник В. В. Верещагин (1842—1904) общался с Тургеневым уже в последние годы его жизни. Их знакомство состоялось в ноябре 1878 г., когда Тургенев посетил Верещагина в его уединенной мастерской в окрестностях Парижа, и поддерживалось встречами и перепиской до самой смерти писателя (см. об этом: В. В. Верещагин. Очерки, наброски, воспоминания. СПб., 1883, стр. 127—141). Сохранившиеся из их переписки два письма Верещагина и одно — Тургенева опубликованы И. С. Зильберштейном в его статье «Тургенев и художник В. В. Верещагин» (*Лит. насл.*, т. 73, кн. 1, стр. 302—303, 306, 321).

Упоминания о Верещагине и его картинах содержатся в письмах Тургенева ко многим корреспондентам. Как отмечает И. С. Зильберштейн, «ни о ком из тех, кто составлял гордость тогдашней русской школы живописи, Тургенев не писал с такой теплотой, никого не ценил так высоко, как Василия Васильевича Верещагина» (там же, стр. 291).

Писатель принял живейшее участие в организации двух выставок Верещагина в Париже, в 1879 и 1881 гг. Перед открытием первой из них Тургенев в письме к редактору «Le XIX Siècle», которое было напечатано в этой газете, представил Верещагина парижанам. Это письмо — наиболее полный и развернутый отзыв Тургенева о художнике (текст его см.: *Лит. насл.*, т. 73, кн. 1, стр. 335; см. также: *Сочинения*, т. XV, стр. 181—183).

Верещагин посвятил Тургеневу специальный очерк в своей книге «Очерки, наброски, воспоминания», вышедшей после смерти писателя.

Публикуемые письма Верещагина хранятся в архиве Пушкинского дома АН СССР (*ИРЛИ*, 28812.CCVI6.32). Они обращены к многолетнему и близкому знакомому Тургенева А. Ф. Онегину (1845—1925), исполнявшему в последние годы жизни писателя обязанности его секретаря (об А. Ф. Онегине см.: *Письма*, т. VIII, стр. 596; И. Чистова. О прототипе главного героя романа И. С. Тургенева «Новь». «Русская литература», 1964, № 4, стр. 174—177). В своей книге Верещагин упоминает о том, что Тургенев «однажды привез и представил своего приятеля Онегина, который потом, во время последней болезни, чаще всех нас навещал его» (Очерки, наброски, воспоминания, стр. 131). Тургенев познакомил Онегина с Верещагиным. Тургенев, как об этом свидетельствуют публикуемые письма, был главным связующим звеном в отношениях между этими людьми.

1

Maisons Laffitte.

26 июня 1883.

Благодарю Вас за книжку. Немногие из «стихов в прозе» хороши, больше слабых. Не ахти также и повесть «Клара», по моему мнению, ее нельзя сравнивать с лучшими работами дорогого Ивана Сергеевича.[1]

Впрочем, у всякого свои вкусы, один другому не указчик, кто любит арбуз, а кто — свиной хрящик.

До свидания.

В. Верещагин.

[1] Аналогичный отзыв о повести «Клара Милич» и о «Стихотворениях в прозе» содержится и в очерке Верещагина «И. С. Тургенев. 1879—1883». Говоря о том, что Тургенев незадолго до смерти задумал и начал писать новый роман «с отзывом на движение мысли русской молодежи послед-

него времени», Верещагин отмечает: «Судя по последним работам, включая сюда и „Клару Милич“, надобно думать, что вряд ли талант автора „Отцов и детей“ поднялся бы до прежней высоты. Конечно, встречается и в последних вещах много прекрасных мыслей, мастерских набросков, но, в общем, все-таки создания не имеют ни прежней тихой, ласкающей прелести, ни прежней свежести, нерва жизни. Впечатление небольших его вещей, например „Стихотворений в прозе“, по большей части удручающее; так и слышится везде фраза, сказанная им мне однажды на вопрос, каково состояние его духа: „начинаю чувствовать глухой страх смерти!“» (В. В. Верещагин. Очерки, наброски, воспоминания. СПб., 1883, стр. 132).

2

12 сентября 1883.

Конечно, запишите меня в число участников складчины и скажите, сколько внести.[1] — Найдя Тургенева в агонии,[2] я вспомнил о 2-х его приятелях — Вас и кн. Орлове[3] — и обоим послал телеграммы, которые, конечно, опоздали, тем более, что в Rueuil[4] телеграфа нет. Посылать телеграмму в Питер, в газеты, показалось мне не моим делом, немножко нескромностью с моей стороны.

Кто наследники? В последнее свидание покойник жаловался на себя, зачем не успел распорядиться именьем своим.

Сообщите пожалуйста адрес доктора Белоголового.

Черкните не в Maisons Laffitte, а в *Auteuil*, Paris, villa Exelmans. 35 boulevard Exelmans — это больница, в которой я лечусь.

Вас уважающий

В. Верещагин.

[1] Речь идет о серебряном венке, возложенном на гроб Тургенева «Обществом взаимного вспоможения и благотворительности русских художников в Париже». См. об этом выше в статье Л. И. Кузьминой «Посол от русской интеллигенции» (стр. 280).

[2] Об этих последних часах жизни Тургенева Верещагин рассказал в своем очерке «И. С. Тургенев. 1879—1883» (Очерки, наброски, воспоминания. СПб., 1883, стр. 140—141).

[3] Речь идет о русском после в Париже, князе Николае Алексеевиче Орлове (1827—1885), давнем знакомом Тургенева.

[4] Rueuil (Рюэль) — городок в окрестностях Парижа, близ Буживаля.

3

14/2 сентября 1883.

Вы не пишете, какой венок заказываете, великий или малый?[1] Так как я могу уехать, то посылаю *500* франков, что придется по складчине — положите на венок, остальное отдайте на стипендии или школу.[2]

Вас уважающий

В. Верещагин.

[1] См. примеч. 1 к предыдущему письму.

[2] О стипендии имени Тургенева см. в указанной выше статье Л. И. Кузьминой (стр. 281).

4

‹25 сентября 1883›

Белоголового[1] видел, merci, только он не в Жерменском квартале, а на той стороне.

Не знаю, надобно ли ему заплатить за консультацию. Как бы не рассердился. Тургенев платил ему или нет? Он очень милый и любезный человек. Не знаете ли адрес акварелиста Вилье? того, что военный.[2]

В. Верещагин.

Датируется на основании почтового штемпеля.

[1] Николай Андреевич Белоголовый (1834—1895) — врач и писатель; лечил Некрасова, Тургенева, Салтыкова-Щедрина; автор «Воспоминаний».

[2] Михаил Яковлевич Вилье (Виллие) (1838—1911) — акварелист; до 1862 г. свои занятия живописью совмещал с военной службой. Знакомый и корреспондент Тургенева (см.: *Письма*, т. XII, кн. 2).

5

‹Ранее 7 (19) декабря 1883 г.›

Правда ли, что собирают деньги на памятник Тургеневу?[1] Правительство не дозволит этого и непременно замнет дело; не лучше ли собрать денег еще на школу или на стипендию одну, две, три... в техническое училище для крестьянских детей, которых так *жалел* покойный? — черкните, я пришлю свои гроши.

В. В.

Auteuil, villa Exelmans maison de Santé.

Датируется по связи с последующим письмом.

[1] Сведений об этом неосуществившемся намерении живших в Париже русских найти не удалось.

6

19/7 декабря 1883.

Пожалуйста, Александр Федорович, пошлите мне 400 франков, что назначены мною на памятник Тургеневу, — ни о каком памятнике теперь и речи не может быть, не дозволят. Посылаю Вам книжку мою, совершенно извращенную цензурою; не только страницы, целые печатные листы были вычеркнуты нахальным красным карандашом цензора; мне сделали особенную честь, цензуровали два раза, так что местами я не успел восстановить смысл. — Найдете несколько строк об И. С.[1]

Вас уважающий

В. Верещагин.

400 франков мои адресуйте Maisons Laffitte.

Последние пять лет Тургенев получал средним числом по 33 000 рублей в год, а умер нищим, не имеющим своего угла! Voilà ce qui est fort.[2]

[1] Речь идет о книге Верещагина «Очерки, наброски, воспоминания», в которой был помещен очерк «И. С. Тургенев. 1879—1883». В частности, в этом очерке цензурой были вычеркнуты два отрывка — о встрече Верещагина у Тургенева с П. Л. Лавровым и о предисловии Тургенева к очерку И. Я. Павловского «En cellule», напечатанному в газете «Le Temps». Эти отрывки содержатся во французском издании книги Верещагина (см. об этом в статье: И. С. Зильберштейн. Тургенев и художник В. В. Верещагин. *Лит. насл.*, т. 73, кн. 1, стр. 320—321).

[2] Вот что поразительно (*франц.*).

7

20/8 декабря 1883.

Зачем же Вы говорили прошлый раз, что деньги лежат без дела, говорили, лучше возьмите? — вот я и взял. — Подпись на книжке должна быть, помнится, будто я делал! [1]

Вас уважающий

В. Верещагин.

Жена моя кланяется Вам.

[1] См. предыдущее письмо.

8

‹10 декабря 1884 г.›

Тургенева пьеса «Месяц в деревне» дана была в Венском Burg Theater и несмотря на блистательную игру провалилась — к моему мнению о слабости театра И. С.

В. В.

Датируется по штемпелю городской почты на открытке.

Н. С. Никитина

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ И СОКРАЩЕНИЯ

Обозначения

[ ] — зачеркнутый в автографе текст заключен в прямые скобки.

‹*2 нрзб.*› — в тех случаях, когда в автографе остаются неразобранные слова, в ломаные скобки заключается цифра, указывающая количество этих слов (свыше одного), и сокращенное слово: *нрзб.*

‹ › — слова, пропущенные в автографе, части недописанных слов, восстанавливаемых по смыслу, и другие редакторские добавления, вводимые в публикуемые тексты, печатаются в ломаных скобках.

‹?› — после предположительно прочитанного слова или предположительной даты ставится вопросительный знак в ломаных скобках.

‹- - -› — слова, неудобные для печати, независимо от их количества, обозначаются тремя дефисами в ломаных скобках.

‹. . .› — пропуски в тексте, сделанные редактором, обозначаются тремя точками в ломаных скобках.

◇ — этим знаком обозначаются варианты, окончательные для данного рукописного источника, но не совпадающие с основным текстом.

∞ — этим знаком заменяется опущенная часть текста.

Сокращения

Анненков — П. В. Анненков. Литературные воспоминания. Гослитиздат, М., 1960.

Антокольский — Марк Матвеевич Антокольский, его жизнь, творчество, письма и статьи. Под ред. В. В. Стасова. СПб.—М., 1905.

БА — беловой автограф.

Белинский — В. Г. Белинский, Полное собрание сочинений, тт. I—XIII, Изд. Академии наук СССР, М., 1953—1959.

Боткин и Тургенев — В. П. Боткин и И. С. Тургенев. Неизданная переписка 1851—1869. По материалам Пушкинского дома и Толстовского музея. Приготовил к печати Н. Л. Бродский. «Academia», М.—Л., 1930.

ГБЛ — Государственная библиотека СССР имени В. И. Ленина (Москва).

Герцен — А. И. Герцен, Собрание сочинений в тридцати томах, тт. I—XXX, Изд. Академии наук СССР, М., 1954—1964.

ГИМ — Государственный исторический музей (Москва).

ГПБ — Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград).

ГРМ — Государственный Русский музей (Ленинград).

ГТГ — Государственная Третьяковская галерея (Москва).

Добролюбов — Н. А. Добролюбов, Собрание сочинений в девяти томах, тт. 1—9, Гослитиздат, М.—Л., 1961—1964.

Звенья — Звенья. Сборник материалов и документов по истории литературы, искусства и общественной мысли XIX—XX вв., под ред. В. Д. Бонч-Бруевича, А. В. Луначарского и др., тт. I—IX. «Academia», М.—Л., 1932—1951.

ИРЛИ — Институт русской литературы (Пушкинский дом) Академии наук СССР (Ленинград).

Клеман, Летопись — М. К. Клеман. Летопись жизни и творчества И. С. Тургенева. Ред. Н. К. Пиксанова. «Academia», М.—Л., 1934.

Клеман. Хронолог. указ. — М. Клеман. Хронологический указатель литературных работ и замыслов И. С. Тургенева. — В кн.: «И. С. Тургенев. Сборник статей», ГИХЛ, Л., 1934, стр. 329—387.

Лит. арх. — «Литературный архив. Материалы по истории литературы и общественного движения», тт. 1—6, Изд. Академии наук СССР, М.—Л., 1938—1961 (Институт русской литературы (Пушкинский дом) Академии наук СССР).

Лит. насл. — «Литературное наследство», т. 1—, Изд. Академии наук СССР — «Наука», М., 1931. — (Издание продолжается).

Музей Тургенева — Государственный музей И. С. Тургенева; там же находится архив И. С. Тургенева (Орел).

НР — наборная рукопись.

ПД, Описание — Описание рукописных и изобразительных материалов Пушкинского дома. Вып. IV. И. С. Тургенев. Изд. Академии наук СССР, Л., 1958.

Писарев — Д. И. Писарев, Сочинения в четырех томах, Гослитиздат, М., 1955—1956.

Письма — И. С. Тургенев, Полное собрание сочинений и писем в двадцати восьми томах. Письма в тринадцати томах, т. I—XIII. Изд. Академии наук СССР — «Наука», М.—Л., 1961—1968.

Революционеры-семидесятники — И. С. Тургенев в воспоминаниях революционеров-семидесятников. Собрал и комментировал М. К. Клеман. «Academia», М., 1930.

Русские Пропилеи — Русские Пропилеи. Материалы по истории русской мысли и литературы, т. III. Собрал и приготовил к печати М. Гершензон. М., 1916.

Сб. ПД 1923 — «Сборник Пушкинского дома на 1923 год». Пгр., 1922.

Сочинения — И. С. Тургенев, Полное собрание сочинений и писем в двадцати восьми томах. Сочинения в пятнадцати томах, т. I—XV. Изд. Академии наук СССР — «Наука», М.—Л., 1960—1968.

Стасюлевич — М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке. Под ред. М. К. Лемке. Тт. I—V. СПб., 1911—1913.

Толстой — Л. Н. Толстой, Полное собрание сочинений, под общ. ред. В. Г. Черткова, тт. 1—90, Гослитиздат, М.—Л., 1928—1958.

Тургенев, Первое собрание писем — И. С. Тургенев, Первое собрание писем, 1840—1883 гг., изд. Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым, СПб., 1884 (на обложке: 1885).

Тургенев, Сб. — Тургеневский сборник. Материалы к полному собранию сочинений и писем И. С. Тургенева. Вып. I—III. Изд. «Наука», М.—Л., 1964, 1966 и 1967.

Тургенев, Сб. (Алексеев) — «И. С. Тургенев (1818—1883—1958)», статьи и материалы, под ред. акад. М. П. Алексеева, Орел, 1960.

Тургенев, Собр. соч. — И. С. Тургенев, Собрание сочинений в двенадцати томах, тт. 1—12, Гослитиздат, М., 1953—1958.

Тургенев, Соч. — И. С. Тургенев, Сочинения, под ред. К. Халабаева и Б. Эйхенбаума, тт. I—XII, ГИХЛ, М.—Л., 1928—1934.

Тургеневский сб. (Пиксанов) — «Тургеневский сборник», изд. «Огни», Пгр., 1915 (Тургеневский кружок под руков. Н. К. Пиксанова).

Фет — А. А. Фет. *Мои воспоминания. 1848—1889*, чч. I—II, М., 1890.

ЦГАЛИ — Центральный государственный архив литературы и искусства (Москва).

ЦГАОР — Центральный государственный архив Октябрьской революции (Москва).

ЦГИА — Центральный государственный исторический архив СССР (Ленинград).

Чернышевский — Н. Г. Чернышевский, Полное собрание сочинений в 15 томах, тт. I—XVI (доп.), Гослитиздат, М., 1939—1953.

ЧА — черновой автограф.

Щедрин — Н. Щедрин (М. Е. Салтыков), Полное собрание сочинений, тт. I—XX. Гослитиздат, 1933—1941.

Щукинский сб. — «Щукинский сборник», вып. I—X. М., 1902—1912.

Bibl. Nat. — Национальная библиотека (Париж).

Flaubert, Correspondance. Suppl. — G. Flaubert. Œuvres complètes. Correspondance. Supplément (1830—1880). Paris, 1954, tt. 1—4.

Mazon — Manuscrits parisiens d'Ivan Tourguénew. Notices et extraits par André Mazon. Paris, 1930.

Mérimée — Prosper Mérimée. Correspondance générale. Etablie et annotée par Maurice Parturier. I série, tt. 1—6. Paris, «Le Divan»; II série, tt. 1—9. Toulouse, Privat.

Passenans — M. P. D. de Passenans. La Russie et l'esclavage dans leurs rapports avec la civilisation Européenne ou l'influence de la servitude sur la vie domestique des russes, sur leur existence civile, morale et politique et sur les destinées de l'Europe, tt. I—II. Paris, 1822.

УКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ И. С. ТУРГЕНЕВА

«Андрей» 227
«Ася» 5—65, 160, 224
«Бежин луг» 215, 241, 257
«Бирюк» 215, 313
«Бригадир» 171
«Бурмистр» 216, 313
«Весенний вечер» («Im April», слова Э. Гейбеля) 201—203, 227
«Вешние воды» 150, 182—188, 349, 358
«Воспоминания о Белинском» 178
«Гамлет и Дон-Кихот» 92
«Гоголь» 182
«Два помещика» 216
«Дворянское гнездо» 146—155, 157, 158, 217, 223, 377
«Довольно» 370—372
«Дым» 150, 162—167, 178, 288, 339, 340, 341
«Ермолай и мельничиха» 214, 215
«Живые мощи» 98
«Загубленная жизнь» (Из Р. Поля) 200
‹«Записка 1857 г. о крепостном праве»› 107—144
«Записки охотника» 97—103, 150, 157, 182, 212—214, 216, 220, 222, 241, 257, 335—337, 342, 353, 371; см. также: «Бежин луг», «Бирюк», «Бурмистр», «Два помещика», «Ермолай и мельничиха», «Касьян с Красивой Мечи», «Конец Чертопханова», «Лебедянь», «Лес и степь», «Льгов», «Малиновая вода», «Мой сосед Радилов», «Однодворец Овсяников», «Певцы», «Свидание», «Смерть», «Стучит!», «Хорь и Калиныч»
«Землеед» 103—107
«Из-за границы. Письмо первое» 66—78
«Касьян с Красивой Мечи» 213, 214, 244
«Клара Милич» («После смерти») 223—231, 408, 409
«Конец Чертопханова» 98
«Лебедянь» 182, 185
«Лес и степь» 215
«Лесная тишь» (Из Р. Поля) 200
«Литературные и житейские воспоминания» 79, 177; см. также: «Воспоминания о Белинском», «Гоголь», «Литературный вечер у П. А. Плетнева», «Наши послали!», «По поводу „Отцов и детей“», «Человек в серых очках».
«Литературный вечер у П. А. Плетнева» 79—83
«Льгов» 215
«Людоед» 204
«Малиновая вода» 215, 216
«Мой сосед Радилов» 245
«Муму» 257, 259
«Накануне» 149, 218, 223, 248, 288
«На твой балкон...» 206
«Наши послали!» 86
«Несколько замечаний о русском хозяйстве и русском крестьянине» 109
‹«Несколько мыслей о современном значении русского дворянства»› 155—162
«Новь» 150, 151, 183, 185, 218, 221, 331, 364, 408
«Ночь и день» (Из Э. Тюркети) 192, 298
«Однодворец Овсяников» 100, 101
«Ожидание» (Из Р. Поля) 201

«Отцы и дети» 150, 151, 177—182, 216, 220, 222, 237—239, 338, 339, 342, 351, 377, 409
«Отчаянный» 219—222, 283, 288
«Параша» 93—97
«Певцы» 214, 216, 241, 248
«Первые представления оперы г-жи Виардо в Веймаре» 199
«Перед судом» (Из Гете) 198
«Песнь торжествующей любви» 289
«Письмо из Петербурга» 144—145 («письмо Тургенева о смерти Н. В. Гоголя»)
«Повести, сказки и рассказы Казака Луганского», рецензия 241
«Помещик из немцев» см. «Русский немец»
«По поводу „Отцов и детей“» 84, 177—182, 321
«Последний колдун» 204—206
«После смерти» см. «Клара Милич»
«Постоялый двор» 250
«Призраки» 383 («повесть фантастическая»), 384—387, 389
«Разговор» 93—97
«Реформатор и русский немец» 97—103
«Рудин» 150, 217, 223, 290, 340
«Русский немец» 98—103
«Русский немец и реформатор» 97—103
«Садовник» (Из Э. Мёрике) 197—198, 206
«Свидание» 214, 215
««Семейство Аксаковых и славянофилы»» 178, 179
«Синица» 193
«Слепец» («Der Nachtwandler», слова Р. Поля) 201, 202
«Смерть» 102
«Собака» 394, 396
«Солдатская песня» («Die Soldatenbraut», слова Э. Мёрике) 201, 202
«Степной король Лир» 347
«Стихотворения в прозе» 152, 244; см. также: «Сфинкс»
«Стоит погода злая!» (Из Гейне) 197, 198.
«Странная история» 181
«Стук... стук... стук!...» 349
«Стучит!» 98
«Сфинкс» 227
«Финская песня» (слова Гете) 201—203
«Хорь и Калиныч» 157, 212—214, 241
«Часы» 362
«Человек в серых очках» 86—92
«Что за погода злая» см. «Стоит погода злая!» (Из Гейне)
«Alexandre III» 207
«Belle aux cheveux de jais...» 205, 206
«Das Vöglein», перевод стихотворения Пушкина «Птичка божия не знает...» 192

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

А. Н. см. Чернышевский А. Н.
Абаза А. А. 110, 118, 210, 211
Абаза Ю. Ф. 202
Авдеев М. В. 6, 178, 182, 354, 365
Авенариус В. П. 339
Аверкиев Д. В. 392
Авл Геллий 187, 188
Адлерберг А. В. 274
Азадовская Л. В. 204
Азадовский М. К. 163, 203, 241, 244, 245
Аксаков И. С. 162, 232, 238, 239, 245, 246, 249, 284
Аксаков К. С. 114, 115, 243—246
Аксаков С. Т. 244—246, 394, 395
Аксаковы 114
Аларик (Alaric), король 123, 135
Александр (Alexandre) I, имп. 124, 136, 257
Александр (Alexandre) II, имп. 121, 132, 133, 144, 210, 254
Александр III, имп. 207—212, 273, 301
Алексеев М. П. 150, 152, 189—204
Алексей Михайлович, царь 124 («Alexis Ier»), 136 («Алексей I»)
Алифанов А. Т. («Афанасий») 370, 371, 383, 387, 393
Альбини Н. А. 262, 267
Анна Иоанновна, имп. 124 («Anne»), 136 («Анна»)
Анненков П. В. 6, 87, 97, 103, 165, 178, 199, 206, 239, 248, 252, 258, 283, 284, 292, 344, 347, 348, 352, 353, 356, 357, 359, 364, 365, 396
Антокольский М. М. 208, 274, 276—282
Антонова Г. Н. 146—150
Антонович М. А. 181, 377
Аншетт М. 344, 352, 365
Апраксин В. В. 232, 235, 236, 269, 371
Аракчеев А. А. 144
Арапетов И. П. 355, 360, 365
Аргамакова О. В. 241, 242
Аристотель (Aristote) 127, 139
Арменжон (Arminjon) Ж.-В. 300, 367
Ауэрбах Б. 167—177
Афанасьев А. Н. 104, 106, 247, 248

Б. Т. см. Тюнеев Б.
Б—ов А. К. 395
Бакунин Александр А. 233 («Бакунины»)
Бакунин Алексей А. 233 («Бакунины»)
Бакунин М. А. 112, 156
Балашов З. Ф. 393, 396
Балашов О. З. 242
Банг Г. 152
Баратынский Е. А. 79
Барбье О. 191
Барменский 233
Барсов Е. В. 247
Бартенев П. И. 79, 80, 371
Батюто А. И. 177—182, 332
Батюшков Ф. Д. 300, 301, 303—305
Башкатов 233
Беггров 405
Беггров А. И. 281
Бедный Д. 225
Безобразов В. П. 159, 234
Безыменский А. А. 225
Белавина Э. Я. 293
Белинский В. Г. 83, 94—97, 156, 163, 178, 233, 331
Белоголовый Н. А. 410, 411
Белокопытова А. С. 375 («Анна Семеновна»), 376
Беляев А. Н. 296

Бенедиктов В. Г. 80, 82
Берг Н. В. 250
Бергамаско К. И. 386
Бергер Р. 334
Бере Б.-Э. 350, 352, 365
Берлиоз Г. 193
Бернар С. 154
Бернард М. 201
Бернс Р. 195
Берс А. Е. 394 («Бернс»), 396
Бертенсон В. Б. 325
Бертенсон Л. Б. 325
Бессель В. 201
Бессонов П. А. 246—248
Бестужев-Марлинский А. А. 82
Бетховен Л. ван 253, 258
Бизли (Beesly) Э. 285
Битюгова И. А. 79—83
Благодарев В. И. 335
Бларамберг Е. И. 241, 306, 360
Блинчевская М. Я. 115
Блудов Д. Н. 119
Блумауер Ф. 183
Боборыкин П. Д. 275, 344, 358, 365
Богданович-Лутовинова В. Н. см. Житова В. Н.
Боголюбов А. П. 208, 270—274, 276—282
Боголюбов Е. А. 213, 217
Боденштедт Ф. 193—196
Бойесен Х. 364, 365
Бойчевский И. А. 183
Бом (La Beaume) Ж. ла 120
Борис Годунов (Boris Godounoff) 125, 137
Борисов И. П. 178, 237, 345, 346, 365, 369—407
Борисов П. И. («Петрушка», «Петя») 370, 372, 378, 381, 383, 384—387, 389, 395—397
Борисова (рожд. Шеншина) Н. А. («жена», «Надя») 370, 371, 378, 386
Бородин А. П. 223, 224
Борщак И. 362
Боткин В. П. («Василий Петрович») 6, 258, 259, 375—381, 383, 384, 389, 391, 393, 398, 404, 406
Боткин Д. П. 371
Боткин С. П. 322, 323
Боткины, семья 370, 371
Брандес (Brandes) Г. 150—155
Брандуков А. А. 289
Брант Л. В. 109
Брейткопф 191
Бродская (Brodsky) А. Л. 298—299
Бродский А. Д. 298—299
Бродский Н. Л. 103, 296
Брок П. 323
Брюллов К. П. 82
Брюллов П. А. 278
Брюсов В. Я. 182, 183
Брюэр («отец Гастона») 344, 349, 365
Брюэр Г. 344, 349, 365
Брюэр Ж. 359
Брюэр (рожд. Тургенева) П. 243 («Полина») 348, 349, 351, 359, 365
Буданова Н. Ф. 299—321
Булашов Г. О. 105
Булгарин Ф. В. 109, 111, 144, 145, 333
Бунин Н. Г. 293, 296—298
Бурдин Ф. А. 239
Бурж (Bourges) М. 190
Бурнашев 233
Бьёрнсон Б. 151, 364
Бюлоз Ф. 347
Бюлоз Ш. 346, 347, 362, 365

В. К. См. Карцов В. С.
Вагнер Р. 199
Валуев П. А. 240
Ван-Дейк (Van-Dyck) А. 7
Варпаховский И. П. 344, 354, 366
Василевский И. Ф. 330, 332
Василенко (в замуж. Левитон) М. Л. 289
Васильев Н. 395
Васильев П. П. 313
Васнецов В. М. 276
Введенский А. И. 283, 288—290
Вебер К.-М. 190
Векслер Д. 361
Веласкес (Velasquez) Д.-Р. 7
Венгеров С. А. 361, 366
Вергилий 176, 182—186, 188
Веревкин 382
Верещагин В. В. 276, 281, 408—411
Виардо К. см. Шамро К.
Виардо Л. 107, 108, 110—120, 129, 141, 326, 327, 345, 366, 371
Виардо М. 344, 345, 366
Виардо (Viardot, рожд. Гарсиа) Полина 110, 114, 167, 171, 189—205, 244, 245, 249, 258, 259, 289, 296, 299, 323, 325—333, 344, 346, 354, 366, 367, 389
Виардо Поль 323
Вигель Ф. Ф. 388, 390, 394
Виленкин Н. М. см. Минский Н.
Виллие М. Я. см. Вилье М. Я.
Вильдер (Wilder) В. ван 204
Вилье (Виллие) М. Я. 276, 410
Вильчинский В. П. 328—329, 335—343
Витали И. П. 296

Витте С. Ю. 209
Владимир Александрович, вел. кн. 271, 274
Владимир Мономах (Wladimir le Grand), вел. кн. киевский 123, 135
Владиславлев В. А. 80, 81
Воейков А. Ф. 80, 81
Волков Г. 380
Вольтер Ф.-М.-А. 90
Вольф Г. 197
Воропонов 285
Вревская Ю. П. 339, 354, 363, 365, 366
Всеволожский А. В. 295
Всеволожский И. А. 402
Всеволожский Н. В. 295, 402
Всеволожский Н. Н. 401, 402
Вызинский Г. В. 159
Вырубов Г. Н. 286, 292, 352
Вышнеградский Н. А. 322
Вяземский П. А. 199

Гаевская Е. Н. 398
Гаевский В. П. 279, 294—296, 331, 353, 366, 398
Гайдебуров П. А. 344, 362, 366
Гайдн И. 191
Гакстгаузен (Haxthausen) А. 122, 130, 133, 134, 136, 141
Ганка В. 367—368.
Гарсиа М., отец 199, 327
Гарсиа П. см. Виардо П.
Гартман Л. 278
Гартман М. 195
Гейбель Э. 201, 203, 204
Гейзе П. 150, 358, 366
Гейне Г. 196, 197, 200, 263, 266
Генрих (Henri) IV 124, 136
Героньер (Guéronnière) А. де ла 86, 87
Гертель 191
Герцен А. И. 87, 88, 90, 112, 113, 116, 148, 149, 162, 178, 257, 299, 326
Герцен Н. А. 322, 326
Герцен О. А. 322, 326
Гершензон М. О. 201
Гете И.-В. 177, 181, 196, 198, 201—204, 221, 227
Гинцбург Г. О. 274, 276, 281
Гитлиц Е. А. 270—275, 277, 282
Глаголев А. 186
Гладков Ф. В. 218
Глазунов А. К. 229
Глазунов И. И. 209
Глинка М. И. 82, 228
Гоголь Н. В. 79, 82, 83, 144, 145, 212, 224, 257, 335, 339, 343, 377
Голицын, кн. 382
Голованова Т. П. 155—162
Головачев А. А. 283
Головнин А. В. 87, 161, 247
Гомер (Homere) 127, 139
Гондебальд (Гондебо, Gondebaud) король 123, 135
Гонкур Э. де 241, 242
Гончаров И. А. 6, 195, 196, 288, 398
Горбунов И. Ф. 297
Гордон г-жа 91
Горький М. 334
Госсе Э. 150
Готье М. 402
Готье (Gautier) Т. 116, 204
Гофман М. Л. 327
Граббе 109
Гранжар (Granjard) А. 91, 170
Грановский Т. Н. 233
Гребенка Е. П. 80, 81
Гребенщиков В. 240
Греч Н. И. 145
Грибовский П. М. 354
Грибоедов А. С. 338
Григ Э. 298
Григорович, жена Д. В. Григоровича 399
Григорович Д. В. 6, 241, 249, 328, 340, 395, 398—406
Григорьев А. А. 388, 390, 394, 395
Григорьев В. В. 233
Гринберг Л. Г. 174
Громов В. А. 93—97, 162, 232—240, 293—298, 384
Грот К. Я. 252
Грузинский А. Е. 170
Грюцнер (Grutzner) П.-Ф.-Ф. 326
Губер Э. И. 80, 81
Губернатис С. П. де 352, 366
Гулевич А. М. 235
Гуревич С. И. 289
Гурьев А. Д. 110, 118
Гурьев Н. Д. 110, 118
Гусев Н. Н. 257
Гюисманс Ж. 323

Давиденко А. А. 225
Даль В. И. 241, 247—249
Данилов Кирша см. Кирша Данилов
Дегай А. П. 262, 263, 268
Дельвиг А. А. 79
Ден Т. П. 107—144, 167
Державновский В. 231
Дехтерев В. Г. 344, 357, 366
Диккенс Ч. 258, 375, 376
Дмитриев-Оренбургский Н. Д. 208, 274, 276, 278, 281
Дмитрий (Dmitri), царевич 125, 137
Дмитрий, крестьянин 118
Дозе Ф. А. 335

Дорнахер (Dornacher) К. 167, 169, 170
Добролюбов Н. А. 92, 149, 184, 331, 337, 373, 374
Дорэ Г. 249
Достоевский Ф. М. 219, 221, 288, 299, 335, 340, 395
Драгоманов М. П. 249
Дрентельн А. Н. 259—263, 266, 268
Дружинин А. В. 6, 184, 385, 386, 406
Дудышкин С. С. 147, 148
Дункер М. 159
Дьяков Д. А. 394, 395
Дьякова Д. А. 394, 395
Дюамель Ж. 334
Дювернуа А. 249, 289, 329
Дюкан М. 116
Дюкре П. см. Пассенан
Дюма А., сын 402
Дюпре Ж.-Л. 199
Дюран Э. (псевдоним — Дюран-Гревиль) 349, 366

Е. П. К.—а см. Кавелина Е. П.
Евгения Монтико 143
Егунов А. Н. 182—188, 197
Екатерина (Catherine) II, имп. 124, 136, 256
Елагина Е. 238
Елизавета Петровна (Elisabeth), имп. 124, 136
Ергольская Т. А. 370 («Татьяна Александровна»), 371
Еропкина Н. М. («Надежда Михайловна») 252—254, 256, 259

Жаклар (рожд. Корвин-Круковская) А. В. 207 («сестра Софьи Ковалевской»)
Жаклар В. 207
Жемчужников А. М. 6
Жедринский 233
Жирар 191
Жирмунский В. М. 198, 202
Житова (в замуж. — Богданович-Лутовинова) В. Н. 93
Жуковский В. А. 79, 133, 257
Жуковский П. В. 327, 355, 356, 359

Забелин И. Е. 114, 115
Заборова Р. Б. 197, 322—327, 371
Заичневский П. Г. 239
Закс Е. М. 170
Зееген И. 344, 354, 366
Зильберштейн И. С. 278, 293, 408, 411
Зимин С. И. 230
Зиновьев 99
Зиновьев П. В. 110
Златовратский Н. Н. 287, 288
Золотницкий И. П. 361, 366
Золя Э. 154, 355, 365, 366
Зубарев Г. 403
Зубова М. Н. 243, 347, 366, 368
Зыбин К. 377
Зыбина В. К. 377
Зыбина С. А. 377

Иван (Ivan) III Васильевич, царь 123, 135
Иванов М. 344, 364, 366
Иванова А. Е. 243 («Авдотья Ермолаевна»)
Измайлов Н. В. 367—368
Иловайская (рожд. Сомова) Е. С. 251—259
Иловайский С. И. 252
Ильин С. 382
Иннис М. 359, 366
Иогансен А. 196, 199—201, 204
Иолов 274
Исеев П. Ф. 273, 274

Кавелин А. А. 300
Кавелин К. Д. 115, 160, 162, 283, 287, 291
Кавелин П. А. 301
Кавелина Е. П. 299—321
Кадмина Е. П. 227, 228, 231
Кальдерон де ла Барка П. 94
Каменский А. В. 359
Кандинский В. Х. 323
Капелюш Б. Н. 398—406
Караказов Д. В. 271
Карамзин (Karamzine) Н. М. 113, 122, 134, 160, 319
Каратыгин П. А. 390
Карганова Н. О. 325
Карл (Charles) V, король 124, 136
Карл (Charles) VIII, король 123, 135
Карлгоф В. И. 80, 81
Карнаухова М. Г. 322
Карнеев М. В. 402, 405
Каронин С. 287
Карпов А. Д. («Аркадий») 232, 237, 239, 381—384, 394
Карпов Н. Д. 381 («мягкий Карпов») 382
Карцов В. С. 330
Кастальская Н. А. 225, 231
Кастальский А. А. 225, 226, 231
Кастальский А. Д. 223—231
Катенин М. И. 368
Катков М. Н. 179, 181, 210, 239, 370, 371, 379, 381, 384, 385, 388, 396
Катранов Н. Д. 248

Кетчер Н. Х. 350
Кийко Е. И. 162—165
Киреевский Н. В. 382, 384
Киреевский П. В. 163, 246, 247
Кирша Данилов 114, 163, 246
Кишинский Н. А. 347, 348, 350, 351, 357, 358, 360, 362, 366
Клевенский М. М. 208, 329
Клевер Ю. Ю. 405
Клеман М. К. 103, 169, 180, 182, 201
Клюшников В. П. 388, 390
Клюшников И. П. 233
Ковалевская С. В. 207, 322
Ковалевский Ег. П. 155
Ковалевский М. М. 209, 275
Кожевников Е. И. 330
Козлов Н. И. 262, 269
Козьмин Б. П. 166
Кокорев И. Т. 168, 169, 176
Колбасин Е. Я. 87, 148
Колзаков К. П. 328—329
Колзаков П. А. 328
Кольцов А. В. 79—83, 196, 204, 249
Комаров А. А. 110
Комиссаржевский Ф. Ф. 230
Комманвиль К. 351
Кони А. Ф. 284, 291, 322, 323
Константинович Д. 397, 398
Корнелий Непот 187
Корнфельд Г. К. 330
Корш В. Ф. 283, 285, 357, 366
Корш Е. Ф. 148
Костомаров Н. И. 392
Костромитов 233
Котельницкий А. 183
Котляровский И. П. 183
Коцюбинский М. М. 334
Кошиц Н. П. 231
Краевский А. А. 96, 115
Краинский В. А. 233, 235—237
Крамской И. Н. 276, 277—281
Кребильон П.-Ж. де 88
Крестовский В. В. 339
Кривенко С. Н. 287
Кривцов С. И. 373, 374
Кропоткин П. А. 210
Крылов В. А. 320, 321
Крюков А. Н. 323
Кубышкин И. М. 242
Кугельман Л. 86
Кудряшов П. Т. 296
Кузьмина Л. И. 208, 274—282, 410
Кукольник Н. В. 82, 335
Куколь-Яснопольская 262, 267
Кулешов 395
Куликов Н. И. 405
Кумани А. М. 276
Курбский А. М. 391, 392
Куссмауль А. 323
Лаверецкий Н. А. 276
Лавецарри А. К. 276
Лавров 233
Лавров П. Л. 207—209, 211, 223, 270, 271, 273, 274, 278, 322, 325, 353, 366, 411
Лафонтен (la Fontaine) Ж. 131, 143, 190, 191
Лебедев А. И. 330, 332
Лебедев В. Ф. 242
Левашов Н. В. 378, 380
Леве Ф. 352
Левин Ю. Д. 92, 167—177, 245, 329
Ледрю-Роллен А.-О. 88
Леже Л. 324, 326
Леман Ю. Я. 274, 276, 278, 281
Ленин В. И. 210, 225, 337
Леонтьев К. Н. 248
Лермонтов М. Ю. 95, 112, 146, 196, 204, 289, 335
Леру П. 110, 191
Лесков Н. С. 339
Лессинг Г.-Е. 186
Леткова (Султанова) В. П. 400
Лжедмитрий (faux Démétrius) 125, 137
Либрович С. Ф. 249
Липгарт Э. К. 278
Лист Ф. 193
Лихачев В. И. 365, 366
Лонгинов М. Н. 196
Лопатин Г. А. 322
Лопатин М. Н. 325
Лоран-Пиша (Laurent-Pichat) Л. 116
Лоренц В. И. 387
Лорис-Меликов М. Т. 210, 211
Лотман Л. М. 5—65, 160
Луи-Наполеон см. Наполеон III
Луканин Ю. А. 267—269
Луканина (рожд. Рыкачева) А. Н. 259—269, 270, 275
Луначарский А. В. 224
Лучицкая М. Ф. 151
Львов В. В. 344
Львова Е. В. 360, 365
Львовы, семья 344, 353, 366
Людовик VI Толстый (Louis le Gros), король 124, 136
Людовик IX Святой (saint Louis), король 124, 136
Людовик (Louis) XI, король 124, 136
Людовик (Louis) XIV, король 125, 137

Мабли (Mably) Г.-Б. 113
Мазон (Mazon) А. 66, 79, 192, 196, 367
Майков А. Н. 197

Макаров 106
Максимов С. В. 247
Малеин А. Ю. 187
Малибран (рожд. Гарсиа) М.-Ф. 190, 327
Малышев М. Е. 330, 331
Мальцев С. И. 232, 233, 235
Маляревская М. О. 362, 366
Мамин-Сибиряк Д. Н. 212—223
Мамина А. С. 212
Мамонов М. А. 109
Мамонтов С. И. 276
Манн Г. 334
Манн Т. 334
Маньян В. 322, 323
Мария Николаевна, вел. кн. 344, 366
Марков Е. Л. 376, 377
Маркс А. Ф. 335
Маркс К. 86
Маслов И. И. 383, 384, 401, 403
Матэ В. В. 276—278
Мейрер 344, 354, 366
Мейербер Д. 90, 193, 199
Мёллер В. 152
Мержеевский И. П. 323
Мёрике Э. 196—198, 200—202, 204
Мериме (Mérimée) П. 14, 245
Мещерский А. А. 326
Мещерский В. П. 210
Миклухо-Маклай Н. Н. 322, 363
Милютин Д. А. 210, 211, 295
Милютин Н. А. 240
Милютина М. А. 346, 366
Минин К. 379
Минский Н. (псевдоним Виленкина Н. М.) 270, 271, 278
Михаил Федорович Романов, царь 124 («Michel III»), 136 («Михаил III»)
Михайла, повар в Степановке 378, 380
Михайлов М. Л. 197
Мишле Ж. 116, 326
Моно Г. 326
Монталамбер (Montalembert) Ш.-Ф. 160, 161
Монтень М. де 90
Мопассан Г. де 286, 287
Морель 281
Морэн Ф. 116
Мостовская Н. Н. 282—292
Мочалов П. С. 388, 390
Мошин А. Н. 296, 297
Муравьев А. З. 109
Муравьев М. Н. 388, 390
Муравьев Н. М. 109
Муратов А. Б. 165—167, 250—251
Муромцев М. В. 109
Муромцев М. М. 109
Мурье Ж. 97
Мусоргский М. П. 223, 224
Мухортов З. Н. 344, 357, 366
Мюллер, банкир 344, 347, 366

Н. М. 222
Назарова Л. Н. 114, 170, 212—223, 251—259, 290
Наполеон I, имп. 392
Наполеон III, имп. 86, 91 («Луи-Наполеон»), 392
Нарышкин А. И. 373, 374, 382 («Алексей Ив.»), 384, 393
Нарышкин С. А. 382, 384, 393, 395
Неверов Я. М. 234
Незнакомец см. Суворин А. С.
Нейдгард В. А. 253
Некрасов Н. А. 6, 106, 195, 242, 245, 247, 249, 340, 360, 385, 386, 406
Неусыхин А. И. 134
Нижегородцев М. Н. 323
Никитенко А. В. 85
Никитин И. С. 224
Никитина Н. С. 281, 408—411
Николай (Nicolas) I, имп. 116, 118, 121, 133, 257, 328
Николай Николаевич, вел. кн. 209
Никольский Ю. 331
Никонова Т. А. 66—78, 86—92
Новосильцев И. П. 385, 386
Новосильцев П. П. 391 («Петр Петрович»), 392
Новосильцевы, семья 391

Обер Д.-Ф.-Э. 199
Оболенский Д. А. 145
Огарев Н. П. 119
Огарева-Тучкова Н. А. 326
Одоевский В. Ф. 80, 82, 295
Онегин А. Ф. 280, 281, 327, 352, 353, 366, 408—411
Оппенгейм Г.-Б. 116
Орлов Н. А. 208, 209, 261, 262, 266, 272, 273, 276, 277, 409
Орнатская Т. И. 97—103, 240—250
Осипов Н. П. 183
Основский Н. А. 155
Островская Н. А. 99, 102—104, 168, 172, 173
Островский А. Н. 227, 288, 388, 390, 398

П. см. Пыпин А. Н.
Павел (Paul) I, имп. 124, 136, 256
Павленков Ф. Ф. 165—167
Павлищевы, семья 379
Павлов И. В. 235, 238
Павлов Л. В. 87, 113
Павловский И. Я. 270, 271, 411

Панаев И. И. 6, 247, 295
Параша, жена крестьянина Дмитрия 118
Пассенан (Passenans, псевдоним П. Дюкре) 108, 109, 136, 137
Пасынков М. 242
Перетц В. Н. 105
Перминов Г. Ф. 169, 180
Перов В. Г. 384
Перовская С. Л. 322
Перовский Л. А. 109
Перро Ш. 249
Петр (Pierre le Grand) I, имп. 120, 124, 132, 136, 389
Петрашкевич С. П. 174, 208
Петров А. 290
Петров В. 183
Петрово-Соловово М. Ф. 110
Пиксанов Н. К. 207
Пиленко О. В. 253
Писарев Д. И. 165—167, 340
Писемский А. Ф. 106, 107, 324, 348, 366, 381—383
Пич Л. 85, 168—175, 180, 197, 250, 346, 347, 350, 354, 366
Планкет Р. 398
Платон (Platon) 127, 139
Плетнев П. А. 79—83
Плетнева А. В. 356, 359, 366
Плещеев А. А. 390
Плещеев А. Н. 149, 238
Плошю Э. 344, 354, 366
Победоносцев К. П. 210, 211, 290
Погодин М. П. 161, 199, 392
Пожарский Д. М. 379
Покорский-Жоравко А. 158
Полевой Н. А. 114
Поленов В. Д. 276
Полонская Ж. А. 289, 399, 400, 404—406
Полонская (в замуж. Елачич) Н. Я. 404
Полонский А. Я. 404
Полонский Б. Я. 404
Полонский Я. П. 98, 199, 243, 290, 347, 349, 353, 355, 359, 360, 362, 366, 391, 392, 398—406
Полторацкая Э. С. 354, 366
Полторацкий С. Д. 347
Поль Р. 196, 200—204
Полякова А. А. 202
Поме (Pomey) Л. 191, 204
Попов С. 202
Попова Е. М. 293
Похитонов И. П. 276, 278
Пржепиорский Л. И. 276
Привалова М. И. 332
Прокофьев С. С. 231
Прудон (Proudhon) П. 88, 113, 119
Прянишников И. П. 276, 278
Псишари Ж. 154
Псишари (Psichari) г-жа 153
Пугачев (Pougatcheff) Е. И. 119, 131, 143
Пушкин (Pouchkine) 79, 80, 82, 94, 112, 143, 156, 186, 192, 194—196, 201, 204, 288, 295, 301, 323, 335, 343, 370, 371, 389, 391, 392, 402, 406, 407
Пыпин А. Н. 92, 263—265 («П»), 278, 282, 355

Рабинович М. Б. 207—212, 278
Рагозин Е. И. 87
Рамм В. 195
Рафалович А. Г. 406
Рафалович М. 406—407
Рафаэль 379
Рахманинов С. В. 231
Рашель Э. 90, 400
Рашет Н. Н. 249
Рейне А. А. 255, 256 («Амалия Андреевна»)
Рейсер С. А. 330
Рейхель М. К. 148
Ренан Э. 153, 154
Репин И. Е. 276, 278
Репчанская Е. О. 203, 204
Решетников Ф. М. 337
Ржевский В. К. 162, 232—239
Рибера Х. 7
Риль В. 159
Римский-Корсаков Н. А. 223, 224, 229
Риттер (Ritter) К. 250—251
Рихтер Е. Д. 262, 267
Рихтер К. 344, 350, 366
Ришпен Ж. 322
Робеспьер М. 87
Ровнякова Л. И. 248
Роденберг Ю. 361, 362
Родионов И. Р. 369, 371
Родиславский В. И. 315
Розанов 386
Розанов И. Н. 208
Рольстон В. 242, 248, 350, 353, 366
Романн Р. Ф. 274, 278, 282
Романовы (Romanoff), династия 124, 125, 136, 137
Россини Д.-А. 199
Рубан В. 183
Рубинштейн А. Г. 223
Русов А. А. 360, 366
Рутцен Н. К. 235
Рыбников П. Н. 162—165
Рыкачев Н. Н. 267
Рюрик (Rurick) 123, 125, 135, 137

Саблер В. Ф. 378, 380

Сабуров А. А. 247
Савина М. Г. 398—406
Садовников Д. Н. 209, 247
Саитов В. И. 293
Сакс А. Я. 271
Салаев Ф. И. 79, 174, 182, 357, 358, 366
Салтыков-Щедрин М. Е. 212, 219, 220, 284, 287, 288, 340, 342, 343, 360, 366
Санд (Sand) Ж. 110, 189—191, 249, 349, 352, 354, 366
Санковский В. 183
Сахаров И. П. 114, 163, 246
Сахновский Ю. 231
Сведенцов Н. И. 402
Сей (Say) Ж.-Б. 113, 138
Семеновский М. М. 144, 145, 209, 257, 295
Семенов Тян-Шанский П. П. 251
Сенковский О. И. 82
Серафимович А. С. 334
Серебряков И. Н. 347, 366
Серебряков П. М. 344, 348
Серов А. Н. 193, 206
Сийес (Sieyès) Э.-Ж. 113
Симон А. А. 369, 371, 381, 396, 397
Симон Ж. 344, 351, 365
Сиркур А. де. 176
Скабичевский А. М. 340
Скаррон П. 183
Скворцов В. К. 324
Скворцова-Михайловская Н. К. 322—327
Скобелев И. Н. 80, 81
Скрябин А. Н. 231
Сладкевич Н. Г. 159
Слонимский Л. З. 283
Случевский К. К. 178, 306, 338
Смирнов С. И. 105
Смолянов И. Д. 277
Снегирев И. М. 114, 246
Соболевский С. А. 295
Соколов 389
Соколов И. 390
Соколов П. 390
Соколов Ю. М. 208
Солдатенков К. Т. 344, 350, 366
Соллогуб В. А. 361, 366
Соллогуб (рожд. Шеншина) М. В. 382, 384
Соллогуб С. С. 382, 384
Соловьев И. Г. 179
Соловьев С. М. 115, 160, 162
Сологуб Ф. 105
Сомов А. С. 254 («Александр Сергеевич»), 256, 257
Сомов С. Н. 254
Сомова Д. С. 254
Сомова Е. С. 255, 256 («Евпраксия Сергеевна»)
Сомова Н. С. («Надя») 252, 253, 256
Сомова (рожд. Тургенева) О. А. («мать») 251—259
Сомова О. С. 254, 256 («Ольга»)
Станкевич А. В. 344, 363, 366
Станкевич Н. В. 233
Станюкович К. М. 283, 285, 287, 335—343
Станюкович Л. Н. 285
Стасов В. В. 248, 280, 283
Стасюлевич М. М. 167, 168, 170, 171, 209, 276, 278, 280, 282—292, 331, 356, 357, 358, 360, 364—366
Стеклов Ю. М. 380
Стенбок-Фермор В. В. 255
Степанова Г. В. 144—145, 329—332
Стравинский И. Ф. 231
Строганов П. 385
Строганов С. Г. 210
Ступель А. М. 223—231, 298—299
Суворин А. С. 279, 280, 284
Суворов А. А. 240
Султан-Шах М. П. 406—407
Сумцов Н. Ф. 104
Суханов М. Д. 163
Сухомлинов М. И. 335
Сухотин С. М. 370, 371, 381, 382, 393, 394
Сухотины, семья 394
Сципионы (Scipions) 127, 139

Танеев С. И. 224, 322
Тарасова М. В. 112
Тацит 187
Тено (Ténot) Е. 86
Терентий 382
Терещенко А. В. 114, 246
Тетеревникова Н. Н. 144
Тиандер (Tiander) К. Ф. 150
Тимашев А. Е. 276
Токвиль (Toucqueville) А. 160, 161
Толлер Э. 334
Толстая М. Н. 370 («сестра Толстых») 371, 389
Толстая (рожд. Берс) С. А. 369 («графиня»), 371, 381 («Льва Николаевича жена»), 396
Толстая Т. Л. 398
Толстой Е. Н. 386
Толстой Л. Н. («Лев Николаевич») 92, 154, 159, 179, 180, 219, 226, 249, 257, 258, 288, 299, 336, 339, 340, 369, 371, 374, 376, 377, 381, 385—387, 389, 394, 396—398, 400
Толстой С. Л. 381 («Сергей»), 382, 387 («маленький сын»), 389
Толстой С. Н. 381, 382, 389

Топоров А. В. 201, 209, 290, 356, 357, 358, 363, 365, 366, 399
Третьяков П. М. 363
Третьяков С. М. 402, 403
Трофимов И. Т. 342
Тургенев А. И. 112
Тургенев А. М. («Александр Михайлович») 252, 253, 256—259
Тургенев А. Н. 407 («M. Albert», «г. Альбер»)
Тургенев Н. И. 112, 113, 162, 257, 259, 345, 346, 366, 406
Тургенев Н. Н. («Николай Николаевич») 356, 366, 370 («ваш дядя»), 371, 376, 381, 383
Тургенев Н. С. 244, 345, 346, 363, 364, 366
Тургенева В. П. 93, 94, 97
Тургенева К. 259, 345, 406
Тургенева Ф. Н. 406, 407
Туцевич О. Б. 251
Тэн И. 241
Тюнеев Б. 230
Тюркети Э. 192, 196, 198, 204
Тютчев Н. Н. 353, 366
Тютчев Ф. И. 185, 186, 196, 204, 349, 366, 368, 372, 384

Удинцев Б. Д. 219
Уланд Л. 191
Унковский А. М. 322
Упанова А. М. 242
Урусов А. И. 283
Усов Д. 195
Успенский Гл. И. 287, 288, 344, 359, 366
Уссе (Houssaye) А. 116
Устрялов Н. Г. 112
Утевский Л. С. 331

Фарнгаген фон Энзе (Varnhagen) К. 115, 116
Фатеева А. А. 242
Федина В. С. 398
Федор (Fédor) Иванович, царь 125, 137
Фельтен Ю. М. 281
Феррар дель Рио А. 118
Фет А. А. 185, 192, 195, 196, 204, 247, 370—398
Фет (рожд. Боткина) М. П. («Марья Петровна») 323, 372, 373, 380, 385, 386, 390, 393, 395
Фидий 379
Филипп II Август (Philippe-Auguste), король 124, 136
Филиппов Т. И. 247
Филипсон Г. И. 388, 390
Философова А. П. 359, 366
Финч (Finch) Ч.-Е. 184
Флобер Г. 86, 87, 243, 344, 348, 349, 351, 352, 359, 360, 366
Фонвизин М. А. 109
Фонякова Н. Н. 406
Францев В. А. 367, 368
Фредерикс Л. А. 270
Фридлендер Л. 170, 350, 355, 366
Фрикстедт (Fryckstedt) О.-В. 356
Фрич И. 367
Фукье Ф.-А. 286

Хавский П. В. 145
Ханыков Н. В. 250, 251, 356, 365, 366
Хин Р. М. 270, 272
Харламов А. А. 208, 274, 276, 278, 280, 281
Хвостов 233
Хлодвиг (Clovis), король 123, 135
Хмелевская Е. М. 343—366, 369—407
Хмелевская Н. А. 343—366
Хок (Hock) Э. 169
Холодняк И. И. 187
Холт Г. 353, 366
Хомяков А. С. 146, 147
Хоуэллс В. 356, 366

Цвейг А. 334
Цвейг С. 334
Цион И. Ф. 274
Цицерон 187
Цуриков А. С. 232, 233, 235, 236
Цуриков П. Н. 390
Цурикова, родственница П. Н. Цурикова 388

Ч. см. Чернышевский Н. Г.
Чайковский Н. В. 285, 286
Чайковский П. И. 204, 223, 224, 227—230, 298, 344, 346, 347, 366
Черкасский В. А. 160—162, 234, 237, 238
Чернов Н. М. 382
Чернышевская Н. М. 263
Чернышевская О. С. («Ольга Сократовна») 264, 265
Чернышевский А. Н. 263—266
Чернышевский М. Н. 265 («Миша»)
Чернышевский Н. Г. 159, 160, 162, 167, 263—265, 379—381, 383, 384
Чивилев Б. А. 275, 361
Чиркин 233
Чистова И. С. 103—107, 204—207, 408
Чичерин Б. Н. 147—149, 160, 162, 232, 238

Шамиль 370, 371
Шамро (рожд. Виардо) К. 329, 345, 366

Шарко Ж.-М. 322, 323, 324
Шарыпкин Д. М. 150—155
Шатилов И. Н. 344, 350, 366
Шварц Ф. 332—335
Шевченко Т. Г. 359, 362
Шейн П. В. 105, 246, 247
Шекспир В. 221, 227
Шеншин 233, 237
Шеншин А. Н. («Александр Никитич») 378, 380—382, 387, 389, 393
Шеншин В. А. («Владимир Александрович») 369, 371, 382, 383
Шеншин Н. Н. («Николай Николаевич») 377—380, 382
Шеншин П. А. («Петр Афанасьевич») 374, 376, 383
Шеншина (рожд. Карпова) Е. Д. 378
Шеншина Е. Н. 378
Шеншина Л. А. 378, 389
Шеншина М. Н. 378
Шереметев, гр. 111
Шереметев А. В. 393, 395
Шереметьев В. 281
Шершеневич И. 183, 184
Шилов А. А. 322
Шиндлер А. Н. 278
Шишкин Н. И. 390
Шмидт 240
Шмидт Э. 344, 361, 362, 366
Шмидт Ю. 171, 173, 185, 347, 350, 351
Шнейдер-Брайар М. 332—335
Шнеевейс (Schneeweis) Э. 240
Шнейдерман И. И. 399, 402
Шницлер (Schnitzler) Н.-Г. 113, 134, 135
Шопен (Chopin) Фр. 190, 191
Шпильгаген Ф. 150
Штейбен (Steuben) В. 174
Шуберт Ф. 190, 191, 197
Шубинский С. Н. 305
Шульгин В. И. 259—266
Шульгин Л. К. 390
Шульце (Schultze) Хр. 167, 169
Шумаков Ю. Д. 332—335
Шуман Р. 197
Шюценбергер 322

Щепкин Н. А. 365, 366, 399
Щербань Н. В. 249, 371
Щербина Н. Ф. 6
Щетовитов 233

Эбрар А. 344, 349, 366
Эдмон Ш. 349
Эльсберг Я. Е. 342
Эльстер К. 152
Энгель Ю. 231
Энгельс Ф. 86
Эритт-Виардо Л. 344, 360, 366
Эрленвейн А. А. 104
Эртель А. И. 283, 287—290
Этцель Ж. 346, 347, 349, 351, 355, 366

Юрьев С. А. 315

Я. Я. 109
Яворская Н. В. 405
Языков М. А. (ум. 1883) 293, 294
Языков М. А. (ум. 1885) 293—298
Языкова А. М. 293
Языкова Д. И. 294
Языкова (рожд. Белавина) Е. А. 293, 294, 296
Языкова М. М. 293
Якоб (Jacob) Л. 113
Якоби П. 323
Яковлев В. 204
Якушкин И. Д. 109

Barrot O. 87

Castille H. 87
Chérest A. 87

Du Camp M. 87
Duméril E. 197

Fiord-Jensen J. 150
Fitzlyon A. 204

Guizot F. 136

Harrion R.-J. 285

Krüger P. 150

Lefranc P. 86

Maistre X. de 204
Marix—Spire T. 189, 190
Maurois A. 143

Nolin B. 150

Oda W.-H. 116

Parturier M. 245
Péchoux P. 113
Pierre V. 87

Read H.-Ch. 204
Rembrandt 7
Rotteck K. 134

Silvestre A. 204
Strmeki J. 285

Thompson C.-L. 187
Tiziano 7

Vermorel A. 87

Ziegengeist G. 175

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Стр.

«Ася». Страница чернового автографа. 1857. Национальная библиотека (Париж) . . . 11

«Человек в серых очках». Страница чернового автографа. 1879. Национальная библиотека (Париж) . . 89

Тургенев (отмечен крестиком) с группой охотников в избе крестьянина Дмитрия (в Новгородской губернии). Рисунок из журнала «Illustration» (1844) 117

О. А. Тургенева (Сомова). Фотография 60-х годов. Институт русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР (Ленинград) 255

Обложка журнала «Стрекоза» (1883, № 39). По рисунку М. Е. Малышева . . . . 328—329

‹Тургенев в подземном царстве›. Литография с рисунка М. Е. Малышева, помещенная в журнале «Стрекоза» (1883 № 49) 328—329

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Предисловие 3

ТЕКСТЫ

«Ася». Черновой автограф (*Л. М. Лотман*) 5
«Из-за границы. Письмо первое». Черновой автограф (*Т. А. Никонова*) 66
«Литературный вечер у П. А. Плетнева». К творческой истории очерка (работа над рукописями) (*И. А. Битюгова*) 79
«Человек в серых очках». Работа Тургенева над рукописями очерка (*Т. А. Никонова*) . 86

МАТЕРИАЛЫ И КОММЕНТАРИИ К ПРОИЗВЕДЕНИЯМ И. С. ТУРГЕНЕВА

«Параша» и «Разговор». Ранние отзывы о поэмах (*В. А. Громов*) 93
«Реформатор и русский немец». Неосуществленный замысел (*Т. И. Орнатская*) 97
«Землеед». К истории замысла (*И. С. Чистова*) 103
Записка Тургенева 1857 г. о крепостном праве (*Т. П. Ден*) . . . 107
Письмо Тургенева о смерти Н. В. Гоголя. Из истории публикации (*Г. В. Степанова*) 144
«Дворянское гнездо». О реальной основе образа Паншина (*Г. Н. Антонова*) 146
Этюд Г. Брандеса «Лаврецкий» (*Д. М. Шарыпкин*) 150
«Несколько мыслей о современном значении русского дворянства». Неоконченная статья Тургенева (*Т. П. Голованова*) 155
«Дым». Роман Тургенева и русские былины в записях П. Н. Рыбникова (*Е. И. Кийко*) 162
«Дым». Ф. Ф. Павленков о романе Тургенева (*А. Б. Муратов*) 165
О предисловии к русскому изданию романа Б. Ауэрбаха «Дача на Рейне» (*Ю. Д. Левин*) 167
«По поводу „Отцов и детей“». Обоснование датировки (*А. И. Батюто*) 177
«Вешние воды». Латинские ссылки в повести Тургенева (*А. Н. Егунов*) 182
Стихотворные тексты для романсов Полины Виардо (*М. П. Алексеев*) 189
Комментарий к французским стихотворениям Тургенева (*И. С. Чистова*) 204
О статье Тургенева «Alexandre III» (*М. Б. Рабинович*) 207
Тургенев и Д. Н. Мамин-Сибиряк (*Л. Н. Наварова*) . . . 212
Опера «Клара Милич» А. Д. Кастальского (*А. М. Ступель*) 223

Стр.

КОММЕНТАРИИ К ПИСЬМАМ И. С. ТУРГЕНЕВА И БИОГРАФИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ

Корреспонденты Тургенева 1858—1861 гг. в перлюстрациях III Отделения (*В. А. Громов*) 232
Фольклористические интересы Тургенева (*Т. И. Орнатская*) . . 240
Письмо-воспоминание Тургенева о К. Риттере (1871 г.) (*А. Б. Муратов*) 250
Воспоминания Е. С. Иловайской (Сомовой) о Тургеневе (*Л. И. Назарова*) 251
Тургенев, А. Н. Луканина и А. Н. Чернышевский (*В. Н. Шульгин*) 259
Тургенев и «лавровская история» (*Е. А. Гитлиц*) 270
Посол от русской интеллигенции. К организации «Общества взаимного вспоможения и благотворительности русских художников в Париже» (*Л. И. Кузьмина*) 275
Тургенев и газета М. М. Стасюлевича «Порядок» (*Н. Н. Мостовская*) 282
Тургенев, М. А. Языков и Н. Г. Бунин (*В. А. Громов*) . . . 293
Из воспоминаний русского музыканта о Тургеневе (*А. М. Ступель*) 298
Воспоминания Е. П. Кавелиной о Тургеневе (*Н. Ф. Буданова*) 299
Воспоминания Н. К. Скворцовой-Михайловской о Тургеневе (*Р. Б. Заборова*) 322
Воспоминания современника о похоронах Тургенева (*В. П. Вильчинский*) 328
Из откликов на смерть Тургенева (*Г. В. Степанова*) . . 329
Фридрих Шварц — переводчик Тургенева (*Ю. Д. Шумаков*) 332
Тургенев и К. М. Станюкович (*В. П. Вильчинский*) 335
Утраченные письма И. С. Тургенева (1871—1876) *Н. А. Хмелевская* 343

ПИСЬМА К И. С. ТУРГЕНЕВУ И ПИСЬМА О НЕМ

Вацлав Ганка (*Н. В. Измайлов*) . 367
И. П. Борисов (*Н. А. Хмелевская*) . . . 369
Д. В. Григорович. Письма к Тургеневу и Я. П. Полонскому (*Б. Н. Капелюш*) 398
Письмо М. Рафалович к К. Тургеневой о Тургеневе (*М. П. Султан-Шах*) 406
Тургенев в письмах В. В. Верещагина к А. Ф. Онегину (*Н. С. Никитина*) 408

Условные обозначения и сокращения 412

Указатель произведений И. С. Тургенева 415

Указатель имен 417

Список иллюстраций 427

ТУРГЕНЕВСКИЙ СБОРНИК

МАТЕРИАЛЫ К ПОЛНОМУ СОБРАНИЮ СОЧИНЕНИЙ И ПИСЕМ И. С. ТУРГЕНЕВА. IV

Утверждено к печати
Институтом русской литературы
(Пушкинский дом)

Редактор издательства *А. Л. Лобанова*
Художник *М. И. Разулевич*
Технический редактор *И. М. Татаринова*
Корректоры *Е. В. Вивчар, Р. Г. Гершинская, А. И. Кац, Э. В. Коваленко* и *Н. З. Петрова*

Сдано в набор 12/XII 1967 г. Подписано к печати 10/VI 1968 г. РИСО АН СССР № 5-151В. Формат бумаги 60 × 90¹/₁₆. Бум. л. 13⁹/₁₀. Печ. л. 27+1 вкл. (¹/₈ печ. л.). = 27.12 усл. печ. л. Уч.-изд. л. 30.79. Изд. № 3686. Тип. зак. № 701. М-14880. Тираж 3000. Бумага типографская № 1.
Цена 2 р. 15 к.

Ленинградское отделение издательства «Наука»
Ленинград, В-164, Менделеевская лин., д. 1

1-я тип. издательства «Наука». Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

в магазинах конторы «Академкнига»
имеются в продаже

Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем. Письма. В тринадцати томах.

Т. 1. Письма (1831—1850). 1961. 711 стр. 40 к.
Т. 2. Письма (1851—1856). 1961. 718 стр. 40 к.
Т. 3. Письма (1856—1859). 1961. 730 стр. 40 к.
Т. 4. Письма (1860—1862). 1962. 733 стр. 1 р. 50 к.
Т. 5. Письма (1862—1865). 1963. 775 стр. 1 р. 50 к.
Т. 6. Письма (1865—1867). 1963. 638 стр. 1 р. 50 к.
Т. 7. Письма (1867—1869). 1964. 618 стр. 1 р. 50 к.
Т. 8. Письма (1869—1871). 1964. 618 стр. 1 р. 50 к.
Т. 9. Письма (1871—1872). 1965. 650 стр. 1 р. 50 к.
Т. 10. Письма (1872—1874). 1965. 736 стр. 1 р. 50 к.
Т. 11. Письма (1875—1876). 1966. 724 стр. 1 р. 50 к.
Т. 12. Книга 1. Письма (1876—1878). 1966. 759 стр. 1 р. 50 к.
Т. 12. Книга 2. Письма (1879—1880). 1967. 452 стр. 1 р. 50 к.

Описание рукописей и изобразительных материалов Пушкинского дома.
Т. 4. И. С. Тургенев. 1958. 379 стр. 1 р. 96 к.

Бюллетень рукописного отдела Пушкинского дома.
Вып. 1. 1947. 93 стр. 90 к.
Вып. 9. 1961. 206 стр. 1 р. 19 к.

Вопросы текстологии. Сборник статей.
Вып. 1. 1957. 466 стр. 40 к.
Вып. 2. 1960. 275 стр. 25 к.

История русского романа. В двух томах.
Т. 1. 1962. 627 стр. 2 р. 45 к.
Т. 2. 1964. 640 стр. 2 р. 45 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

В магазинах конторы «Академкнига» имеются в продаже

История русской литературы. В десяти томах.

Т. 8. Часть 1. Литература 60-х годов. 1956. 636 стр. 1 р.

Т. 8. Часть 2. Литература 60-х годов. 1956. 511 стр. 1 р.

Т. 9. Часть 2. Литература 70—80-х годов. 1956. 627 стр. 1 р.

История русской литературы. В трех томах.

Т. 2. Литература первой половины XIX века. 1963. 918 стр. 2 р. 56 к.

Т. 3. Литература второй половины XIX—начала XX века. 1964. 903 стр. 2 р. 50 к.

Литературный архив. Материалы по истории литературы и общественного движения.

Т. 5. 1960. 364 стр. 1 р. 57 к.

Т. 6. 1961. 482 стр. 2 р. 10 к.

Основы текстологии. 1962. 500 стр. 2 р. 20 к.

Пруцков Н. И. Русская классическая литература и наша современность. 1965. 248 стр. 68 к.

Заказы на книги издательства **«Наука»**

направляйте в магазины **«Книга — почтой»**

конторы **«Академкнига»**:

Москва, В-463, Мичуринский пр., 12;
Ленинград, Д-120, Литейный пр., 57.

Адреса магазинов «Академкнига» в других городах:

Свердловск, ул. Мамина-Сибиряка, 137; *Новосибирск,* Красный пр., 51; *Иркутск, 33,* ул. Лермонтова, 303; *Киев,* ул. Ленина, 42; *Харьков,* Уфимский пер., 4/6; *Алма-Ата,* ул. Фурманова, 91/97; *Баку,* ул. Джапаридзе, 13; *Душанбе,* пр. Ленина, 95; *Ташкент,* ул. Шота Руставели, 43, *Ташкент,* ул. К. Маркса, 29; *Уфа,* 55, пр. Октября, 129; *Уфа,* Коммунистическая ул., 49; *Фрунзе,* бульв. Дзержинского, 41.